372805

Л.С. РОГАЧЕВСКАЯ

ЛИКВИДАЦИЯ БЕЗРАБОТИЦЫ В СССР 1917-1930

63.5(2)61-2
Р59

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ СССР

Л. С. Рогачевская

ЛИКВИДАЦИЯ БЕЗРАБОТИЦЫ В СССР 1917—1930 гг.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Москва 1973

В монографии исследуется сложный и многогранный процесс ликвидации безработицы в СССР. На основе большого фактического материала, выявленного в центральных и местных архивах, в значительной части впервые вводимого в научный оборот, в работе дается общая характеристика состояния безработицы к 1917 г., выясняются причины ее существования в СССР в течение определенного этапа переходного периода от капитализма к социализму, выявляются характерные ее черты и специфические особенности, анализируются основные этапы борьбы с безработицей.

В книге освещена политика и практическая деятельность Коммунистической партии и Советского правительства в осуществлении ленинского плана построения социализма — индустриализации, коллективизации сельского хозяйства и культурной революции,— обеспечившего полную ликвидацию безработицы в Советском Союзе.

Ответственный редактор
член-корреспондент АН СССР
М. П. КИМ

Обласная бібліотека
імя У. І. ЛЕНІНА
г. Вітебск

ВВЕДЕНИЕ

Значение темы и предмет исследования

Ликвидация безработицы в СССР — немеркнущая страница истории социалистического строительства в первой республике труда. В Советской Конституции записано великое право трудящихся СССР на труд. Это право обеспечивается социалистической организацией народного хозяйства, неуклонным ростом производительных сил общества, устранением возможности хозяйственных кризисов, ликвидацией безработицы.

13 лет потребовалось Коммунистической партии и Советскому правительству, чтобы навсегда уничтожить безработицу. Опыт борьбы советского народа с безработицей с 1917 по 1930 г.— драгоценный, увенчавшийся полным успехом эксперимент решения одной из самых трудных социально-экономических проблем человечества. С ликвидацией безработицы был уничтожен бич рабочего класса, дамоклов меч, и поныне висящий над трудящимися в странах капитала.

Излишнее население, промышленная резервная армия, массовая хроническая безработица — эти понятия, за которыми стояли и стоят неисчерпаемые бедствия рабочего класса и всех трудящихся, появились с развитием капитализма.

Научно объяснил и обосновал появление «излишнего населения» Карл Маркс. В своем гениальном труде «Капитал» он показал, что спрос на рабочую силу в капиталистическом обществе определяется размером не всего капитала, а только его переменной части. По мере увеличения капиталовложений и развития научно-технического прогресса изменяется органический состав капитала: постоянная его часть растет значительно быстрее переменной. Поэтому с накоплением капитала, с изменением его органического строения спрос на рабочие руки относительно сокращается, часть рабочего населения оказывается излишней [1]. Капиталистическая рационализация производства, по теории Маркса, его концентрация и централизация ведут в конечном итоге к сокращению рабочей силы. Вытесненные машиной из производства рабочие, составляя промышленную резервную армию, являются, таким образом, продуктом капиталистического общества. При капитализме безработица представляет собой массовое, по-

[1] См. *К. Маркс.* Капитал, т. I. М., 1969, стр. 641—646.

стоянное и периодически усиливающееся явление, характерное для процесса развития капиталистического общества.

К. Маркс доказал в то же время, что безработица — это не только продукт капиталистического общества, но и средство его дальнейшего развития. Армия безработных является необходимой принадлежностью капиталистического хозяйства, без которой оно не может ни существовать, ни развиваться. Во время промышленного подъема, когда наступает стабилизация капитализма и идет расширение производства, к услугам предпринимателей оказывается достаточное количество безработных. В результате роста производства безработица временно уменьшается до нового кризиса перепроизводства, который снова выбрасывает на улицу массы рабочих и пополняет резервную армию труда.

Этот круговорот рабочей силы является законом капиталистического развития, одной из его движущих сил. Для капитала необходима постоянная промышленная резервная армия, которая может быть использована при всяком внезапном расширении сферы производства. Армия безработных является важнейшим рычагом капиталистического накопления, условием существования капиталистического способа производства.

Такая же точка зрения была высказана Фридрихом Энгельсом в его книге «Положение рабочего класса в Англии». Он писал, что капиталистическая промышленность «должна иметь во всякое время, за исключением кратких периодов высшего процветания, незанятую резервную армию рабочих,— для того, чтобы иметь возможность производить массы товаров, требуемых рынком в наиболее оживленные месяцы. Эта резервная армия расширяется или суживается, смотря по состоянию рынка, дающего занятие большей или меньшей части ее членов» [2].

Научные выводы Маркса и Энгельса об избыточном населении, порождаемом капиталистическим строем, о происхождении промышленной резервной армии были развиты В. И. Лениным в его работах «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», «К характеристике экономического романтизма», «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве», «Развитие капитализма в России», «Что делать?», «Карл Маркс» и др. В. И. Ленин подчеркивал, что безработица — это результат действия абсолютного, всеобщего закона капиталистического накопления, в основе которого лежит изменение органического строения капитала в направлении более быстрого роста постоянной его части по сравнению с переменной.

«Накопление капитала,— писал В. И. Ленин,— ускоряя вытеснение рабочих машиной, создавая на одном полюсе богатство, на другом нищету, порождает и так называемую «резервную рабочую армию», «относительный избыток» рабочих или «капита-

[2] *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 2, изд. 2-е М., 1955, стр. 320.

листическое перенаселение»»[3]. Эту мысль Ленин высказывал неоднократно. Еще в работе «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» он подчеркивал, что с развитием капитализма все быстрее растет богатство и роскошь, с одной стороны, и ухудшается положение рабочего, с другой стороны, «экспроприация усиливается и безработица становится нормой»[4].

Разъясняя и обосновывая марксистскую теорию о причинах возникновения безработицы в капиталистическом обществе, о ее природе и характере, В. И. Ленин особенно обстоятельно останавливался на вопросе о коренных причинах существования промышленной резервной армии при капитализме. Ленин писал, что избыточное население, «будучи необходимым результатом капиталистического накопления, является в то же время *необходимой составной частью* капиталистического механизма»[5]. В работе «Развитие капитализма в России» Ленин доказал, что: «Условием существования и развития крупной машинной индустрии становится образование громадной резервной армии безработных и готовых взяться за всякую работу людей»[6]. Причем Ленин прямо писал, что колебания в спросе на рабочих в зависимости от кризисов или периодов процветания являются законом капиталистического производства, «которое *не могло бы существовать*, если бы не было избыточного населения (т. е. превышающего *средний* спрос капитализма на рабочих), готового в каждый данный момент доставить рабочие руки для любой отрасли промышленности или для любого предприятия»[7].

Резервная армия труда позволяет капиталу чрезвычайно усиливать эксплуатацию пролетариата. Она в значительной степени обеспечивает проведение драконовских законов капитализма с его железной дисциплиной голода и нищеты. Еще в 1895 г. В. И. Ленин, объясняя появление на капиталистических предприятиях хищнических законов о штрафах, писал: «...хозяин вовсе не дорожит рабочим, потому что ему легко найти всегда другого из толпы безработных, готовых наняться к кому угодно. Таким образом, власть хозяина над рабочими усиливается, и хозяин пользуется этой властью, загоняет рабочего в строгие рамки фабричной работы штрафами»[8].

Наличие хронической массовой безработицы дает возможность предпринимателям в огромной степени усиливать интенсивность труда на предприятиях. Карл Маркс подчеркивал: «Чрезмерный труд занятой части рабочего класса увеличивает ряды его резервов, а усиленное давление, оказываемое конкуренцией последних

[3] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 26, стр. 65.
[4] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 1, стр. 334.
[5] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 2, стр. 172.
[6] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 3, стр. 546.
[7] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 2, стр. 172.
[8] Там же, стр. 58—59.

на занятых рабочих, наоборот, принуждает их к чрезмерному труду и подчинению диктату капитала»[9].

Наличие за заводскими воротами промышленной резервной армии позволяет капиталистам набирать новых, более сильных и здоровых людей. В связи с этим возрастает неуверенность занятых рабочих в завтрашнем дне, она заставляет их идти на уступки, соглашаться на новые требования предпринимателей.

Хроническая массовая безработица резко ухудшает материальное положение рабочего класса в целом. Предприниматели используют ее для сокращения заработной платы занятых рабочих. В. И. Ленин подчеркивал, что чем дальше развивается капитализм, тем острее становится безработица и увеличивается возможность снижать заработную плату[10]. Кроме того, безработица сокращает общие доходы рабочей семьи, так как уменьшается число работающих.

Массовая безработица не только снижает материальный уровень рабочего класса, но и влияет на положение крестьянства. Она сужает внутренний рынок и уменьшает спрос жителей городов на продукцию сельского хозяйства. Кроме того, резервная промышленная армия ухудшает положение на рынке труда и затрудняет вовлечение в промышленность крестьян, бегущих от нищеты в город. С ростом городской безработицы возрастает аграрное перенаселение и пауперизация крестьянства.

Безработица — это бич самых широких слоев трудового народа. В. И. Ленин, работая над программой партии (начиная с ее первого варианта, разрабатывавшегося в середине 90-х годов), подчеркивал тезис о том, что безработица охватывает широкие трудящиеся массы, что от нее страдает весь трудовой народ. Критикуя второй плехановский проект программы (1902 г.), В. И. Ленин, в частности, подчеркивал, что безработица становится уделом не только пролетариата, но и все более и более широких слоев трудящегося населения[11].

Наличие армии безработных ухудшает положение трудящихся, усиливает у них беспокойство и страх за свою судьбу. В. И. Ленин относил безработицу к числу наиболее угнетающих и возмущающих рабочие массы явлений[12].

Предприниматели-капиталисты не заинтересованы в полной ликвидации безработицы. Они рассматривают ее как важное средство развития капиталистического производства, как могучее оружие усиления эксплуатации рабочего класса. Безработица нужна им для сдерживания классовой борьбы рабочих, для обуздания пролетариата.

---

[9] *К. Маркс.* Капитал, т. I. М., 1969, стр. 650.
[10] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 4, стр. 290.
[11] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 6, стр. 230.
[12] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 4, стр. 219.

В. И. Ленин в целом ряде своих работ доказал, что решить проблему ликвидации безработицы при капитализме невозможно [13], что в капиталистическом обществе единственным средством борьбы с безработицей и последствиями кризиса является путь классовой борьбы революционного пролетариата [14].

Буржуазная экономическая наука пыталась и пытается доказать, что безработица — это вечный спутник не только капитализма. «Излишние» рабочие руки создаются, согласно их теориям, в любом цивилизованном обществе в связи с развитием науки и прогресса.

Классики марксизма-ленинизма пришли к совершенно другим выводам. К. Маркс в «Капитале» научно доказал, что рост избыточного рабочего населения есть закон народонаселения, характерный для капиталистического способа производства. При социализме, при разумном ограничении труда возникнет возможность использовать все трудовые ресурсы. «Если бы завтра,— писал Маркс,— труд повсюду был ограничен до рациональных размеров и для различных слоев рабочего класса были бы введены градации сообразно возрасту и полу, то наличного рабочего населения оказалось бы абсолютно недостаточно для того, чтобы продолжать национальное производство в его теперешнем масштабе» [15].

Этот вывод Маркса был конкретизирован и развит В. И. Лениным. В работе «Одна из великих побед техники», написанной в 1913 г. и посвященной открытию английского химика Вильяма Рамсея, Владимир Ильич подчеркивал, что при капитализме открытия в области науки и техники, сокращая труд миллионов людей, порождают неизбежно массовую безработицу. «При социализме,— писал он,— применение способа Рамсея, «освобождая» труд миллионов горнорабочих и т. д., позволит сразу сократить *для всех* рабочий день с 8 часов, к примеру, до 7, а то и меньше» [16].

Таким образом, согласно марксистско-ленинской теории, в социалистическом обществе, где пролетариат будет владеть орудиями и средствами производства, исчезнет эксплуатация, труд будет разумно организован и ограничен, не станет необходимости и возможности существования резервной армии труда.

После победы Великой Октябрьской социалистической революции в ходе социалистического строительства советскому народу предстояло на практике доказать правильность гениального вывода классиков марксизма-ленинизма.

Решить проблему ликвидации безработицы сразу после победы пролетариата было невозможно. Нужны были годы, чтобы воз-

---

[13] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 14, стр. 108.
[14] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 5, стр. 323.
[15] *К. Маркс.* Капитал, т. I, стр. 651.
[16] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 23, стр. 94.

никли необходимые условия для исчезновения безработицы, для выкорчевывания ее корней.

В работе «Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата» В. И. Ленин писал, что переходный период от капитализма к социализму — это целая историческая эпоха, в которую будут решаться важнейшие проблемы социалистического и коммунистического строительства [17]. К числу таких проблем относилась и проблема ликвидации безработицы.

Как была ликвидирована безработица в СССР, какими методами, путями и средствами удалось Коммунистической партии и Советскому правительству, всему советскому народу решить столь серьезную социально-экономическую проблему? Комплексное изучение вопросов имеет важное теоретическое и практическое значение, ибо опыт Советского Союза может быть использован другими странами, главным образом теми, которые вступают или вступили на путь социалистического развития.

Данная работа посвящена истории ликвидации безработицы в СССР. Конечно, в рамках одной работы трудно осветить в одинаковой степени все вопросы этой большой темы. Основной задачей исследования является изучение процесса исчезновения городской резервной армии труда.

Автор счел необходимым начать исследование с рассмотрения состояния безработицы к моменту рождения Советского государства — без этого нельзя было понять трудности и сложности решения данной проблемы, понять ленинское положение, что безработица являлась одной из величайших трудностей Советской власти, бедой новой России [18]. Не менее важен анализ причин, характера и специфических особенностей безработицы в СССР, показ ее отличия от безработицы в капиталистических странах. Динамика численности и изменение состава безработных, деятельность Коммунистической партии, Советского правительства, профсоюзов и комсомола по ослаблению безработицы и меры помощи тем, кто временно оставался без работы,— такова проблематика первых трех глав исследования, посвященных первому десятилетию борьбы с безработицей в Советской стране.

Исследование проблемы ликвидации безработицы в СССР неразрывно связано с изучением ленинского плана строительства социализма, сыгравшего решающую роль в ликвидации безработицы в СССР. Основная часть работы посвящена изучению значения социалистической индустриализации для исчезновения резервной промышленной армии, влияния массовой коллективизации сельского хозяйства на ликвидацию безработицы и роли культурной революции в решении этой проблемы. В работе детально освещается процесс исчезновения городской резервной армии труда:

---

[17] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 39, стр. 271—272.
[18] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 36, стр. 197, 270.

анализируется численность и состав безработных в первые годы пятилетки, показываются организационные меры партии и правительства по ликвидации безработицы и обеспечению народного хозяйства рабочей силой на рубеже 20—30-х годов.

Не ставя перед собой задачу исчерпать весь круг вопросов ликвидации безработицы в СССР, автор счел необходимым ввести в исследование раздел, посвященный социально-экономическим последствиям исчезновения армии безработных. Улучшение материального положения трудящихся, влияние ликвидации безработицы на положение и развитие советского рабочего класса и, наконец, международное значение исчезновения промышленной резервной армии — таковы эти последствия. Их изучение помогает глубже, масштабнее уяснить значение ликвидации безработицы для строительства социализма в СССР, определить важные закономерности социалистического общества.

Ликвидация безработицы в СССР подтверждает, что характерной чертой советского рабочего класса как класса социалистического общества является отсутствие деления его на занятую и резервную армии труда. С уничтожением безработицы изменяются источники и формы пополнения рабочего класса, создаются в результате сокращения рабочего времени реальные возможности для роста его культурно-технического уровня. У советских рабочих в условиях отсутствия безработицы появляется и укрепляется чувство уверенности в завтрашнем дне, труд из тяжелого бремени становится необходимой потребностью.

Международный аспект изучаемой проблемы также представляет несомненный интерес. Ликвидация безработицы в СССР — это важное достижение всего человечества, идущего по пути прогресса и цивилизации, реальное доказательство преимуществ социалистического строя перед капиталистическим. Уничтожение безработицы в СССР — это знаменательная веха в истории мирового революционного рабочего движения, величайшая победа мирового пролетариата в борьбе за свое освобождение от гнета и эксплуатации.

Таков примерно круг вопросов, обусловленный темой, исследуемой в данной книге.

Хронологические рамки исследования определяются 1917—1930 гг., т. е. временем существования безработицы в СССР. Этот сравнительно небольшой период невероятно богат событиями и материалами, отражающими их. Мероприятия Советской власти по борьбе с безработицей в первые послереволюционные месяцы, специфика существования безработицы и борьба с ней во время гражданской войны являются темами для самостоятельных исследований. Для данной книги взяты преимущественно материалы 20-х годов, когда безработица получила наиболее широкое распространение. Основное внимание автор обратил на изучение решающего этапа борьбы с безработицей и ее полной ликвидации в СССР — 1928—1930 гг.

Поскольку в книге поставлена задача выявить социально-экономические и политические последствия ликвидации безработицы, в ряде случаев хронологические рамки исследования были несколько расширены (по отдельным вопросам до конца первой и даже второй пятилеток). Без этого нельзя было показать основные итоги ликвидации безработицы в СССР.

Процесс исчезновения промышленной резервной армии труда исследуется в основном на общесоюзном материале. Целью работы является попытка дать общую характеристику состояния безработицы в СССР и выявить общие черты и закономерности процесса ликвидации безработицы в ходе социалистического строительства. В работе привлечены также материалы по крупнейшим промышленным центрам страны (Москвы, Ленинграда, Центрально-промышленного района, Урала, Сибири) и отдельным национальным республикам. Однако практически в одной работе дать всестороннее освещение особенностей изучаемого процесса по различным республикам и промышленным районам не представляется возможным.

Историография

Первые работы, посвященные безработице в новой России, появились сразу же после Великой Октябрьской социалистической революции. Практические работники, главным образом из Наркомата труда и ВЦСПС, выступили с рядом статей и брошюр, в которых рассматривалось состояние безработицы и перспективы борьбы с ней в первые послереволюционные годы. В работах К. Самойловой, А. Аникста, И. Ходоровского и других[19] содержались сведения о численности и составе лиц, зарегистрированных биржами труда, о помощи Советского государства людям, временно оставшимся без работы. В этих же работах рассматривались первые мероприятия Коммунистической партии, Советского правительства и профсоюзов по организации общественных работ, созданию коллективов безработных, проведению социального страхования по безработице.

Первая литература по истории борьбы с безработицей в СССР не потеряла своего значения до нашего времени, являясь ценным источником для изучения состояния безработицы в первые годы Советской власти. Многие цифровые данные, содержащиеся в этих изданиях (например, о численности и составе безработных в 1918 г.), являются уникальными.

---

[19] *К. Самойлова.* Современная безработица и борьба с ней. Пг., 1918; *И. Ходоровский.* Рынок труда в России в 1918 г. М., 1919; *А. Аникст.* Организация рынка труда за два года Советской власти. (Краткий очерк). М., 1920; *он же.* Организация рабочей силы в 1920 году. М., 1920; *он же.* Обзор деятельности Наркомтруда за 1921 год. М., 1921, и др.

Много книг по проблемам безработицы появилось в 20-е годы, особенно во второй половине 20-х годов. Это было вызвано тем, что именно в то время Коммунистическая партия и Советское правительство увеличили масштабы практической борьбы с безработицей.

Работники Народного комиссариата труда, Госплана, ЦСУ, ВЦСПС, ЦК ВЛКСМ, бирж труда и других ведомств и организаций, ведавших вопросами труда, создали обширную литературу, в основном социально-экономическую, о состоянии и динамике безработицы, путях и средствах борьбы с нею, мерах помощи государства безработным. С интересными работами выступили В. В. Шмидт — нарком труда СССР, А. М. Бахутов — нарком труда РСФСР, Я. И. Гиндин — заведующий отделом рынка труда НКТ СССР, Л. Е. Минц — руководитель планового бюро НКТ СССР, Л. И. Гинзбург — заведующий тарифно-экономическим отделом ВЦСПС, С. Г. Струмилин — член президиума Госплана СССР, ныне академик и др.[20]

В работах, созданных в 20-е годы, в основном рассматривалось состояние безработицы в годы восстановления народного хозяйства. Наряду с исследованием проблем численности и состава лиц, состоявших на учете бирж труда, началось интенсивное изучение источников безработицы в новой России. На основании конкретного фактического материала авторы пришли к выводам о специфических особенностях безработицы в СССР и коренном ее отличии от безработицы в капиталистических странах.

Основное внимание в те годы обращалось на освещение способов и форм помощи безработным, рассматривались мероприятия партии, правительства и профсоюзов по борьбе с безработицей.

В 20-е годы были написаны работы о состоянии безработицы в национальных республиках, а также в некоторых губерниях[21]. Особенно много статей по местной проблематике печаталось в периодических изданиях, главным образом в журнале «Вопросы труда»[22].

---

[20] *Я. И. Гиндин.* Новые формы работы бирж труда. Л., 1924; *он же.* Безработица в СССР. М., 1925; *он же.* Регулирование рынка труда и борьбы с безработицей. М., 1926; *В. В. Шмидт.* Регулирование труда сезонных рабочих в Союзе ССР. М., 1926; *он же.* Положение рабочего класса в СССР. М.— Л., 1928; *В. Лосев.* О безработице. М.— Л., 1926; *А. Исаев.* Происхождение и характер безработицы в СССР. М., 1926; *Л. И. Гинзбург.* Как бороться с безработицей. М.— Л., 1927; *Д. Шварцман.* Как Советская власть и профсоюзы борются с безработицей. М.— Л., 1927; *А. М. Бахутов.* Безработица и борьба с ней. М.— Л., 1928; *С. Г. Струмилин.* Социальные проблемы пятилетки. 1928/29—1932/33. М.— Л., 1929; *Л. Е. Минц.* Аграрное перенаселение и рынок труда в СССР. М.— Л., 1929, и др.

[21] *Я. Б. Резник, М. Э. Розенблит.* Порядок найма рабочей силы и борьба с безработицей. Одесса, 1927; *Е. О. Шатан.* Проблема безработицы на Украине. Харьков, 1929, и др.

[22] *А. Лифшиц.* Борьба с безработицей на Украине; *С. Мышалов.* Состояние рынка труда в Белоруссии; *В. Колосанидзе.* Безработица в Грузии; *Марголин.* Безра-

В те же годы была предпринята попытка создания обобщающих работ. В книгах Л. Минца, А. Исаева, Л. Клейнборта и других освещались вопросы истории безработицы в первое десятилетие Советской власти (за весь период или по отдельным этапам и годам) [23].

Однако исследователи, работавшие в 20-е годы, естественно, имели возможность изучить лишь часть этой проблемы. Процесс ликвидации безработицы оставался незавершенным, и эта проблема пока лишь только ставилась в отдельных работах.

На грани 20—30-х годов, когда ликвидация безработицы вступила в решающую фазу, появились работы, в которых показывалось резкое сокращение численности безработных в 1929—1930 гг., рассматривались изменения, происходившие в их составе, и констатировался факт ликвидации безработицы в 1930 г.[24]

В этих работах научно-теоретический подход к вопросу ликвидации безработицы сочетался у авторов с практическими потребностями: необходимо было осмыслить то, что уже произошло, и разобраться в том, что происходило. В них пока еще в самой общей форме была поставлена проблема влияния социалистической индустриализации на ликвидацию безработицы в СССР.

Сравнительно полнее и обстоятельнее этот вопрос был рассмотрен в работах Б. Л. Маркуса — видного работника Госплана СССР, крупного ученого-экономиста [25]. Он показал влияние стремительных темпов прироста количества рабочих и служащих в первые годы пятилетки на размеры и характер безработицы в СССР. Анализируя численность и состав безработных в 1930 г., Б. Л. Маркус писал о решающем значении социалистической индустриализации для полной ликвидации безработицы в СССР. В книге Б. Л. Маркуса «Труд в социалистическом обществе» [26] была поставлена проблема влияния массовой коллективизации на сокращение, а затем и полное исчезновение резервной армии тру-

---

ботица на Северном Кавказе; *Г. Каган.* Безработица и борьба с ней в Саратовской губернии.— «Вопросы труда», 1926, №№ 5-6, 7, 8-9, 10, и др.

[23] *Л. Е. Минц.* Труд и безработица в России, 1921—1924 гг. М., 1924; *А. Н. Исаев.* Безработица в СССР и борьба с нею (за период 1917—1924 гг.). М., 1924; *Л. М. Клейнборт.* История безработицы в России. 1857—1919. М., 1925; *Я. И. Гиндин.* Профессиональные союзы и безработица (1917—1927 гг.). М., 1927, и др.

[24] *М. М. Романов.* О ликвидации безработицы в СССР. М., 1930; *И. Заромский.* Ликвидация безработицы и наши задачи в области труда.— «Пути индустриализации», 1930, № 20; *И. Иванов.* Ликвидация безработицы и подготовка кадров.— «Советское строительство», 1930, № 12; *С. Гиммельфарб.* Ликвидация безработицы в СССР и проблема кадров.— «Проблемы экономики», 1931, № 4—5; *В. Зенькович.* В СССР нет проблемы безработицы, есть проблема кадров.— «Коммунистический Интернационал», 1931, № 5.

[25] *Б. Л. Маркус.* Вопросы труда на новом этапе. М., 1931; *он же.* Введение в экономику труда. М., 1932; *он же.* Труд в социалистическом обществе. М., 1932, и др.

[26] *Б. Л. Маркус.* Труд в социалистическом обществе (дополненное и поправленное издание). М., 1939.

да. В этой же работе показывались некоторые социально-экономические последствия ликвидации безработицы в СССР.

Многие работы о безработице, вышедшие в свет в 20-е годы, имели остро полемический характер, отражали идеологическую борьбу, развернувшуюся в те годы.

Троцкисты и другие «левые» оппортунисты (Шляпников, Сапронов, Пятаков и др.) предлагали провести «сверхиндустриализацию» за счет крестьянства, видя в этом возможность решения проблемы безработицы. Идеологи кулачества (группа Кондратьева), наоборот, пытались доказать, что быстрые темпы индустриализации и рост благосостояния рабочих увеличат разрыв между уровнем дохода рабочих и крестьян и тем самым вызовут усиление миграции сельского населения в города. Их «программа» изжития безработицы сводилась к созданию в деревне экономических и политических условий для капиталистического развития сельского хозяйства.

Ученые-коммунисты — С. Г. Струмилин, Б. Л. Маркус, С. Елин и другие, опираясь на данные Госплана и Наркомата труда СССР, приводили убедительные доводы против этих тезисов. Конкретными данными они опровергали утверждения оппозиционеров о безработице как о кризисном явлении советского хозяйства, показывали несостоятельность их предложений о путях и средствах ликвидации безработицы в СССР.

Во второй половине 20-х годов проходила оживленная дискуссия о возможных сроках ликвидации безработицы в СССР. С. Г. Струмилин пришел к выводу, что уже в 1928/29 г. произойдет резкое сокращение численности безработных, и в конце 20-х — начале 30-х годов Советский Союз будет испытывать затруднения не от избытка, а от недостатка рабочей силы [27]. Однако многие работники Госплана и Наркомтруда СССР полагали, что проблема полной ликвидации безработицы не будет решена даже в результате выполнения первого пятилетнего плана. Б. Спектор, например, пытался доказать, что к концу пятилетки в Советском Союзе будет 2,3 млн. безработных [28]. О застойном характере безработицы в СССР писали в свое время Л. Е. Минц и Я. И. Гиндин.

Обширная литература 20-х — начала 30-х годов составляет важный и интересный раздел историографии проблемы. В ней было много скороспелого и спорного, некоторые оценки и выводы не выдержали проверки временем и были опровергнуты дальнейшими исследованиями. Однако конкретные материалы, накопленные тогда (особенно по вопросам численности и состава безработных, их материального положения, формам и методам борьбы с безра-

---

[27] *С. Г. Струмилин.* Перспективы труда в СССР.— «Вестник труда», 1926, № 5, стр. 55.

[28] *Б. Спектор.* Перспективы борьбы с безработицей.— «Экономическое обозрение», 1929, № 9, стр. 89—90.

ботицей), необходимы исследователю и сейчас, а многие наблюдения и заключения авторов тех лет неоспоримы до нашего времени.

В 30—40-е годы снизился интерес к исследуемой нами теме. Факт ликвидации безработицы в 1930 г. лишь отмечался в общих работах по истории советского общества и истории народного хозяйства — учебниках, учебных пособиях, энциклопедиях и пр.

Новый этап в изучении проблемы ликвидации безработицы в СССР начался с конца 50-х годов. В 1958 г. экономист М. П. Довженко защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Ликвидация безработицы и осуществление права на труд в СССР». За год до этого им была опубликована статья на ту же тему[29]. Работы Довженко, написанные с позиции экономиста, в основном знакомили читателя с динамикой безработицы 1917—1930 гг., вскрывали в общем плане основные условия ликвидации безработицы в СССР. Значительный интерес представляют материалы М. П. Довженко, посвященные вопросу осуществления права граждан СССР на труд.

В конце 50-х годов по проблемам безработицы выступили и историки. Мы имеем в виду работы З. А. Астапович и М. И. Зиминой[30]. В этих работах, посвященных политике Советского государства в области труда в первый год диктатуры пролетариата, были поставлены и рассмотрены такие проблемы безработицы, как численность и состав безработных, первые мероприятия Советского правительства и Коммунистической партии по борьбе с безработицей в 1917—1918 гг. З. А. Астапович и М. И. Зимина обобщили огромный материал своих предшественников, изучили новые данные, почерпнутые ими из Центрального государственного архива Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР, и пришли к ценным выводам и обобщениям о характере и динамике безработицы в первый год диктатуры пролетариата.

О возросшем интересе к проблеме ликвидации безработицы свидетельствует тот факт, что в этот период советские историки неоднократно посвящали свои выступления на международных форумах этой проблеме. В 1958 г. Международная комиссия по истории социальных движений и социальных структур провела в Страсбурге коллоквиум по проблеме «Рабочее движение и экономическая депрессия 1929—1939 гг.». В. Г. Трухановский, выступая с докладом «Рабочий класс СССР в 1929—1939 гг.», показал зна-

---

[29] *М. П. Довженко.* Ликвидация безработицы и осуществление права на труд в СССР.— «Научные труды Московского государственного экономического института», М., 1957, вып. 10.

[30] *З. А. Астапович.* Первые мероприятия Советской власти в области труда (1917—1918 гг.). М., 1958; *М. И. Зимина.* Политика Советского государства в области труда в промышленности (1917 — первая половина 1918 г.).— «Ученые записки Кировского пединститута». Киров, 1959, вып. 16.

чение ликвидации безработицы в нашей стране [31]. Вопрос привлек внимание специалистов, и было высказано пожелание продолжить его рассмотрение. В 1960 г. на коллоквиуме в Стокгольме выступил Ю. А. Поляков со специальным сообщением «Ликвидация безработицы в СССР» [32].

С середины 60-х годов изучение проблемы ликвидации безработицы в СССР приняло в исторической науке более широкий размах: появились специальные труды по этому вопросу. А. С. Сычева защитила кандидатскую диссертацию и выступила с рядом статей [33]. Располагая богатым архивным материалом, хранящимся в ЦГАОР и Центральном государственном архиве народного хозяйства СССР, она проследила процесс ликвидации безработицы в СССР в 1926—1930 гг., разработала вопрос о решающем значении социалистической индустриализации для исчезновения безработицы.

Большой вклад в изучение истории борьбы с безработицей в СССР внес К. И. Суворов. В 1968 г. вышел в свет его труд «Исторический опыт КПСС по ликвидации безработицы. 1917—1930» [34]. До этого К. И. Суворовым были опубликованы две работы по этой же проблематике [35]. Он ввел в научный оборот ранее неизвестные документы и материалы из Центрального партийного архива Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, которые позволили конкретно рассмотреть характер и формы борьбы партии с безработицей на разных этапах истории нашей страны, выявить различные точки зрения по вопросам ликвидации безработицы, дать развернутую критику предложений троцкистско-зиновьевской оппозиции и правых оппортунистов о путях борьбы с безработицей. В монографии К. И. Суворова обобщен огромный фактический материал, показывающий, как рассасывалась безработица в нашей стране, какими средствами Коммунистическая партия боролась с этим социальным злом, как, наконец, произошло полное исчезновение безработицы. Книга Суворова — это первая попытка изучения истории борьбы Коммунистической партии с без-

[31] «Mouvements ouvriers et depression economique de 1929 a 1939». Assen MCMLXVI; *V. G. Troukhanovsky.* The working class of the USSR 1929—1939, p. 375—397.

[32] *J. A. Polyakov.* Liquidation of unemployment in the USSR p. 394—404. — Ibidem, p. 398—404.

[33] *А. С. Сычева.* Из истории борьбы советского народа за ликвидацию безработицы в СССР (1926—1931 гг.). Канд. дисс. М., 1965; *она же.* Из истории борьбы за ликвидацию безработицы в Москве и Московской области (1926—1931 гг.).— «Ученые записки МОПИ им. Н. К. Крупской», т. CXXXV; *она же* О проведении органами труда организационных мер по ликвидации безработицы в СССР (1929—1931 гг.).— «История СССР», вып. 8. М., 1964; *она же.* Как была ликвидирована безработица в СССР.— «Вопросы истории», 1967, № 1.

[34] Монография К. И. Суворова получила высокую оценку в советской печати (см. рецензию З. А. Астапович.— «Вопросы истории КПСС», 1968, № 9).

[35] *К. И. Суворов.* Великое завоевание советского народа в области труда (о ликвидации безработицы в СССР). М., 1965; *он же.* Ликвидация безработицы в СССР — великое завоевание партии и народа.— «Вопросы истории КПСС», 1966, № 12.

работицей в СССР с момента ее возникновения до полного исчезновения. Однако обширные хронологические рамки исследования не позволили автору глубоко проанализировать материалы решающего этапа ликвидации безработицы в СССР.

В 1969 г. была опубликована статья Р. Я. Акопова «Ликвидация аграрного перенаселения в СССР (1917—1932 гг.)», в которой автор показал, как на основе преимуществ социалистического строя и в результате осуществления ленинского плана построения социализма в СССР проходила ликвидация аграрного перенаселения [36].

Одновременно с рядом статей выступила автор данной монографии, обратившая главное внимание на изучение завершающего этапа борьбы с безработицей [37].

В конце 60-х годов были предприняты первые попытки историографического осмысливания проблемы [38].

Весьма примечательным является и то, что проблема ликвидации безработицы в СССР в той или иной степени начала разрабатываться в книгах, посвященных истории советского рабочего класса и истории социалистической индустриализации [39].

Проблема ликвидации безработицы на местах находит отражение в трудах ученых, разрабатывающих историю рабочего класса национальных республик [40]. Правда, следует отметить, что подход большинства исследователей к проблемам безработицы пока еще несколько односторонен. Их главным образом интересует ди-

---

[36] «Вопросы истории», 1969, № 3.

[37] *Л. С. Рогачевская.* Коньюнктурные обзоры по труду как источник по изучению безработицы и ее ликвидации в СССР.— «Археографический ежегодник за 1966 г.». М., 1967; *она же.* Решающий этап ликвидации безработицы в СССР.— «История СССР», 1968. № 3; *она же.* Ликвидация безработицы в СССР.— «Ленинский план социалистической индустриализации и его осуществление». М., 1969, и др.

[38] *В. З. Дробижев, В. С. Лельчук.* Индустриализация СССР и социальный прогресс (историографические заметки).— «Очерки по историографии советского общества». М., 1967; *Л. С. Рогачевская.* Советская историография о ликвидации безработицы в СССР.— «Вопросы историографии рабочего класса СССР». М., 1970.

[39] *В. З. Дробижев.* Советский рабочий класс в период социалистической реконструкции народного хозяйства. М., 1961; *А. А. Матюгин.* Рабочий класс СССР в годы восстановления народного хозяйства (1921—1925 гг.). М., 1962; *А. М. Панфилова.* Формирование рабочего класса СССР в годы первой пятилетки (1928—1932 гг.). М., 1964; «Краткая история советского рабочего класса. 1917—1967». М., 1968; *Ю. В. Воскресенский.* Переход Коммунистической партии к осуществлению политики социалистической индустриализации СССР (1925—1927). М., 1969, и др.

[40] *Г. Д. Диденко.* Рабочий класс Украины в годы восстановления народного хозяйства. 1921—1925. Киев, 1962; *А. Б. Слуцкий.* Рабочий класс Украины в борьбе за создание фундамента социалистической экономики (1926—1932 гг.). Киев, 1963; «История рабочего класса Узбекистана». Ташкент, 1964; *А. Н. Нусупбеков.* Формирование и развитие советского рабочего класса в Казахстане (1917—1940 гг.). Алма-Ата, 1966; «История рабочего класса Киргизстана». Фрунзе, 1966; *Н. Е. Завалеев.* Рабочий класс Белоруссии в борьбе за социализм. 1917—1932 гг. Минск, 1967; «История рабочего класса советского Туркменистана. 1917—1965 гг.», Ашхабад, 1969, и др.

намика численности армии безработных. О путях и условиях ликвидации безработицы в СССР они пишут в общем плане, не подвергая этот вопрос конкретному исследованию.

Таким образом, историография проблемы безработицы и ее ликвидации в СССР прошла сложный путь. В 20-е годы в связи с практической работой по борьбе с безработицей поток литературы [illegible] теме был весьма значительным. Затем наступило некоторое затишье. В последнее десятилетие (особенно с середины 60-х годов) произошли существенные сдвиги в изучении этой проблемы. Что стало новым, каким же выводам и результатам пришли исследователи? Какова степень изученности отдельных тем, вопросов, проблем? К настоящему времени изучен вопрос об источниках и причинах безработицы в СССР в 20-е годы, особенно полно разработана проблема влияния аграрного перенаселения в образовании городской безработицы. Исследователи на основании изучения большого фактического материала, сопоставления различных данных развития народного хозяйства, сравнения показателей роста численности рабочего класса с динамикой армии безработных пришли к выводу, что основной причиной безработицы в Советской стране в тот период являлся прилив рабочей силы в город из сельских местностей. Наиболее обоснованно этот вывод вытекает из работ К. И. Суворова, А. С. Сычевой, Л. Е. Минца, Я. И. Гиндина, А. Н. Исаева. Приведенные ими данные о росте отходничества из деревни в значительной степени объясняли расширение безработицы в 20-е годы при увеличении численности занятых в народном хозяйстве рабочих и служащих.

В исследованиях как 20-х, так и 60-х годов достаточно полно и всесторонне выяснены природа и специфический характер безработицы в СССР, ее коренное отличие от безработицы в капиталистических странах. Было доказано, что если в странах капитала безработица является хроническим и неизбежным спутником капитализма, то в Советской стране она имеет временный характер, главным образом как наследие прошлого. Армия безработных росла в 20-е годы не за счет промышленного пролетариата, а в результате притока в город излишней рабочей силы из деревни, она росла вместе с увеличением численности рабочих и служащих. «В этом состояло,— как правильно пишет К. И. Суворов,— одно из принципиальных отличий временной безработицы в СССР от хронической безработицы, существующей в капиталистических странах» [41].

Специфика и характер безработицы в СССР особенно радикально выявлялись при изучении численности и состава армии безработных. В этой области достигнуты существенные результаты как в работах 20-х годов, так и в исследованиях 60-х годов. В литературе имеются сводные и иллюстративные данные о динамике

372805

[41] *К. И. Суворов.* Исторический опыт КПСС по ликвидации безработицы. 1917—1930, стр. 76.

Областная библиотека им. Н. К. КРУПСКОЙ г. Кемерово

безработицы в восстановительный период и в первые годы социалистической реконструкции народного хозяйства. Однако следует отметить, что недостаточно критическое использование рядом авторов статистических источников привело к существенному разнобою в определении численности безработных. Например, численность безработных накануне первой пятилетки по определению разных исследователей колебалась от 1 до 2 млн. человек.

Особенно противоречивые сведения приводились о числе безработных по годам, ибо авторы, как правило, не указывали, какими данными они пользовались — среднегодовыми или по отдельным месяцам и т. д.

Между тем колебания в динамике безработицы по месяцам объяснялись рядом объективных и субъективных причин. К числу объективных причин прежде всего следует отнести сезонность — наплыв безработных в осенне-зимний период и спад в весенне-летнее время. Противоречивость цифр по безработице исходила также от ведомств, занимавшихся ее учетом (профсоюзы, страховые кассы, биржи труда и проч.).

Несмотря на то, что проблема численности безработных в 1921—1930 гг. изучена основательно, тем не менее и здесь еще остается большое поле деятельности и прежде всего следует уточнить цифры, характеризующие движение безработицы в 20-е годы.

Ценно и интересно то, что написано авторами 20-х годов и нашего времени по вопросу о составе городской резервной армии труда. В литературе имеются данные о составе безработных по полу, возрасту, квалификации, профессии и другим показателям.

Книгой Л. Е. Минца «Как живет безработный», изданной в год десятилетия Советской власти, было начато изучение проблем, связанных с материально-бытовым положением людей, оставшихся, в силу различных причин, без работы. Этот труд получил высокую оценку еще в свое время. С. Г. Струмилин писал: «Работа Минца — интересная статистическая новинка. Это первый в нашей литературе опыт бюджетного обследования наиболее обездоленной социальной группы населения, которой является индустриальная резервная армия безработных» [42]. Л. Е. Минц использовал результаты трех обследований безработных, проводившихся в Москве, Ленинграде, Туле и Иваново-Вознесенске в 1924, 1925 и 1926 гг. Труд Л. Е. Минца имеет до сих пор важное значение как ценный источник при изучении жизненного уровня безработных.

В работах 20-х и 60-х годов значительное место уделялось освещению борьбы Коммунистической партии, Советского правительства и профсоюзов с безработицей. Помощь безработным рассматривалась в трех основных направлениях: меры организационного характера (постановления партии и правительства, работа Нар-

[42] См. предисловие С. Г. Струмилина к книге Л. Е. Минца. Как живет безработный (бюджеты безработных). М., 1927, стр. I.

комата труда и бирж труда, деятельность профсоюзных органов и т. д.); материальная помощь (пособия по безработице и др.); трудовая помощь (общественные работы, трудовые и производственные коллективы безработных).

В литературе довольно основательно изучен вопрос о материальной помощи, ее размерах и формах, о категориях безработных, получавших пособия, о новых правилах выплаты пособий, принятых в 1927 г., и т. д.[43]

Не менее обстоятельно освещались различные виды трудовой помощи — деятельность производственных, трудовых и торговых коллективов безработных, а также общественные работы. О начале общественных работ и их дальнейшем развитии, а также о зарождении и распространении разного рода временных мастерских, артелей и пр., состоявших из безработных, имеются сведения в работе А. Исаева[44]. Довольно подробно эти же вопросы освещаются в книгах А. Бахутова, Я. Гиндина, К. И. Суворова и др.[45] Здесь же рассматриваются размеры трудовой помощи (рост численности безработных, занятых на временной работе), динамика заработной платы, сменяемость состава коллективов безработных и т. д.

Важно отметить, что в статьях и брошюрах конца 20-х годов и особенно в работах 60-х годов появился новый сюжет — переобучение безработных. Этот вид помощи людям, не имевшим работы, был связан с характером безработицы в СССР — дефицитом ряда квалифицированных профессий. Однако в целом данная проблема изучена недостаточно. Вопрос о переквалификации безработных как одном из средств борьбы с безработицей в СССР лишь только поставлен в литературе.

В работах 20-х годов недостаточно, на наш взгляд, рассмотрены организационные меры партии, правительства и профсоюзов по борьбе с безработицей. В лучшем случае авторы перечисляют крупные постановления ЦК ВКП(б), СНК СССР, Наркомата труда, освещают деятельность бирж труда[46]. Однако среди книг и брошюр 20-х годов нет трудов, специально посвященных анализу деятельности партийных, профсоюзных и хозяйственных организаций по борьбе с безработицей.

В этом отношении исследователи 60-х годов сделали гораздо больше. В монографиях К. И. Суворова, А. А. Матюгина, Г. Д. Диденко, А. Б. Слуцкого, Н. Е. Завалеева[47] и других рассматри-

---

[43] *Д. Шварцман.* Как Советская власть и профсоюзы борются с безработицей. М.— Л., 1927; *Б. Г. Данский.* Социальное страхование раньше и теперь. М., 1926, и др.

[44] *А. Исаев.* Безработица в СССР и борьба с нею. М., 1924.

[45] *Я. Гиндин.* Борьба с безработицей и наем рабочей силы. М., 1927; *А. Бахутов.* Безработица и меры борьбы с нею. М.— Л., 1928; *К. И. Суворов.* Исторический опыт КПСС по ликвидации безработицы. 1917—1930, и др.

[46] См., например, *Я. И. Гиндин.* Новые формы работы бирж труда. М., 1924.

[47] См. указ. работы.

вается роль партии, Советского правительства и профсоюзов в борьбе с безработицей.

Особенно основательно этот вопрос изучен К. И. Суворовым. На большом конкретном материале он показывает борьбу с безработицей местных партийных организаций (Московской, Ленинградской и др.). Конкретные сведения, приведенные в книге К. И. Суворова, позволяют сделать вывод о том, что партия уделяла исключительное внимание организации помощи безработным, неустанно искала новые методы борьбы с безработицей [48].

На рубеже 20-х и 30-х годов, когда практически решалась задача полной ликвидации безработицы в СССР, появились первые работы, в которых рассматривались отдельные стороны этого процесса [49]. Как отмечалось выше, во второй половине 20-х годов проходила оживленная дискуссия о возможных сроках ликвидации безработицы в СССР.

Жизнь разрешила эту дискуссию — безработица была ликвидирована в конце 1930 г. Этот факт был зафиксирован в партийных решениях и постановлениях Советского правительства начала 30-х годов. Он широко освещался и в литературе того времени. М. М. Романов писал: «Безработица была окончательно ликвидирована в конце второго года пятилетки» [50]. Такое же заключение мы находим в работах И. Иванова, И. Заромского, В. Зеньковича, Б. Маркуса и др. [51]

Эта точка зрения преобладала в советской исторической литературе до середины 60-х годов. В 1965 г. А. С. Сычева попыталась несколько сдвинуть хронологические рамки завершающего этапа ликвидации безработицы в СССР. Основываясь на том, что на биржах труда еще числилось некоторое количество людей, она сделала вывод, что процесс ликвидации городской безработицы затянулся до конца 1931 г. [52] Правда, в более поздней работе А. С. Сычева привела данные о численности зарегистрированных безработных лишь на 1 апреля 1931 г., отметив при этом, что на 1 октября 1931 г. на учете безработных уже не было [53].

---

[48] *К. И. Суворов.* Исторический опыт КПСС по ликвидации безработицы. 1917—1930, стр. 156—163 и др.

[49] *Б. Л. Маркус.* На крутом подъеме. М.— Л., 1929; *он же.* Основные вопросы труда в пятилетке. М.— Л., 1929; *он же.* Вопросы труда на новом этапе. М., 1931; *А. М. Бахутов.* Безработица и пути ее изжития. М.— Л., 1930 и др.; *Г. И. Дацук.* Вопросы труда в плане народного хозяйства 1929/30 г. М., 1930.

[50] *М. М. Романов.* Труд в СССР и в капиталистических странах. М.— Л., 1931, стр. 12.

[51] *И. Заромский.* Ликвидация безработицы и наши задачи в области труда.— «Пути индустриализации», 1930, № 20; *И. Иванов.* Ликвидация безработицы и подготовка кадров.— «Советское строительство», 1930 г., № 12; *В. Зенькович.* В СССР нет проблемы безработицы, есть проблема кадров.— «Коммунистический Интернационал», 1931, № 5; *Б. Маркус.* Вопросы труда на новом этапе. М., 1931 и др.

[52] *А. С. Сычева.* Из истории борьбы советского народа за ликвидацию безработицы в СССР (1926—1931 гг.). Автореферат канд. дисс. М., 1965, стр. 13.

[53] *А. С. Сычева.* Указ. статья.— «Вопросы истории», 1967, № 1, стр. 33.

Следует отметить, что факт наличия на биржах труда некоторого количества безработных был известен исследователям конца 20-х — начала 30-х годов. Тем не менее они, принимая во внимание и другие факторы, датировали завершение процесса ликвидации безработицы не 1931, а 1930 г.

Веские аргументы против доводов А. С. Сычевой привел К. И. Суворов. Рассмотрев архивные источники, использованные в работе А. С. Сычевой, он пришел к выводу о неточном использовании их автором. Кроме того, К. И. Суворов привел новые дополнительные материалы, свидетельствующие о ликвидации безработицы в конце 1930 г.[54]

О том, что нет необходимости, как это делает А. С. Сычева, сдвигать на один год конечную дату исчезновения безработицы в СССР, писала и автор данной работы[55].

Некоторого уточнения требует вся предложенная А. С. Сычевой периодизация истории ликвидации безработицы. Период 1926—1931 гг. она делит на два этапа: 1926—1929 гг.— борьба за создание предпосылок искоренения безработицы и 1929—1931 гг.— ее непосредственная ликвидация. Из такой периодизации неясно, к какому этапу автор относит 1929 г. Следует отметить, что в своей последней статье А. С. Сычева совершенно справедливо отнесла 1929 г. к этапу ликвидации безработицы[56].

Уточнение хронологических рамок завершающего этапа ликвидации безработицы в СССР необходимо прежде всего для выяснения точного времени исчезновения городской армии безработных. Кроме того, это в значительной степени помогает исследованию роли социалистической индустриализации, коллективизации сельского хозяйства и культурного строительства в решении данной проблемы.

В экономической и исторической литературе поставлен и в определенной степени разработан вопрос о влиянии социалистической индустриализации на процесс сокращения и полного исчезновения избыточной рабочей силы. Еще в ходе ликвидации безработицы экономисты и практические работники Наркомата труда, Госплана и других учреждений, занимавшиеся вопросами труда, анализируя данные о росте численности людей, занятых в народном хозяйстве, показали, что свертывание безработицы происходило в результате невиданного ранее увеличения численности рабочих и служащих. В работах М. Романова, С. Гиммельфарба, В. Зеньковича, И. Заромского, Б. Л. Маркуса и других доказывалось, что решающее значение в ликвидации безработицы имел

---

[54] *К. И. Суворов.* Исторический опыт КПСС по ликвидации безработицы. 1917—1930, стр. 226—228.

[55] См. *Л. С. Рогачевская.* Конъюнктурные обзоры по труду как источник по изучению безработицы и ее ликвидации в СССР.— «Археографический ежегодник за 1966 г.». М., 1967; *она же.* Решающий этап ликвидации безработицы в СССР.— «История СССР», 1968, № 3, и др.

[56] См. «Вопросы истории», 1967, № 1, стр. 32.

бурный рост потребностей народного хозяйства в рабочей силе в связи с ускоренными темпами социалистической индустриализации [57].

Изучение значения социалистической индустриализации на процесс ликвидации безработицы в СССР продолжалось в 60-е годы. К. И. Суворов привел некоторые дополнительные данные о составе безработных в 1929—1930 гг., подтверждающие выводы об изменении структуры безработицы в результате индустриализации. Интересную работу начала А. С. Сычева. Она сделала попытку показать влияние введения 7-часового рабочего дня и непрерывной рабочей недели на резкое сокращение безработицы.

Статья историка А. П. Финарова [58], посвященная введению на предприятиях в годы первой пятилетки 7-часового рабочего дня, помогает исследователям глубже разработать поставленный А. С. Сычевой вопрос, в частности, проследить, как шел этот процесс в 1929—1930 гг.

Для характеристики процесса ликвидации безработицы в СССР важное значение имеет вопрос о влиянии социалистического преобразования сельского хозяйства на этот процесс. Следует отметить, что экономисты и историки до сих пор мало изучали эту проблему. В самом начале 30-х годов исследователи-экономисты— А. Евдокимов, И. Резников, А. Либкинд, С. Кливанский и другие [59], изучавшие вопросы массовой коллективизации сельского хозяйства и аграрного перенаселения, в какой-то степени касались данной темы. Однако в трудах нет ответа на вопрос, каково же было реальное влияние коллективизации на отходничество крестьян в город и ликвидацию безработицы в СССР.

В более поздних работах была сделана попытка дать ответ на этот вопрос. Б. Л. Маркус, считая коллективизацию сельского хозяйства важнейшим средством ликвидации безработицы, писал: «На прежних этапах развития народного хозяйства СССР, несмотря на быстрый рост количества рабочих и служащих, безработица не могла быть еще ликвидирована: приток рабочей силы из деревни непрерывно пополнял количество безработных на биржах труда. И если в конце 1930 г. безработица у нас действительно была ликвидирована полностью, то этого удалось достигнуть бла-

---

[57] *М. М. Романов.* О ликвидации безработицы в СССР. М., 1930, стр. 8; *С. Гиммельфарб.* Ликвидация безработицы в СССР и проблема кадров.— «Проблемы экономики», 1931, № 4-5, стр. 34; *В. Зенькович.* Указ. соч., стр. 30; *И. Заромский.* Указ. соч., стр. 47—53; *Б. Л. Маркус.* Труд в социалистическом обществе. М., 1939, стр. 184, и др.

[58] *А. П. Финаров.* Перевод промышленных предприятий на 7-часовой рабочий день в 1928—1932 гг.— «История СССР», 1959, № 6.

[59] *А. Евдокимов.* Об отходничестве из колхозов. М.— Л., 1931; *А. Либкинд.* Аграрное перенаселение и коллективизация деревни. М., 1931; *он же.* Баланс труда в колхозах.— «Вопросы труда», 1932, № 3; *И. Резников.* Высвобождение рабочей силы в колхозах и задачи организации отходничества.— «На аграрном фронте», 1931, № 6; *С. Кливанский.* Отходничество в СССР в 1928/29—1931 гг.— «Вопросы труда», 1932, № 10, и др.

годаря тому, что на основе социалистической индустриализации была проведена коллективизация сельского хозяйства и ликвидация кулачества как класса»[60]. Далее Б. Л. Маркус отмечал, что коллективизация, уничтожив нищету и пауперизм в деревне, ликвидировала тем самым причины «бегства мужика из деревни в город». Самотек рабочей силы из деревни прекратился и возникла необходимость организованного набора людей для промышленности, строительства и транспорта. Эти выводы легли в основу многих исследований и обобщающих трудов.

Впервые такую точку зрения попытался пересмотреть в начале 60-х годов Ю. В. Арутюнян[61]. Он критиковал тех, кто отрицал наличие самотека рабочей силы из деревни, переоценивал организованный набор, не замечал высокой социальной мобильности крестьянства. Вывод Ю. В. Арутюняна сводился к тому, что коллективизация, открывшая широкие возможности для механизации сельскохозяйственного производства, позволила высвободить для других отраслей народного хозяйства, особенно для промышленности и строительства, значительные резервы рабочей силы, занятой в деревне.

Сложность и в какой-то степени противоречивость процессов, проходивших в деревне, привели исследователей к противоположным выводам. Если одни писали о свертывании отходничества в результате коллективизации[62], то другие утверждали, что коллективизация ускорила и расширила процесс вовлечения крестьянского населения в промышленность. Вопрос о влиянии массовой коллективизации на процесс ликвидации безработицы является одной из важных тем исследований.

До наших дней почти не изучена проблема влияния культурного строительства на процесс исчезновения безработицы. Лишь в монографии К. И. Суворова в самой общей форме поставлен этот вопрос. В этой работе показано, что уже в первые годы пятилетки возникла острая нужда в специалистах, что культурное строительство привело к росту трудовой занятости населения и тем самым способствовало ликвидации безработицы в СССР[63].

К числу малоизученных проблем относится также такой сложный вопрос, как социально-экономические последствия ликвидации безработицы в Советской стране. О том, что исчезновение армии безработных оказало существенное влияние на дальнейшие судьбы советского рабочего класса и привело к крупным социально-экономическим преобразованиям в СССР, писали еще в 30-е

---

[60] *Б. Л. Маркус.* Труд в социалистическом обществе. М., 1939, стр. 186.

[61] *Ю. В. Арутюнян.* Коллективизация сельского хозяйства и высвобождение рабочей силы для промышленности.— «Формирование и развитие советского рабочего класса (1917—1961 гг.)». Сборник статей. М., 1964, стр. 110—116.

[62] *А. М. Панфилова.* Формирование рабочего класса СССР в годы первой пятилетки (1928—1932). М., 1964, стр. 17.

[63] *К. И. Суворов.* Исторический опыт КПСС по ликвидации безработицы. 1917—1930, стр. 212—215.

годы [64]. М. Романов, А. Цихон, З. Мохов показали, что в связи с ликвидацией безработицы и коллективизацией сельского хозяйства изменился характер и назначение отходничества — совершился переход от стихийного отходничества к организованному набору рабочей силы.

В конце 30-х годов была сделана попытка проанализировать последствия исчезновения армии безработных в более широком плане. Б. Л. Маркус попытался проследить изменения в составе рабочего класса, которые были вызваны ликвидацией безработицы. Он показал существенное омоложение рабочих кадров, а также увеличение женщин в их составе. Значительный интерес представляют его выводы о подготовке и закреплении на предприятиях квалифицированных кадров [65].

В дальнейшем вопрос о последствиях ликвидации безработицы мало изучался. Даже в самых последних работах, специально посвященных проблемам исчезновения армии безработных, эти сюжеты почти не разрабатывались. Между тем, на наш взгляд, именно на них следовало бы обратить особое внимание, ибо изучение последствий ликвидации безработицы представляет не только научное, но и практическое значение.

Анализ опубликованных работ показывает, что в изучении такой сложной темы, как ликвидация безработицы в СССР, имеется немало белых пятен. Состояние советской историографии по этому вопросу во многом определило основные направления данного исследования.

* * *

По проблеме ликвидации безработицы в СССР нет специальных исследований зарубежных авторов. Это обстоятельство без труда поддается объяснению. Буржуазные ученые не заинтересованы в изучении этой проблемы, потому что факт ликвидации безработицы в СССР настолько разителен, так убедительно свидетельствует о преимуществах социалистической системы, так резко контрастирует с положением в капиталистических странах, что западные историки, социологи и экономисты предпочитают по возможности обходить его.

О ликвидации безработицы в Советском Союзе не говорится в общих работах, посвященных истории нашей страны, таких, как «Социализм в одной стране» английского историка Э. Х. Карра, «Коммунистическая партия Советского Союза» американца Л. Шапиро, «История КПСС» западногерманского историка Вернера Шарндорфа, «Россия после 1917 года» Ф. Шумана, профессора Колумбийского университета в США, и др.[66]

[64] *М. Романов.* Организация отходничества на новом этапе. М.— Л., 1931; *А. М. Цихон.* По-новому организовать труд.— «Вопросы труда», 1931, № 8—9; *З. Мохов.* От «политики» самотека к организованному набору рабочей силы.— «Вопросы труда», 1932, № 8-9, и др.

[65] *Б. Л. Маркус.* Труд в социалистическом обществе. М., 1939.

[66] *E. H. Carr.* Socialism in One Country, vol. two. London, 1959; *L. Schapiro.* The Communist Party of the Soviet Union. New York, 1960; *W. Scharndorff.* Die Ge-

О ликвидации безработицы в Советской стране нет сведений и в литературе, посвященной истории народного хозяйства СССР. В работе американских экономистов «Экономический рост Советского Союза в сравнении с Соединенными Штатами Америки» хотя и признается, что в конце 20-х годов в СССР ощущалась большая нехватка квалифицированной рабочей силы, что в годы первой пятилетки сократились источники получения рабочей силы для промышленности, но вывода о полном исчезновении в те годы армии безработных не делается [67].

Буржуазные авторы не пишут о ликвидации безработицы в СССР даже в книгах, специально посвященных проблемам труда, трудовых ресурсов и рабочей силы в Советском Союзе. Так, в книге «Условия труда в СССР», изданной во Франции в 1961 г., рассматриваются многие вопросы — оплата труда, подготовка рабочих кадров, условия труда, роль профсоюзов и пр., а вопрос о ликвидации безработицы в СССР обойден. Нет сомнения, что авторам книги известен этот факт, так как в предисловии профессор Парижского университета Жорж Фридман писал, что в СССР «реальная заработная плата определяется с учетом *ликвидации безработицы*» (курсив мой.— *Л. Р.*) [68]. Об отсутствии безработицы в СССР не пишется и в книгах, претендующих на освещение истории советских рабочих [69].

Вполне понятно, что большинство буржуазных авторов умышленно умалчивают факт ликвидации безработицы в СССР, сознательно не желают замечать это достижение советского народа, так как до сих пор в странах капитала существуют миллионные армии безработных.

Некоторые буржуазные авторы предпринимали попытки объяснить факт ликвидации безработицы в СССР нехваткой рабочей силы при экстенсивном развитии советской экономики.

К таким авторам относится, например, Вернер Гофман — западногерманский экономист, выступивший с книгой «Куда идет советская экономика?». В этой работе, подготовленной в Мюнхенском институте по изучению Восточной Европы в середине 50-х годов, советская экономика изображалась в самом неприглядном свете, особенно подвергался критике советский метод индустриализации. По поводу использования рабочей силы автор писал, что советская экономика не располагает крупными резервами рабочей силы. Уже в течение четверти века ощущается постоянная нехватка рабочих [70]. Приведенное высказывание свидетельствует о до-

---

schichte der KPdSU. München, 1961; *F. Schuman.* Russia since 1917. Four Decades of Soviet Politics. New York, 1957.

[67] «Soviet economic growth. A comparison with the United States». Washington, 1957.

[68] «Conditions de travail en URSS». Paris, 1961, p. 6.

[69] «Industrial workers in the USSR». London, 1967; «The Soviet worker. Labor and Gawerment in Soviet Society». New York, 1966.

[70] *W. Hofman.* Wohin steuert die Sowjetwirtschaft? Berlin, 1955.

статочной осведомленности В. Гофмана в том, что советская экономика уже 25 лет, т. е. примерно с начала 30-х годов, развивалась в условиях отсутствия безработицы. Это важное достижение советского народа последний старался оценить отрицательно, пытаясь доказать невозможность решения проблемы кадров в СССР.

Такую же отрицательную оценку решения проблемы рабочей силы в СССР дают и зарубежные троцкисты. Английский троцкист Тонни Клифф писал, что якобы с 1931 г. ни одному рабочему не разрешалось оставлять Ленинград без специального разрешения [71], что по всей Советской стране была введена система паспортов и трудовых книжек, закрепившая советских рабочих на предприятиях. Не утруждая себя доказательствами и не пытаясь даже объяснить эти «факты», он стремится лишь сенсационно преподать читателю порцию антисоветских измышлений. Так же, как В. Гофман и другие реакционные буржуазные авторы, он мажет черной краской даже такое достижение советского народа, как ликвидация безработицы в СССР. Разумеется, и этот прием — подмена одного понятия другим — не может помочь реакционным историкам. Факт ликвидации безработицы в СССР остается непоколебимым, является одним из убедительнейших аргументов, опровергающих антисоветскую клевету.

Для того, чтобы поставить под сомнение успехи и значение промышленного развития в СССР, буржуазные историки применяют и другие псевдонаучные приемы. Широко используется, в частности, положение о том, что индустриализация принесла большие «материальные лишения для народа», была «мучительной» и «жертвенной». Об этом писал, например, американский историк А. Эрлих [72]. Подчеркивание того, что советский метод индустриализации был связан с большими трудностями и не подходит для других стран, является квинтэссенцией буржуазной пропаганды. За этим скрывается боязнь того огромного влияния, которое оказывает советский опыт на другие страны, главным образом на те, которые встают на путь промышленного развития.

Советские историки никогда не скрывали трудностей, которыми сопровождалось социалистическое преобразование страны. Но трудности возмещались успехами и достижениями. И факт ликвидации безработицы больно бьет по тем, кто рассматривает «материальные лишения», связанные с индустриализацией. Каждому ясно, что ликвидация безработицы не только избавляла от лишений сотни тысяч безработных, но и существенно влияла на жизненный уровень населения в целом.

Буржуазной историографии противостоят в капиталистических странах работы прогрессивных деятелей, высоко оценивавших достижения советского народа в годы первой пятилетки. Р. Роллан и Д. Неру, У. Фостер и Б. Шоу восторженно высказывались о

---

[71] *T. Cliff.* Stalinist Russia. London, 1955.
[72] *A. Erlich. The* Soviet Industrialization debate. Harvard Mass, 1960.

свершениях Советского Союза. «Я верю,— писал Р. Роллан в январе 1931 г.,— что он (Советский Союз.— *Л. Р.*) воплощает самый героический социальный опыт, незыблемую надежду будущего. Исчезни он, и я бы перестал интересоваться будущим Европы. Я бы считал ее социальное развитие задержанным на многие века»[73]. Естественно, в свете этих достижений зарубежные прогрессивные деятели высоко оценивали и ликвидацию безработицы в СССР.

Сам факт исчезновения в СССР безработицы был с восхищением встречен зарубежными друзьями Советской страны еще в начале 30-х годов. Выдающийся датский писатель Мартин Андерсен Нексе в 1931 г.— первом году полной ликвидации безработицы — писал: «Гигантский рост в СССР индустрии, сельского хозяйства, культурной жизни привел к ликвидации безработицы. Это является типичным спутником новой культурной эпохи, в то время как безработица в Западной Европе означает неспособность старого порядка»[74].

В этом очень коротком высказывании содержится правильная научная точка зрения на проблему ликвидации безработицы. Со свойственной большому писателю прозорливостью Нексе увидел три основных условия, позволившие решить эту важную социально-экономическую проблему в СССР: индустриализация страны, социалистическая реконструкция сельского хозяйства и культурное строительство. Нексе писал, что ликвидация безработицы в СССР — это закономерный результат строительства нового социалистического общества. В то же время он совершенно справедливо считал, что решить эту проблему при капитализме невозможно.

С восторгом писал о ликвидации безработицы в СССР Поль Вайян Кутюрье — видный деятель рабочего движения Франции, один из руководителей коммунистической партии, поэт, писатель, публицист. В 1931 г., обращаясь к французской молодежи, он говорил: «Вообразите себе страну с территорией, в сорок раз больше Франции, где с одного конца до другого раздается непрерывный призыв поступить на работу.

В СССР нет безработицы!»[75].

О ликвидации безработицы в СССР, о новом советском человеке, не знающем страха потерять работу и оказаться безработным, писали В. Пик, Э. Тельман, М. Торез, Г. Димитров и другие руководители коммунистических и рабочих партий.

В современной зарубежной литературе имеются труды, в которых отмечается факт ликвидации безработицы в СССР в годы первой пятилетки. Луи Арагон, известный французский писатель, в своей истории СССР с 1917 по 1960 г. писал по этому поводу:

---

[73] *Р. Роллан.* Собр. соч., т. 13. М., 1958, стр. 207—208.
[74] «Правда», 7 ноября 1931 г.
[75] «Глазами друзей». Сборник. Л., 1959, стр. 94.

«К концу первых двух лет пятилетки безработица начала исчезать». И далее: «Важным результатом первой пятилетки являлась ликвидация безработицы»[76]. Факт ликвидации безработицы в СССР Луи Арагон правильно связывал с огромным промышленным строительством, развернувшимся в годы первой пятилетки, с ее досрочным выполнением, а также с коренной реконструкцией сельского хозяйства.

В 1959 г. СССР посетили известные французские журналисты Луиза Мамиак и Андре Вюрмсер. В книге «СССР открытым сердцем», посвященной этой поездке, изданной в Париже в 1960 г. и перезданной в нашей стране в 1961 г., по поводу безработицы они писали: «Разве безработица исчезла в 1957 году? Нет, в 1930»[77]. Таким образом, в этой работе совершенно точно датируется срок исчезновения избыточной рабочей силы в Советском Союзе.

Интересные высказывания о безработице в СССР имеются в фундаментальном труде «Великий вызов. Сравнительная энциклопедия. США—СССР», подготовленном и выпущенном французским издательством «Робер Ляфон» в конце 1967 — начале 1968 г. Главным редактором по разделу СССР являлся Жорж Сориа, коммунист, видный писатель, журналист, автор многих книг о Советском Союзе. Редколлегию по разделу США возглавлял Марк Сапорта — буржуазный идеолог, ярый апологет США. Членами редколлегии и авторского коллектива были люди разных политических направлений и убеждений. Французское издательство, которое подготовило эту книгу, стремилось, как отмечалось в предисловии, объективно осветить положение дел в СССР и США.

По поводу решения проблемы безработицы в Советском Союзе в книге сказано, что безработица наблюдалась в Советской стране в годы, предшествовавшие первой пятилетке[78].

Таким образом, прогрессивные зарубежные авторы считают, что безработица в СССР была ликвидирована в конце 20-х годов. Несмотря на то, что хронологические рамки этого процесса несколько сдвинуты (в трудах советских историков и экономистов показано, что проблема ликвидации безработицы в СССР была полностью решена не в годы, предшествовавшие первой пятилетке, а несколько позже — в 1930 г., в ходе выполнения первого пятилетнего плана), сам вывод французских авторов весьма важен.

Не менее примечателен и другой факт — авторы Сравнительной энциклопедии рассматривают ликвидацию безработицы в СССР как неотъемлемую часть решения проблемы улучшения благосостояния советских трудящихся. «Отсутствие безработицы,— пишут

---

[76] *L. Aragon.* Histoire parallèlé Histoire de L'URSS de 1917 à 1960, tome I. Paris, 1962, p. 293, 302.

[77] *Л. Мамиак, А. Вюрмсер.* СССР открытым сердцем. М., 1961, стр. 281.

[78] «Le grand defi. Encyclopédie comparée. USA—URSS. Publiee sous la direction de Marc Saporta et Georges Soria. Paris, 1967—1968.

они,— уверенность в завтрашнем дне, равенство в образовании, трудно выражаемые в цифрах, являются для советских граждан неотъемлемой частью понятия «жизненный уровень»»[79]. Этот тезис порождает необходимость изучения такого вопроса, как влияние исчезновения армии безработных на подъем материального уровня советского народа.

Объективные суждения, наблюдения и оценки по отдельным вопросам, касавшимся проблем безработицы в СССР, можно встретить и в работе американского ученого Сэмюеля Харпера, посвятившего более четырех десятилетий изучению России. В книге «Россия, в которую я верю» он хотя и допустил ряд ошибок и неточностей, однако правильно оценил программу троцкистско-зиновьевской оппозиции в 1926 г. Как известно, в этой программе вопросам безработицы уделялось особое внимание. Оппозиционеры демагогическими лозунгами стремились привлечь на свою сторону хотя бы безработных. По этому поводу Сэмюель Харпер, профессор Чикагского университета, писал: «На основании изучения опубликованных материалов, неофициальных взглядов, высказываемых некоммунистами, а также бесед с другими посторонними наблюдателями[80] у меня лично складывалось впечатление, что оппозиция потерпела крах. Она не располагала конструктивной программой. Она не пользовалась широкой поддержкой даже среди безработных в крупных промышленных центрах»[81]. Это высказывание очевидца событий, основанное как на личных впечатлениях, так и на беседах с людьми разных взглядов, ценно не только с точки зрения историографов, но и как дополнительный источник по данному вопросу.

В книге С. Харпера имеются и другие высказывания по поводу решения проблемы безработицы в СССР. Еще в 1926 г. он обнаружил, как он писал, что «люди, особенно молодежь, надеются, что при новом строе у них будет больше возможностей получить работу.... Таким образом,— делает вывод автор,— уже имелись признаки того, что экономическая жизнь начинает пульсировать быстрее»[82].

Побывав в СССР в 1930 г., С. Харпер отмечал колоссальное промышленное строительство, быстрые темпы индустриализации, огромный спрос на рабочую силу. В этой части своей работы автор прямо не пишет, что именно в тот год в СССР была полностью ликвидирована безработица. Однако в разделе, посвященном его впечатлениям от поездки в Советский Союз в 1932 г., он писал, что в начале 30-х годов в нашей стране уже не было армии безработных[83].

---

[79] Ibid., p. 46.
[80] В 1926 г. С. Харпер был в командировке в СССР.
[81] *S. N. Harper*. The Russia J Believe in. The Memoirs (1902—1941). Chicago, 1945, p. 10.
[82] Ibid., p. 19.
[83] Ibid., p. 57.

Довольно объективная оценка событий, происходивших в СССР в годы первой пятилетки, дается в книге видного общественного деятеля Франции Жюля Мока «СССР открытыми глазами»[84], в которой подчеркивается огромное значение индустриализации и социалистической реконструкции сельского хозяйства для развития СССР, для решения целого ряда проблем и, в частности, проблемы ликвидации безработицы.

Краткий обзор зарубежной историографии показывает, сколь актуальна и необходима разработка проблемы ликвидации безработицы в СССР. Она нужна для стран, вступивших на путь социализма, так как помогает им определить пути и методы решения этой проблемы. Изучение этой проблемы необходимо для борьбы с буржуазными фальсификаторами истории, которые стремятся очернить историю Советской страны, замолчать или опорочить ее достижения и успехи.

Источники

При изучении проблемы безработицы в целом, а также в период перехода от капитализма к социализму исключительную ценность представляют труды классиков марксизма-ленинизма. В них имеется научно обоснованное объяснение возникновения резервной армии труда, вскрываются закономерности ее развития при капитализме, теоретически доказывается возможность и необходимость ликвидации безработицы в социалистическом обществе.

Важнейшим историческим источником при изучении проблемы ликвидации безработицы в СССР являются труды В. И. Ленина. В ленинских работах, написанных после Великой Октябрьской социалистической революции, имеются ценные высказывания о состоянии безработицы в первые месяцы Советской власти, показано тяжелое положение государства в связи с голодом и безработицей, полученными Советской властью в наследство от царской России. В. И. Ленин был творцом важнейших декретов Советского правительства, заложивших основы ликвидации безработицы в СССР. Он принимал самое непосредственное участие в выработке мер по борьбе с безработицей, им был подписан исторический декрет СНК о страховании на случай безработицы.

Источниками первостепенной важности являются многочисленные документы Коммунистической партии и Советского правительства. В распоряжении исследователя имеются стенограммы съездов и конференций партии, решения пленумов ЦК ВКП(б), партийные постановления по вопросам труда и безработицы в Советской стране. Эти материалы сосредоточены в опубликованных стенограммах съездов и конференций партии, многие из которых в последние годы переизданы, в сборниках «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», в вы-

[84] *Y. Moch.* URSS les yeux ouverts. Paris, 1956.

лусках «Справочника партийного работника»[85] и периодических печатных органах партии — «Известия ЦК РКП(б)» (затем ЦК ВКП(б) и «Правда».

Документы Советского правительства — решения съездов Советов и сессий ВЦИК и ЦИК СССР, постановления и декреты Совнаркома и СТО — находятся в опубликованных стенограммах съездов Советов и сессий ВЦИК и ЦИК СССР и в систематических выпусках «Собрания узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства»[86].

Важнейшие постановления партии и правительства опубликованы в сборниках «Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам», т. 1, 1917—1928 (М., 1957), т. 2, 1929—1940 (М., 1958) и сборниках «Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам», т. I, 1917—1928 (М., 1967), т. II, 1928—1940 (М., 1967).

Разнообразные по составу и содержанию документы партии и правительства помогают вскрыть истинные причины безработицы в Советской стране в переходный период от капитализма к социализму, определить ее характер и специфические особенности, уяснить пути уничтожения безработицы в стране Советов и пр.

Ценным источником при изучении проблем безработицы являются постановления, распоряжения, циркуляры и инструкции Наркомата труда СССР, НКТ союзных республик, губернских отделов труда и других ведомств, публиковавшиеся в журналах «Известия Наркомата труда СССР» и «Вопросы труда». По этим документам можно проследить пути и средства борьбы Советского государства с безработицей с 1921 по 1930 г.[87]

Важными документами являются официальные материалы Госплана СССР о пятилетнем плане развития народного хозяйства в 1928/29—1932/33 гг. и итогах его выполнения[88]. В этих документах зафиксированы задачи в области борьбы с безработицей в годы первой пятилетки, подведены итоги этой борьбы, показаны некоторые социально-экономические последствия ликвидации безработицы в СССР.

К группе официальных источников следует причислить документы профсоюзных и комсомольских органов. С 1918 г. началась систематическая публикация полных стенографических отчетов Всероссийских (затем Всесоюзных) съездов профессиональных

---

[85] «Справочник партийного работника», вып. I—VII. М.— Л., 1921—1930 гг. В справочнике наряду с партийными документами имеются директивные материалы советских, профсоюзных и комсомольских органов.

[86] С 1927 г. эти выпуски стали называться «Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства СССР».

[87] «Известия Наркомата труда СССР» издавались с 1921 г.; «Вопросы труда» — с 1923 г.

[88] «Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР», т. 1—3. М., 1929, изд. 2-е и 3-е. М., 1930; «Итоги выполнения первого пятилетнего плана развития народного хозяйства Союза ССР». М., 1933.

союзов [89]. В этих материалах имеются многочисленные и разнообразные сведения о безработице в Советской стране. О специфическом характере безработицы среди молодежи, о мерах борьбы с нею, о трудоустройстве подростков мы находим данные в стенографических отчетах съездов ВЛКСМ [90].

В 20-х годах и первой половине 30-х годов издавалось большое количество статистических материалов, посвященных труду в целом и безработице в частности. В экономико-статистических сборниках по труду, промышленности и народному хозяйству публиковались подробные сведения о состоянии промышленности, численности рабочих и служащих, материальном и культурном уровне рабочего класса и т. п. Здесь же печатались данные о численности безработных в СССР [91]. Наиболее обстоятельные сведения по этим вопросам можно почерпнуть в сборниках — материалах по контрольным цифрам народного хозяйства СССР [92]. В этих сборниках, выпускаемых Госпланом СССР с 1925/26 г., особый интерес представляют разделы, посвященные вопросам труда, в которых имеются подробные сведения о состоянии безработицы в СССР. Эти данные при их сравнении и сопоставлении позволяют выявить зависимость безработицы от состояния народного хозяйства страны и особенно промышленности, дают возможность обнаружить закономерности и тенденции ее развития.

Большую ценность имеют сведения, полученные в результате переписей населения. Это прежде всего данные Всесоюзной переписи населения 1926 г., при обработке которых был выделен специальный том, посвященный безработице [93]. Интересный материал, особенно для изучения последствий ликвидации безработицы, дали профсоюзные переписи 1929 г. и 1932—1933 гг. [94]

---

[89] За время с 1918 по 1932 г. были опубликованы стенограммы I—IX съездов профессиональных союзов.

[90] См. «VI съезд ВЛКСМ». Стенографический отчет. М.— Л., 1924; «VII съезд ВЛКСМ». Стенографический отчет. М.— Л., 1926; «VIII съезд ВЛКСМ». Стенографический отчет. М., 1928; «IX съезд ВЛКСМ». Стенографический отчет. М., 1931.

[91] «Труд в СССР». Статистическо-экономический обзор. М., 1924; «Труд в СССР. 1924—1926 гг.». Диаграммы. М., 1926; «Промышленность за 10 лет (1917—1927 гг.)». М., 1927; «Итоги десятилетия Советской власти в цифрах. 1917—1927». М., 1927; «Труд в СССР. 1926—1928 гг.». Диаграммы. М., 1928; «Труд в СССР. 1926—1930». Справочник. М., 1930; «Труд в СССР». Экономико-статистический справочник, М.— Л., 1932; «Народное хозяйство СССР». Статистический справочник. М.— Л., 1932; «Труд в СССР». Статистический справочник. М., 1936; «Промышленность СССР», 1936, и др.

[92] «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1928/29 г.». М., 1929; «Контрольные цифры народного хозяйства на 1929/1930». М., 1930; «Народнохозяйственный план СССР на 1931 г.» М., 1931.

[93] «Всесоюзная перепись населения 1926 г.», т. 52 (Безработные). М., 1931.

[94] «Перепись рабочих и служащих в 1929 г.», т. 1. Металлисты СССР. М., 1930. (Данные по другим отрядам рабочего класса, полученные в результате этой переписи, можно почерпнуть из книги А. Г. Рашина «Состав фабрично-заводского пролетариата СССР». М., 1930); «Профсоюзная перепись 1932—1933 гг.». М., 1934.

Уникальным источником при изучении проблем аграрного перенаселения и его влияния на состояние городской безработицы являются опубликованные статистическим отделом Народного комиссариата труда СССР статистические материалы «Отход сельского населения на заработки в СССР в 1926/27 г.»[95]. Эти материалы дают представление об отходе крестьянского населения на заработки за 4 года — с 1923/24 по 1926/27 г. в целом по СССР, а также по РСФСР (в том числе по основным его районам), Украине и Белоруссии. Данные этого источника в нашей научной литературе пока использованы недостаточно.

Для изучения самого процесса ликвидации безработицы особое значение имеют бюллетени по статистике труда, публиковавшиеся статистическим отделом Наркомтруда СССР в журнале «Вопросы труда» в 1927—1930 гг. В них на основании сведений бирж труда ежемесячно печатались данные о численности и составе безработных в СССР. Эти материалы имеются за период с октября 1926 г. по февраль 1930 г. Здесь же публиковались данные статотдела НКТ СССР об оказании трудовой помощи безработным через общественные работы и коллективы (артели).

Статистические данные о безработице публиковались также профсоюзными органами. В сборниках-материалах, издававшихся к съездам ВЦСПС, имеются сведения о численности и составе безработных — членов профсоюзов, о числе трудовых и производственных коллективов, о количестве общественных работ и т. д.[96]

Подобные же сведения о безработной молодежи можно почерпнуть из статистических данных, обнародованных ЦК ВЛКСМ[97].

В целом вся эта многочисленная группа статистических публикаций содержит разнообразный и ценный материал. Однако давая характеристику статистическим источникам 20-х — 30-х годов, следует еще раз обратить внимание на значительные расхождения в цифровом материале. Между данными ЦСУ, Госплана, Наркомата труда, ВЦСПС, ЦК ВЛКСМ и других ведомств обнаруживаются существенные противоречия в численности рабочих и служащих, в размерах плановых заданий и итогов развития народного хозяйства в целом и промышленности в особенности. Различные сведения давались по культурному строительству (число общеобразовательных школ, больниц, клубов, библиотек, ФЗУ, школ массовых профессий) и др. Особенно сильные противоречия обнаруживаются в статистике по безработице: порой расхождения в данных бирж труда, профсоюзов и страховых касс колеблются от 50 до 100%.

---

[95] «Отход сельского населения на заработки в СССР в 1926/27 г.». М., 1929.

[96] «Профессиональные союзы СССР. 1924—1926 гг. Отчет ВЦСПС к VII съезду профсоюзов». М., 1926; «Профессиональные союзы СССР. 1926—1928 гг. Отчет ВЦСПС к VIII съезду профсоюзов». М., 1928.

[97] См., например: «Отчет Центрального Комитета ВЛКСМ VIII Всесоюзному съезду». М., 1928; «Комсомол на фабриках и заводах к VIII съезду ВЛКСМ. По материалам выборочного обследования фабрично-заводских и транспортных ячеек ВЛКСМ на 1 октября 1927 г.» М., 1928, и др.

Самые большие цифры представляли профсоюзы, так как они регистрировали всех неработавших членов профсоюзов независимо от того, искали они работу или нет. Наименьшие цифры указывали страховые кассы, учитывавшие лишь тех, кто получал пособия. Средние цифры исходили от бирж труда. На наш взгляд, именно эти цифры можно считать наиболее верными, так как они отражали картину движения людей, не имевших работу и искавших ее.

Однако полностью положиться и на эти показатели все же не следует. Б. Л. Маркус, сравнивая данные бирж труда с материалами Всесоюзной переписи 1926 г., пришел к выводу, что цифры бирж труда были преувеличены на одну треть [98].

В определенной степени свести эти противоречия до минимума помогают более поздние статистические публикации [99], хотя их сведения по изучаемому нами вопросу значительно беднее.

Многочисленность и противоречивость статистических источников во многом осложнили работу над темой. Сопоставление, отбор и проверка цифрового материала являлись одной из важнейших задач исследования.

Богатейший материал по истории ликвидации безработицы в СССР содержится в периодической печати. В 20-е — 30-е годы издавалось большое количество ведомственных журналов — «Плановое хозяйство» (орган Госплана СССР), «Статистическое обозрение» (издание ЦСУ СССР), «Вестник труда», «Бюллетень Наркомтруда», «Известия НКТ СССР», «Вопросы труда» (журналы Народного комиссариата труда), «Экономическое обозрение» (издание газеты «Экономическая жизнь») и другие, в которых печатались самые разнообразные материалы по вопросам труда вообще и безработицы в частности. Наиболее разносторонний и ценный материал по исследуемой проблеме содержится в журналах Наркомата труда, особенно в журнале «Вопросы труда» (ежемесячный орган НКТ СССР). В нем систематически печатались официальные и статистические материалы НКТ СССР, информации о решениях партии, правительства и профсоюзов по вопросам труда и безработицы, отчеты о съездах органов труда с их постановлениями и рекомендациями.

Наибольшую часть материала можно почерпнуть из статей, помещенных в журналах. Их авторами выступали работники Госплана и органов труда, Наркомзема, ЦСУ, профсоюзные и комсомольские деятели. В этих статьях содержатся сведения по самым разнообразным проблемам безработицы: о численности и составе безработных, особенностях безработицы среди женщин и молоде-

[98] *Б. Л. Маркус.* Труд в социалистическом обществе. М., 1939, стр. 150—151.

[99] «Народное хозяйство СССР». Статистический сборник. М., 1956; «СССР в цифрах». Статистический сборник. М., 1958; «Народное хозяйство СССР». М., 1957—1970; «Промышленность СССР». М., 1964; «Страна Советов за 50 лет». Сборник статистических материалов. М., 1967; «Труд в СССР». Статистический сборник. М., 1968, и др.

жи, трудовой помощи безработным, работе Наркомтруда и местных органов труда, деятельности бирж труда, отходе крестьян на заработки, аграрном перенаселении и многие другие. Большая группа статей по безработице посвящена решению этой проблемы в национальных республиках (союзных и автономных), в отдельных губерниях и городах. Немало статей и сообщений посвящены вопросам безработицы в капиталистических странах: численность безработных, их материальное положение, борьба безработных и т. д. Обширные материалы журнала «Вопросы труда» являются уникальным источником по изучаемой проблеме.

Для исследования политики партии в области безработицы, изучения борьбы ленинского ЦК с оппозицией по этим вопросам важное значение имеют материалы партийных журналов: «Известия ЦК РКП(б)» [100], «Партийное строительство», «Большевик».

Обширный и самый разнообразный материал донесли до нашего времени газеты 20-х — 30-х годов («Правда», «Известия», «Комсомольская правда», «Труд», «Экономическая жизнь», «Рабочая газета», местные газеты, заводские многотиражки). Читая их, как бы попадаешь в изучаемую эпоху: оживают события, люди, факты.

Заканчивая характеристику прессы, следует подчеркнуть, что по обилию материала она является бесценным источником. Конечно, как и любой другой источник, сообщения прессы нуждаются в проверке и сопоставлении, словом, в критическом подходе.

С конца 50-х годов печатная источниковедческая база изучаемой проблемы обогатилась за счет выхода в свет сборников документов по истории рабочего класса и промышленности в СССР [101]. Особое значение имеют сборники по истории индустриализации, входящие в общесоюзную серию, издаваемую Главным архивным управлением при Совете Министров СССР, Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Институтом истории СССР и Институтом экономики АН СССР. Вышли три тома, посвященные индустриализации СССР в 1926—1937 гг. [102], и 16 томов издано по этой же проблематике на местах [103].

---

[100] С 1926 г. «Известия ЦК ВКП(б)».

[101] «Социалистическая индустриализация Азербайджана». Баку, 1957; «Первые шаги индустриализации СССР. 1926—1927». М., 1959; «Рабочий класс Советской России в первый год диктатуры пролетариата». М., 1964, и др.

[102] «Индустриализация СССР 1926—1928 гг.». Документы и материалы. М., 1969; «Индустриализация СССР. 1929—1932 гг.». Документы и материалы. М., 1970; «Индустриализация СССР. 1933—1937 гг.». Документы и материалы. М., 1971.

[103] «Индустриализация Северо-Западного района в годы первой пятилетки (1929—1932 гг.)». Л., 1967; «История индустриализации Казахской ССР (1926—1941 гг.)», в двух томах. Алма-Ата, 1967; «История индустриализации Урала. 1926—1932 гг.» Свердловск, 1967; «История индустриализации Западной Сибири (1926—1941 гг.)». Новосибирск, 1967; «История индустриализации Нижегородского-Горьковского края. 1926—1941 гг.» Горький, 1968; «Индустриализация Татарской АССР (1926—1941 гг.)». Казань, 1968; «Индустриализация Северо-Западного района в годы второй и третьей пятилеток. (1933—1941 гг.)». Л., 1969; «Индустриальное развитие Центрально-промышленного района. 1926—1932 гг.» М., 1969; «История индустриализации Центрально-черноземного

В этих сборниках содержатся разнообразные материалы, главным образом почерпнутые из местных архивов, о развитии промышленности и росте численности рабочего класса в крупных промышленных районах и национальных республиках в годы строительства социализма. В этих сборниках опубликованы также отдельные документы, относящиеся непосредственно к вопросам безработицы: численность безработных, финансовая и трудовая помощь лицам, не имевшим работы, и пр.

Печатные источники по проблеме ликвидации безработицы в СССР, несмотря на их обилие и многообразие, все же не могут даже в целом дать представление о прохождении этого процесса. Их необходимо дополнить архивными материалами, а во многих случаях при изучении целого ряда проблем безработицы лишь архивные источники позволяют осветить те или иные вопросы, в том числе такие коренные, как динамика безработицы на завершающем этапе ее ликвидации, особенно в 1930 г., влияние коллективизации сельского хозяйства на уничтожение безработицы, исчезновение безработицы среди интеллигенции и др.

Важным источником при изучении проблемы ликвидации безработицы в СССР являются документы и материалы Центрального партийного архива Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ЦПА ИМЛ). Здесь в фонде Центрального Комитета партии (ф. 17) хранятся богатейшие партийные материалы, а также документы хозяйственных органов, отражающие политику партии и правительства по всем вопросам развития Советской страны, в том числе по решению проблемы безработицы.

Автором изучены стенограммы пленумов ЦК ВКП(б), протоколы заседаний Политбюро ЦК ВКП(б) за 1926—1932 гг., а также документы некоторых отделов ЦК ВКП(б). Эти материалы чрезвычайно ценны при исследовании вопросов влияния социалистической индустриализации и сплошной коллективизации сельского хозяйства на ликвидацию безработицы в СССР. Кроме того, они важны своими фактическими сведениями по отдельным вопросам безработицы, особенно по вопросам борьбы ленинского ЦК с троцкистско-зиновьевской оппозицией и правыми по вопросам безработицы.

В фонде ЦК хранятся также многочисленные материалы местных партийных организаций: докладные записки, сводки и обзоры местных партийных комитетов, их решения по отдельным вопросам, отчеты о выполнении постановлений Центрального Комитета партии на местах, стенограммы совещаний, проходивших в отделах ЦК по самым различным вопросам, и др. Из этих многообразных материалов можно почерпнуть сведения о состоянии безработицы в различных районах страны, узнать о конкретной борьбе местных партийных организаций с безработицей. Следует от-

---

района. 1926—1932 гг.», т. I. Воронеж, 1970; «История индустриализации Северного района. 1926—1941 гг.» Архангельск, 1970, и др.

метить, что многие из этих документов были широко использованы в монографии К. И. Суворова [104], что позволило автору некоторые из этих материалов брать не из первоисточников, а из указанной монографии.

Автор использовала также материалы отдельных личных фондов: Ф. Э. Дзержинского (ф. 67), В. В. Куйбышева (ф. 79), Г. К. Орджоникидзе (ф. 85), Г. М. Кржижановского (ф. 355) и Г. И. Петровского (ф. 482). В перечисленных фондах имеются тексты выступлений этих видных партийных деятелей на заседаниях ВСНХ, Госплана, совещаниях хозяйственников, на крупных стройках страны и т. д. Здесь же хранится переписка с различными учреждениями и отдельными лицами, докладные записки с мест и пр. Во всех этих материалах содержатся фактические сведения об экономическом и политическом положении страны. Среди них имеются отдельные данные по безработице, о состоянии трудовых ресурсов после исчезновения армии безработных и т. д.

Некоторый дополнительный материал по проблеме автор почерпнула из фонда воспоминаний (ф. 71). Многие воспоминания старых большевиков, относящиеся к 1922—1930 гг., рисуют впечатляющую картину восстановления народного хозяйства и его развития на путях социалистической индустриализации. Эти материалы, как и любые другие мемуары, нуждаются в особой проверке, ибо человеческая память далеко не безгранична.

Среди архивных источников первостепенное значение имеют документы и материалы Центрального государственного архива Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР (ЦГАОР СССР). Здесь хранятся богатейшие документальные материалы Наркомата труда СССР (ф. 5115). В его многочисленных описях (1,2, 15, 24 и др.) имеется свыше 10 тыс. дел, отражающих деятельность Наркомата с 1923 по 1933 г. До сих пор многих из этих дел еще не касалась рука исследователя.

Частично материалы НКТ СССР были использованы в исследованиях А. С. Сычевой и К. И. Суворова. Однако такие разносторонние источники, как конъюнктурные обзоры по труду (месячные, поквартальные и годовые), изучение которых позволяет проследить за процессом ликвидации безработицы в СССР, не были известны этим историкам [105].

Наиболее ценный материал сохранился в архиве Отдела рынка труда (оп. 24). Здесь имеются отчеты бирж труда за 1926—1930 гг., информационные справки о состоянии безработицы по республикам и областям, обобщающие данные по всей стране, составленные Отделом на основании первоисточников, и т. д. В ар-

---

[104] *К. И. Суворов.* Исторический опыт КПСС по ликвидации безработицы. 1917—1930.

[105] Характеристика этого источника дана в статье Л. С. Рогачевской.— См. «Археографический ежегодник за 1966 г.» М., 1968.

хиве Отдела рынка труда сохранился материал буквально по всем вопросам безработицы: численность безработных, трудовая и финансовая помощь им, посредническая деятельность бирж труда, стенограммы совещаний работников органов труда и т. д.

Непосредственно к этой группе источников примыкают материалы Секретариата коллегии НКТ СССР (оп. 1). Здесь наряду с докладными записками и перепиской хранятся проекты постановлений Наркомтруда и протоколы их обсуждения на коллегии. Знакомясь с этими документами, исследователь как бы проникает в лабораторию советского законодательства. Он видит документ в первоначальном виде, знакомится с дополнениями и изменениями, внесенными в него в результате коллективного обсуждения, и, наконец, изучает этот же документ в окончательном виде. Изучение этих материалов помогло узнать историю разработки постановления ЦК ВКП(б) от 20 октября 1930 г., в котором был впервые зафиксирован факт ликвидации безработицы в СССР. Материалы Секретариата НКТ СССР важны также и тем, что они раскрывают механизм работы Наркомата труда (распорядок работы, штаты, характер заседаний Секретариата — повестки дня и пр.). Кроме того, они знакомят исследователя с людьми того периода, их выступлениями и т. д. (сохранились протоколы Секретариата).

Не меньший интерес представляют материалы Планового управления (оп. 15). Среди них особо выделяется большая группа документов, посвященная подготовке первого пятилетнего плана по труду — первоначальные наметки Наркомтруда по вопросам сокращения безработицы, стенограммы обсуждений этих программ и их окончательное утверждение. Здесь же сохранились материалы по контрольным цифрам по труду, составлявшимся ежегодно, в которых немало места отводится проблемам безработицы.

Местные материалы, отчеты НКТ союзных республик, информационные сводки губернских отделов труда имеются в архивах многих отделов Наркомтруда, но главным образом они сосредоточены в Общем отделе (оп. 2). Здесь наряду с обобщающими материалами хранятся и подготовительные документы (протоколы заседаний по вопросам труда, проходивших в республиках, отдельные наиболее важные копии постановлений и циркуляров местных органов труда и т. д.).

Столь же богаты материалами архивы и других отделов Наркомтруда. Обилие этих документов таково, что еще долгое время ученые будут находить в фонде НКТ СССР все новые и новые материалы, которые позволят обоснованнее аргументировать выводы, а также, возможно, и уточнять отдельные положения.

В ЦГАОР СССР хранится фонд Наркомата рабоче-крестьянской инспекции — НК РКИ СССР (ф. 374). Этот фонд также представляет большую ценность при изучении проблемы. В нем содержатся материалы обследований бирж труда и губернских органов труда, проводившиеся в 1923, 1924 и 1925 гг. Здесь скон-

центрированы материалы о безработице начиная с 1921 г.: динамика безработных, их состав, меры помощи и пр. Эти документы (сводки, отчеты, обзоры, докладные записки с мест, переписка с членами правительства и ЦК партии и др.) являются уникальными источниками, дающими весьма полную картину динамики безработицы в годы восстановления народного хозяйства. Этими материалами почти не пользовались исследователи [106], и введение их в научный оборот является одной из задач советской исторической науки.

При изучении проблем безработицы большую ценность представляют материалы профсоюзных фондов (ВЦСПС — ф. 5451, ЦК профсоюза металлистов — ф. 5469, ЦК профсоюза текстильщиков — ф. 5457, ЦК профсоюза железнодорожников — ф. 5475 и других ЦК профсоюзов). В них содержатся данные общего характера, такие, как количество безработных членов профсоюзов, их состав по квалификации и специальности и пр. Кроме того, здесь же имеются сведения о борьбе профсоюзов с безработицей, о помощи профсоюзных организаций тем, кто не имел работы, и т. д. При изучении вопросов борьбы с безработицей среди интеллигенции особую ценность представляют материалы ЦК профсоюза работников просвещения (ф. 5462), ЦК профсоюза «Медсантруд» (ф. 5465) и ЦК профсоюза работников искусств (ф. 5508). Документы, хранящиеся в этих фондах, позволяют уяснить значение культурного строительства, развернувшегося в годы пятилетки, для ликвидации безработицы в СССР.

Ценные материалы по проблеме были обнаружены в Центральном государственном архиве народного хозяйства СССР (ЦГАНХ СССР), особенно в фонде Госплана СССР (ф. 4372). Здесь в описях 26—29 (в архивах Сектора труда и быта) хранятся материалы, относящиеся к составлению первого пятилетнего плана развития народного хозяйства и его выполнению: различные варианты плана, стенограммы съездов плановых работников, на которых обсуждались первоначальные наметки плана, обзоры капитального строительства первой пятилетки, итоги выполнения пятилетки по годам, материалы годовых контрольных цифр и т. д. Архивные материалы Госплана СССР по вопросам составления первого пятилетнего плана развития народного хозяйства сравнительно давно используются исследователями и немало документов уже вошло в научный оборот [107]. Однако при изучении проблемы ликвидации безработицы эти документы по существу не использовались. Между тем именно в этом фонде были выявлены документы, ранее неизвестные историкам, позволившие по-новому

---

[106] Отдельные данные из этого фонда использованы А. А. Матюгиным в его монографии «Рабочий класс СССР в годы восстановления народного хозяйства». М., 1962.

[107] *И. А. Гладков.* От плана ГОЭЛРО к плану шестой пятилетки. М., 1956; «История СССР с древнейших времен до наших дней», т. VIII. М., 1967, и др.

подойти к изучению проблем влияния социалистической индустриализации и сплошной коллективизации сельского хозяйства на ликвидацию безработицы в СССР.

Особую ценность представляет докладная записка Сектора труда и быта Госплана СССР о причинах недостаточного снабжения рабочей силой промышленности и сезонных отраслей народного хозяйства в 1930 г.[108] В ней имеются конкретные данные о нехватке рабочих в 1930 г. во всех сезонных отраслях народного хозяйства, в каменноугольной промышленности, на новостройках первой пятилетки. Хотя эти сведения не являются уникальными (подобные данные найдены автором в фондах Наркомтруда СССР), однако новые дополнительные материалы о нехватке рабочей силы в 1930 г. позволили более обоснованно аргументировать вывод о недостатке рабочей силы в 1930 г., перерастании на рубеже 20—30-х годов проблемы безработицы в проблему нехватки рабочих кадров. В документе сделана попытка выявить причины этого явления. Одной из главных причин затруднений с рабочей силой в 1930 г., подчеркивалось в докладной записке, являлось резкое увеличение спроса на рабочую силу по сравнению с 1928—1929 гг. Этот вывод Госплана, подтвержденный конкретным статистическим материалом, отражал огромное влияние ускоренных темпов индустриализации на решение проблемы безработицы в Советской стране. Еще большую ценность имеют материалы рассматриваемой докладной записки об отходничестве сельского населения на заработки в 1929—1930 гг. Именно эти материалы позволили выявить зависимость исчезновения безработных в городе от сплошной коллективизации сельского хозяйства. Благодаря этим данным обнаруженная докладная записка имеет уникальное значение, поскольку она пока является единственным архивным источником, позволяющим сделать один из важнейших выводов по исследуемой проблеме.

Значительный интерес при изучении проблемы безработицы представляют и некоторые другие фонды ЦГАНХ СССР. В фондах ВСНХ СССР (ф. 3429) имеются протоколы заседаний Президиума и пленумов ВСНХ, которые дополняются «делами к заседаниям». В них имеются важные сведения о состоянии и развитии советской промышленности, росте численности рабочего класса, разработке первого пятилетнего плана в области промышленности и т. д.

Богатый материал по вопросам борьбы с безработицей среди молодежи был почерпнут автором в Архиве ЦК ВЛКСМ (ф. 1, оп. 2, 3, 4). Здесь были изучены документы пленумов ЦК ВЛКСМ (стенограммы, решения, тезисы выступлений и пр.), постановления бюро и Секретариата ЦК комсомола с приложениями за

---

[108] См. ЦГАНХ СССР, ф. 4372, оп. 28, д. 86, лл. 37—49. Ввиду ценности этого источника он полностью опубликован автором в «Археографическом ежегоднике за 1967 г.» М., 1969.

1926—1930 гг. В этих материалах содержатся сведения о численности безработной молодежи, о мерах помощи ей, о культурном обслуживании безработных юношей и девушек и пр. Особый интерес представляет группа документов, освещающая пути и меры борьбы с безработицей среди молодежи. Немало материалов посвящено «броне» подростков, т. е. предоставлению юношам и девушкам забронированных мест на предприятиях.

Еще больше документов хранят сведения о состоянии и планах развития общеобразовательных школ, школ профессионально-технического обучения (ФЗУ и школ массовых профессий), о планах роста специального среднего и высшего образования и пр. Эти материалы помогают исследованию такой важной проблемы, как влияние культурной революции на ликвидацию безработицы в СССР.

В Архиве ЦК ВЛКСМ изучены также документы экономической комиссии, в которых отражалась работа комсомола на производстве. Среди многочисленных материалов этой группы источников имеются сведения и о состоянии безработицы среди молодежи и мерах борьбы с нею. Материалы архива ЦК ВЛКСМ ранее не использовались исследователями при разработке проблем безработицы в СССР, многие из этих документов впервые вводятся в научный оборот.

При исследовании процесса ликвидации безработицы в СССР автор обратилась к местным архивам. При выборе архивов автор руководствовалась двумя основными принципами: масштабами безработицы в выбранном районе, а также состоянием и развитием промышленного строительства в районах. Исходя из этих признаков, были избраны местные архивы (партийные и государственные) Ленинграда, Москвы, Урала и Сибири [109].

В партийных архивах были изучены фонды обкомов ВКП(б) за 1926—1931 гг., в государственных архивах — фонды областных отделов труда и фонды профсоюзов за те же годы.

Наиболее богатый материал содержится в фондах областных отделов труда. Здесь хранятся конъюнктурные обзоры по труду и промышленности, сводки и отчеты о состоянии рабочей силы на предприятиях, инструкции и циркуляры местных органов труда по вопросам безработицы, стенограммы совещаний работников труда, материалы обследований и т. д. В этих же фондах имеются разнообразные материалы бирж труда: отчеты, сводки, справ-

---

[109] Ленинградский партийный архив (ЛПА) и Ленинградский государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства (ЛГАОРСС); Архив Института истории партии при МК и МГК КПСС (МПА) и Государственный архив Московской области (ГАМО); Партийный архив Свердловского обкома КПСС (ПАСО) и Государственный архив Свердловской области (ГАСО), здесь хранятся материалы до 1932 г. по всему Уралу; Партийный архив Новосибирской области (ПАНО) и Государственный архив Новосибирской области (ГАНО), где содержатся материалы, относящиеся к истории Сибири до 1932 г.

ки, переписка и пр. В этих первоисточниках имеются сведения о численности и составе безработных, состоявших на учете бирж труда, направлении безработных на работу, заявках предприятий на рабочую силу, работе бирж по организации трудовых и производственных коллективов из безработных, их деятельность по культурному обслуживанию безработных и пр. На основании данных бирж труда областные отделы труда готовили обобщающие сводки и отчеты о численности и составе безработных в целом по районам — Уралу, Сибири, Москве и Ленинграду. Таких справок сравнительно много в изучаемых фондах, хотя из-за плохой сохранности документов сводки по многим периодам отсутствуют. Несмотря на неполноту этих материалов, они позволяют исследовать процесс ликвидации безработицы на местах — обнаружить специфику, установить хронологические рамки этого процесса и т. д. Многих из просмотренных материалов фондов областных отделов труда ранее не касалась рука исследователя. В большинстве случаев они впервые вводятся в научный оборот.

Специфический материал дали фонды Центрального ордена Ленина Музея Революции СССР. Здесь в фонде социалистического строительства хранятся фотографии, запечатлевшие жизнь безработных. Интересные фотодокументы имеются о работе Московской биржи труда (снимки отдельных групп безработных, очередь из людей, ожидающих регистрации на бирже и пр.). Ряд фотографий изображает моменты обучения и переобучения безработных. Имеются фотографии отдельных трудовых и производственных артелей, а также снимки, показывающие общественные работы по уборке улиц, очистке от снега железнодорожных путей и пр. В этом же фонде хранятся подлинные книжки безработных на получение пособий с указанием, за какое время выдано пособие, и его размер.

В Музее Революции имеется также материал, освещающий жизнь и деятельность наркома труда В. В. Шмидта, возглавлявшего Наркомат с 1918 по 1928 г.

К этой группе источников непосредственно примыкают материалы, полученные автором при встречах и беседах его с очевидцами событий [110]. Эти материалы дали возможность восстановить ряд важных моментов, в особенности вопрос о материальном положении безработных, их жизни и быте в трудные для них годы, о работе Народного комиссариата труда, деятельности бирж труда и пр. Эти факты дополнили сведения, почерпнутые в архивных и опубликованных источниках.

[110] Запись таких бесед автор начала еще в 50-е годы, работая над проблемами истории рабочего класса в первые годы индустриализации. Тогда были записаны воспоминания А. П. Салова и Н. Н. Левиной — рабочих, первых ударников Москвы, пришедших на предприятия по путевкам Московской биржи труда. В 60-е годы были записаны воспоминания Л. А. Шмидт — жены и соратницы В. В. Шмидта, Е. Я. Гутиной — секретаря коллегии Наркомтруда СССР, В. П. Тырьянника, Ф. О. Вольфсона, И. Н. Ловецкого и других бывших безработных.

К этой же группе источников следует отнести опубликованные мемуары. Особенно ценные сведения были почерпнуты из книги Н. А. Изотова — рабочего-ударника, одного из героев первой пятилетки [111]. В воспоминаниях он описывает свое тяжелое детство. Его отец потерял работу и оставался безработным долгие годы. Скитания по городам, голод, страшная нищета — таковы воспоминания Изотова о 1907—1915 гг. В книге Н. А. Изотова ярко и убедительно показана тяжелая жизнь безработных до Великой Октябрьской социалистической революции. О положении тех, кто временно не имел работу в годы Советской власти, рассказывается в книге И. И. Гудова [112]. В воспоминаниях этого известного всей стране рабочего-новатора, стахановца весьма обстоятельно повествуется о событиях 20-х годов. Он пишет о биржах труда, помощи Советского государства безработным, общественных работах и пр. Особенно подробно автор описывает начало 30-х годов, когда в связи с огромным размахом нового строительства потребовалось колоссальное количество людей и была полностью ликвидирована безработица.

Мы рассмотрели основные группы документов, изученные в процессе работы. Ввиду большого количества источников, а также специальной литературы по вопросам труда, многие материалы не включены в монографию. Но изучение всего комплекса документов позволило сделать выводы и обобщения, базирующиеся на разнообразной источниковедческой базе.

Задачи, состояние историографии и источниковедческой базы определили структуру настоящей работы. В ней имеется 10 глав, которые можно объединить в три основные части. Первая часть касается событий 1917—1927/28 гг. В ней рассматривается борьба с безработицей начиная с первых дней Советской власти до принятия первого пятилетнего плана. Вторая часть посвящена решающему этапу ликвидации безработицы в СССР. Здесь исследуются пути и средства решения этой сложной социально-экономической проблемы и анализируется динамика безработицы в первые годы пятилетки. В третьей части сделана попытка выявить и рассмотреть основные социально-экономические и политические последствия ликвидации безработицы в Советской стране.

Хронологические рамки исследования — 1917—1930 гг. не нуждаются в особом обосновании. Это время существования безработицы в СССР. В ряде случаев хронологические рамки были значительно расширены. Во-первых, необходимо было хотя бы в самой общей форме рассмотреть проблему безработицы в дореволюционной России. Во-вторых, чтобы проанализировать социально-экономические последствия ликвидации безработицы в СССР и показать международное значение этого исторического события, необходимо было изучить целый ряд явлений, происходивших в 30-е годы.

---

[111] *Н. А. Изотов.* Моя жизнь. Моя работа. Харьков, 1934.
[112] *И. И. Гудов.* Судьба рабочего. М., 1970.

Процесс исчезновения армии безработных исследуется в основном на общесоюзном материале. Данные по крупнейшим промышленным центрам страны (Москвы, Ленинграда, Центрально-промышленного района, Урала, Сибири), а также по отдельным республикам проводятся лишь для сравнения и полноты картины.

Тема ликвидации безработицы далеко не исчерпывается данным исследованием. Многие проблемы, особенно связанные с ликвидацией безработицы на местах, требуют специальной разработки.

В заключение автор считает своим долгом выразить глубокую благодарность сотрудникам ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ЦГАОР СССР, ЦГАНХ СССР, архива ЦК ВЛКСМ, партийных и государственных архивов Ленинградской, Московской, Новосибирской и Свердловской областей, а также научным работникам Центрального музея Революции СССР, которые в течение многих лет помогали автору в сборе материалов и тем самым содействовали написанию этой книги.

Особенно автор признателен Л. А. Шмидт — жене и товарищу по работе наркома труда СССР В. В. Шмидта, Е. Я. Гутиной — секретарю коллегии НКТ СССР, В. П. Тырьянику — кинорежиссеру, бывшему безработному, и всем другим товарищам, которые оказали большую помощь, сообщив о лично пережитом ими и познакомив с рядом документов, материалов и иллюстраций.

Автор выражает искреннюю благодарность членам-корреспондентам АН СССР Ю. А. Полякову и Т. Т. Тимофееву, докторам исторических наук Ю. В. Воскресенскому, Л. С. Гапоненко, Э. Б. Генкиной, А. А. Матюгину, А. В. Митрофановой, В. Е. Полетаеву, кандидатам исторических наук З. К. Звездину, Б. Н. Казанцеву, В. С. Лельчуку, И. П. Остапенко, С. Л. Сенявскому за ценные замечания и пожелания, высказанные ими в ходе обсуждения рукописи, а также благодарит младших научных сотрудников Института истории СССР АН СССР Н. С. Архангородскую, Е. И. Кроткову и В. И. Полежаеву за помощь в подготовке работы к изданию.

Часть I

БОРЬБА С БЕЗРАБОТИЦЕЙ В ПЕРВОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Глава первая

ВЕЛИКАЯ ОКТЯБРЬСКАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И СОЗДАНИЕ ПРЕДПОСЫЛОК ДЛЯ ЛИКВИДАЦИИ БЕЗРАБОТИЦЫ В СОВЕТСКОЙ СТРАНЕ

Тяжелое наследство

25 октября 1917 г. в России произошла Великая Октябрьская социалистическая революция. Народ взял власть в свои руки, взял на себя ответственность за будущее первой республики труда. Провозглашая Советскую власть, вождь революции В. И. Ленин торжественно объявил: «Отныне наступает новая полоса в истории России, и данная, третья русская революция должна в своем конечном итоге привести к победе социализма»[1].

Множество проблем встало перед победившим народом России и одной из важнейших стала проблема ликвидации безработицы.

Безработица в России появилась в пореформенное время в связи с развитием капитализма. К концу XIX в. она достигла значительных размеров, но определить численность безработных было невозможно, так как такой учет по существу не велся. В. И. Ленин в 1899 г. писал: «Определить хотя бы приблизительно количество безработных в средний год невозможно за полным отсутствием сколько-нибудь надежных статистических данных; но несомненно, что число это должно быть очень велико: об этом свидетельствуют и те громадные колебания капиталистической промышленности, торговли и земледелия,.. и те обычные дефициты в бюджетах крестьян низших групп, которые констатирует земская статистика»[2].

Л. М. Клейнборт, автор первой обобщающей работы по истории безработицы в России[3], считал началом массовой безработицы 80-е годы прошлого столетия, когда русский капитализм впервые ярко обнаружил свои противоречия. Такой же точки зрения придерживается и А. Ф. Яковлев — исследователь, работающий в наше время[4].

С начала 80-х годов началось сокращение промышленного производства. В 1882 г. разразился экономический кризис, принявший характер всеобщего перепроизводства и захвативший важнейшие отрасли промышленности. Кризис и последовавшая за ним промышленная депрессия продолжались вплоть до 1887 г. За это

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 35, стр. 2.
[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 3, стр. 585.
[3] *Л. М. Клейнборт.* История безработицы в России. 1857—1919 гг. М., 1925, стр. 103.
[4] *А. Ф. Яковлев.* Экономические кризисы в России. М., 1955.

время выпуск стали сократился на 38%, производство продукции машиностроения — на 11,5%, выпуск товаров легкой промышленности — примерно на 15%.[5]

Кризис и промышленная депрессия 80-х годов принесли тяжелые бедствия пролетариату России. С заводов и фабрик были уволены тысячи рабочих. Только в Петербурге без работы остались десятки тысяч человек: на заводе Берда, на котором было занято до 3—4 тыс. человек, осталось всего 800—900, на Самсоньевском вместо 1500 человек — 450, на заводе Нобеля вместо 1200 — около 600 и т. д. Такое же положение было в Москве, Орехово-Зуеве, Иваново-Вознесенске и других промышленных центрах.

Массовая безработица значительно ухудшила положение рабочего класса и условия его труда, которые и до этого были весьма тяжелыми. Буржуазия использовала безработицу для усиления эксплуатации рабочих, добиваясь покрытия «издержек» кризиса и промышленной депрессии за счет снижения заработной платы, удлинения рабочего дня и повышения интенсификации труда. По данным Е. М. Дементьева, заработная плата рабочих в 80-е годы на многих заводах уменьшилась в 4—5 раз. Так, квалифицированный рабочий на машиностроительных и литейных заводах получал 30—35 руб. в месяц, а во время кризиса нередко заработок рабочего спускался до 7 руб. Рабочий день, продолжавшийся ранее 12—13 час., подчас доходил теперь до 16—18 час.[6]

Новый экономический кризис разразился в 1900 г. В работе «Новое побоище» В. И. Ленин писал, что процветание сменилось кризисом, «фабрики сокращают производство, распускают рабочих, которые массами оказываются на улице без куска хлеба»[7]. По своей интенсивности экономический кризис начала 900-х годов был значительно сильнее, чем предыдущий. Он начался с мануфактурных центров: Москва, Иваново-Вознесенск, Белосток, Лодзь, а затем охватил все другие отрасли и центры промышленного производства. На некоторых предприятиях были уволены половина, а то и две трети всего состава рабочих. Рабочие оставались без всяких средств к существованию. Одна из газет писала о бедствиях лодзинских безработных: «Ткачи, словно полоумные, ходили по городу, ища кусок хлеба... На днях на улице замечена была молодая женщина, не более 21 года. Она шла, шатаясь, как пьяная, возбуждая насмешки прохожих, и у нее едва хватило голоса сказать, что она не ела уже 7 дней. В тот же день упал без чувств мужчина на улице, оказавшийся ткачом, лишившимся работы. Он не ел несколько дней и не имел даже своего угла.

---

[5] *А. Ф. Яковлев.* Указ. соч., стр. 140—142, 146.

[6] *Е. М. Дементьев.* Фабрика, что она дает населению и что она у него берет. М., 1893.

[7] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 5, стр. 15.

Тогда же на улице были подобраны совершенно истощенные от голода 12-летний мальчик, девушка 21 года и 55-летний старик»[8].

Особенно сильно безработица захватила юг России. В Екатеринославской губернии скопилось 10 тыс. безработных. В Харькове не менее 1600 рабочих остались без куска хлеба. На Краматорском заводе расчет получили все рабочие. Из Баку в поисках работы выехало свыше 8,5 тыс. человек. В 1902 г. с одного Юзовского завода было рассчитано 15 тыс. человек (осталось всего 5 тыс. рабочих). В Баку и Астрахани скопилось свыше 10 тыс безработных[9].

Безработица начала 900-х годов приняла угрожающий характер. С 1900 по 1903 г., по официальным данным фабричной инспекции, было закрыто свыше 3 тыс. фабрик и заводов с 112,4 тыс. человек; в 1900 г. закрылось 550 предприятий с 20,1 тыс. рабочих, в 1901 г.— 1016 предприятий с 35 тыс. рабочих, в 1902 г.— 840 предприятий с 34 тыс. рабочих и в 1903 г.— 682 предприятия с 23,3 тыс. рабочих[10]. По данным П. И. Лященко, в обрабатывающей промышленности только в 1901 г. было уволено 35 тыс. рабочих, в 1902 г. — примерно 33,5 тыс. На юге России в доменном производстве за это же время численность рабочих сократилась с 54 тыс. до 43,2 тыс.[11]

Массовая безработица имела тяжелые последствия — положение всего рабочего класса резко ухудшилось. В феврале 1901 г. «Искра» (№ 2) сообщала: «Безработица становится все сильнее и сведения о ней приходят отовсюду... заработки почти на всех предприятиях понижены на 20—30%. У Торнтона ткачи вырабатывают 6—8 руб. в месяц, у Максвеля женщины — 3—4 руб., мужчины — 8—11 руб., у Паля поденщики получают 20 коп. в день и т. п.». В ноябрьском номере «Искры» отмечалось: «С 1 октября расценки на Ивановских фабриках, обыкновенно понижаемые на 10%, понижены на 30%. Фабриканты, очевидно, пользуются тем, что кризис создал массу безработных»[12]. В начале 1902 г., разрабатывая проект программы Российской социал-демократической партии, В. И. Ленин писал, что необеспеченность существования и безработица становятся уделом все более и более широких слоев трудящегося населения России[13].

В 1905—1907 гг. безработица вновь усилилась. К сожалению, мы не можем привести обобщающие данные о численности безработных. Но вот некоторые иллюстрации за 1906 г.: в Харькове было зарегистрировано 2,5 тыс. безработных, в Одессе — 12,4 тыс., в Лодзи — 18 тыс., в Туле — 10 тыс., в Ростове-на-Дону — 5 тыс.,

---

[8] *Л. М. Клейнборт.* Указ. соч., стр. 73.
[9] Там же, стр. 76—77, 80—81.
[10] *А. Ф. Яковлев.* Указ. соч., стр. 294.
[11] *П. И. Лященко.* История народного хозяйства СССР, т. II. Капитализм. М., 1956, стр. 238.
[12] «Искра», № 10, ноябрь 1901, стр. 11.
[13] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 6, стр. 204.

в приволжских губерниях — 200 тыс.[14] Особенно острое положение было в Москве и Петербурге. Только ночлежками московского Хитрова рынка пользовалось 20 тыс. безработных. В Петербурге и его окрестностях, по подсчетам Л. М. Клейнборта, было не менее 55 тыс. безработных.

В 1906 г. В. И. Ленин отмечал, что Россия переживает экономический и финансовый кризис, который «расширяется и обостряется, порождая страшную безработицу в городах и голод в деревнях»[15]. В 1907 г. Ленин констатировал те же явления. Экономический кризис, писал он, «порождает по-прежнему громадных размеров безработицу в городах, голод в деревнях»[16].

О составе безработных того периода дают представления такие данные: в Москве из 10 тыс. безработных было 3 тыс. слесарей, 600 железнодорожников, 500 водопроводчиков; в Петербурге из 15,7 тыс. безработных — 8 тыс. металлистов, более 1 тыс. текстильщиков, 3,5 тыс. чернорабочих.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что безработица парализовала людей, имевших производственную квалификацию. Корреспондент газеты «Наша жизнь» писал: «Как-то трудно даже представить, не хочется верить, что десятки, сотни тысяч рабочих, да еще каких: артистов, художников своего дела — остались без работы, без средств... Все эти кузнецы, слесари, каменщики, плотники, плугари, рыбники и пр.— может ли это быть? Но это было именно так: вся эта масса людей обрекалась прямо на голодную смерть»[17].

Безработица затронула и интеллигенцию: в 1905—1907 гг. лишились работы многие техники, фармацевты, железнодорожные, почтово-телеграфные и земские служащие и др.

Особенно тяжелым в этом отношении было положение женщин. Оставшись без работы, многие из них вынуждены были идти на панель. «Нужда, голод и полное отсутствие возможности заработка,— писал корреспондент «Правды»,— гонит многих из них на улицу. В трактирах и ресторанах теперь можно видеть массу несчастных женщин, которых капитал обращает в невольных белых рабынь»[18].

Как правило, безработица была не кратковременной. Подтверждением этого служат данные, полученные в результате выборочного обследования, проведенного в 1906 г. в Москве. Из 1409 обследованных 230 человек (16,3%) не имели работы в течение 1 месяца, 194 (13,8%) — 2 месяца, 112 (7,9%) — 3 месяца, 114 (8,1%) — 4 месяца, 208 (14,8%) — 5 месяцев, 157 (11,1%) — 6 месяцев, 212 (15%) — от 6 до 9 месяцев, 93 (6,6%) — от 9 до 12 ме-

---

[14] *Л. М. Клейнборт.* Указ. соч., стр. 104—105, 182.
[15] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 12, стр. 224.
[16] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 15, стр. 3.
[17] Цитируется по книге: *Л. М. Клейнборт.* Указ. соч., стр. 115.
[18] «Путь правды», 12 апреля 1912 г.

сяцев, 35 (2,5%) — от 1 до 1,5 года, 18 (1,3%) — от 1,5 до 2 лет, 36 (2,6%) — более 2 лет [19].

Таким образом, безработные до 3 месяцев составляли 38% из общего числа, от 3 до 6 месяцев — 34%, более полугода — 1 год — 21,6% и больше года — 6,4%.

Аналогичные данные были получены при обследовании безработных металлистов Петербурга. Из 1892 ответивших на анкету лишь у 704 не было работы в течение месяца и менее (для сравнения укажем, что средняя продолжительность безработицы металлистов западных стран составляла 14—16 дней) [20].

К началу первой мировой войны, по самым минимальным подсчетам (по переписи 1913 г., охватившей лишь крупные города), в России было примерно 0,5 млн. безработных.

Эту цифру мы находим у многих исследователей: Я. И. Гиндина, А. Исаева, Д. Ледяева, Л. Минца, К. Суворова и др. [21] Л. Е. Минц на основании изучения материалов промышленных переписей трех крупных городов — Петербурга, Москвы и Баку — составил следующую таблицу.

Таблица 1

Безработица в крупнейших городах России *

Город	Год переписи	Число безработных, в тыс.	В % ко всему населению	В % к самодеят. населению	В % к наемным рабочим и служащим
Петербург	1900	Нет свед.	0,8	Нет свед.	Нет свед.
	1911	Нет свед.	2,0	3,2	4,3
Москва	1902	19,0	1,7	2,3	3,1
	1912	29,4	1,8	2,8	3,8
Баку	1913	2,5	1,2	2,5	5,9

* *Л. Минц.* Безработица в дореволюционной России и СССР.—БСЭ, т. 5. М., 1930, стб. 214.

Рассчитав приведенные данные, Л. Е. Минц сделал вывод, что в период 1900—1913 гг. среднее годовое количество безработных составляло, не считая впервые предлагавших свою рабочую силу, около 400—500 тыс. чел.

На самом деле резервная армия труда была значительно больше. Ее ряды все время пополнялись не только за счет уволенных рабочих, а главным образом вследствие аграрного перена-

[19] «Русская мысль», 1908, № 10, стр. 199.

[20] «Материалы об экономическом положении и профорганизации петербургских рабочих по металлу». СПб., 1909, стр. 128.

[21] *Я. И. Гиндин.* Профсоюзы и безработица (1917—1927). М., 1927; *А. Исаев.* Безработица в СССР и борьба с нею. (За период 1917—1924 гг.); *Д. Ледяев.* Безработица в СССР и борьба с ней (1917—1927 гг.).— «Вопросы труда», 1927, № 10, стр. 105; *Л. Минц.* Безработица в дореволюционной России и СССР.— БСЭ, т. 5. М., 1930, стб. 214; *К. И. Суворов.* Исторический опыт КПСС по ликвидации безработицы. М., 1968.

селения в стране. В 1900 г. только в Европейской части России насчитывалось до 23 млн. лишних рабочих рук в деревне [22].

Огромную массу обнищавшего крестьянства Ленин считал составной частью резервной армии безработных. Он писал в 1910 г.: **«Неверно было бы представлять себе резервную армию безработных таким образом, как будто бы ее составляли только рабочие, не имеющие работы. К ней принадлежат и «крестьяне» или «мелкие хозяева», которые не могут существовать тем, что дает им их ничтожное хозяйство, которые *должны* добывать себе средства к жизни главным образом работой по найму»** [23].

Исчислить полные размеры безработицы накануне первой мировой войны не представляется возможным ввиду отсутствия соответствующей статистики.

Империалистическая война обострила безработицу. Несмотря на то, что призывы в армию отвлекли от производительного труда миллионы людей, в стране сохранялась безработица. К. Н. Тарновский, исследовавший вопросы развития промышленности России в годы первой мировой войны, приводит такие данные: за год — с сентября 1914 г. по сентябрь 1915 г.— в армию было призвано около 5,5 млн. человек. В результате резко обострилось положение с обеспечением рабочей силой всех отраслей промышленности. На металлургических заводах «Продамета» недоставало примерно 30 тыс. рабочих. В горной промышленности Урала мобилизация рабочих в армию привела к уменьшению рабочей силы на 22,3% и т. д. [24]

Однако предприниматели не спешили использовать труд безработных, так как это должно было привести к повышению заработной платы. Они предпочитали пользоваться более дешевыми источниками пополнения рабочей силы. В условиях войны одним из таких источников стал труд военнопленных. К концу 1915 г. на металлургических заводах Юга количество военнопленных составляло 25% общего числа рабочих, а в железных рудниках — 55%. На уральских заводах процент военнопленных в составе рабочих доходил до 30% [25].

Дешевым источником пополнения рабочей силы стал женский труд и труд подростков, получивший широкое распространение уже в первый год империалистической войны. В 1915 г. на металлургических заводах Юга женщины составляли 14,2 всего состава рабочих против 3,5% в 1913 г., подростки соответственно— 12,2% и 3,8% [26].

---

[22] По данным Департамента окладных сборов.— См. «Доклады и сообщения Института истории АН СССР», вып. 6. М., 1955, стр. 10.

[23] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 19, стр. 332.

[24] *К. Н. Тарновский.* Формирование государственно-монополистического капитализма в России в годы первой мировой войны (на примере металлургической промышленности). М., 1958, стр. 25—27.

[25] *Г. Д. Бакулев.* Черная металлургия Юга России. М., 1953, стр. 209; *П. В. Волобуев.* Пролетариат и буржуазия России в 1917 году. М., 1964, стр. 23.

[26] *К. Н. Тарновский.* Указ. соч., стр. 27—28.

Кроме того, уже в первый год войны промышленники начали сравнительно широко использовать труд беженцев. Промышленность в прифронтовой полосе резко сокращалась — рабочие массами увольнялись с заводов. Так, к ноябрю 1914 г. в Варшаве из 64,8 тыс. рабочих безработными было 40,8 тыс.[27] Уволенные с предприятий рабочие уезжали в Центральную Россию и там готовы были продать свою рабочую силу за самую минимальную плату.

С 1914—1915 гг. предприниматели начали использовать труд завербованных китайцев, персов и корейцев. Их труд оплачивался значительно дешевле, чем труд русских рабочих.

Возникавшие уже в первый год войны дополнительные источники рабочей силы позволили промышленникам сохранить армию безработных[28]. Журнал «Вопросы страхования» писал, что «война отчасти породила, отчасти усилила безработицу. Число безработных достигло необычайных размеров»[29].

Судить в целом о размерах безработицы в 1915 г. мы не в состоянии, так как не имеем сведений на этот счет. Но вот некоторые косвенные данные, которые приводит П. И. Лященко. За 9 месяцев 1915 г. в Петрограде, Москве и некоторых других городах было зарегистрировано 313,9 тыс. рабочих, предлагавших свой труд, а работу получили 237,9 тыс. человек. Следовательно, более 75 тыс. человек пополнили ряды безработных[30].

На состояние безработицы существенное влияние оказало закрытие уже в первые 1,5 года войны многих фабрик и заводов. По данным фабрично-заводской инспекции, в 1914—1915 гг. было остановлено производство на 5512 предприятиях, численность промышленных рабочих сократилась примерно на 400 тыс. человек[31].

Конечно, сокращение общего числа рабочих в первую очередь произошло в результате призыва в армию, но не подлежит сомнению, что некоторая часть рабочих, особенно непризывного возраста, попала в ряды безработных.

За годы войны в армию было мобилизовано 15 млн. человек, из них 7 млн. городских жителей[32]. По свидетельству Л. С. Гапоненко, специально изучавшего вопрос о мобилизации рабочих, точных сведений о численности призванных в армию промышленных рабочих не сохранилось. Исследователи, использовавшие раз-

---

[27] *П. И. Лященко.* Указ. соч., стр. 588.

[28] В 1918 г. вышел сборник «Вопросы безработицы», в котором была сделана попытка доказать, что в годы первой мировой войны (до 1917 г.) в России не было безработицы. При этом авторы исходили только из голых цифр статистики — преобладания на рынке труда спроса над предложением рабочей силы. Книга была написана явно тенденциозно. Авторы стремились доказать, что безработица появилась в России только во второй половине 1917 г., особенно после Октябрьской революции.— «Вопросы безработицы». М., 1918, стр. 19—20.

[29] «Вопросы страхования», 1915, № 6, стр. 3.

[30] *П. И. Лященко.* Указ. соч., стр. 649.

[31] *Л. С. Гапоненко.* Рабочий класс России в 1917 году. М., 1970, стр. 50.

[32] *П. И. Лященко.* Указ. соч., стр. 583.

личные источники, полагают, что в армию было призвано от 17 до 40% всего состава фабрично-заводских рабочих. По подсчетам И. П. Лейберова и О. И. Шкаратана, мобилизация в Петербурге охватила примерно 17% промышленных рабочих. В Москве, по данным Г. А. Трукана, в армию было призвано от 20 до 28% рабочих. В целом по стране, по ориентировочным подсчетам Л. С. Гапоненко, с предприятий было взято более 30% рабочих, а по данным П. В. Волобуева —20—25%[33]. Ранее в исторической литературе имела распространение другая цифра — 40%[34].

Несмотря на существенную убыль рабочего класса, городская резервная армия труда продолжала сохраняться. При этом в течение всех лет войны промышленники по-прежнему предпочитали пользоваться дешевой рабочей силой военнопленных, женщин, подростков, беженцев и др. К апрелю 1917 г. в народном хозяйстве России было занято 1648 тыс. пленных[35]. Удельный вес мужчин, занятых в производстве за годы первой мировой войны, заметно снизился и составил[36]:

	1913 г.	Январь 1917 г.
Вся промышленность	68,8	59,0
В том числе		
Обработка металла	94,9	80,2
„ хлопка	43,5	30,0
Пищевая промышленность	82,6	65,0

Эти материалы свидетельствуют о том, что к 1917 г. в промышленности было занято более 40% женщин и подростков.

В 1916 г. в России насчитывалось свыше 3 млн. беженцев. Оставшись без крова и хлеба в результате вражеской оккупации, эти люди готовы были устроиться на работу на любых условиях.

В годы войны, особенно после введения закона об отсрочках призыва в армию промышленных рабочих, на предприятия устремились средние и зажиточные слои крестьянства. Г. А. Трукан, изучавший этот вопрос относительно Центральной России, приво-

[33] *И. П. Лейберов, О. И. Шкаратан.* К вопросу о составе петроградских промышленных рабочих в 1917 г.— «Вопросы истории», 1961, № 1, стр. 52; *П. В. Волобуев.* Пролетариат и буржуазия России в 1917 году. М., 1964, стр. 20; *Л. С. Гапоненко.* Российский пролетариат, его численность и территориальное размещение по основным промышленным районам накануне социалистической революции.— «Рабочий класс и рабочее движение в России в 1917 г.» Сб. статей. М., 1964, стр. 33; *Г. А. Трукан.* Октябрь в Центральной России. М., 1967, стр. 17.

[34] Дискуссия о численности рабочих, призванных в армию в годы империалистической войны, ведется до сих пор.— См. по этому вопросу: *Л. С. Гапоненко,* Рабочий класс России в 1917 году. М., 1970, стр. 75—80.

[35] «Бюллетень Народного комиссариата труда», 1918, № 1—4, стр. 73.

[36] *П. И. Лященко.* Указ. соч., стр. 631.

дит данные о том, что в 1916 г. среди искавших работу на московских предприятиях 75—80% общего числа занятых в промышленности составляли сельские жители, имевшие землю и дом [37].

На фабрики и заводы, скрываясь от мобилизации, шли также владельцы мелких торговых и промышленных предприятий: приказчики, мелкие служащие и др. В. И. Ленин писал: «Со времени войны фабрично-заводские рабочие в России стали гораздо менее пролетарскими по составу, чем прежде, ибо во время войны поступали на заводы те, кто хотел уклониться от военной службы» [38]. Наличие резервной армии труда позволило капиталистам усилить эксплуатацию рабочего класса. За годы войны жизненный уровень трудящихся резко упал. Реальная заработная плата промышленных рабочих сократилась в 2 раза [39]. К началу 1917 г. реальная зарплата рабочих по отношению к 1913 г. составила в металлообрабатывающей промышленности 54%, в текстильной — 46,3, в деревообрабатывающей — 59,2, в бумажной и полиграфической — 44,6, в химической — 55,3, в горнодобывающей — 44,6, в пищевой — 50 и в других отраслях промышленности — 43,3% [40]. Приведенные выше данные не полностью характеризуют размеры падения реальной заработной платы. В ряде районов страны цены на продовольственные и промышленные товары возросли настолько высоко, что исчислить подлинную реальную заработную плату не представлялось возможным.

Одновременно с падением заработной платы удлинялся рабочий день — в годы первой мировой войны он был увеличен почти в 1,5 раза — до 15—16 часов, а на некоторых предприятиях до 18 час. [41] Из года в год ухудшались условия труда: во время войны почти не заменялось промышленное оборудование, не соблюдалась техника безопасности. В годы империалистической войны буржуазия России в погоне за сверхприбылями довела до предела эксплуатацию рабочего класса.

Следует также отметить, что в силу целого ряда причин экономического и политического характера, промышленное производство в период войны резко сократилось. Россия испытывала острый недостаток в топливе и металле, в расстройство пришел железнодорожный транспорт. Чрезвычайно ухудшилось положение с продовольствием. С каждым месяцем росло число закрываемых предприятий, на многих фабриках и заводах производство было частично приостановлено.

---

[37] *Г. А. Трукан.* Указ. соч., стр. 18.
[38] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 45, стр. 19.
[39] *С. Г. Струмилин.* Заработная плата и производительность труда в русской промышленности за 1913—1922 гг. М., 1923, стр. 17—18.
[40] *Ф. А. Романов.* Рабочее и профессиональное движение в годы первой мировой войны и второй русской революции (1914 — февраль 1917 года). М., 1949, стр. 72.
[41] *Л. С. Гапоненко.* Указ. монография, стр. 200.

К 1917 г. численность армии безработных, по ориентировочным подсчетам Л. М. Клейнборта, доходила до 573 тыс.[42] Л. М. Клейнборт привел обширный иллюстративный материал, суммирование которого позволило ему определить эту цифру. С выводом Л. М. Клейнборта можно вполне согласиться.

К 1917 г. Россия была на грани экономического краха. Даже представители правящих кругов должны были признать это. В феврале 1917 г. бывший председатель IV Государственной думы М. В. Родзянко в записке Николаю II писал: «Положение России сейчас катастрофическое и вместе с тем глубоко трагическое»[43]. Империалистическая война, антинародная политика царского правительства, стремление частных предпринимателей перенести все тяготы войны на рабочий класс привели к полной экономической разрухе, к росту безработицы.

Февральская революция не решила важнейших социально-экономических проблем. Политика Временного правительства, выражавшая интересы буржуазии, по существу мало чем отличалась от политики царского правительства. Попытки некоторых авторов показать, что после Февральской революции произошло улучшение экономического положения России и рабочего класса, не состоятельны.

Современные исследователи — П. В. Волобуев, Л. С. Гапоненко, Г. А. Трукан и другие — на основании анализа многочисленных архивных документов показали, что улучшения в положении трудящихся не произошло.

Февральская революция не уничтожила и безработицу. Напротив, летом и осенью 1917 г. она значительно выросла. Хозяйственная разруха увеличилась. Промышленное производство продолжало падать. Каждый день закрывались все новые и новые предприятия. При этом наряду с экономическими причинами (отсутствие сырья и топлива, расстройство транспорта) все большую роль играли политические факторы. Русская буржуазия после Февральской революции закрывала предприятия в ответ на рост революционного движения рабочих. Она практиковала локауты как средство борьбы против экономических и политических требований народных масс.

В. И. Ленин, вернувшись в Россию в начале апреля 1917 г., стал свидетелем всех этих событий. Уже 20 мая 1917 г. он писал: «А кризис растет. Дело дошло до невероятно наглых *преступлений* со стороны капиталистов-углепромышленников, до *порчи и остановки* ими производства. Растет безработица. О локаутах говорят. Локауты, в сущности, *начинаются* именно в форме дезорганизации производства капиталистами (ведь уголь — есть *хлеб промышленности*!!), именно в форме увеличивающейся безработи-

[42] *Л. М. Клейнборт.* Указ. соч., стр. 229.

[43] «Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции». Документы и материалы (март — октябрь 1917 г.), ч. II. Л., 1957, стр. 18.

цы»[44]. Через 10 дней в «Правде» появилась новая статья Ленина «Издевательство капиталистов над народом». Ленин подчеркивал, что промышленники усиливают наступление на рабочий класс, сокращают промышленное производство. «Растет безработица,— с тревогой отмечал он.— Растет бестоварье. Крестьяне не могут давать хлеба даром. Неминуемо надвигается голод»[45].

По официальным данным Министерства торговли и промышленности, с 1 марта по 1 августа 1917 г. по всей России было закрыто 568 предприятий, работы лишились 104 372 человека[46]. Армия безработных увеличивалась из месяца в месяц, о чем свидетельствовали те же официальные данные[47]:

в марте	было	закрыто	74	завода с	6646	рабочими
мае	»	»	108	»	8701	»
июне	»	»	125	»	38 455	»
июле	»	»	206	»	47 754	»

Безработица росла, а Временное правительство, как в свое время и царское, ничего не предпринимало, сознательно закрывая глаза на это бедствие народа. В мае 1917 г. министр труда М. И. Скобелев заявил: «О безработице у нас пока говорить не приходится»[48].

Возмущенные бездействием Временного правительства, безработные проводили массовые демонстрации. В начале мая 1917 г. пятитысячная колонна безработных подошла к зданию Государственной думы, требуя работы и государственной помощи безработным[49]. В связи с закрытием заводов уволенные рабочие создавали свои организации. Комиссии безработных были созданы в Воронеже[50] и других городах России. Рабочие требовали принятия срочных мер по борьбе с безработицей, вплоть до привлечения фабрикантов и заводчиков к уголовной ответственности за преднамеренную остановку предприятий[51].

---

[44] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 32, стр. 129.

[45] Там же, стр. 234.

[46] *К. Самойлова.* Современная безработица и борьба с ней. Пг., 1918, стр. 8. Эти же данные приводит Л. С. Гапоненко. См. указ. соч., стр. 225—226.

[47] *К. Самойлова.* Указ. соч., стр. 9.

[48] Цитируется по книге К. Самойловой, стр. 24.

[49] «Правда», 3 мая 1917 г.

[50] «Борьба за Советскую власть в Воронежской губернии (1917—1918 гг.)». Сборник документов и материалов. Воронеж, 1957, стр. 120.

[51] Подробнее о требованиях рабочих и их борьбе с безработицей в 1917 г. см. *К. И. Суворов.* Указ. соч., стр. 28—37; *А. Г. Егорова.* Профсоюзы и фабзавкомы в борьбе за победу Октября (март — октябрь 1917 года). М., 1960, стр. 137—142; сборники материалов и документов «Великая Октябрьская социалистическая революция. Хроника событий», т. III. М., 1960; «Революционное движение в России в июле 1917 г. Июльский кризис». М., 1961; «Революционное движение в России в августе 1917 г. Разгром корниловского мятежа». М., 1959; «Революционное движение в России в сентябре 1917 г. Общенациональный кризис». М., 1961, и др.

Временное правительство, напуганное ростом революционного движения, объявило о выработке проекта программы по страхованию от безработицы. При Министерстве труда был создан Государственный комитет, состав которого (служащие министерства и по 12 представителей от рабочих и предпринимателей) определил куцый характер программы: страхование по безработице должно было вводиться в отдельных местностях по усмотрению министра труда, оно не распространялось на целый ряд профессий (в частности, на рабочих городского транспорта, железнодорожников, домашнюю прислугу), фонды страхования создавались как за счет предпринимателей, так и за счет рабочих. Но даже эта программа не была проведена в жизнь.

Временное правительство объявило также об организации бирж труда: предполагалось открыть биржи и корреспондентские пункты в 560 городах. Однако до Октябрьской революции они работали лишь в 10 городах, причем в Петрограде, Москве, Тифлисе, Новороссийске и Ревеле они были открыты еще при царском правительстве [52].

Между тем наступление капитала продолжалось и армия безработных все увеличивалась. В Московском промышленном районе с июля до середины сентября в результате закрытия предприятий без работы осталось 56 тыс. рабочих [53]. На Украине в течение весны и лета остановилось 439 предприятий, на улицу было выброшено 93 тыс. человек [54].

Накануне Великой Октябрьской социалистической революции по всей стране было закрыто еще 256 предприятий, причем только на 58 из них было занято 50 тыс. человек [55]. Безработица приняла угрожающие размеры, хотя обобщающих цифр ее узнать было невозможно (статистика по-прежнему не велась). О больших размерах безработицы говорят следующие данные: на Путиловском заводе было рассчитано 11 тыс. рабочих, на заводе «Промет» — 4 тыс., на «Динамо» — 3 тыс., Железопрокатном заводе — 2 тыс. и т. д. За Петроградом шла Москва: с заводов Гужона, Бромлей, Бари и других были уволены тысячи рабочих. Массовая безработица охватила Центрально-промышленный район: на Богородско-Глуховской мануфактуре было уволено 11,5 тыс. человек, на Покровской мануфактуре — 5,5 тыс., на Вознесенской мануфактуре — 2,5 тыс. человек и т. д. Сведения о массовой безработице поступали с Украины, Урала, Сибири [56]. Приближалась катастрофа.

В октябре 1917 г. В. И. Ленин написал работу «Грозящая

---

[52] «Вопросы безработицы». Сб. статей, стр. 64, 68.

[53] «Великая Октябрьская социалистическая революция. Хроника событий», т. IV. М., 1961, стр. 52.

[54] «Очерки развития народного хозяйства Украинской ССР». М., 1954, стр. 128.

[55] *А. Исаев.* Безработица и борьба с нею (За период 1917—1924 гг.). М., 1924, стр. 5.

[56] *Л. М. Клейнборт.* Указ. соч., стр. 266—267.

катастрофа и как с ней бороться», которая начиналась словами: «России грозит неминуемая катастрофа». В этой работе Ленин с гневом обличал капиталистов, которые «умышленно и неуклонно саботируют (портят, останавливают, подрывают, тормозят) производство, надеясь, что неслыханная катастрофа будет крахом республики и демократизма, Советов и вообще пролетарских и крестьянских союзов, облегчая возврат к монархии и восстановление всевластия буржуазии и помещиков» [57]. Дело «дошло до массовой безработицы,— продолжал Ленин.— Подумать только: в стране бестоварье, страна гибнет от недостатка продуктов, от недостатка рабочих рук, при достаточном количестве хлеба и сырья,— и в такой стране, в такой критический момент выросла массовая безработица!» [58]. Что нужно, чтобы предотвратить катастрофу?— спрашивал Ленин. И отвечал: контроль и учет со стороны государства, установление правильного распределения рабочей силы в производстве и распределения продуктов. «Контроль, надзор, учет — вот первое слово в борьбе с катастрофой и с голодом»,— делал вывод Ленин [59].

Конечно, нельзя было ожидать таких мер от Временного правительства, стремившегося всеми средствами задушить надвигавшуюся социалистическую революцию. Следовательно, вопрос о власти, о переходе всей полноты власти в руки рабочих, создание рабоче-крестьянского государства стало неотложной задачей партии большевиков — задачей сегодняшнего дня.

Великий вождь революции звал рабочий класс и его партию к решительным действиям, к вооруженному восстанию. В те критические октябрьские дни В. И. Ленин писал, что «промедление становится положительно *преступлением*» [60], промедление смерти подобно.

В ночь с 24 на 25 октября свершилась Великая Октябрьская социалистическая революция. Тяжелое наследство получило Советское правительство от царской России. Нужно было незамедлительно принимать меры по предотвращению экономической катастрофы, налаживанию народного хозяйства, прекращению роста массовой безработицы.

Первые мероприятия Коммунистической партии и Советской власти по борьбе с безработицей. Численность и состав безработных в первые годы Советской власти

Глава первого Советского правительства В. И. Ленин относил безработицу и голод к величайшим трудностям новой России. «Романов и Керенский,— писал он,— оставили рабочему классу в наследство страну, разоренную донельзя их грабительской, пре-

[57] *В. И. Ленин.* Полн. собр., соч., т. 34, стр. 155.
[58] Там же, стр. 155—156.
[59] Там же, стр. 156.
[60] Там же, стр. 340.

ступной и тягчайшей войной, страну, ограбленную русскими и иностранными империалистами дочиста... Безработица и голод погубят весь народ, если не напрячь все силы» [61].

В тяжелые первые месяцы существования Советской власти Ленин не раз говорил о критическом положении страны, «когда голод и безработица стучатся в дверь все большего числа рабочих...» [62]. Выступая в Московском Совете рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов 23 апреля 1918 г., Ленин подчеркивал: «...перед нами грозным призраком встают перспективы надвигающегося голода и массовой безработицы...» [63]. В мае в письме к питерским рабочим он со всей прямотой заявил: «Катастрофа перед нами, она придвинулась совсем, совсем близко. За непомерно тяжелым маем идут еще более тяжелые июнь, июль и август» [64].

А через год Ленин поставил этот вопрос еще резче. «В тот момент, когда страна разорена,— говорил он,— наша главная основная задача — отстоять жизнь рабочего, *спасти рабочего*...

Надо спасать рабочего, хотя он не может работать (здесь имелась в виду остановка многих предприятий.— *Л. Р.*). Если мы спасем его на эти несколько лет, мы спасем страну, общество и социализм» [65].

Важным средством борьбы с безработицей в тот период Ленин считал обеспечение нормальных условий для работы промышленности. Во многих ленинских работах того времени красной нитью проходит мысль о недопущении закрытия фабрик и заводов. При решении этого вопроса коренной проблемой становилась проблема топлива. Из-за недостатка топлива каждый день останавливались все новые и новые предприятия.

Тяжелое экономическое положение в стране усугублялось антинародными действиями капиталистов, предпринимавшими яростные атаки против Советской власти. Ссылаясь на отсутствие топлива, они нередко закрывали фабрики и заводы, проводили негласные локауты, применяли тайные «черные списки» рабочих. Такими средствами они пытались подорвать силы рабочего класса России.

В то суровое время В. И. Ленин прямо поставил вопрос: «Когда народ голодает, когда безработица свирепствует все более грозно,— каждый, кто укрывает лишний пуд хлеба, каждый, кто лишает государство пуда топлива, является величайшим преступником» [66]. Ленин призывал рабочих напрячь все силы для обес-

---

[61] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 36, стр. 359.
[62] Там же, стр. 366.
[63] Там же, стр. 235.
[64] Там же, стр. 359.
[65] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 38, стр. 359.
[66] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 36, стр. 363.

печения работы промышленности, для решения проблемы топлива. Он считал, что победить голод и безработицу в одиночку и сразу нельзя. «Нужно вдесятеро больше *железных отрядов* сознательного и бесконечно преданного коммунизму пролетариата,—говорил он.— Тогда мы победим голод и безработицу» [67].

В. И. Ленин связывал решение проблемы безработицы с общими задачами Советского государства. В своей работе «Очередные задачи Советской власти», в которой был намечен план строительства основ социалистической экономики, он уделил большое внимание и вопросу безработицы. Прежде всего Ленин вновь подчеркнул, что победить безработицу сразу нельзя [68]. Безработица может быть уничтожена лишь в ходе социалистического строительства, в ходе становления и развития социалистического народного хозяйства. Это должны понимать самые широкие массы рабочего класса, учил он. От личной работы каждого, от укрепления трудовой дисциплины, от творчества и энергии рабочих зависело решение самых сложных проблем, в том числе и проблем безработицы. Владимир Ильич писал, что «*виноват* в мучениях голода и безработицы *всякий*, кто нарушает трудовую дисциплину в любом заводе, в любом хозяйстве, в любом деле...» [69]. Он отмечал, что мелкобуржуазная стихия, с которой предстоит самая упорная борьба в ходе социалистического строительства, «сказывается именно в том, что слабо сознание народнохозяйственной и политической связи голода и безработицы с распущенностью всех и каждого в деле организации и дисциплины» [70]. Ленин подчеркивал, что от самоотверженной работы пролетариата зависит победа над голодом и безработицей.

Вождь Октябрьской революции, созидатель и организатор первого в мире государства рабочих и крестьян уже в первый год диктатуры пролетариата пришел к выводу, что победить безработицу можно только в ходе успешного строительства социализма. «Для преодоления всех трудностей, для успешной борьбы с голодом и безработицей,— говорил Ленин,— мы будем творить невидимую, скромную, но тяжелую работу государственной важности...

Мы стоим на верном пути, который приведет нас к полной победе социализма» [71].

Сразу же после Октябрьской революции Коммунистическая партия и Советское правительство провели целый ряд крупных экономических мероприятий, имевших исключительное значение для развития народного хозяйства в целом и решения проблем безработицы в частности. 14 ноября 1917 г. ВЦИК утвердил Положе-

---

[67] Там же, стр. 364.
[68] См. там же, стр. 197.
[69] Там же.
[70] Там же, стр. 197—198.
[71] Там же, стр. 236—237.

ние о рабочем контроле, в основе которого лежал ленинский проект, написанный 26 или 27 октября 1917 г.[72] Декрет о рабочем контроле предоставлял рабочим право контроля над организацией производства и снабжением предприятий сырьем и топливом. Распорядительный характер рабочего контроля ломал саботаж предпринимателей, резко ограничивал их стремление помешать производственному процессу. «Чтобы вывести из критического создавшегося положения и спасти трудовой народ от голода и безработицы,— отмечалось в постановлении рабочих и служащих Вознесенского рудника 10 декабря 1917 г.,— ...провести рабочий контроль над предприятием»[73]. Подобные решения принимались и на других заводах, фабриках и рудниках. По данным В. З. Дробижева, специальные органы рабочего контроля были созданы в течение ноября 1917 г.— марта 1918 г. на 48,2% всех предприятий, после марта — на 38,9% фабрик и заводов[74]. Рабочий контроль, значительно ограничивший произвол предпринимателей в деле приема и увольнения рабочей силы, стал одним из важнейших средств борьбы с безработицей.

Еще бóльшее воздействие на состояние безработицы оказала национализация промышленных предприятий. Первый декрет Советского правительства о национализации был принят 17 ноября 1917 г. в связи с локаутом и саботажем владельца Ликинской мануфактуры (Владимирская губ.), который, пытаясь усмирить своих голодающих рабочих, за два месяца до Октябрьской революции закрыл фабрику, ссылаясь на отсутствие средств и сырья, а также на необходимость ремонта[75]. Даже Комиссия Временного правительства вынуждена была признать, что никаких объективных причин для закрытия фабрики не имелось.

После установления Советской власти, рабочие обратились к Советскому правительству за помощью. В декрете о национализации Ликинской мануфактуры Совет Народных Комиссаров писал: «...материалы по обследованию дел на фабрике указывают на злую волю предпринимателя, явно стремившегося локаутировать рабочих и саботировать производство ...В интересах народного хозяйства, широкой массы потребителей и 4000 рабочих и их семей необходимо пустить указанную фабрику в ход»[76]. Вслед за Ликинской мануфактурой был передан в собственность государства еще целый ряд фабрик и заводов, находившихся под угрозой локаута и саботажа предпринимателей. В декабре 1917 г.

---

[72] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 35, стр. 30—31.

[73] «Национализация промышленности в СССР». Сборник документов и материалов. 1917—1920 гг. М., 1954, стр. 135.

[74] *В. З. Дробижев.* Социалистическое обобществление промышленности в СССР (по материалам промышленной переписи 1918 г.).— «Вопросы истории», 1964, № 6, стр. 49.

[75] *Е. Н. Городецкий.* Рождение Советского государства. 1917—1918 гг. М., 1965, стр. 225—226.

[76] «Декреты Советской власти», т. 1. 25 октября 1917 г.— 16 марта 1918 г. М., 1957, стр. 106.

уже 32 крупных промышленных предприятия являлись народной собственностью [77].

Конечно, основной причиной национализации была необходимость для Советского государства овладеть командными высотами в экономике. Но непосредственным поводом для нее часто являлся саботаж владельцев предприятий, пытавшихся парализовать и дезорганизовать промышленное производство, обрекая тем самым тысячи рабочих на безработицу. К середине 1918 г. было национализировано более 3 тыс. предприятий, а к ноябрю 1920 г. уже 65% всех предприятий обрабатывающей и добывающей промышленности находилось в собственности народа [78].

На национализированных предприятиях, а также там, где действовал рабочий контроль, рабочие брали в свои руки решение проблем безработицы. Прежде всего рабочая дирекция пыталась устроить на другие фабрики и заводы всех тех, кого все-таки приходилось увольнять из-за сокращения производства [79]. Кроме того, уволенным выплачивались выходные пособия (месячные или двухмесячные). На многих предприятиях были созданы фонды помощи безработным, образованные из добровольных отчислений рабочих. На Тверском вагоностроительном заводе, например, в фонд безработных рабочие ежемесячно отчисляли 1% заработной платы [80]. На некоторых предприятиях по согласованию с рабочими безработные допускались к работе на 1—2 дня, заменяя постоянно работающих. Практиковались и другие меры помощи безработным.

Крупные экономические мероприятия Советского государства в области промышленности — введение рабочего контроля и национализация предприятий [81] — сыграли важнейшую роль в решении

---

[77] «Национализация промышленности в СССР», стр. 386.

[78] Там же, стр. 495—496.

[79] Одной из первых с такой инициативой выступила рабочая дирекция Петроградского металлического завода. («Национализация промышленности в СССР», стр. 131—132).

[80] «На большие скорости. Трудовая и революционная летопись Калининского ордена Ленина вагоностроительного завода». М., 1967, стр. 62.

[81] По истории рабочего контроля и национализации промышленности в СССР имеется значительная литература, в которой содержится богатый фактический материал по всем вопросам проблемы, в том числе и по безработице.— См. «Национализация промышленности в СССР». Сборник документов и материалов 1917 — 1920 гг. М., 1954; «Рабочий контроль и национализация промышленности в Туркменистане, 1917—1920 гг.» Сборник документов. Ташкент, 1955; *Д. А. Баевский.* Очерки по истории хозяйственного строительства в период гражданской войны. М., 1957; *А. В. Венедиктов.* Организация государственной промышленности в СССР. т. 1 (1917—1920 гг.). Л., 1957; «Национализация промышленности и организация социалистического производства в Петрограде (1917—1920 гг.)». Документы и материалы, т. 1. Л., 1958, т. II, 1960; «Национализация промышленности на Урале (октябрь 1917 — июль 1918 гг.)». Сборник документов. Свердловск, 1958; *И. Ш. Черномаз.* Борьба рабочего класса Украины за контроль над производством (март 1917 — март 1918 гг.). Харьков, 1958; *А. Г. Егорова.* Профсоюзы и фабзавкомы в борьбе за победу Октября. М., 1960; *М. А. Пережогин.* Горняки Подмосковного бассейна в борьбе за

проблем безработицы. Именно они стали материальной основой, создали условия для окончательной ликвидации безработицы. Рабочий класс, став господствующим классом и получив в свою собственность фабрики и заводы коренным образом изменил характер борьбы с безработицей. По мере овладения командными высотами в экономике борьба рабочего класса с безработицей приобретала все более широкие масштабы.

На состояние безработицы оказали существенное влияние также первые аграрные преобразования Советского государства. Декрет о земле передал в пользование крестьянам более 150 млн. гектаров земли. Кроме того, крестьянство освобождалось от ежегодных арендных и других платежей помещикам, земельным банкам и т. д. Уже в первые месяцы Советской власти оно стало получать значительную материальную помощь от государства. Все это заметно улучшило положение деревенской бедноты: резко уменьшилось число безлошадных и особенно беспосевных хозяйств. Об этом убедительно свидетельствуют исследования советских ученых, приводящих многочисленные данные по стране в целом, отдельным губерниям и волостям [82]. Так, если в 1917 г. беспосевные хозяйства составляли 11,4%, то в 1919 г. их удельный вес сократился до 6,5% [83]. Сотни тысяч крестьянских семейств, не имевших ранее посева, стали засевать полученную землю, миллионы крестьян увеличили свои наделы. Улучшение положения крестьянства значительно сократило традиционный отход сельского населения в город, что, безусловно, сказалось на размерах городской безработицы.

Одновременно с крупными экономическими преобразованиями в промышленности и сельском хозяйстве, имевшими огромное зна-

---

осуществление рабочего контроля и национализацию промышленности.— «Труды Московского государственного историко-архивного института». М., 1960; *Л. Е. Аникудинова.* Национализация промышленности в СССР (1917—1920 гг.). Л., 1963; *М. Л. Иткин, В. И. Селицкий, И. Ш. Черномаз.* Современная советская историография рабочего контроля 1917—1918 годов.— «Вопросы истории», 1964, № 11; «Рабочий класс Советской России в первый год диктатуры пролетариата». Сборник документов и материалов. Л., 1964; *З. А. Астапович.* Национализация промышленности.— «Очерки по историографии советского общества». М., 1965; *Т. А. Игнатенко.* Рабочий контроль и национализация промышленности в советской литературе (Историографический обзор).— «История СССР», 1967, № 4, и др.

[82] *Е. Н. Кочетковская.* Национализация земли в СССР. М., 1952; *Н. В. Бочков, П. Н. Першин, М. А. Снегирев, В. Ф. Шарапов.* История земельных отношений и землеустройства. М., 1956; *М. А. Рубач.* Очерки по истории революционного преобразования аграрных отношений на Украине в период проведения Октябрьской революции. М., 1956; *Г. В. Шарапов.* Разрешение аграрного вопроса после победы Октябрьской революции (1917—1920 гг.). М., 1961; *Р. Х. Аминова.* Аграрная политика Советской власти в Узбекистане (1917—1920 гг.), Ташкент, 1963; *С. П. Трапезников.* Аграрный вопрос и ленинские аграрные программы в трех русских революциях. М., 1963; *Ю. А. Поляков.* Переход к нэпу и советское крестьянство. М., 1967; *В. М. Селунская.* Рабочий класс и Октябрь в деревне. М., 1968, и др.

[83] *Ю. А. Поляков.* Указ. соч., стр. 103.

чение для решения проблем безработицы, Советское правительство сразу же после победы Октябрьской революции приступило к решению задач непосредственно в области труда. Решением второго Всероссийского съезда Советов 25 октября 1917 г. в составе Советского правительства был создан Народный комиссариат труда, в обязанности которого входили учет и распределение трудовых ресурсов страны, выработка законодательных актов о труде, а также организация помощи безработным.

От старого министерства труда Временного правительства рабочим осталось лишь помещение (Мраморный дворец в Петрограде) и несколько курьеров и сторожей. Чиновники разбежались, отчеты и деньги были похищены. Аппарат Наркомтруда по существу был создан заново — кадры для него дали партийные организации и профсоюзы. Народным комиссаром труда первоначально был назначен А. Г. Шляпников. Однако он не сумел наладить работу должным образом, вошел в конфликт с членами коллегии Наркомата. В сентябре 1918 г. решением специальной комиссии ЦК РКП(б) он был отстранен от должности. Наркомом труда был назначен В. В. Шмидт.

Василий Владимирович Шмидт — ученик и соратник В. И. Ленина, питерский рабочий, участник первой русской революции, вступил в партию большевиков в 1905 г. Профессиональный революционер-подпольщик, он был одним из организаторов профсоюзного движения в России. Не раз царское правительство бросало его за решетку. Василий Владимирович был активным участником Великой Октябрьской революции. После революции он сразу же приступил к работе в Наркомате труда, сначала как заведующий отделом распределения рабочей силы, потом как помощник наркома, а в ноябре 1918 г. был назначен Народным комиссаром труда. На этом посту он находился 10 лет. Шмидт участвовал в выработке всех важнейших законодательных актов по труду. Особенно много внимания он уделял проблемам безработицы, участвовал в выработке нового, советского рабочего законодательства, в котором большое место отводилось решению этих проблем. Наркомтруд разрабатывал мероприятия по сокращению безработицы и облегчению положения тех, кто не имел работы: расширял границы социального страхования по безработице, организовывал общественные работы, трудовые и производственные мастерские для безработных и пр. Наряду с паллиативными мерами, приносящими лишь временное облегчение, В. В. Шмидт был сторонником революционных коренных мер. Он был твердо убежден в том, что Советское государство, восстановив и развив промышленность, сумеет ликвидировать безработицу полностью и окончательно.

На первом Всероссийском съезде профсоюзов в январе 1918 г. была принята резолюция, в которой подчеркивалось, что безработица как неизбежное следствие капитализма может исчезнуть только с заменой капитализма социализмом, что борьба

с безработицей в условиях социалистического переустройства общества возможна только путем организации народного хозяйства, восстановления производительных сил страны и правильного распределения рабочей силы [84].

29 октября 1917 г. Советское правительство приняло декрет о 8-часовом рабочем дне: отныне на всех предприятиях рабочее время не должно было превышать 8 час. в сутки и 48 час. в неделю [85]. На вредных работах и для подростков рабочий день сокращался до 6 час. Введение 8-часового рабочего дня и запрещение сверхурочных работ, естественно, должно было привести к увеличению численности рабочей силы и тем самым воздействовать на безработицу в сторону ее уменьшения. Декрет о 8-часовом рабочем дне стал одной из важнейших предпосылок ликвидации безработицы в СССР. В первом советском Кодексе о труде было провозглашено великое право на труд по своей специальности для всех граждан.

Однако обеспечить работой сразу всех нуждавшихся Советское правительство не могло — слишком большую резервную армию труда получило оно в наследство от старой России. Кроме того, демобилизация русской армии и свертывание военного производства и военного аппарата в результате выхода Советской России из империалистической войны увеличивали ряды безработных. Разруха и дезорганизация народного хозяйства не позволили партии и правительству развивать производство в необходимых масштабах. Перед Советским правительством встала неотложная задача — организовать немедленную помощь безработным.

31 октября 1917 г. Совет Народных Комиссаров опубликовал специальное сообщение о подготовке и введении декретов по социальному страхованию на основе программы Коммунистической партии в этой области, обеспечивавших распространение страхования на всех без исключения наемных рабочих, на все виды потери трудоспособности, а также на случай безработицы. Глава Советского правительства В. И. Ленин специально подчеркивал необходимость учитывать безработицу при решении всех вопросов экономической политики [86].

11 декабря 1917 г. Совет Народных Комиссаров принял «Положение о страховании на случай безработицы» [86а], подписанное В. И. Лениным. По новому декрету страхование по безработице распространялось на всех без исключения наемных рабочих, расходы по страхованию целиком падали на предпринимателей, которые обязаны были вносить не менее 3% суммы, выплачиваемой ими в качестве заработной платы. Из взносов предпринимателей

---

[84] «Первый Всероссийский съезд профессиональных союзов». Полный стенографический отчет. М., 1918, стр. 250—251.
[85] СУ СССР, 1917 г., отд. 1, № 1, ст. 10.
[86] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 35, стр. 123.
[86а] СУ СССР, 1917 г., отд. 1, № 8, ст. 111.

создавался единый Всероссийский фонд безработных, который и шел на пособия по безработице. Выплата пособий производилась через страховые кассы, членами которых были представители рабочих организаций: фабрично-заводских комитетов, профсоюзов и больничных касс. Декрет о страховании на случай безработицы был с удовлетворением встречен массами. 7 января 1918 г. первый Всероссийский съезд профсоюзов приветствовал декрет Советского правительства об организации касс безработных и высказался за немедленное и повсеместное претворение его в жизнь.

Предприниматели пытались саботировать этот декрет и любыми путями сопротивлялись отчислению установленного процента в фонд безработных. Чтобы заставить их выполнить положение о страховании, заводские партийные и профсоюзные организации принимали различные меры, следили за тем, чтобы взносы вносились регулярно. На ряде предприятий Петрограда, например, были приняты решения о наказании предпринимателей, уклонявшихся от внесения взносов, «вплоть до личного ареста и конфискации всего имущества» [87].

Однако саботаж предпринимателей и закрытие многих фабрик и заводов мешали организации Всероссийского фонда безработных. Ввиду этого было принято решение отпустить Наркомату труда 30 млн. руб. для организации помощи безработным. Советское государство брало на себя заботу о тех, кто временно не имел работы. Яркой иллюстрацией этого является следующий факт: в Москве СНК внес в страховую кассу 6 млн. руб., а промышленники — всего 50 тыс. [88]

Немало способствовали организации Всероссийского фонда безработных местные органы власти. В пользу безработных проводились концерты, спектакли, лекции. В Рыбинске, например, все увеселительные учреждения отчисляли 15% сбора в фонд безработных, в Смоленске все воскресные и праздничные сборы со зрелищ шли в кассу безработных. В Царицыне был проведен однодневный сбор в фонд безработных и т. д. Кроме того, Советская власть на местах ввела обложение с буржуазии (домовладельцев, торговцев, фабрикантов) в фонд безработных [89].

Первые кассы социального страхования по безработице начали действовать тотчас после опубликования декрета о страховании безработных. Они выдавали пособия в размере от 3 до 5 руб. холостякам и от 5 до 7 руб. семейным [90].

---

[87] *К. Самойлова.* Современная безработица и борьба с нею. Пг., 1918, стр. 36.

[88] *К. Самойлова.* Указ. соч., стр. 35.

[89] Подробнее о первых декретах по социальному страхованию см. *З. А. Астапович.* Первые мероприятия Советской власти в области труда (1917—1918). М., 1958; *М. И. Зимина.* Политика Советского государства в области труда в промышленности (1917 — первая половина 1918 г.).— «Ученые записки Кировского гос. педагогического ин-та им. В. И. Ленина», вып. 16. Киров, 1958.

[90] *А. Аникст.* Организация распределения рабочей силы. Статьи и доклады за 1918—1920 гг. М., 1920, стр. 53.

Помимо денежной помощи Советское правительство сразу же начало организовывать трудовую помощь безработным в виде общественных работ. 9 мая 1918 г. при Комитете государственных сооружений ВСНХ был создан специальный орган — Временный совет общественных работ. Однако в условиях 1918 г. вести общественные работы в плановом порядке было весьма затруднительно. Располагая данными о 14 работах из числа проведенных в 1918 г., можно заметить, что их организаторами были разные учреждения [91]: совнархозы — провели такие работы 2 раза, советы городских и земских управ — 5 раз, комиссариаты труда — 3 раза, биржи труда — 1 раз, кооперативные артели — 1 раз, другие организации — 2 раза.

Из приведенных данных видно, что наибольшую активность проявляли совнархозы вместе с советами городского и земского управления и комиссариатами труда. Биржи труда пока еще слабо вовлекались в эту работу. По данным А. Аникста, в 1918 г. было проведено 122 общественные работы [92]. В основном труд безработных использовался на строительных, мелиоративных работах, а также при уборке городов, иногда на добыче угля, расчистке железных дорог от снега и др.

Несмотря на острую нужду в деньгах, Советское правительство сразу же после Октября стремилось наладить и такие виды помощи безработным, как организация общественных столовых, где люди получали бесплатные или удешевленные обеды, а также создание общежитий или ночлежных домов для тех, кто остался без работы и не имел средств для уплаты за квартиру. Правда, в то тяжелое время эта работа только начиналась. К июню 1918 г. общественные столовые действовали в 30, чайные — в 12, общежития — в 13, а ночлежные дома — в 6 городах страны [93].

В начале 1918 г. Советская власть приступила к созданию широкой сети бирж труда — учреждений, специально ведавших вопросами спроса и предложения рабочей силы. 27 января 1918 г. Совнарком принял декрет об учреждении местных и областных бирж труда [94]. Работа по созданию и руководству биржами была возложена на Наркомат труда и его местные органы (губернские и городские отделы труда). К концу июня 1918 г. было создано 250 бирж труда. Кроме того, работало до 100 корреспондентских пунктов. Органы труда были созданы по всей стране, включая Закавказье, Среднюю Азию и Сибирь. Всего предполагалось открыть 350 бирж труда [95]. К концу 1918 г. биржи труда превратились в авторитетные организации, ведавшие учетом и распределением рабочей силы.

---

[91] *А. Исаев.* Указ. соч., стр. 21.
[92] *А. Аникст.* Указ. соч., стр. 57.
[93] «Справочник по биржам труда в России», вып. I. М., 1918, стр. 12.
[94] «Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам». Сборник документов, т. I, 1917—1928. М., 1957, стр. 35—36.
[95] «Бюллетень Народного комиссариата труда», 1918, № 1—4, стр. 73.

* * *

Первые данные о численности безработных Наркомат труда представил на 22 января 1918 г. Это были сведения, поступившие из 22 городов страны. Рассмотрим эти данные (в тыс. человек) [96]:

Благовещенск	2,0	Рыбинск	13,0	Кронштадт	0,8
Гомель	3,0	Брянский завод	5,0	Екатеринославль	4,6
Городня	0,5	Кострома	1,2	Пенза	1,9
Москва	20,0	Тамбов	2,5	Уфа	2,0
Двинск с районом	0,6	Смоленск	2,0	Владивосток с районом	2,6
Новониколаевск с районом	3,0	Омск	6,0	Сызрань	2,6
Ярославль	2,0	Ревель	7,0	Царицын	8,0
		Таганрог	1,0		

Таким образом, даже по выборочным данным число безработных составляло почти 100 тыс. человек. Причем безработица охватила все районы Советской России: Центрально-промышленный, Северо-Западный, Поволжье, Урал, Дальний Восток.

На 10 апреля 1918 г. Наркомат труда смог подготовить более полные сведения. К тому времени во многих районах страны начали работать местные отделы труда, которые на основании сведений организованных бирж труда представили следующие данные о численности безработных (в тыс. человек) [97]:

Московская губ.	100,0	Восточная Сибирь	6,0
Петроградская	50,0	Дальний Восток	3,0
Поволжье	50,0	Доно-Кавказский район	50,0
Центрально-черноземный район	15,0	Закавказье	15,0
Урал	18,0	Туркестан	7,0
Западная Сибирь	10,0	Итого	324,0

Эта цифра была без достаточного анализа принята всеми исследователями, изучавшими и изучающими эту проблему [98]. Однако она отнюдь не исчерпывала подлинные масштабы безработицы в первый год диктатуры пролетариата. В нее были включены лишь лица, официально зарегистрированные на биржах труда. Но далеко не все регистрировались на биржах. Многие в то время из-за отсутствия работы и голода покидали города и отправлялись в деревни. Только за три первых месяца 1918 г. в Петрограде лиши-

[96] «Народное хозяйство», 1918, № 1, стр. 23.
[97] «Бюллетень Народного комиссариата труда», 1918, № 1—4, стр. 70.
[98] См. работы А. Аникста, И. Ходоровского, К. Самойловой, Л. Клейнборта, А. Исаева, Д. Ледяева, З. Астапович, К. Суворова и др.

лись работы 176 тыс. человек, закрылись такие крупные заводы, как «Арсенал Петра Великого», Металлический, Патронный, Охтинский взрывчатых веществ, Балтийский судостроительный, Орудийный, «Треугольник» и др.

Л. М. Клейнборт, ссылаясь на данные Московского общества заводчиков и фабрикантов на май 1918 г., сообщал, что только в Москве было 200 тыс. безработных [99].

Число безработных беспрерывно росло: на 15 мая 1918 г. Наркомат труда зафиксировал в Московской губернии 120 тыс. безработных, в Петроградской — 70 тыс., Центрально-черноземном районе — 20 тыс., в Западной Сибири — 20 тыс., на Дальнем Востоке — 4 тыс. Если на 10 апреля 1918 г. только по 8 крупнейшим районам Европейской России и Сибири числилось 252 тыс. безработных, то к 15 мая их стало 308 тыс. [100] 24 мая 1918 г. «Правда» сообщала о 600 тыс. безработных. Д. Ледяев писал о 800 тыс. лиц, не имевших работы в 1918 г. [101]

Конечно, не имея полных официальных данных, трудно установить истинные размеры безработицы в первый год Советской власти. Одно бесспорно, и это признают все исследователи, что они были значительно больше, чем по сведениям Наркомтруда (кстати, и сам наркомат неоднократно указывал на неполноту учета безработных в тот период). Ведь только демобилизация русской армии освободила 7—10 млн. человек, из них 1,5 млн. городских жителей. Промышленность, переживавшая острый кризис в результате империалистической войны и разрухи, а также саботажа и локаута предпринимателей, не могла поглотить столь огромную массу людей.

Безработица носила тяжелый и затяжной характер. По данным Наркомата труда, полученным из сводок 203 бирж труда, в 1918 г. было зарегистрировано 1 512 455 лиц, искавших работу, а предложено мест всего 940 342. На работу было послано 757 539 человек, т. е. примерно половина предлагавших свой труд. На 100 безработных приходилось 62,2 места, получали работу 50 человек [102].

Основную массу безработных составляли неквалифицированные работники: из общего числа зарегистрированных их было 60% в то время как квалифицированных — 33%, лиц свободных профессий — 7%.

По роду занятий безработные распределялись следующим образом (данные бирж труда на конец апреля 1918 г.) [103]:

[99] *Л. М. Клейнборт.* Указ. соч., стр. 281.

[100] «Бюллетень Народного комиссариата труда», 1918, № 1—4, стр. 71. Необходимо учесть, что к апрелю 1918 г. значительная часть территории России была оккупирована австро-германскими войсками, поэтому данные о безработице охватывают не всю территорию страны.

[101] *Д. Ледяев.* Безработица в СССР и борьба с нею.— «Вопросы труда», 1927 г., № 10, стр. 106. К сожалению, Д. Ледяев не ссылается на источники, и цифра 800 тыс. безработных дается им априори.

[102] *А. Исаев.* Указ. соч., стр. 8—9.

[103] «Бюллетень Народного комиссариата труда», 1918, № 1—4, стр. 76—77.

Металлообрабатывающая промышленность	54 061	Строительное дело	12 790
Обработка дерева	15 436	Производство одежды	6 095
Обработка волокнистых веществ	11 232	Торговля	24 424
Обработка животных продуктов	4 106	Транспорт	6 296
Бумажное и полиграфическое производство	4 425	Личное услужение	24 498
Химическое производство	1 685	Сельское хозяйство	1 366
Обработка минеральных веществ	319	Гигиена	4 520
Пищевое, продуктовое и вкусовое производства	8 450	Свободные профессии	7 410
		Конторские и иные служащие	39 951
		Чернорабочие	79 585
		Неопределенные профессии	36 820
		Итого	343 469

Приведенные данные показывают, что среди лиц, предлагавших свой труд, наибольшее число составляли чернорабочие, далее шли металлисты и строители, т. е. представители тех отраслей труда, которые больше всего сократились в результате империалистической войны и разрухи. Безработица весьма сильно затронула служащих различных канцелярий и работников торговли и личного услужения.

Состав безработных 1918 г. отражал специфические условия развития нашей страны в тот период. Один из ответственных работников Наркомата труда И. И. Ходоровский писал по этому поводу: «Корни массовой безработицы в России переплетаются не с советской экономической политикой, а с общим укладом нашего народного хозяйства и международным положением России»[104].

Крупные экономические мероприятия Коммунистической партии и Советского правительства в области промышленности и сельского хозяйства, а также декреты Советской власти по труду оказали существенное влияние на безработицу. Тенденции к уменьшению безработицы обнаружились еще в летние месяцы 1918 г. В июне на 100 безработных приходилось уже 69 заявленных мест. К осени 1918 г. безработица пошла на убыль и в некоторых районах перестала носить массовый характер[105].

Спрос на труд в связи с развертыванием гражданской войны все более и более возрастал. Передовые отряды рабочего класса уходили в Красную Армию с оружием в руках защищать завоевания Октября. Многие рабочие были направлены на работу в советский и партийный аппарат. Немало людей выехало в деревню в поисках куска хлеба. Все это привело к тому, что спрос на рабочую силу стал превышать предложения. К концу 1918 г. биржи труда уже не могли полностью удовлетворить заявки предприятий.

[104] *И. И. Ходоровский.* Рынок труда в России в 1918 г. М., 1919, стр. 12.
[105] *З. А. Асталович.* Указ. соч., стр. 97.

Безработица перерастала в новую проблему — недостаток рабочей силы. В условиях гражданской войны и иностранной военной интервенции, когда решался вопрос — быть или не быть Советскому государству, пустить на самотек дело снабжения народного хозяйства рабочей силой было равносильно смерти. Коммунистическая партия и Советское правительство были вынуждены перейти к принудительному привлечению в производство рабочих и служащих, используя все наличные силы, а также и резервы. К труду привлекались все трудоспособные, в том числе и буржуазные элементы.

2 сентября 1918 г. Советская страна была объявлена военным лагерем и все хозяйство страны было подчинено военным нуждам. На следующий день Совнарком издал постановление, воспрещавшее безработным отказываться от предложений бирж труда. Через месяц в стране были введены трудовые книжки для нетрудящихся буржуазных элементов. Только при наличии такой книжки с отметкой о выполнении определенных работ выдавались продовольственные карточки. В декабре 1918 г. трудовые книжки были введены для всех граждан России. Немного ранее, 3 ноября 1918 г., Совнарком принял декрет о введении трудовой повинности по расчистке снежных заносов. Советская страна шла к введению всеобщей трудовой повинности. 3 мая 1919 г. метод добровольного привлечения рабочей силы в производство был окончательно заменен методом принудительным (вводилась всеобщая трудовая повинность, профсоюзные и возрастные мобилизации, использование Красной Армии и т. д.).

И тем не менее положение с рабочей силой было весьма напряженным. По данным 48 губерний, в 1919 г. было зарегистрировано 1 250 273 лица, предлагавших свой труд, и 1 435 323 предложения мест на предприятиях. На 100 человек, искавших работу, приходилось 114,9 мест, на предприятия было послано лишь 83,4. В 1920 г. зарегистрировалось в поисках работы 1 015 223 человека, в то время как было предложено 1 703 092 места, послано на работу — 963 936 человек. На 100 лиц, предлагавших труд, приходилось 167,8 мест, на работу было послано 94,9. В 1921 г. на учет бирж труда встало 818 794 человека, предложений с мест было 1 185 662, удовлетворено работой 786 307 человек. На 100 зарегистрированных приходилось 144,8 мест, послано на работу 96,1 человека [106]. Приведенные данные показывают, что в период гражданской войны в Советской стране практически не было безработицы. Наоборот, ощущалась острая нехватка рабочей силы. Фронт отвлек людей от мирного труда.

К концу гражданской войны в рядах Красной Армии насчитывалось примерно 5 млн. человек. Все силы народа были брошены на решение кардинальной задачи — разгром белогвардейцев и интервентов, защиту великих завоеваний Октября. Кроме того, как уже говорилось выше, значительные массы рабочих покинули го-

[106] *А. Н. Исаев.* Указ. соч., стр. 31.

рода из-за голода. Это сыграло существенную роль в исчезновении безработицы в годы гражданской войны. Позднее нарком труда В. В. Шмидт прямо говорил об этом. Выступая на XI Всероссийском съезде Советов 21 января 1924 г., он сказал: «Все это, вместе взятое (мобилизация рабочих в Красную Армию и отлив части городского населения в сельские местности из-за голода.— *Л. Р.*), создало такие условия, что до перехода к новой экономической политике безработицы мы не знали» [107].

Вывод о том, что с конца 1918 г. явная безработица в городах исчезла, мы находим и в книге К. И. Суворова [108].

Однако коренные причины безработицы не были уничтожены. Партии предстояло провести огромную работу по восстановлению и социалистической реконструкции народного хозяйства, рассасыванию аграрного перенаселения, консолидации и росту рабочего класса. Только на базе этих условий можно было победить безработицу полностью и окончательно. Поэтому, принимая на VIII съезде РКП(б) в марте 1919 г. новую Программу, партия поставила своей ближайшей задачей в области хозяйственной политики «максимальное использование всей имеющейся в государстве рабочей силы, ее правильное распределение и перераспределение как между различными территориальными областями, так и между различными отраслями народного хозяйства» [109]. И далее в Программе было записано, что РКП(б) «ставит своей задачей вернуть к трудовой жизни каждого, выбитого из трудовой колеи» [110].

Итак, партия хорошо понимала, что исчезновение безработицы в годы гражданской войны было временным явлением, вызванным специфическими условиями развития Советского государства; в тот период борьба за всеобщую трудовую занятость населения была еще впереди. Обобществление производства, превращение пролетариата в правящий класс нового государства, возможности планового ведения хозяйства создали условия для ликвидации безработицы. Великая Октябрьская революция, первые законодательные акты Советского правительства, социалистическое воспроизводство создали условия для решения проблемы всеобщей трудовой занятости. Первый опыт борьбы с безработицей показал, что партия находится на верном пути, что безработицу в социалистическом государстве можно ликвидировать полностью и окончательно.

---

[107] «XI Всероссийский съезд Советов». Стенографический отчет. М., 1924, стр. 103.
[108] *К. И. Суворов.* Указ. соч., стр. 64.
[109] «КПСС в резолюциях и решениях...», т. II, М., 1970, стр. 51.
[110] Там же, стр. 59.

Глава вторая

БЕЗРАБОТИЦА В ГОДЫ ВОССТАНОВЛЕНИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА

Численность, источники, состав и характер безработицы в 1921—1925 гг.

Вновь безработица появилась в Советской стране после окончания гражданской войны. Наркомат труда отмечал, что рост безработицы начался с конца 1921 г. [1]

Первые признаки безработицы появились уже в сентябре 1921 г., а в отдельных губерниях даже раньше. По данным Наркомтруда, в августе 1921 г. в Витебской губернии было зарегистрировано 2166 безработных, Царицынской — 2235, Калужской — 1496, Смоленской — 3133, Гомельской — 7784, безработные имелись уже на Урале (3464 человека) и в Крыму (1817 человек) [2].

Вывод о появлении и постепенном нарастании безработицы с конца 1921 г. делают многие исследователи [3]. Этот вывод подтверждается данными о предложении и спросе рабочей силы в течение 1921 г. Если в 1920 г. на 100 мест приходилось 67 предложений, а в августе 1921 г.— 96, то в сентябре уже 107, а в ноябре — 114, в декабре — 127 [4]. Предложения рабочей силы явно превышали спрос на нее.

Чем было вызвано появление вновь безработицы? Чтобы ответить на этот вопрос, следует рассмотреть хотя бы в кратких чертах состояние экономики Советской России после окончания гражданской войны.

Империалистическая и гражданская войны разорили народное хозяйство страны. Более чем в 7 раз сократилось производство крупной промышленности: добыча каменного угля в 1920 г. упала по сравнению с 1913 г. до 27%, добыча руд — до 1,7%, выплавка чугуна — до 3% [5]. В годы гражданской войны из-за нехватки сырья и квалифицированной рабочей силы были закрыты десятки тысяч предприятий. По переписи 1920 г., в РСФСР из 332 223 промышленных предприятий полностью бездействовало 48 338.

---

[1] «Известия НКТ СССР», 1923, № 3, стр. 2—3.

[2] ЦГАОР СССР, ф. 382, оп. 4, д. 728, л. 79.

[3] См. *Л. Е. Минц.* Труд и безработица в России (1921—1924 гг.). М., 1924; *Я. И. Гиндин.* Борьба с безработицей и наем рабочей силы. М., 1927; *А. А. Матюгин.* Рабочий класс СССР в годы восстановления народного хозяйства (1921—1925 гг.). М., 1962; *К. И. Суворов.* Исторический опыт КПСС по ликвидации безработицы. М., 1968.

[4] «Вестник труда», 1922, № 2, стр. 11.

[5] «Русская промышленность в 1921 году и ее перспективы. (Отчет к 9-му съезду Советов)». М., 1921, стр. VI, XIII.

В 1914 г. и ранее прекратили работу 3176 предприятий, с 1915 г. по 1 марта 1917 г.— 2958, в марте — декабре 1917 г. 3774, в 1918 г.— 7159 и в 1919 г.— 17 519. Время закрытия 13 325 предприятий не было установлено [6]. Следует отметить, что предприятия закрывались также вследствие саботажа и локаута предпринимателей, которые особенно усилились в первые годы Советской власти.

В результате военной интервенции и гражданской войны советская промышленность понесла огромный материальный ущерб, исчисленный свыше 10 млрд. руб. [7]

В тяжелом состоянии находилось и сельское хозяйство. Его валовая продукция уменьшилась почти в 2 раза, а товарная — в 4 раза. Производство сахара сократилось в 45 раз.

В. И. Ленин подчеркивал, что «Россия из войны вышла в таком положении, что ее состояние больше всего похоже на состояние человека, которого избили до полусмерти: семь лет колотили ее, и тут, дай бог, с костылями двигаться!» [8].

В 1921 г. на Советскую страну обрушилось новое тяжелое бедствие — засуха и голод. Голодали 34 губернии, 30 млн. человек. Голод унес свыше 1 млн. жизней [9]. Сотни тысяч беженцев голодающих губерний выехали в города в поисках хлеба и работы. Но разрушенная промышленность не могла полностью обеспечить работой даже кадровых пролетариев.

Ряды безработных росли. К январю 1922 г. биржи труда зарегистрировали 160 тыс. человек [10]. В течение 1922 г. численность безработных увеличивалась из месяца в месяц. По неполным данным (без Москвы, Петрограда и некоторых других городов), помесячно резервная армия труда росла в следующих размерах: январь — на учете состояло 77 тыс. человек, февраль — 88 тыс., март — 92 тыс., апрель — 106 тыс., май — 163 тыс., июнь — 170 тыс., июль — 183 тыс., август — 208 тыс., сентябрь — 223 тыс., октябрь — 252 тыс., ноябрь — 272 тыс., декабрь — 300 тыс. [11] Таким образом, за год численность безработных возросла в 4 раза. В Москве в январе 1922 г. на бирже числилось 17 тыс. безработных, в марте — 19 тыс., в июне — 34 тыс., в августе — 35 тыс., в сентябре 37 тыс., в октябре — 48 тыс., в ноябре — 51,5 тыс. [12] О помесячном росте безработицы в 1922 г. свидетельствуют материалы местных архивов. По данным Государственного архива Новосибирской

---

[6] *А. А. Матюгин.* Указ. соч., стр. 61.

[7] *Ф. Э. Дзержинский.* Промышленность СССР. Ее достижения и задачи. М.— Л., 1925, стр. 12.

[8] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 43, стр. 68.

[9] «Очерки истории КПСС». Учебное пособие для школ основ марксизма-ленинизма. М., 1966, стр. 232.

[10] «Наемный труд в России и на Западе за 1913—1925 гг.», ч. I. М., 1927, стр. 128—129.

[11] *А. Исаев.* Безработица в СССР и борьба с нею (за период 1917—1924 гг.). М., 1924, стр. 35.

[12] ГАМО, ф. 146, оп. 1, д. 84, лл. 166, 168.

области, первые признаки безработицы в городах Сибири появились в 1922 г. В августе 1922 г. на биржах труда числилось 5245 человек, в октябре — 5654, в ноябре — 7568, в декабре — 10 287 [13]. Таким образом, в последнем месяце 1922 г. безработица возросла по сравнению с предыдущим месяцем больше чем на 50%, а по сравнению с августом — в 2 раза.

В течение 1922 г. безработица по всей стране выросла в 4 раза: если на 1 января 1922 г. на учете бирж труда состояло 160 тыс. человек, то на 1 июля 1922 г. безработных уже было 407,5 тыс., а на 1 января 1923 г.— 641 тыс. [14]

Рост безработицы вызвал существенные изменения в соотношении спроса и предложения рабочей силы: в январе 1922 г. на 100 безработных приходилось 41 место, в феврале — 37, в марте — 39, в апреле — 31, в мае — 25, в июне — 26, в июле — 29, в августе — 25, в сентябре — 27, в ноябре — 22 места. В среднем на каждый месяц приходилось по 29 мест на 100 безработных. Уже эти данные показывают, что безработица приобретала затяжной, застойный характер. Увеличивалась также продолжительность безработицы. Менее одного месяца без работы находилось 23% общего числа безработных, от 1 месяца до 3 — 34%, от 3 до 6 месяцев — 27%, свыше 6 месяцев — 16% [15]. Следовательно, более 60% безработных находилось без работы от 1 до 6 месяцев.

В течение 1923 г. численность безработных продолжала беспрерывно нарастать. Приведем данные по 52 губернским городам (включая Москву и Ленинград): в январе на биржах труда было 275,7 тыс., в феврале — 302,7 тыс., в марте — 481,8 тыс., в апреле — 551,6 тыс., в мае — 584,6 тыс., в июне — 596,6 тыс., в июле — 564,2 тыс., в августе — 586,1 тыс., в сентябре — 628,3 тыс., в октябре — 672,9 тыс., в ноябре — 730,4 тыс., в декабре — 754,9 тыс. [16] Полные данные по безработице рисуют такую же картину бурного роста численности лиц, не имевших работы. На 1 января 1923 г., по сведениям ЦСУ, составленным на основании отчетов бирж труда, в СССР была 641 тыс. безработных, а на 1 января 1924 г. 1240 тыс. [17]

В первой половине 1924 г. безработица продолжала расти — к июлю 1924 г. число зарегистрированных на биржах труда достигло 1344,3 человека, что составляло более 18% к числу занятых в народном хозяйстве людей [18].

---

[13] ГАНО, ф. 535, оп. 1, д. 1481, л. 60.
[14] «Наемный труд в России и на Западе за 1913—1925 гг.», стр. 128—129.
[15] *А. Исаев.* Указ. соч., стр. 41.
[16] Там же, стр. 42.
[17] «Народное хозяйство СССР. Статистический справочник. 1932». М., 1932, стр. XXII—XXIII.
[18] В 1924 г. в народном хозяйстве было занято 7,4 млн. человек.— См. «Труд в СССР». Статистический сборник. М., 1968, стр. 22; Данные по безработице на июль 1924 г. см. «СССР. Год работы правительства» (материалы к отчету за 1924/25 бюджетный год). М., 1926, стр. 571.

Одновременно с численностью армии безработных росла и длительность безработицы. По данным 40 губерний на 1 апреля 1924 г., в среднем люди не могли устроиться на работу в течение 5,3 месяца. Особенно тяжелое положение сложилось в Москве и Ленинграде. Длительность безработицы в Москве составляла 7 месяцев, в Ленинграде — 9,9 месяца [19].

К середине 20-х годов безработица охватила почти все районы страны. По сведениям, полученным из 40 губерний, рабочих недоставало лишь в Новониколаевске (ныне Новосибирск), Астрахани, Пензе, Смоленске, Златоусте и Семипалатинске. В других местах был избыток рабочей силы. Наибольшее число безработных было в Российской Федерации — около 1 млн. человек [20]. По данным комиссии НК РКИ, к январю 1925 г. в РСФСР числилось примерно 75% всех безработных, на Украине — 17%, в Узбекистане и Туркмении — 3,5%, в Закавказских республиках — 3%, Белоруссии — 1,5% [21]. Основные массы безработных скапливались в крупных промышленных городах: Москве, Ленинграде, Харькове, Ростове-на-Дону, Иваново-Вознесенске, Нижнем Новгороде, Свердловске, Одессе и др.

О росте численности безработных в первой половине 20-х годов свидетельствовали и данные профсоюзов. По этим данным, на 1 июля 1923 г. в стране было 427,6 тыс. безработных — членов профсоюзов, на 1 января 1924 г.— 657,7 тыс., на 1 июля 1924 г.— 676,6 тыс. [22] Как видим, эти цифровые данные существенно отличались от сведений бирж труда — они были значительно ниже. Однако в целом статистические материалы профсоюзов изображали ту же картину — рост безработицы в 1923—1924 гг. и ее значительные размеры. По данным профсоюзов, в 1923 г. безработные составляли 8% ко всем членам союзов, в 1924 г.— 11%, а в 1925 г.— 13,8%, т. е. каждый девятый член профсоюза не имел работы [23].

Таким образом, к середине 20-х годов как по материалам бирж труда, так и по профсоюзным сведениям безработица охватила значительную часть трудящихся. Она стала крупным социальным бедствием, исключившим из производственной жизни значительное количество трудоспособного населения.

Безработным, даже тем, которые получали пособия, жилось нелегко. Они еле-еле сводили концы с концами. Им приходилось продавать или закладывать вещи, брать в долг, исполнять любую работу, даже по самой низкой оплате, и т. д.

О бюджетах безработных дают представление материалы обследования, проведенного в ноябре 1924 г. в Москве, Ленинграде,

---

[19] *А. Исаев.* Указ. соч., стр. 44.
[20] ЦГАОР СССР, ф. 374, оп. 8, д. 1899, л. 27.
[21] Там же, ф. 5451, оп. 9, д. 348, л. 234.
[22] *Л. Е. Минц.* Учет безработных в СССР.— БСЭ, т. 5. М., 1930, стб. 221.
[23] Там же.

Таблица 2

Доходная часть бюджета безработных в 1924 г. (в процентах)*

Статьи прихода	Профессии				
	текстильщики	металлисты	печатники	кожевники	пищевики
От трудового занятия главы семьи	13,8	11,2	18,8	26,1	31,8
Пособия по безработице главы семьи	21,8	30,3	13,5	36,5	15,2
От трудовых занятий членов семьи	5,3	9,1	6,4	12,7	0,5
Пособия по безработице членов семьи	Нет. свед.	0,4	Нет свед.	2,0	Нет свед.
Продажа вещей и продуктов из запаса	10,1	14,9	16,2	4,9	23,0
Занято в долг	11,1	7,1	9,3	4,4	1,6
Получено от заклада вещей	Нет свед.	0,3	Нет свед.	5,6	Нет свед.
Помощь родных и частных лиц	5,7	7,5	8,1	4,9	0,9
Взято из запасов и сбережений	13,7	8,2	10,2	1,0	23,4

* *Л. Е. Минц.* Как живет безработный (бюджеты безработных), М., 1927, стр. 22.

Туле и Иваново-Вознесенске[24]. Доход семейного безработного (в среднем на семью приходилось 3,3 души) составлялся следующим образом (см. табл. 2).

Приведенная в табл. 2 приходная часть бюджета показывает, что пособие по безработице не обеспечивало необходимый прожиточный минимум. В бюджете безработного оно составляло от $^1/_5$ до $^1/_3$ части, а иногда и 13—15%. Остальные деньги приходилось добывать временной работой, но ее было так мало, что в бюджете эта статья дохода в среднем составляла 15%. Лишь у кожевников и пищевиков доходы по этой статье достигали 26—32%. Примерно треть (и даже более) всех доходов безработный получал от продажи вещей, занятия в долг и помощи родных и знакомых. Этот источник был самый ненадежный — долги нужно было вовремя отдавать, продажей от вещей можно было жить очень недолго, деньги добывались с большими трудностями, а хватало их лишь на самое скромное существование.

[24] Эти материалы обработаны и проанализированы Л. Е. Минцем в его работе «Как живет безработный (бюджеты безработных)». М., 1927. Следует отметить, что подсчет, сделанный Л. Е. Минцем, произведен на основании неполных данных. Этим объясняется тот факт, что при подсчете не получается 100% бюджета безработного.

Таблица 3

Расходная часть бюджета безработных в 1924 г. (в процентах)*

Статьи расхода	Профессии				
	текстильщики	металлисты	печатники	кожевники	пищевики
Помещение	12,1	4,9	11,2	11,7	3,4
Топливо и освещение	20,4	16,3	10,2	10,0	17,5
Питание	55,2	62,5	50,3	58,3	73,5
Спиртные напитки и табак	1,4	2,1	4,4	5,1	1,0
Одежда и туалет	7,4	7,2	11,9	6,9	3,6
Культ.-просв. расходы	0,1	0,4	0,4	0,2	0,0

* *Л. Е. Минц.* Как живет безработный, стр. 22. См. также сноску 24 на стр. 78.

По тем же данным бюджетных обследований, расход семейного безработного выглядел следующим образом (см. табл. 3).

Таким образом, безработный тратил на квартиру и питание до 85—90%. На одежду и предметы туалета (мыло и пр.) оставалось в среднем 7%. На культурно-просветительные расходы — 0,1%.

Приведенные выше данные показывают, как тяжело складывалась жизнь безработного. С трудом добытые деньги почти целиком уходили на питание и жилье. Жилищные условия и питание были скверные. Те же данные бюджетных обследований показали, что в среднем суточное потребление семейного безработного составляло 2408 калорий, что равнялось 63,3% потребления рабочего [25]. Причем в рационе питания безработного были в основном продукты растительного происхождения (до 90%). Мясо, масло, яйца редко можно было увидеть на его столе.

Обследование бюджета времени безработных показало, что около 5 часов они затрачивали ежедневно на поиски работы, хождения на биржу труда, в страхкассу, профсоюз и другие организации. Безработица мучила, пугала, ожесточала людей. Нарком труда СССР В. В. Шмидт писал, что безработица является тяжелым бедствием рабочего класса [26].

Тяжелым положением безработных пытались воспользоваться враги Советской власти. Они распространяли среди безработных листовки, подстрекали их к выступлениям. Антисоветские элементы стремились восстановить безработных против Советского правительства, клевеща на его политику.

[25] *Л. Е. Минц.* Как живет безработный, стр. 27. Следует отметить, что в восстановительный период жизненный уровень рабочего класса хотя и повышался из года в год, но был невелик (см. об этом подробнее *А. А. Матюгин.* Указ. соч., стр. 117—147).

[26] *В. В. Шмидт.* Положение рабочего класса в СССР. М.—Л., 1928, стр. 49.

Антисоветская пропаганда иногда находила отклик среди безработных. В Москве металлисты, не имевшие работы, провели собрание, на котором присутствовало около 3 тыс. человек. Они просили ассигновать дополнительные суммы на развитие промышленности и прекратить заказы на оборудование в зарубежных странах [27]. Московские безработные подали петицию с просьбой разрешить создать специальную организацию безработных. Особенно острый характер приняли выступления безработных в Одессе. Здесь бесчинствовали бывшие уголовники. Они устраивали скандалы на бирже труда, дезорганизовывали ее работу. Дошло до избиения заместителя заведующего Одесской биржей труда и других советских работников [28]. Положение осложнялось тем, что случаи недовольства наблюдались и среди демобилизованных красноармейцев. Они требовали немедленного предоставления им работы, кое-где дело доходило до демонстраций [29].

Чрезвычайно остро стояла проблема безработицы среди молодежи. Подростки, обреченные на вынужденное бездействие, попадали под влияние улицы, в связи с этим росли детская преступность, нищенство и проституция. Беспризорность среди детей и подростков достигла больших размеров.

Волнения среди безработных являлись тревожным сигналом. 6 июня 1924 г. заместитель председателя ОГПУ В. Р. Менжинский направил письмо в ЦК РКП(б), в котором сообщал: «Поступающие в последнее время в ОГПУ сведения, как от местных органов, так и по Москве, указывают на назревающее движение среди безработных с заметным антисоветским уклоном» [30]. В. Р. Менжинский предложил создать специальную авторитетную комиссию для обсуждения мероприятий по работе среди безработных, а также для выяснения возможности смягчения самой безработицы. Такая комиссия была создана при Политбюро ЦК ВКП(б) под руководством заместителя председателя Совнаркома А. М. Лежавы. Членами комиссии были А. М. Бахутов — нарком труда РСФСР, Л. Е. Минц — ответственный работник НКТ СССР, С. Г. Струмилин и А. М. Аникст представляли Госплан. В комиссии работали также представителя ВЦСПС, отдельных ЦК союзов, НК РКИ и НК земледелия. Комиссия собиралась регулярно. Повестка дня была строго определена, обычно это был разговор об источниках безработицы и мерах борьбы с нею. Например, 1 сентября 1925 г. обсуждался доклад А. М. Бахутова «О состоянии рынка труда и мерах борьбы с безработицей», а через неделю, 8 сентября, стоял доклад представителя НК РКИ «О харак-

---

[27] ЦГАОР СССР, ф. 5469, оп. 16, д. 72, л. 137.
[28] Там же, ф. 374, оп. 8, д. 1898, л. 357.
[29] Подробнее см. *К. И. Суворов.* Указ. соч., стр. 83—85.
[30] ЦГАОР СССР, ф. 374, оп. 8, д. 1828, л. 191.

тере источников безработицы, ее размерах и практикующихся в настоящее время мерах борьбы с безработицей» [31].

По заданию этой комиссии с конца 1924 г. и весь 1925 г. в стране проводилось детальное изучение проблем безработицы. Сотрудники Наркомата труда СССР совместно с работниками Секции труда НК РКИ провели обследование наркоматов труда РСФСР, Белоруссии, Украины и ЗСФСР, а также крупнейших бирж труда (Московской, Ленинградской и др.) [32]. На местах такую же работу вели местные органы труда вместе с НК РКИ Республик, а также с представителями городских и районных Советов и профсоюзных органов. В задачи обследования входило: изучение причин безработицы, ее источников; роли бирж труда в трудовом посредничестве (выявление спроса на рабочую силу, ее учет и направление на предприятия); проверка расходов средств, ассигнованных на борьбу с безработицей; выработка предложений по борьбе с безработицей, при этом особое внимание обращалось на ослабление безработицы среди молодежи. В результате детального изучения проблем безработицы Наркомат труда и НК РКИ получили ценный материал, характеризовавший причины и характер (структуру) резервной армии труда в СССР, который помог выработать меры по борьбе с безработицей [33].

Кроме того, местные комиссии обнаружили, что на биржах труда числилось множество «мертвых душ» [34]. После перерегистрации безработных, произведенной в конце 1924 г., на биржах труда было зарегистрировано около 1 млн. человек (на 1 января 1925 г. ЦСУ, основываясь на данных бирж труда, исчисляло безработицу в 952 тыс. человек). Примерно такое же количество безработных сохранялось в течение всего 1925 г. На 1 января 1926 г., по тем же данным, насчитывалась 951 тыс. безработных [35].

По данным профсоюзов, на 1 января 1925 г. было 909,9 тыс. безработных членов союза, а на 1 января 1926 г.— 1029 тыс. К этим материалам можно добавить данные о числе безработных членов профсоюза на 1 октября 1925 г.— 837 тыс. [36]

Таким образом, в этот период данные бирж труда и профсоюзов хотя и не совпадали полностью, но были не столь разноречивы, как в 1922—1924 гг. Причем мы видим, что цифры проф-

---

[31] Протоколы комиссии Политбюро хранятся в фондах НК РКИ.— См. ЦГАОР СССР, ф. 374, оп. 8, д. 1828, лл. 25, 27, 74 и др.

[32] Там же, д. 1842, лл. 24—32, 106—110; д. 1899, лл. 13—15.

[33] Доклад по обследованию бирж труда в 1925 г. и о мерах борьбы с безработицей в целом по Советской стране обнаружен нами в фондах НК РКИ СССР.— ЦГАОР СССР, ф. 374, оп. 8, д. 1898, лл. 1—19. Аналогичные доклады по РСФСР, УССР и ЗСФСР хранятся в тех же фондах.— Там же, лл. 98—148, 163—404.

[34] Подробнее об этом см. в разделе о работе бирж труда.

[35] «Народное хозяйство СССР. Статистический справочник, 1932», стр. XXIII.

[36] *Л. Е. Минц.* Учет безработных в СССР.— БСЭ, т. 5, стб. 221; *Я. И. Гиндин.* Профессиональные союзы и безработица (1917—1927 гг.). М., 1927, стр. 26.

союзов стали более высокими по сравнению с данными бирж труда. Это объясняется тем, что после перерегистрации 1924 г. биржи труда стремились ставить на учет людей, действительно нуждавшихся в работе. Профсоюзы же регистрировали у себя всех безработных членов профсоюзов, независимо от того, искали они в тот момент работу или не искали ее. Профсоюзы считали безработными даже сезонных рабочих.

По данным профсоюзов, на 1 января 1925 г. не работало 13,8% всех членов профсоюза, на 1 января 1926 г.— 14,1% [37]. Таким образом, к концу восстановительного периода каждый седьмой член профсоюза не имел работы. Однако здесь надо учитывать, что многие члены профсоюзов не являлись подлинными безработными, так как в силу целого ряда обстоятельств в тот момент не искали работу.

Учитывая данные бирж труда, можно вычислить процент безработных ко всем рабочим и служащим. В 1925 г. в народном хозяйстве было занято 8,5 млн. человек, безработных же было около 952 тыс. Таким образом, безработные составляли в 1925 г. примерно 11% [38].

К концу восстановительного периода безработица продолжала оставаться весьма напряженной — работу не имел примерно 1 млн. человек.

Распределение безработных по союзным республикам в конце 1925 г. оставалось таким же, как и в начале 1925 г.: в РСФСР было 75,3% всех безработных, на Украине— 18,7%, в Белоруссии — 1,8%, в Закавказье — 2,7%, в Узбекистане — 1,3%, в Туркмении — 0,2%.

По экономическим районам РСФСР безработица распределялась следующим образом (в % к общему числу безработных): Центрально-промышленный район с Москвой — 30%, Северо-Западный с Ленинградом — 13,8, Поволжский — 9,1, Центрально-черноземный — 3,6, Уральский — 2,6 и прочие районы — 16,2% [39]. Такое распределение безработных — сосредоточение безработицы в Центрально-промышленном и Северо-Западном районах — вполне естественно, ибо именно здесь были сосредоточены основные отрасли промышленности и сюда устремлялись главные массы безработных в надежде получить работу.

Рассмотрев динамику численности безработных и их географическое размещение, перейдем к выявлению источников безработицы, ее характера и особенностей в годы восстановления народного хозяйства.

Для того чтобы выяснить причины и источники безработицы в Советской России, следует остановиться хотя бы в общих чер-

---

[37] *Л. Е. Минц.* Учет безработных в СССР.— БСЭ, т. 5, стб. 222.
[38] «Народное хозяйство СССР 1932», стр. XXII—XXIII.
[39] «СССР. Год работы правительства (Материалы к отчету за 1924/25 бюджетный год)», стр. 572.

тах на развитии народного хозяйства и особенно на развитии промышленности в восстановительный период. Как известно, в капиталистических странах рост безработицы происходит в результате промышленной депрессии: сокращения производства, уменьшения численности занятой рабочей силы.

В Советской стране происходило нечто противоположное: в 1922—1925 гг. промышленность восстанавливалась и развивалась быстрыми темпами. В 1921/22 г. прирост промышленной продукции составил 50%, в 1922/23 г.— 45%, в 1923/24 г.— 30%, в 1924/25 г.— 64%. Средний годовой прирост промышленного производства составил более 40% [40]. В 1925 г. промышленность давала уже три четверти промышленной продукции 1913 г. [41]

Одновременно с ростом промышленного производства росла численность фабрично-заводских рабочих. Об этом свидетельствуют следующие данные [42]:

Год	Численность, в тыс.	В % к предыдущему году
1920	1222,8	100
1921	1185,5	96,9
1922	1096,2	92,4
1922/23	1301,6	118,7
1923/24	1503,1	115,4
1924/25	1852,5	123,2

Эти данные показывают, что в течение 1922—1925 гг. численность промышленных рабочих увеличилась на 756,3 тыс., т. е. более чем в 1,5 раза. Столь же быстро росла общая численность рабочих и служащих во всем народном хозяйстве, поднявшись с 5 млн. человек в 1920 г. до 8,6 млн. в 1925 г. [43] Все это свидетельствовало о своеобразии безработицы в Советской стране, отличая ее от безработицы в капиталистических странах. На особый характер безработицы в СССР указывал нарком труда РСФСР А. М. Бахутов, который, отметив одновременный рост занятой рабочей силы и численности безработных, подчеркнул, что городская безработица росла не в результате промышленного кризиса или депрессии, а в силу совершенно других явлений. Бахутов назвал три причины безработицы в СССР: приток людей из сельской местности; сокращение штатов учреждений и концентрация промышленности; обращение на биржи труда малообеспеченных слоев населения [44]. О специфическом характере без-

[40] «СССР в период восстановления народного хозяйства (1921—1925)». Исторические очерки. М., 1955, стр. 413.

[41] «Народное хозяйство СССР». Статистический сборник. М., 1956, стр. 45.

[42] «Итоги десятилетия Советской власти в цифрах, 1917—1927 гг.». М., 1927, стр. 230; *А. А. Матюгин.* Указ. соч., стр. 308.

[43] «Труд в СССР». Статистический сборник. М., 1968, стр. 22.

[44] См. доклад А. М. Бахутова «О безработице и политике трудового посредничества» на совещании работников бирж и отделов труда РСФСР, состоявшемся 26—30 октября 1924 г. (ЦГАОР СССР, ф. 374, оп. 8, д. 1899, лл. 27—29).

работицы в СССР говорили и писали многие руководящие работники Наркомата труда, Госплана и ВСНХ.

Рассмотрим источники безработицы в СССР. Основной причиной безработицы являлось аграрное перенаселение, доставшееся Советской стране в наследство от царской России. По подсчетам различных исследователей, излишняя армия труда в сельском хозяйстве достигала 20 млн. человек. Н. Огановский исчислял размер аграрного перенаселения для 1924 г. в 19,9 млн. человек. Л. И. Лубих-Герцык только по 4 районам СССР для 1923 г. давал цифру в 7—10 млн. человек. Работники Госплана УССР определяли численность «избыточного» сельского населения Украины в 1925 г. в 6—7 млн. человек[45]. Я. И. Гиндин писал, что в наследстве от царской России Советская страна получила 20-миллионное «избыточное» сельское население; правда, он замечал, что за годы Советской власти этот избыток сохранился в несколько меньших размерах[46]. По подсчетам Госплана, аграрное перенаселение к началу первой пятилетки исчислялось в 8—9 млн. человек[47].

В поисках заработка бедняцкие слои крестьянства порывали со своим маломощным хозяйством и устремлялись в города. В годы Советской власти тяга в город вновь обнаружилась в 1922 — 1923 гг. По мере восстановления народного хозяйства и постепенного улучшения экономического и культурного благосостояния городов увеличивался приливе сельского населения в город, возобновлялись старые связи города с деревней. В 1923/24 г. на заработки в города ушло свыше 1,5 млн. крестьян[48]. На следующий год отходничество составило почти 3 млн. человек[49]. На заработки уходили не только бедняки. Середняки также искали отхожего промысла. Недостаток земли, инвентаря, оборудования, безлошадность заставляли крестьян искать дополнительных средств существования. Многотысячные армии отходников являлись основным источником городской безработицы.

Конечно, не вся эта огромная масса сельского населения оседала в городах. Многие по окончании временных работ возвращались в деревню. Но немало людей связывали навсегда свою судьбу с городом. С 1923 по 1927 г. городское население выросло за счет сельского почти на 3 млн. человек[50]. Многие выходцы из деревни в поисках работы прошли через биржи труда. В 1923—1924 гг. среди безработных, зарегистрированных биржами, выходцы из де-

---

[45] Приведенные данные взяты из Докладной записки по труду, подготовленной Госпланом СССР в 1928 г. (см. ЦГАНХ СССР, ф. 4372, оп. 26, д. 182, л. 22).

[46] *Я. И. Гиндин.* Указ. соч., стр. 8.

[47] «Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР», т. II, ч. 2, изд. 2-е. М., 1929, стр. 8.

[48] Данные по СССР без ЗСФСР, Уз.ССР, Туркм.ССР.— См. «Отход сельского населения на заработки в СССР в 1926/27 г.» М., 1929, стр. 11.

[49] В отход по СССР без ЗСФСР, Уз.ССР, Туркм.ССР ушло 2 867 836 чел.— См. там же.

[50] «Вопросы труда», 1927, № 3, стр. 4.

ревни составляли от 14 до 21,1%, т. е. почти пятую часть всех безработных [51]. Однако эти данные не полностью отражали действительность. Большинство сельских жителей устраивалось на работу помимо бирж труда, без регистрации.

Число людей, вновь принятых предприятиями на работу из сельской местности, различалось по отдельным районам и городам. Их доля среди новых рабочих составляла по губернским городам РСФСР 16% (в Москве — 12%, в Ленинграде — 11%), а по РСФСР (без губернских городов) — 47,8%. Еще выше эта доля была на Урале — 57% и Украине — 53,5%. Следовательно, в целом ряде районов, в том числе таких промышленно развитых, как Урал и Украина, выходцы из деревни представляли больше половины вновь принятых рабочих. Но даже там, где выходцы из деревни составляли сравнительно небольшую долю всех принятых на работу людей, они оказывали огромное влияние на городской рынок труда. Ленинградская биржа труда в докладной записке о состоянии безработицы в Ленинграде в 1924/25 г., объясняя причины ее роста, отмечала: «Объяснение этому явлению нужно искать в том, что избыточное сельскохозяйственное население, неорганизованно выступая на городском рынке труда, создает серьезную угрозу для организованного городского пролетариата» [52].

Массовый приток сельского населения в город усиливал безработицу, значительно увеличивал ее размеры. К этому выводу пришла специальная комиссия Политбюро ЦК РКП(б), изучавшая проблемы безработицы в 1924—1925 гг. Такое же заключение сделали Наркомат труда СССР, НК РКИ, Госплан СССР, ВЦСПС и другие учреждения, ведавшие вопросами труда в тот период. Нарком труда СССР В. В. Шмидт, выступая на октябрьском (1925 г.) Пленуме ЦК РКП(б), говорил, что главный приток рабочей силы в города идет из деревни. В циркулярном письме ВЦСПС от 23 марта 1925 г. подчеркивалось, что ряды безработных систематически пополняются свободной рабочей силой из деревни [53]. XV Всесоюзная партийная конференция записала в своей резолюции: «Основным источником, откуда пополняются кадры безработных, является деревня, выбрасывающая в город излишнюю в сельском хозяйстве рабочую силу» [54].

Сельское население, прибывавшее в город в результате аграрного перенаселения страны, было основным, но не единственным источником образования городской резервной армии труда. Сильное влияние на рост безработицы в первые годы восстановления народного хозяйства оказала демобилизация Красной Армии. В 1921—1923 гг. из рядов Красной Армии демобилизовалось бо-

[51] «Вопросы труда», 1925, № 10, стр. 11.
[52] ЛГАОРСС, ф. 3299, оп. 1, д. 1238, л. 34.
[53] «Справочник партийного работника», вып. V. М.— Л., 1926, стр. 573.
[54] «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», т. III. М., 1970, стр. 381.

лее 3,5 млн. человек. Среди красноармейцев было немало городских жителей, а также крестьян, захотевших остаться в городах. Однако промышленность в то время не была в состоянии принять всех желавших устроиться на производство. На биржах труда образовались очереди из демобилизованных красноармейцев.

На состояние городской резервной армии труда существенное влияние оказало сокращение управленческого аппарата, проведенное в 1922—1923 гг. В мае 1921 г. в целях изыскания необходимых средств для восстановления народного хозяйства В. И. Ленин писал в Госплан Г. М. Кржижановскому о необходимости провести максимальное (на 25—50%) сокращение служащих управленческого аппарата, предприятий и особенно государственного аппарата, непомерно разросшегося в условиях военного времени [55]. Предложение В. И. Ленина было принято. XI партийная конференция записала в своем решении, что в интересах восстановления народного хозяйства необходимо решительное сокращение служащих советских учреждений [56].

В 1921 г. для сокращения управленческого аппарата была создана Центральная штатная комиссия. Сокращение коснулось весьма значительного круга людей. По сведениям НКТ СССР, в 1922 г.— первой половине 1923 г. серьезной причиной безработицы являлось сокращение штатов учреждений и предприятий. Об этом говорят и сведения Петроградской биржи труда. На 1 марта 1923 г. все зарегистрированные ею безработные распределялись следующим образом: уволенные по сокращению штатов — 69,6%, в связи с ликвидацией предприятий — 14,9%, по другим причинам — 3,3% [57].

Сокращение штатов продолжалось и в 1924 г. По данным Омской биржи труда, с января по апрель 1924 г. число безработных выросло с 11,2 тыс. человек до 14,5 тыс. человек, главным образом за счет сокращения штатов и ликвидации учреждений и предприятий [58]. Примерно такие же сведения представила Новосибирская биржа труда: в составе безработных, уволенных по сокращению штатов, было в январе 1924 г. 37%, в феврале — 35,5%, в марте — 32% [59]. По данным Алтайской биржи труда, с января по март 1924 г. по сокращению штатов было уволено 2,5 тыс. человек [60]. Сокращение управленческого аппарата, мера сама по себе очень полезная и нужная, в то же время осложнило проблему безработицы.

Армия безработных пополнялась также за счет подрастающего молодого поколения, которое следовало обеспечить работой, но

---

[55] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 43, стр. 261.
[56] См. «КПСС в резолюциях...», т. II, стр. 304.
[57] *Л. Е. Минц.* Труд и безработица в России. 1921—1924 гг., стр. 61.
[58] ГАНО, ф. 532, оп. 1, д. 1493, л. 58.
[59] Там же, л. 78.
[60] Там же, л. 81.

к сожалению, ее не хватало в тот период даже для взрослого населения. Тяга к труду все сильнее обнаруживалась у женщин, ранее занятых только домашним хозяйством.

Анализ источников безработицы позволяет сделать совершенно определенный вывод: в Советской стране безработица имела специфический, особый характер. Эта специфичность заключалась в аграрном, неиндустриальном ее характере. Об этом свидетельствовали и данные о составе лиц, зарегистрированных биржами труда.

Последние при учете безработных рассматривали их по трем основным категориям труда: индустриальная группа, группа интеллигентного, или, как ее называли в то время, интеллектуального труда, и чернорабочие. Кроме того, выделялась специальная группа, в которой регистрировались люди, ранее не работавшие по найму [61]. Рассмотрим состав безработных по категориям труда за 1922—1925 гг. (см. табл. 4).

Данные табл. 4 показывают, что доля индустриальных рабочих в общем составе безработных составляла в 1922 г. 22%, интеллигенции в среднем — 29%, чернорабочих — 20%. В последующие годы это соотношение несколько изменилось. В среднем удельный вес индустриальной группы поднялся до 26%, интеллигенции — до 33%, чернорабочих — до 26%. Уже эти данные показывают, что индустриальная группа в общем составе безработных представляла сравнительно небольшую величину — четвертую — пятую часть всего состава лиц, зарегистрированных биржами труда. Остановимся более подробно на динамике и структуре этой группы (см. табл. 4).

Как показывает таблица, в годы восстановления народного хозяйства вместе с ростом всей массы безработных возрастала и ее индустриальная группа — за 4 года она увеличилась более чем в 9 раз, за это же время вырос и удельный вес этой группы с 22 до 28,8%. Рост хотя и значительный, но не представлявший угрозы для народного хозяйства, ибо он происходил не в результате свертывания производства и сокращения рабочей силы, а одновременно с развитием промышленности и увеличением численности

---

[61] Здесь и далее мы будем приводить данные о структуре безработицы по архивным материалам НКТ СССР и НК РКИ, составленным по сведениям бирж труда. Эти материалы сосредоточены в докладной записке НК РКИ «Об итогах обследования бирж труда и мерах борьбы с безработицей по СССР», составленной в 1925 г. (см. ЦГАОР СССР, ф. 374, оп. 8, д. 1828, лл. 4—52). В дальнейшем эти данные, особенно относительно 1925 г., были несколько уточнены, чем и объясняется некоторое расхождение архивного материала от опубликованного в сборниках ЦСУ. Поскольку эти расхождения невелики, а архивные материалы значительно полнее и охватывают более дробные периоды, мы и предпочли пользоваться ими.

Следует отметить, что некоторые данные о структуре безработицы имеются в работах: «Наемный труд в России и на Западе за 1913—1925 гг.», ч. I. М., 1927, стр. 128—129; *Я. И. Гиндин.* Безработица и трудовое посредничество. М., 1925, стр. 12; *Л. Е. Минц.* Современное состояние безработицы в СССР.— «Статистическое обозрение», 1927, № 3, стр. 31—40; *А. А. Матюшин.* Указ. соч., стр. 190; *К. И. Суворов.* Указ. соч., стр. 77, и др.

Таблица 4

Динамика численности и состава трех основных групп безработных (индустриальной, интеллектуального труда и чернорабочих) в годы восстановления народного хозяйства*

Период	Всего	Индустриальная группа		В том числе			Группа интеллектуального труда		В том числе				Чернорабочие	
		в тыс.	в % к общему числу безработных	металлисты, в тыс.	текстильщики, в тыс.	прочие, в тыс.	в тыс.	в % к общему числу безработных	совслужащие, в тыс.	мед. работники, в тыс.	Работники просвещения, в тыс.	прочие, в тыс.	в тыс.	в % к общему числу безработных
1922 г. 1 января	160,0	35,2	22,0	7,0	20,5	7,7	39,7	24,8	31,7	5,1	0,7	2,2	32,0	20,0
1 июля	407,5	89,6	22,0	25,7	41,0	22,9	138,1	33,9	107,1	10,8	9,8	10,7	81,5	20,0
1923 г. 1 января	641,0	141,0	22,0	48,8	71,1	21,1	298,7	46,6	183,6	20,5	14,6	80,0	128,2	20,0
1 июля	1050,0	261,4	24,9	78,8	52,9	129,7	353,8	33,7	259,6	36,2	19,2	38,8	271,9	25,9
1924 г. 1 января	1240,0	310,0	25,0	10,4	53,9	245,7	418,0	33,7	294,2	51,8	28,4	43,6	310,0	25,0
1 июля	1344,3	354,5	26,4	105,6	51,4	197,5	412,7	30,7	305,9	47,3	27,7	31,8	379,1	27,4
1925 г. 1 января	901,6	262,4	29,1	98,2	34,4	129,8	286,7	31,8	173,3	36,7	24,7	52,0	211,0	23,4
1 июля	1100,0	316,8	28,8	82,5	42,0	192,3	256,3	23,3	157,5	26,1	15,1	57,6	397,1	36,1

* Таблица составлена по материалам НК РКИ — см. ЦГАОР СССР, ф. 374, оп. 8, д. 1828, л. 52; д. 1896, л. 42. В таблицу не включены сведения о лицах, ранее не работавших по найму.

рабочего класса. С 1922 по 1925 г. включительно численность рабочих и служащих в промышленности возросла с 1601,7 тыс. до 2109,0 тыс., т. е. на полмиллиона человек [62]. Нарком труда СССР В. В. Шмидт писал, что «наша безработица в части индустриальных рабочих является результатом текучести состава рабочей силы» [63]. На VII съезде профсоюзов, состоявшемся в декабре 1926 г., он прямо заявил: «Среди индустриальных групп мы не наблюдаем такой безработицы, которая заставляла бы нас тревожиться» [64].

Важно отметить и другое. Как свидетельствует табл. 4, за годы восстановительного периода резко изменилась структура индустриальной группы безработных. В первые годы она в основном складывалась из металлистов и текстильщиков (в 1922 г.— 27,5 тыс. из 35 тыс., в 1923 г.— 120 тыс. из 141 тыс.). Начиная же с 1924 г. положение резко изменилось. Металлисты и текстильщики составляли уже менее половины индустриальной группы, а в июле 1925 г.— даже меньше 40%. Следовательно, по мере восстановления народного хозяйства сокращалась доля ведущих, основных профессий индустриального труда в общем составе безработных.

В целом же анализ динамики и структуры индустриальной группы безработных подтверждает общее заключение практических работников и исследователей о неиндустриальном характере безработицы в СССР.

Приведем в подтверждение этому выводу еще один материал о распределении безработных по квалификации. На 1 октября 1925 г. среди 920 тыс. зарегистрированных биржами труда квалифицированные и полуквалифицированные работники составляли 340 тыс., а 580 тыс. не имело никакой квалификации [65].

Интересные изменения произошли за годы восстановления народного хозяйства среди безработной интеллигенции (см. табл. 4). Приведенные в таблице данные свидетельствуют о существенных колебаниях в этой группе. Ее численность от 40 тыс. в 1922 г. выросла за два года до 400 с лишним тыс. в 1924 г., т. е. в 10 раз, а затем в 1925 г. пошла на резкое снижение, дойдя до 256 тыс. человек. В соответствии с этим происходили изменения и в ее удельном весе среди безработных. Доля группы интеллектуального труда составляла от четверти до половины всех зарегистрированных безработных. Причем эти весьма значительные колебания происходили за счет безработных служащих. Данные таблицы показывают, что на протяжении всех лет восстановительного периода служащие составляли основную, доминирующую группу среди безработной интеллигенции. Их доля в группе интеллигентного труда

[62] Приведены среднегодовые данные.— «Народное хозяйство СССР», 1932, стр. XXII—XXIII.
[63] *В. Шмидт.* Положение рабочего класса в СССР. М.— Л., 1928, стр. 45.
[64] *В. Шмидт.* Итоги работы и задачи НКТ СССР. Доклад и заключительное слово на VII съезде профсоюзов. М., 1927, стр. 41.
[65] *Я. Гиндин.* Борьба с безработицей и наем рабочей силы, стр. 4—5.

доходила до 75—80%. Резкое сокращение управленческого аппарата в 1923—1924 гг. увеличило армию безработных служащих до 300 тыс. с лишним. Лишь с 1925 г. эта группа начала уменьшаться.

Что же касается безработных медицинских работников и работников просвещения, то их доля среди всей безработной интеллигенции была сравнительно незначительной: 8—10% для медиков и 7—8% для педагогов. Численность безработных этих групп увеличивалась вплоть до начала 1924 г., когда, достигнув кульминационной точки (52 тыс. медицинских работников и 28 тыс. работников просвещения), она пошла на резкое снижение. В течение 1924—1925 гг. число не обеспеченных работой медиков и учителей уменьшилось почти в 2 раза.

Анализ отдельных групп безработной интеллигенции можно несколько углубить, используя данные о составе каждой группы. На 1 июля 1925 г., по сведениям бирж труда, среди 158 тыс. не имевших работы советских служащих больше всего было конторщиков (32 тыс.), приказчиков (20 тыс.), делопроизводителей (18 тыс.) и заведующих (11 тыс.), т. е. безработица охватила лиц, в основном не имевших определенной профессии. Наоборот, безработица среди специалистов была небольшой: стенографисток было зарегистрировано всего 257, чертежников — 719, счетных работников — 769.

По группе медицинских работников распределение по специальностям в это же время было следующим: безработные врачи — 2870, акушеры, фельдшеры и медицинские сестры — 11,5 тыс., санитарки и сиделки — свыше 10 тыс. Таким образом, чем выше была квалификация, тем больше был спрос, тем меньше безработных.

По тем же данным бирж труда, безработных преподавателей высших учебных заведений и средних школ было зарегистрировано 7 433, прочих педагогов — 8 458 человек.

Для полной характеристики безработной интеллигенции добавим, что в ее состав входили также лица свободных профессий. На 1 июля 1925 г. биржами труда было зарегистрировано примерно 4 тыс. артистов, столько же музыкантов, 250 художников и около 4 тыс. прочих работников искусства.

Отдельно учитывались финансовые работники (бухгалтера, кассиры и пр.), которых было весьма много — свыше 37 тыс., а также аптекарские служащие (провизоры и фармацевты) — около 2,5 тыс.[66]

Проанализировав численность и состав индустриальной и интеллектуальной групп безработных, остановимся на группе чернорабочих (см. табл. 4).

Данные таблицы показывают, что численность и удельный вес

---

[66] Эти сведения были представлены в Комиссию НК РКИ, обследовавшую работу бирж труда в 1925 г.— ЦГАОР СССР, ф. 374, оп. 8, д. 1898, л. 46.

группы чернорабочих все время возрастали. За 4 года эта категория безработных увеличилась в 12,5 раза. Еще более возросла ее доля в общем составе безработных — с 20 до 36%. Безработные чернорабочие по своей численности и удельному весу заняли первое место среди всех других групп безработных [67]. И это снова и снова свидетельствовало о неиндустриальном характере безработицы в Советской России [68].

Итак, в СССР безработица имела особый характер. Она не была связана с промышленной депрессией и кризисом. На учете бирж труда в основном состояли лица неиндустриальных профессий. Индустриальная группа занимала сравнительно небольшое место, обнаружив уже в последние годы восстановления народного хозяйства тенденцию к стабилизации. В течение 1924—1925 гг. почти прекратился рост этой категории безработных, в последующие годы в связи с успешным развитием народного хозяйства численность безработных индустриальных рабочих начала сокращаться.

Несомненный интерес представляют данные о половом и возрастном составе безработных. Около половины резервной армии труда составляли женщины. Причем в годы восстановления народного хозяйства женская безработица возрастала: в январе 1924 г. доля женщин в составе безработных равнялась 42,8%, а через год — 47,5% [69]. По данным бирж труда, на 1 декабря 1925 г. из 920,4 тыс. безработных 424,8 тыс. составляли женщины [70]. Женская безработица, сама по себе представлявшая величайшее зло, мешала в то же время решить такую важную проблему, как приобщение женщин к активному участию в социалистическом строительстве.

Городская резервная армия труда наполовину состояла из молодых людей. В составе безработных (данные на 1926 г.) в возрасте до 25 лет было 44%, от 25 до 40 — 38%, свыше 40 — 18% [71]. Количество подростков в возрасте от 14 до 16 лет, не обеспеченных работой, возрастало из года в год, из месяца в

---

[67] Напомним, что к 1 июля 1925 г. группа интеллектуального труда составляла 23,3%, а индустриального — 28,8%. Такое соотношение было характерно для всех районов СССР. В Сибири, например, уже в 1924 г. в составе лиц, зарегистрированных на биржах труда, треть составляли чернорабочие.— ГАНО, ф. 532, оп. 1, д. 1493, л. 78.

[68] Проведенный выше анализ состава безработных по основным категориям труда был вызван тем, что в литературе до сих пор этот вопрос основательно не разработан. Хотя все исследователи писали о неиндустриальном характере безработицы, доводы, приводимые ими, имели иллюстративный, выборочный характер. Мы постарались осветить этот вопрос более полно, используя данные за все годы восстановительного периода.

[69] Материал этот взят из стенографического отчета Всесоюзного совещания по коллективам безработных (январь 1925 г.).— ЦГАОР СССР, ф. 5515, оп. 24, д. 18, л. 9.

[70] *М. Романов.* О ликвидации безработицы в СССР. М., 1930, стр. 5.

[71] «Статистическое обозрение», 1927, № 3, стр. 35.

месяц. Об интенсивном нарастании безработицы среди подростков свидетельствуют следующие данные [72]:

Периоды	Всего безработных, в тыс.	В том числе подростков	
		в тыс.	в % к общему числу
1924 г.			
1 января	1240,0	106,2	8,6
1 апреля	1378,0	115,0	8,4
1 июля	1344,3	123,8	9,2
1 октября	700,0	118,3	16,9
1925 г.			
1 января	901,6	127,0	14,1

Приведенные данные показывают, что в отдельные месяцы безработные подростки составляли до 17% городской резервной армии труда. В начале 1926 г. на биржах труда числилось уже 144 тыс. безработных подростков [73].

Изучение численности и состава резервной армии труда показывает, что проблема безработицы стояла в Советской стране весьма остро. Безработица распространялась на многочисленные слои трудоспособного населения: мужчин и женщин, молодежь и людей среднего возраста, неквалифицированных и квалифицированных работников, рабочий класс и интеллигенцию.

Борьба с безработицей в восстановительный период

Разработка мер по борьбе с новой волной безработицы началась сразу же после появления ее первых симптомов в конце 1921 г. Уже 10 октября 1921 г. в Политбюро ЦК РКП(б) обсуждался этот вопрос, а в ноябре вопрос о безработице был рассмотрен ВЦСПС, который поручил специальной комиссии вести точный учет безработных, определить число лиц, подлежащих социальному страхованию по безработице, и др.[74]

В 1922 г. Политбюро ЦК РКП(б) не раз обсуждало проблемы безработицы. Оно систематически поручало бюро комфракции ВЦСПС разработку конкретных вопросов, связанных с учетом безработных и их трудоустройством, социальным страхованием, организацией материальной и трудовой помощи тем, кто временно не имел работы. В сентябре 1922 г. под руководством В. В. Куйбышева в ЦК РКП(б) состоялось совещание работников ВЦСПС,

[72] По материалам обследования бирж труда.— См. ЦГАОР СССР, ф. 374, оп. 8, д. 1898, л. 38.
[73] «VII Всесоюзный съезд ВЛКСМ». 11—22 марта 1926 г. Стенографический отчет. М.— Л., 1926, стр. 345.
[74] ЦГАОР СССР, ф. 5451, оп. 5, д. 520, л. 4.

НКТ и женотделов партийных органов, на котором обсуждались вопросы безработицы среди женщин [75].

В 1923 г. Оргбюро ЦК РКП(б) приняло решение о создании специальной комиссии по борьбе с безработицей [76]. Такого рода комиссии были созданы также при партийных организациях в Петрограде, Ростове-на-Дону, Краснодаре, в ряде городов Белоруссии и других местах. Общесоюзная комиссия по изучению причин безработицы и разработке мер борьбы с ней была создана при Совете Труда и Обороны [77].

Борьба с безработицей приняла особо широкий размах в 1924—1925 гг. «Правда» 22 июня 1924 г. писала: «Вопрос о безработице должен стать одним из первых вопросов, которому надо уделить в ближайшее время максимальное внимание. Все губернские советские организации вместе с губпрофсоветами, партией и хозорганами должны наметить целую систему мероприятий по уменьшению безработицы, по изысканию средств для ее смягчения». Борьба с безработицей стала одной из важнейших общепартийных и общегосударственных задач.

Комиссии по борьбе с безработицей были созданы и работали при Политбюро ЦК РКП(б), СТО, ВЦСПС и Госплане СССР. В их состав входили руководители партии и правительства — М. И. Калинин, В. В. Куйбышев, А. И. Микоян, Г. К. Орджоникидзе, Я. Э. Рудзутак, И. В. Сталин, ответственные профсоюзные работники — А. А. Андреев, А. И. Догадов, Н. М. Шверник, видные деятели женского движения — А. В. Артюхина, Р. С. Землячка, Н. К. Крупская, руководители крупнейших наркоматов — А. В. Луначарский, Н. А. Семашко, В. В. Шмидт и др.

Вопросы безработицы в той или иной степени обсуждались на всех съездах, конференциях и пленумах ЦК партии. Они постоянно находились в поле зрения съездов и пленумов ВЦСПС и ЦК отраслевых профсоюзов. О расширении фронта борьбы с безработицей и ассигновании средств на это дело всегда говорилось при обсуждении народнохозяйственных планов. Проблемы безработицы стояли также на съездах Советов СССР и союзных республик.

Бо́льшая часть работы, выработка конкретных мер по борьбе с безработицей проходила в наркоматах труда СССР и союзных республик, а также в губернских отделах труда и местных биржах труда. Все эти годы во главе Наркомата труда СССР стоял В. В. Шмидт. Будучи на протяжении ряда лет членом Совнаркома, которым руководил В. И. Ленин, он прошел замечательную ленинскую школу государственного управления. Деловитость, точность и дисциплина — эти характерные ленинские черты руководства — строго соблюдались в Наркомате труда.

---

[75] «Известия ЦК РКП(б)», 1922, № 9, стр. 25.
[76] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 34, д. 158, лл. 1—7.
[77] «Правда», 5 мая 1923 г.

Как вспоминала впоследствии секретарь коллегии НКТ СССР Е. Я. Гутина [78], заседания коллегии начинались в точно назначенное время. Повестка дня заседания всегда была максимально конкретна. Докладчики и содокладчики по определенным вопросам вызывались в строго обозначенные часы. Вопросы на коллегии решались быстро и оперативно. Обязательно назначалось ответственное лицо за принятое решение.

Большое внимание обращалось на формирование аппарата Наркомата труда. В НКТ СССР и РСФСР работали видные экономисты и статистики, а также бывшие профсоюзные работники, знакомые с нуждами, настроениями и требованиями рабочих масс. Много лет в аппарате Наркомтруда работал Александр Михайлович Бахутов — заместитель наркома СССР и нарком труда РСФСР, Иван Александрович Толстопятов — заместитель наркома, Михаил Алексеевич Нефедов — заведующий организационным отделом, Яков Исаакович Гиндин — заведующий отделом рынка труда, занявший этот пост в 1920 г. после А. М. Аникста, Петр Николаевич Авдеев, заведующий тарифным отделом, Лев Павлович Немченко — заведующий отделом социального страхования. В отделах работали опытные экономисты: Лев Ефимович Минц, руководитель планового бюро отдела рынка труда, непосредственно ведавший учетом безработных, под его руководством на основании сведений бирж труда готовились ежемесячные бюллетени о состоянии рынка труда, о составе безработных по полу, возрасту, квалификации и профессии; Борис Львович Маркус, разрабатывавший статистику труда, будущий доктор экономических наук, директор Института экономики АН СССР и др.

В наркоматах труда было немало рабочих-выдвиженцев: Михаил Михайлович Романов — заместитель наркома, а затем нарком труда РСФСР, Петр Иванович Заводовский, Татьяна Васильевна Васильева — члены коллегии НКТ СССР, и многие другие [79].

Большое внимание уделялось привлечению в аппарат Наркомата труда женщин. Долгое время на ответственной работе (член коллегии) была Е. С. Серина [80].

Наркоматы труда работали в тесном контакте с профсоюзными органами. Ни одно решение по труду не принималось без согласования и обсуждения с профсоюзами. Многие постановле-

[78] Беседа и запись воспоминаний Елизаветы Яковлевны Гутиной, являвшейся секретарем коллегии Наркомата труда СССР с 1918 по 1930 г., были проведены автором в марте 1967 г. В настоящее время Е. Я. Гутина находится на пенсии.

[79] Сведения о работниках аппарата НКТ СССР и НКТ РСФСР почерпнуты нами из протоколов коллегии наркоматов, а также из беседы с секретарем коллегии НКТ Е. Я. Гутиной.— *Л. Р.*

[80] С воспоминаниями о работе в НКТ СССР Е. С. Серина выступила 22 февраля 1966 г. на юбилейном заседании ученого совета Центрального ордена Ленина музея Революции СССР, посвященном 80-летию В. В. Шмидта.— Научный архив музея Революции, ф. 886.

ния принимались совместно ВЦСПС и НКТ СССР. Среди них было немало решений по вопросам безработицы: организация трудовой и материальной помощи безработным, обучение и переквалификация лиц, длительное время состоявших на учете бирж труда, борьба с безработицей среди женщин и подростков, проведение культурно-просветительной работы среди безработных и т. д.[81]

Большую роль в борьбе с безработицей играли Всесоюзные совещания работников органов труда, на которых вырабатывались конкретные меры по ослаблению безработицы и сокращению резервной армии труда. Участники совещаний, используя накопленный опыт, акцентировали внимание Наркомата труда на организацию различных форм трудовой помощи. В первые годы восстановления народного хозяйства основной упор делался на проведение общественных работ, в более позднее время большее внимание стали уделять переобучению и переквалификации безработных.

Наркоматы труда СССР и союзных республик проводили также всесоюзные и республиканские совещания по отдельным вопросам. Так, в январе 1925 г. состоялось Всесоюзное совещание, специально посвященное коллективам безработных, на котором были признаны наиболее эффективными производственные артели[82]. В октябре 1924 г. НКТ РСФСР провел республиканское совещание работников труда. С докладом «О безработице и трудовом посредничестве» выступил нарком А. М. Бахутов[83]. Целый ряд совещаний проводился по организации и налаживанию работы бирж труда.

Биржи труда, созданные в январе 1918 г., были ликвидированы в начале 1919 г. В связи с появлением безработицы встал вопрос об их восстановлении. В сентябре 1922 г. на V Всероссийском съезде профессиональных союзов нарком труда В. В. Шмидт сказал, что биржи труда, главной задачей которых является борьба с безработицей, будут вновь созданы повсеместно[84]. Это решение было одобрено второй сессией ВЦИК в мае 1923 г.

Через полтора месяца СТО утвердил положение о биржах труда. В течение 1923—1925 гг. биржи труда были созданы во всех губернских городах, а также в тех районах, где были большие скопления безработных. К 1926 г. в стране действовало 256 бирж труда[85]. В городах, где было менее 500 безработных, создавались корреспондентские пункты, к концу восстановительного

---

[81] См., например, совместные постановления НКТ СССР и ВЦСПС «О безработице» (декабрь 1922 г.) и «О порядке обслуживания безработных» (март 1925 г.).— «Справочник партийного работника», вып. V. М.— Л., 1926, стр. 573—574.

[82] Стенограмма этого совещания хранится в ЦГАОР СССР, ф. 5515, оп. 24, д. 18, лл. 9—58.

[83] ЦГАОР СССР, ф. 374, оп. 8, д. 1899, л. 21.

[84] «Стенографический отчет V Всероссийского съезда профессиональных союзов». М., 1922, стр. 89.

[85] *Я. Гиндин.* Указ. соч., стр. 48—49.

периода их насчитывалось более 1000 (в каждом уезде по 1—3 пункта).

Партийные организации и органы труда уделяли большое внимание подбору кадров для бирж труда. Они стремились направить на эту работу принципиальных, выдержанных товарищей, которым были дороги и близки интересы рабочего класса. В этом отношении многое удалось сделать. Вот, например, данные о составе бирж труда Нижегородской губернии в 1924 г.[86]:

Название бирж труда	Всего сотрудников	Из них			
		рабочих	крестьян	интеллигенции	членов партии
Нижегородская	26	10	6	10	10
Канавинская	8	7	—	1	4
Сормовская	4	4	—	—	3

Как показывают вышеприведенные данные, среди работников бирж труда было много кадровых рабочих-выдвиженцев, а также членов партии.

Во главе бирж труда и их отделов, как правило, стояли коммунисты. По сведениям бирж труда РСФСР, среди ответственных работников члены партии составляли 80% (данные на 1924/25 г.)[87]. Руководители бирж труда вместе с партийными организациями и широкой рабочей общественностью вели суровую борьбу с кумовством, протекционизмом и взяточничеством. Часто для установления большего порядка и справедливости в эту работу вовлекали безработных, что в значительной степени помогало ликвидировать недостатки при распределении рабочей силы по фабрикам и заводам.

В 1925 г. для улучшения работы бирж труда была проведена целая серия обследований. Их проводили наркоматы рабоче-крестьянской инспекции СССР, РСФСР, УССР и ЗСФСР. Материалы обследований тщательно обсуждались совместно с органами труда и профсоюзами. Выводы докладывались ЦКК республик[88]. Все это способствовало организации четкой работы бирж труда.

Перед биржами труда стояли две основные задачи: регистрация безработных и их трудоустройство; организация трудовой помощи безработным — проведение общественных работ, создание трудовых, производственных и торговых артелей безработных. Кроме того, при биржах труда создавались справочные бюро, которые оказывали периодическую помощь безработным путем выдачи необходимых справок и советов по вопросам не только трудовым, но и общегражданским: жилищным, налоговым и т. д.

---

[86] ЦГАОР СССР, ф. 5515, оп. 24, д. 218, *лл.* 22—26.
[87] «Вопросы труда», 1925, № 10, стр. 24.
[88] Материалы обследования, проведенного НК РКИ РСФСР, УССР и ЗСФСР, хранятся в ЦГАОР СССР, ф. 374, оп. 8, д. 1898, лл. 97—405.

Биржи труда вели также культурно-просветительную работу с безработными: организовывали красные уголки и читальни, где производилась читка газет, чтение лекций и докладов, выпускались стенгазеты. Иногда при красных уголках создавались кружки: драматический, шахматно-шашечный, группы содействия чистоте и порядку на биржах труда и т. д.

В годы восстановительного периода биржи труда являлись основными органами по учету и распределению рабочей силы. К ним поступали заявки предприятий, наем на работу производился в большинстве случаев через биржи труда. Государственные, частные и общественные учреждения и предприятия подавали на биржи заявки с указанием сроков и места работы, числа необходимых рабочих и служащих, их профессий и квалификации. Согласно этим заявкам, биржи направляли людей на работу.

Для лучшей информации о спросе и предложениях на рабочую силу биржи труда помещали в газетах свои объявления. В апреле 1923 г. в «Правде» был открыт отдел найма и предложения труда. В нем публиковались материалы под рубрикой: «На бирже труда. Спрос на рабочую силу». Такие же отделы были открыты в газете «Труд», а также во многих местных периодических изданиях. С 1924 г. на основании сведений биржи труда НКТ СССР издавал специальный бюллетень «Трудовой посредник».

В годы восстановления народного хозяйства биржи труда распределили по предприятиям весьма значительное количество людей. За первую половину 1923 г. они направили на работу 806 тыс. человек, в 1924/25 г.— 2 млн., а в 1925/26 г.— 1943 тыс. человек [89].

В 1924 г. по путевке Московской биржи труда пришел на завод АМО Александр Петрович Салов [90]. Было ему тогда 26 лет. Восьмилетним крестьянским мальчиком-сиротой он начал свою трудовую жизнь и в 14 лет уже был матросом на пароходе. В годы гражданской войны Александр Салов принимал участие в борьбе с интервентами на Севере. Демобилизовавшись, он снова стал матросом, однако в 1924 г., когда пароход был поставлен на ремонт, Салов остался без работы. Безработным Александр Петрович был недолго — Московская биржа труда позаботилась о его переквалификации и направила на Московский автомобильный завод. На АМО Салов сначала работал в кузнице, а потом в рессорном цехе. Здесь в 1925 г. он вступил в партию, стал секретарем цеховой партийной организации, в 1929 г. возглавил движение ударников на заводе, за что был одним из первых в стране награжден орденом Трудового Красного Знамени. В 30-е годы Са-

[89] *К. И. Суворов.* Указ. соч., стр. 103.

[90] Сведения об А. П. Салове получены в результате неоднократных бесед автора с самим Саловым в 1959—1962 гг., из его автобиографии, хранящейся в отделе кадров ЗИЛа, а также из книг: *А. П. Салов.* Рождение цеха. М., 1930; История Московского автозавода им. И. А. Лихачева. М., 1966. Подробнее об А. П. Салове см.: *Ю. Кулышев, Л. Рогачевская.* Первые ударные. М., 1961.

лов возглавил первую на заводе хозрасчетную бригаду. В годы Великой Отечественной войны он вместе с другими налаживал производство автомобилей в Ульяновске, а потом вплоть до 1959 г. снова работал в Москве в рессорном цехе. В 1959 г. А. П. Салов ушел на пенсию, но остался заводским экскурсоводом, принимал активное участие в подготовке книги «История Московского автозавода». Путевка Московской биржи труда стала для А. П. Салова путевкой в жизнь.

Так было и со многими другими. По путевке Ленинградской биржи начал свой трудовой путь Федор Осипович Вольфсон, впоследствии доктор технических наук, видный геолог.

По направлению биржи труда пришла на московский завод электромоторов Нина Левина. Ей так же, как и Салову, повезло — биржа быстро определила ее на работу. На заводе Левина вступила в комсомол, стала зачинательницей ударного движения. Вместе с Татьяной Соколовой она организовала первую заводскую ударную бригаду, ставшую лучшей в обмоточном цехе. В 1930 г. Нину Наумовну Левину приняли в партию, в конце 40-х годов она стала начальником обмоточного цеха [91].

Биржи труда многим предоставляли работу, но не всем так быстро, как Салову и Левиной. Некоторые состояли на учете биржи по году и более. Воспроизведем рассказ Василия Петровича Тырьяника, кинорежиссера [92]. Он встал на учет Московской биржи труда в начале 1925 г., приехав в Москву из Запорожья, где работал подручным слесаря на инструментальном заводе. Здесь в Рахмановском переулке состоял на учете свыше года, пока не получил постоянную работу. Все это время биржа поддерживала его чем могла, вначале (первые 3 месяца) ему предоставляли разовую работу (колол дрова, убирал двор, чистил крыши и пр.). В то время он зарабатывал по 40 коп. в день (для сравнения укажем, что самый дешевый обед стоил 30 коп., ужин и завтрак — не менее 10 коп.). Затем ему предоставили работу (временную) по специальности с оплатой в 1 руб. 80 коп. в день. Лишь в начале 1926 г. В. П. Тырьяник получил постоянную работу с окладом 104 руб. 50 коп. в месяц (зарплата высококвалифицированного рабочего). С безработицей было покончено навсегда [93].

О жизни безработного В. П. Тырьяник вспоминает с грустью. Трудное было время. Жил он на частной квартире, платил за

---

[91] Ныне Н. Н. Левина находится на пенсии. Сведения о ней автор почерпнул из личной беседы в мае 1960 г. и материалов, хранящихся в Центральном музее Революции в фонде Социалистического строительства (ф. 203).

[92] Запись беседы с В. П. Тырьяником произведена автором в октябре 1969 г.

[93] Интересный жизненный путь прошел В. П. Тырьяник. Осенью 1926 г. он пошел учиться на рабфак, увлекся кинематографией, начал работать в различных киносъемочных группах на Мосфильме, а потом в Таджикфильме, вел большую творческую работу в качестве кинорежиссера. В годы Великой Отечественной войны В. П. Тырьяник — в армии, защищал Москву, был ранен несколько раз, участвовал в освобождении Польши, Германии, Чехословакии, Австрии. После войны он ставил учебные фильмы для школьников, в 1969 г. ушел на пенсию.

койку 3 руб. в месяц (койка сдавалась вместе с кружкой кипятка по утрам), питался по талонам, которые выдавала ему биржа труда бесплатно. Много времени уходило на подыскание работы. На бирже обычно были большие очереди — приходилось тратить по 2—3 часа, чтобы узнать, есть ли работа, или перерегистрироваться (регистрировались один раз в неделю) [94].

Пособия по безработице и заработка от временных работ на жизнь не хватало. Многие безработные занимались подсобным промыслом — делали гребенки, зажигалки и пр. Люди считали большим праздником день получения работы.

Деятельность бирж труда по трудоустройству, по обеспечению людей работой была важной формой борьбы с безработицей. Однако состояние народного хозяйства в восстановительный период было таково, что сразу обеспечить работой всех желающих государство не могло. Проблема полной ликвидации безработицы могла быть решена лишь после залечивания тяжелых ран империалистической и гражданской войн. Восстановив экономику страны и собрав минимум необходимых средств, Коммунистическая партия и Советское правительство могли перейти к интенсивному развитию народного хозяйства, которое позволило втянуть в активную трудовую деятельность всех желавших трудиться. Поскольку в годы восстановительного периода оставалась значительная масса безработных, партии и правительству приходилось наряду с трудоустройством проводить мероприятия по организации материальной и трудовой помощи тем, кто не мог получить работу.

В годы восстановления народного хозяйства при всей скудности финансовых ресурсов на материальную помощь безработным отпускались значительные средства. Эти средства притекали по четырем основным каналам; социальное страхование, специальные ассигнования профсоюзов, поступления от государственного бюджета, ассигнования от местных органов власти по местному бюджету. Основным источником финансирования материальной помощи безработным было социальное страхование.

Во время гражданской войны социальное страхование по безработице ввиду отсутствия безработных прекратилось. Однако уже в 1921 г. в связи с первыми симптомами безработицы партия и правительство предприняли меры по организации материальной помощи тем, кто не имел работы. 10 октября 1921 г. Политбюро ЦК РКП(б) поручило президиуму ВЦСПС совместно с ВСНХ и наркоматами социального обеспечения и здравоохранения подготовить свои предложения по социальному страхованию. Учтя эти предложения, Совнарком 15 ноября 1921 г. принял декрет, обеспечивавший социальным страхованием рабочих и служащих на все виды утраты трудоспособности, в том числе и по безработице.

[94] В Центральном музее Революции в зале № 19 экспонируется фотография «В ожидании регистрации на Московской бирже труда». На ней изображена большая группа людей, стоящих в очереди у здания биржи.

Система социального страхования строилась, как и прежде (по первому советскому законодательству по труду), не за счет средств рабочих и служащих, а в результате взносов администрации государственных предприятий или владельцев частных предприятий. Таким образом, страховой фонд складывался из отчислений государственных предприятий и учреждений, общественных организаций и частных предпринимателей.

Вначале страховые взносы составляли в среднем 25% от выплачиваемой предприятиями заработной платы. Это, как оказалось позднее, был слишком большой взнос. Многие предприятия не могли ассигновать такие суммы и становились задолжниками. С 1924 г. страховые отчисления были снижены до 14—15% [95]. Такая мера не только не уменьшила общий страховой фонд, но даже способствовала его увеличению, так как почти исчезли предприятия-задолжники.

В сентябре 1922 г. V съезд профессиональных союзов принял решение о передаче вопросов социального страхования в Наркомат труда (раньше этими вопросами ведал Народный комиссариат социального обеспечения). В начале 1923 г. в НКТ было создано Центральное управление по вопросам социального страхования (ЦУССТРАХ), которое ведало всеми делами по страхованию, в том числе и по страхованию по безработице [96].

Органы соцстраха начали выдавать пособия по безработице с 1922 г. Вначале пособия выдавались лишь в больших городах, наиболее сильно пораженных безработицей. В течение 1923 г. социальное страхование в значительной степени окрепло и развилось. Безработные стали получать пособия почти во всех губерниях. В последующие годы по мере укрепления социалистической промышленности и возрастания фондов социального страхования пособия по безработице выдавались во всех городах. Органы соцстраха отпустили на пособия по безработице: в 1923/24 г.— 18 млн. руб., в 1924/25 г. — 30 млн., в 1925/26 г. — 46 млн. руб. [97] Следовательно, ежегодно, материальная помощь безработным по соцстраху увеличивалась более чем в 1,5 раза.

Органы труда и профсоюзы заботились о том, чтобы пособия по безработице получали действительно те, кто в них нуждался. Тем, кто имел доходы от личного хозяйства, торговли или иных промыслов, пособия не выдавались. Правом на получение пособия пользовались прежде всего рабочие и служащие, имевшие определенный стаж работы. Биржи труда выделяли две категории безработных на получение пособий. К первой относились квалифицированные рабочие и специалисты (врачи, инженеры, учителя),

[95] «Правда», 28 февраля 1925 г.

[96] Подробнее о развитии социального страхования в годы восстановления народного хозяйства см. *К. И. Суворов.* Указ. соч., стр. 110—113.

[97] «Вопросы страхования», 1930, № 9, стр. 5. Эти цифры приводились также наркомом труда СССР В. В. Шмидтом.— См. *В. В. Шмидт.* Положение рабочего класса в СССР, стр. 48.

а также демобилизованные красноармейцы, если раньше они работали на производстве. Вторая категория включала неквалифицированных рабочих (членов профсоюза с годичным трудовым стажем), нечленов профсоюза с трехгодичным стажем работы и служащих (членов профсоюза с 3-летним стажем работы и нечленов профсоюза с 5-летним стажем работы). Стаж работы не требовался только от юношей и девушек до 18 лет.

Число лиц, получавших пособия по безработице, увеличивалось из года в год. В 1922 г. пособия имели примерно 10—12% безработных, а то и меньше. Так, в Москве на 1 ноября пособия получали 7608 человек (13,8% всего состава зарегистрированных на биржах), на 1 декабря — 8606 (15,6%), в Ленинграде соответственно — 7861 (11,4%), 5443 (7,3%) [98].

В 1923 г. количество безработных, которым выплачивались пособия, заметно возросло. По данным 37 губернских городов (включая Москву и Ленинград), пособия получали 69 183 человека (16%). В некоторых городах процент получавших пособия был значительно выше: в Ярославле — 49%, Иваново-Вознесенске — 37,7%, в Барнауле — 19,1% и т. д. [99]

О числе безработных, получавших пособия в 1924—1925 гг., дают представление следующие данные [100]:

Периоды	Число застрахованных, в тыс.	Число безработных, состоявших на пособии, в тыс.	На 1000 застрахованных приходится безработных
1924 1 ноября	6216,9	233,0	38,6
1925 1 января	6083,5	279,9	47,3
1 апреля	6397,5	361,4	58,2
1 июля	7372,5	304,3	42,4
1 октября	7618,4	235,4	31,2
1926 1 января	7736,9	299,5	41,2

Если сравнить вышеприведенные данные с общим количеством безработных за те же периоды, то окажется, что в 1924—1925 гг. пособия по безработице по социальному страхованию получали примерно 20—30% всех безработных.

Размеры пособия зависели от категории безработного и местности, в которой он проживал. Первая категория получала пособия до 30% к средней заработной плате, установленной в данной местности, вторая — $^2/_3$ пособия первой категории. К. И. Суворов, пользуясь данными НКТ СССР, исчислил средний размер пособия в 1924—1926 гг. от 7,67 руб. до 11,95 руб. в месяц [101]. Я. И. Гиндин приводил более округленные цифры: в столичных

[98] *А. Исаев.* Указ. соч., стр. 72.
[99] Там же, стр. 73—74.
[100] *Л. Минц.* Учет безработных в СССР. БСЭ, т. 5. М., 1927, стб. 222.
[101] *К. И. Суворов.* Указ. соч., стр. 114.

городах — 10 руб., во всех прочих — 8 руб.[102] Самые большие пособия выдавались в Москве и Ленинграде. В Москве безработные, отнесенные к первой категории, получали 15 руб., ко второй — 10 руб. В Ленинграде соответственно — 15,5 и 11 руб. Как показали материалы обследования РКИ, произведенного в 1925 г., размеры пособий возрастали. По РСФСР первая категория безработных в январе 1924 г. получала 8 руб. 4 коп., в январе 1925 г.— на 1 руб. больше. Пособия по второй категории соответственно повысились с 5 руб. 36 коп. до 6 руб. 3 коп.[103]

Семейным безработным выдавались надбавки на членов семей — 15% пособия на одного человека, 25% — на двух, 35% — на трех и более человек[104]. Безработные получали пособия в течение 6 месяцев. Этого времени обычно оказывалось достаточно для поисканий работы.

Многие безработные получали материальную помощь от профессиональных союзов, которые с 1922 г. начали создавать специальные фонды помощи безработным. Эти фонды образовывались за счет отчислений от членских взносов, а также иногда по желанию рабочих из добровольных взносов. Размеры отчислений были различны: союз водников, например, принял решение вносить в фонд безработных 3% от членских взносов, пищевиков — 5%, совработников — 15%[105]. Размеры профсоюзных пособий достигали 5—12 руб. Помощь профсоюзов возрастала из года в год: в 1923/24 г. в фонд безработных было переведено 4 млн. руб., в 1924/25 г.— 7,5 млн., в 1925/26 г.— 10 млн.[106]

В первые годы восстановительного периода, когда только налаживалась система социального страхования, профсоюзные пособия получали все члены профсоюзов. В дальнейшем их стали получать в первую очередь те, кто не имел права на пособия, выдаваемые через биржи труда, а также многосемейные. С 1925 г. профсоюзы предоставляли свою помощь тем, кто имел двухгодичный профсоюзный стаж, а потом уже всем остальным.

Большую материальную помощь получали безработные от центральных и местных органов власти. Еще в 1922 г. Наркомат труда обратился в Совнарком с просьбой выделить дополнительные средства на борьбу с безработицей. 15 декабря 1922 г. СНК РСФСР принял решение об отпуске из резервного фонда 4 млн. руб. дополнительно. ВЦИК постановил дать безработным 1350 тыс. пудов ржи[107]. Не меньшая помощь была оказана безработным Украины.

---

[102] *Я. И. Гиндин.* Безработица и трудовое посредничество. М., 1925, стр. 74. Эти же данные приводил Л. Немченко. («Наши достижения в области социального страхования к X годовщине Октября».— «Вопросы труда», 1927, № 10, стр. 41.)

[103] ЦГАОР СССР, ф. 374, оп. 8, д. 1898, л. 15.

[104] «Вопросы труда», 1927, № 10, стр. 41.

[105] ЦГАОР СССР, ф. 5451, оп. 7, д. 324, л. 40.

[106] *Д. Ледяев.* Безработица в СССР и борьба с ней (1917—1927).— «Вопросы труда», 1927, № 10, стр. 112—113.

[107] ЦГАОР СССР, ф. 382, оп. 4, д. 1106, лл. 2, 18.

Только в октябре 1922 г. они получили 250 тыс. пудов хлеба, а к весне 1923 г.— 1 млн. пудов хлеба. Государство предоставило безработным, включенным в первую категорию, такие же продовольственные пайки, как и работавшим. Остальные безработные получали от $^2/_3$ до $^1/_2$ пайка.

Местные органы власти стремились использовать для борьбы с безработицей средства частных предприятий и торговых заведений. С этой целью они облагали дополнительным налогом владельцев кафе, ресторанов, кинотеатров и пр.

Используя все возможные резервы, Советская власть увеличивала ежегодно дополнительную помощь безработным. В 1923/24 г. по государственному и местным бюджетам безработные получили 4,3 млн. руб., в 1924/25 г.— 14 млн., в 1925/26 — 17,2 млн.[108] Таким образом, материальная помощь безработным росла по всем статьям: по линии соцстраха, профсоюзов, государственных и местных органов. Для подтверждения этого вывода обратимся к следующим цифрам. Если в 1923/24 г. материальная помощь безработным равнялась 26,35 млн. руб. (4,35 млн. руб. по государственному и местным бюджетам; 18 млн. руб. по соцстраху; 4 млн. руб. от профсоюзов), то в 1924/25 г. она возросла до 51,5 млн. руб. (14 млн. руб. по государственному и местным бюджетам; 30 млн. руб. по соцстраху и 7,5 млн. руб. от профсоюзов) [109].

Итак, за два года материальная помощь безработным увеличилась почти в 2 раза. Особенно возросли дотации со стороны государства (в 3 раза). Однако, учитывая, что ассигнования на борьбу с безработицей росли одновременно с увеличением числа лиц, стоявших на учете бирж труда, материальная помощь, которая приходилась на долю каждого безработного, была далеко не достаточной.

Безработным по-прежнему жилось тяжело. Руководствуясь чувством классовой солидарности, рабочий класс стремился изыскать дополнительные источники помощи безработным. По его инициативе проходили «дни», «недели», «месячники», во время которых проводился сбор пожертвований в помощь безработным. Регулярно устраивались субботники и воскресники, средства от которых направлялись в фонд борьбы с безработицей. Партийные организации проводили специальные отчисления в фонд безработных. В Москве в этот фонд направлялось от 4 до 16% с суммы, превышавшей партийный максимум зарплаты, а с литературного гонорара — 30% [110]. Большинство коммунистов отчисляло ежемесячно 0,5—1% своей заработной платы на оказание помощи тем, кто не имел работы.

Партийные и профсоюзные организации вместе с органами труда организовывали специальные столовые и общежития для без-

---

[108] *Д. Ледяев.* Указ. соч., стр. 113.
[109] Там же.
[110] «Известия Московского Комитета ВКП(б)», 1927, № 4, стр. 11.

работных. Здесь люди могли получить бесплатный обед и ночлег. На обед обычно давали постный суп (овсяный или картофельный), на второе — кашу или картошку. О ночлежках, или, вернее, общежитиях безработных, мы знаем со слов В. П. Тырьяника. Его товарищ Степан Кузнецов [111] жил в таком общежитии в Москве на Мытной улице. Здесь было 4 маленьких комнатушки, в которых стояло по 12 коек (железных кроватей или деревянных топчанов), на койках лежали матрацы, набитые соломой или мягкой стружкой, подушки с тем же содержимым, серое солдатское одеяло. Народ в общежитии менялся часто, каждые 1—2 недели.

Коммунистическая партия и Советское правительство стремились всеми средствами и способами облегчить участь безработных. Как и прежде, люди, зарегистрированные на биржах труда, пользовались льготным проездом, им предоставлялось право на скидку в оплате за квартиру, свет и другие коммунальные услуги, их обеспечивали бесплатными билетами в кино, театр и пр. Нередко безработным, тем, которые особенно нуждались, выдавалась бесплатная одежда: пальто, шапки, обувь.

Однако все виды материальной помощи не решали другой более важной проблемы — осуществления права людей на труд. Партия и правительство уделяли огромное внимание организации трудовой помощи безработным.

К организации трудовой помощи безработным Советское государство приступило сразу же после появления в городе резервной армии труда. Общественные работы и трудовые коллективы безработных — таковы два основных вида трудовой помощи, распространенные в годы восстановления народного хозяйства. К общественным работам в основном привлекались неквалифицированные работники. Это был весьма трудоемкий тяжелый физический труд — лесозаготовки, работы по мелиорации, ремонтные работы на железных дорогах, уборка и очистка городов (разборка разрушенных зданий, мощение улиц, рытье траншей для водопровода и канализации, земляные работы на строительстве стадионов, спортплощадок, парков и пр.) [112].

В 1921 г. и первой половине 1922 г. средства на общественные работы отпускались теми хозяйственными органами, которые их вели. В июле 1922 г. Народный комиссариат труда поставил перед Советом Труда и Обороны вопрос о государственном финансировании общественных работ. СТО принял решение отпустить

---

[111] С. П. Кузнецов был безработным 6 месяцев. Сначала он выполнял различную работу на бирже труда (колол дрова, убирал двор и т. д.), затем вместе с В. П. Тырьяником по путевке биржи пошел работать в механические мастерские акционерного общества «Совкино». Здесь его выбрали в комитет комсомола, затем он перешел на партийную работу. Накануне Великой Отечественной войны С. П. Кузнецов работал инструктором Свердловского райкома партии Москвы. Степан Кузнецов погиб в 1943 г. на Воронежском фронте.

[112] В Центральном музее Революции сохранилось несколько фотографий, запечатлевших общественные работы.— См. ф. 203/44, № 12725/52-1, 52-2.

для этих целей Петрограду 3 триллиона руб. (в денежных знаках 1921 г.) и Москве 1250 млрд. руб.

15 декабря 1922 г. по ходатайству Наркомтруда Совет Народных Комиссаров выделил дополнительные средства на организацию общественных работ — 4 млн. руб. (в денежных знаках 1923 г.), в том числе Москве — 700 тыс., Ленинграду — 350 тыс., юго-восточным районам и Уралу — по 300 тыс., Иваново-Вознесенску — 300 тыс., Саратову — 250 тыс., Самаре — 200 тыс., Казани и Твери — по 150 тыс. Оставшиеся 500 тыс. были переданы в распоряжение Наркомата труда для организации общественных работ в других районах страны [113].

В конце 1922 г. в Москве при бирже труда было создано Бюро общественных работ. В следующем году такие бюро появились в Петрограде, Харькове, Самаре и некоторых других городах [114].

С 1923 г. общественные работы стали проводиться повсеместно (там, где имелись безработные) и систематически. Они финансировались по государственному и местному бюджетам. В 1923/24 г. на организацию общественных работ было отпущено примерно 5 млн. руб., из них по государственному бюджету 2,3 млн. руб. [115]

В январе 1924 г. XI Всероссийский съезд Советов предложил Наркомату труда разработать единый план проведения общественных работ. Советское правительство и местные органы отпустили на общественные работы свыше 3 млн. руб., из них большая часть была предоставлена Москве и Ленинграду — более чем по 1 млн. руб.[116] А всего в 1924/25 г. на организацию общественных работ было выделено 12,5 млн. руб., т. е. в 2,5 раза больше, чем в 1923/24 г. Особенно возросли ассигнования по государственному бюджету — почти в 4 раза (с 2,3 млн. в 1923/24 г. до 8,5 млн. в 1924/25 г.). Государство действовало быстро и решительно. По мере укрепления своего финансового положения оно увеличивало помощь безработным. 16 октября 1925 г. на заседании СТО был заслушан доклад наркома труда СССР В. В. Шмидта о мероприятиях по улучшению постановки общественных работ [117].

Бóльшая часть средств, отпущенных на проведение общественных работ, была направлена в районы, наиболее пораженные безработицей; в РСФСР — 70%, на Украину — 25%, в остальные республики — 5%. В том числе Москва и Ленинград поглотили 3,5 млн. руб., Харьков, Киев и Одесса — около 2 млн. руб. [118]

На общественных работах люди были заняты не более 2—3 месяцев. Биржа труда строго следила за сменяемостью рабочих. Их заработок равнялся примерно ставке рабочего низшей квалификации — около 1 руб. 50 коп. в день. Причем по отдельным рес-

[113] *А. Исаев.* Указ. соч., стр. 57.
[114] ЦГАОР СССР, ф. 374, оп. 8, д. 1802, лл. 10—12, 30—31.
[115] Там же, д. 1898, л. 11.
[116] Подробнее об этом см. *А. А. Матюгин.* Указ. соч., стр. 193, 196.
[117] ЦГАОР СССР, ф. 374, оп. 8, д. 1899, л. 121.
[118] Там же, д. 1898, л. 11.

публикам и городам заработная плата колебалась весьма значительно. В РСФСР средний дневной заработок на общественных работах в 1924/25 г. составлял 1 руб. 70 коп., при этом в Москве — 1 руб. 80 коп., в Ленинграде — 2 руб. 25 коп., а в Самаре, Свердловске и Ростове-на-Дону — 80 коп. В Белоруссии средний дневной заработок квалифицированных рабочих доходил до 1 руб. 50 коп., а неквалифицированных — 1 руб. 10 коп., на Украине соответственно — 1 руб. 40 коп., 1 руб., в Туркмении — 1 руб. 25 коп., 1 руб., в ЗСФСР — 1 руб. 50 коп., 1 руб. 10 коп.[119]

На общественных работах было занято от 3 до 5% общего числа безработных. О проведении общественных работ в годы восстановительного периода дают представление следующие данные[120]:

Годы	Отпущено средств на общественные работы, в тыс. руб.	Занято ежедневно (в среднем), тыс. чел.	Средняя дневная заработная плата
1922/23	735,0	10,0	47 коп.
1923/24	4350,6	16,0	1 руб. 40 коп.
1924/25	14076,8	40,0	1 руб. 80 коп.

Эти материалы свидетельствуют о ежегодном возрастании средств, отпускавшихся на организацию общественных работ, увеличении числа занятых на этих работах безработных и росте их заработной платы.

Весьма интересные данные сохранились о составе занятых на общественных работах. В 1924/25 г. было послано на общественные работы 78,4% мужчин, 21,6% женщин и всего 6% подростков[121]. С одной стороны, можно положительно оценить такую расстановку людей, так как на общественных работах труд был особенно тяжелым. Однако, с другой стороны, работу не получали те, которые наиболее страдали от безработицы.

Из общего состава занятых на общественных работах в 1924/25 г. 43,6% являлись членами профсоюзов, 21,2% получали пособия по безработице, 3,1% не были зарегистрированными на биржах труда и 1,6% являлись демобилизованными красноармейцами. Эти сведения показывают, что биржи труда тщательно следили за тем, чтобы на общественные работы посылались исключительно те безработные, которые состояли на их учете, при этом отдавалось предпочтение членам профсоюзов. Кроме того, биржи труда направляли на общественные работы в первую очередь людей, лишенных других источников существования. Лицам, получавшим пособия, временная работа предоставлялась во вторую очередь.

[119] «Вопросы труда», 1926, № 12, стр. 20; ЦГАОР СССР, ф. 374, оп. 8, д. 1898, л. 62.

[120] «Вопросы труда», 1927, № 10, стр. 111.

[121] В Центральном музее Революции хранятся фотографии различных общественных работ.— См. архив музея, ф. 203/4А, № 00035/117.

Наряду с общественными работами уже в первые годы восстановления народного хозяйства с помощью местных органов власти начали организовываться артели из безработных, получившие в 1923 г. официальное название коллективов безработных. Коллективы были в основном двух видов: трудовые и производственные. Наибольшее распространение вначале получили трудовые артели, так как на их создание требовалось меньше средств. В таких артелях люди одной профессии объединялись в единый коллектив для выполнения заказов по договорам: сапожники чинили обувь, швейники шили одежду из материала заказчиков, металлисты ремонтировали домашнюю металлическую утварь и т. д.[122] Трудовые коллективы создавались и из работников интеллигентного труда. Безработные врачи организовывали бюро медицинской помощи, которые оказывали помощь на дому «частным» пациентам, учителя создавали платные курсы по подготовке в высшие и средние учебные заведения, артисты по договорам устраивали платные концерты и т. д. Трудовые коллективы безработных организовывались также людьми, не имевшими квалификации: широкое распространение получали артели грузчиков, «старьевщиков» (по сбору утильсырья), уборщиков (особенно по борьбе со снежными заносами) и пр.

Производственные артели представляли собой более высокий тип коллективов безработных. Они создавались на базе бездействовавших предприятий. Силами безработных при помощи бирж труда и профсоюзов вновь начинали действовать небольшие фабрики и заводы. В Самаре, например, был открыт ламповый завод (здесь трудились 150 безработных). В Полтаве — кирпично-черепичный завод (140 чел.), в Томске — стекольный завод (62 чел.), в Ростове-на-Дону — ниточная фабрика (22 чел.)[123]. Восстанавливались предприятия и более крупные, с числом рабочих до 500 человек. Чаще всего они создавались биржами труда совместно с профсоюзами, иногда же инициаторами выступали сами безработные.

В некоторых городах действовали торговые коллективы безработных. Они производили мелкую торговлю с лотков табачными и кондитерскими изделиями, фруктами и пр. Однако эти артели не получили широкого распространения.

Представление о соотношении различных видов коллективов безработных дают следующие материалы[124] (см. стр. 108).

Эти материалы показывают, что наибольшее распространение производственные коллективы безработных получили на Украине. В январе 1925 г. на Всесоюзном совещании по коллективам безработных украинцы настаивали на том, что в первую очередь

---

[122] Подробнее см. ЦГАОР СССР, ф. 374, оп. 8, д. 1898, л. 12.

[123] *А. Исаев.* Указ. соч., стр. 63—64.

[124] Таблица составлена по материалам Всесоюзного совещания по коллективам безработных.— См. ЦГАОР СССР, ф. 5515, оп. 24, д. 183, л. 21.

	Трудовые коллективы	Производственные коллективы	Торговые коллективы
РСФСР	41	43	16
УССР	26	70	3
БССР	35	50	14
ЗСФСР	60	35	4

необходимо развивать именно эти коллективы, ибо через них можно готовить квалифицированные рабочие кадры [125]. Им возражали москвичи и ростовчане, которые считали наиболее перспективными трудовые коллективы, так как к тому времени уже начинала ощущаться нехватка квалифицированных рабочих кадров и, следовательно, специалистов можно было использовать сразу на предприятиях.

На этом совещании впервые встал вопрос о необходимости сокращения общественных работ, на которых использовался только тяжелый физический, главным образом мужской, труд. Многие выступавшие предлагали готовить в коллективах специалистов, необходимых для развивавшейся промышленности. Дискуссия на Всесоюзном совещании по коллективам безработных показала, что вопрос о квалифицированных рабочих кадрах, об их недостатке и необходимости срочной подготовки становился важной проблемой социалистического строительства.

Партийные и профсоюзные органы оказывали всемерную помощь и поддержку коллективам безработных. По их специальному ходатайству они были освобождены от всех налогов и сборов в течение 6 месяцев со дня организации, в том числе и от взносов на социальное страхование, хотя все члены коллективов были застрахованы по всем видам страхования. Биржи труда и местные органы власти предоставляли артелям безработных кредиты и безвозмездные ссуды, помогали приобретать инструменты, сырье и пр. При Наркомате труда было создано специальное бюро содействия производственным коллективам безработных в снабжении сырьем и сбыте их продукции [126]. Еще в 1923 г. центральный орган Коммунистической партии «Правда» призвала к широкому содействию в организации коллективов безработных, которые «помогают ослаблять и уменьшать безработицу» [127].

Из года в год росла государственная помощь коллективам безработных. В 1924/25 г. им было отпущено свыше 3 млн. руб. Кроме того, они пользовались кредитом Промбанка СССР. К октябрю 1925 г. его размер достиг почти 9 млн. руб. [128]

---

[125] ЦГАОР СССР, ф. 5515, оп. 24, д. 183, лл. 2—47.
[126] ЦГАОР СССР, ф. 5451, оп. 11, д. 395, лл. 3—4.
[127] «Правда», 5 августа 1923 г.
[128] «Известия Народного комиссариата труда СССР», 1925, № 50—51, стр. 8.

В результате коллективы безработных значительно выросли и окрепли. Рассмотрим следующие данные [129]:

Год	Число коллективов	В них занято безработных	Год	Число коллективов	В них занято безработных
1922	141	16240	1924	1440	58429
1923	540	20995	1925	2028	86654

Эти материалы показывают, что за годы восстановительного периода сеть коллективов безработных выросла почти в 15 раз, а число занятых в них рабочих — в 5 раз. Учитывая сменяемость рабочих (замена должна была производиться каждые 2—3 месяца), трудовую помощь получили в 1924 г. примерно 250—300 тыс., а в 1925 г.— до 400 тыс. безработных.

Коллективы безработных возникли во всех советских республиках. Сначала они появились в РСФСР, на Украине и в Белоруссии, потом (в 1923 г.) в Узбекистане. В 1924 г. коллективы безработных были организованы в Закавказье; в следующем году они возникли и в Туркмении. О распространении коллективов безработных в республиках СССР дает представление табл. 5.

Таблица 5

Распространение коллективов безработных *по союзным республикам* в 1923—1925 гг.*

Республика	1923 г.		1924 г.		На 1 апреля 1925 г.	
	число коллективов	в них безработных	число коллективов	в них безработных	число коллективов	в них безработных
РСФСР	344	15 494	720	38 195	1025	49 919
УССР	158	4 902	511	14 566	792	20 861
ЗСФСР	—	—	43	2 716	88	3 275
БССР	34	505	144	2 565	196	4 174
УзССР	4	94	22	387	41	1 000
ТуркССР	—	—	—	—	13	96

* Таблица взята из материалов к докладу НК РКИ «О состоянии безработицы в СССР». — См. ЦГАОР СССР, ф. 374, оп. 8, д. 1898, л. 75.

Данные таблицы показывают, что больше всего коллективов безработных было на территории Российской Федерации, затем на Украине.

В годы восстановительного периода работу в коллективах безработных предоставляли в первую очередь мужчинам. Женщины

[129] Материалы заимствованы из работы наркома труда В. В. Шмидта.— *В. В. Шмидт.* Указ. соч., стр. 49. Такие же данные приводит Д. И. Ледяев.— «Вопросы труда», 1927, № 10, стр. 110.

и молодежь соответственно составляли в числе занятых в артелях безработных 30—35% и 10% [130].

Трудовые и производственные коллективы играли большую роль в жизни безработных. Они прежде всего обеспечивали их существование. Заработная плата члена коллектива колебалась от 30 до 45 руб., т. е. соответствовала заработку малоквалифицированных рабочих [131]. Кроме того, коллективы приобщали людей к трудовой деятельности, помогали им сохранять квалификацию. Для многих безработных коллективы стали профессиональной школой, в которой они получили новую специальность.

Трудовая помощь, как и пособия по безработице, при всей ее важности и значимости не решала проблему в целом. Это было лишь средством по ослаблению безработицы, частичному сокращению резервной армии труда, улучшению условий жизни безработного. Но все это были меры паллиативного характера, которые приносили лишь временное облегчение.

Ленинский план социалистического строительства — путь полной ликвидации безработицы в СССР

Существование безработицы в Советской России вызывало у В. И. Ленина глубокую озабоченность. Он считал, что в новой России ликвидация безработицы и предоставление всем трудящимся реального права на труд является важной задачей партии и правительства.

В. И. Ленин говорил на IX съезде РКП(б) 5 апреля 1920 г.: «Мы совершаем переход к социализму, и самый существенный вопрос — о хлебе, о работе — не является вопросом частным, частным делом предпринимателя, а вопросом всего общества» [132].

Однако решить проблему ликвидации безработицы было непросто. Надо было найти правильные пути, избрать надежные средства, а опыта не было. Коммунистическая партия и Советское правительство впервые за всю историю человечества приступали к решению столь трудной и сложной проблемы.

Разработанный В. И. Лениным план строительства социализма в нашей стране обеспечивал полное решение проблемы ликвидации безработицы в СССР. Важнейшим экономическим условием победы социализма великий вождь первой республики труда считал превращение Советской страны в мощную промышленную

---

[130] Приведем данные по 5 основным биржам труда Сибири (Алтайской, Енисейской, Иркутской, Омской и Томской). В 1923 г. ежедневно в артелях было занято 877 чел., из них 316 женщин, 717 мужчин. (ГАНО, ф. 532, оп. 1, д. 1485, л. 3.) В 1924 г. по 6 биржам Сибири (включая Новосибирскую) в трудовых коллективах было занято 998 чел., в том числе мужчин 568, женщин 370, подростков 60. (ГАНО, ф. 532, оп. 1, д. 1485, л. 4.)

[131] «Правда», 6 января 1926 г.

[132] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 40, стр. 285.

державу. «Единственной материальной основой социализма,— писал он,— может быть крупная машинная промышленность, способная реорганизовать и земледелие» [133].

В. И. Ленин неоднократно подчеркивал решающее значение всестороннего промышленного развития страны для успешного социалистического строительства. Еще в годы гражданской войны он выдвинул идею электрификации страны как основы восстановления и подъема экономики.

Разработанный по ленинским указаниям план электрификации России (план ГОЭЛРО) предусматривал создание сети мощных по тому времени электростанций. План предусматривал также развитие важнейших отраслей промышленности. Продукция крупной промышленности в течение 10—15 лет должна была вырасти до 180—200% от уровня 1913 г. [134]

После окончания гражданской войны В. И. Ленин непосредственно руководил работой по выполнению плана ГОЭЛРО, снова и снова теоретически обосновывая положение о необходимости индустриального развития страны.

Форсированное развитие промышленности, особенно тяжелой, обеспечивавшей все отрасли народного хозяйства передовой техникой и гарантировавшей экономическую самостоятельность и обороноспособность страны, предполагало огромный рост рабочих кадров. Именно на этой основе могла полностью исчезнуть городская резервная армия труда.

Строительство и ввод в действие новых фабрик, заводов, рудников, электростанций, железнодорожных магистралей, требовавших тысячи, миллионы рабочих рук,— таков был реальный путь приобщения к труду всех, кто хотел получить работу, верное средство постепенного сокращения, а затем и полной ликвидации безработицы в городе.

В. И. Ленин, разрабатывая план социалистической индустриализации на основе электрификации, предусматривал решение двух важнейших взаимосвязанных задач: создание материально-техни-

---

[133] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 44, стр. 9.

[134] «План электрификации РСФСР. Доклад VIII съезду Советов Государственной комиссии по электрификации России», изд. 2. М., 1955. Подробнее о плане ГОЭЛРО и его осуществлении см. *Г. М. Кржижановский.* Основные задачи электрификации России. М., 1920; *И. Г. Александров.* Водная энергия, транспорт и электрификация России. М., 1921; *И. А. Гладков.* В. И. Ленин и план электрификации России. М., 1927; *Г. О. Графтио.* Волховстрой. М., 1928; «К истории плана электрификации Советской страны». Сборник документов и материалов (1918—1920 гг.). М., 1952; «Развитие электрификации Советской страны». Сборник документов и материалов. М., 1956; «Первенец индустриализации страны — Днепрогэс им. В. И. Ленина». Сборник документов о строительстве Днепрогэса. 1926—1932 гг. Запорожье, 1960; *И. М. Некрасова.* Ленинский план электрификации страны и его осуществление. 1921—1931 гг. М., 1960; «Сделаем Россию электрической». Сборник воспоминаний участников комиссии ГОЭЛРО и строек первых электростанций. М.— Л., 1961; *Д. Г. Жимерин.* История электрификации СССР. М., 1962; *В. Ю. Стеклов.* Ленинский план электрификации в действии. М., 1963, и др.

ческой базы социализма и укрепление рабочего класса. Крупная промышленность, указывал В. И. Ленин, «представляет основу социалистической хозяйственной организации, объединяя передовых промышленных рабочих, объединяя класс, осуществляющий диктатуру пролетариата»[135].

Российская безработица, как было показано выше, своими корнями уходила в деревню. Без социалистического преобразования сельского хозяйства, способного справиться с аграрным перенаселением, победить безработицу было невозможно. В. И. Ленин в своих последних статьях, особенно в статье «О кооперации», разработал кооперативный план, план социалистического преобразования сельского хозяйства. Основная идея ленинского кооперативного плана состояла в реорганизации мелкого единоличного крестьянского хозяйства в крупное, обобществленное хозяйство, вооруженное новейшей техникой. По ленинскому плану необходимо было вовлечь массу крестьянства сначала в сбытовую и снабженческую, а затем и в производственную кооперацию — колхозы. Коллективизация сельского хозяйства открывала перед крестьянством перспективу зажиточной и культурной жизни. В. И. Ленин писал: «...система мелкого хозяйства при товарном производстве *не в состоянии* избавить человечество от нищеты масс и угнетения их»[136].

Ленинский кооперативный план — второе важное условие построения социализма — переход мелких крестьянских хозяйств на рельсы крупного социалистического производства, на массовую коллективизацию деревни и интенсификацию сельского хозяйства — обеспечивал резкое сокращение резервной армии труда в сельском хозяйстве.

Важнейшей органической частью социалистического строительства В. И. Ленин считал проведение культурной революции. Он неоднократно писал, что для победы социализма требуется определенный уровень культуры народа. Россия же была ограблена, по выражению В. И. Ленина, в смысле образования, света и знания как ни одна страна в Европе[137]. «... Для нас,— писал Владимир Ильич,— эта культурная революция представляет неимоверные трудности и чисто культурного свойства (ибо мы безграмотны), и свойства материального (ибо для того, чтобы быть культурными, нужно известное развитие материальных средств производства, нужна известная материальная база)»[138].

Из-за отсутствия материальных средств Советское государство не могло сразу обеспечить работой всех специалистов: врачей, учителей, инженеров и др. По мере укрепления финансового положения страны увеличивалась занятость интеллигенции.

---

[135] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 43, стр. 81.
[136] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 31, стр. 166.
[137] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 23, стр. 127.
[138] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 45, стр. 377.

Проведение широкого культурного строительства, требовало огромного количества людей интеллигентного труда: медицинских работников, педагогов высших и средних учебных заведений, специалистов различных отраслей культуры, науки и искусства. Советская власть открывала перед народом, особенно перед молодежью, двери высших, средних и профессиональных школ. Культурная революция, способствовавшая значительному увеличению занятости людей, становилась одним из важнейших средств ликвидации безработицы в СССР.

План социалистического строительства, начало которому было положено в работе В. И. Ленина «Очередные задачи Советской власти» (весна 1918 г.) и получивший дальнейшее развитие в последующих ленинских трудах, проводился в условиях новой экономической политики (нэп), принятой X съездом партии в марте 1921 г. На рельсах нэпа партия укрепила союз рабочего класса и крестьянства, поставив его на прочный экономический фундамент. Допустив временное оживление капиталистических элементов в городе и деревне, Советское государство, держа в своих руках политическую власть, обладая командными экономическими высотами, ограничивало рост этих элементов, держало курс на их полную ликвидацию и на победу социализма в СССР.

Укрепляя экономическую смычку рабочего класса с крестьянством, восстанавливая и двигая вперед экономику, развивая государственную и кооперативную торговлю, всемерно содействуя распространению кооперативных начал в деревне, Советское государство неуклонно шло по пути социалистического строительства.

Ленинский план строительства социализма — индустриализация, кооперация крестьян и культурная революция — лег в основу программы Коммунистической партии по вопросу ликвидации безработицы в СССР.

План ликвидации безработицы как часть общего плана строительства социализма подвергался ожесточенным нападкам со стороны оппортунистов всех мастей. В начале 20-х годов лидеры «рабочей оппозиции», резко критикуя новую экономическую политику, пытались доказать, что она приведет к реставрации капитализма в Советской стране и в частности к значительному усилению безработицы. В. И. Ленин разбил несостоятельные утверждения «рабочей оппозиции» и доказал, что в конечном итоге новая экономическая политика приведет к победе социализма, к консолидации и росту рабочего класса, к созданию такой экономики, которая обеспечит каждому право на труд.

В 1923—1924 гг. по вопросу борьбы с безработицей выступили бывшие меньшевики. Они резко критиковали как теоретические установки партии, так и конкретные меры, предпринимавшиеся ЦК РКП(б) в борьбе с безработицей. Один из представителей меньшевизма П. П. Маслов утверждал, что решить проблему безработицы можно не на основе развития крупной индустрии, а путем широкого распространения мелких производств, в которых

люди работали бы примитивными орудиями. Чем ниже уровень техники, утверждал он, тем больше возможности получить работу. Он выступал против создания крупных государственных предприятий, пытаясь доказать, что чем больше будет таких предприятий, тем в больших размерах будет существовать безработица [139].

Этих же взглядов придерживался Маслов и в вопросе коллективизации сельского хозяйства. Он был решительным противником создания крупных социалистических хозяйств в деревне. Индустриализации и кооперированию крестьянства он противопоставлял развертывание мелкотоварного производства. И в этом он видел путь устранения кризисов и острой безработицы.

Коммунистическая партия резко раскритиковала «теорию» Маслова и меньшевиков, расценив ее как путь к регрессу народного хозяйства, ведший к техническому застою и экономической зависимости Советской страны от стран капитала.

Одновременно партии пришлось вести борьбу по вопросам безработицы с троцкистами. В октябре 1923 г. в «заявлении 46-ти» они обвинили Политбюро ЦК РКП(б) в том, что оно ведет якобы гибельную политику, которая привела, по их мнению, к острым хозяйственным осложнениям, в том числе к росту безработицы. Искажая действительное состояние экономики, масштабы аграрного перенаселения, не считаясь с финансовыми возможностями Советского государства, они предлагали установить в стране настоящую «диктатуру промышленности», естественно, за счет крестьянства. Такая политика могла привести лишь к подрыву союза рабочих и крестьян, к наводнению городов рабочей силой из деревни.

Еще в декабре 1921 г., выступая на IX Всероссийском съезде Советов, В. И. Ленин говорил, что избавиться от противоречий капиталистического мира, в том числе и от безработицы, можно только опираясь на союз рабочего класса с крестьянством [140].

Коммунистическая партия, твердо и последовательно проводившая в жизнь заветы Ленина, отвергла мелкобуржуазные меньшевистские и троцкистские теории борьбы с безработицей. Она избрала единственно правильный путь, указанный В. И. Лениным.

Состояние безработицы и борьба с нею в восстановительный период вновь подтвердили правильность марксистско-ленинской теории по вопросам безработицы. В Советской стране безработица коренным образом отличалась от безработицы в капиталистических государствах. Ее основной причиной было аграрное перенаселение страны. Рост безработицы в СССР в период перехода от капитализма к социализму происходил главным образом за счет притока сельского населения в города, где не было еще

---

[139] *П. П. Маслов.* Проблема безработицы.— «Экономическое обозрение», 1924, вып. 16, стр. 19.

[140] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 44, стр. 306.

достаточно развитой промышленности, способной использовать эту излишнюю рабочую силу, а не в результате промышленного перепроизводства, как это бывает в капиталистических странах. Аграрный, неиндустриальный характер безработицы в СССР — таково одно из принципиальных отличий безработицы в СССР от безработицы в капиталистических странах.

В Советском государстве безработица имела временный, а не хронический характер, типичный для капиталистических стран. В СССР по мере утверждения социалистических производственных отношений, ликвидации диспропорции в народном хозяйстве, расширения плановых начал искоренялись причины, порождавшие безработицу.

Социалистическая реконструкция народного хозяйства, к которой переходила Советская страна, восстановив разрушенную войной экономику, создавала реальные условия для полной и окончательной ликвидации безработицы в СССР.

Разработанный В. И. Лениным план строительства социализма — проведение социалистической индустриализации, сплошная коллективизация сельского хозяйства, культурная революция — обеспечивал решение одной из сложнейших проблем современного мира — проблемы всеобщей занятости населения. Только в ходе осуществления ленинского плана создания нового общества, в условиях развернутого наступления социализма и в городе, и в деревне могло стать возможным предоставление работы всем трудящимся, гарантирование каждому великого права на труд.

Советскому народу под руководством Коммунистической партии на практике предстояло доказать правильность гениального ленинского плана.

Глава третья

БОРЬБА С БЕЗРАБОТИЦЕЙ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ РЕКОНСТРУКЦИИ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА

Курс на социалистическую индустриализацию и его первые результаты

Реконструкцию народного хозяйства Коммунистическая партия и Советское правительство начали с социалистической индустриализации, которая являлась одним из решающих звеньев строительства социализма. Курс на социалистическую индустриализацию был принят партией на XIV съезде ВКП(б) в декабре 1925 г. В решениях съезда было записано: «Обеспечить за СССР экономическую самостоятельность, оберегающую СССР от превращения его в придаток капиталистического мирового хозяйства, для чего держать курс на индустриализацию страны, развитие производства средств производства и образование резервов для экономического маневрирования» [1].

Приняв курс на индустриализацию, партия четко указала его главное направление: первоочередное развитие тяжелой промышленности, гарантировавшее экономическую самостоятельность СССР и укрепление его обороноспособности. Проведение индустриализации делало возможным решение важнейших внутренних проблем: всестороннее развитие экономики, рост численности рабочего класса, а отсюда укрепление социальной базы диктатуры пролетариата — усиление союза рабочих и крестьян и др. Осуществление социалистической индустриализации должно было сыграть решающую роль в ликвидации безработицы.

Троцкисты и «новая оппозиция», во главе которой стояли Зиновьев и Каменев, пытались противопоставить экономической политике партии свой план хозяйственного развития страны. Их разногласия с Центральным Комитетом касались многих вопросов: возможности победы социализма в СССР, оценки новой экономической политики, отношения к середняку и кулаку и др. Они запугивали советский народ, стараясь доказать, что Советский Союз не справится с внутренними трудностями из-за технико-экономической отсталости, что страну Советов может спасти только мировая революция. К числу таких трудностей оппозиция относила наличие безработицы в СССР. Не желая видеть разницы между безработицей в СССР и странах капитала, оппозиционеры говорили о кризисе советского народного хозяйства.

---

[1] «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», т. III. М., 1970, стр. 247.

Центральный Комитет, поддержанный всей партией и народом, отверг капитулянтские планы троцкистов и зиновьевцев.

В октябре-ноябре 1926 г. состоялась XV Всесоюзная партийная конференция, явившаяся важным рубежом в борьбе за осуществление ленинского плана построения социализма в СССР. Конференция мобилизовала силы партии и рабочего класса на проведение плана социалистической индустриализации страны. На конференции специально рассматривался вопрос о безработице. Он обсуждался при решении основных задач Советского государства — во время дискуссии о хозяйственном положении страны и задачах партии, а также при подведении итогов работы профсоюзов и определении их очередных задач. Были проанализированы размеры безработицы, ее характер, специфические особенности и причины. Конференция констатировала, что, несмотря на рост промышленного производства и вовлечения в государственную промышленность в течение 1925/26 г. свыше 400 тыс. новых рабочих, размеры безработицы возросли. Аграрный характер безработицы, непрерывный прилив рабочей силы в города из сельской местности предопределяли особые методы борьбы с безработицей, связанные с развитием сельского хозяйства. Конференция отметила, что «важнейшими путями в ее изживании являются, во-первых, такие мероприятия в самом сельском хозяйстве, которые увеличили бы его потребность в рабочей силе (помощь деревенской бедноте, усиление трудоемких культур, интенсификация сельского хозяйства, коллективизация его, переселение и т. п.) и, во-вторых, развитие индустрии»[2]. Таким образом, конференция наметила два основных направления борьбы с безработицей: интенсификацию и коллективизацию сельского хозяйства и проведение индустриализации страны. Эти меры способствовали искоренению самих причин безработицы и создавали тем самым условия для ее полной ликвидации.

Кроме того, на XV партийной конференции были намечены конкретные меры помощи безработным: расширение общественных работ, упорядочение пособий по безработице, наведение порядка при найме и увольнении рабочих, улучшение работы бирж труда и т. д. Конференция обязала всех коммунистов, партийные, профсоюзные и хозяйственные органы повести «самую решительную борьбу с протекционизмом и кумовством при найме и увольнении рабочих и служащих и оказать решительную поддержку всем мероприятиям ЦК ВКП, ВЦСПС и советских органов, направленным к борьбе с безработицей»[3]. XV партийная конференция осудила взгляды троцкистско-зиновьевской оппозиции по экономическим вопросам, в том числе и по проблемам безработицы, и предупредила оппозиционеров, что дальнейшее сползание их к меньшевизму приведет к исключению из рядов ВКП(б).

---

[2] «КПСС в резолюциях и решениях...», т. III, стр. 382.
[3] Там же, стр. 395.

Однако фракционная деятельность троцкистов и зиновьевцев не прекращалась. Летом 1927 г., когда над Советской страной нависла реальная угроза войны, когда консервативное правительство Англии разорвало дипломатические и торговые отношения с СССР, а в Китае и Польше бесчинствовали бывшие белогвардейцы и местные националисты, убивая из-за угла советских граждан, оппозиция составила «платформу 83-х». Оппозиционеры ополчились против экономической политики партии, ведущей якобы «к росту безработицы и росту паразитической буржуазии». Критикуя в целом политику партии, они особое внимание уделяли проблеме безработицы, утверждая, что последняя непрерывно растет, принимает все более острый характер. Извращая действительность, авторы «платформы 83-х» заявляли, что безработица увеличивается не только за счет выходцев из деревни, но и за счет кадрового промышленного пролетариата. Стремясь привлечь на свою сторону рабочий класс, оппозиционеры демагогически предлагали немедленно повысить заработную плату рабочим и размеры взносов на социальное страхование, а также увеличить пособие по безработице. Их расчет был прост: поскольку в то время у страны не было средств для проведения этих жизненно важных мероприятий для рабочих, в их среде возникнет недовольство и они поддержат оппозиционеров.

Однако расчет троцкистов и зиновьевцев не оправдался. Рабочий класс оказался гораздо сознательнее, чем предполагала оппозиция. Рабочие «Красного путиловца» прямо заявили Зиновьеву: «Вы на шкурных вопросах играете, стыдно!» [4] «Рабочий класс гораздо сознательнее, чем это думает оппозиция,— сказал рабочий Сухомлинов.— Он знает, когда и какими средствами можно поднять жизненный уровень. Демагогическими лозунгами рабочих не взять» [5].

Успешно отражая нападки троцкистов и зиновьевцев, ленинский Центральный Комитет и Советское правительство последовательно проводили в жизнь решения XIV съезда и XV конференции ВКП(б). Осуществляя директивы партии и правительства, партийные, профсоюзные и хозяйственные органы уже в первые годы индустриализации провели большую работу по решению проблем, связанных с искоренением безработицы и улучшением положения тех, кто временно не имел работы.

Прежде всего было принято решение о необходимости уточнения численности безработных. Президиум ВЦСПС 7 октября 1926 г. обязал всех неработавших членов профсоюзов (даже тех, которые в то время работу не искали) зарегистрироваться на биржах труда [6]. Эта мера, безусловно, должна была привести к росту числа лиц, зарегистрированных биржами труда, так как под учет по-

[4] «Ленинградская правда», 8 октября 1926 г.
[5] «Ленинградская правда», 9 октября 1926 г.
[6] «Труд», 16 октября 1926 г.

падали люди, оставившие работу по личным причинам и пока не предлагавшие свой труд. Данное решение Президиума ВЦСПС преследовало в основном две цели: во-первых, выявить открытую и скрытую безработицу среди членов профсоюзов и, во-вторых, определить хотя бы приблизительно размеры трудовых резервов, необходимых для проведения индустриализации.

В 1926 г. вопрос о безработице обсуждался на VII Всесоюзном съезде профсоюзов. Съезд снова констатировал, что рост численности резервной армии труда происходит в основном за счет избыточного населения деревни. Среди безработных по-прежнему преобладали люди неквалифицированного труда, причем значительная часть их впервые предлагала свой труд. Что же касалось квалифицированных работников, то их удельный вес на биржах труда был сравнительно невелик.

Съезд уделил большое внимание вопросам трудоустройства безработных. Он указал, что все операции по найму рабочей силы должны быть сосредоточены исключительно на биржах труда. Все предприятия и учреждения обязывались сообщать своевременно местным биржам труда сведения о предстоящем найме рабочей силы, ее квалификации и предлагаемых условиях. Прием на работу помимо органов труда мог производиться лишь тогда, когда биржи не могли удовлетворить спроса. Решение высшего органа профсоюзов значительно поднимало авторитет бирж труда, увеличивало реальную возможность трудоустройства безработных и тем самым способствовало значительному сокращению их численности. Усиливая роль и значение бирж труда, VII съезд профсоюзов потребовал укрепить аппарат органов труда, обратить особое внимание на подбор работников на биржах труда, вести энергичную борьбу с грубостью, нетактичностью и бюрократизмом в этих органах, усилить борьбу со злоупотреблениями при найме рабочей силы, решительно осудил протекционизм и кумовство при приеме на работу.

4 марта 1927 г. ЦИК и СНК СССР приняли постановление «О мерах по регулированию рынка труда», которым возложили ответственность за проведение всех необходимых мероприятий по правильному и своевременному размещению рабочей силы в СССР на Народный комиссариат труда СССР [7]. Советское правительство обязывало все государственные, общественные и частные учреждения и предприятия производить набор рабочей силы не иначе, как на основании заблаговременно заключенных ими с НКТ СССР или наркоматами союзных республик и их местными органами специальных соглашений. В этих договорах-соглашениях предусматривался прием на работу в основном через биржи труда. Наем рабочей силы непосредственно предприятиями в отдельных случаях специально оговаривался. Это постановление законодательно

[7] СУ СССР, 1927, № 13, ст. 132.

закрепило возраставшую роль органов труда в учете и распределении трудовых ресурсов.

После мартовского постановления Совнаркома прием на работу через биржи труда значительно увеличился. Если в I квартале 1926/27 г. через биржи труда было принято на предприятия 40,2% к общему числу принятых, то во II квартале 1926/27 г.— 54,8%, в III квартале — 70,7%, в IV — 70,5%. В 1927/28 г. этот процент возрос до 80—85 [8]. Следовательно, к концу 1928 г. биржи труда сосредоточили в своих руках основные заявки на рабочую силу, постепенно превращаясь в главные органы по учету и распределению трудовых ресурсов. По данным Наркомата труда СССР, в 1927/28 г. ими было заключено более 1000 договоров на поставку рабочей силы для крупнейших постоянно действующих предприятий и сезонных отраслей промышленности [9].

Повышение значения бирж труда в народнохозяйственной и политической системе Советского государства, рост объема их работ по трудоустройству безработных увеличили внимание к ним со стороны хозяйственных, партийных и профсоюзных органов. В первые годы реконструкции действовала 281 биржа, кроме того, работали корреспондентские пункты (в 1927 г. их было — 929), задачей которых являлось выявление и направление в плановом порядке рабочей силы на стройки, лесо- и торфоразработки и пр. [10]

В годы реконструкции народного хозяйства вопрос о биржах труда не раз рассматривался на Политбюро ЦК ВКП(б). В начале 1928 г. работа бирж труда обследовалась Наркоматом Рабоче-крестьянской инспекции. В обследовании приняли участие широкие круги общественности: рабкоры, комсомольцы, активисты-профсоюзники, члены местных Советов депутатов трудящихся. В результате было выявлено немало злоупотреблений при регистрации безработных и направлении их на работу. Так, комиссия, проверявшая весной 1928 г. по заданию РКИ работу бирж труда Москвы и области, установила 75 случаев неправильной посылки на работу, причем в отдельных случаях дело доходило даже до взяток [11]. Такие же факты обнаружились при обследовании бирж труда в Ленинграде, Харькове, Свердловске и других городах.

В связи с обнаруженными на биржах труда злоупотреблениями НК РКИ и его местные отделения приняли решение провести чистку аппарата бирж. В РСФСР было уволено 178 скомпрометировавших себя работников, на Украине — 63, в Белоруссии — 23, в Туркмении пришлось обновить почти весь состав работников бирж труда [12].

---

[8] ЦГАОР СССР, ф. 5515, оп. 24, д. 214, лл. 65—66.
[9] Там же, д. 327, л. 5.
[10] Там же, лл. 6—7.
[11] «Правда», 18 мая 1928 г.
[12] «Вопросы труда», 1929, № 3-4, стр. 97—98.

Большое внимание работе бирж труда уделяли наркоматы труда Союза и национальных республик. В 1926—1928 гг. был принят ряд решений и постановлений об улучшении деятельности бирж труда, укреплении и пересмотре их аппарата, искоренении бюрократизма, борьбе со взяточничеством и лихоимством и др.[13]

Большая работа проводилась местными партийными организациями. Многие обкомы, горкомы и райкомы партии внимательно следили за деятельностью бирж труда, вовлекали в их работу на общественных началах профсоюзных и комсомольских работников, передовых рабочих и др. В Москве особенно активную работу вели Краснопресненский и Бауманский райкомы партии. По их рекомендации был произведен переучет безработных, зарегистрированных на бирже труда, выявлены так называемые фиктивные безработные, которые лишь числились в каталогах, а на деле от предлагаемой работы отказывались.

Вопрос о трудоустройстве безработных рассматривался на заседании Ленинградского обкома ВКП(б) 9 ноября 1926 г.[14] Обком обязал биржи труда сообщать в райкомы партии о случаях отказа от работы со стороны коммунистов, которым предлагалась работа по специальности.

18 февраля 1927 г. Уральский обком ВКП(б) принял специальное постановление о мерах борьбы с безработицей[15]. Обком указал на необходимость усиления роли бирж труда в трудоустройстве безработных, обратив особое внимание на проведение мероприятий по переподготовке безработных и повышению их квалификации применительно к перспективам развития народного хозяйства на Урале.

Несмотря на принимаемые меры по усилению деятельности бирж труда, их работа еще далеко не отвечала возросшим требованиям, предъявляемым им народным хозяйством в связи с его коренной реконструкцией. В январе 1929 г. руководство Наркомтруда СССР направило в ВЦСПС докладную записку о состоянии сети бирж труда и необходимости усиления их деятельности по борьбе с безработицей. Наркомат труда предлагал ВЦСПС совместно поставить и решить все эти вопросы в Центральном Комитете партии[16].

Реорганизация и укрепление аппарата бирж труда, сосредоточение в их руках спроса и найма рабочей силы оказали существенное влияние на рассасывание безработицы. Биржи получили значительно больше прав по трудоустройству безработных, на-

---

[13] См., например, циркуляр НКТ РСФСР от 16 мая 1928 г.; постановление НКТ СССР от 6 октября 1928 г. и др.— ЦГАОР СССР, ф. 5515, оп. 24, д. 218, л. 19; д. 196, л. 1.

[14] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 67, д. 352, лл. 36, 37.

[15] Партийный архив Свердловской области (далее ПАСО), ф. 4, оп. 5, д. 10, лл. 28—30.

[16] Подлинник этой записки хранится в ЦГАОР СССР, ф. 5515, оп. 24, д. 327, лл. 4—9.

правлении их на предприятия и в учреждения, с которыми заключались трудовые соглашения.

Уже в первые годы реконструкции спрос на многие профессии и специальности превышал предложения. Начинала ощущаться нехватка квалифицированных строителей, токарей, слесарей, фрезеровщиков и пр. Рост спроса на труд происходил благодаря проведению в жизнь курса партии на социалистическую индустриализацию страны. Изыскивая внутренние ресурсы, партия и правительство вкладывали в промышленность огромные для тех лет средства. В 1925/26 хозяйственном году всего в народное хозяйство было вложено примерно 5,5 млрд. руб., из которых около 811 млн. руб. пошло на развитие индустрии. Это была весьма значительная по тому времени сумма. Она более чем в 2 раза превышала сумму ассигнований предшествовавшего 1924/25 г. (385 млн. руб.), считавшегося в свое время переломным в усилении притока средств в основные фонды промышленности [17].

В 1926/27 г. из 6,2 млрд. руб., вложенных в народное хозяйство, в индустрию пошло 1219 млн.[18] Следовательно, ассигнования в промышленность возросли еще на 33%. А в третьем году индустриализации в народное хозяйство было вложено 7,3 млрд. руб., из них 1,7 млрд.— в промышленность, т. е. примерно на 40% больше, чем в 1926/27 г.

На эти средства строились новые и коренным образом реконструировались старые предприятия. По данным П. И. Лященко, в 1926—1927 гг. осуществлялось строительство 528 промышленных предприятий [19], среди них таких крупных, как Днепровская гидроэлектростанция, заводы сельскохозяйственных машин в Ростове-на-Дону и Саратове, медеплавильный комбинат на Урале, крекинг-заводы в Баку, химические комбинаты в Центре и на Украине, знаменитый Уралмаш, названный впоследствии «отцом заводов», и многие другие. На старых промышленных предприятиях проводились крупные реконструктивные работы. По данным П. И. Лященко, полностью реконструировались 300 фабрик и заводов [20].

В результате проведения социалистической индустриализации уже в первые годы реконструкции народного хозяйства возросла численность занятых в народном хозяйстве рабочих и служащих. Общее их число увеличилось с 8,5 млн. в 1925 г. до 11,5 млн. в 1928 г., т. е. на 35%. Число лиц, работавших в крупной промышленности, увеличилось более чем на 40%. Особенно возросла численность строительных рабочих — в 2,5 раза. К началу первой

---

[17] *П. И. Лященко.* История народного хозяйства СССР, т. 3. Социализм. М., 1956, стр. 213—214.

[18] «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1928/29 г.». М., 1929, стр. 426—427, 429.

[19] *П. И. Лященко.* Указ. соч., стр. 219.

[20] Там же.

пятилетки в СССР было около 3 млн. индустриальных рабочих и 723 тыс. строителей [21].

Несмотря на довольно значительный темп роста рабочего класса в первые годы индустриализации, следует отметить, что он был несколько меньшим, чем в последние годы восстановительного периода, когда буквально каждый месяц вступали в строй действующих десятки заводов, шахт, рудников. В начальный период реконструкции, когда широкое промышленное строительство только разворачивалось и новые предприятия в основном лишь закладывались, спрос на рабочую силу возрастал быстрыми темпами пока лишь в строительстве. В промышленности же перелом должен был наступить — и действительно наступил — несколько позже, когда новые предприятия начали вступать в строй.

Однако следует особо подчеркнуть, что уже в первые годы реконструкции наблюдался непрерывный рост спроса на рабочую силу. По данным 281 биржи труда, в СССР на 100 предложений труда в 1926 г. было 68,3 места, в 1927 г.— 98,1, в 1928 г.— 125,2 места [22]. Как уже отмечалось, по таким профессиям, как токари, слесари, фрезеровщики, биржи труда не могли полностью удовлетворить запросы предприятий и учреждений. В связи с развертыванием промышленного строительства и нехваткой рабочей силы на отдельных стройках биржи труда стали шире практиковать переброску людей в районы, где требовались строители, квалифицированные рабочие, инженерно-технические работники. Московский комитет партии дал хозяйственным органам специальную директиву договориться с биржами труда других городов о переброске безработных из Москвы. Всего по СССР только в течение 1927 г. было завербовано и направлено в новые промышленно развивающиеся районы свыше 400 тыс. рабочих [23].

Развертывание капитального строительства, образование промышленных центров создавали реальные условия для постепенного трудоустройства безработных. Первые годы индустриализации показали, что выполнение решений партии и правительства, направленных на обеспечение экономической самостоятельности страны, создавало вместе с тем широкие возможности для ликвидации безработицы в СССР.

Материальная и трудовая помощь безработным

В первые годы реконструкции народного хозяйства, когда создавались реальные условия для ослабления безработицы и предпосылки для ее полной ликвидации, вопросы трудоустройства безработных стали занимать все больше места в работе бирж тру-

[21] «Народное хозяйство СССР». Статистический справочник. М.— Л., 1932, стр. XXII—XXIII.

[22] «Труд в СССР». Справочник 1926—1930 гг. М., 1930, стр. 36.

[23] Подробнее по этому вопросу см. *К. И. Суворов.* Исторический опыт КПСС по ликвидации безработицы 1917—1930. М., 1968, стр. 160—163.

да. Однако основными формами борьбы с безработицей по-прежнему оставались материальная и трудовая помощь тем, кто временно оставался без работы. Партия и правительство неоднократно рассматривали вопросы, связанные с ассигнованием весьма значительных средств на помощь безработным, причем эта помощь увеличивалась из года в год.

3 февраля 1927 г. вопрос о социальном страховании вообще и по безработице в частности был заслушан на Политбюро ЦК ВКП(б). По решению Политбюро была создана комиссия в составе Г. К. Орджоникидзе (председатель), М. И. Калинина, С. В. Косиора, В. В. Шмидта, Н. А. Семашко, А. И. Догадова, А. В. Артюхиной и др. Комиссия, основательно изучив вопрос о страховании, рекомендовала комфракции ВЦСПС значительно увеличить по сравнению с прошлыми годами расходную часть бюджета социального страхования по безработице. 17 марта Политбюро ЦК ВКП(б) и комфракция ВЦСПС утвердили ассигнования на помощь безработным в сумме 67 млн. руб., что значительно превышало ассигнования прошлых лет [24].

Увеличение средств на борьбу с безработицей происходило по всем направлениям, в том числе (млн. руб.) [25]:

Год	За счет государственного и местного бюджетов	За счет социального страхования	За счет профсоюзных ассигнований	Всего
1924/25 г.	14,0	30,0	7,5	51,5
1925/26 г.	14,0	46,0	7,5*	67,5
1926/27 г.	17,0	68,0	15,0	100,0
1927/28 г.	23,0	125,0	20,0	168,0

* Здесь допущена неточность—по другим работам эта цифра равняется 10 млн. (*В. В. Шмидт.* Указ. соч., стр. 48).

Вышеприведенные данные подтверждают, что во втором году индустриализации, т. е. тогда, когда работала комиссия ЦК ВКП(б), ассигнования средств на помощь безработным по социальному страхованию значительно увеличились: по сравнению с 1925/26 г. в 1,5 раза, а с концом восстановительного периода — более чем в 2 раза. В третьем году индустриализации размеры помощи безработным по соцстраху возросли до 125 млн. руб., т. е. почти в 2 раза. А всего общая сумма средств, ассигнованных на оказание помощи безработным, увеличилась за три первых года реконструкции более чем в 3 раза, достигнув 168 млн. руб. Для того времени это была весьма значительная цифра (для сравнения укажем, что первый заем индустриализации был выпущен Наркомфином СССР на сумму 200 млн. руб.).

[24] ЦГАОР СССР, ф. 5451, оп. 42, д. 139, л. 105; *К. И. Суворов.* Указ. соч., стр. 157. В дальнейшем эти средства были увеличены еще на 1 млн. руб.

[25] «Снабжение народного хозяйства рабочей силой и помощь безработным». Сборник статей. М., 1928, стр. 27.

Интерес представляют также данные об источниках финансирования помощи безработным. Наибольшая часть поступала по соцстраху (более 70%), остальные средства выделялись профсоюзами, а также по государственному и местным бюджетам.

Увеличение средств, отпускаемых для борьбы с безработицей, позволило усилить реальную помощь людям, не имевшим работы. Прежде всего был расширен круг безработных, получавших пособие по соцстраху. Если на 1 января 1926 г. пособия получали примерно 300 тыс. человек, то на 1 января 1927 г.— 484 тыс., а на 1 января 1928 г.— 611,5 тыс. человек[26]. Таким образом, за первые два года реконструкции народного хозяйства число лиц, обеспечиваемых пособиями, возросло более чем в 2 раза. Одновременно с ростом численности людей, получавших пособия по безработице, увеличивался (что особенно важно) их удельный вес во всем составе безработных. По нашим подсчетам, в 1927 г. пособия по безработице получали примерно 45% всех безработных против 20—30% в 1924—1925 гг.[27]

В годы реконструкции народного хозяйства возросли размеры пособий: в 1924/25 г. месячное пособие в среднем составляло 8 руб., в 1925/26 г.— 11 руб., в 1926/27 г.— 15 руб.[28]

Органы труда совместно с профсоюзами, стремясь распределять пособия наиболее справедливо, выделили три категории безработных. До 1927 г. существовало два разряда пособий: для квалифицированных рабочих и специалистов с высшим образованием (врачей, инженеров и пр.) и для всех прочих рабочих и служащих. С июня 1927 г. были установлены новые правила, согласно которым во вторую категорию были включены полуквалифицированные рабочие и служащие, а в третью категорию — лица, не имевшие профессии.

В зависимости от категории устанавливался размер пособия: для первой категории он был повышен с 30 до 33,3% средней заработной платы, для второй — до 30%, для третьей — до 25% Кроме того, сохранились надбавки на иждивенцев: при одном иждивенце — 15% основного пособия, при двух — 25%, при трех и более — 35%[29]. Наибольшие размеры пособия получали безработные в крупных промышленных городах. В Ленинграде пособие по первой категории составляло 18 руб. плюс 3 руб. на каждого иждивенца, по второй категории — 14 руб. плюс 2 руб. на каждого

---

[26] ЦГАОР СССР, ф. 5515, оп. 24, д. 214, л. 142.

[27] См. «Народное хозяйство СССР». Стат. справочник 1932. М.— Л., 1932, стр. XXII—XXIII.

[28] *Л. Немченко.* Наши достижения в области социального страхования к десятой годовщине Октября.— «Вопросы труда», 1927, № 10, стр. 41.

[29] В Центральном музее Революции СССР в зале, посвященном первой пятилетке, экспонируется подлинная книжка на получение пособия по безработице ленинградца С. Г. Мозжухина. С 8 по 25 мая 1926 г., т. е. за 18 дней, он получил 16 руб. (далее в книжке сделана запись «Поступил на работу»). См. материалы музея, зал № 19.

иждивенца [30]. В непромышленных районах размер пособия был значительно меньше. По данным Омской биржи труда, пособия по первой категории составляли 14 руб., по второй — 9 руб. 20 коп. [31]

Были пересмотрены также сроки выдачи пособий. С мая 1927 г. срок получения пособия возрос с 6 до 9 месяцев, а для отдельных категорий безработных предельный срок выдачи пособий с разрешения профсоюзов доходил до 27 и 36 месяцев [32].

Эти меры значительно улучшили материальное положение безработных. Исходя из конкретных условий, партия и правительство делали все максимально возможное, чтобы увеличить материальную помощь безработным.

Кроме пособий ежегодно возрастали ассигнования на организацию бесплатного или дешевого питания безработных, на создание для них общежитий, предоставления всевозможных льгот (транспортных, коммунальных и пр.). Постановлением Президиума ВЦСПС от 6 октября 1926 г. местные профсоюзные организации обязывались разработать конкретные мероприятия по расширению этой формы помощи безработным [33]. 8 марта 1927 г. Наркомат Труда СССР и ВЦСПС направили всем наркоматам труда союзных республик и местным отделам труда циркуляр «Об организации домов-ночлегов и питания безработных» [34].

В короткие сроки во многих городах страны на средства профсоюзов были открыты столовые и чайные с выдачей бесплатного хлеба. Во всех пунктах, где было много безработных, для них были открыты общежития. Питание в удешевленных столовых стало значительно лучше, чем в годы восстановления народного хозяйства. Первое блюдо обязательно было мясное. Приведем для примера несколько меню обеда из двух блюд ленинградской столовой кооператива «Наррабкооп» за июнь 1927 г.: понедельник — борщ с мясом, макароны с маслом, вторник — щи кислые с мясом, картофель жареный, среда — суп картофельный с мясом, каша гречневая, четверг — рассольник с мясом, каша рисовая с маслом и т. д. Каждое блюдо стоило 8—12 коп. (вместе с хлебом). Безработные получали специальные талоны на обед. Иногда талоны полностью оплачивали профсоюзы. Средства на организацию обедов отпускались Ленинградским советом профсоюзов. В 1927 г. ежедневно по Ленинграду выдавалось 6 тыс. таких обедов [35]. В Москве в течение 1927/28 г. безработным было выдано: талонов на обед на сумму свыше 200 тыс. руб., на чай — около

---

[30] Ленинградский Государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства (далее — ЛГАОРСС), ф. 3299, оп. 1, д. 1261, л. 47.

[31] Государственный архив Новосибирской области (далее — ГАНО), ф. 532, оп. 1, д. 1517, л. 16.

[32] «Социальное страхование в 1926—1928 гг. Краткий отчет Цусстраха». М., 1928, стр. 16; «Известия НКТ СССР», 1929, № 18—19, стр. 284—285.

[33] «Труд», 7 октября 1926 г.

[34] «Известия Народного комиссариата труда СССР», 1927, № 13, стр. 196—198.

[35] ЛГАОРСС, ф. 3299, оп. 1, д. 1253, лл. 70—77.

10 тыс. руб. При содействии МГСПС был арендован дом для ночлега безработных, причем ночлег предоставлялся бесплатно. На оказание натуральной помощи безработным было израсходовано 223 тыс. руб.[36] В Сормове, Канавине и Нижнем Новгороде в мае 1927 г. было выдано 10 тыс. талонов на бесплатные и удешевленные обеды [37].

Всего же, по данным НКТ СССР, на организацию питания и ночлега безработных было израсходовано в 1925/26 г. 887 тыс. руб., а в 1926/27 г.— 1648 тыс. В 1927/28 г. эти затраты увеличились почти на 80%. В течение первых двух лет реконструкции льготным и бесплатным питанием были обеспечены ежедневно свыше 55 тыс. безработных, а постоянный бесплатный ночлег имели более 10 тыс. нуждавшихся [38].

Материальная помощь безработным поглощала основную часть (70—75%) средств, ассигнованных государством и профсоюзами на борьбу с безработицей.

Однако партия и правительство с каждым годом все больше внимания уделяли трудовой помощи безработным, так как эта форма борьбы с безработицей носила более эффективный и действенный характер. Помимо средств к существованию, трудовая помощь приобщала безработных к активной деятельности, давала им возможность применить свои знания, делала их полноценными членами общества.

Увеличение трудовой помощи безработным стало важнейшей составной частью работы партийных и комсомольских организаций. Этот вопрос обсуждался на бюро и секретариатах Московского, Ленинградского, Уральского, Новосибирского и других обкомов партии, в городских и районных организациях ВКП(б). Например, на бюро и секретариате Ленинградского обкома партии вопросы, связанные с безработицей, специально обсуждались только в 1926 г. пять раз [39]. По заданию обкома работали партийно-профсоюзные комиссии, разрабатывавшие конкретные мероприятия по борьбе с безработицей, по расширению трудовой помощи людям, временно оставшимся без работы. В ноябре 1927 г. вопросы безработицы рассматривались на Ленинградской областной партийной конференции [40]. В результате принятых мер уже в первые годы реконструкции значительно возросло количество безработных, охваченных трудовой помощью: в 1925/26 г. ее получали 167,5 тыс. человек, в 1926/27 г.— 200 тыс., в 1927/28 г.—

[36] ЦГАОР СССР, ф. 5515, оп. 17, д. 78, л. 92.
[37] Там же, оп. 24, д. 218, л. 33.
[38] Там же, д. 214, лл. 62—63.
[39] В феврале: о безработице среди коммунистов и принятии мер к скорейшему предоставлению им работы, в марте: об организации комиссии по выработке мероприятий по борьбе с безработицей, в сентябре, октябре, ноябре: о мерах по увеличению трудовой помощи безработным.— Ленинградский партийный архив (далее — ЛПА), ф. 16/1, оп. 1, д. 178, л. 77; д. 179, лл. 1, 16, 19; д. 181, лл. 54, 96, 97; д. 182, л. 1.
[40] ЛПА, ф. 24, оп. 1, д. 1—10.

227,4 тыс.; рост за три года примерно на 40% [41]. Как и в годы восстановления народного хозяйства, трудовая помощь состояла из двух основных видов: организации общественных работ и создания трудовых коллективов безработных.

Как и прежде, общественные работы поглощали бóльшую часть средств, ассигнованных на оказание трудовой помощи (свыше 50%). В 1926/27 г. на общественные работы было израсходовано 12,5 тыс. руб., в 1927/28—17,5 тыс. В 1926/27 г. на этих работах ежедневно было занято 40 тыс. человек, в 1927/28 г.— 46 тыс. человек. Средний дневной заработок безработного на общественных работах составлял в 1926/27 г. 1 руб. 70 коп., а в 1927/28 г.— 1 руб. 74 коп.[42] Это приблизительно равнялось заработной плате рабочего со средней квалификацией.

Проведение социалистической индустриализации оказывало все большее влияние на характер общественных работ. Уже в первые годы реконструкции народного хозяйства проводились такие трудоемкие работы, как расчистка территорий, предназначенных для промышленного строительства, устройство заградительных дамб, каналов, запруд, водоемов, осушение заболоченных районов, орошение засушливых мест и т. д. с целью использования этих площадей для создания промышленных предприятий и жилищных массивов, земляные работы, связанные с новым строительством.

Кроме того, в связи с индустриализацией начало меняться соотношение между общественными работами и другими видами трудовой помощи. Все явственнее обнаруживалась тенденция к сокращению общественных работ и увеличению других видов трудовой помощи. Нецелесообразность общественных работ ввиду их экономической невыгодности (в основном использовался только ручной труд) при условии возрастания потребности в квалифицированных кадрах становилась все очевиднее. Более реальным и полезным видом помощи стали трудовые коллективы. В первые годы реконструкции были значительно увеличены ассигнования на их организацию: если в 1925/26 г. на эти цели было израсходовано немногим более 4 млн., в 1926/27 г.— 5 млн., то в 1927/28 г.— 8 млн. руб. Таким образом, ассигнования увеличились почти в 2 раза [43].

О характере коллективов и их интенсивном росте свидетельствует таблица 6.

Как видно из приведенных цифр, число лиц, занятых в коллективах безработных, непрерывно возрастало, причем основная масса их была занята в производственных коллективах (мастерских, фабриках и пр.), а также в трудовых, где применялся личный труд безработных для выполнения массовых работ (различно-

---

[41] ЦГАОР СССР, ф. 5515, оп. 24, д. 214, л. 54.
[42] Там же, л. 61.
[43] Там же, л. 57.

Таблица 6

Динамика роста коллективов безработных в 1927/28 г.*

Периоды	Всего занято безработных в коллективах	В том числе					
		производственные		трудовые		торговые	
		абс.	%	абс.	%	абс.	%
1/X. 1927 г.	112 120	58595	52,3	41 026	36,6	12 497	11,1
1/IV. 1928 г.	124 881**	68106	54,3	43 344	34,0	14 731	11,7
1/X. 1928 г.	134 176	68521	51,1	50 995	38,0	14 660	10,9

* ЦГАОР СССР, ф. 5515, оп. 24, д. 214, л. 55.
** Такая цифра дана в первоисточнике. При пересчете итог равен 125 181.

го рода артели). В торговых коллективах (лотки, палатки) было занято сравнительно немного безработных.

Всего через коллективы получили работу в 1926/27 г. 200 тыс. безработных, а в 1927/28 г.— 250 тыс. По данным на апрель — июнь 1928 г., их заработная плата в среднем составляла 2 руб. в день (больше, чем на общественных работах). Наибольший заработок был в трудовых артелях (2 руб. 24 коп.), затем в производственных (1 руб. 90 коп.). В торговых коллективах безработные получали меньше всего — 1 руб. 77 коп. (примерно столько же, сколько на общественных работах) [44].

Коллективы безработных были организованы в 250 городах и поселках СССР. Их число, а также численность занятых в них лиц все время возрастали. Приведем данные по Уральской области (по сведениям Свердловской, Нижне-Тагильской, Златоустовской, Пермской, Тюменской и Челябинской бирж труда): с октября 1925 г. по октябрь 1928 г. число занятых в производственных и трудовых коллективах безработных увеличилось более чем в 2,5 раза, достигнув 3354 человек. При этом беспрерывно росла и заработная плата: за тот же период средний дневной заработок увеличился с 1 руб. 10 коп. до 1 руб. 52 коп. [45] В Ленинграде заработки в производственных и трудовых коллективах были еще больше — примерно 2,5 руб. в день (данные на конец 1926 г.) [46].

Окрепшие в хозяйственном отношении коллективы безработных по решению местных органов власти передавались в ведение хозяйственных органов, и таким образом безработные получали постоянную работу. Коллективы безработных занимали видное место в системе предприятий местной промышленности, составляя: на Украине почти 30%, в Белоруссии — 25% их общего числа. Стои-

[44] Там же, л. 55.
[45] «История индустриализации Урала (1926—1932 гг.)». Сборник документов и материалов. Свердловск, 1967, стр. 69.
[46] ЛГАОРСС, ф. 3299, оп. 1, д. 1260, л. 268.

мость всей продукции, вырабатываемой по СССР всеми коллективами безработных, превышала 200 млн. руб.[47]

В этих коллективах безработные повышали свою квалификацию, приобретали новые специальности. В производственных и трудовых артелях готовились кадры для промышленности.

Развертывание промышленного строительства открыло еще один путь борьбы с безработицей — подготовку квалифицированных рабочих кадров из неквалифицированных работников, зарегистрированных на биржах труда. Новые заводы, фабрики, электростанции, строительство которых началось уже в первые годы реконструкции, требовали специалистов высокого класса. Их следовало готовить заблаговременно, и в этом деле определенную роль должен был сыграть Наркомат труда и его местные органы.

Уже в первые годы реконструкции партия и правительство неоднократно рассматривали вопросы об использовании безработных в решении этой проблемы.

В январе 1926 г. Совнарком СССР обязал Наркомтруд СССР немедленно начать подготовку 10 тыс. квалифицированных работников из числа безработных[48]. В феврале НКТ Союза и Центральное управление социального страхования (Цусстрах) подписали соглашение с акционерным обществом «Установка» на обучение и переобучение 10 тыс. безработных с оплатой из средств социального страхования. В течение первого полугодия были созданы курсы по подготовке токарей, фрезеровщиков, слесарей, маляров и рабочих других специальностей в Москве, Ленинграде, Харькове и Днепропетровске. До 1 октября 1926 г. на курсах общества «Установка» было подготовлено 1215 человек. Все они были распределены по предприятиям на основе предварительных заявок[49]. В 1926/27 г. на курсах общества «Установка» было подготовлено из безработных около 3 тыс. квалифицированных рабочих. Столько же специалистов обучалось на курсах этого общества в третьем году индустриализации.

Кроме того, разного рода курсы по обучению и переобучению безработных были организованы местными биржами труда. Для этих целей было отпущено 385 тыс. руб. (из них 160 тыс. по госбюджету, остальные по соцстраху)[50]. Масштабы работы по обучению и переобучению безработных характеризовались следующими данными: в 1925/26 г. получило квалификацию и было переобучено 11 672 человека, в 1926/27 г. — 26 863, в 1927/28 г. — 49 тыс. человек. Следовательно, за три года число безработных, получивших квалификацию, возросло почти в 4,5 раза. Добавим еще, что в 1926/27 г. на эти цели было израсходовано 2400 тыс. руб., а в 1927/28 г. — 8337 тыс. руб.[51]

---

[47] ЛГАОРСС, ф. 3299, оп. 1, д. 509, лл. 6—8.
[48] ЦГАОР СССР, ф. 5446, оп. 1, д. 17, л. 160.
[49] ЦГАОР СССР, ф. 5515, оп. 2, д. 33, л. 1.
[50] Там же, оп. 1, д. 91, л. 132.
[51] ЦГАОР СССР, ф. 5451, оп. 12, д. 109, л. 13.

Конечно, подготовка квалифицированных рабочих кадров из безработных только еще начиналась и в первые годы реконструкции имела небольшие размеры. Однако тенденция к росту этого вида помощи уже явно обозначалась.

В 1928/29 г. на заседании Президиума ВЦСПС заместитель наркома труда И. А. Толстопятов говорил: «*Основным и главным мероприятием* в области борьбы с безработицей и смягчения тяжелого положения безработных является *трудовая помощь* (курсив мой.— *Л. Р.*). Наша политика на будущий год в области оказания трудовой помощи безработным значительно изменяется в сторону наиболее целесообразного и эффективного использования средств, которые мы отпускаем на помощь безработным. Особое значение в этом отношении приобретает переобучение безработных» [52].

Таким образом, осуществление социалистической индустриализации оказало существенное влияние на характер и размеры помощи безработным. Постепенно сокращалось значение пособий и общественных работ, т. е. тех средств, которые были рассчитаны на длительный, хронический характер безработицы. Наоборот, самые эффективные методы борьбы с безработицей, которые приводили в условиях индустриализации к резкому сокращению безработицы и ее полной ликвидации, заметно возрастали. Производственные и трудовые коллективы постепенно передавались промышленности, а обучение и переобучение безработных, повышение их квалификации становились важнейшим видом помощи и самым интенсивным средством борьбы за сокращение промышленной резервной армии. Именно эти средства возвращали к производственной деятельности людей без всякой квалификации и, казалось бы, без перспектив в будущем. Неквалифицированные безработные, составлявшие основную массу безработных, становились активными строителями социалистического общества.

Борьба с безработицей среди молодежи

Партия и Советское правительство всегда уделяли особое внимание борьбе с безработицей среди молодежи. Уже в самом начале реконструкции народного хозяйства, когда появились дополнительные возможности использования рабочей силы, Советское государство проявило максимальную заботу о юношах и девушках, предоставляя работу в первую очередь детям рабочих.

Вопрос о безработице среди пролетарской молодежи специально стоял на XV конференции ВКП(б) в октябре 1926 г. Конференция констатировала, что многие подростки в возрасте от 14 до 18 лет и переростки от 18 до 22 лет по различным причинам не имели возможности учиться и работать и были обречены, таким

[52] Там же, лл. 12—13.

образом, на безработицу и вынужденное безделье. Некоторые из них превращались в антиобщественные элементы, нередко заражая своей психологией определенную часть рабочей молодежи. В результате увеличивалась волна хулиганства в пролетарских районах. Решение этой проблемы, как и главной — сохранение и упрочение основного источника пополнения рабочего класса, требовало неотложных мер по сокращению и ликвидации безработицы среди пролетарской молодежи. XV партийная конференция поручила партийным и профсоюзным организациям, а также хозяйственным органам вести планомерную борьбу с безработицей среди молодежи. Она предложила провести следующие мероприятия: всемерно облегчить поступление на фабрики и заводы детям рабочих (подростков и переростков), профсоюзным и комсомольским организациям было рекомендовано наблюдать за действительным проведением в жизнь часто нарушаемой брони подростков; было дано указание организовывать в пролетарских районах для детей рабочих производственные курсы и школы, которые давали юношам и девушкам конкретную специальность, облегчали им возможность получения работы; перед профсоюзами была поставлена задача охватить своим влиянием нерабочую молодежь, вовлекать ее в клубы, кружки и т. д.[53]

Большое внимание борьбе с безработицей среди молодежи уделяли местные партийные организации. В постановлении Уральского обкома ВКП(б) о мерах борьбы с безработицей в промышленности от 18 февраля 1927 г. предлагалось Уралоблсовнархозу и областному отделу труда уделить особое внимание задачам подготовки из безработной молодежи квалифицированных рабочих для ведущих заводов Урала[54]. Реализуя эти указания, Уральский областной отдел труда совместно с отделом народного образования разработал целый ряд мер по поднятию культурно-технического уровня подростков: были организованы общеобразовательные курсы по подготовке в школы ФЗУ, краткосрочные курсы (3—4 месяца) по подготовке квалифицированных рабочих. Эти курсы открывались при биржах труда[55].

Особую роль в борьбе с безработицей среди юношей и девушек играл комсомол. Вопрос о безработной молодежи специально рассматривался на VII Всесоюзном съезде ВЛКСМ в марте 1926 г. На съезде отмечалось, что среди рабочей молодежи, пролетарской по своему происхождению и ранее работавшей по найму, безработные составляли 8,7%[56]. Однако подлинные масштабы безработицы среди юношей и девушек города были значительно шире. По данным НКТ СССР, разработанным на основании сведений

---

[53] См. «КПСС в резолюциях и решениях...», т. III, стр. 396.
[54] ПАСО, ф. 4, оп. 5, д. 10, л. 29.
[55] ГАСО, ф. 277, оп. 2, д. 378, л. 78.
[56] «VII Всесоюзный съезд ВЛКСМ. 11—22 марта 1926 г. Стенографический отчет». М.— Л., 1926, стр. 345.

256 бирж труда [57], динамика безработицы среди подростков с октября 1925 г. по апрель 1926 г. (на конец каждого месяца) представляется в следующем виде [58]:

Год	Месяц	Общее количество безработных	В том числе подростков	%
1925	октябрь	952 280	125 754	13,2
	ноябрь	958 603	123 709	13,0
	декабрь	951 173	116 002	12,2
1926	январь	987 990	115 345	11,7
	февраль	1 005 638	115 420	11,5
	март	1 057 155	127 927	12,1
	апрель	1 170 924	127 742	11,9

Из приведенных данных видно, что безработица среди молодежи росла медленнее, чем в целом по всем группам лиц, зарегистрированным биржами труда. По сути дела она оставалась почти стабильной, однако ее процент к общей численности безработных был довольно велик (12—13).

Наибольшее количество безработных среди молодежи было на Украине — 14,4 от общего числа безработных, наименьшее — в Средней Азии (3,8%), а всего по данным на 1 мая 1926 г. численность безработных подростков по союзным республикам распределялась следующим образом: РСФСР — 88 204 (11,6% к общему количеству числившихся на биржах труда), УССР — 31 463 (14,4%), БССР — 2955 (12,5%), ЗСФСР — 4372 (9,1%), Узбекистан и Туркмения — 748 (3,8%) [59].

Длительность безработицы среди подростков (по сведениям крупнейших бирж труда, в том числе Московской и Ленинградской) составляла 3—6 месяцев. Однако многие биржи не могли предоставить работу молодежи до 1 года и более.

Безработные подростки, за небольшим исключением, не имели профессии и ранее не работали по найму. По данным 70 бирж труда (типичным и для других бирж), на 1 марта 1927 г. из всего числа безработных подростков лишь 10,4% ранее работали на производстве, из них далеко не все имели квалификацию.

Кто же были эти безработные подростки, каков их социальный состав?

По данным 8 бирж труда РСФСР (в т. ч. Московской и Ленинградской), на 1 января 1926 г. из 18,5 тыс. безработных подростков более 3 тыс. не имели родителей и воспитывались в дет-

[57] Напомним, что в СССР действовала 281 биржа труда, поэтому естественно, что приводимые абсолютные цифры несколько занижены, однако в процентном отношении они отражают подлинную картину.
[58] ЦГАОР СССР, ф. 5515, оп. 24, д. 49, л. 94 об.
[59] Там же, л. 96.

ских домах; 11,4 тыс.— имели родителей, работающих по найму (в их числе 8,4 тыс.— дети рабочих); около 840 подростков происходили из семей кустарей, ремесленников, торговцев, крестьян и пр.; около 790 подростков имели родителей-пенсионеров и более 2,5 тыс.— безработных родителей [60]. Следовательно, дети рабочих составляли 45% общего числа безработных подростков, дети безработных родителей — 14%, воспитанники детских домов — 16% и т. д. По данным других бирж труда, особенно находившихся в небольших уездных городах, значительную часть безработных подростков составляли дети крестьян (25% и более к общему числу подростков, зарегистрированных на биржах труда). Таким образом, сельская молодежь приходила в город и пополняла кадры безработных, главным образом через небольшие уездные центры.

Среди безработных подростков примерно 55% было юношей и 45% девушек.

Приведенные выше данные касались безработных подростков, т. е. молодежи в возрасте от 14 до 17 лет включительно. Кроме того, на биржах труда числились десятки тысяч юношей и девушек 18—22 лет. Их было почти 20% от общего числа безработных. Как и подростки, они почти все не имели специальности, что затрудняло предоставление им работы. При этом следует учесть, что по городам скиталось 300 тыс. беспризорных, из них 65 тыс. составляли дети в возрасте от 14 до 16 лет, в детских домах воспитывалось до 250 тыс. человек [61]. Об осиротевших и обездоленных ребятах государство проявляло особую заботу, в первую очередь стремясь обеспечить их какой-либо работой.

Суммируя вышеприведенные данные, Наркомтруд СССР отмечал, что «все это в совокупности довольно убедительно представляет действительную картину той огромной в своих размерах и по остроте положения безработицы среди молодежи» [62].

Острота и тяжесть безработицы среди юношей и девушек усугублялась также тем, что промышленность и строительство еще не могли впитать в себя эти огромные резервы. Докладчик о труде и образовании рабочей молодежи на VII съезде ВЛКСМ говорил: «Конечно, было бы утопией, если бы мы поставили перед собой задачу в течение ближайшего периода времени целиком и полностью изжить безработицу» [63]. Проблема безработицы среди молодежи, трудоустройство подраставшего молодого поколения становились одной из центральных проблем, решать которую надо было немедленно и радикально. Председатель ЦИК Украины Г. И. Петровский рассказывал: «Нам, старикам, как заявишься

---

[60] ЦГАОР СССР, ф. 5515, оп. 24, д. 49, л. 96 об.
[61] Там же, л. 101.
[62] Там же, л. 101 об.
[63] «VII Всесоюзный съезд ВЛКСМ. 11—22 марта 1926 г. Стенографический отчет», стр. 345.

среди старых рабочих, всегда предъявляются требования: «Ты знаешь положение в семействе, когда дети подросли и нельзя никуда их поместить». И это было бичом. Приходили к нам в Украинский ЦИК и СНК рабочие с разных заводов и заявляли, что надо разрешить этот вопрос» [64].

В Советской стране делалось многое, чтобы уменьшить безработицу среди молодежи, чтобы по возможности шире использовать труд подростков. По решению правительства начиная с 1922 г. на предприятиях существовал лимит для подростков — примерно 7% к общему количеству работающих [65]. Однако броня подростков (так назывался этот лимит) многими предприятиями не выполнялась, причем по отдельным отраслям весьма существенно, например на 1 января 1927 г.: по горной — на 14%, по металлургической — на 27%, по текстильной — на 29%, полиграфической — на 22% [66]. Всего же, по данным Наркомтруда СССР, на 1 января 1926 г. броня подростков была выполнена лишь на 83% [67]. Причем с годами явно обнаруживалась тенденция к снижению лимита, установленного для подраставшего поколения. Это объяснялось как субъективными причинами (противодействие хозяйственников), так и объективными (промышленность в тот период была не в состоянии полностью обеспечить броню подростков).

Необходимо было отрегулировать вопрос о бронировании подростков. «Предложить НКТ и ВСНХ пересмотреть действующие нормы брони подростков,— подчеркивалось в постановлении ЦК ВКП(б) по вопросам рационализации производства от 24 марта 1927 г.,— в целях их максимальной увязки с фактической потребностью промышленности... При заполнении брони подростков исходить из необходимости оказывать предпочтение детям рабочих» [68].

Для пересмотра норм брони была создана Междуведомственная комиссия при Наркомтруде СССР, в состав которой вошли представители НКТ СССР, ВСНХ, ВЦСПС, ЦК ВЛКСМ и Центрального института труда [69]. Выработка нового лимита на предприятиях для молодежи проходила в жарких спорах. ЦК ВЛКСМ предлагал сохранить старые 7% нормы, НКТ СССР — 4,5%, ВСНХ — 3,35%. По предложению комсомола вопрос о броне был вынесен на рассмотрение Центрального Комитета партии [70].

ЦК ВКП(б) принял решение установить бронь подростков в промышленности в размере 4,5%, но в то же время указал, что

[64] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 441, вып. 1, стр. 33.

[65] По отдельным отраслям этот процент колеблется весьма существенно — от 6 до 10%.

[66] *М. Г. Быстрицкий, Г. Н. Серебренников.* Новая броня подростков. М., 1929, стр. 9.

[67] ЦГАОР СССР, ф. 5515, оп. 24, д. 49, л. 103 об.

[68] «Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам», т. 1. 1917—1928 гг. М., 1967, стр. 610—611.

[69] В обнаруженной нами справке о Междуведомственной комиссии содержатся подробные данные о ее работе.— ЦГАОР СССР, ф. 5515, оп. 24, д. 110, лл. 45—47.

[70] Архив ЦК ВЛКСМ, ф. 1, оп. 3, д. 341, л. 238.

количество забронированных рабочих подростков и переростков-учеников не должно быть сокращено по сравнению с имевшимся в тот период. Таким образом, Центральный Комитет партии, соглашаясь с органами труда, обоснованно установившими реальную норму потребности промышленности в молодых кадрах, в то же время максимально учел интересы молодежи и предложил, по возможности, не сокращать численность рабочей молодежи, находившейся на броне в 1927/28 г.

1 августа 1928 г., исходя из решений ЦК ВКП(б), ЦИК и СНК СССР приняли постановление «О минимальных нормах брони подростков в промышленности и других отраслях народного хозяйства»[71]. Главное назначение брони, как отмечалось в постановлении, заключалось во включении в производство молодых возрастов взамен убывающих старых.

Итак, новое постановление устанавливало более низкие нормы брони (4,5% вместо 7% от общего числа работающих). Однако если учесть, что фактически на 1 января 1928 г. средний процент подростков в промышленности составлял 4,6%, то в действительности снижение было минимальным — всего на 0,1%. В абсолютных цифрах это выражалось всего в 3 тыс. человек (119 тыс. человек против 122 тыс., находившихся в броне на 1 января 1928 г.).

Следует вместе с тем иметь в виду, что одновременно увеличивалось число учащихся в школах ФЗУ и индивидуально-бригадном ученичестве до 120 тыс. (против 108 тыс. в 1927 г.). По подсчетам специалистов, по существу не произошло сокращения численности подростков, находившихся на броне. М. Г. Быстрицкий и Г. Н. Серебренников, анализируя данные о броне подростков по отраслям производства на 1 января 1928 г. и сравнивая их с новыми нормами брони, отмечали, что в таких отраслях, как металлургия, машиностроение, текстильное производство, пищевкусовая промышленность, новые нормы брони приводят к относительной стабильности фактического числа подростков в промышленном производстве, а по электропромышленному машиностроению, нефтяной промышленности, цветной металлургии, кондитерской, сахарной и бумажной они значительно выше. Новые нормы брони подростков были ниже лишь в тех отраслях, где они фактически и ранее в течение многих лет не выполнялись (льняная, шерстяная, резиновая, спичечная, кожевенная)[72].

Постановление от 1 августа 1928 г. дифференцировало нормы брони по отдельным производствам и специальностям: по металлопромышленности было установлено 5 норм (от 4 до 5,5%), по электропромышленности — 9 (от 2 до 8%) и т. д. Такая дифференциация была исключительно важна, ибо она создавала предпосылки для увеличения кадров молодежи в этих одних из наи-

---

[71] СУ СССР, 1928, № 49, ст. 437.

[72] *М. Г. Быстрицкий, Г. Н. Серебренников.* Указ. соч., стр. 31—33.

более перспективных отраслях производства, обеспечивая, с одной стороны, нужды развивавшейся промышленности и гарантируя в то же время постоянную занятость рабочих. Здесь не было угрозы безработицы, так как именно эти отрасли промышленности в связи с социалистической индустриализацией развивались наиболее быстро.

Таким образом, августовское постановление поставило перед хозяйственниками задачу обязательного сочетания труда подростков с обучением их наиболее дефицитным специальностям. Советское правительство заботилось не только о том, чтобы предоставить подраставшему поколению работу, но и о перспективах развития народного хозяйства и обеспечении его кадрами.

Однако в первые годы реконструкции народного хозяйства Советское правительство не могло сразу трудоустроить всех юношей и девушек, промышленность была не в состоянии предоставить работу всему подраставшему поколению.

Вопрос о помощи безработной молодежи имел исключительно важное значение. Партия и правительство через органы труда стремились максимально облегчить участь юношей и девушек, которым не могла быть предоставлена работа. Из общих средств, ассигнованных на помощь безработным, определенная часть тратилась исключительно на проведение специальных мероприятий по борьбе с безработицей среди молодежи. Кроме того, биржи труда организовывали особые производственные мастерские — дома подростков, где молодежь одновременно с работой получала квалификацию [73].

Увеличивая средства и расширяя специальные меры по борьбе с безработицей среди молодежи, Наркомат труда и ВЦСПС в тот период все же уделяли недостаточное внимание трудовой помощи юношам и девушкам, числившимся на биржах труда. В производственных и трудовых коллективах безработных молодежь составляла 6—6,5%, что было значительно меньше ее доли в общем составе резервной армии труда. В общественных работах подростки почти не принимали участия. Например, за 6 месяцев 1925/26 г. они были заняты только 52 615 человеко-дней (2,45% к общему числу выработанных на общественных работах человеко-дней) [74]. Это объяснялось, в частности, тем, что многие общественные работы были тяжелы для подростков, и они сами на такую работу не шли.

Вопрос о помощи безработной молодежи, приобщении ее к активной трудовой и общественной деятельности неоднократно обсуждался на всесоюзных съездах, конференциях и пленумах ЦК ВЛКСМ. Он стоял на VII и VIII съездах ВЛКСМ, на V Всесоюзной конференции комсомола, на V и VIII пленумах ЦК

---

[73] Следует отметить, что таких мастерских было немного — в 1927 г. в них было занято всего 3 тыс. подростков. (Архив ЦК ВЛКСМ, ф. 1, оп. 3, д. 45, л. 8.)
[74] ЦГАОР СССР, ф. 5515, оп. 24, д. 49, л. 106.

ВЛКСМ. Этот большой вопрос не раз рассматривался на заседаниях Бюро и Секретариата ЦК ВЛКСМ. Руководители комсомола всеми средствами пытались облегчить решение проблемы безработицы.

В то время во главе комсомола стоял Николай Чаплин. Ему было 22 года, когда по рекомендации Г. К. Орджоникидзе и С. М. Кирова его избрали генеральным секретарем ЦК ВЛКСМ. Вместе с ним работали такие люди, как Александр Мильчаков и Александр Косарев, впоследствии избиравшиеся генеральными секретарями ЦК ВЛКСМ, Лазарь Шацкий и Петр Сегал, непосредственно руководившие отделом рабочей молодежи, и многие другие [75].

Центральный Комитет комсомола не раз ставил вопрос перед Наркоматом труда и ВЦСПС о необходимости усиления борьбы с безработицей среди молодежи. В связи с решением XV Всесоюзной конференции ВКП(б) ЦК ВЛКСМ просил Президиум ВЦСПС специально обсудить вопрос о борьбе с безработицей среди подраставшего поколения [76]. В это же время комсомольские организации готовили подробный материал о численности, составе и положении безработных юношей и девушек. Изучив этот материал, ЦК ВЛКСМ пришел к выводу, что увеличение резервной армии труда среди молодежи происходит за счет естественного прироста подраставшего поколения, воспитанников детских домов, беспризорников, а также притока молодежи из деревень. Безработная молодежь в подавляющем большинстве не имела квалификации и впервые предлагала свой труд.

В январе 1927 г. ЦК ВЛКСМ принял постановление о мерах борьбы с безработицей среди молодежи, в котором подчеркивалась необходимость всемерного усиления борьбы с безработицей среди молодежи, необходимость придать ей широкий, общественный характер, привлечь внимание государственных, профсоюзных и других общественных организаций к практической работе в этом направлении [77]. В постановлении предлагались конкретные меры по трудоустройству юношей и девушек, в том числе: строгое соблюдение норм брони подростков, направление на работу молодежи через биржи труда в тех пропорциях, которые она составляла к общему числу безработных, зарегистрированных на биржах, увеличение приема в школы ФЗУ, а также расширение трудовой и материальной помощи безработной молодежи (создание специальных трудовых коллективов из подростков, развитие ученичества в кустарной промышленности и промкооперации, предоставление соответствующих мест юношам и девушкам в общих трудовых и производственных коллективах, привлечение молодежи к участию в об-

[75] Подробнее о Н. Чаплине и его товарищах см. книгу Александра Мильчакова «Первое десятилетие. Записки ветерана комсомола». М., 1965 (издание второе, дополненное и переработанное), стр. 252—254.

[76] Архив ЦК ВЛКСМ. Протокол Бюро ЦК ВЛКСМ № 48 от 26 января 1927 г.

[77] Там же. Протокол бюро ЦК ВЛКСМ № 45 от 5 января 1927 г.

щественных работах, увеличение ассигнований на борьбу с безработицей среди молодежи и т. д.). Это постановление вместе с детально разработанными предложениями по борьбе с безработицей и объяснительной запиской о состоянии и характере резервной армии труда среди молодежи было направлено в Политбюро ЦК ВКП(б) 14 января 1927 г.[78]

Рассмотрев полученные материалы, Центральный Комитет партии дал указание Наркомату труда СССР и ВЦСПС усилить по возможности помощь безработным юношам и девушкам. В 1928 г. Наркомтруд СССР и ВЦСПС приняли несколько специальных циркуляров, обязавших местные органы труда увеличить количество мест для молодежи в трудовых и производственных коллективах, на общественных работах и т. д.[79]

По рекомендации партии местные комсомольские органы стали принимать активное участие в составлении бюджета помощи безработным в республиках, добиваясь специальных ассигнований для безработной молодежи. Рассмотрим, например, данные по Российской Федерации. Благодаря усилиям комсомола НКТ РСФСР предусмотрел увеличение ассигнований на специальные мероприятия по помощи безработным подросткам на 1928/29 г. до 2700 тыс. руб. вместо 1691 тыс. руб., отпущенных в 1927/28 г.[80]

Местные комсомольские организации активно помогали трудоустройству безработной молодежи. И. Н. Ловецкий[81] рассказывал, что пережить самое трудное время безработицы ему помог Московский горком ВЛКСМ. Он приехал в Москву в феврале 1927 г. и сразу же зарегистрировался на бирже труда, сначала по секции чернорабочих, а потом, после экспертизы,— по группе деревообработчиков (он имел специальность краснодеревщика). Однако работы не было ни по той, ни по другой секции. Тогда И. Н. Ловецкий обратился в городскую комсомольскую организацию. Когда в МГК ВЛКСМ узнали, что в течение месяца он не может никуда устроиться, ему предложили временную работу в детском доме в качестве инструктора-воспитателя с окладом 50 руб. в месяц. На биржу труда И. Н. Ловецкого вызвали в мае 1927 г. и предложили работу по специальности на Ростокинской галантерейной фабрике. Вскоре его выбрали секретарем комсомольской организации фабрики. С тех пор комсомольская, а затем партийная работа стали главными в его жизни.

Ленинский комсомол, борясь за расширение помощи безработным юношам и девушкам, уделял много внимания изучению проблемы полной ликвидации безработицы среди молодежи. Одним из важнейших каналов резкого сокращения молодежной резервной

---

[78] Архив ЦК ВЛКСМ. Протокол бюро ЦК ВЛКСМ № 46 от 14 января 1927 г.

[79] См., например, циркуляр НКТ СССР и ВЦСПС о борьбе с безработицей среди девушек.— «Известия НКТ СССР», 1928, № 50, стр. 769 и др.

[80] Архив ЦК ВЛКСМ, ф. 1, оп. 3, д. 14.

[81] Впоследствии работал в Институте истории СССР АН СССР, ныне пенсионер. Запись беседы с И. Н. Ловецким произведена автором 15 февраля 1970 г.

армии труда ЦК ВЛКСМ видел в развитии общего и профессионального образования. Не раз в высших комсомольских органах рассматривался вопрос о расширении охвата детей и подростков системой общеобразовательных школ. Комсомол предложил, в частности, выделять детям низкооплачиваемых рабочих специальные пособия для получения среднего образования.

Неменьшую роль в ликвидации безработицы среди молодежи комсомол отводил развитию школ ФЗУ. Выступая на VII и VIII съездах ВЛКСМ, Николай Чаплин доказывал, что школы ФЗУ должны быть двух типов: двухгодичные по подготовке массовых профессий и 3—4-годичные, выпускавшие высококвалифицированных рабочих (контролеров, поммастеров, ремонтников и пр.), и критиковал Центральный институт труда и его руководителя А. К. Гастева за утилитарный подход к подготовке рабочих кадров (ЦИТ предлагал готовить рабочих массовых профессий за 3—6 месяцев).

На VIII пленуме ЦК ВЛКСМ Н. Чаплин, говоря о разногласиях с ЦИТом, заявил, что ФЗУ должны готовить высококвалифицированных рабочих с широкой общеобразовательной подготовкой. Тогда же он предлагал увеличить срок обучения в ФЗУ до 3—5 лет [82]. Комсомол боролся за всестороннюю подготовку молодых рабочих, так как видел в этом кроме других преимуществ средство ликвидации безработицы среди молодежи.

С безработицей среди молодежи боролись и профсоюзы. Они ассигновывали дополнительные средства на трудовую помощь безработным подросткам: устраивали специальные молодежные производственные и трудовые артели, вовлекали безработную молодежь в жизнь заводских профсоюзных организаций, в работу рабочих клубов и т. д.

С 1927/28 г. большое распространение получили обучение и переобучение безработных подростков. В тот год многие текстильные предприятия перешли на 7-часовой рабочий день. В связи с этим им потребовалась дополнительная рабочая сила. Было решено набрать ее в первую очередь из безработной молодежи. ЦК Союза текстильщиков предложил местным профсоюзным органам организовать обучение и переобучение безработных юношей и девушек. Предложение было принято. В Ленинградской области, например, в начале 1927 г. президиум губотдела текстильщиков сообщил, что он готов организовать обучение текстильному делу 300 безработных подростков, числящихся в других профсоюзах. В течение короткого срока молодежь получила дефицитные специальности (мотальщиков — 40 человек, банкоброшниц — 55, ткачих — 90, трикотажниц — 115 чел. и т. д.) [83].

Активная деятельность комсомола и профсоюзов по усилению борьбы с безработицей среди молодежи, поддержанная партией

[82] Архив ЦК ВЛКСМ, ф. 1, оп. 2, д. 53, лл. 55—57.
[83] ЛГАОРСС, ф. 3299, оп. 1, д. 1245, л. 183.

и правительством, дала реальные результаты. Выступая на VIII съезде ВЛКСМ, нарком труда РСФСР А. М. Бахутов привел следующие данные: в коллективах безработных на территории Российской Федерации количество подростков поднялось с 5 до 9% по отношению ко всем занятым в этих коллективах. Если в 1926/27 г. на помощь подросткам, зарегистрированным на биржах труда, был израсходован 1 млн. руб., то в 1927/28 г.— 1,5 млн. руб. Особое внимание биржи уделили подготовке строительных рабочих из молодежи. В Москве за 1927/28 г. было подготовлено 4,5 тыс. подростков, в Ленинграде — 3 тыс. и т. д.[84] Существенно увеличилось направление юношей и девушек биржами труда в государственную и кустарную промышленность. Возросла также сеть школ ФЗУ и численность учащихся в них. Такое же положение было и в других городах и республиках.

Усилиями партии и правительства пролетарская молодежь все активнее включалась в производственную жизнь. Постепенно исчезала безработица среди городской молодежи. На ноябрьском (1929 г.) Пленуме ЦК ВКП(б), рассказывая о не имевших работы подростках, Г. И. Петровский говорил, что безработной молодежи становится все меньше и меньше. На Украине, заявил он, проблема безработицы среди молодежи разрешена по крайней мере на 80%[85].

Социалистическая реконструкция народного хозяйства открывала большие возможности для решения проблемы полного исчезновения промышленной резервной армии среди молодежи.

Численность и состав безработных в 1926—1928 гг.

Курс на индустриализацию открыл широкие возможности для кардинального решения проблемы ликвидации безработицы. Однако не следует полагать, что сразу же после принятия этого курса безработица была ликвидирована. В первые годы реконструкции, когда лишь разворачивалось промышленное строительство, в силу целого ряда причин (которые будут рассмотрены ниже) произошло даже определенное увеличение численности безработных, что видно из следующих данных, представленных 281 биржей труда[86] (см. стр. 142).

Приведенные данные показывают не только рост численности безработных в 1926—1928 гг., но и довольно регулярные и весьма резкие сезонные колебания: рост безработицы в первом полугодии хозяйственного года и ее относительное падение во втором полу-

---

[84] «VIII Всесоюзный съезд ВЛКСМ. 5—16 мая 1928 г.». М., 1928, стр. 425—426.
[85] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 441, вып. 1, стр. 33.
[86] «Труд в СССР. Справочник. 1926—1930». М., 1930, стр. 36; «Народное хозяйство СССР, 1932». Статистический справочник. М., 1932, стр. XXII—XXIII; *М. М. Романов.* О ликвидации безработицы в СССР. М., 1930, стр. 5.

годии. На рост безработицы осенью и зимой влияло окончание сезонных работ, а также прилив людей из сельских местностей в связи с завершением полевых работ. Весной и летом каждого года безработица шла на убыль в связи с развертыванием строительных работ, началом навигации, лесо- и торфозаготовок и других сезонных работ. В целом же в течение первых трех лет индустриализации число безработных увеличилось на одну треть, достигнув в своем кульминационном периоде (апрель 1928 г.) 1,5 млн. человек.

Периоды		Всего безработных (тыс. человек)	Периоды		Всего безработных (тыс. человек)
1925 г.	1 окт.	920,4	1927 г.	1 апр.	1477,0
1926 г.	1 янв.	951,0		1 окт.	1041,2
	1 апр.	1056,5	1928 г.	1 янв.	1352,0
	1 окт.	1070,8		1 апр.	1576,4
1927 г.	1 янв.	1310,0		1 окт.	1364,6

Предложения труда из года в год возрастали — с 1925/26 по 1927/28 год они выросли более чем на 1 млн., достигнув в третьем году индустриализации 4 млн. Разместить такую массу людей по предприятим было нелегко, и тем не менее с каждым годом увеличивалось число лиц, получавших работу: в 1925/26 г. по фабрикам, заводам, стройкам и т. д. было размещено биржами труда 2 млн. человек, в 1926/27 г.—2,5 млн., в 1927/28 г.—2,6 млн.

В то же время биржи труда уже не могли полностью удовлетворять заявки предприятий. В связи с началом реконструктивных работ, развертыванием больших строек требования на рабочую силу увеличивались. Если в 1925/26 г. было зарегистрировано около 3 млн. предложений труда и на 100 предложений приходилось 68,3 места на предприятиях, то в 1926/27 и 1927/28 гг.— соответственно около 3,6 млн. предложений и 98,1 мест (на 100 предложений) и около 4 млн. предложений и 125,2 мест [87]. Таким образом, уже на втором и особенно на третьем году реконструкции начали сказываться первые результаты индустриализации — с каждым годом возрастала потребность в рабочей силе.

Однако факт оставался фактом — в первые годы реконструкции народного хозяйства безработица значительно увеличилась. Троцкистско-зиновьевская оппозиция пыталась обвинить в этом партию и правительство, заявляя, что рост численности безработных якобы произошел в результате рационализации производства, широко проводившейся в те годы. Не видя, вернее, не желая видеть разницы между социалистической и капиталистической рационализа-

[87] «Труд в СССР. Справочник. 1926—1930», стр. 36.

цией, оппозиционеры стремились разжечь и поддерживать на предприятиях настроения против рационализации.

Партия развернула широкую политико-воспитательную работу по вопросам социалистической реконструкции. Уже в первом постановлении о рационализации производства от 24 марта 1927 г. она указала на принципиальное отличие социалистической рационализации от капиталистической. В Советской стране рационализация производства проводилась в интересах рабочего класса на базе растущего индустриального развития и потому не сопровождалась в целом по всей промышленности сокращением общей численности занятых рабочих и служащих. «В тех случаях, когда улучшение техники и организации производства,— отмечалось в постановлении ЦК ВКП(б),— не может сопровождаться расширением данного предприятия или когда наличное количество рабочих превышает потребность предприятия, необходимо освобождать предприятие от излишка рабочей силы»[88]. В таких случаях на Наркомтруд возлагалась ответственность за своевременное размещение по другим предприятиям (открываемым вновь или расширявшимся) сокращенных в результате рационализации людей. Центральный Комитет партии специально подчеркнул, что сокращенным в результате рационализации рабочим и служащим работа должна представляться в первую очередь.

В апреле 1927 г. Наркомтруд СССР дал директиву наркоматам труда республик и их местным органам принять активное участие в размещении освобожденных вследствие рационализации рабочих и служащих. Такого рода перемещения рабочей силы проводились особенно оперативно в Ленинграде, на Урале и Украине. «Благодаря этим мероприятиям,— писал нарком труда В. В. Шмидт в 1928 г.,— удалось предотвратить приток индустриальных рабочих на рынок труда... На рынок труда притекает лишь та избыточная рабочая сила, которая освобождается на транспорте и в управленческом аппарате»[89]. Оценивая же в целом первые результаты рационализации, В. В. Шмидт заявил: «Можно определенно утверждать, что в общем и целом проводимая рационализация не вызывает усиления безработицы»[90]. Об этом свидетельствовали, например, такие факты: на московской фабрике «Буревестник» рационализация привела к расширению производства, число рабочих возросло более чем в 2 раза, на московском заводе «Красный богатырь» рационализация, сопровождавшаяся расширением производства, увеличила число рабочих с 3437 до 4172 человек и т. д.[91]

---

[88] См. постановление ЦК ВКП(б) «Вопросы рационализации производства».— «Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам», т. 1. М., 1967, стр. 609.

[89] ЦГАОР СССР, ф. 5446, оп. 9, д. 985, л. 7.

[90] Там же.

[91] *Д. А. Степанов.* Увеличивает ли рационализация безработицу. М.— Л., 1929. стр. 14—17.

В целом по СССР, как это было показано выше, численность рабочих и служащих в первые годы индустриализации значительно возросла. В этом-то и заключалось основное отличие социалистической рационализации от капиталистической. И если рационализация и оказывала какое-то влияние на состояние безработицы, то это влияние было минимальным.

Необходимо особо подчеркнуть, что рост численности безработных в начальный период реконструкции объяснялся другими причинами, из которых одной из главных по-прежнему оставалось аграрное перенаселение страны. Как и раньше, сельское население уходило в города. Крестьяне вначале устраивались на сезонные работы, а потом различными путями пытались устроиться на фабрики и заводы. Несмотря на то что биржи труда не брали на учет крестьян, впервые предлагавших свой труд, последние все же находили разные пути для регистрации на биржах. За 9 месяцев 1927/28 г. из 3 млн. безработных, учтенных биржами труда, 630 тыс. человек прибыли из сельских местностей, т. е. примерно одна четверть [92]. Всего же ушло на заработки из сел: в 1925/26 г.— 3,3 млн. человек (против 2,8 в 1924/25 г.); в 1926/27 г.— 3,8 млн. человек [93]; в 1927/28 г. насчитывалось уже почти 4 млн. сезонников [94].

Конечно, многие крестьяне-сезонники по окончании временных работ возвращались назад в деревню. Однако значительная часть из них закреплялась в городах на любых работах. Одной из важнейших причин миграции сельского населения в город являлся более высокий жизненный уровень городских жителей. Кроме того, в 1928 г. во многих областях СССР был неурожай, и крестьяне-сезонники, еще помнившие тяжелые последствия голода 1921 г., боялись возвращаться в деревни.

На рост безработицы среди лиц интеллектуального труда существенное влияние оказало проведенное в 1927—1928 гг. сокращение государственного аппарата. Само по себе это было весьма прогрессивное явление, но в то же время оно оставило без работы многих служащих, которые и пополнили списки бирж труда.

Следует также учесть, что в 1928 г. ВЦСПС принял постановление об обязательной регистрации членов профсоюза на биржах труда, независимо от того, нуждались они в данное время в работе или нет. Это также значительно увеличило численность людей, зарегистрированных на биржах.

Все эти причины в своей совокупности и определили значительный рост резервной армии труда в городах в первые годы реконструкции народного хозяйства. В отдельные месяцы 1928 г. числен-

---

[92] ЦГАОР СССР, ф. 5515, оп. 15, д. 39, л. 50.

[93] ЦГАОР СССР, ф. 5446, оп. 9, д. 985, л. 8 (по опубликованным данным 3,2 млн. человек, без ЗСФСР, Узб.ССР, Туркм.ССР); «Отход сельского населения на заработки в СССР 1926/27 г.». М., 1929, стр. 10.

[94] *Б. Л. Маркус.* Труд в социалистическом обществе. М., 1939, стр. 153.

ность безработных доходила до 1,5—1,7 млн. человек. Эта цифра, конечно, исключительно высока (примерно 13—14% к общему числу занятых рабочих и служащих в народном хозяйстве). Однако несмотря на ее официальный характер, она не совсем точно отражала суть дела.

Впервые на преувеличение цифр по безработице в этот период обратил внимание Б. Л. Маркус. Он писал: «Нельзя, однако, сказать, что эти официальные цифры Наркомтруда правильно отражают состояние безработицы. Введенная ВЦСПС обязательная регистрация неработающих членов профсоюзов на биржах труда привела к засорению каталогов бирж труда, так как они стали числить у себя в числе безработных тех сезонников, которые бо́льшую часть года были заняты в сельском хозяйстве и не искали постоянной работы, но которые вместе с тем не имели намерения покидать ряды профсоюзов. Это обстоятельство искажает картину и сильно затрудняет выяснение цифры подлинной безработицы в эти годы» [95]. Сравнивая данные бирж труда с материалами Всесоюзной переписи 1926 г., Б. Л. Маркус пришел к выводу, что цифры бирж труда были преувеличены на одну треть.

Можно согласиться с этими выводами Б. Л. Маркуса. Многочисленные материалы обследований бирж труда показывали, что в каталогах бирж числилось значительное количество фиктивных безработных. Такие безработные либо не являлись на повторную регистрацию, либо отказывались от предложенной им работы [96].

Не снимались же они с учета бирж труда по различным соображениям, в том числе: возможность получения пособия по безработице, сохранение трудового и профсоюзного стажа, предоставление всевозможных бытовых льгот (снижение платы за квартиру и коммунальные услуги, на транспорт и т. д.). Инструктор НКТ СССР, обследовавший ряд бирж труда Сибири, писал в своем отчете: «Случаи отказов от предлагаемой работы сплошь и рядом. Зачастую наблюдается, что безработные приходят отмечаться и, не спрашивая работы, стараются поскорее уйти... Все это дает основание думать, что часть безработных зарегистрировалась, вероятно, для того, чтобы только лишь получить льготы, предоставляемые безработным» [97]. Другой инструктор, изучавший состав безработных Барнаульской и Бийской бирж труда, привел такие данные: из 200 человек, явившихся на проверку, имели свои дома или квартиры — 31%, коров — 16%, лошадей — 4%. «Процент действительно нуждающегося элемента — неимущего — 10% от всех

---

[95] Там же, стр. 150—151.

[96] Эти материалы хранятся в фондах Наркомтруда СССР. См., например, материалы обследования Нижегородской биржи труда, проведенного в мае 1928 г. инструкторами НКТ СССР (ЦГАОР СССР, ф. 5515, оп. 24, д. 218, л. 6). Такие же материалы хранятся и в местных архивах. См. ГАНО, ф. 532, оп. 1, д. 1481, л. 114 и др.

[97] ГАНО, ф. 532, оп. 1, д. 1481, л. 83.

безработных, а вся остальная масса является так или иначе связанной с известным имущественным цензом»[98].

Помимо приведенных выше данных, которые сами по себе весьма характерны, показывая, что в среднем до 30% и более безработных в работе не нуждались, мы располагаем также обобщающими сведениями ВЦСПС, который провел обследование безработных — членов профсоюзов в ноябре 1927 г.[99] Это обследование выявило 10—15% «мертвых душ», совсем не явившихся на регистрацию. Примерно столько же отказалось от предложенной работы. Обследование ВЦСПС показало, что среди фиктивных безработных имелось значительное число лиц, имевших квалифицированные профессии, на которые промышленность предъявляла большой спрос, например электромонтеры, слесари-сборщики, разметчики-наметчики. Некоторые из них не работали до 1,5 года. По этому поводу Госплан СССР писал: «Если эти категории рабочих остаются такой длительный срок безработными, очевидно, они имеют удовлетворяющие их источники дохода и не ищут труда по найму»[100]. С таким выводом Госплана следует согласиться, что подтверждается также следующими данными обследования ВЦСПС: в общей массе семейных безработных, составляющих 80% всех безработных, 16% приходилось на семьи, имевшие доходы в размере 20—30 руб. и выше на члена семьи. По некоторым индустриальным профсоюзам их насчитывалось до 20—30%. Иначе говоря, $^1/_6$—$^1/_7$ всех безработных материально были обеспечены не хуже, а иногда и лучше работавших (по данным бюджетных обследований 1926/27 г., доход работавшего члена семьи в среднем составлял 21—22 руб. в месяц)[101].

Итак, перепись безработных — членов профсоюзов, проведенная ВЦСПС, показала еще раз, что среди безработных было значительное число «мертвых душ», а также материально обеспеченных не нуждавшихся в работе.

Тем не менее, даже если признать преувеличенными официальные цифры по безработице, все же следует сказать о ее больших размерах накануне первой пятилетки — более 1 млн. человек[102], о чем говорят данные табл. 7.

Таблица показывает, что в течение всего периода 1926—1928 гг. примерно половина всех безработных не имела никакой профессии и квалификации, а более четверти всего состава городской резервной армии труда вообще не работало ранее по найму, т. е. впервые предлагало свой труд.

---

[98] ГАНО, ф. 532, оп. 1, д. 1481, л. 114.
[99] ЦГАНХ СССР, ф. 4372, оп. 26, д. 182, лл. 40—43.
[100] Там же, л. 41.
[101] Там же, л. 43.
[102] Примерно такую же цифру называл Госплан СССР, который писал: «По данным наших балансовых расчетов, избыточное количество труда в работоспособном возрасте (16—59 лет) составляет в 1927/28 г. 1,1 млн. человек».— ЦГАНХ СССР, ф. 4372, оп. 26, д. 182. л. 44.

Таблица 7*

Динамика безработицы по данным 281 биржи труда СССР (в тыс. человек)**

Категория безработных	1926 г.	1927 г.		1928 г.	
	1 окт.	1 апр.	1 окт.	1 апр.	1 окт.
Всего безработных	1070,8	1477,9	1041,2	1576,4	1364,6
Из них:					
Работавших ранее по найму	706,6	1055,8	811,4	1274,4	1015,3
Не работавших ранее по найму	364,2	422,1	229,8	302,0	349,3
Женщин всего	519,8	647,3	486,9	622,0	642,3
Членов профсоюза всего	514,7	795,3	652,2	1078,6	832,1
Подростков обоего пола всего	144,1	163,3	168,6	197,4	240,3
Из общего количества:					
Индустриальные (без неквалифицированных)	182,3	239,0	164,5	226,2	206,5
Строители (с неквалифицированными)	41,3	125,8	62,5	208,0	89,3
Интеллектуальный труд	210,5	283,8	261,7	352,1	317,8
Неквалифицированный труд Всего	586,1	758,1	508,4	742,6	696,1

* «Труд в СССР. Справочник 1926—1930», стр. 36.

** Данные приведены в полном соответствии с первоисточником (*Л. Р.*).

Что же представляла собой другая половина резервной армии труда? Приведенные в таблице данные свидетельствуют, что накануне первой пятилетки индустриальная группа составляла 15,2% к общему составу безработных, причем за первые годы индустриализации и этот сравнительно небольшой процент сократился с 17% в 1926 г. до 15,8% в 1927 г. и 15,2% в 1928 г. Следовательно, как и прежде, безработица в СССР не носила индустриального характера. Более того, в связи с индустриализацией СССР все более проявлялась тенденция к сокращению именно индустриальной группы безработных. Опасения некоторых скептиков, что рационализация производства вызовет рост безработицы среди промышленных рабочих, не подтвердились. Несмотря на незначительное увеличение индустриальной группы в течение 1926—1928 гг., ее удельный вес в общем составе безработных существенно сократился уже в те годы [103].

Данные табл. 7 показывают, что в каталогах бирж труда числилось совсем немного строителей (6,1% ко всему составу безработных накануне пятилетки). Правда, по этим же данным, рост

[103] О неиндустриальном характере безработицы в СССР много писали в 20—30-е годы (см. работы Я. И. Гиндина, Б. Л. Маркуса, М. М. Романова, И. А. Толстопятова, В. В. Шмидта и др.) и в наше время (см., например, статьи К. И. Суворова, А. С. Сычевой и др.).

резервной армии строителей был наиболее существенным — численность безработных строителей с 1926 по 1928 г. выросла в 2 раза. Это можно объяснить тем, что по этой группе учет велся без разделения на квалифицированных и неквалифицированных рабочих, а именно последние дали наиболее существенное увеличение в первые годы реконструкции народного хозяйства страны. Что же касалось квалифицированных профессий, то их не хватало уже в тот период.

Вместе с тем таблица показывает, что накануне первой пятилетки в каталогах бирж труда числилась довольно значительная группа лиц интеллектуального труда: работников просвещения, здравоохранения, искусства, инженерно-технических работников, а также советских служащих, уволенных из государственного аппарата. Причем, по тем же данным, эта категория безработных росла не только сравнительно более быстрыми темпами, чем вся резервная армия труда (в течение 1926—1928 гг. группа интеллектуального труда выросла в 1,5 раза), но и увеличивала свой удельный вес в общем составе безработных (с $^1/_6$ в 1926 г. до $^1/_4$ в 1928 г.). Такое резкое увеличение произошло в результате сокращения служащих госаппарата, о чем говорилось выше.

Таблица дает представление и о половом и возрастном составе лиц, зарегистрированных биржами труда. Немногим меньше половины их составляли женщины и около 15% — подростки. Эти данные свидетельствуют о том, что основные кормильцы семьи — мужчины — были обеспечены работой.

Рассмотрим теперь сведения о географии размещения безработицы. На 1 октября 1928 г. городская резервная армия труда в основном была сосредоточена в Российской Федерации (72,4% всех зарегистрированных безработных) и на Украине (18,4%). В остальных республиках безработных было немного (от 0,4% до 3,8% к их общей численности) [104]. Такое распределение безработных соответствовало числу рабочих в этих республиках. Наибольшей остроты безработица достигла в Центрально-промышленном районе (включая Москву) — (32,8%) и Северо-Западном районе (вместе с Ленинградом) — (11,3%). Москва и Ленинград являлись основными центрами безработицы. На Урале и в Сибири число безработных составляло примерно 2,2% от их общего количества. Такое распределение безработных во второй половине 20-х годов остро поставило вопрос о необходимости миграции рабочей силы в восточные районы страны.

Приведем данные о длительности безработицы. Об этом, а также о зависимости ее продолжительности от пола безработного в первые годы реконструкции дают представление следующие сведения на 1927/28 г. (в % к общему числу безработных) [105]:

---

[104] ЦГАОР СССР, ф. 5515, оп. 15, д. 39, л. 58.
[105] ЦГАНХ СССР, ф. 4372, оп. 26, д. 182, л. 41.

Безработные	от 1 до 6 мес.	от 6 до 12 мес.	от 1 года до 2 лет	свыше 2 лет
Мужчины	68,0	16,0	11,5	4,5
Женщины	46,3	16,6	19,5	17,6
Обоего пола	58,0	16,2	15,2	10,6

Эти данные говорят о том, что среди безработных мужчин группа не имевших работу 1—2 года и свыше 2 лет составляла 16%, а среди женщин достигала 37%, т. е. более $^1/_3$ всего количества безработных женщин.

Бóльшая продолжительность безработицы среди женщин по сравнению с мужской безработицей подтверждается и другими данными: при средней длительности безработицы для обоих полов в 9,1 месяца среди женщин она достигала 12,4 месяца, а среди мужчин — 6,3 месяца [106].

Изменения в численности и составе безработных, происходившие в 1926—1928 гг. по стране в целом, были характерны и для отдельных экономических районов страны. Рассмотрим данные по Сибирскому краю, которые были составлены Сибирским отделом труда по сведениям всех бирж труда Сибири [107]:

Периоды	Всего безработных		В общем числе безработных находится в (%)			
	В абсолютных цифрах	В % к 1 окт. 1926 г.	Мужчин	Женщин	Членов профсоюзов	Подростков
1926 г. 1 окт.	27565	100,0	46,2	53,8	61,1	9,2
1927 г. 1 янв.	37717	136,8	59,0	41,0	70,0	8,2
1 апр.	42972	155,5	52,2	40,8	69,0	7,4
1 июля	28283	102,5	53,9	46,1	71,0	11,2
1 окт.	28010	101,5	47,8	52,2	76,2	9,5
1928 г. 1 янв.	42289	153,4	60,5	39,5	82,4	7,2
1 апр.	50798	184,2	61,3	38,7	78,5	8,2
1 июля	38160	138,4	55,4	44,6	70,2	10,8
1 окт.	26869	97,4	46,7	53,3	72,7	11,7

Приведенные цифры показывают, что динамика безработицы в Сибири характеризовалась в силу указанных выше причин резкой сменой двух периодов: возрастанием числа безработных в осенне-зимние месяцы и резким уменьшением численности лиц, регистрировавшихся на биржах труда в поисках работы в летний период. Наибольшие размеры безработица в Сибири (как и в целом по всей стране) имела в марте 1928 г., когда ее численность достигла более 50 тыс. человек, против 27,5 тыс. на 1 октября 1926 г. Летом 1928 г. численность безработных резко упала — примерно до 27 тыс., т. е. почти подошла к исходному рубежу.

[106] Там же.
[107] ПАНО, ф. 188, оп. 1, д. 456, л. 141.

В Сибири, как в СССР в целом, более половины безработных было мужчин, подростки составляли 10—12% от всех лиц, состоявших на учете бирж труда.

По профессии и квалификации картина была также весьма типичной: бóльшая часть безработных представляла собой людей, впервые предлагавших свой труд или без определённой профессии и квалификации. В каталогах бирж труда числилась значительная группа служащих (примерно 9—10 тыс. в 1928 г.), а индустриальных рабочих было сравнительно немного (металлистов 1282, текстильщиков —411, горнорабочих —133 и т. д.) [108]

Таким образом, накануне первой пятилетки в Сибири, как и по всей стране, безработица сохранялась, но по своему характеру (неиндустриальная и временная) она резко отличалась от безработицы в капиталистических странах. По данным всех бирж труда Сибири, спрос на рабочую силу в течение 1926—1928 гг. возрос примерно в 3 раза, что свидетельствовало о растущих возможностях сокращения резервной армии труда.

В начальные годы реконструкции народного хозяйства безработица продолжала еще оставаться серьезной проблемой Советского государства. Однако уже опыт первых лет индустриализации подтвердил правильность выработанного В. И. Лениным и партией курса на социалистическое строительство и ликвидацию безработицы в СССР. Полное исчезновение резервной армии труда могло произойти лишь в ходе развернутого строительства социализма. Форсированные темпы социалистической индустриализации страны, сплошная коллективизация сельского хозяйства и развертывание культурного строительства создавали реальную возможность решения проблемы ликвидации безработицы.

---

[108] Данные на 1 октября 1928 г.— ПАНО, ф. 188, оп. 1, д. 456, л. 142.

Часть II

РЕШАЮЩИЙ ЭТАП ЛИКВИДАЦИИ БЕЗРАБОТИЦЫ В СССР

Глава четвертая

ПЕРВЫЙ ПЯТИЛЕТНИЙ ПЛАН РАЗВИТИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И ЗАДАЧИ ЛИКВИДАЦИИ БЕЗРАБОТИЦЫ

Разработка и принятие первой пятилетки. Борьба партии с оппозицией по вопросам безработицы

Программа развернутого строительства социализма в СССР была конкретно разработана в первом пятилетнем плане развития народного хозяйства.

Директивы по составлению первой пятилетки были даны XV съездом партии в декабре 1927 г. Съезд указал, что основной задачей пятилетки является создание фундамента социалистической экономики — систематическое повышение удельного веса социалистического сектора в промышленности, торговле и сельском хозяйстве. В Директивах огромное значение уделялось проведению социалистической индустриализации, обеспечению преимущественного развития тяжелой индустрии. За годы пятилетки СССР должен был превратиться в индустриальную державу. В области развития сельского хозяйства был принят курс на коллективизацию советской деревни. Большие задачи были поставлены партией по культурному строительству. Директивы требовали комплексного решения всех основных народнохозяйственных задач, согласования по времени сроков всех социалистических преобразований.

XV съезд уделил значительное внимание вопросу безработицы. Перечисляя трудности, стоявшие на пути хозяйственного строительства, съезд указал на существовавшую в то время диспропорцию между количеством рабочих рук в деревне и реальной возможностью их использования. Аграрное перенаселение и связанная с ним безработица в городах были отнесены к числу серьезнейших трудностей, которые необходимо было учитывать при составлении пятилетнего народнохозяйственного плана.

Съезд определил пути ликвидации безработицы: решительный курс на индустриализацию страны, на интенсификацию и коллективизацию сельского хозяйства. «Только этот путь,— отмечалось в решениях съезда,— ведущий хозяйство не по линии наименьшего сопротивления, а по линии преодоления величайших трудностей, обеспечивает установление более или менее гармонического соотношения между городом и деревней, систематическое изживание недостатка в промышленных товарах, рассасывание «излишних» рабочих рук на основе непрерывного подъема производительных сил страны, повышения удельного веса социалистического хозяйственного сектора и постоянно улучшающегося благосостояния

широких масс пролетариата и трудящегося крестьянства. Ибо развитие трудоемких культур в деревне, интенсификация и индустриализация сельского хозяйства неизбежно будут поглощать растущее количество рабочих рук, тогда как расширяющаяся индустрия, особенно на основе уменьшаемого рабочего дня и введения большего количества смен, будет более быстро рассасывать безработицу в городах» [1].

В Директивах по составлению первого пятилетнего плана были намечены меры экономического воздействия на безработицу: быстрое развитие промышленности, сокращение рабочего дня до семи часов, форсированное развитие трудоемких культур в сельском хозяйстве, проведение работ по землеустройству, переселенческие мероприятия, курс на социалистическое преобразование деревни и т. д., т. е. все то, что влекло за собой увеличение спроса на рабочую силу. Кроме того, намеченные в Директивах мероприятия по повышению культурного уровня трудящихся (всеобщее обучение, ликвидация неграмотности, массовое профтехническое образование и т. п.) и подготовка квалифицированных специалистов и научных работников также должны были сыграть существенную роль в сокращении резервной армии труда.

Выработанные XV съездом меры борьбы с безработицей были направлены прежде всего против причин, ее порождавших. Значение этой программы состояло в том, что она подрубала корни самой безработицы, создавала реальную возможность полной ликвидации безработицы в СССР.

План, разработанный XV съездом партии в области борьбы с безработицей, подвергся резким нападкам со стороны оппозиции, которая пыталась провести свою линию при оценке характера, причин и путей изживания безработицы. Причем критика исходила как слева, так и справа. Троцкисты — Шляпников, Сапронов, Пятаков и другие — открыто выступили накануне XV съезда. Еще на июльском Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) Пятаков прямо заявил, что рост безработицы является показателем кризисного состояния советского хозяйства. В своих контртезисах к XV съезду партии оппозиция, извращая положение, в котором, по их мнению, находился рабочий класс вследствие рационализации производства, предсказывала в ближайшем будущем увеличение безработицы до 3 млн. человек. Причины безработицы заключались, по мнению оппозиционеров, в низких темпах индустриализации. Они считали, что безработицей были поражены коренные кадры промышленных рабочих. Сапронов вопреки фактам утверждал, что расходы на борьбу с безработицей уменьшались из года в год. Троцкисты видели путь к сокращению безработицы в еще бо́льшем усилении напряженных темпов индустриализации. Оппозиционеры предлагали также увеличить налоги на крестьян.

[1] «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», т. IV. М., 1970, стр. 37.

Группа Кондратьева, отражавшая взгляды правобуржуазных течений, нападала на установки партии с другой стороны. Эта группа пыталась доказать, что проведение индустриализации ускоренными темпами и улучшение материального положения рабочего класса увеличат разрыв между уровнем дохода рабочих и крестьян и тем самым вызовут усиление отхода крестьянского населения в город. План этой группы, который должен был якобы сократить безработицу, в конечном счете сводился к тому, чтобы создать, с одной стороны, в деревне экономические и политические условия для капиталистического развития сельского хозяйства, а с другой — уменьшить заработную плату рабочим. Следовательно, кондратьевцы предлагали ликвидировать безработицу за счет развития кулацких хозяйств и ухудшения положения рабочего класса. В противоположность троцкистам они писали, что помощь безработным следует сократить. Полемика с левыми и правыми велась в печати (в газетах «Правда», «Труд» и журналах «Социалистический вестник», «Экономическое обозрение», «Вопросы труда», «Финансы и народное хозяйство» и др.).

Видные работники Наркомтруда и Госплана СССР, крупные экономисты того времени С. Г. Струмилин, Б. Л. Маркус, С. Елин и другие, полемизируя с левыми и правыми оппозиционерами, приводили убедительные доводы против тезисов своих оппонентов. Опираясь на данные Госплана и НКТ СССР, они доказывали, что рост безработицы в СССР проходил одновременно с увеличением численности рабочего класса. В Советской стране социалистическая рационализация проводилась не на фоне вытеснения или, как выражалась оппозиция, «выплескивания» рабочих, а на фоне консолидации и собирания сил рабочего класса.

Опровергая заявление оппозиции, что безработица охватила в основном индустриальные кадры, Б. Л. Маркус привел следующие данные НКТ СССР: на 1 июля 1927 г. из всех зарегистрированных на биржах труда 43,8% составляли женщины, 13,2% — подростки. Весьма характерным было и то, что среди безработных 12,5% прибыли на биржи труда из сельской местности, 23,2% впервые предлагали труд, $^1/_5$ — это группа служащих, половина которых не имела квалификации, и только 16,5% представляли собой группу индустриального труда, из нее 10,4% — квалифицированные кадры и 6,1% — полуквалифицированные [2]. Следовательно, среди безработных индустриальная группа составляла всего лишь $^1/_6$.

В других своих работах Б. Л. Маркус привел данные, опровергавшие заявления левых о сокращении якобы размеров помощи безработным. С 1925 по 1927 г. ассигнования на безработицу возросли почти в 2 раза [3]. Причем пособия квалифицированным

---

[2] *Б. Л. Маркус.* Вопросы труда и оппозиция.— «Вопросы труда», 1927, № 11, стр. 11.

[3] *Б. Л. Маркус.* Вопросы труда в решениях XV съезда ВКП(б).— «Вопросы труда», 1928, № 1, стр. 29.

рабочим, оставшимся без работы, достигали 17 руб. против 13,3 руб. (среднего размера пособия). И здесь политика партии и правительства отвечала прежде всего интересам кадровых рабочих.

Достойную отповедь получили и правые. К чему могла привести их политика укрепления кулацких хозяйств? В конечном счете она усилила бы расслоение крестьянства и увеличила аграрное перенаселение. Выброшенная из сельского хозяйства рабочая сила устремилась бы в город, увеличивая ряды безработных. Критикуя предложения правых, газета «Труд» писала: «Такая политика, выталкивая из хозяйств новые сотни тысяч рабочих рук, привела бы в лучшем случае к обатрачиванию лишь десятков тысяч. Остальные же вынуждены были бы оседать на рынке труда, увеличивая городскую безработицу и воспроизводя в расширенном виде аграрное перенаселение в нашей стране» [4].

Убедительные данные, опровергавшие утверждения оппозиции о безработице как кризисном явлении советского хозяйства, привел С. Елин. Он пользовался материалами обследования, проведенного ЦК профсоюза металлистов в 1927 г. По данным этого обследования, среди застойной группы безработных (свыше 1 — 1,5 года) 75% составляли женщины, из них 36% — в возрасте свыше 40 лет; 59% — жили на средства родственников, в том числе 37% — на средства мужей [5]. Таким образом, и эти сведения также свидетельствовали о том, что безработица не распространялась на основные индустриальные кадры. Совершенно справедливо писал С. Елин, что безработица — не кризисное явление, когда свертывание промышленности увеличивает ряды индустриальных безработных, а результат главным образом аграрного перенаселения.

Опровергая прогнозы оппозиции о дальнейшем росте безработицы, С. Г. Струмилин, анализируя различные статистические источники, пришел к выводу, что уже в самом начале пятилетки (1928/29 г.) произойдет существенное сокращение безработицы, и в конце 20-х — начале 30-х годов советская промышленность будет испытывать затруднения не от избытка, а от нехватки рабочей силы [6].

Полемика с левыми и правыми оппозиционерами показала, что все заявления оппозиции относительно безработицы являлись по существу сплошной демагогией, рассчитанной на подрыв доверия безработных и всего рабочего класса к Советской власти. Их точка зрения на источники, характер и причины безработицы были в корне неправильны. Отсюда неверным было и их прогнозирование дальнейших судеб безработных и путей ликвидации безработицы в Советской стране.

[4] «Труд», 3 апреля 1929 г.
[5] *С. Елин.* Оппозиция и вопросы безработицы.— «Труд», 1 декабря 1927 г.
[6] *С. Г. Струмилин.* Перспективы труда в СССР.— «Вестник труда», 1926, № 5, стр. 55.

Госплан СССР и Народный комиссариат труда СССР в основу разработки пятилетки по труду положили решения XV съезда партии. В Наркомате труда СССР пятилетка составлялась в двух отделах — плановом бюро (плановое управление) и отделе рынка труда. Затем подготовленные варианты рассматривались на коллегии НКТ и, если она их утверждала, пересылались в сектор труда и быта Госплана. Следует отметить, что наиболее радикальное решение проблемы безработицы было предложено в Госплане. НКТ СССР проводил более осторожную политику. Здесь сказывалось некоторое влияние правых. Их «теорию» застойной безработицы отстаивал Б. Спектор. Он писал: «Мы имеем застойную безработицу ... в течение пятилетия мы сумеем свести количество безработных к нормально необходимому для народного хозяйства резерву рабочей силы» [7]. Б. Спектор пытался доказать, что к концу пятилетия количество безработных возрастет до 2,3 млн. человек.

Этот прогноз был отвергнут Наркоматом труда. Однако выработанные им проектировки хотя в целом и отвечали установкам XV съезда партии, были явно занижены. Вначале НКТ СССР намечал стабильность безработицы (по абсолютным размерам безработица в 1932/33 г. должна была составить 96,3% от уровня 1927/28 г.) [8]. В дальнейшем, учтя доводы Госплана СССР о сокращении в течение пятилетия размеров аграрного перенаселения, роста занятой рабочей силы в строительстве, промышленности и социально-культурном секторе, Наркомтруд счел возможным наметить в пятилетнем плане сокращение абсолютных размеров безработицы на 20% [9]. Причем Наркомтруд считал, что в годы пятилетки безработица среди специалистов — инженеров, техников, учителей, медицинских работников — будет изжита полностью. Что же касалось неквалифицированной группы (чернорабочих), то здесь безработица, по мнению Наркомтруда, примет хронический характер [10].

Госплан выступил против этих проектировок Наркомата труда. Он выдвинул свой план: резкое сокращение численности безработных (до 50%), значительное уменьшение всех групп безработных, а не только работников квалифицированного труда. Реализация этого плана означала, что проблема ликвидации безработицы в СССР может быть решена в ближайшее время. НКТ СССР не согласился с этим вариантом. В записке в Госплан «О вопросах труда в пятилетнем плане народного хозяйства на 1928/29 г.— 1932/33 г.», составленной в начале 1929 г., он писал, что «считает

---

[7] *Б. Спектор.* Перспективы борьбы с безработицей в СССР.— «Экономическое обозрение», 1929, № 9, стр. 94.

[8] ЦГАОР СССР, ф. 5515, оп. 1, д. 214, л. 60 об.

[9] Там же, д. 227, л. 366.

[10] Там же, оп. 24, д. 187, л. 108—111.

ошибкой планировать возможность ликвидации безработицы в ближайшее пятилетие»[11].

На проектировки Госплана и Наркомтруда СССР определенное влияние оказывали их руководители. Во главе Госплана СССР стоял видный деятель Коммунистической партии, известный ученый-экономист, ближайший друг и соратник Владимира Ильича Ленина Глеб Максимилианович Кржижановский. Это был широко эрудированный в науке и технике человек. Намечая ближайшие перспективы социалистического строительства, Г. М. Кржижановский боролся со всем тем, что мешало строить социализм. Естественно, что ликвидация безработицы — этого извечного спутника капиталистического общества — выдвигалась им на одно из первых мест. Г. М. Кржижановский сплотил в Госплане высококвалифицированных специалистов, которые научно аргументировали важнейшие показатели плана. В проектировках по вопросам труда вообще и ликвидации безработицы в частности Г. М. Кржижановский особенно считался с мнением Станислава Густавовича Струмилина — крупного экономиста-статистика, видного специалиста по вопросам труда. Как уже отмечалось выше, С. Г. Струмилин еще в 1926 г. доказывал возможность резкого сокращения безработицы в конце 20-х годов. Его доводы нашли отражение в проектировках Госплана, который полагал, что благодаря форсированному развитию промышленности и социалистическому преобразованию сельского хозяйства уже в ближайшее пятилетие возникнут реальные условия для ликвидации безработицы в СССР.

Несколько другое положение сложилось в Наркомтруде СССР. В августе 1928 г. Василий Владимирович Шмидт, многолетний нарком труда, был назначен заместителем председателя Совнаркома СССР и СТО. Вместо него наркомом труда был назначен Н. А. Угланов — сторонник правой оппозиции. Его взгляды нашли отражение при решении вопросов безработицы. Как все правые, он считал, что в ближайшие годы невозможно существенно сократить промышленную резервную армию. Угланов придерживался «теории» застойной безработицы, которую пропагандировал Б. Спектор.

Эту позицию Наркомтруда СССР поддерживали в ВЦСПС, который, как известно, в ту пору возглавляли сторонники правой оппозиции М. П. Томский, А. И. Догадов и др. Заведующий тарифно-экономическим отделом Л. И. Гинзбург обвинял Госплан СССР в излишнем оптимизме при определении движения безработицы, критиковал даже отправной вариант плана, намечавший сокращение численности безработных на 25%. Гинзбург считал, что в первом году пятилетки число лиц, зарегистрированных на биржах труда, увеличится на 10—25%. По его мнению, рассасывание безработицы начнется лишь с 1930 г.[12]

---

[11] ЦГАОР СССР, ф. 5515, оп. 1, д. 227, л. 366 об.
[12] ЦГАОР СССР, ф. 374, оп. 1, д. 569, лл. 152—153.

Госплан сумел отстоять и обосновать перед правительством свой вариант. При окончательном утверждении пятилетки по труду были приняты предложения Госплана СССР, намечавшие резкое сокращение числа безработных в городе.

В разработке пятилетнего плана по труду в области борьбы с безработицей приняли активное участие представители национальных республик и промышленных центров страны. С 28 ноября по 1 декабря 1928 г. проходило VII Всесоюзное совещание работников рынка труда, на котором обсуждался доклад заведующего отделом рынка труда НКТ СССР Я. И. Гиндина «Состояние безработицы и перспективы борьбы с ней» [13]. В докладе был сделан глубокий анализ состояния безработицы. С цифрами и фактами в руках докладчик показал, что безработица в Советской стране росла не за счет сокращения объема народного хозяйства и выбрасывания рабочей силы из промышленности, а в результате притока в город сельского населения, а также из-за общего роста народонаселения (подрастания городской молодежи особенно). Кроме того, влияние на безработицу оказывали специфические условия развития Советской страны, связанные с некоторой перегруппировкой неселения и приобщением к труду тех, кто ранее не работал. Я. И. Гиндин привел такие цифры: при общем росте безработицы за год на 32%, индустриальная группа выросла на 20%, строительная — на 50%, группа впервые искавших работу — на 48%, служащих — на 26% и все прочие группы — на 22% [14]. Таким образом, изменение состава безработных проходило в основном так же, как и в предыдущие годы, т. е. вследствие роста числа лиц неквалифицированного труда.

В работе совещания центральное место заняло обсуждение вопросов переобучения безработных. Выступавшие говорили о том, что необходимо готовить из них рабочих дефицитных уже в то время профессий. Многие предлагали увеличить в пятилетнем плане ассигнования на обучение и переквалификацию безработных. В своей резолюции VII Всесоюзное совещание подчеркнуло, что ускоренная подготовка рабочей силы путем обучения и переобучения безработных дала положительные результаты: во-первых, переобучение застойных групп безработных ослабило ее напряженность и, во-вторых, позволило удовлетворить промышленность квалифицированными кадрами [15]. Совещание поручило Наркомтруду СССР развивать и расширять в соответствии с потребностями народного хозяйства ускоренную переподготовку рабочей силы.

В обсуждении пятилетнего плана по труду приняли активное участие профсоюзы. На VIII съезде профсоюзов СССР, состоявшемся 10—24 декабря 1928 г., с докладом от НКТ СССР выступил заместитель наркома И. А. Толстопятов. «Ликвидация безработи-

[13] ЦГАОР СССР, ф. 5515, оп. 24, д. 185, лл. 1—33.
[14] Там же, л. 13.
[15] Там же, д. 265, л. 68.

цы,— подчеркнул он,— является чрезвычайно большой, ответственной и сложной проблемой. Изживание безработицы должно идти в соответствии с темпом роста всего народного хозяйства, в частности с темпом развития промышленности» [16].

В докладе председателя ВСНХ В. В. Куйбышева о пятилетнем плане развития промышленности была дана яркая картина роста советской индустрии в годы пятилетки. На фоне этого доклада становилось ясным, что решение проблемы безработицы — не далекое будущее, а дело уже ближайших лет. На очередь дня выдвигалась задача вовлечения в народное хозяйство всех резервов рабочей силы. На съезде были вновь определены пути преодоления безработицы: форсированное развитие индустрии, переход на 7-часовой рабочий день, проведение ряда мероприятий по смягчению аграрного перенаселения (коллективизация сельского хозяйства, землеустройство, хозяйственная помощь бедноте, развитие промышленности по переработке сельскохозяйственных продуктов и т. д.).

На съезде профсоюзов, как и на VII Всесоюзном совещании работников рынка труда, важное место заняли вопросы обучения и переобучения безработных. И. А. Толстопятов прямо заявил: «Переобучение должно составлять одну из центральных задач борьбы с безработицей» [17]. О необходимости усиления внимания к переподготовке безработных говорили делегаты Украины, Ленинграда и других мест. Отмечая огромную пользу переобучения как для развития народного хозяйства, так и для рассасывания безработицы, они предлагали увеличить в пятилетнем плане ассигнования на этот вид помощи безработным. «В отношении трудовой помощи,— было записано в решениях съезда,— должен быть сделан решительный сдвиг к более рациональной в соответствии с потребностями промышленности переподготовке застойных групп безработных» [18].

Во всех решениях съезда, касавшихся вопросов труда, явственно чувствовалось влияние новой обстановки, возникшей в стране в связи с реконструкцией народного хозяйства и проведением индустриализации. «Съезд считает,— отмечалось в его решениях,— что в обстановке индустриализации страны и реконструкции народного хозяйства должна всемерно возрастать и усиливаться роль НКТ СССР в области планирования и регулирования вопросов труда» [19].

Первый пятилетний план развития народного хозяйства был принят XVI партийной конференцией (апрель 1929 г.) и утвержден V Всесоюзным съездом Советов (май 1929 г.). Докладывая о пятилетнем плане, Г. М. Кржижановский подчеркнул, в частности, что решение проблемы безработицы является чрезвычайно трудной

[16] «Восьмой съезд профсоюзов СССР». Полный стенографический отчет. М., 1929. стр. 324.
[17] Там же.
[18] Там же, стр. 558.
[19] Там же, стр. 555.

задачей, однако уже в годы ближайшего пятилетия ей будет нанесен решающий удар. Благодаря целому ряду социально-экономических мероприятий предполагалось сократить резервную армию труда более чем наполовину [20].

Проблема борьбы с безработицей в пятилетнем плане

В первом пятилетнем плане развития народного хозяйства вопросы труда, в том числе и проблема борьбы с безработицей, нашли свое полное отражение. В первом сводном томе они рассматривались в разделах: «Общая оценка народнохозяйственного уровня СССР», «Проблемы квалифицированных кадров», «Проблемы труда», «Социальная программа плана». Наиболее полно вопросы труда были разработаны во втором томе, вторая часть которого специально была посвящена социальным проблемам, проблемам распределения труда и развития культуры. В разделе «Труд» давалась исчерпывающая характеристика состояния безработицы, намечались темпы ее сокращения в 1928/29 г.— 1932/33 г., рассматривались ожидавшиеся изменения в балансе труда в городах за годы пятилетки, а также планировались ассигнования на борьбу с безработицей (денежные пособия и трудовая помощь). Вопросы труда рассматривались и в третьем томе, где речь шла о порайонном разрезе плана. Здесь имелись отдельные сведения, правда далеко не полные, о проектировках республик и областей по вопросам борьбы с безработицей.

В пятилетнем плане были определены конкретные задания по решению проблемы безработицы. Отмечая, что «проблема городской безработицы является одной из актуальнейших в нашем пятилетнем плане», Госплан СССР подчеркивал трудность ее решения [21]. В течение пятилетия было запланировано сокращение армии безработных с 1,1 млн. человек в 1927/28 г. до 800 тыс. в 1932/33 г. по отправному варианту, и до 500 тыс. по оптимальному варианту. Таким образом, в первом случае безработица сокращалась более чем на 26%, а во втором — на 55%. Такие существенные сдвиги в движении безработицы должны были оказать прямое воздействие на сокращение удельного веса безработных в составе населения СССР. В пятилетнем плане доля безработных среди работоспособного населения снижалась с 6,4% в 1927/28 г. до 3,9% в 1932/33 г. по отправному варианту и 2,4% — по оптимальному. Среди рабочих и служащих удельный вес людей, не имевших работы, понижался с 16,6% в начале пяти-

[20] См. «Шестнадцатая конференция ВКП(б). Апрель 1929 года». Стенографический отчет. М., 1962, стр. 51.

[21] «Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР», т. II, ч. 2. М., 1929, стр. 172.

летки до 9,6% в конце ее по отправному варианту и 5,6% — по оптимальному [22].

Резкое сокращение резервной армии труда, предусматривавшееся первым пятилетним планом, реально подводило советский народ к решению проблемы ликвидации безработицы. В проектировках первого пятилетнего плана как по отправному, так и по оптимальному вариантам намечалась полная ликвидация безработицы среди молодежи. К концу пятилетия число городских подростков (молодежь в возрасте от 18 до 24 лет) по расчетам баланса труда должно было возрасти до 1,3 млн. человек, из которых около 900 тыс. будет обучаться и около 400 тыс. должны быть заняты в производстве (в октябре 1928 г. численность работающих подростков превысила 500 тыс.) [23].

Намечая столь ответственные задачи в области решения проблемы безработицы, Госплан СССР не скрывал трудностей, которые стояли перед советским народом. К началу первой пятилетки население СССР достигло 150 млн. человек. В Советском Союзе число жителей росло значительно быстрее, чем в капиталистических странах Европы. Ежегодный прирост населения за 1926 г. составил: во Франции — 1,3 на 1000 человек, в Англии — 6,4, в Германии — 7,9, в Италии — 10,3, в СССР — 23,0 [24]. Быстрыми темпами росло городское население. С 1925 по 1928 г. ежегодный прирост городских жителей колебался от 4,7 до 6%.

По подсчетам Госплана СССР, в течение пятилетки численность работоспособного населения в городах должна была возрасти на 3,6 млн. по отправному и на 3,9 млн. человек по оптимальному варианту. Если к этим цифрам добавить 1,3 млн. безработных, числившихся на биржах труда в 1928 г., то станет ясным, что трудоустройство резервной армии труда города в 5 млн. с лишним человек было не таким простым делом [25]. Решить эту задачу можно было лишь на основе социалистической индустриализации.

Пятилетним планом предусматривался значительный рост промышленного производства. В целом пятилетний план предусматривал рост всей планируемой промышленности в 2,8 раза, при этом тяжелая индустрия возрастала в 3,3 раза, легкая — в 2,3 раза.

---

[22] «Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР», т. II, ч. 2, стр. 178. Здесь имелась в виду численность рабочих и служащих, занятых в несельскохозяйственных отраслях народного хозяйства.

[23] Там же, т. II, ч. 2, стр. 94.

[24] Там же, стр. 160.

[25] Следует учесть, что, по подсчетам Госплана, всего за пятилетие прирост населения рабочих возрастов в городе и деревне составлял 9 млн. человек. Если к ним прибавить аграрное перенаселение (9 млн. человек) и городских безработных (свыше 1 млн.), то получалась 19-миллионная армия труда, которую необходимо было занять. Задача, конечно, колоссальная, решить которую можно было лишь на базе индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства. См. «Шестнадцатая конференция ВКП(б)». Стенографический отчет, стр. 51.

Среднегодовой прирост промышленной продукции планировался в 20%. За 5 лет производство электроэнергии должно было возрасти в 4,5 раза, добыча угля и нефти — в 2 раза, производство чугуна, стали и проката — в 3 раза; в 3,5 раза увеличивалась продукция машиностроения, большие задачи были поставлены перед химической индустрией и легкой промышленностью. Таких темпов не знала ни одна капиталистическая страна. Даже в США в период наивысшего промышленного подъема (1850—1860 гг.) ежегодный прирост продукции составлял 8,7%, в царской России в годы промышленного подъема среднегодовой прирост не превышал 8%, обычно же он составлял 3—5%.

Пятилетним планом намечалась громадная строительная программа. Планировалось создание 1500 крупных предприятий, в том числе таких гигантов, как Уралмаш, Днепрогэс, Горьковский автомобильный, тракторные заводы в Сталинграде, Харькове, Челябинске, металлургические комбинаты в Магнитогорске, Кузнецке, Днепропетровске, Кривом Роге, Керчи, Краматорский машиностроительный, Березниковский химический и многие другие. В конце пятилетки более трети всей промышленной продукции должны были дать новостройки.

Естественно, такая обширная программа могла быть выполнена лишь при условии значительного увеличения численности рабочего класса. Пятилетним планом предусматривался рост числа рабочих и служащих в народном хозяйстве на 30,2% по отправному и 38,5% по оптимальному варианту. Причем по оптимальному варианту численность рабочей силы в городе увеличивалась быстрее, чем общий рост численности лиц, занятых в народном хозяйстве,— на 39,5%. Среднегодовой прирост рабочей силы в пятилетие определялся в 6%, в то время как в России в годы промышленного подъема перед мировой войной численность пролетариата увеличивалась не более чем на 3—4% в год. Следует также подчеркнуть, что запланированный 6-процентный прирост рабочей силы был меньше, чем в предшествовавшем пятилетии. Намечая такую программу, Госплан СССР исходил из того, что в годы первой пятилетки мощным фактором развития станет рационализация производства и труда, что рост промышленной продукции будет происходить за счет радикальной реконструкции старых предприятий и строительства новых. Отсюда повышенный спрос на строителей (по оптимальному варианту — рост на 200%, по отправному — на 145%) [26].

В абсолютном выражении рост рабочей силы выглядел следующим образом. За пятилетие численность рабочих и служащих во всем народном хозяйстве намечалось увеличить на 2,7 млн. человек по отправному и на 3,4 млн. по оптимальному варианту, в том числе на город приходилось 2 млн. по отправному и

[26] «Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР», т. II, ч. 2, стр. 178.

2,5 млн. человек по оптимальному варианту. В последнем году пятилетки численность рабочей силы должна была достигнуть 15,7 млн. человек во всем народном хозяйстве и 12,6 млн.— в отраслях несельскохозяйственного труда.

Учитывая перспективы роста населения и хозяйственные проектировки, Госплан СССР составил баланс использования рабочей силы в городах, согласно которому безработица в Советской стране оставалась и в годы первой пятилетки. Однако тенденция к ее резкому сокращению была определена в этом балансе со всей категоричностью. «Нам важно выявить,— отмечал Госплан СССР,— тенденцию развития хозяйства в СССР на ближайшее пятилетие: идет ли оно по линии смягчения диспропорции между спросом и предложением *или в* перспективе будет иметь место дальнейшее накопление безработных. Несмотря на всю свою ориентировочность, наш баланс ясно и отчетливо говорит о падении кривой безработицы, выявляя тем самым преимущества развивающегося социалистического хозяйства перед загнивающим капитализмом, плодящим «конъюнктурную и структурную» безработицу»[27].

В пятилетнем плане намечались важные мероприятия в области сельского хозяйства, направленные к смягчению аграрного перенаселения советской деревни и уменьшению отхода сельского населения в города. К этим мероприятиям относилась коллективизация сельского хозяйства, его интенсификация, сближение уровней дохода между городом и деревней и т. д. В программу социалистического преобразования сельского хозяйства входило объединение в колхозы и совхозы 17—20 млн. крестьян (примерно 5—6 млн. единоличных хозяйств). Удельный вес социалистического сектора в сельском хозяйстве должен был возрасти за 5 лет с 2 до 15%. В последнем году пятилетки посевные площади колхозов и совхозов должны были составить 17,5% всей посевной площади СССР. Доля обобществленного сектора в зерновой продукции возрастала до 16%, а в товарной ее части — до 43%. Коллективизация сельского хозяйства являлась важнейшим средством смягчения безработицы в городе и деревне.

Пятилетним планом намечалось огромное культурное строительство. За годы пятилетки значительно возрастала численность учащихся — более чем на 50%. Если раньше многочисленные группы подростков в силу тех или иных причин были вынуждены покидать школы и пополнять ряды рабочего класса, а нередко и ряды безработных, то теперь, по пятилетнему плану, многие из них могли продолжать учебу. Безусловно, это должно было оказать существенное влияние на ликвидацию безработицы среди молодежи. Кроме того, рост числа учащихся определял и увеличение численности педагогического персонала. За годы пятилетки потребность в учительских кадрах в начальной школе возрастала

[27] «Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР», т. II, ч. 2, стр. 180.

в 5 раз, а в средней школе — почти в 3 раза [28]. Мероприятия, намечавшиеся пятилетним планом, по борьбе с неграмотностью, расширению сети клубов, библиотек, изб-читален и других культурных учреждений, требовали тысячи тысяч новых кадров. В проектировках пятилетки предполагался рост кадров культурных учреждений на 34,8% [29]. Планирование высоких темпов социалистической индустриализации и коллективизации сельского хозяйства остро ставило вопрос о специалистах высшей квалификации. Потребность в инженерах за годы пятилетки по плану возрастала более чем в 2 раза [30]. Страна нуждалась также в агрономах, ветеринарах, зоотехниках и других специалистах сельского хозяйства. За годы пятилетки предполагалось значительно расширить контингент учащихся рабфаков, высших и средних специальных учебных заведений. Кроме того, большая программа намечалась в области здравоохранения. Число врачей должно было возрасти на 36%, численность среднего медперсонала увеличивалась на 38% [31]. Конечно, такая возросшая потребность в работниках культуры, бурный процесс формирования советской интеллигенции должен был оказать существенное влияние на ликвидацию безработицы в СССР.

Намечая резкое сокращение безработицы, Госплан СССР в то же время предусматривал в пятилетнем плане увеличение размеров помощи безработным. Общая сумма ассигнований на борьбу с безработицей была определена в 1067 млн. руб., из которых 851 млн. проходил по бюджетам социального страхования, а остальные 216 млн. начислялись как по государственному и местным бюджетам, так и прочим источникам [32].

В общем бюджете социального страхования статья расхода по обеспечению безработных стояла на четвертом месте после статей по обеспечению инвалидов, пособий по временной нетрудоспособности и отчислений на медицинскую помощь. За годы пятилетки ассигнования на помощь безработным увеличивались почти в два раза. В 1932/33 г. безработные по социальному страхованию должны были получить 217 млн. руб. (по оптимальному варианту) [33]. Поскольку в пятилетнем плане предполагалось резкое сокращение резервной армии труда, то, следовательно, значительное расширение ассигнований по безработице было связано с увеличением размеров пособий. В 1927/28 г. безработный получал в среднем 14,1 руб. в месяц [34], а в 1932/33 г.— уже 26 руб. по

---

[28] Там же, стр. 257.
[29] Там же, стр. 178.
[30] Там же, стр. 247.
[31] Там же, стр. 270.
[32] Там же, стр. 181.
[33] Там же, т. I, стр. 100.
[34] По другим исчислениям, до 15 руб.— См. *Л. Немченко.* Наши достижения в области социального страхования к десятой годовщине Октября.— «Вопросы труда», 1927, № 10, стр. 41.

отправному и 30,3 руб. по оптимальному варианту. Таким образом, размер пособия по безработице увеличивался примерно в 2 раза [35]. При этом Советское правительство, исходя из классовых интересов рабочего класса, при определении размера пособий для отдельных категорий безработных намечало существенное различие в пособиях для квалифицированной и неквалифицированной части безработных, так, чтобы размер пособия для квалифицированного безработного равнялся 50% заработной платы квалифицированного рабочего.

В пятилетнем плане нашли также отражение установки партии и правительства на расширение трудовой помощи безработным, на их переобучение и переквалификацию. Из общей суммы ассигнований по социальному страхованию на помощь безработным более трети (308 млн. руб.) планировалось на трудовую помощь: организацию коллективов безработных, переподготовку, переброску их в другие районы и т. д. Если вся сумма ассигнований на борьбу с безработицей должна была возрасти за пятилетие на 60%, то расходы на трудовую помощь увеличивались вдвое. Причем среди статей расхода на трудовую помощь больше всего вырастал расход на переподготовку рабочей силы (120%). Таким образом, пятилетний план, намечая существенное улучшение материально-бытового положения безработных, в то же время обращал главное внимание на проведение мероприятий по искоренению самой безработицы.

Изучение порайонного разреза первого пятилетнего плана позволяет сделать вывод, что в национальных республиках и областях были запланированы меры по искоренению безработицы, примерно такие же, как и в целом по СССР. Несмотря на специфику отдельных республик и районов (на Украине, например, предполагался в течение пятилетки рост численности безработных на 9%, а на Урале — полная ликвидация безработицы [36]), явственно обнаруживалась общая тенденция к резкому сокращению резервной армии труда в годы пятилетки во всех районах и республиках СССР. В каждой районной проектировке плана намечалось значительное увеличение численности рабочих кадров и смягчение аграрного перенаселения. Форсированное индустриальное развитие в отдельных республиках и областях СССР обеспечивало рост занятых рабочих и служащих в промышленности, на транспорте, в строительстве, что резко сокращало индустриальную группу безработных. Социалистическое преобразование сельского хозяйства должно было оказать влияние на уменьшение притока безработных из деревни вследствие интенсификации сельского хозяйства, уменьшения дробности крестьянских хозяйств и роста коллективизации.

---

[35] «Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР», т. II, ч. 2, стр. 196.

[36] Там же, т. III, стр. 117, 185—186.

На Украине предполагалось некоторое увеличение числа безработных (с 351 тыс. до 384,7 тыс. человек). В то же время за годы пятилетки число занятых лиц возрастало с 15,7 млн. до 17,3 млн., т. е. на 10%, а в промышленности с 1,1 млн. до 1,5 млн.— 18%. Суммируя эти данные по Украине, Госплан подчеркивал: «Число безработных в абсолютных цифрах растет, однако темп роста отстает от показателя роста занятых лиц, что говорит о намечающемся процессе смягчения безработицы» [37].

В Белоруссии планировался рост рабочей силы в народном хозяйстве за пятилетие на 50%, причем в промышленности на 95% (в крупной — на 131%), в строительстве — на 70,7%, в области народного просвещения — на 50%. Такие темпы роста рабочих и служащих создавали реальную возможность для резкого сокращения безработицы. Госплан отмечал, что безработица в Белоруссии будет уменьшаться в первую очередь за счет индустриальной группы [38].

По Закавказской Федерации намечалось увеличение количества занятых лиц на 20%. Предполагалось вовлечь в производство более 400 тыс. человек, из которых в крупную промышленность вливалась 51 тыс., где число занятых лиц возрастало на 59%, мелкая промышленность должна была поглотить 38 тыс., строительство — 24 тыс., народное просвещение — 14 тыс. и народное здравоохранение — 10 тыс. человек. Рост занятых людей в сельском хозяйстве (275 тыс. человек) должен был сократить избыток рабочих рук в деревне на 25%. Таким образом, и в ЗСФСР намечалась программа, обеспечивавшая резкое сокращение безработицы в городе и значительное смягчение аграрного перенаселения [39].

Большие запасы трудовых резервов сконцентрировались в Средней Азии. По исчислению Госплана, в 1927 г. общий запас рабочей силы составлял здесь 835 млн. дней, из которых до 30% было не использовано [40]. Однако следует отметить, что в силу сложившихся традиций и особого положения женщин в Туркмении и Узбекистане значительные резервы рабочей силы приходились на долю женского труда (318 млн. дней из 835 млн.) Тем не менее Госплан СССР относил решение проблемы безработицы в Средней Азии к числу труднейших. «При всей той занятости труда,— отмечал он,— которая ожидается к концу пятилетия, проблема безработицы для Средней Азии не теряет своей остроты» [41].

Гораздо более благоприятными были прогнозы для Урала, Сибири и Дальнего Востока. Как отмечалось выше, на Урале планировалась ликвидация безработицы уже в годы пятилетки. Это обеспечивалось сравнительной слабостью аграрного перенасе-

[37] Там же, стр. 117.
[38] Там же, стр. 517.
[39] Там же, стр. 398—399.
[40] Там же, стр. 356.
[41] Там же, стр. 358.

ления в связи с наличием свободных для заселения земель, а также бурными темпами развития промышленности и строительства (за пятилетие намечался рост численности рабочих и служащих в индустрии на 58%, в строительстве — на 102%) [42].

Пятилетний план развития Сибири предусматривал рост промышленных рабочих почти в 2 раза [43]. Конечно, подготовить эти кадры, особенно квалифицированные, Сибирь в то время сама не могла. В плане предусматривалось направление в Сибирь значительного контингента рабочих, инженеров и техников.

Еще острее проблема кадров стояла на Дальнем Востоке. Пятилетний план предусматривал переселение в ДВК 785 тыс. человек, из них 500 тыс. — в сельское хозяйство, 120 тыс. — на промыслы и 45 тыс. человек — в промышленность. За 5 лет численность рабочих и служащих должна была возрасти почти в 2 раза, в том числе в промышленности в 2,5 раза, а в строительстве — в 5,5 раза [44].

Осуществление пятилетних планов национальных республик и областей создавало реальную основу для ликвидации безработицы.

Оценивая в целом задания первого пятилетнего плана в области труда и сокращения безработицы, можно сделать совершенно определенный вывод — намеченная планом широкая программа форсирования промышленного строительства, сплошной коллективизации и огромного культурного строительства должна была привести к резкому сокращению, а затем к полному исчезновению безработицы.

---

[42] «Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР», т. III, стр. 185.
[43] Там же, стр. 257.
[44] Там же, стр. 291.

Глава пятая

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ — ОСНОВА ЛИКВИДАЦИИ БЕЗРАБОТИЦЫ В СССР

Развитие промышленности, строительства и транспорта в первые годы пятилетки

В октябре 1928 г. советский народ приступил к выполнению первого пятилетнего плана. Уже в первом году пятилетки Советское правительство вложило в народное хозяйство 5055 млн. руб. (по сравнению с 3938 млн. в предшествовавший год), из них 2102 млн. руб. пошли в промышленность (в 1927/28 г.— 1679 млн.) и 369 млн.— на электрификацию страны (в 1927/28 г.— 269 млн) [1]. Партия и правительство направили в промышленность и электрификацию почти половину всех капиталовложений. Такое распределение средств при учете аграрного характера Советской страны, выражавшегося в высоком удельном весе сельского хозяйства в народном доходе, равном в 1927/28 г. 44,1%, и при удельном весе цензовой промышленности в 27,6%, а также в распределении населения между городом и деревней (городское население в 1928 г. составляло 17,9% к общему составу населения) [2] ярко свидетельствовало о том, что курс на социалистическую индустриализацию твердо и последовательно проводился в жизнь.

Еще бóльшие средства были отпущены на промышленное строительство во втором году пятилетки. В 1930 г. на развитие промышленности и электрификацию было израсходовано 4207 млн. руб., или на 63% больше, чем в 1929 г. [3]

За два первых года пятилетки капиталовложения в промышленность, строительство и транспорт значительно превзошли проектировки пятилетнего плана. По промышленности это превышение достигло 15,4%, по транспорту — 7,3% [4].

Темпы индустриализации возрастали с каждым годом. За 1928/29 г. рост промышленности превысил расширенный план развития индустрии на 1,4%, составив 23,4% по отношению к 1927/28 г. [5] Во втором году пятилетки объем планируемой промышленной продукции вырос еще больше — на 25%. За два года

---

[1] «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1929/30 год». М., 1930, стр. 23, 454.

[2] «Итоги выполнения первого пятилетнего плана развития народного хозяйства Союза ССР». М., 1933, стр. 13.

[3] «Народнохозяйственный план СССР на 1931 год (контрольные цифры). Доклад Госплана СССР Совету Народных Комиссаров СССР». М.— Л., 1931, стр. 86.

[4] Там же, стр. 3.

[5] «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1929/30 год», стр. 26. По пятилетнему плану намечался рост промышленности на 21,4%.

Таблица 8

Рост производства валовой продукции крупной промышленности *

Виды изделий	1913	1928	1929	1930
Электроэнергия, млн. квтч	**1,9**	**5,09**	**6,39**	**8,23**
Каменный уголь, млн. т	**29,12**	**35,9**	**41,67**	**47,05**
Нефть, млн. т	**9,2**	**12,31**	**14,47**	**18,62**
Чугун, млн. т	**4,2**	**3,37**	**4,34**	**5,00**
Сталь, млн. т	4,23	4,25	4,87	5,79
Прокат, млн. т	3,5	3,52	3,90	4,9
Трактора, шт.	—	1491	4569	12591
Цемент, млн. т	1,52	1,90	2,36	3,11
Минеральные удобрения, тыс. т	**69,0**	**135,0**	**208,0**	**504,0**
Хлопчато-бумажные ткани, млн. м	**2582,0**	**2678,0**	**2996,0**	**2351,0**
Шерстяные ткани, млн. м	**103,0**	**86,8**	**100,6**	**114,5**
Обувь кожаная, млн. пар	**60,0**	**58,0**	**77,0**	**75,4**
Бумага разная, тыс. т	197,0	284,0	385,0	495,0

* Таблица составлена по материалам статистических сборников: „Народное хозяйство СССР", М.—Л., 1932, стр. 6, 9 и „Народное хозяйство СССР". М., 1956, стр. 62—95.

валовая продукция промышленности превысила плановые задания почти на 4%, причем по тяжелой индустрии — на 10,3% [6].

Неуклонно реализовывались установки партии на форсированное развитие производства средств производства, на создание собственной базы развития всех отраслей народного хозяйства. За первые два года пятилетки именно отрасли тяжелой индустрии выросли более всего. Высокие проектировки пятилетнего плана по нефти были превышены на 9,3%, производство тракторов увеличилось сверх плановых заданий на 57,5%, продукция электротехники — на 33,7%, сельскохозяйственного машиностроения — на 9,2% и т. д.

Итоги двух лет пятилетки показали, что СССР быстро идет по пути индустриализации. Это убедительно подтверждается данными, приведенными в табл. 8.

Материалы таблицы показывают, что в первые два года пятилетки темпы развития всех отраслей тяжелой индустрии были гораздо выше, чем в 1928 г. Даже в отставших отраслях (добыча каменного угля, выплавка чугуна, производство электроэнергии) темпы роста были более быстрыми, чем в годы, предшествовавшие пятилетке. Если в 1928 г. Советская страна получила каменного угля и чугуна примерно на 10—12% больше, чем в 1927 г., то в 1929—1930 гг. она уже имела соответствующий годовой прирост в

[6] «Народнохозяйственный план СССР на 1931 г.», стр. 85.

13—29%. То же самое было характерно и для производства электроэнергии. Ее годовой прирост поднялся с 19,9% в 1928 г. до 27,6% в 1929 г. и 28,9% в 1930 г.

Особенно быстро развивались нефтяная и машиностроительная отрасли промышленности, а также те производства, которые были необходимы для капитального строительства: добыча нефти возросла более чем в 2 раза, выпуск тракторов — в 2,5—3 раза, производство цемента — важнейшего строительного материала — почти в 2 раза и т. д.

В натуральном выражении производство всех важнейших видов продукции тяжелой индустрии намного превосходило дореволюционный уровень и уровень 1928 г. В 1930 г. СССР получил каменного угля в 1,6 раза больше, чем в 1913 г., и в 1,4 раза больше, чем в 1928 г., нефти соответственно — в 2 и 1,5 раза, чугуна — в 1,2 и 1,5 раза, стали — в 1,4 и 1,4 раза, проката — в 1,4 и 1,4 раза и т. д.

Как показывают материалы таблицы, легкая промышленность развивалась не столь быстрыми темпами. Однако и здесь наблюдался неизменный рост продукции (за исключением производства хлопчатобумажных тканей и кожаной обуви).

Преимущественное развитие тяжелой индустрии отвечало интересам Советской страны, свидетельствовало о претворении в жизнь курса партии на социалистическую индустриализацию.

Таким образом, анализ материалов табл. 8 позволяет сделать совершенно определенный вывод. В первые два года пятилетки советская промышленность развивалась невиданными ранее темпами, которые позволили реально поставить вопрос о досрочном выполнении заданий пятилетки. По некоторым видам продукции пятилетний план мог быть выполнен в 1931/32 г.

Уже в 1930 г. был достигнут уровень, намеченный отправным вариантом пятилетнего плана по добыче нефти, а к середине 1931 г. завершилась пятилетка нефти по оптимальному варианту [7]. Естественно, что добыча нефти в таких масштабах увеличивала объем работы не только на нефтяных промыслах, но и в производстве по переработке нефтяных продуктов. Росли заводы, вырабатывавшие бензин, керосин, масла, парафин и т. д.

В первые годы пятилетки особенно значительные успехи были достигнуты в области машиностроения: пятилетний план по машиностроению был выполнен за 3 года. Уже в 1931 г. Советский Союз вышел в первые ряды мирового машиностроения, заняв второе место в мире. Доля СССР в мировом машиностроении увеличилась с 4% в 1928 г. до 21,4% в 1931 г. [8] Машиностроительная

[7] По отправному варианту добыча нефти намечалась: в 1932/33 г. 18,5 млн. т, по оптимальному — 20,8. В 1931 г. страна получила 23 млн. т нефти. См. «Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР», т. II, ч. I. М., 1929, стр. 141; «Народное хозяйство СССР», 1932, стр. 7.

[8] «Народное хозяйство СССР в 1963 году». М., 1965, стр. 74; «Итоги выполнения первого пятилетнего плана развития народного хозяйства Союза ССР». М., 1933, стр. 64.

промышленность создавалась почти заново: строились современные предприятия, полностью реконструировались старые. В 1930 г. были пущены такие промышленные гиганты, как Ростовский завод сельскохозяйственных машин, Сталинградский тракторный, Запорожский завод комбайнов «Коммунар», завершалось строительство Саратовского завода комбайнов, полным ходом шло строительство Харьковского тракторного завода, Уральского завода тяжелого машиностроения им. Орджоникидзе (Уралмаша), заводов «Фрезер», «Калибр» и «Шарикоподшипник» в Москве, Горьковского автомобильного завода. Большие успехи были достигнуты ленинградцами. В четырехмесячный срок к апрелю 1930 г. были закончены работы по созданию на Металлическом заводе первой отечественной турбины мощностью в 24 тыс. квт. На «Электросиле» на 5 месяцев раньше намеченного срока был построен крупнейший в мире турбогенераторный корпус. Реконструировалось, а нередко и обновлялось производство на других ленинградских заводах. Машиностроение становилось мощной базой технической реконструкции народного хозяйства и обороны страны.

Огромные строительные работы развернулись и в других отраслях производства. В 1930 г. был пущен Мариупольский металлургический завод, заложена первая доменная печь Магнитогорского металлургического комбината, форсировались работы по производству синтетического каучука, закладывались новые шахты в Донбассе, Кузбассе и Подмосковном угольном бассейне. В глухих, таежных местах росли новые города: Магнитогорск, Хибиногорск, Кузнецк и др. С каждым годом нарастали темпы строительства. Если в первом году пятилетки в строй действовавших вступило 397 предприятий, то в 1930 г.— 690 (для сравнения отметим, что в 1927/28 г. было пущено 250 предприятий) [9].

Быстрыми темпами развивался транспорт. В апреле 1930 г. было закончено строительство Туркестано-Сибирской железной дороги (Турксиб). Сроки строительства Турксиба (менее 4-х лет) превышали темпы строительства железных дорог, достигнутые в США. Несколько железнодорожных линий было проложено на Урале, в частности большое значение имела построенная в 1929 г. железнодорожная магистраль Карталы — Магнитная, связавшая строительство Магнитогорского металлургического комбината с железнодорожной сетью страны.

В первые годы пятилетки использование транспорта проходило значительно интенсивнее, чем это предполагалось пятилетним планом. Грузооборот железных дорог в 1931 г. достиг 244 млн. т — более чем на $^1/_4$ превысив проектировки пятилетки для этого года [10]. Быстрыми темпами развивался также автомобильный и водный транспорт (речной и морской), первые успехи выявились и в развитии военного и гражданского воздушного флота.

[9] «Плановое хозяйство», 1932, № 6—7, стр. 148.
[10] «Народнохозяйственный план СССР на 1931 год», стр. 5.

Итоги промышленного развития страны, достигнутые к концу 20-х — началу 30-х годов, показали, что Советский Союз становился могучей индустриальной державой. Первое в мире государство диктатуры пролетариата успешно создавало материально-техническую базу социализма. Ленинский план социалистической индустриализации успешно претворялся в жизнь. Партия, опираясь на трудовой и политический подъем масс, форсировала темпы социалистического строительства.

Рост численности рабочего класса. Нехватка рабочей силы в 1929—1930 гг.

Бурный рост промышленности, строительства и транспорта потребовал сотен тысяч, миллионов новых рабочих. Растущий размах строительных и реконструктивных работ предъявил спрос прежде всего на строителей: с января по октябрь 1929 г. их численность возросла с 500 тыс. до 1311,2 тыс. человек [11]. Свыше 800 тыс. человек получили работу на стройках, при этом более одной трети из них навсегда связали свою судьбу с рабочим классом. Вчерашние крестьяне-сезонники становились кадровыми строителями. Об этом свидетельствуют следующие данные. В январе 1928 г., т. е. в зимний период, когда на стройках прекращались сезонные работы и оставались лишь кадровые строители, на стройках числилось 425 тыс. человек, в январе 1929 г.— 500 тыс., в январе 1930 г.— 782 тыс. человек. Следовательно, в 1928 г. произошло увеличение постоянных кадров на 75 тыс. человек, а в 1929 г.— на 282 тыс. Таким образом, в первый год пятилетки темп роста кадровых строителей в четыре раза превышал соответствующие показатели предшествовавшего года.

Стройки уже в этот период начали испытывать недостаток в рабочей силе. Поэтому в первом году пятилетки удовлетворение спроса на строительных рабочих было связано с большими трудностями (см. табл. 9).

Приведенные данные показывают, что в самый разгар строительных работ 1929 г. (май — сентябрь) крупнейшие новостройки страны испытывали острую нужду в рабочей силе. В Москве спрос превышал предложения в 5 раз, в Харькове — в 7—8 раз, в Сталинграде — в 2,5 раза и т. д. Такая же картина, хотя и в других численных соотношениях, наблюдалась во многих крупных городах. Например, свыше 20 городов Российской Федерации не были обеспечены строителями. На Украине не менее 7 городов испытывали недостаток в рабочей силе на стройках. В остальных республиках, где строительство разворачивалось хотя и не столь бурными темпами, также начала проявляться тенденция к нехватке рабочей силы.

[11] «Народное хозяйство СССР», 1932, стр. 465.

Таблица 9

Удовлетворение спроса на строительных рабочих в мае—сентябре 1929 г. в крупных центрах строительства (в тыс. человек)*

Город	Май		Июнь		Июль		Август		Сентябрь	
	спрос	предложения	спрос	предложения	спрос	предложения	спрос	предложения	спрос	предложения
Москва	29,7	22,3	28,5	11,1	47,3	6,0	35,3	7,7	30,4	5,9
Иваново-Вознесенск	2,3	0,7	1,8	0,5	1,9	0,3	1,9	0,1	1,0	—
Нижний-Новгород	4,9	4,3	3,9	3,0	7,0	2,2	7,8	2,6	Нет сведений	
Свердловск	7,3	2,3	4,1	2,4	4,4	1,7	Нет сведений		2,2	0,6
Сталинград	3,4	1,7	3,0	0,9	5,5	1,2	5,4	2,0	4,9	1,9
Харьков	8,1	2,7	7,7	1,9	10,7	2,5	9,9	1,2	7,6	0,4

* Таблица составлена по отчетным данным НКТ СССР о рабочих кадрах в строительстве. См. ЦГАОР СССР, ф. 5515, оп. 17, д. 78, л. 113.

В 1929 г. резервы квалифицированных строительных рабочих были исчерпаны. Хотя на биржах труда еще числилось некоторое количество безработных строителей, стройки задыхались от нехватки рабочих. Наркомтруд СССР отмечал, что недостаток в кадрах строительных рабочих начал ощущаться с июня 1929 г., а в четвертом квартале (июль — сентябрь 1929 г.), создалось «чрезвычайно напряженное положение на рынке труда строительных рабочих», возник острый дефицит по целому ряду профессий, особенно каменщиков, плотников, штукатуров и землекопов, в большинстве районов страны [12]. Ввиду необеспеченности строительства рабочей силой Советское правительство вынуждено было пойти по пути удлинения рабочего дня на стройках [13].

Одновременно для обеспечения строительства необходимой рабочей силой Советское государство разработало пятилетнюю программу подготовки строителей [14].

25 декабря 1929 г. Наркомтруд СССР утвердил положение «О порядке подготовки квалифицированных рабочих кадров для строительства», в котором, констатируя «исчерпание городских кадров безработных, могущих быть привлеченными на строительные курсы», выдвинул задачу подготовки строителей за счет выходцев из села. Если раньше органы труда разными средствами стремились сдержать приток рабочей силы из деревни в город, то теперь новая обстановка, размах строительных работ, быстрые тем-

[12] См. «Конъюнктурный обзор по труду за 1928/29 г.» — ЦГАОР СССР, ф. 5515, оп. 1, д. 169, л. 117.
[13] Там же, д. 121, л. 80.
[14] Там же, л. 77.

пы индустриализации изменяли взаимоотношения города с деревней. Перед Советской страной встала задача: перейти от стихийного отходничества крестьян к организованному набору рабочей силы в деревне, прежде всего для строительства. «Стоит задача,— подчеркивал НКТ СССР,— создание городского строительного пролетариата» [15].

Выполнение этой задачи открывало дополнительные возможности для решения проблемы безработицы. Формирование и развитие новой армии рабочего класса — индустриальных строителей — наносило сокрушительный удар не только по безработице в городе, но и по аграрному перенаселению. В 1929 г. определилась новая тенденция в советской экономике — выходцы из деревни уже не пополняли ряды безработных, их ждала работа на индустриальных стройках страны.

Размах строительных работ увеличил потребность во всех строительных материалах, в частности возросли заявки на лесоматериалы. Это, в свою очередь, вызвало увеличение объема работ на лесозаготовках. Людей не хватало и здесь. По данным НКТ СССР, в 1928/29 г. дефицит в рабочей силе на лесозаготовках составил на Урале 41 тыс., а по Карело-Мурманскому району — 72 тыс. человек [16]. В связи с этим Наркомтруд обратился 10 октября 1929 г. в СНК СССР с просьбой увеличить объемы миграции населения, в частности пересмотреть численность переселенцев на Урал (по пятилетнему плану намечалось к переселению 68,8 тыс. человек) и Северный край (по плану — 25 тыс.) [17].

Реконструкция старых и ввод в действие новых предприятий значительно увеличили численность промышленных рабочих. Их число в первом году пятилетки увеличилось на 7,2% к предыдущему году при плановом задании в 3,8% [18]. Конечно, это оказало существенное влияние на сокращение безработицы.

Некоторое увеличение персонала произошло и на транспорте, в частности число занятых на железных дорогах возросло на 0,5%.

В первом году пятилетки число рабочих и служащих в несельскохозяйственном секторе достигло 9533,9 тыс. человек против 8948,5 тыс. в 1927/28 г., т. е. выросло на 6,7% (по плану намечался рост в 4,8%) [19]. Превышение плановых заданий произошло в основном за счет интенсивного роста кадров строительных рабочих. В первом году пятилетки численность этой группы рабочего класса возросла на 19,6% (с 683,8 тыс. до 821,8 тыс. человек), весьма существенно увеличилось и число промышленных рабочих — с 3441,5 до 3677,7 тыс. [20]

---

[15] Там же, оп. 17, д. 78, л. 115.
[16] Там же.
[17] Там же, оп. 1, д. 140, л. 40.
[18] «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1929/30 год», стр. 29.
[19] «Труд в СССР. 1926—1930». Справочник. М., 1930, стр. 1.
[20] ЦГАОР СССР, ф. 5515, оп. 1, д. 69, л. 110. Такие же цифры представил и Госплан СССР (см. «Контрольные цифры по народному хозяйству СССР на

Эти изменения численного состава рабочего класса позволили НКТ СССР в конъюнктурном обзоре по труду за 1928/29 г. сделать следующий вывод: «Истекший хозяйственный год характеризуется дальнейшим интенсивным ростом численности лиц наемного труда в целом, превысившим плановые лимиты: он происходил на фоне стремительного развертывания народного хозяйства, роста его количественных и качественных показателей. Высокий рост численности наемного труда происходил в ведущих отраслях народного хозяйства — обобществленной промышленности и строительстве, причем темпы роста последнего превысили рост численности всего наемного труда» [21].

Если проанализировать изменения в численности рабочих тяжелой и легкой промышленности, то обнаруживается следующая закономерность социалистической индустриализации — темпы роста рабочих тяжелой промышленности значительно превышали темпы роста рабочих в легкой индустрии. В течение 1928/29 г. прирост по группе «А» составил 10,2% против плана в 6,4%, а по группе «Б»— 3,8% против плана в 1,5% [22]. В результате произошло дальнейшее увеличение удельного веса рабочих тяжелой промышленности с 53,5% в 1927/28 г. до 55% в 1928/29 г. Особенно интенсивно росла численность рабочих металлопромышленности (на 12,7% против 6,1% по плану).

Изменения в численности и составе рабочего класса оказали существенное влияние на динамику безработицы. Новые условия производства предъявили спрос на рабочих таких профессий и квалификаций, который не удовлетворялся биржами труда. Проблема квалифицированных рабочих кадров, а также строителей стояла весьма остро.

Во втором году пятилетки в связи с увеличившимся масштабом строительства, реконструкции и пуска новых предприятий потребность в рабочей силе еще более возросла. Нехватка людей стала ощущаться все сильнее. Сводки Наркомтруда о наличии и потребности в рабочих кадрах принимали все более тревожный характер. Почти на всех заседаниях коллегии Наркомтруда СССР и союзных республик обсуждались вопросы об обеспечении народного хозяйства рабочей силой.

Особенно острая ситуация возникла на стройках. Дефицит с рабочей силой, проявившийся еще в 1929 г., нарастал в 1930 г. из месяца в месяц. Даже крупнейшие стройки, находившиеся под непосредственным контролем Советского правительства и Наркомата труда СССР, не были обеспечены рабочей силой. Приведем данные

1929/30 год». М., 1930, стр. 487). В более поздних статистических справочниках приводятся несколько другие цифры: в 1928 г. строителей было 723 тыс., промышленных рабочих — 3087 тыс. а в 1929 г. соответственно — 923 тыс. и 3353 тыс.— См. «Народное хозяйство СССР». М., 1932, стр. XXII—XXIII.

[21] ЦГАОР СССР, ф. 5515, оп. 1, д. 169, л. 110.

[22] «Труд в СССР. 1926—1930», стр. 1.

за первую половину 1929/30 г. по уральским стройкам (Магнитострою, Березникихимстрою, Челябинскому тракторострою, Уралмашстрою, Уралуглю, Уралжелдорстрою и другим менее крупным строительствам). Здесь требовалось 153 433 человека. На работу было принято 95 206 человек, таким образом нехватка рабочей силы составила 58 127 человек. В Сибири для Кузнецкстроя, Сибжелдорстроя и других строек при потребности в рабочей силе в 47 823 человека было вовлечено в строительство 31 094 человека. Всего в Российской Федерации на стройки требовалось 227 тыс. рабочих, а было принято на работу 152 тыс., в том числе по Москве соответственно — 6 208 и 5 375 человек.

Такое же тяжелое положение с кадрами строителей складывалось и в других республиках. На Украине для Днепростроя и Харьковского тракторного завода при потребности в 36 394 строителя нехватка составила 7 241 человек.

Всего по 44 крупным стройкам СССР требовалось 262 995 человека, а было привлечено 180 790, недоставало 82 205 человек [23].

Итак, более 82 тыс. мест ждало строителей, а через месяц эта цифра увеличилась еще более. По данным Наркомтруда СССР на 1 августа 1930 г. по 15 важнейшим стройкам (Магнитострой, Днепрострой, Березники и др.) недостаток в рабочей силе исчислялся в 110 тыс. человек [24].

Об увеличении спроса на строителей и возможностях бирж труда удовлетворить этот спрос свидетельствуют данные за май — июнь 1930 г. [25]

	Спрос	Направлено на работу	% удовлетворения спроса
Май	282 990	244 478	79,4
Июнь	318 772	181 622	56,6
Июль	349 900	121 200	34,6
Август	313 500	92 700	29,5

Таким образом, в разгар строительного сезона органы труда в связи с резким уменьшением предложения труда могли удовлетворить спрос в июле лишь на 34,6%, в августе — на 29,5%.

3 сентября 1930 г. коллегия Наркомтруда СССР приняла решение, в котором отмечалось: «Положение с обеспечением рабочей силой важнейших строек остается по-прежнему напряженным. Такие стройки, как Магнитострой, Челябтракторострой, Автострой (Н. Новгород), Березниковский и Бобриковский комбинаты и дру-

[23] Данные взяты из материалов Госплана СССР, составившего справку о причинах недостаточного снабжения рабочей силой промышленности и сезонных отраслей народного хозяйства в 1930 г. См. ЦГАНХ СССР, ф. 4372, оп. 28, д. 86, лл. 37—39.

[24] ЦГАОР СССР, ф. 5515, оп. 15, д. 279, л. 155.

[25] Там же, оп. 1, д. 246, л. 105.

гие, до сих пор имеют в среднем в наличии лишь 60% потребной им рабочей силы» [26].

Наркомтруд, констатировал, что его задания по переброске рабочей силы на крупнейшие стройки не выполнены, потребовал принять срочные меры по переводу рабочих из Москвы, Ленинграда, Иванова и других городов центра на Урал, Кузбасс и Украину. Положение с рабочей силой на строительстве становилось все напряженнее.

Еще в апреле 1930 г. Западно-Сибирский краевой отдел труда сообщал, что если до февраля 1930 г. потребность в строителях удовлетворялась с бирж труда за счет безработных, то позднее пришлось изыскивать другие средства. 15 апреля Сибтруд послал в сельские местности 37 специальных вербовщиков, которые сумели завербовать на стройки более 9 тыс. человек [27]. К таким же мерам стали прибегать и в других краях и областях страны.

Кроме дефицита строительных рабочих, народное хозяйство испытывало острую нужду в кадрах для каменноугольной промышленности, погрузочно-разгрузочных работ на водном и железнодорожном транспорте, лесозаготовок. В 1930 г. потребность в рабочей силе для каменноугольной промышленности была удовлетворена только на 89,3%. 16 июля 1930 г. коллегия НКТ СССР с тревогой отмечала, что огромный недостаток горнорабочих в Донбассе, на Урале и в Сибири ставит под угрозу срыва выполнение производственных планов каменноугольной промышленностью [28]. На Урале в каменноугольной промышленности недоставало примерно трети всех необходимых рабочих. Уральский комсомол провел мобилизацию комсомольцев из Тюмени, Ирбита, Перми, Кургана и других городов на шахты Урала.

Из-за недостатка грузчиков тяжелое положение сложилось на водном и железнодорожном транспорте. Нехватка рабочих рук вела к недовыполнению планов погрузочно-разгрузочных работ. В Северо-Западном бассейне задержалась разгрузка 600 судов и барж, в Ленинграде — 200 , на Волге — 500 и т. д. По данным на середину августа 1930 г., по речным бассейнам РСФСР не хватало 15 тыс. грузчиков. По морфлоту (данные на 1 октября 1930 г.), в портах Ленинграда, Архангельска и Черного моря недоставало 27 тыс. грузчиков, в том числе свыше 7 тыс. для выполнения плана по экспорту хлеба. Аналогичная картина была на железнодорожном транспорте. По данным на 1 сентября 1930 г., здесь требовалось 153 028 грузчиков, а имелось 68 265, т. е. обеспеченность рабочей силой составляла всего 44,6% [29].

Такое же тяжелое положение сложилось на лесозаготовках. По данным Наркомтруда СССР, в 1930 г. для лесозаготовительных

---

[26] ЦГАОР СССР, ф. 5515, оп. 1, д. 211, л. 61.
[27] «История индустриализации Западной Сибири (1926—1941 гг.)». Документы и материалы. Новосибирск, 1967, стр. 158.
[28] ЦГАОР СССР, ф. 5515, оп. 1, д. 214, л. 19.
[29] ЦГАНХ СССР, ф. 4372, оп. 28, д. 86, лл. 37—38.

работ требовалось 964 тыс. пеших и 1109 тыс. конных рабочих, т. е. более 2 млн. человек [30]. Эти потребности полностью не обеспечивались. Для лесосплава, например, потребность в рабочей силе на протяжении почти всех месяцев летнего сезона 1930 г. удовлетворялась наполовину. В мае 1930 г. заявки на рабочих были выполнены на 70,5%, в июне — на 58%, в июле — на 55%, в августе — на 46,2%, в сентябре — на 42,9%. Из-за дефицита рабочей силы производственные задания по лесосплаву были недовыполнены. Наркомат труда СССР подчеркивал: «Одной из главных причин недовыполнения программы сплава, и в особенности выгрузки, является острый недостаток рабочей силы» [31].

Напряженная ситуация сложилась в торфяной промышленности: из-за нехватки рабочих план был недовыполнен на 25%. Особенно остро это проявилось на Украине (план был выполнен на 55%) и Урале (на 60%) [32]. В 1930 г. резко увеличилась текучесть рабочей силы на торфоразработках. Если принять за 100% контингент рабочих на начало мая 1930 г., то в июне он упал до 87,3%, в августе — до 84,3%, а на 1 сентября сократился до 30,4%. Среди различных причин, обусловивших текучесть рабочей силы в торфяной промышленности, не последнее место занимал общий дефицит рабочей силы. Люди уходили в перспективные отрасли производства с более высокой оплатой труда. Чтобы прекратить текучесть, Союзторф и ЦК горнорабочих предоставили рабочим торфяников ряд льгот: была введена поощрительная система оплаты труда, увеличена заработная плата примерно на 8—10%. Однако эти меры хотя и несколько ослабили текучесть среди рабочих торфяников, прекратить ее полностью не смогли. Слишком велика была возможность перейти на более перспективную работу.

Начал ощущаться недостаток рабочих кадров во всех отраслях промышленности, сказывались первые итоги реконструкции. Все более возрастало число вступивших в строй предприятий. Если в 1927/28 г. на новых предприятиях было занято 97,6 тыс. рабочих (4,1% ко всем промышленным рабочим), то в 1928/29 г.—134,4 тыс. рабочих (5,3%), а в 1929/30 г.—314,7 тыс. (10,2%) [33].

Для новых заводов и фабрик требовались прежде всего квалифицированные работники, умевшие обращаться с передовой техникой. Еще при обсуждении пятилетнего плана был поднят вопрос о подготовке квалифицированных кадров для новых предприятий, оснащенных самым передовым для того времени оборудованием и станками. Старые специалисты из Госплана, критикуя вариант промышленной пятилетки, разработанный ВСНХ, много писали и говорили о том, что новые предприятия не будут обеспечены высококвалифицированными кадрами. Один из руководящих работ-

---

[30] Там же.
[31] ЦГАОР СССР, ф. 5515, оп. 1, д. 246, л. 110.
[32] Там же, л. 111.
[33] «Плановое хозяйство», 1932, № 6-7, стр. 148.

ников Госплана Базаров 9 февраля 1929 г. на коллегии заявил: «ВСНХ, создав вариант, который мы приняли как оптимальный, исходил из того, что все новые предприятия будут давать полный технический эффект. А где же взять квалифицированную рабочую силу?» [34]. Примерно то же самое говорил и другой работник Госплана — Калинников. Интересно отметить, что эти же мысли высказывали и буржуазные специалисты Запада. Они утверждали, что сначала надо подготовить квалифицированные кадры, а потом уже строить современные предприятия.

Но Советская страна не могла ждать. Новые заводы, фабрики, шахты, рудники были ей нужны в самое ближайшее время. Проблему нового строительства и подготовки кадров приходилось решать одновременно. В феврале 1929 г. Советское правительство поручило Госплану совместно с Наркоматом труда, ВСНХ и НКПС разработать план обеспечения рабочей силой новостроек и реконструированных предприятий. По первоначальным подсчетам, для 18 отраслей промышленности на ближайшие 3 года потребность в рабочей силе была определена в 537,6 тыс. человек. Затем эта цифра возросла до 638 тыс., а потом — более 1 млн.[35]

Уже в конце первого года пятилетки заместитель наркома труда СССР И. А. Толстопятов, выступая на пленарном заседании Президиума Госплана СССР, заявил, что вопрос с квалифицированными кадрами рабочих стоит пока очень остро. Биржи труда не в состоянии удовлетворять запросы предприятий. Он привел следующие данные: общая потребность в квалифицированной рабочей силе по всем отраслям народного хозяйства исчислялась на 1929/30 г. в 722 тыс. человек (в том числе для обобществленного сектора сельского хозяйства 160 тыс., остальные для промышленности, строительства и транспорта). Эта потребность покрывалась за счет существовавшей сети подготовки рабочих кадров (ФЗУ и школ массовых профессий) всего лишь на 15,6%.

Остальных людей Наркомтруд предлагал подготовить из безработных путем их переквалификации. Он поставил перед биржами труда задачу уже во втором году пятилетки дать стране 244 тыс. квалифицированных рабочих нужных специальностей [36]. Это предложение было одобрено Советским правительством, которое приняло решение о максимальном использовании наличных ресурсов зарегистрированных безработных на новых заводах путем их переквалификации [37]. Таким образом, важнейшим средством борьбы с безработицей становилось переобучение людей.

4 августа 1930 г. коллегия Наркомтруда СССР, рассматривавшая вопрос об обеспечении новых заводов квалифицированной рабочей силой, признала напряженность положения в этом вопро-

---

[34] ЦГАНХ СССР, ф. 4372, оп. 26, д. 180, л. 151.
[35] ЦГАОР СССР, ф. 5515, оп. 15, д. 210, л. 3.
[36] Там же, д. 176, л. 36.
[37] Там же, оп. 1, д. 140, л. 14.

се [37а]. В связи с пуском многих предприятий проблема кадров обострялась с каждым днем. Тревожные сигналы поступали с первенца отечественной тракторной промышленности — Сталинградского тракторного завода, вступившего в строй в 1930 г.

На Магнитогорском и Кузнецком металлургических комбинатах, где началась подготовка к пуску первых домн, ощущалась нехватка опытных металлургов. Направление из центральных районов страны на Магнитострой и Кузнецкстрой высококвалифицированных рабочих и специалистов проходило с большими трудностями. На 1 августа из намеченных 5 тыс. человек удалось отправить 3774 человека, на место же прибыло 2563 металлурга [38]. Тяжелое положение не удалось исправить и к концу 1930 г. Между тем запросы новостроек все возрастали. К началу 1931 г. Магнитка запросила уже 16 тыс. рабочих, а потребности Кузнецка возросли до 8 тыс. человек [39].

Спрос на квалифицированных рабочих увеличивался и в старых промышленных районах страны. В Нижегородском крае для нового автозавода нужно было 10,5 тыс. рабочих, для станкозавода — 2 тыс., для реконструированного Сормовского завода потребовалось примерно 4 тыс. новых рабочих [40]. Квалифицированная рабочая сила требовалась и в других краях и областях СССР.

Госплан СССР, анализируя причины недостаточного снабжения рабочей силой промышленности и сезонных отраслей народного хозяйства в 1930 г., пришел к выводу, «что одной из главных причин затруднений с рабочей силой в 1930 г. было резкое увеличение спроса на рабсилу по сравнению с прошлым годом» [41].

Посмотрим на динамику рабочих кадров во втором году пятилетки. В 1929/30 г. число рабочих и служащих по несельскохозяйственному сектору достигло 12,1 млн. человек, превысив уровень 1928/29 г. на 16,4% [42]. Во втором году пятилетки темп роста почти в 2,5 раза превысил достаточно высокие темпы предшествовавшего года. Он намного обогнал плановые наметки года и пятилетки (по пятилетке предполагался рост в 6,7% по отправному варианту и 7,8% по оптимальному). В особом квартале 1930 г. [43] рост численности рабочих и служащих продолжался столь же высокими темпами. В результате среднегодовая численность рабочих и служащих составила в целом за 1930 г. 12,3 млн. человек [44]. «Имеющиеся данные, — отмечалось в конъюнктурном обзоре по труду НКТ СССР за 1929/30 г.,— позволяют оценивать истекший

[37а] Там же, д. 211, л. 72.
[38] Там же, д. 233, л. 6.
[39] Там же, д. 270, л. 101.
[40] Там же, д. 237/6, л. 159.
[41] ЦГАНХ СССР, ф. 4372, оп. 28, д. 86, л. 38.
[42] «Народнохозяйственный план СССР на 1931 г. (контрольные цифры)». Доклад Госплана СССР Совету Народных Комиссаров СССР. М.— Л., 1931, стр. 136.
[43] С 1931 г. хозяйственный год был приурочен к календарному. В связи с этим ноябрь — декабрь 1930 г. называли особым кварталом.
[44] «Народное хозяйство СССР», 1932, стр. XXII—XXIII.

год, как год совершенно исключительного роста численности пролетариата по сравнению с предшествующими годами»[45].

Увеличение численности рабочего класса произошло главным образом, как и в первом году пятилетки, за счет роста численности строителей. Благодаря стремительному развертыванию капитального строительства рост рабочей силы, занятой в строительной индустрии, оставил далеко позади темпы роста рабочих в этой отрасли в предыдущие годы. По данным Госплана СССР, число строителей увеличилось на 74%, значительно превысив первоначальные наметки[46]. Такие же сведения представил НКТ СССР. В конъюнктурном обзоре по труду за 1929/30 г. он определил средний процент роста строительных рабочих за этот же период в 73,7%[47], причем самый интенсивный рост строителей происходил в марте 1930 г. (191,5%), апреле (215,5%), мае (213,9%) и июне (194,1%)[48]. В результате к июлю 1930 г. численность строительных рабочих достигла колоссальной для тех лет цифры — около 2 млн. В течение второго года пятилетки численность строителей возросла примерно на 700 тыс. человек, первый же год пятилетки дал прирост в 200 тыс.[49]

Несмотря на столь интенсивный рост занятой на строительстве рабочей силы, потребности его в рабочих, как уже отмечалось выше, полностью не удовлетворялись. Вследствие преобладания ручного труда спрос на рабочую силу возрастал с размахом строительных работ. Строительство начало испытывать недостаток не только в квалифицированных кадрах, но и в неквалифицированных. Летом 1930 г. среди общего числа недостающих рабочих чернорабочие составляли 16,6%, землекопы — 17,4%, грабари — 17,8%[50].

Во втором году пятилетки изменения в численности и структуре кадров промышленных рабочих опережали плановые наметки ВСНХ СССР. Если общую численность рабочих, занятых в крупной промышленности в 1928/29 г., принять за 100%, то в 1929/30 г. намечалось увеличить ее на 4,7% (в том числе по группе «А» — на 12,1%, а по группе «Б» снижение на 2,7%). Фактически же рост численности рабочих в крупной промышленности составил 113,05% (в том числе по группе «А» — 121,8%, по группе «Б» — 102,7%)[51].

Приведенные данные показывают, во-первых, что численность промышленных рабочих в 1929/30 г. росла значительно быстрее, чем в 1928/29 г., и, во-вторых, что этот рост происходил исклю-

---

[45] ЦГАОР СССР, ф. 5515, оп. 1, д. 246, л. 93.
[46] ЦГАНХ СССР, ф. 4372, оп. 28, д. 86, л. 123.
[47] ЦГАОР СССР, ф. 5515, оп. 1, д. 246, л. 104.
[48] Приводим данные к соответствующему периоду 1929 г. См. там же.
[49] «Народное хозяйство СССР», 1932, стр. XXII—XXIII.
[50] ЦГАОР СССР, ф. 5515, оп. 1, д. 246, л. 105.
[51] Там же, л. 93. По данным Госплана, прирост рабочих в промышленности составил в 1929/30 г. 16%. ЦГАНХ СССР, ф. 4372, оп. 28, д. 86, л. 123.

чительно благодаря группе «А», превысившей в 8 с лишним раз прирост по группе «Б». Численность рабочих в группе «Б» росла медленнее, чем в предшествовавшем году. Характерная особенность социалистической индустриализации, ведущая к неуклонному увеличению удельного веса численности рабочих в отраслях тяжелой промышленности, проявилась во втором году пятилетки с еще большей силой: в 1929/30 г. доля рабочих групп «А» поднялась до 58,3% против 54,1% в 1928/29 г.[52]

Исключительно быстро росли кадры в металлической промышленности. В среднем за год прирост по отношению к 1928/29 г. составил 25,4% против 8,8%, намеченных планом. Еще более стремительный темп роста численности рабочих происходил в электротехнической промышленности. На протяжении 1930 г. число занятых в этой отрасли возросло почти в 2 раза. Бурно росла численность рабочих в химической промышленности (рост к 1928/29 г. на 25,2% против 8,4 по плану) и деревообделочной (рост на 35,5% против 25% по плану) [53].

В течение 1930 г. численность рабочих крупной промышленности увеличилась более чем на 1 млн. человек — с 3051,6 тыс. в конце 1929 г. до 4085,3 тыс. на конец 1930 г.[54] Такого роста рабочей силы никогда ранее не наблюдалось. В предшествовавшие 2—3 года численность промышленных рабочих увеличивалась на 200—250 тыс. за год. В 1930 г. такой прирост происходил в каждом квартале [55].

	1928 г.	1929 г.	1930 г.
I квартал	2538,4	2785,7	3230,2
II квартал	2655,2	2856,9	3578,8
III квартал	2778,0	2990,3	3739,0
IV квартал	2791,1	3051,6	4085,3

Бурные темпы роста индустриальных кадров в 1930 г. нанесли решающий удар по безработице. Более того, несмотря на быстрый рост рядов промышленных рабочих, в индустрии все сильнее чувствовалась нехватка рабочей силы.

Социалистическая индустриализация обусловила рост рабочей силы на транспорте. Численность лиц, занятых на обслуживании железных дорог, возросла за 1930 г. на 100 тыс. (в предшествовавшие годы число железнодорожников оставалось стабильным). Росли кадры и на других видах транспорта — там в течение 1930 г. численность обслуживающего персонала увеличилась примерно на 100 тыс. [56]

[52] ЦГАОР СССР, ф. 5515, оп. 1, д. 246, л. 93.
[53] Там же, л. 96.
[54] «Народное хозяйство СССР», 1932, стр. 423.
[55] Там же, стр. 422—423.
[56] Там же, стр. 410.

Бурный рост рабочего класса в строительстве, промышленности и на транспорте в 1929 и особенно в 1930 г. обеспечил выполнение пятилетнего плана по росту численности рабочих и служащих в течение первых двух лет пятилетки. За два года пятилетки (1929—1930 гг.) во все отрасли народного хозяйства было вовлечено почти 3 млн. человек, в том числе в несельскохозяйственный сектор — 2,8 млн.[57] Общий прирост рабочей силы за два года достиг огромной цифры — 30% (напомним, что по отправному варианту пятилетки планировался рост численности рабочих и служащих за все пятилетие на 30,2%, по оптимальному варианту — на 39%). Еще более высокие показатели были достигнуты по несельскохозяйственному сектору. Здесь в 1930 г. среднегодовая численность рабочих и служащих достигла 12,3 млн. человек против 12 млн. по отправному варианту и 12,8 — по оптимальному.

Итак, пятилетка по росту численности рабочих и служащих была выполнена за 2 года. Такие темпы роста рабочего класса создали реальные условия для полной ликвидации безработицы в СССР.

О небывалом росте рабочей силы в Советской стране говорят данные табл. 10.

Данные таблицы показывают, что численность лиц, занятых в промышленности, строительстве, на транспорте и связи, возросла в течение 1929—1930 гг. почти на 2,3 млн. человек. За это же время число сельскохозяйственных рабочих увеличилось всего на 156 тыс. человек. Стремительный рост числа промышленных и строительных рабочих свидетельствовал о нараставшем темпе социалистической индустриализации, ее значительных успехах.

Вместе с тем на рост рабочего класса оказало существенное влияние состояние производительности труда. В первые годы пятилетки задания по росту производительности труда не были полностью выполнены, и, как совершенно справедливо отметил Наркомат труда, отставание роста производительности труда обусловило необходимость развертывания производства за счет увеличения рабочей силы. В 1928/29 г. выработка на одного рабочего в промышленности возросла на 15,5—16% при плановом задании в 17%. Следует, однако, отметить, что рост производительности труда в первом году пятилетки был гораздо значительнее, чем в предыдущие годы: в 1926/27 г. производительность труда возросла по сравнению с 1925/26 г. на 11,8%, в 1927/28 г.— на 10% по отношению к 1926/27 г.[58]

---

[57] «Народное хозяйство СССР», 1932, стр. XXII—XXIII. Эти цифры приводятся и в других статистических источниках, а также в научно-исследовательских трудах. См., например, *Б. Л. Маркус.* Труд в социалистическом обществе. М., 1939, стр. 184.

[58] «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1929/30 год», стр. 238.

Таблица 10

Численность рабочих и служащих в СССР (среднегодовые данные), в тыс. человек*

	1928 г.	1929 г.	1930 г.
Промышленность	3495	3761	4599
Строительство	723	923	1606
Транспорт и связь	1365	1422	1658
Итого	5583	6106	7862
Сельскохозяйственные рабочие	2007	1989	2163
Подсобные рабочие	432	475	146
Распределение и снабжение	601	704	790
Кредит	95	114	101
Учреждения	2362	2499	2827
Прочие отрасли труда	472	507	376
Всего	11552	12394	14462

* «Труд в СССР. Материалы к отчету Наркомтруда СССР на IX Всесоюзном съезде профессиональных союзов». М., 1932, стр. 14.

Такие результаты первого года пятилетки стали одной из причин того, что при планировании роста выработки рабочих на 1929/30 г. был намечен небывалый темп — 25%. Планируя чрезвычайно высокие темпы роста производительности труда на 1929/30 г., Госплан СССР, на наш взгляд, не учел одно важное обстоятельство: в первые годы пятилетки, особенно в 1929/30 г., в промышленность вливалась масса малообученных и неквалифицированных рабочих. Острая нехватка квалифицированных кадров приводила к тому, что к новейшим станкам становились люди, не умевшие обращаться со сложным оборудованием. Частые поломки станков, простои, низкая почасовая выработка отрицательно влияли на общий темп роста производительности труда. В результате плановые задания второго года пятилетки не были выполнены. К сожалению, ни Госплан, ни Наркомтруд не дают точной цифры роста производительности труда в 1929/30 г. Однако как тот, так и другой признают недовыполнение плана по производительности труда[59]. Руководители предприятий, стараясь выполнить программу любой ценой, набирали все новых и новых людей. На предприятия приходили люди с бирж труда — здесь их обучали новым профессиям и специальностям.

Подводя общие итоги развития рабочего класса в первые годы пятилетки, нужно снова подчеркнуть, что курс на социалистиче-

[59] См. «Народнохозяйственный план на 1931 год», стр. 55; «Конъюнктурный обзор по труду НКТ СССР за 1929/30 г.»; ЦГАОР СССР, ф. 5515, оп. 1, д. 246, л. 17.

скую индустриализацию нашел свое выражение как в общем увеличении числа рабочих и служащих, так и в структурных изменениях советского общества: рост численности лиц, занятых в несельскохозяйственном секторе, обгонял общий рост народонаселения; рост числа промышленных рабочих протекал интенсивнее, чем рабочих других отраслей народного хозяйства; внутри промышленности более быстрыми темпами росло число рабочих, занятых в отраслях, производивших орудия и средства производства, чем в отраслях, производивших предметы потребления. Мощное развитие индустрии вызвало небывалый ранее рост численности строительных и промышленных рабочих, обусловив резкое сокращение, а затем и полное исчезновение безработицы.

Переход на 7-часовой рабочий день. Подготовка квалифицированных рабочих кадров

В конце 20-х годов Коммунистическая партия и Советское правительство провели ряд мероприятий, связанных с социалистической индустриализацией страны, которые оказали существенное влияние на процесс ликвидации безработицы в СССР. В октябре 1927 г. юбилейная сессия ЦИК СССР, посвященная десятилетию Советской власти, приняла решение о переводе рабочих и служащих на 7-часовой рабочий день. Это было крупное достижение победившего пролетариата, реально показавшее, что социализм строится прежде всего для улучшения положения трудящихся масс.

Переход на 7-часовой рабочий день — факт, сам по себе исключительный для занятых рабочих,— способствовал в то же время рассасыванию безработицы. Г. М. Кржижановский на V съезде Советов СССР в мае 1929 г. говорил, что это мероприятие Советской власти позволит использовать в производстве дополнительно 300 тыс. рабочих[60]. Еще раньше Ф. Э. Дзержинский отмечал, что полезно «было бы сократить рабочий день для того, чтобы привлечь бо́льшее количество работающих»[61].

Введение 7-часового рабочего дня началось с декабря 1927 г. К октябрю 1928 г., т. е. в течение хозяйственного 1927/28 г., было переведено на укороченный рабочий день 20 хлопчатобумажных предприятий, 4 шерстяных и 1 швейная фабрика, а также несколько небольших заводов разного профиля. Всего на 7-часовой рабочий день перешло 136 тыс. человек[62]. А. П. Финаров, специально исследовавший этот вопрос, писал, что в результате

---

[60] *Г. М. Кржижановский.* Избранное. М., 1957, стр. 296.
[61] *Ф. Э. Дзержинский.* Избранные произведения в двух томах, т. II. М., 1957, стр. 322.
[62] «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1929/30 г.», стр. 488.

сокращения рабочего дня и введения третьих смен в текстильное производство было вовлечено 20 тыс. новых рабочих [63]. Я. И. Гиндин привел другую цифру — 13 тыс., из которых 10 тыс. были взяты с бирж труда [64]. Сверх того на работу было направлено до 10 тыс. рабочих, до того малозанятых и нерационально использовавшихся.

Таким образом, первый опыт перехода на 7-часовой рабочий день показал, что укороченный рабочий день обеспечивал вовлечение в производство новых кадров рабочих и тем самым способствовал ослаблению безработицы.

По пятилетнему плану предусматривался полный перевод промышленных предприятий на 7-часовой рабочий день. 2 января 1929 г. ЦИК и СНК СССР приняли постановление «О семичасовом рабочем дне», в котором предлагалось всем предприятиям закончить этот процесс к 1 октября 1933 г.[65] По подсчетам ВСНХ, переход на 7-часовой рабочий день в связи с увеличением сменности работы и загрузки оборудования должен был увеличить численность занятой рабочей силы на 13,5% [66].

По отдельным годам пятилетки перевод на 7-часовой рабочий день должен был проходить следующим образом: (в %) [67]:

	1928/29 г.	1929/30 г.	1930/31 г.	1931/32 г.	1932/33 г.
руппа «А»	13,4	40,0	58,8	81,6	100,0
Группа «Б»	23,8	40,0	53,5	80,1	100,0
Вся промышленность	18,3	40,0	56,3	80,9	100,0

Приведенные данные показывают, что для первых двух лет пятилетки, особенно для ее второго года, планировались весьма высокие темпы перехода на укороченный рабочий день.

Однако Наркомтруд и ВЦСПС были не согласны с таким планированием. Они настаивали на более высоких темпах перехода на укороченный рабочий день: ВЦСПС предлагал увеличить число переведенных рабочих в 1928/29 г. до 23% (по всем категориям рабочих), а НКТ СССР настаивал хотя бы на 20% [68]. Предложение Наркомтруда было принято.

В 1928/29 г. план перевода промышленных предприятий на 7-часовой рабочий день был выполнен даже с некоторым превышением. На новый график работы перешли 156,5 тыс. рабочих тяжелой индустрии и 263,4 тыс. человек, занятых в легкой про-

---

[63] *А. П. Финаров.* Перевод промышленных предприятий на 7-часовой рабочий день в 1928—1932 гг.— «История СССР», 1959, № 6, стр. 109.

[64] «Снабжение народного хозяйства рабочей силой и помощь безработным». Сб. статей. М., 1928, стр. 22.

[65] СУ СССР, 1929 г., отд. 1, № 4, ст. 30.

[66] ЦГАОР СССР, ф. 5515, оп. 1, д. 170, л. 14.

[67] ЦГАНХ СССР, ф. 4372, оп. 26, д. 182, л. 50.

[68] ЦГАОР СССР, ф. 5515, оп. 1, д. 170, л. 17 об.— 18.

мышленности. Всего это составляло около 420 тыс. человек — 20,3% к общему числу рабочих [69].

Наркомтруд СССР провел в 1929 г. детальное обследование предприятий, переведенных на 7-часовой рабочий день. Им были получены следующие данные: в результате перехода на 7-часовой рабочий день в металлопромышленности произошло увеличение рабочей силы на 5,7%, увеличение выработки на 1 человеко-день — на 0,6%, рост заработной платы — на 0,6%; в химической промышленности соответственно — на 6,3, 5, 5,6%, в хлопчатобумажной промышленности — на 26, 30, 5%. Наркомтруд высоко оценил полученные данные. В своем докладе в СНК СССР «Практика проведения 7-часового рабочего дня» он отмечал, что укороченный рабочий день привел к увеличению численности рабочих на переведенных предприятиях от 5,7 до 26% [70].

В конъюнктурном обзоре по труду за 1928/29 г. Наркомат труда СССР вновь отмечал положительные результаты перевода промышленных предприятий на 7-часовой рабочий день, при этом особенно подчеркивалось два фактора — рост численности занятых на предприятиях рабочих и увеличение выпуска продукции.

В связи с хорошими результатами новой системы работы СНК СССР дал задание специальной правительственной комиссии при СТО об ускорении темпа перевода рабочих на 7-часовой рабочий день. 29 сентября 1929 г. комиссия, рассмотрев итоги и перспективы перехода на 7-часовой рабочий день, пришла к выводу, что это мероприятие может быть завершено к октябрю 1932 г. В связи с этим был увеличен план на 1929/30 г.: намечалось перевести на укороченный рабочий день 43% всех рабочих, в том числе по группе «А» — 46,2% и по группе «Б» — 39,5% [71].

Изучив этот план, Наркомтруд СССР пришел к выводу, что эти цифры могут быть увеличены. В заключении Наркомтруда говорилось: «В связи со значительно более быстрым темпом развития промышленности и директивой СНК СССР от 29 сентября 1929 г. об ускорении темпа перевода на 7-часовой рабочий день, следует повысить предварительную проектировку, составленную Госпланом с таким расчетом, чтобы общее число переведенных рабочих достигло 45% вместо предлагаемых Госпланом (40%)» [72].

Предложение Наркомтруда было принято. 7 октября 1929 г. СНК СССР издал постановление об ускорении темпов перевода рабочих на укороченный рабочий день. Советское правительство обязало ВСНХ разработать меры по увеличению смен на предприятиях, переведенных на новый режим работы [73].

В течение 1929/30 хозяйственного года 45,5% всех промышленных рабочих перешли на 7-часовой рабочий день [74]. В особом

[69] «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1929/30 г.», стр. 488.
[70] ЦГАОР СССР, ф. 5515, оп. 15, д. 146, лл. 112—115.
[71] Там же, д. 295, л. 6.
[72] Там же, оп. 1, д. 139, л. 43.
[73] СУ СССР, 1929, отд. 1, № 64, ст. 600.
[74] «Народнохозяйственный план СССР на 1931 год», стр. 6.

квартале переход на укороченный рабочий день продолжался еще более быстрыми темпами. В результате, по данным ВСНХ, к 1 января 1931 г. на 7-часовой рабочий день перешли 1581,4 тыс. человек, или 58,2% общего числа рабочих[75]. Такие же сведения представил и Наркомтруд СССР; в конце 1930 г. 7-часовой рабочий день имели 1,5 млн. рабочих против 800 тыс. в апреле 1930 г.[76] Увеличение численности рабочей силы проходило повсеместно, колеблясь по отдельным производствам от 2,5 до 50%[77]. Рост численности рабочих на предприятиях с 7-часовым рабочим днем бесспорно сыграл важную роль в ликвидации безработицы, ускорил завершение этого процесса. Новые рабочие поступали на производство с бирж труда и это, конечно, способствовало сокращению безработицы.

Теоретический вывод классиков марксизма-ленинизма о том, что рациональное ограничение рабочего дня в социалистическом обществе является важным средством ликвидации безработицы, был подтвержден практикой социалистического строительства в СССР.

Проведение индустриализации, строительство новых, самых современных для тех лет предприятий, а также модернизация старых фабрик и заводов остро поставили вопрос о квалифицированных рабочих кадрах. Уже в первые годы пятилетки Советское правительство провело ряд мероприятий по усилению плановой подготовки квалифицированной рабочей силы. В марте 1929 г. было принято решение о передаче школ ФЗУ из ведения Наркомата просвещения в ведение органов труда. Это постановление Совнаркома[78] возлагало всю ответственность за подготовку квалифицированных рабочих кадров на Наркомтруд СССР и его местные органы, которые должны были обеспечить подготовку рабочих именно тех профессий и специальностей, в которых нуждалась советская промышленность.

В 1928/29 г. в школы ФЗУ было принято 73 тыс. подростков, Общий контингент учащихся в конце первого года пятилетки достиг 163,3 тыс. человек[79]. Но этого было недостаточно, особенно в связи с тем, что биржи труда не располагали нужными кадрами. Госплан СССР, составляя контрольные цифры народного хозяйства на 1929/30 г., подчеркивал: «Возрастают наши трудности по комплектованию новых кадров квалифицированной рабочей силы. На биржах труда находить их становится все труднее. И нам предстоит на это дело затратить немало организационных усилий и средств»[80].

---

[75] «Народное хозяйство СССР», 1932, стр. 448.
[76] ЦГАОР СССР, ф. 5515, оп. 1, д. 29, л. 6.
[77] Там же, д. 246, л. 128—129.
[78] См. постановление СНК СССР «О школах фабрично-заводского ученичества» от 30 марта 1929 г.— СУ СССР, 1929 г., отд. 1, № 24, ст. 212.
[79] «Народнохозяйственный план СССР на 1931 год», стр. 138.
[80] «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1929/30 г.», стр. 16.

27 ноября 1929 г. ВСНХ СССР принял решение о дополнительном наборе учащихся в школы ФЗУ и школы массовых профессий. Этот набор в количестве 57 тыс. человек рекомендовалось провести в январе 1930 г.[81] Дополнительный набор в школы ФЗУ, произведенный в январе — феврале 1930 г. и получивший название «Первый набор индустриализации», был доведен до 70 тыс. человек.

В 1930 г. было принято решение о резком увеличении сети школ ФЗУ. Их количество за один год возросло примерно в 2 раза — с 1205 в 1929 г. до 2335 в 1930 г.[82] Осенний набор в школы ФЗУ, названный «Вторым набором индустриализации», был определен в 345 тыс. человек; только в сентябре 1930 г. следовало принять в школы ФЗУ 135 тыс. человек — почти в 2 раза больше, чем за весь 1928/29 г.[83]

Осенний набор 1930 г. по своему размаху не знал себе равных. Высокий план в 345 тыс. человек был перевыполнен. Всего в школы ФЗУ в течение второго года пятилетки было принято 473 тыс. юношей и девушек — в 6,5 раза больше, чем в первый год пятилетки[84].

Однако и это не могло полностью удовлетворить растущие спросы промышленности и строительства. Поэтому было решено принять в школы ФЗУ в 1930/31 учебном году не менее 700 тыс. человек, т. е. на 48% больше приема 1930 г. и почти в 10 раз больше, чем в 1929 г. Это была колоссальная для того времени цифра. Покрыть ее только за счет подростков, состоявших на учете бирж труда, не было возможности. Наркомтруд СССР дал указание принимать в школы ФЗУ не только детей рабочих и служащих, но и детей кустарей-одиночек. Если раньше Советскому правительству ввиду избытка рабочей силы приходилось ограничивать набор в школы ФЗУ по социальной принадлежности, то теперь эта необходимость отпала. В 1930 г. встал вопрос не об ограничении желавших поступить в школы ФЗУ, а о максимальном расширении наборов. Все это еще раз свидетельствовало о том, что проблема безработицы в 1930 г. переросла в проблему дефицита рабочих кадров.

План набора в школы ФЗУ на 1930/31 г. был перевыполнен — вместо 700 тыс. подростков в школы ФЗУ пришло 730 тыс. Полностью выполнил план и НКПС — в железнодорожные и другие транспортные училища было принято 100 тыс. подростков. Вместе с тем по отдельным районам и отраслям плановые задания остались невыполненными: по Востокстали было набрано 8095 человек вместо 9060 человек, Востокуглю — 2595 вместо 6100, по металлогорнорудной промышленности — 4908 вместо 6780, по Союзкок-

---

[81] «Известия Наркомтруда СССР», 1929, № 50, стр. 786—787.
[82] «Подготовка кадров в СССР. 1927—1931». М., 1933, стр. 12.
[83] «Вопросы труда», 1930, № 7-8, стр. 57.
[84] «Народнохозяйственный план СССР на 1931 год», стр. 138.

су — 1462 вместо 2480, по Союзстрою вместо 5570 набрано 3798, по Спецстали вместо 2440—1747 человек[85]. Как видим, незаполненных мест оставалось довольно много. И здесь начала проявляться общая тенденция 1930 г.— спрос превышал предложения.

Безработица среди молодежи была ликвидирована в 1930 г. Осенний набор того года в школы ФЗУ, составивший небывалую для того времени цифру — 300 тыс. человек, исчерпал последние лимиты бирж труда[86].

Расширенные наборы в школы ФЗУ оказали существенное влияние на ликвидацию безработицы в СССР. Сотни тысяч юношей и девушек пошли учиться (к концу 1931 г. контингент учащихся школ ФЗУ достиг 1,2 млн. человек), а их места в промышленности, транспорте и строительстве заняли те, кто еще нуждался в работе и состоял на учете бирж труда.

Бурное развитие промышленности, строительства и транспорта, введение на предприятиях 7-часового рабочего дня, интенсивная подготовка квалифицированной рабочей силы обусловили невиданные ранее темпы роста численности рабочих и служащих. Социалистическая индустриализация, вызвавшая небывалый рост рабочего класса, явилась решающим условием ликвидации безработицы в СССР.

---

[85] ЦГАОР СССР, ф. 5515, оп. 1, д. 270, л. 18.

[86] «Народное хозяйство на пороге третьего года пятилетки и контрольные цифры на 1931 год». М.— Л., 1931, стр. 133.

Глава шестая

ВЛИЯНИЕ СПЛОШНОЙ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА НА ЛИКВИДАЦИЮ БЕЗРАБОТИЦЫ В СССР

Колхозное и совхозное строительство в первые годы пятилетки

Пятилетний план выдвинул перед сельским хозяйством обширную программу социалистического строительства. Сплошная коллективизация сельского хозяйства стала практической задачей Советского государства.

Для проведения коллективизации были отпущены крупные для тех лет средства. Всего по пятилетнему плану в сельское хозяйство вкладывалось 23,2 млрд. руб. (напомним, что для развития промышленности вместе с электрификацией отпускалось 19,5 млрд. руб., транспорта — 10 млрд. руб.). Более половины средств, вкладываемых в сельское хозяйство, направлялось на колхозное и совхозное строительство

В первом году пятилетки на социалистическую реконструкцию сельского хозяйства было отпущено 870 млн. руб. (в ценах тех лет), из них 475 млн. ушло на развитие колхозов и МТС и 395 млн.— на развертывание совхозного строительства. Для сравнения укажем, что в 1928 г. в обобществленный сектор сельского хозяйства было вложено 345 млн. руб., из которых на колхозно-кооперативное строительство было израсходовано 170 млн. руб., а на развитие совхозов — 175 млн. Таким образом, уже в первом году пятилетки на коллективизацию сельского хозяйства было отпущено в 2,5 раза больше средств, чем в предыдущем году [1].

В 1930 г. на колхозно-совхозное строительство было отпущено свыше 2 млрд. руб., из них 1 077,4 млн. было затрачено на развитие колхозов и МТС, а 1000,6 млн.— на строительство совхозов [2]. Капиталовложения в обобществленный сектор сельского хозяйства примерно на 40% превысили плановые задания.

Крупные средства, отпускавшиеся государством, позволили форсировать темпы коллективизации. К июлю 1929 г. число коллективизированных крестьянских хозяйств возросло с 416,7 тыс. (июль 1928 г.) до 1040 тыс.[3] (по пятилетнему плану намечалось коллективизировать 564 тыс. хозяйств). Проектировки пятилетнего плана в области коллективизации были превзойдены и по другим

[1] «Народнохозяйственный план СССР на 1931 год». М.— Л., 1931, стр. 124.
[2] Там же.
[3] «Ленинский кооперативный план и борьба партии за его осуществление». М., 1969, стр. 89—90.

показателям. Процент коллективизации к общему числу крестьянских хозяйств поднялся с 1,8 в 1928 г. до 4 в 1929 г., а число колхозов за это время выросло с 38 тыс. до 61 тыс.[4] Посевные площади колхозов увеличились на 207,1%, вместо 94,1% запланированных.

Темпы коллективизации нарастали в течение всего первого года пятилетки. Со второй половины 1929 г. в стране началась массовая коллективизация сельского хозяйства. С июня по октябрь 1929 г. в колхозы вступило почти столько же крестьян, сколько за все предшествовавшие годы Советской власти. Особенно сильный размах колхозное строительство приняло в период осенней посевной кампании. В ряде основных зерновых районов страны процент коллективизированных хозяйств достиг к 1 октября 1929 г. 15—20% (Северо-Кавказский край — 16%, Средне-Волжский — 23, Нижне-Волжский — 13%)[5]. А всего, по данным на октябрь 1929 г., в колхозах было объединено 7,6% всех крестьянских хозяйств[6].

Ноябрьский (1929 г.) Пленум ЦК ВКП(б), подводя итоги колхозного строительства, подчеркивал в своих решениях: «Колхозное движение ставит уже задачу сплошной коллективизации перед отдельными областями»[7]. 1929 г. вошел в историю нашей страны как год коренного перелома не только в области индустриализации, но и коллективизации сельского хозяйства.

На втором году пятилетки темпы колхозного и совхозного строительства возросли еще больше. На рубеже 1929—1930 гг. Советская страна перешла к осуществлению сплошной коллективизации. 5 января 1930 г. ЦК ВКП(б) принял постановление «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству», в котором были значительно увеличены темпы коллективизации по сравнению с плановыми заданиями пятилетки[8].

Определяя пути дальнейшего развития колхозного строительства, Центральный Комитет партии исходил из того, что программа пятилетнего плана в 1929 г. была превзойдена и что колхозное движение захватило значительные слои трудящегося крестьянства. Кроме того, Советское государство было вынуждено форсировать темпы коллективизации из-за напряженной внутренней и международной обстановки[9].

---

[4] «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1929/30 г.», стр. 4, 555.

[5] Эти сведения взяты из таблицы, составленной по данным Партархива при ЦК КПСС и периодической печати.— См. *С. П. Трапезников.* Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос, т. II. М., 1967, стр. 158.

[6] «Ленинский кооперативный план и борьба партии за его осуществление», стр. 90.

[7] «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», т. IV. М., 1970, стр. 345.

[8] Там же, стр. 383—386.

[9] По вопросу коллективизации сельского хозяйства в СССР имеется большая литература, в которой в той или иной степени освещены различные проблемы социалистического преобразования деревни, в том числе и вопрос о темпах сплошной коллективизации. Подробнее об этом см. в историографи-

Хотя в нашу задачу не входит всесторонний анализ объективных и субъективных причин, приведших к форсированию темпов коллективизации на втором году пятилетки, на некоторых из них нам необходимо остановиться.

Во второй половине 20-х годов в связи с развитием индустриализации и ростом городского населения резко возрос спрос на хлеб и другие сельскохозяйственные продукты. Всего за три года — с 1925/26 по 1927/28 год — потребность в хлебопродуктах возросла лишь в городах РСФСР более чем на 600 тыс. т [10]. Кроме того, потребление завозного хлеба возрастало и в сельских местностях, специализировавшихся на производстве технических культур. К январю 1928 г. в стране образовался дефицит хлеба в 128 млн. пудов. Хлебозаготовки проходили в чрезвычайно трудных и сложных условиях и преодолеть хлебный дефицит не удавалось.

1927/28 и 1928/29 гг. были тяжелыми для сельского хозяйства. Из-за неблагоприятных погодных условий в первом году пятилетки погибло около 7 млн. га озимых хлебов [11]. Урожаи обоих лет были ниже среднего. Вследствие этого начались затруднения с продовольствием и с кормом для скота.

Эти трудности усугублялись сопротивлением кулаков, пытавшихся любыми путями сорвать мероприятия партии и правительства в деле преодоления хозяйственных затруднений в стране. Кулацкий саботаж продажи хлеба государству в 1928 г. показал, что надеяться на индивидуальный, частный сектор нельзя. Город может остаться без хлеба.

Начиная с 1928 г. со всех концов страны в ЦК партии стали поступать сообщения о продовольственных затруднениях. 11 июня 1928 г. поступило сообщение о затруднениях в хлебоснабжении населения Ленинградской области, в октябре — о трудностях с хлебом, крупой, сахаром, маслом и другими продуктами в Москве. Тревожные сигналы о напряженном положении с продовольствием поступали из многих районов страны [12].

Насколько остро стоял продовольственный вопрос, можно судить по тому, что в течение 1928 г. Центральный Комитет дваж-

---

ческих обзорах по данной проблематике: *В. И. Погудин.* Некоторые вопросы историографии коллективизации в СССР.— «Вопросы истории», 1958, № 9; *В. П. Данилов.* Изучение истории советского крестьянства.— «Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС». М., 1962; *М. Л. Богденко, В. П. Данилов, И. Е. Зеленин.* Коллективизация сельского хозяйства.— «Очерки по историографии советского общества». М., 1965; *М. Л. Богденко, Г. П. Петровская.* Об изучении истории сельскохозяйственных рабочих СССР.— «Вопросы историографии рабочего класса СССР». Сб. статей. М., 1970; *Л. М. Зак, В. С. Лельчук, В. И. Погудин.* Строительство социализма в СССР. Историографический очерк. М.,1971, и др.

[10] «Развитие советской экономики». М., 1940, стр. 292.

[11] «Контрольные цифры народнохозяйственного плана СССР на 1929/30 г.», стр. 117.

[12] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп 67, д. 431, лл. 4, 8; д. 440, л. 76; д. 442, лл. 27—28; д. 487, л. 19.

ды (в апреле и июле) рассматривал его на своих пленумах [12а]. В конце 1928 г. Советское правительство было вынуждено ввести карточную систему на хлеб, а затем и на другие продукты. Надо было принимать экстренные меры по развитию сельского хозяйства, под угрозой была индустриализация страны, все социалистическое строительство в СССР.

В конце 1929 г. партия приняла и обосновала новую классовую политику в деревне — ликвидация кулачества как класса на базе сплошной коллективизации.

Второй год пятилетки стал особым годом в истории колхозного строительства. Он характеризовался небывалыми ранее темпами коллективизации (уровень коллективизации в ряде районов достиг 50—70%). Вместе с тем в это же время выявились существенные трудности, издержки, ошибки, вызвавшие отлив крестьян из колхозов. По данным Колхозцентра СССР и колхозсоюзов, с 1 марта по 1 июня 1930 г. процент коллективизированных хозяйств к общему числу хозяйств по РСФСР снизился с 53 до 21,8 [13].

Партии, ее ленинскому ЦК, в ходе коллективизации пришлось вести борьбу против попыток чрезмерно форсировать темпы социалистического преобразования сельского хозяйства. В постановлении от 14 марта 1930 г. Центральный Комитет ВКП(б) потребовал от местных партийных органов исправить ошибки и улучшить руководство колхозным движением [14].

В мае 1930 г. в колхозах уже состояло 6 млн. хозяйств, процент коллективизации достиг 23,6 [15]. XVI съезд партии, проходивший в июне — июле 1930 г., отметил, что в сельском хозяйстве СССР социалистический уклад вытесняет капиталистический [16].

К концу 1930 г. коллективизированные хозяйства по СССР составляли 27,5% против 11,5%, намечавшихся по плану второго года пятилетки. В основных зерновых районах (Украинская степь, Северный Кавказ, Заволжье, Нижняя Волга, Средняя Волга) доля обобществленных хозяйств составила 55%, по другим зерновым районам (Центральная черноземная область, Сибирь, Урал, Украинская лесостепь, Казахстан) — 29,5%, в потребляющей полосе — 17% [17]. В деревне побеждал колхозный строй.

Все задания пятилетки в области коллективизации были значительно превзойдены, весенние и осенние посевы 1930 г. составили в колхозах 43,4 млн. га — в 2 раза больше, чем намечалось для последнего года пятилетки, а вместе с совхозами — 48,2 млн. га. Доля обобществленного сектора в товарной продук-

---

[12а] «КПСС в резолюциях и решениях...», т. IV, стр. 75, 104.
[13] *С. П. Трапезников.* Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос, т. II, стр. 246.
[14] См. «КПСС в резолюциях и решениях...», т. IV, стр. 396—397.
[15] «Народное хозяйство СССР», 1932, стр. 130—131.
[16] См. «КПСС в резолюциях и решениях...» т. IV, стр. 449.
[17] «Народнохозяйственный план СССР на 1931 год», стр. 129. Напомним, что по плану первой пятилетки удельный вес социалистического сектора за 5 лет должен был возрасти с 2 до 15%.

Таблица 11

Динамика роста числа зерновых совхозов и основных показателей их производственной деятельности в 1928—1932 гг.*

	1928 г.	1929 г.	1930 г.	1931 г.	1932 г.
Всего совхозов	10	55	150	189	228
Общая земельная площадь всех совхозов (тыс. га)	545	5072	12312	15028	12847
Посевная площадь (тыс. га)	—	146,1	1189,6	4352,6	4538,5
В том числе под зерновыми	—	145,4	1186,3	4321,4	4346,0
Валовая продукция зерновых (тыс. т.)	—	74,5	773,3	1263,4	1360,6
Товарная продукция, (тыс. т.)	—	50,2	474,7	1055,5	1204,1

* *М. Л. Богденко* Строительство зерновых совхозов в 1928—1932 гг. М., 1958, стр. 175.

ции зерна возросла до 50% ко всей товарной продукции против 43%, планировавшихся пятилеткой для 1933 г.[18] Эти цифры показывают, что программа всего пятилетнего плана в области колхозного строительства была выполнена, даже несколько перевыполнена уже в течение двух лет пятилетки (1929 и 1930 гг.) [19].

Одновременно с развертыванием колхозного строительства началось осуществление плана строительства совхозов. На июльском (1928 г.) Пленуме ЦК ВКП(б) было принято постановление об организации новых крупных зерновых совхозов [19а]. План совхозного строительства успешно претворялся в жизнь.

Приведем данные М. Л. Богденко, специально исследовавшей этот вопрос (табл. 11).

[18] *С. П. Трапезников.* Указ. соч., стр. 288—289.

[19] Подробнее о создании предпосылок и проведении коллективизации сельского хозяйства в СССР см.: *В. П. Данилов.* Создание материально-технических предпосылок коллективизации сельского хозяйства в СССР. М., 1957; *М. Л. Богденко.* Строительство зерновых совхозов в 1928—1932 гг. М., 1958; *В. А. Абрамов.* Организаторская работа партии по осуществлению ленинского кооперативного плана. М., 1960; «Построение фундамента социалистической экономики в СССР. 1926—1932 гг.» М., 1960; *Н. И. Прокопенко.* КПСС в борьбе за подготовку массового колхозного движения. М., 1961; *В. М. Селунская.* Борьба КПСС за социалистическое преобразование сельского хозяйства (октябрь 1917—1934 г.). М., 1961; *В. А. Голиков.* Важный этап развития сельскохозяйственной кооперации в СССР (1921—1929 гг.). М., 1963; «Ленинский кооперативный план и его осуществление в союзных республиках». М., 1963; «Материалы научной сессии, состоявшейся 18—21 апреля 1961 года в Москве». М., 1963; *П. Н. Шарова.* Коллективизация сельского хозяйства в Центрально-Черноземной области (1928—1932 гг.). М., 1963; *И. Е. Зеленин.* Зерновые совхозы СССР (1933—1941 гг.). М., 1966; *С. П. Трапезников.* Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос, т. I—II. М., 1967; «Ленинский кооперативный план и борьба партии за его осуществление». М., 1969; «Советское крестьянство. Очерки истории 1917—1969 гг.» М., 1970, и др.

[19а] «КПСС в резолюциях и решениях...», т. IV, стр. 110—111.

Мы привели данные за все годы пятилетки, чтобы показать, что именно в первые два ее года, особенно в 1930 г., процесс совхозного строительства происходил особенно бурно. В течение 1929 и 1930 гг. общее число совхозов Зернотреста увеличилось в 15 раз, их земельная площадь — более чем в 20 раз, а посевная площадь только за 1930 г. возросла в 68 раз. Новые зерновые совхозы создавались на целинных и залежных землях Заволжья, Северного Кавказа, Украины, Урала и ряда других районов страны. Это были крупные социалистические хозяйства, со своими тракторами, автомобилями, мастерскими по капитальному и текущему ремонту. В первые годы пятилетки, особенно в 1930 г., резко возросла общая численность всех совхозов (зерновых, животноводческих и др.). Только за один 1930 г. их число увеличилось в 1,5 раза, достигнув почти 5 тыс., против 1407 на конец 1928 г.[20]

Вместе с колхозами и совхозами впервые организовывались машинно-тракторные станции. В конце 1928 г. в стране было всего 6 станций, в октябре 1930 г. их было уже 360. К весеннему севу 1931 г. количество МТС достигло 1228, а всего за 1931 г. предстояло создать 1040 машинно-тракторных станций [21].

В 1929—1930 гг. благодаря успешному развитию социалистической индустриализации партия и правительство смогли укрепить и расширить материально-техническую базу колхозов. Если в 1928 г. в стране было 27 тыс. тракторов, то в 1932 г. их стало 148 тыс. Причем поступление тракторов в сельское хозяйство увеличивалось с каждым годом: в 1927/28 г. деревня получила (в физических единицах) всего 3,3 тыс. тракторов, в 1928/29 г. — 9,4 тыс., в 1929/30 г. —39,2 тыс., в 1931 г.—59,1 тыс. [22]

Эти данные показывают, что именно в годы подготовки и проведения сплошной коллективизации значительно усилилось снабжение колхозов и совхозов тракторами. Всего за 3 года социалистический сектор сельского хозяйства получил более 100 тыс. тракторов. Конечно, при огромных темпах колхозного и совхозного строительства в те годы такое поступление тракторов было все же недостаточным. Тем не менее 100 тыс. тракторов на полях страны — это была уже существенная сила, демонстрировавшая начало коренных сдвигов в механизации социалистического сектора сельского хозяйства.

Декабрьский (1930 г.) объединенный Пленум ЦК и ЦКК ВКП(б), подводя итоги выполнения плана второго года пятилетки, подчеркнул, что на основе успехов социалистической индуст-

---

[20] «Народное хозяйство СССР», 1932, стр. 124; «Народное хозяйство СССР», Статистический сборник. М., 1956, стр. 100.

[21] «Народнохозяйственный план СССР на 1931 год.». М.— Л., 1931, стр. 45; «Ленинский кооперативный план и борьба партии за его осуществление», стр. 118—119; *С. П. Трапезников.* Указ. соч., стр. 298.

[22] «Итоги выполнения первого пятилетнего плана развития народного хозяйства Союза ССР». М., 1933, стр. 139.

риализации был достигнут «коренной перелом в сторону социалистического развития сельского хозяйства»[23].

Решающие победы колхозно-совхозного строя, сами по себе имеющие величайшее историческое значение, сыграли существенную роль в решении проблемы ликвидации безработицы в СССР.

Рост занятости населения страны в связи с социалистическим преобразованием сельского хозяйства. Начало планомерной подготовки квалифицированных кадров для колхозов, совхозов и МТС

Вопрос о влиянии коллективизации на ликвидацию безработицы весьма сложен. Он многогранен и складывается из большого числа тесно связанных между собой, но подчас противоречивых компонентов. Это: миграция сельского населения в город вообще и особая своеобразная форма миграции — отходничество; положение с рабочей силой в коллективизированном секторе деревни и то же самое применительно к единоличному сектору; высвобождение части сельской рабочей силы в результате кооперации и увеличение потребности в рабочей силе во многих отраслях колхозного и совхозного производства — опять-таки в результате кооперации; отток части городской рабочей силы в деревню (рабочие-механизаторы, рабочие-двадцатипятитысячники, врачи, учителя, культработники, агрономы и пр.); влияние ликвидации кулачества как класса на положение с рабочей силой в деревне и на миграцию сельского населения в города.

Один лишь этот (далеко не полный) перечень вопросов показывает, насколько была сложна проблема влияния кардинальных преобразований, происходивших в деревне в годы коллективизации, на безработицу в городе. Не подлежит сомнению, что их исследование потребует ряда специальных статей и монографий.

Поэтому мы, не претендуя на полноту рассмотрения проблемы, ограничимся лишь общей постановкой вопроса и изучением нескольких наиболее важных и интересных, на наш взгляд, сюжетов, относящихся прежде всего к отходничеству.

В наследство от царской России Советская страна получила весьма существенное аграрное перенаселение, достигавшее 20 млн. человек. За годы Советской власти этот избыток значительно сократился, но был еще достаточно велик. По данным С. Г. Струмилина, численность избыточного населения деревни в 1927/28 г. составляла около 8—9 млн. человек[24]. Председатель Госплана Г. М. Кржижановский приводил примерно эту же цифру — 9 млн. человек[25].

---

[23] «КПСС в резолюциях и решениях...», т. IV, стр. 490.
[24] *С. Г. Струмилин.* На плановом фронте. 1920—1930 гг. М., 1958, стр. 449.
[25] *Г. М. Кржижановский.* Избранное. М., 1957, стр. 295.

В сельском хозяйстве не использовались огромные трудовые ресурсы. Изучение бюджета времени крестьян, произведенное в 1925 г., выявило такую картину; из 365 дней в году крестьянин затрачивал 114 дней на производительное земледелие, скотоводство и пр., 71 день — на домашнее хозяйство, 35 — на работу вне хозяйства и полностью не работал 145 дней [26].

Избыточное крестьянское население являлось, как было показано в предыдущих главах, основным и постоянным источником безработицы в СССР. Сельское население уходило в города.

Одной из форм миграции сельского населения было отходничество. Правда, не все отходники навсегда порывали с деревней, многие возвращались домой, закончив сезонные работы, но значительная часть оставалась в промышленности, на строительстве и на транспорте, оказывая серьезное влияние на движение безработицы.

Динамика отходничества в середине 20-х годов характеризуется следующей таблицей.

Таблица 12

Отход на заработки из сельских местностей СССР*

	Число лиц, уходящих на заработки			
	1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.
Общий отход по СССР (без ЗСФСР, Узб. ССР и Турки. ССР)	1 672 525	2 867 836	3 285 193	3 145 137
В том числе:				
по РСФСР	1 497 207	2 463 175	2 743 171	2 568 672
по УССР	148 761	379 805	474 822	515 785
по БССР	26 557	24 856	67 200	60 680

* Таблица составлена по материалам НКТ СССР, который, начиная с 1923/24 г., ежегодно проводил специальные анкетные обследования крестьян-отходников. См. „Отход сельского населения на заработки в СССР в 1926/27 г." М., 1929, стр. 11.

Данные, приведенные в таблице, позволяют сделать следующие выводы: во-первых, численность отходников-крестьян за три года возросла в 2 раза. Незначительное падение отходничества (в 1926/27 г. на 4%) было связано с ростом городской безработицы и невозможностью найти работу в городе. Во-вторых, процессы, проходившие в СССР в целом, были в основном типичны для всех национальных республик. Некоторое исключение составляла лишь Украина, где отходничество увеличилось и в 1926/27 г.

[26] См. *И. Резников.* Высвобождение рабочей силы в колхозах и задача организации отходничества.— «На аграрном фронте», 1931, № 6, стр. 37.

Третий вывод заключается в том, что подавляющее большинство отходников было в РСФСР.

Какие же факторы влияли на размеры отходничества?

По результатам обследования отходничества, проведенного Госпланом СССР в 1927 г., на 1 тыс. душ крестьян отход составлял: в Центральном промышленном районе — 58,7; в Центральной черноземной области и Западном районе — 29,0; на Урале — 23,9; Северном Кавказе — 7,9; в Сибири — 6,4 и Казахстане — 4,2 человека [27].

Таким образом, крестьяне в основном уходили в тех районах, где развивались или заново создавались крупные промышленные центры. В местах же со слаборазвитой промышленностью (Северный Кавказ, Сибирь, Казахстан) отходничество имело незначительный характер. Восстановление и развитие промышленности, начавшаяся индустриализация, более высокий уровень жизни рабочего класса по сравнению с крестьянством стимулировали тягу крестьян в город.

На отход крестьян в город на заработки оказывали определенное влияние процессы дифференциации деревни. Недостаток земли и инвентаря, безлошадность и в годы Советской власти продолжали играть немалую роль в отходничестве.

В 1927/28 г. размеры отхода достигли примерно 4 млн. человек. Причем отход на сельскохозяйственные промыслы составлял всего 10—11% ко всей численности отходников. Остальные крестьяне уходили в несельскохозяйственные отрасли народного хозяйства: 18,5% шло на строительство, 18,4% — на лесозаготовки, 18,5% — в промышленность (включая торфоразработки) и т. д. Свыше 21% приходилось на чернорабочих, направлявшихся во все отрасли несельскохозяйственного труда [28].

Несмотря на то, что биржи труда прямо не брали на учет лиц, непосредственно прибывших из сельских местностей, тем не менее отходники всевозможными путями регистрировались в качестве безработных. В 1927/28 г., по официальным данным НКТ СССР, из 3 млн. безработных, зарегистрированных биржами труда, 630 тыс. человек, т. е. более одной пятой, прибыли из сельских местностей [29].

По другим же сведениям, размеры крестьянского элемента в составе безработных доходили до 50%. Эту цифру приводил один из руководящих работников Наркомтруда СССР Я. И. Гиндин в статье «Очередные задачи», опубликованной в 1928 г. [30]

Непрекращавшийся приток сельского населения в города осложнял проблемы безработицы в СССР, порождал пессимисти-

---

[27] ЦГАНХ СССР, ф. 4372, оп. 26, д. 182, л. 22.
[28] *Л. Б. Маркус.* Труд в социалистическом обществе. М., 1939, стр. 153.
[29] ЦГАОР СССР, ф. 5515, оп. 15, д. 39, л. 50.
[30] «Снабжение народного хозяйства рабочей силой и помощь безработным». Сб. статей. М., 1928, стр. 6.

ческие взгляды на возможность и сроки ее ликвидации. В канун первой пятилетки Я. И. Гиндин писал, что в условиях аграрного перенаселения безработица в СССР примет хронический характер [31].

Однако на практике все произошло иначе. В первом и во втором году пятилетки обнаружился острый недостаток рабочей силы в отраслях сезонного труда, основным источником которого являлось отходничество. Наркомтруд СССР, анализируя это явление, пришел к выводу, что в 1929 и 1930 гг. приток крестьян в отхожие промыслы был недостаточен [32]. В результате в строительстве, на лесо- и торфозаготовках и других отраслях сезонного труда сложилось тяжелое положение с рабочей силой.

Почему в первые годы пятилетки отходничество не смогло удовлетворить сезонные отрасли труда? Имела ли коллективизация сельского хозяйства к этому отношение?

Наркомат труда СССР считал, что основным фактором недостаточного отхода крестьянства из деревни было форсированное строительство колхозов и совхозов в 1929—1930 гг. В конъюнктурном обзоре по труду за 1929/30 г. он прямо подчеркивал, что важным фактором недостаточного отхода рабочей силы из села являлись крупнейшие социальные и технико-экономические сдвиги, протекавшие в сельском хозяйстве [33].

К таким же выводам пришел и Госплан СССР. В докладной записке сектора труда и быта Госплана «Причины недостаточного снабжения рабочей силой промышленности и сезонных отраслей народного хозяйства в 1930 г.» [34] были проанализированы факторы, повлиявшие на отходничество в 1930 г. в связи со сплошной коллективизацией сельского хозяйства. В записке рассматривались как объективные, так и субъективные причины сокращения отходничества. По поводу субъективных причин было сказано следующее: «Для крестьянина, вступившего в колхоз, самый факт вступления — дело большой важности.

Нужно личное участие в решении этого вопроса, вот почему прошлой весной (1930 г.— *Л. Р.*) были случаи возврата отходников домой для вступления в колхоз, и по этой же причине колхозники воздерживались от отхода. Основная причина, которая гнала отходников на заработки в прошлом,— материальная необеспеченность, нужда, иногда угроза голода. До революции к этому

---

[31] *Я. И. Гиндин.* Борьба с безработицей и наем рабочей силы. М., 1927, стр. 7.

[32] Конъюнктурные обзоры по труду за 1928/29 г. и 1929/30 г.— ЦГАОР СССР, ф. 5515, оп. 1, д. 169 и 246.

[33] Там же, д. 246, л. 106.

[34] Эта записка, хранящаяся в материалах фонда Госплана СССР (ЦГАНХ СССР, ф. 4372, оп. 28, д. 86, лл. 37—49), является важным источником по истории ликвидации безработицы в СССР. Она проливает свет на такой сложный вопрос, как влияние социалистического преобразования сельского хозяйства на исчезновение резервной армии труда. Ввиду ценности этого источника он был опубликован нами в «Археографическом ежегоднике за 1967 год». М., 1969, стр. 324—334.

прибавлялись налоги, которые душили бедняцкую часть деревни.

Вполне естественно, что колхозник, почувствовавший некоторое улучшение условий своего существования, предпочитает оставаться дома, нежели идти в отход, условия которого не кажутся ему столь заманчивыми» [35].

Мы привели столь большую выдержку из этого документа, чтобы показать большое внимание, которое уделялось субъективным причинам психологического порядка (так назвал эти причины Госплан). Действительно, вопрос о психологической стороне влияния коллективизации на отходничество имел большое значение. 1929 год, а особенно 1930 г.,— это переломное время в ходе коллективизации, время, когда вся деревня бурлила, охваченная думами о будущем. Каждый крестьянин, как вступивший, так и не вступивший в колхоз, задумывался о перспективах, взвешивал все «за» и «против». В этих условиях вполне естественно было его желание не покидать деревню, воздержаться, хотя бы временно, от отходничества.

Другой не менее важной причиной, повлиявшей на уменьшение тяги сельского населения в город, явилась дополнительная возможность применения труда в сельскохозяйственном производстве в связи с коллективизацией деревни. Об этом также писал Госплан СССР.

Уже в первые годы сплошной коллективизации значительно расширились посевные площади. В течение 1929—1930 гг. посевы зерновых в целом по стране возросли на 6,4 млн. га [36]. Этот прирост произошел за счет колхозных посевов в результате распашки колхозами не использованных прежде земель. В первые годы сплошной коллективизации существенно выросли посевные площади под хлопком — с 971 тыс. га в 1928 г. до 1583 тыс. га в 1930 г. Были созданы новые хлопковые районы в Туркестане, Закавказье, Северном Кавказе, Крыму и Нижней Волге. Почти в 2 раза увеличились посевные площади под сахарную свеклу. Значительно выросли посевы льна, риса и других трудоемких культур, увеличилось овощное хозяйство, особенно в колхозах пригородной зоны.

Расширение посевных площадей, осуществленное колхозами в эти годы, оказало существенное влияние на занятость рабочей силы в деревне. На один колхозный двор приходилось значительно больше посева, чем на одно хозяйство крестьянина-единоличника. Весной 1930 г. в целом по СССР посев на один колхозный двор составлял 5,2 га, а у единоличника — 2,7 га [37].

Социалистическая реконструкция сельского хозяйства открывала все новые возможности для использования трудовых резер-

---

[35] «Археографический ежегодник за 1967 год», стр. 331—332.
[36] «Народное хозяйство СССР», 1932, стр. 121.
[37] «Важнейшие решения по сельскому хозяйству». М., 1935, стр. 420.

вов внутри сельскохозяйственного производства. Впервые в СССР было начато строительство скотных дворов крупного животноводческого хозяйства, появились силосные башни, рациональное водоснабжение животноводческих ферм, строились гаражи, ремонтные мастерские и другие производственные предприятия, необходимые крупному коллективному хозяйству. Кроме того, увеличилось строительство изб-читален, больниц, жилых домов, правлений колхозов и т. д. В связи с размахом этого строительства деревня предъявила спрос на строительных рабочих. Если раньше деревенские каменщики, плотники, печники, кровельщики уходили на заработки в город, то теперь их труд с успехом использовался в родных местах. Причем с каждым годом нужда в строителях возрастала.

Увеличение дополнительных поливных площадей для расширения посевов хлопка потребовало как нового крупного ирригационного строительства, так и усиления строительства мелких ирригационных систем. Сплошная коллективизация усилила дорожное строительство. Прокладывались новые дороги между колхозами, совхозами и МТС. Впервые за многие годы деревня предъявила спрос на дорожных рабочих. Правда, все эти мероприятия пока что еще только начинались, но тем не менее они оказывали существенное влияние на занятость сельского населения.

На рост потребности в рабочей силе в коллективизированных хозяйствах влияли также издержки в планировании. Во вновь образованных колхозах, как и во всяком другом новом хозяйственном предприятии, неизбежно возникали издержки труда на организацию хозяйства. Ко всему этому добавлялось отсутствие опыта ведения крупного хозяйства. Колхозы только учились составлять производственные планы, не умели еще планировать необходимую рабочую силу. Их наметки на необходимую рабочую силу нередко были преувеличенными.

Многие правления колхозов, опасаясь, что отход крестьян на заработки помешает развитию колхозного строительства, всеми мерами пытались сдерживать его. В газетах и журналах за 1929—1930 гг. печаталось немало статей, свидетельствовавших о массовой задержке отходников из колхозов и совхозов, об административных наказаниях, применявшихся к колхозникам-отходникам.

Приведем некоторые конкретные факты. В крымском колхозе «Червонное казачество» исключили из сельскохозяйственной артели всю семью колхозника за то, что один из ее членов ушел в отход. В другом колхозе, тоже в Крыму, колхозника-отходника объявили дезертиром [38]. Допускались перегибы в этом отношении и некоторыми партийными организациями. Так, бюро Пугачевского окружного комитета ВКП(б) (Нижне-Волжский край) 15 марта 1930 г. приняло решение: «Воспрепятствовать отходу на отхожие

[38] «Социалистическая реконструкция сельского хозяйства», 1931, № 8, стр. 139—140.

промыслы из колхозов». В одном из колхозов этого района было даже дано указание: «Не допускать представителей Наркомтруда в колхозы и даже в случае надобности арестовывать их» [39].

В некоторых деревнях и селах отходников отзывали домой в связи с проведением коллективизации. На Урале дело дошло до того, что Уралпрофсовет, Уралколхозсоюз и Облсовнархоз вынуждены были опубликовать в «Уральском рабочем» в феврале 1930 г. обращение к колхозам, в котором предлагалось «правлениям колхозов прекратить отзыв рабочих с предприятий по вопросам коллективизации их хозяйств в деревнях» [40]. Однако и эта конкретная директива не смогла полностью исправить положение. Выступая на V пленуме Уралобкома, секретарь обкома И. Д. Кабаков говорил: «Колхозник сегодня отправился на шахту, а на другой день он получает десятки писем: то его колхоз требует для посевной кампании, то жена пишет о том, что ее лишили пайка, для ее коровы не выдают корма и т. д. и т. п.» [41].

Для того чтобы показать, что эти факты не были случайными, приведем данные Наркомтруда СССР, полученные им в результате запроса органов труда отдельных республик и областей по вопросу влияния коллективизации на отходничество. Почти все биржи труда сообщали, что «вербовка тормозилась ввиду задержки рабочих в колхозах» [42]. В Ленинградской области, чтобы сдержать отходничество, было установлено принудительное отчисление в фонд колхозов от задатков, выдававшихся колхозникам при вербовке отходников. В Тульском округе отчисления доходили до 70%, в Свердловской области было дано распоряжение удерживать с задатков отходников 50% на приобретение машин и 10% в фонд колхоза. Из Московской области сообщали, что вербовка торфорабочих тормозилась колхозами, которые требовали оставить крестьян для работ на местах. В Псковской области колхозы отказывались отпускать колхозников, мотивируя это тем, что, не имея точных производственных планов, они не могут определить необходимые резервы рабочей силы.

Наркомат труда БССР, сообщив вначале, что «коллективизация отрицательно не влияла на отходничество» [43], вынужден был признать, что запроектированная совместным соглашением Наркомтруда, Колхозцентра и Наркомзема рабочая сила не только не была получена от колхозов, а наоборот, значительное число колхозов потребовало в момент уборочной и посевной кампаний возвращения рабочей силы. Таким образом, и в Белоруссии отход крестьян был недостаточным.

---

[39] *А. М. Панфилова.* Формирование рабочего класса в годы первой пятилетки (1928—1932). М., 1964, стр. 26.
[40] «Уральский рабочий», 21 февраля 1930 г.
[41] «На борьбу за уголь». Свердловск, 1931, стр. 8.
[42] ЦГАНХ СССР, ф. 4372, оп. 28, д. 86, л. 43.
[43] Там же, л. 46.

Из многих мест поступали сообщения о том, что колхозы не могут дать отходников. На совещании по вопросам отходничества 8 февраля 1930 г. об этом заявил представитель Рязанского окрколхозсоюза. Его поддержали представители из Тулы и Твери. Ленинградские и московские делегаты также по существу высказывались за сдерживание отходничества.

Для окончательной характеристики отходничества в 1930 г. приведем постановление Наркомтруда СССР от 23 октября 1930 г.: «Констатировать, что заключенное Колхозцентром соглашение между Союзлеспромом и НКТ РСФСР по переброске из колхозов к 15 октября 1930 г. 274 400 человек пеших рабочих и 289 800 конных на лесоразработки — не выполнено»[44].

Суммируя все эти факты, Наркомат труда СССР подчеркивал, что огромные темпы коллективизации сельского хозяйства совершенно меняют картину отходничества, особенно квалифицированной рабочей силы, из сельского хозяйства. В 1930 г. в связи с огромным ростом колхозного движения и особенно в период организации колхозов наблюдается стремление последних к задержке кадров, особенно квалифицированных, использование их на местах (строители, счетные работники, культурные работники и т. д.). Это ставит вопрос о новых взаимоотношениях с деревней[45].

Каковы же были реальные размеры отходничества в первые годы пятилетки?

По данным Наркомтруда СССР, в 1928/29 г. число отходников достигло 4343,3 тыс. человек против 3962,9 тыс. человек в 1927/28 г.[46] Таким образом, размеры отходничества возросли в первом году пятилетки на 9,6%, в то время как в 1927/28 г. отходничество увеличилось по сравнению с предшествовавшим годом на 26%. Следовательно, при абсолютном росте числа отходников относительные размеры отходничества по отношению к предшествовавшему году значительно сократились.

К сожалению, данные об отходничестве в 1930 г. отсутствуют. Наркомтруд СССР в силу целого ряда причин не мог получить сведений на этот счет. Однако выборочные обследования, проведенные Научно-исследовательским колхозным институтом и другими учреждениями, позволяют судить об отходничестве в деревне во втором году пятилетки. По максимальным подсчетам, объем отходничества в 1930 г. возрос примерно на 50% по сравнению с 1928/29 г., составив не менее 10% к общему числу сельского населения в возрасте 16—59 лет. В 1928/29 г. отходники к трудоспособному населению в том же возрасте составляли 7,2%. Как видим, рост весьма значительный. Однако по другим данным («Срочным донесениям к XVI съезду ВКП(б)», разработанным Госпланом СССР), отход из колхозов весной 1930 г. составлял

---

[44] Там же, л. 47.
[45] ЦГАОР СССР, ф. 5515, оп. 15, д. 188, л. 10.
[46] «На аграрном фронте», 1931, № 6, стр. 46

7,24% трудоспособного сельского населения, только на 0,04 больше деревенского отхода 1928/29 г.[47]

Можно согласиться с И. Резниковым, специально занимавшимся вопросами отходничества крестьян в конце 20-х — начале 30-х годов, что те и другие общесоюзные цифры не точны. Сопоставляя данные по отдельным районам, он пришел к выводу, что 50-процентный рост отходничества в 1930 г. явно преувеличен[48]. Однако мы можем констатировать, что он был интенсивнее, чем в 1929 г.

На рост отходничества во втором году пятилетки повлияло множество причин. Прежде всего, важную роль сыграли меры партии и правительства по развитию отходничества. С самого начала коллективизации правительство СССР выступило против стремления колхозов к содерживанию рабочей силы и сокращению традиционного отхода крестьянства в город. 16 марта 1930 г. Совнарком СССР принял постановление «Об устранении препятствий к свободному отходу крестьян на отхожие промысла и сезонные работы»[48а]. При этом правительство исходило из потребности промышленности, строительства и транспорта, а также из необходимости ликвидации аграрного перенаселения. После мартовского постановления правления колхозов значительно ослабили стремление к сдерживанию отхода крестьян из колхозов.

На размеры отходничества в 1930 г. повлияли также ошибки, допущенные в колхозном строительстве. Многие крестьяне, вышедшие из колхозов, ушли на отхожие промыслы и навсегда осели в городах.

На рост отходничества существенное влияние оказала механизация некоторых производственных процессов в сельском хозяйстве. Рассмотрим конкретные материалы 1930 года[49]:

Группы колхозов по степени механизации	Количество колхозов	В них трудоспособных	% отходников к общему числу трудоспособных
до 25%	5	7755	3,9
св. 25—50%	5	6161	4,5
св. 50—75%	7	2583	6,3
св. 75%	5	4283	9,4
Итого	22	20782	5,51

Приведенные данные по 22 колхозам убедительно свидетельствуют о том, что чем выше был процент механизации, тем зна-

[47] «На аграрном фронте», 1931, № 6, стр. 46—47.
[48] *И. Резников.* Указ. соч., стр. 46.
[48а] СУ СССР, 1930 г., № 18, ст. 206.
[49] «На аграрном фронте», 1931, № 6, стр. 45.

чительнее процент отходников, и наоборот. Следовательно, в колхозах в связи с механизацией появилась новая тенденция. Если на первых порах существовало стремление задерживать отходников, то по мере роста механизации колхозы перестали препятствовать отходу рабочей силы в другие отрасли народного хозяйства.

Сложность и в какой-то степени противоречивость процессов, проходивших в деревне на рубеже 20—30-х годов, приводили исследователей к противоположным выводам. Б. Л. Маркус, А. М. Панфилова и другие авторы писали о сокращении размеров отходничества в результате коллективизации [50]. Ю. В. Арутюнян доказывал обратное — коллективизация ускорила и расширила процесс вовлечения крестьянского населения в промышленность [51]. Можно в целом согласиться с Ю. В. Арутюняном в том, что в годы сплошной коллективизации в связи с широкой механизацией сельского хозяйства, позволившей высвободить для других отраслей народного хозяйства часть рабочей силы, усилился процесс миграции сельского населения. Однако для первых лет массовой коллективизации следует внести существенную поправку. В 1929—1930 гг. отходничество в силу указанных выше причин значительно сдерживалось.

При рассмотрении вопроса о влиянии разного рода причин на размеры отходничества следует особенно учитывать, что отлив сельского населения в город становился тем сильнее, чем было больше потребностей города в рабочей силе, а значит, и возможностей устроиться на работу. В 1929 г. и особенно в 1930 г. таких возможностей было немало. Люди требовались всюду. Страна начинала испытывать голод в рабочих кадрах. В таких условиях отлив из деревни был бы гораздо более значительным, если бы не сдерживавшие силы, проявившиеся в начале сплошной коллективизации.

Социально-экономические преобразования, проходившие в деревне на рубеже 20—30-х гг., оказали существенное влияние на процесс ликвидации безработицы в СССР. Колхозное строительство, сдерживавшее на первых порах отходничество сельского населения, было важной причиной, позволившей быстро рассосать и полностью уничтожить безработицу в СССР к концу 1930 г.

Социалистическая реконструкция сельского хозяйства остро поставила вопрос о квалифицированных кадрах в деревне. Там к тому же почти не было людей, знающих крупное производство. Колхозно-совхозное строительство предъявило спрос как на руководящие кадры (директоров совхозов и МТС, председателей колхозов), так и на квалифицированных рабочих и служащих (трактористов, механизаторов, слесарей, бухгалтеров, счетных работни-

[50] *Б. Л. Маркус.* Указ. соч., стр. 186; *А. М. Панфилова.* Указ. соч., стр. 17.

[51] *Ю. В. Арутюнян.* Коллективизация сельского хозяйства и высвобождение рабочей силы для промышленности».— «Формирование и развитие советского рабочего класса (1917—1961 гг.)». Сб. статей. М., 1964, стр. 116.

ков и т. д.). Кроме того, крупные социалистические хозяйства планировали большое строительство школ, клубов, больниц, ветеринарных лечебниц и пр. Квалифицированные кадры быстро мог дать только город.

С середины 1929 г. начала ощущаться нехватка в специалистах самого широкого профиля, в том числе и для сельского хозяйства. В отчете Зернотреста за 1928/29 г. отмечалось, что до середины 1929 г. основным источником найма агрономов, инженеров, инструкторов-механиков, бухгалтеров и квалифицированных рабочих для социалистического сектора сельского хозяйства был «вольный рынок», но уже летом 1929 г. этот источник комплектования кадров «совершенно утрачивает то положение, которое он имел в 1928 г. К нему прибегают очень редко и рассматривать его совершенно не приходится» [52]. В условиях интенсивного строительства колхозов и совхозов безработица среди специалистов сельского хозяйства уходила в прошлое.

Первоначальная программа пятилетнего плана по кадрам для сельского хозяйства была увеличена в течение 1929—1930 гг. в несколько раз. По уточненному варианту пятилетки предполагалось направить в сельское хозяйство в связи с его коллективизацией около 2,5 млн. специалистов, из них для совхозов 1280 тыс. (45 тыс. специалистов высшей квалификации, 135 тыс.— средней квалификации и 1100 тыс. квалифицированных рабочих) и для колхозов и МТС 1116 тыс. (105 тыс.— высшей квалификации, 511 тыс. — средней и 500 тыс. квалифицированных рабочих) [53]. Квалифицированные кадры требовались в созданных и организуемых колхозах, совхозах, МТС.

Весенняя посевная кампания 1930 г. выявила огромную нехватку специалистов сельского хозяйства в колхозах. Сплошная коллективизация деревни, широко развернувшаяся в 1930 г., вызвала новый, огромный спрос на квалифицированную рабочую силу. Вопрос о кадрах не сходил с повестки дня правления Колхозцентра. В решении правления Колхозцентра от 26 ноября 1930 г. было записано: «Обязать республиканские колхозные центры, областные и краевые колхозсоюзы поставить работу по кадрам как одну из важнейших политических и производственных задач колхозной системы» [54].

Значительные по тому времени масштабы совхозного строительства сопровождались существенным ростом рабочей силы. Если в июле 1927 г. в совхозах было занято 150 700 человек (из них около 10 тыс. квалифицированных рабочих — трактористов, слесарей, кузнецов и др.), то в 1929 г. численность рабочих сов-

[52] «Исторический архив», 1956, № 1, стр. 93—95.
[53] ЦГАОР СССР, ф. 5466, оп. 3, д. 763, л. 78. Для сравнения укажем, что по первоначальному плану предполагалось довести число агрономов в сельском хозяйстве до 23 тыс., а трактористов и механиков — до 250 тыс. («Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР», т. I, стр. 81).
[54] ЦГАНХ СССР, ф. 7446, оп. 1, д. 96, л. 197.

хозов достигла 227 100 (из них 30 тыс. квалифицированных), а в 1930 г.— свыше 400 тыс. (в том числе свыше 100 тыс. квалифицированных рабочих) [55]. Большую часть этих кадров давал город.

Кадровые рабочие уезжали в деревню, а на их места приходили те, кто нуждался в работе. Сливались в единый поток разные ручейки и каналы ликвидации безработицы. Близился ее неминуемый конец.

Существенное значение в ликвидации безработицы, смягчении аграрного перенаселения имело начало механизации сельского хозяйства. В первые годы пятилетки развернулось строительство машинно-тракторных станций (МТС) и машинно-конных станций. К весне 1930 г. было создано 158 машинно-тракторных станций, а к концу 1930 г. в стране уже работало 360 МТС с тракторным парком в 215 тыс. л. с.[56] На руководящую работу в МТС людей давал город. В 1929 г. среди уполномоченных, директоров, заместителей директоров и т. д. рабочие составляли 75,1%, служащие — 19%, крестьяне —5,9% [57]. Квалифицированная рабочая сила МТС также в значительной степени пополнялась из города.

В связи с массовым совхозно-колхозным строительством потребности в кадрах росли буквально с каждым днем. Составляя контрольные цифры по кадрам на 1931 г., Колхозцентр в объяснительной записке писал, что общая потребность в кадрах массовой квалификации составит свыше 2,6 млн. человек (не считая трактористов и строителей).

Столь же велики потребности в специалистах были и у совхозов и МТС. На пленуме ЦК Союза сельскохозяйственных и лесных рабочих, проходившем в январе 1930 г., назывались такие цифры: для совхозного строительства и организации МТС необходимо иметь свыше 1 млн. человек, в том числе младшего технического персонала (трактористы, кузнецы, механики и т. д.) — 500 тыс., специалистов средней квалификации — 222 тыс., специалистов высшей квалификации — 85 тыс., директоров совхозов — свыше 15 тыс.[58]

Таким образом, для колхозного и совхозного строительства требовалось 3,5 млн. специалистов. Эта потребность покрывалась как за счет города, так и за счет сельского населения. Именно на рубеже 20—30-х годов начался новый процесс — отлив части городской рабочей силы в колхозы, совхозы и МТС. Рабочий класс выступил в авангарде борьбы за социалистическое преобразование сельского хозяйства. Требования на высококвалифицированные рабочие кадры со стороны деревни естественно оказывали огромное

---

[55] *С. П. Трапезников.* Указ. соч., т. II, стр. 117.
[56] Там же, стр. 112, 330; «Народнохозяйственный план СССР на 1931 год», стр. 41.
[57] «На аграрном фронте», 1930, № 6, стр. 123.
[58] ЦГАНХ СССР, ф. 7446, оп. 11, д. 48, лл. 40—41.

влияние на состояние рынка труда, на сокращение армии безработных.

Социалистическая реконструкция сельского хозяйства, подъем народного здравоохранения, культурное строительство на селе потребовали привлечения в деревню людей интеллектуального труда. В связи с созданием все бо́льшего числа крупных коллективных хозяйств потребность в этих кадрах все время возрастала. Город дал деревне специалистов высшего класса — агрономов, зоотехников, врачей, учителей, культпросветработников и пр. Таким образом, коллективизация сельского хозяйства сыграла существенную роль в ликвидации безработицы и среди людей интеллектуального труда.

Такую потребность в квалифицированных кадрах биржи труда уже не могли удовлетворить. К середине 1930 г. в связи с проведением социалистической индустриализации и массовым колхозным и совхозным строительством на биржах труда уже не было свободных квалифицированных кадров.

Нужно было принимать экстренные меры для решения этого вопроса. В ноябре 1929 г. Пленум ЦК ВКП(б) принял решение о командировании в колхозы, МТС и частично в совхозы 25 тыс. индустриальных рабочих[59]. 75 тысяч рабочих-добровольцев выразили желание поехать в деревню. По данным Ю. С. Борисова, специально исследовавшего этот вопрос, в деревню выехало 35 тыс. человек[60]. В 1930 г. для проведения организационно-политической работы на селе было послано из города 180 тыс. человек[61]. Кроме того, десятки тысяч коммунистов и комсомольцев выехали в деревню на длительный срок, чтобы помочь партии и правительству проводить коллективизацию.

Однако и эти меры не могли полностью решить проблему удовлетворения спроса деревни на квалифицированную рабочую силу.

В сентябре 1929 г. было принято решение об обеспечении квалифицированными кадрами колхозов, совхозов и МТС, о подготовке к весне 1930 г. для РСФСР и УССР 50 тыс. трактористов и рулевых, 100 тыс. квалифицированных рабочих, 25 тыс. руководителей колхозов и нескольких тысяч специалистов различного профиля. Из этого числа 25 тыс. трактористов и рулевых и 50 тыс. квалифицированных рабочих предоставляла Красная Армия (демобилизованные красноармейцы и некоторая часть политсостава).

---

[59] «КПСС в резолюциях и решениях...», т. IV, стр. 350.

[60] Ю. С. Борисов, анализируя и сопоставляя источники, как опубликованные, так и неопубликованные, пришел к выводу, что цифра в 27 тыс., наиболее часто встречаемая в источниках и литературе, а также сведения о 29 тыс. двадцатипятитысячников занижены. Он убедительно доказывает, что в деревню выехало значительно больше людей (*Ю. С. Борисов.* Подготовка производственных кадров сельского хозяйства СССР в реконструктивный период. М., 1960, стр. 81—83).

[61] «Ленинский кооперативный план и борьба партии за его осуществление», стр. 96.

Это мероприятие, бесспорно, отразилось на состоянии безработицы в 1930 г. (значительно сократилось число демобилизованных, регистрировавшихся на биржах труда).

В дальнейшем задания по подготовке и переподготовке кадров для социалистического сектора сельского хозяйства были увеличены еще на 30 тыс. человек [62].

Было решено организовать широкую сеть курсов и школ по подготовке специалистов для колхозов, совхозов и МТС. Советское правительство отпустило на эти цели довольно значительные средства — 35 млн. руб.[63]

На ноябрьском (1929 г.) Пленуме ЦК ВКП(б) было признано необходимым «организовать при Колхозцентре центральную школу по подготовке организаторов крупных коллективных хозяйств» [64]. О необходимости создания широкой сети курсов колхозных работников говорилось в постановлении ЦК от 5 января 1930 г. «Ввиду особого значения кадров,— подчеркивалось в постановлении,— ЦК предлагает Наркомзему Союза, Колхозцентру и областным комитетам партии ускорить работу по выработке колхозных кадров и обеспечению ими колхозов, создав для этого широкую сеть ускоренных курсов» [65].

К организации курсов (краткосрочных, а также годичных и двухгодичных) Колхозцентр приступил сразу же после ноябрьского Пленума ЦК ВКП(б). К весенней кампании 1930 г. на курсах обучалось около 500 тыс. человек, в их числе руководители колхозов, отдельных отраслей хозяйства, механизаторы и другие квалифицированные рабочие. К весне 1930 г. благодаря курсам по подготовке и переподготовке специалистов для сельского хозяйства колхозы, совхозы и МТС получили 225 тыс. специалистов [66].

В начале 1930 г. Колхозцентр писал в Отдел работы в деревне ЦК ВКП(б): «В связи с массовой коллективизацией подготовка массовых кадров для колхозной системы приобретает исключительное значение» [67]. Он рассчитал, что для 1929/30 г. нужно подготовить 400 тыс. работников [68].

После весенней посевной кампании 1930 г., выявившей огромную нехватку в колхозах специалистов сельского хозяйства, Колхозцентр усилил работу по подготовке кадров. 26 марта он вынес решение о расширении наборов в школах крестьянской молодежи, которые переименовывались в школы колхозной молодежи. Был определен план развития ШКМ с набором курсантов на 1930/31 г.: в 3-годичные дневные школы предполагалось набрать 300 тыс. человек, одногодичные — 240 тыс., в вечерние ШКМ (одногодич-

---

[62] ЦГАОР СССР, ф. 5466, оп. 3, д. 763, л. 4.
[63] Там же.
[64] «КПСС в резолюциях и решениях...», т. IV, стр. 350.
[65] Там же, стр. 385.
[66] ЦГАНХ СССР, ф. 7446, оп. 11, д. 43, л. 2.
[67] Там же, д. 14, л. 13.
[68] Там же, л. 15.

ные) планировалось взять 200 тыс. человек, а в двухгодичные — 50 тыс. человек. Всего в школы колхозной молодежи в конце 1930 г. предполагалось направить около 800 тыс. юношей и девушек. Это был для тех лет очень большой план, но даже его выполнение не решало задачу массовой подготовки кадров для сельского хозяйства в связи с его социалистической реконструкцией.

11 августа 1930 г. правление Колхозцентра утвердило план и систему мероприятий по подготовке кадров на 1930/31 г.[69] В сентябре было решено развернуть сеть заочного обучения колхозников, создать филиалы заочных курсов Колхозцентра в республиках. Вопрос о подготовке колхозных кадров вновь рассматривался правлением Колхозцентра 26 ноября 1930 г., которое предложило всем колхозсоюзам значительно усилить подготовку кадров, особенно через курсовую сеть в колхозах [70].

В марте 1930 г. Наркомтруд РСФСР писал: «Современное состояние рынка труда, характеризуемое все большим иссяканием свободных резервов квалифицированной и полуквалифицированной рабочей силы в условиях все возрастающей потребности народного хозяйства в квалифицированных кадрах ставит с чрезвычайной остротой проблему расширенной подготовки рабочей силы, что является решающей предпосылкой для выполнения планов хозяйственного строительства» [71]. Этот документ отражал наступление нового этапа. Комплектование через биржы труда уступало место централизованному перераспределению и плановой подготовке кадров.

Основные кадры для колхозного и совхозного строительства деревня получала за счет сельского населения: выдвиженцев-практиков, сельской молодежи и др. Это имело существенное значение для сокращения аграрного перенаселения, и хотя в начале 30-х годов оно еще сохранялось, однако размеры его значительно сократились.

Итак, все приведенные выше материалы позволяют сделать вывод об огромном влиянии сплошной коллективизации сельского хозяйства на процесс ликвидации безработицы в СССР. Строительство колхозов и совхозов открыло возможности использования трудовых ресурсов внутри сельскохозяйственного производства, сдержало (особенно на первых порах в связи с организационным периодом) отходничество крестьян в город, потребовало новых высококвалифицированных кадров различного профиля, которые в тот период мог дать в первую очередь город.

Использование в колхозах, совхозах и МТС сельских трудовых резервов и отток из города в деревню квалифицированных кадров — таковы были важнейшие процессы, которые способствовали сокращению аграрного перенаселения и ликвидации безработицы в СССР.

[69] ЦГАНХ СССР, ф. 7446, оп. 1, д. 96, л. 34—34 об.
[70] Там же, л. 197.
[71] Там же, оп. 11, д. 76, л. 72.

Глава седьмая

ЗНАЧЕНИЕ КУЛЬТУРНОЙ РЕВОЛЮЦИИ В РЕШЕНИИ ПРОБЛЕМЫ ЛИКВИДАЦИИ БЕЗРАБОТИЦЫ

Борьба за ликвидацию неграмотности, за введение всеобщего начального образования и ее роль в исчезновении безработицы среди работников просвещения

В годы первой пятилетки Коммунистическая партия и Советское правительство выделили значительные суммы на культурное строительство. С 1928/29 по 1932 г. они возросли более чем в 3 раза — с 1552,2 млн. руб. до 4755,2 млн. руб. Всего за пятилетку на проведение социально-культурных мероприятий было израсходовано 12 846,8 млн. руб.[1]

Увеличение средств, ассигнованных на культурное строительство, позволило поставить и решить многие проблемы, что в свою очередь оказало существенное влияние на процесс ликвидации безработицы в СССР.

Важнейшей проблемой конца 20-х годов была проблема ликвидации неграмотности и малограмотности населения. По переписи 1926 г. в Советском Союзе насчитывалось всего 55,5% грамотных в возрасте от 16 до 50 лет[2]. Особенно плохо дело обстояло в деревне. К началу 1927 г. среди деревенской бедноты было от 70 до 85% неграмотных[3].

С таким наследием, полученным от царской России, трудно было форсировать темпы социалистического строительства. Неграмотность населения стала серьезным препятствием на пути проведения социалистической индустриализации и коллективизации сельского хозяйства.

Пятилетним планом предусматривалось охватить обучением 18,2 млн. человек, в том числе 17 млн. человек сельского населения.

17 мая 1929 г. ЦК ВКП(б) принял постановление «О работе по ликвидации неграмотности»[4]. Партия подняла на борьбу с неграмотностью широкие народные массы. Десятки тысяч культармейцев (так называли людей добровольно и бесплатно работав-

[1] «Расходы на социально-культурные мероприятия по единому государственному бюджету СССР (союзному, республиканским и местным) за I и II пятилетки (1928/29—37 гг.)». М., 1939, стр. 18.

[2] «Народное хозяйство СССР», Статистический справочник. М., 1932, стр. 506.

[3] *В. А. Куманев.* Социализм и всенародная грамотность. Ликвидация массовой неграмотности в СССР. М., 1967, стр. 160.

[4] «Директивы ВКП(б) и постановления Советского правительства о народном образовании». Сб. документов за 1917—1947 гг., вып. 2. М.—Л., 1947, стр. 127—130.

ших на том или ином участке культурного строительства) организовывали работу по ликбезу, помогали органам народного образования проводить культурно-просветительные мероприятия и т. д.

В 1928/29 г. по инициативе комсомола в стране проходил Всесоюзный культпоход за ликвидацию неграмотности. В нем приняли участие культармейцы и штатные работники [5]. Активное участие во Всесоюзном культпоходе приняли безработные учителя. На биржах труда по их инициативе была произведена запись добровольцев в бригады ликбеза. В эти бригады записывались не только безработные преподаватели, но и работники клубов, библиотек, дошкольных учреждений и пр.[6] Их деятельность приняла настолько широкий характер, что было принято решение рассмотреть этот вопрос на заседании Президиума ЦК профсоюза рабпроса и коллегии НКТ СССР. 21 августа 1929 г. вопрос рассматривался в Президиуме ЦК рабпроса [7]. Поддержав начинание безработных учителей, Президиум дал указание снабдить всех добровольцев, изъявивших желание принять участие в культпоходе, книгами и другими учебными пособиями, ассигновать дополнительные средства на эту работу, вовлечь в бригады ликбезовцев-безработных всю группу работников интеллектуального труда. Кроме того, Президиум обратился в НКТ СССР с просьбой обсудить вопрос о выделении из средств, ассигнованных на общественные работы, суммы на дополнительные пособия по безработице работникам просвещения, участвующим в культпоходе.

В конце августа 1929 г. НКТ СССР принял решение обратиться с циркулярным письмом ко всем наркоматам труда союзных республик о вовлечении безработных в борьбу за ликвидацию неграмотности [8]. 11 сентября письмо было подписано и опубликовано в «Известиях НКТ СССР» [9]. В нем были намечены конкретные мероприятия по привлечению безработных преподавателей и других групп интеллектуального труда к работе по ликвидации неграмотности, в частности был определен целый ряд льгот для добровольцев-ликбезовцев: выдача дополнительных пособий, особенно для тех, кто выезжал в сельские местности, прием вне очереди на курсы повышения квалификации, преимущества при посылке на постоянную работу и пр.

Письмо НКТ СССР широко обсуждалось среди безработных просвещенцев. На биржах труда организовывались все новые бригады добровольцев [10]. Участие широкой общественности в борь-

---

[5] Подробнее о культпоходе см. *М. П. Ким.* 40 лет советской культуры. М., 1957, стр. 120—126; *В. А. Куманев.* Указ. соч., стр 181—206.
[6] ЦГАОР СССР, ф. 5462, оп. 11, д. 201, лл. 179—271.
[7] Там же, л. 3.
[8] Там же, лл. 10—11.
[9] «Известия НКТ СССР», 1929, № 45—46.
[10] Об этой работе на местах см. ЦГАОР СССР, ф. 5462, оп. 11, д. 80, л. 2.

бе за ликвидацию неграмотности, проведение Всесоюзного культпохода определили коренной перелом в работе по ликбезу. Об этом свидетельствуют следующие цифры: в 1927/28 г. ликбезом было охвачено 1,3 млн. человек, в 1928/29 г.— 2,5 млн., а к концу 1929 г.— 6,7 млн. человек [11]. Но партия считала и эти темпы недостаточными.

В начале 1930 г. в связи с развертыванием сплошной коллективизации ЦИК СССР, Центральный совет Общества «Долой неграмотность» (ОДН), Наркомзем и Колхозцентр обратились ко всем сельсоветам, правлениям колхозов, ко всем работникам земотделов, ко всем организациям ОДН и культармейцам с призывом всемерно усилить работу по ликвидации неграмотности среди крестьян социалистического сектора сельского хозяйства. В обращении подчеркивалось, что темп ликвидации неграмотности не только не должен отставать от темпа коллективизации, но и должен превзойти его [12]. В 1930 г. в деревнях активно проходил Всесоюзный поход за ликвидацию неграмотности. В тот год миллионы крестьян овладели грамотой, ликбезом было охвачено 19,6 млн. человек, в том числе 12,6 неграмотных и 7 млн. малограмотных [13]. Таким образом, задания пятилетнего плана были выполнены в первые два года пятилетки.

Обучение большой массы людей потребовало увеличения кадров педагогических работников. Хотя основная работа легла на плечи культармейцев, обучавших на общественных началах миллионы человек, обеспечить достаточно высокий уровень обучения в школах ликбеза могли лишь квалифицированные преподаватели, имевшие специальную подготовку. Необходимо было также решить вопрос о повышении общеобразовательного и культурного уровня культармейцев. С этой целью в первые годы пятилетки было открыто несколько культармейских университетов. В Москве, например, в таком университете обучалось 4,5 тыс. человек [14]. Преподавание в этих университетах вели специалисты, опытные педагоги. Спрос на преподавателей возрастал.

Биржи труда с большим трудом выполняли заявки на педагогов, которые поступали от учреждений и организаций, ведших борьбу за ликвидацию неграмотности. С каждым годом эти заявки возрастали, а кадры безработных просвещенцев на биржах труда сокращались. О нехватке работников просвещения, необходимых для организации борьбы по ликвидации неграмотности, говорилось на VIII Всесоюзном съезде работников просвещения еще в марте 1929 г.[15] Этот же вопрос обсуждался на заседании

---

[11] «Народнохозяйственный план СССР на 1931 г.», стр. 145.
[12] *М. П. Ким.* Указ. соч., стр. 123.
[13] «Народнохозяйственный план СССР на 1931 г.», стр. 145.
[14] *А. В. Кольцов.* Культурное строительство в РСФСР в годы первой пятилетки. 1928—1932. М.— Л., 1960, стр. 43.
[15] ЦГАОР СССР, ф. 5462, оп. 11, д. 6, л. 104.

школьных работников в ноябре 1929 г.[16] Особенно тревожно с кадрами было на местах. По подсчетам НКТ РСФСР, в 1929 г. для работы по ликвидации неграмотности требовалось 300 тыс. учителей, из них 235 тыс. добровольцев, работающих без оплаты, и 65 тыс. платных работников[17]. Столь значительную заявку биржи труда уже не могли выполнить. По сведениям 281 биржи труда, всего на учете в 1929 г. (по данным на сентябрь) состояло 26 250 работников просвещения, в том числе в Москве — 4,7 тыс. человек, в Ленинграде — 2 тыс., на Урале — 652 человека, на Украине — 3,7 тыс.[18]

В связи с обнаружившейся нехваткой учительских кадров было принято решение срочно организовать при биржах труда краткосрочные (двухмесячные) и годичные курсы переобучения лиц интеллектуального труда, желавших вести работу по ликвидации неграмотности[19]. На эти курсы в основном записывались служащие, безработица среди которых была еще сравнительно велика. По данным бирж труда, она составляла в сентябре 1929 г. почти 130 тыс. человек. Работа по ликвидации неграмотности помогла в определенной степени рассосать безработицу среди этой самой застойной группы безработных.

В 1930 г. вопрос с педагогическими кадрами еще более осложнился. Для работы по ликбезу требовалось 166 тыс. платных работников, из них только 10 тыс. специалистов-инструкторов для организации работы добровольцев, работающих без оплаты[20]. Фактически на биржах труда таких кадров уже не было. Безработица среди учителей полностью исчезла еще в начале 1930 г. Огромную роль в этом сыграла подготовка к введению всеобщего обязательного начального образования.

Вопрос о введении всеобщего начального образования всесторонне обсуждался на XV съезде ВКП(б). Съезд предложил партийным и советским органам принять все меры к решительному проведению в жизнь всеобщего начального обучения[21]. Началась активная подготовка к осуществлению всеобуча.

Накануне первой пятилетки огромное количество детей трудящихся не было охвачено обучением. Например, в РСФСР в 1927/28 г. почти половина детей в возрасте 8—14 лет не посещала школу. Особенно плохо обстояло дело с детьми младших возрастов. В 1927/28 учебном году 44% детей в возрасте 8—11 лет не пошли учиться[22]. С этим нельзя было мириться. Мало того,

---

[16] ЦГАОР СССР, ф. 5462, оп. 11, д. 101, л. 1.
[17] Там же, д. 203, л. 6.
[18] «Вопросы труда», 1930, № 2, стр. 122—123.
[19] ЦГАОР СССР, ф. 5462, оп. 11, д. 103, л. 6.
[20] Там же, оп. 12, д. 253, л. 30.
[21] «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», т. IV. М., 1970, стр. 69.
[22] «Массовое просвещение в СССР к 15-летию Октября», ч. I. М.—Л., 1932, стр. 29.

что в наследство от царской России Советская страна получила вопиющую неграмотность населения, и теперь при Советской власти далеко не все дети посещали школы, пополняя тем самым ряды неграмотных [23]. В годы реконструкции народного хозяйства вопрос о ликвидации неграмотности среди детей приобрел особое значение. Молодое поколение, которому предстояло строить социалистическое общество, базирующееся на самой передовой науке и технике, должно было иметь минимум начальное образование. «Всем начальное образование» — стало одной из задач первой пятилетки.

Уже в первом году пятилетки дело всеобщего начального образования значительно продвинулось вперед, существенно возросли ассигнования на нужды народного просвещения, в большом объеме велось строительство новых школьных зданий, ремонтировались старые школы, увеличились расходы на учебники и учебные пособия, улучшилось материальное положение учителей. В стране выросла сеть школ, увеличилось число учащихся, улучшилась организация и методы школьной работы, повысились уровень и качество знаний учащихся. Всего за один 1928/29 г. число школ возросло более чем на 6 тыс., достигнув цифры 124 847 против 118 558 в 1927/28 г. Численность учащихся увеличилась примерно на 540 тыс.[24]

Во втором году пятилетки подготовка к всеобучу еще более усилилась. В 1929/30 учебном году в школы пошло 13,5 млн. человек против 12 млн. в предыдущем году. Темп роста числа учащихся в 1929/30 г. был в 3 раза выше, чем в первом году пятилетки [25]. Причем число учащихся первой ступени возросло более чем на 1 млн. человек. Это была значительная цифра, которая реально приближала Советскую страну к всеобучу.

Готовясь к введению всеобщего начального образования, Коммунистическая партия и Советское правительство обратили серьезное внимание на обеспечение школ педагогическими кадрами. В годы пятилетки наблюдался значительный рост числа учителей. Накануне первой пятилетки в стране было 347 тыс. школьных педагогов, в 1928/29 г. численность учительского персонала составила 365 тыс. человек, а во втором году пятилетки она достигла 395 тыс. человек. Итак, за два года число учителей увеличилось на 48 тыс. человек.

Уже в первые годы пятилетки начала ощущаться острая не-

---

[23] По данным Всесоюзной переписи населения 1926 г., только в Европейской части РСФСР было 3 307 129 неграмотных детей в возрасте 8—11 лет и свыше 3 млн. неграмотных подростков в возрасте 12—15 лет (см. *А. И. Иванова.* Что сделала Советская власть по ликвидации неграмотности среди взрослых. М., 1949, стр. 29).

[24] «Культурное строительство СССР». Статистический сборник. М., 1956, стр. 80.

[25] Там же.

хватка педагогических кадров. По самым минимальным подсчетам, страна нуждалась в 20—25 тыс. новых учителей. Только в РСФСР не хватало 11,5 тыс. преподавателей для школ первой ступени. Еще в мае 1929 г. Наркомпрос РСФСР направил в СНК РСФСР докладную записку, в которой отмечал, что потребность в учителях начальных школ в республике удовлетворялась лишь наполовину [26].

Биржи труда не могли обеспечить все заявки на школьных учителей. Они мобилизовывали все наличные ресурсы, брали на учет учителей, работавших не по специальности, и направляли их в школы, организовывали краткосрочные курсы для подготовки учителей и т. д. Эта работа принимала все более широкий размах — приближалось время введения всеобщего начального образования.

В апреле 1930 г. на втором Всесоюзном партийном совещании по народному образованию было высказано мнение о необходимости перехода к всеобучу с осени 1930 г.[27] Это предложение поддержали областные, краевые и республиканские партийные конференции, прошедшие накануне XVI съезда ВКП(б).

Решение о переходе ко всеобучу в самое ближайшее время было одобрено XVI съездом ВКП(б), открывшимся в июне 1930 г. На основе решений съезда Советское правительство 14 августа 1930 г. приняло постановление «О всеобщем обязательном начальном обучении», которым предусматривалось введение в 1930/31 учебном году всеобщего обязательного обучения детей в возрасте 8—10 лет в объеме четырехлетнего курса начальной школы. Одновременно вводилось обязательное обучение подростков в возрасте 11—15 лет, не окончивших начальной школы [28].

В 1930/31 г. в начальную школу должно было пойти 14,2 млн. ребят в возрасте 8—10 лет и свыше 3 млн. подростков от 11 до 15 лет. Кроме того, 2 млн. детей обучалось в школах-семилетках (в начальных классах). Таким образом, общая цифра учащихся начальной школы достигала 19,3 млн. человек против 13,5 млн. в 1929/30 г. Следовательно, всего за год количество детей, охваченных всеобучем, увеличивалось на 44%. Таких темпов роста числа учащихся не было ни в предшествовавшие, ни в последующие годы. 19,3 млн. учащихся — эта цифра приближалась к окончательным проектировкам пятилетки (20 млн. человек). Задания первого пятилетнего плана по начальной школе выполнялись за три года. 1930/31 г. был особым, переломным годом в истории народного образования. По этому поводу Госплан СССР писал: «Мы во много раз превышаем максимально предельные темпы

---

[26] *А. В. Кольцов.* Указ. соч., стр. 58, 64.
[27] *М. П. Ким.* Указ. соч., стр. 130—131.
[28] «Директивы ВКП(б) и постановления Советского правительства о народном образовании», вып. 1. М.— Л., 1947, стр. 102.

развертывания начальной школы, когда-либо имевшие место в практике любой капиталистической страны» [29].

Столь быстрые темпы школьного строительства потребовали мобилизации огромных средств и сил советского народа. В 1930/31 г. Советское правительство отпустило на всеобуч 1172,3 млн. руб.[30] Кроме того, большие средства были отпущены профсоюзами. 28 августа 1930 г. Президиум ВЦСПС постановил увеличить отпуск средств профсоюзов на всеобуч в 1930/31 г. до 15% отчислений из средств, предназначенных на культурно-просветительную работу [31]. В то же время он утвердил общую сумму расходов на всеобуч в размере 22 млн. руб.

В финансировании школьного строительства принял участие и Колхозцентр. В сентябре 1930 г. он рекомендовал выделить на всеобуч не менее 10% средств, отчисляемых колхозами в их общественные фонды. Огромные суммы на школьное строительство отчислялись также по местным бюджетам.

На борьбу за изыскание дополнительных средств для всеобуча партия подняла всю советскую общественность — профсоюзы, комсомол и другие организации.

Кроме проблемы финансирования перед школьным строительством стояла не менее острая и ответственная задача — проблема кадров. Для того чтобы обучить почти 20 млн. детей, нужно было направить в начальные школы весь наличный педагогический персонал, усилить подготовку и ускорить выпуск учителей для начальной школы.

Введение всеобщего обязательного обучения в 1930 г. привело к еще более острому дефициту в преподавателях. Уже в первом году всеобуча для школ первой ступени потребовалось 63 тыс. новых учителей, а техникумы, готовившие педагогические кадры для начальной школы, обеспечивали лишь 25—30% этой потребности [32]. На биржах труда практически безработных учителей не было. К лету 1930 г. на учете бирж труда состояло 15 тыс. просвещенцев, но, как показала проверка состава безработных, это были в основном работники дошкольных учреждений и учителя со специальным образованием (учителя-логопеды и пр.) [33].

13 августа 1930 г. в Наркомате труда СССР состоялось специальное совещание по вопросу подготовки педагогических кадров из безработных в связи с введением всеобуча [34]. НКТ СССР

---

[29] «Народнохозяйственный план на 1931 г.», стр. 62.
[30] Там же.
[31] «Бюллетень Народного комиссариата просвещения РСФСР», 1930, № 27, стр. 24.
[32] «Народнохозяйственный план на 1931 г.», стр. 65.
[33] Проверка состава педагогических кадров проводилась НК РКИ летом 1930 г. 6 сентября 1930 г. на заседании коллегии НК РКИ РСФСР отмечалась острая нехватка педагогических кадров. Было констатировано, что все наличные кадры исчерпаны (ЦГАОР СССР, ф. 5462, оп. 12, д. 127, л. 232).
[34] Там же, л. 53.

принял решение ввиду отсутствия на биржах труда безработных учителей использовать для педагогической работы все другие группы безработных просвещенцев, а также безработную молодежь, окончившую 9 классов, и всех других безработных интеллектуального труда, имевших недефицитную специальность. Было решено предложить местным органам труда организовать при биржах труда междуведомственные комиссии для отбора педагогических кадров из безработных и организации кратковременных курсов (3- и 6-месячных) по подготовке учителей для начальных школ.

В течение лета и осени 1930 г. в стране была создана широкая сеть педагогических курсов, на которых могли заниматься все безработные, имевшие среднее образование, причем образовательный ценз был впоследствии понижен с 9 до 7 классов [35]. С открытием таких курсов возможность ликвидации безработицы среди представителей интеллектуального труда значительно возросла. Немало безработных в то время сменили свои недефицитные специальности (особенно среди служащих) на профессию народного учителя. Всего в 1930 г. через краткосрочные курсы было подготовлено для начальной школы 25 тыс. человек (по плану намечалось 32,3 тыс.) [36]. В 1930 г. практически каждый безработный, имевший 7-классное образование, независимо от своей специальности, мог получить работу учителя начальной школы, пройдя кратковременные курсы (от 6 месяцев до 21 дня) по подготовке и переподготовке учителей.

Введение всеобщего начального образования сыграло также известную роль в ликвидации безработицы среди школьной молодежи. Если раньше некоторая часть юношей и девушек, закончивших неполные и полные средние школы, пополняла ряды безработных, то теперь их всюду ждала работа в качестве народного учителя. По плану 1930/31 г. потребность в учительских кадрах начальной школы, исчисляемая в 60—70 тыс. человек, предполагалось обеспечить на 20 тыс. выпускниками школ с педуклоном. Кроме того, как уже отмечалось выше, каждый молодой человек, имевший образование в размере 7 классов, мог получить профессию учителя начальной школы, окончив краткосрочные курсы.

Несмотря на предпринятые НКТ СССР экстренные меры по подготовке учителей начальных школ из безработных, нужда в педагогических кадрах не ослабевала. Нехватка учителей ощущалась и в городских и в сельских районах.

Главную роль в решении проблемы кадров для всеобуча должны были сыграть педагогические техникумы и педрабфаки. В марте 1929 г. Центральный Комитет партии принял постановление «О подготовке преподавателей в педвузах и педтехникумах и переподготовке учителей» [37], которым обязывал Наркомпрос РСФСР

---

[35] ЦГАОР СССР, ф. 5462, оп. 12, д. 232, л. 104.
[36] Там же, д. 127, л. 45.
[37] «Известия ЦК ВКП(б)», 1929, № 8—9, стр. 18.

значительно расширить контингент учащихся. Коммунистическая партия обращала особое внимание на комплектование педагогических вузов и техникумов. В постановлении ЦК ВКП(б) «Об укомплектовании вузов» подчеркивалось, что в 1929 г. необходимо зачислить в педвузы 65% рабочих и крестьян от общего числа принимаемых, а в педтехникумы — не менее 80% [38]. Центральный Комитет обязал Советы Народных Комиссаров и Наркомпросы союзных республик организовать краткосрочные (3—4 месячные) и более длительные (6—10 месячные) подготовительные курсы при педагогических учебных заведениях. Это значительно облегчало рабочим и крестьянам поступление в педвузы и педтехникумы.

Все эти меры привели к тому, что уже в первые годы пятилетки значительно расширилась система подготовки учителей начальных школ. Накануне пятилетки в стране действовало 383 педтехникума, в которых обучалось 62 500 человек. В 1930/31 г. функционировало уже 618 педтехникумов с контингентом учащихся в 129 402 человека. Таким образом, численность учащихся педтехникумов возросла в первые годы пятилетки в 2 раза. Причем следует подчеркнуть, что это произошло в основном в год введения всеобуча — в 1930/31 г. в техникумах обучалось 130 тыс. студентов против 74 тыс. в 1929/30 г.[39]

Всего в первые годы пятилетки в связи с подготовкой и введением всеобщего начального образования число учащихся в педтехникумах увеличилось на 67 тыс. Это оказало существенное влияние на процесс ликвидации безработицы в СССР. 67 тыс. молодых людей, в основном выходцы из рабочих и крестьян, пошли учиться. Перед ними уже не стояла проблема трудоустройства. Более того, ушедшие на учебу с производства освободили рабочие места для тех, кто нуждался в работе.

Увеличение численности студентов педтехникумов происходило по всей стране, по всем республикам и областям. Рассмотрим табл. 13 (см. стр. 222).

Как свидетельствует таблица, во всех республиках (кроме Украины) значительно выросло количество педтехникумов. Численность же студентов увеличилась во всех республиках без исключения. Причем из таблицы можно вывести такую закономерность — чем ниже был культурный уровень трудящихся республики, тем значительнее росла сеть педтехникумов и увеличивались темпы роста числа студентов. На Украине число учащихся в первые годы пятилетки увеличилось в 1,5 раза, в Белоруссии в — 1,7 раза, в Узбекистане и ЗСФСР — в 1,8 раза, в Туркмении — почти в 6 раз, в Таджикистане — в 9 раз. По существу партия и правительство создавали заново систему подготовки учителей в республиках Средней Азии и Закавказья. Это в первую

[38] «Известия ЦК ВКП(б)», 1929, № 13, стр. 27.
[39] «Народное хозяйство СССР», 1932, стр. 514—515.

Таблица 13

Сеть педтехникумов и подготовка кадров учителей в 1927/29—1930/31 гг. *

Республика	1927/28 г.		1928/29 г.		1929/30 г.		1930/31 г.	
	число уч. заведений	число учащихся	число уч. заведений	число учащихся	число уч. заведений	число учащихся	число уч. заведений	число учащихся
РСФСР	250	41215	262	46065	253	48038	439	89622
УССР	61	10323	52	11009	44	12478	59	15410
БССР	15	2869	17	3726	19	4208	20	4282
ЗСФСР	32	4821	34	5977	35	6292	60	12008
Узб. ССР	20	2762	24	3404	20	2997	26	4941
Турк. ССР	4	437	6	724	7	1400	8	2488
Тадж. ССР	1	73	1	119	нет св.	нет св.	6	651
Всего по СССР	383	62500	396	71024	378	74153	618	129402

* „Народное хозяйство СССР", 1932, стр. 514—515.

очередь имело огромное значение для решения задач культурной революции в национальных республиках.

Кроме того, это оказывало существенное влияние на сокращение безработицы в этих национальных районах. И здесь подготовка и введение всеобщего начального образования, потребовавшие огромного количества педагогов, сыграли немаловажную роль в решении проблемы ликвидации безработицы.

Учителей для начальных школ готовили также и педрабфаки. В 1930 г. педагогические отделения рабфаков были превращены в самостоятельные педрабфаки, число учащихся которых было значительно увеличено. К сожалению, мы не располагаем полными сведениями о количестве учащихся в педрабфаках. Приведем данные М. П. Кима. К началу 1932 г. в РСФСР действовало 87 педрабфаков с общим количеством учащихся 26 130 человек [40]. Эта цифра весьма показательна, она свидетельствует о том, что свыше 25 тыс. человек включились в активную деятельность, миновав тяжелый путь к работе через биржи труда.

В связи с подготовкой и проведением всеобщего начального образования в стране были открыты и работали курсы по повышению квалификации учителей. Созданный в 1928 г. Центральный институт повышения квалификации педагогических кадров организовал во многих городах страны разветвленную сеть очных и заочных курсов, проводил конференции и семинары для работников

[40] *М. П. Ким.* Указ. соч., стр. 140.

просвещения. Для того чтобы представить масштабы этой работы, приведем данные Академии педагогических наук. В 1928/29 учебном году Институт повышения квалификации учителей организовал 287 краткосрочных курсов, на которых обучалось примерно 19 тыс. учителей начальной школы. В некоторых областях и краях были организованы областные и краевые институты повышения квалификации педагогических кадров. В 1929—1930 гг. курсовыми мероприятиями по повышению квалификации было охвачено 12,5% и заочной подготовкой — 15% всех работников просвещения [41]. Не нужно особо доказывать, что и для этой работы требовались люди: преподаватели институтов и курсов повышения квалификации. Кроме того, слушателей курсов должны были заменить в их школах новые учителя. Снова и снова поднималась проблема учительских кадров.

Введение всеобщего начального образования вызвало нехватку не только педагогических кадров. Кроме подготовки десятков тысяч новых учителей, нужно было обеспечить миллионы детей школьными зданиями, снабдив их оборудованием, обеспечить топливом. Еще в начале пятилетки, в декабре 1928 г., состоялось Всероссийское совещание по школьному строительству, в котором участвовали наряду с работниками просвещения специалисты-строители. На совещании многие ораторы говорили о нехватке школьных помещений, и о том, что почти все школы нуждаются в ремонте. В резолюции, принятой совещанием, намечались меры по форсированию строительства и ремонта школьных помещений [42].

В первые годы пятилетки было построено 14 639 школ, из них примерно 6,3 тыс.— в первом году пятилетки, и 8,3 тыс.— в 1929/30 г. В первый год всеобуча было введено в действие еще 20 тыс. школьных помещений. Естественно, что новостройки требовали людей. Следовательно, введение всеобуча вызвало увеличение масштабов строительства и, значит, рост кадров строителей. А оборудование для школ? Ведь его тоже нужно было изготовить. Школы получили сотни тысяч парт, классных досок, шкафов, стульев. А учебники и другие учебные пособия? В связи с всеобучем тиражи учебников увеличились в десятки раз. Это означало расширение фронта полиграфических работ, что было особенно важно, ибо на биржах труда скопилась большая армия безработных полиграфистов. Введение горячих завтраков в школах увеличило спрос на работников питания [43]. Таким образом, введение всеобуча оказало свое влияние на уменьшение числа безработных почти всех категорий.

В феврале 1931 г. Центральный Комитет партии подвел первые итоги по всеобучу. В постановлении «О ходе всеобщего начального

[41] *Л. В. Кольцов.* Указ. соч., стр. 54.
[42] «Еженедельник НКП РСФСР», 1929, № 8—9, стр. 24—25.
[43] В конце 1930 г. свыше 86% учащихся Москвы и Ленинграда получали горячие завтраки в школе (ЦГАОР СССР, ф. 5451, оп. 14, д. 587, лл. 138, 167).

обучения» [44] отмечались существенные достижения в осуществлении всеобщего начального образования. Вместе с тем ЦК ВКП(б) подчеркнул и ряд существенных недостатков: нехватка учителей, неудовлетворительное выполнение указаний партии об усилении строительства новых школ и ремонта старых школьных зданий. В февральском постановлении намечалась дальнейшая работа по всеобучу. Прежде всего ЦК ВКП(б) указал на необходимость подготовки и переподготовки педагогических кадров. Центральный Комитет комсомола получил задание мобилизовать дополнительно 50 тыс. комсомольцев на педагогическую работу. Всем местным Советам было предложено в месячный срок рассмотреть планы нового строительства школ на 1931 г. и обеспечить их выполнение.

Февральское постановление ЦК ВКП(б) поднимало работу по всеобучу на новую, более высокую ступень. Оно обеспечивало дальнейший рост педагогических кадров, открывало огромные перспективы перед армией учителей, закрепляло факт ликвидации безработицы в СССР среди педагогического персонала.

Подъем народного здравоохранения. Развитие массовой культурно-просветительной работы. Ликвидация безработицы среди работников медицины, культуры и искусства

В годы первой пятилетки Коммунистическая партия и Советское правительство уделяли большое внимание народному здравоохранению. Если в 1928 г. на его развитие было затрачено 622 млн. руб., то в 1932 г.— 2077,7 млн. руб. Таким образом, рост в 1932 г. по сравнению с 1928 г. составил 334% [45].

Индустриализация страны и социалистическая реконструкция сельского хозяйства поставили перед органами здравоохранения ответственные задачи. Строительство мощных заводов, перевод рабочих и служащих на 7-часовой рабочий день, организация колхозов и совхозов — все это выдвинуло перед органами здравоохранения задачу коренной перестройки в медицинской работе, резкого увеличения кадров медицинского персонала.

Уже в первый год пятилетки началось строительство новых больниц, амбулаторий, различных санитарно-профилактических учреждений. На новостройках организовывались крупные медицинские пункты, в колхозах и совхозах создавались врачебные и фельдшерские пункты, родильные дома, детские ясли и детские сады.

Все это значительно увеличило потребность в медицинских кадрах. Биржи труда не могли удовлетворить все заявки меди-

[44] «Директивы ВКП(б) и постановления Советского правительства о народном образовании», вып. 1, стр. 105—108.

[45] «Итоги выполнения первого пятилетнего плана развития народного хозяйства Союза ССР». М., 1933, стр. 185.

цинских учреждений. По данным ЦК профсоюза медицинских работников, на 1 апреля 1929 г. на учете профсоюза состояло примерно 70 тыс. безработных, из них врачей всего 6294 (4800 лечебных, 1294 зубных), среднего медперсонала — 11,6 тыс. и 23 тыс. младшего медперсонала[46]. Безработных фармацевтов насчитывалось немногим более 2 тыс. Остальные 40 тыс. представляли собой административно-хозяйственный аппарат, занятый прежде в медицинских учреждениях.

Приведенные выше данные показывают, что биржи труда уже в середине 1929 г. не располагали большими резервами квалифицированных медиков. К тому же основная масса безработных врачей была сконцентрирована в Москве и Ленинграде (до 50% всех зарегистрированных на биржах труда). Сравнительно много безработных было и в некоторых других крупных городах[47]. Периферия, особенно сельские районы, испытывали большие трудности в медицинских кадрах и прежде, но особенно они проявились в связи с реконструкцией народного хозяйства.

О нехватке врачей много говорилось на V Всесоюзном съезде врачебных секций профсоюза Медсантруд, проходившем в апреле 1929 г.[48] Съезд поставил перед биржами труда задачу выявить всех безработных врачей и в ближайшее время направить их на работу, а также организовать совместно с органами здравоохранения курсы по повышению квалификации младшего и среднего медперсонала и переквалификации безработных врачей застойных групп.

В 1929 г. биржи труда провели значительную работу по трудоустройству безработных медицинских работников. В газетах печатались объявления о работе в отъезд с предоставлением больших льгот. Биржи приняли активное участие в комплектовании курсов по повышению квалификации и переобучению медицинских работников. Немало людей в то время получали специальности медсестер на краткосрочных курсах (в основном такие курсы комплектовались за счет младшего персонала — санитарок, сиделок *и пр.*). В то же время многие лица, числившиеся по административно-хозяйственной группе безработных, переквалифицировались в санитаров, работников лечебно-профилактических учреждений, технических работников, в которых нуждались родильные дома, детские сады, ясли и др.[49]

Однако преодолеть трудности с квалифицированными медицинскими кадрами не удалось. К концу 1929 г. стала обнаруживаться нехватка кадров медиков даже в крупных городах — бывших

---

[46] ЦГАОР СССР, ф. 5465, оп. 11, д. 84, л. 3.

[47] *Г. Деев-Хомяковский.* О привлечении лиц интеллигентного труда на работу в провинцию.— «Вопросы труда», 1928, № 11, стр. 58—59.

[48] ЦГАОР СССР, ф. 5465, оп. 11, д. 220, л. 87.

[49] Подробнее об этой работе бирж труда и профсоюзов см. материалы ЦК профсоюза Медсантруд. ЦГАОР СССР, ф. 5465, оп. 10, д. 130, лл. 1—15; там же, оп. 11, д. 86, лл. 2—4.

центрах безработицы. Спрос с периферии по-прежнему удовлетворялся слабо, приблизительно на 25% [50]. Проверка состава безработных по отдельным биржам труда показала, что на биржах почти не осталось врачей, дефицитной стала специальность медсестер, особенно сестер — воспитательниц в детских садах и яслях. К застойным группам безработных относились лишь зубные техники, аптекарские работники, акушерки [51]. Проверка бирж труда показала, что вопросы переквалификации безработных медицинских работников и усиленная их подготовка в вузах и техникумах становились первейшей необходимостью.

22 декабря в «Правде» было опубликовано постановление ЦК ВКП(б) о медицинском обслуживании рабочих и крестьян, в котором намечались конкретные меры по расширению и улучшению медицинской помощи в рабочих районах (особенно в Донбассе, Кузбассе и на Урале) и районах массовой коллективизации. Касаясь вопроса о правильном распределении медицинских работников, оставшихся безработными, постановление указывало: «Констатируя значительное скопление медицинских работников и окончивших медвузы в крупных городских центрах при резком недостатке таковых в деревне и фабрично-заводских поселках, ЦК считает целесообразным, чтобы Наркомтруд СССР совместно с Наркомздравом союзных республик и ЦК профсоюза Медсантруд провели в месячный срок мероприятия, обеспечивающие использование этих работников в деревне» [52].

Реализуя это решение партии, профсоюзы, органы здравоохранения и биржи труда развернули активную работу по трудоустройству всех безработных медиков, которых осталось к тому времени совсем немного. На 1 октября 1929 г. на учете профсоюза Медсантруд состояло: врачей — 2161, среднего медицинского персонала — 6730, младшего медицинского персонала — 6938 человек [53].

В начале 1930 г. Наркомат здравоохранения и ЦК профсоюза Медсантруд обратились с призывом ко всем медицинским работникам активно включиться в социалистическое строительство, принять участие в социалистической индустриализации страны, сплошной коллективизации сельского хозяйства и культурной революции [54]. В ответ на декабрьское постановление ЦК ВКП(б) и письмо НКЗ и ЦК профсоюза Медсантруд тысячи безработных медиков подали заявления о своем желании выехать на работу в сельские районы и районы новостроек. Началась интенсивная работа по вербовке и отправке врачей и медицинских сестер на новые места работы. 9 марта 1930 г. Наркомздрав и Наркомтруд СССР приняли циркуляр, в котором подчеркивалось:

[50] ЦГАОР СССР, ф. 5465, оп. 11, д. 86, л. 7.
[51] Там же, д. 84, лл. 1, 2, 10; д. 86, л. 7.
[52] «Правда», 22 декабря 1929 г.
[53] ЦГАОР СССР, ф. 5465, оп. 12, д. 6, л. 7.
[54] «Известия Народного комиссариата труда СССР», 1930, № 11, стр. 268.

Таблица 14

Сеть лечебных и детских учреждений и врачебные кадры по союзным республикам в 1927—1930 гг.*

Республики	Год	Виды лечебных учреждений						Число врачей
		больницы	амбулатории	диспансеры	врачебные участки	женские консультации	детские ясли	
РСФСР	1927	4286	7574	527	5097	548**	793	28 594
	1930	4906	8947	561	6922	1534	1574	46 127
УССР	1927	954	—	219	1574	513	200	9898
	1930	1190	2001	232	2157	577	327	15 503
БССР	1927	158	336	—	250	—	26	1291
	1930	188	449	29	341	105	69	1672
Азерб. ССР	1927	56	—	—	136	15	11	863
	1930	68	228	23	150	47	35	1225
Груз. ССР	1927	82	—	—	245	—	—	1125
	1930	86	427	20	327	41	18	1575
Туркм. ССР	1927	23	—	—	20	16	12	184
	1930	33	70	7	29	40	30	262
Узб. ССР	1927	91	—	—	151	—	—	935
	1930	112	331	22	201	94	51	1539

* «Народное хозяйство СССР», 1932, стр. 554—555.
** Данные на 1924 г.

«С целью внести организованность в это движение и лучше использовать безработных врачей, находящихся на учете на бирже труда, НКТруд и НКЗдрав РСФСР предлагают всю организацию этой переброски медработников возложить на областные и краевые биржи труда совместно с органами здравоохранения»[55].

В течение первой половины 1930 г. все безработные медицинские работники получили работу или поступили на курсы повышения квалификации и переквалификации. Процесс ликвидации безработицы среди медиков практически был завершен. Это произошло благодаря подъему здравоохранения в первые годы пятилетки. Представление о развитии сети лечебно-профилактических учреждений и врачебных кадров дает табл. 14.

Данные таблицы показывают, что всего за три года были достигнуты весьма значительные сдвиги во всех областях здравоохранения: значительно возросло число больниц и врачебных участков, во многих районах страны (особенно в бывших националь-

[55] Там же.

ных окраинах) были открыты свои амбулаторные диспансеры, женские консультации и детские ясли. В течение первых двух лет пятилетки число врачей возросло с 43 тыс. до 68 тыс., т. е. на 25 тыс. человек[56]. Если в 1927 г. на 10 тыс. жителей приходилось 2,84 врача, то в 1930 г.— 4,23 врача. Еще бо́льшие сдвиги произошли в сельской местности. Здесь в 1927 г. на один врачебный участок приходилось 16,4 тыс. человек, а в 1930 г.— 12,8 тыс.[57]

Быстрые темпы развития здравоохранения в годы пятилетки создали условия для полной ликвидации безработицы среди медицинских работников и некоторых других групп безработных (в частности, строителей, низшего технического персонала, административно-хозяйственных работников и пр.).

В плане культурного строительства партия и правительство отводили важное место культурно-просветительной работе среди населения. В апреле 1929 г. ЦК ВКП(б) опубликовал постановление «О культурно-просветительной работе профсоюзов», в котором потребовал от профсоюзных организаций подчинить культурно-воспитательную работу задачам выполнения пятилетки[58].

Особое внимание было уделено развитию советской печати. В годы пятилетки, буквально с первых ее лет, значительно возросла печатная продукция. В 1928 г. было выпущено 34,8 тыс. названий книг, в 1929 г.— 42,3 тыс., а в 1930 г.— 51 тыс. За то же время тираж книг увеличился с 270,5 млн. экземпляров до 867,3 млн., т. е. более чем в 3 раза[59]. Значительно увеличилось и количество журналов. По данным ЦСУ СССР, в 1929 г. в стране выходило 1965 названий журналов, а в 1930 г.— 2058. Всего за один год тираж журналов увеличился с 276,5 до 333 тыс. экземпляров[60].

В период коренной реконструкции народного хозяйства огромное внимание уделялось газетам. Именно в тот период газеты начали регулярно выходить во всех районных центрах страны. С 1928 по 1932 г. число районных газет увеличилось в 42 раза. На многих фабриках, заводах и крупных стройках появились свои газеты-многотиражки. В 1932 г. выходило 4 тыс. многотиражек против 400 в 1928 г.[61] Важно отметить, что в годы первой пятилетки происходило быстрое развитие печати в национальных республиках. В 1931 г. газеты на языках народов СССР выходили тиражом в 35 млн. экземпляров.

Резкое увеличение печатной продукции в СССР на рубеже 20—30-х годов происходило на основе роста полиграфической

---

[56] «Народное хозяйство СССР», 1932, стр. 554—555.
[57] Данные по РСФСР, см. «Народное хозяйство СССР», 1932, стр. 554.
[58] «Известия ЦК ВКП(б)», 1929, № 13, стр. 26; «КПСС о профсоюзах», изд. 3-е. М., 1957, стр. 329.
[59] «Культурное строительство СССР», М., 1956, стр. 317.
[60] «Народное хозяйство СССР», 1932, стр. 542—543.
[61] «Советская печать в цифрах (1917—1947)». М., 1948, стр. 25.

базы. Впервые за многие годы значительно выросли кадры работников полиграфической промышленности. Динамика роста рабочих (включая учеников) полиграфической промышленности видна из следующих данных (в тыс.) [62]:

1925 г.	1926 г.	1927 г.	1928 г.	1929 г.	1930 г.	За 3 квартала 1931 г. (в среднем)
65,9	68,8	62,0	61,1	62,5	77,7	89,3

Эти данные показывают, что рост численности полиграфистов, хотя пока и медленный, начался с первого года пятилетки. С 1930 г. кадры полиграфической промышленности стали расти бурными темпами, и это было очень важно для решения проблемы ликвидации безработицы в СССР. Именно группа безработных полиграфистов в течение долгого времени почти не уменьшалась. С ростом полиграфической промышленности возникла реальная возможность уничтожения безработицы среди этой застойной группы.

В связи с увеличением выпуска печатной продукции возросла также нужда в редакторах, художниках-оформителях, корректорах, машинистках и других работниках редакций. И это тоже было очень важно, так как на биржах труда скопилось сравнительно много людей данных профессий.

Развертывая культурно-массовую работу, партия и правительство уделяли большое внимание развитию библиотечного дела. На всех новостройках страны, в новых совхозах и колхозах создавались стационарные и передвижные библиотеки. В течение 1928/29 г. число библиотек выросло до 28 647 против 22 892, имевшихся в 1927/28 г. Такого роста раньше никогда не было: в 1925/26 г. библиотечная сеть состояла из 22 163 единиц, в 1926/27 г.— из 22 875 [63]. Бурный рост библиотечной сети привел к полному исчерпанию библиотечных кадров на биржах труда уже к концу первого года пятилетки.

В 1929/30 г. продолжалась реорганизация и расширение работы библиотек. В октябре 1929 г. ЦК ВКП(б) принял постановление «Об улучшении библиотечной работы», в котором подчеркивалось, что библиотеки должны быть превращены «в культурные центры, активно содействующие мобилизации масс на выполнение пятилетнего плана социалистического строительства» [64]. Партия приняла решение о коренной перестройке библиотечной работы, о дальнейшем расширении сети библиотек. К этому делу партия привлекла широкие массы трудящихся. В 1929 г. по ини-

[62] «Народное хозяйство СССР», 1932, стр. 423.
[63] «Год работы правительства. Материалы к отчету за 1928/29 г.— первый год пятилетки». М., 1930, стр. 423.
[64] «Директивы ВКП(б) и постановления Советского правительства о народном образовании», стр. 166.

циативе комсомола состоялся библиотечный поход, который проходил под лозунгом: «Книгу в массы!». В походе приняли участие десятки тысяч людей, они помогали библиотекам приобретать литературу, снабжали их топливом, ремонтировали помещения библиотек и т. д.[65]

Но как бы активно ни действовали общественники, успех дела зависел прежде всего от постоянных работников. Спрос на библиотекарей увеличивался с каждым месяцем. Биржи труда были не в состоянии удовлетворить эти заявки. По предварительным подсчетам, в 1930/31 г. требовалось 50 тыс. библиотекарей, книгонош и др.[66] В мае 1930 г. НК просвещения в докладной записке в СНК РСФСР о реорганизации и укреплении материальной базы библиотечной работы писал: «Нужда в библиотечных работниках остро чувствуется в ряде мест — во многих местах остаются незамещенными вакантные должности, на биржах труда нет безработных библиотекарей»[67].

Отмечая острый кризис с библиотечными кадрами, ЦК работников просвещения предложил организовать при педагогических факультетах библиотечные курсы по подготовке специалистов-библиотекарей. ЦК рабпроса направил по этому поводу циркулярное письмо во все ЦК профсоюзов с просьбой открыть запись на эти курсы[68]. В 1930 г. по всей стране были открыты такие курсы, а также организованы двухгодичные библиотечные школы. Большое участие в комплектовании этих учебных заведений принимали биржи труда, которые направляли туда безработных, имевших среднее образование и пожелавших получить профессию библиотекарей. Таким путем было переобучено 10 тыс. безработных[69].

В 1930 г. в Москве был открыт Государственный библиотечный институт, ставший центральным вузом по данной специальности и одним из научных центров библиотековедения. За два первых года пятилетки армия библиотечных работников значительно возросла, что и привело к полной ликвидации безработицы среди библиотекарей и в значительной степени помогло ее рассосать среди других групп безработных.

В системе культурно-просветительной работы партия и правительство придавали большое значение клубам и дворцам культуры — постоянным центрам массовой агитации и пропаганды. В годы пятилетки значительно расширилась и оживилась клубная работа. Здесь проводились лекции, доклады, ставились спектакли, просматривались кинокартины и т. д. Советское правитель-

---

[65] Подробнее о развитии библиотечного дела в тот период см. *В. Е. Васильченко.* История библиотечного дела в СССР. М., 1958, стр. 70—132.

[66] Эти подсчеты были сделаны в ЦК работников просвещения.— ЦГАОР СССР, ф. 5462, оп. 12, д. 157, л. 52.

[67] Там же, л. 6.

[68] ЦГАОР СССР, ф. 5508, оп. 1, д. 1575, л. 1.

[69] ЦГАОР СССР, ф. 5462, оп. 12, д. 157, л. 8.

ство и профсоюзы отпускали значительные средства на развитие клубных учреждений, заботились о подготовке специальных кадров для клубов. В начале 1930 г. в стране насчитывалось около 35 тыс. клубов [70]. Но этого было недостаточно. В ВЦСПС и ЦК отдельных профсоюзов неоднократно обсуждался вопрос о состоянии клубной работы, о подготовке постоянных кадров клубных работников. В 1930 г. профсоюзы значительно усилили работу по развитию сети клубных учреждений.

13 января 1930 г. вопрос о клубном строительстве и кадрах слушался на Президиуме ЦК работников просвещения. На совещании выявилось, что на биржах труда не числилось специалистов по клубной работе. Президиум ЦК рабпроса принял решение использовать для расширения клубного дела безработных всех других групп, имевших среднее и неполное среднее образование и изъявивших желание перейти на эту работу [71].

На биржах труда, в секциях работников просвещения и работников искусств, была открыта запись безработных, желающих пойти работать в клубы руководителями кружков самодеятельности, спортивными работниками, руководителями секций скульпторов, художников и пр. [72]

На больших биржах труда были организованы курсы по подготовке клубных работников, спрос на которых возрастал по мере роста клубного строительства.

В результате принятых мер сеть клубных учреждений значительно расширилась. Об этом говорят следующие данные [73]:

	1928 г.	1929 г.	1930 г.	1931 г.
Число клубных учреждений (на начало года)	32 902	34 464	34 913	40 889

Приведенные данные показывают, что перелом в росте сети клубов произошел в 1930 г. (рост почти на 6 тыс. единиц). В последующие годы увеличение клубных учреждений проходило столь же интенсивно. Вместе с клубами, естественно, росла и численность клубных работников.

Некоторое влияние на состояние городской безработицы оказала также организация и открытие парков культуры и отдыха. Первый парк культуры был открыт в Москве в августе 1928 г. (Парк культуры и отдыха им. А. М. Горького). Затем в годы пятилетки парки культуры и отдыха были открыты в Сокольниках, Измайлове и других районах столицы. В эти же годы сооружались парки культуры в Ленинграде (им. С. М. Кирова),

[70] «Культурное строительство СССР», 1956, стр. 273.
[71] ЦГАОР СССР, ф. 5462, оп. 12, д. 158, л. 20.
[72] См. материалы о культпросветработе профсоюзов. ЦГАОР СССР, ф. 5462, оп. 12, д. 253, л. 56—57.
[73] «Культурное строительство СССР», 1956, стр. 273.

Воронеже, Перми, Твери, Туле и других городах. Сооружение парков сопровождалось ростом численности строительных и других рабочих, а с вводом парков в эксплуатацию потребовалось значительное количество людей различных профессий: садоводов, кассиров, билетеров, буфетчиц, работников, обслуживающих аттракционы, уборщиц и т.д. Появились новые стадионы, эстрадные площадки, лектории. Росла потребность в физкультурных работниках, работниках культуры, лекторах, работниках сферы обслуживания. Люди требовались всюду.

Нужда в работниках культурного фронта ощущалась и в деревне. Она особенно возросла в связи с началом сплошной коллективизации деревни. Перед избами-читальнями партия выдвинула новые задачи. В постановлении ЦК ВКП(б) «Об избах-читальнях», принятом в ноябре 1929 г., подчеркивалось: «Изба-читальня должна стать в гораздо большей мере, чем в настоящее время, организующим центром культурной и политической активности бедняцких и середняцких масс (в том числе масс крестьянок). Исключительно важное значение приобретает ее работа в социалистическом секторе сельского хозяйства» [74].

Поставив столь ответственные задачи перед избами-читальнями, Центральный Комитет партии потребовал от местных партийных организаций систематически помогать избам-читальням, улучшать их материальное положение и обеспечивать необходимыми кадрами. ЦК ВКП(б) этим же постановлением обязал парторганизации и политпросветы отобрать и послать на работу в избы-читальни к осени 1930 г. не менее 10 тыс. коммунистов и комсомольцев, окончивших совпартшколы, педтехникумы и рабфаки. Это решение партии было проведено в жизнь. Однако в целом в первый год пятилетки положение с избами-читальнями продолжало оставаться неблагополучным: в течение года их численность даже несколько уменьшилась, плохо обстояло дело с кадрами. Плохой подбор и частая смена избачей мешали наладить работу.

Партия поручила профсоюзам исправить положение. Вопрос об избах-читальнях и о культурном обслуживании деревни не раз обсуждался в ЦК профсоюзов работников просвещения и работников искусств. 25 мая 1930 г. третий пленум ЦК Рабис принял решение «О художественном обслуживании деревни и работе союза Рабис на селе», в котором отмечалось: «Переход целых районов и округов на сплошную коллективизацию открывает колоссальные перспективы в деле культурного обслуживания широких слоев бедняцко-середняцкой крестьянской массы и ставит перед союзом работников искусств ответственнейшую задачу использовать искусство как орудие агитации и пропаганды» [75]. На Пле-

[74] «Директивы ВКП(б) и постановления Советского правительства о народном образовании», вып. 2, стр. 167.
[75] ЦГАОР СССР, ф. 5508, оп. 1, д. 1460, л. 134.

нуме было принято решение о помощи в организации новых изб-читален и налаживании там культурно-просветительной работы.

В 1930 г., особенно в период весенней посевной и осенней уборочной кампании, в колхозы и совхозы выезжали бригады артистов оперетты, драмы, консерватории[76]. Выездные бригады создавались и из безработных артистов. В то же время на биржах труда в связи с развертыванием культурно-массовой работы на селе увеличился спрос на работников искусств.

В ноябре 1930 г. прошло Всероссийское совещание по массовой политпросветработе в деревне, на котором были намечены срочные меры для увеличения роста сети сельских клубов и расширения культурно-массовой работы на селе. На политпросветработу в деревню были посланы новые кадры. Активная деятельность партии и правительства по развитию культурно-массовой работы в колхозах и совхозах дала существенные результаты во втором и последующих годах пятилетки. О росте сети сельских клубных учреждений в СССР свидетельствуют следующие данные[77]:

	1927 г.	1928 г.	1929 г.	1930 г.	1931 г.
Число сельских клубных учреждений (на начало года)	28 776	28 625	29 984	29 478	34 904

Эти материалы показывают, что увеличение сети клубов началось с января 1930 г., т. е. в связи с переходом к сплошной коллективизации. Каждый вновь созданный колхоз и совхоз хотел иметь свой собственный клуб. В течение 1930 г. число сельских клубов увеличилось почти на 5,5 тыс., в последующие годы происходил дальнейший рост клубов и, что вполне естественно, увеличение численности клубных работников. Росли кадры работников культурного фронта, уходила в прошлое безработица.

В связи с общим размахом политико-просветительной работы значительно увеличилась роль радио. В 1928 г. приступил к работе Всесоюзный комитет радиовещания, развертывалась широкая радиофикация страны, которая предъявила повышенный спрос на работников самого различного профиля: возросла потребность в рабочих и служащих радиотехнической промышленности, а также в работниках литературы и искусства для организации радиопередач. Работа на радио заняла тысячи людей. Среди них были артисты и художники, поэты и журналисты, режиссеры и сценаристы, а также младший технический персонал — машинистки, стенографистки, младшие редакторы и пр. О масштабах радиофикации и работе радио можно судить по таким данным. Если

[76] Подробнее об этом см. материал в сводках ЦК профсоюза Рабиса об участии в работе на селе (ЦГАОР СССР, ф. 5508, оп. 1, д. 1575, лл. 1—40).

[77] «Культурное строительство СССР». Статистический сборник. М.—Л., 1940, стр. 161.

в 1929 г. в стране было 348 тыс. радиоточек, то в 1932 г.— 1910 тыс.[78] В 1930 г. в стране было подготовлено радиопередач на 180 тыс. часов, из них Москва дала немногим более 7 тыс.[79] Следовательно, уже в то время свои радиоредакции были образованы во многих городах Советского Союза. Росли кадры совсем новой сферы общественной жизни страны — работников радио.

В первые годы пятилетки возросла потребность и в киноработниках. Масштабы киноработы увеличивались с каждым годом — с 1928 г. по 1931 г. сеть киноустановок выросла почти в 3,5 раза (на 1 января 1928 г. в стране было 7331 киноустановка, через год — 9698, на 1 января 1930 г.— 19 845, на 1 января 1931 г.— 24 449)[80]. Уже к концу первого года пятилетки обнаружилась резкая нехватка киномехаников, на биржах труда были исчерпаны почти все квалифицированные кадры работников кино. Вопрос о кадрах киноработников стоял на Втором пленуме работников искусств 7 января 1930 г.. Известный кинорежиссер Всеволод Пудовкин говорил на пленуме: «Киносеть растет, растет колоссально, стихийно, бурно растет, растут запросы потребителя, запросы зрителя... Вопрос о создании кадров является в настоящий момент острейшим вопросом. На биржах труда нет квалифицированных режиссеров, вообще нет квалифицированных работников. Трудно снимать картины. Нет квалифицированных людей»[81].

В первые годы пятилетки в связи с ростом культурно-массовой работы на фабриках, заводах, стройках, рудниках, совхозах и колхозах потребность в культурных кадрах значительно возросла. О нехватке квалифицированных кадров сообщали не только работники кино, но и циркового искусства. В частности, они предлагали организовать дополнительные курсы для подготовки цирковых работников[82].

Рост культурно-просветительной работы сыграл большую роль в ликвидации безработицы среди работников культуры и искусства. В течение первых лет пятилетки удалось полностью изжить безработицу среди артистов, художников, скульпторов и др. На 1 октября 1928 г., по данным ЦК Рабис, на учете профсоюза состояло 24 тыс. безработных (27% всех членов союза)[83]. В начале 1931 г. по союзу Рабис числилось всего 3935 безработных[84]. Как показала проверка, это были люди, не искавшие в тот момент работы, или лица, переходившие в другие заведения в силу разных обстоятельств. Практически, как и по другим специаль-

---

[78] «Массовое просвещение в СССР к 15-летию Октября», ч. I, стр. 17.
[79] М. П. Ким. Коммунистическая партия — организатор культурной революции в СССР. М., 1955, стр. 170.
[80] «Культурное строительство СССР», 1940, стр. 193.
[81] ЦГАОР СССР, ф. 5508, оп. 1, д. 1457, лл. 64—65.
[82] Там же, д. 1458, л. 13.
[83] Данные профсоюза включали технический и обслуживающий персонал. См. ЦГАОР СССР, ф. 5462, оп. 11, д. 5, л. 176.
[84] ЦГАОР СССР, ф. 5508, оп. 1, д. 1642, л. 1.

ностям, безработица среди работников искусств была ликвидирована в 1930 г.

Социалистическая реконструкция народного хозяйства, развертывание культурной революции в городе и селе привели к полной ликвидации безработицы среди работников медицины, культуры и искусства, а это сыграло, как было показано выше, немаловажную роль в исчезновении безработицы среди многих других групп безработных.

Подготовка кадров народной интеллигенции

Проведение социалистической индустриализации и массовой коллективизации сельского хозяйства предъявило невиданный до того спрос на высококвалифицированных специалистов для всех отраслей народного хозяйства. Реконструировавшиеся заводы и фабрики, новостройки требовали инженеров и техников. Деревня, вступившая на путь социалистического развития, нуждалась в агрономах, зоотехниках, ветеринарах. В связи с развертыванием культурной революции встал вопрос о расширении масштабов подготовки врачей, учителей и других специалистов.

К началу первой пятилетки положение с кадрами специалистов было в высшей степени напряженным. Приведем некоторые данные по промышленности. По сведениям Госплана СССР, к началу первой пятилетки в промышленности (без аппарата управления) работало всего 24,2 тыс. инженеров и техников со специальным образованием, что составляло всего 0,92% к общему числу рабочих, из них инженеров было 13,7 тыс. человек [85], или 0,52% (в Германии удельный вес инженеров достигал 1,38%), причем в машиностроении он доходил до 1,48% (в Германии — 3,77%), в химической промышленности — 1% (в Германии — 3,14%).

На железнодорожном транспорте к началу пятилетки работало 16,3 тыс. специалистов с высшим и средним специальным образованием, что составляло 1,56% от общего числа работников. Удельный вес инженеров на транспорте в СССР составлял всего 0,43%, в то время как на железных дорогах США в 1927 г. доля инженеров достигала 1,6%.

Еще хуже обстояло дело в сельском хозяйстве: в 1928 г. здесь было занято всего 17,8 тыс. специалистов, из них с высшим образованием 9,3 тыс., со средним специальным — 8,5 тыс., или менее одного специалиста с законченным образованием на тысячу хозяйств [86].

---

[85] В царской России инженеров было еще меньше. В 1913 г. в промышленности было занято 7880 инженерно-технических работников с высшим образованием. См. *М. П. Ким.* 40 лет советской культуры, стр. 195.

[86] «Итоги выполнения первого пятилетнего плана развития народного хозяйства Союза ССР», стр. 215—216.

Недостаточное количество кадров специалистов высшей квалификации оказывало существенное влияние на темпы социалистического строительства.

Необходимость ускоренной подготовки новых кадров специалистов диктовалась также и тем, что далеко не все представители старой интеллигенции вступили на путь сотрудничества с Советской властью. Многие из них лишь на время примирились с советским строем и тайно надеялись на реставрацию старого буржуазного общества. Естественно, что от таких специалистов пользы было мало, они работали без энтузиазма, а некоторые из них даже пытались помешать социалистическому строительству. Об этом свидетельствовал, в частности, процесс промпартии.

Из 90 тыс. специалистов с высшим образованием, занятых в народном хозяйстве СССР накануне первой пятилетки, 32 тыс. человек являлись представителями старых дореволюционных кадров. Лишь 7 тыс. человек были выходцами из рабочих и 16 тыс. человек — из крестьян. Примерно такое же положение было и со специалистами, получившими специальное среднее образование. Из 56 тыс. техников, занятых в народном хозяйстве, 15 тыс. были представлены старыми специалистами, 41 тыс.— новыми кадрами, но среди них всего 8 тыс. по социальному происхождению являлись рабочими, а 10 тыс. крестьянами [87].

Советской стране нужны были собственные специалисты, своя народная интеллигенция, воспитанная в духе социалистического патриотизма, преданная идеалам первого в мире государства рабочих и крестьян.

В годы первой пятилетки Коммунистическая партия и Советское правительство сделали многое для воспитания и формирования кадров советской интеллигенции. В июле 1928 г. Пленум ЦК ВКП(б) обсудил вопрос «Об улучшении подготовки новых специалистов». Отметив «резкое *несоответствие* между потребностями в квалифицированных специалистах для технически перестраивающейся промышленности и для все развертывающегося капитального строительства, с одной стороны, и состоянием дела подготовки новых кадров специалистов через существующие втузы и техникумы, с другой стороны» [88], Пленум наметил конкретные мероприятия по подготовке специалистов высшей квалификации из рабочих и крестьян. Среди поступающих во втузы в 1928 г. рабочие должны были составлять не менее 65%. Июльский Пленум постановил направить во втузы в 1928 г. не менее 1 тыс. коммунистов и практиковать эту меру в течение ближайших трех лет. Так возник институт «парттысячников», дополненный в дальнейшем «профтысячниками» и «комсомольскими тысячниками». Пленум предложил значительно расширить сеть рабфаков, тех-

[87] «Итоги выполнения первого пятилетнего плана развития народного хозяйства Союза ССР», стр. 216.

[88] «КПСС в резолюциях и решениях...», т. IV, стр. 113.

никумов и вузов, усилить финансирование высшего образования, улучшить материальное положение студентов. Затраты на подготовку новых кадров приравнивались к затратам на капитальное строительство, решено было дополнительно выделять на это дело ежегодно более 40 млн. руб. «Подготовка новых специалистов,— подчеркивалось в решениях Пленума,— превращается в важнейшую задачу *всей партии*» [89].

В 1928/29 г. было открыто 4 высших и 14 средних специальных учебных заведений. Число студентов в вузах возросло с 168,5 тыс. до 176,6 тыс. человек. В предшествовавшие годы численность студентов оставалась стабильной (168 тыс.). Еще значительнее выросло число лиц, обучавшихся в техникумах,— с 189,4 тыс. до 206,3 тыс. [90] Такого роста ранее никогда не было.

Особое внимание партия обратила на развитие рабфаков, готовивших рабочих к поступлению в высшие учебные заведения. Уже в первый год пятилетки значительно увеличилась численность учащихся-рабфаковцев. Приведем некоторые данные по РСФСР. В 1927 г. было принято 7400 человек, в 1928 г.— 9 тыс., в 1929 г.— более 15 тыс. Рабфаки функционировали в 47 городах республики; 14 — в Москве, 8 — в Ленинграде, 2 — в Казани, остальные — в 44 других городах (в каждом по одному) [91].

Однако несмотря на некоторое улучшение положения с подготовкой кадров высшей и средней квалификации, эта проблема еще долгое время оставалась нерешенной. «Первый год пятилетки,— отмечал Госплан СССР,— выявил здесь лишь некоторые сдвиги в направлении к перелому» [92]. Составляя контрольные цифры народного хозяйства на 1929/30 г., Госплан вынужден был констатировать, что удовлетворить заявки на высший и средний технический персонал и кадры для обобществленного сектора сельского хозяйства можно будет лишь к концу ближайшего четырехлетия.

На втором году пятилетки дефицит в специалистах все еще оставался довольно большим. О размерах этого дефицита дает представление табл. 15 (см. стр. 238—239).

Как видно из таблицы, заявки на специалистов даже при учете использования экстренных мер удовлетворялись лишь на 47%. Наиболее напряженное положение было в сельском хозяйстве (удовлетворение потребности на 20%). В промышленности и строительстве заявки удовлетворялись на 66%.

Столь острое положение со специалистами сложилось потому, что, с одной стороны, значительно увеличился спрос на работников умственного труда, с другой — постепенно иссякали резервы, скопившиеся на биржах труда. К началу 1929/30 г. имелось

[89] Там же.
[90] «Культурное строительство СССР», 1956, стр. 201.
[91] *Н. М. Катунцева.* Роль рабочих факультетов в формировании интеллигенции СССР. М., 1966, стр. 68—69.
[92] «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1929/30 г.» М., 1930, стр. 247.

Таблица 15

Высший и средний технический и агрономический персонал в народном хозяйстве СССР в 1929/30 г. Наличие кадров специалистов, потребность в них, удовлетворение ее по отраслям, в тыс. человек.*

Отрасли народного хозяйства	Наличие к началу 1929/30 г.	Потребность в дополнительных кадрах в 1929/30 г.			Покрытие потребности			Удовлетворение потребности, в %
		для покрытия естественной убыли	для развития производства	всего	нормальная сеть	за счет экстренных мер	всего	
А. Высший технический и агрономический персонал								
Все народное хозяйство	53,5	2,4	21,8	24,2	10,2	1,2	11,4	47,0
Промышленность цензовая	20,6	0,9	7,9	8,8	—	—	—	—
в том числе планирование ВСНХ	18,3	0,8	7,0	7,8	—	—	—	—
Строительство	4,0	0,2	1,0	1,2	—	—	—	—
Коммунальное хозяйство, торговля и преподавательский персонал	11,8	0,5	2,0	2,5	—	—	—	—
Итого	36,4	1,6	10,9	12,5	6,5	1,1	7,6	61,0
Транспорт	6,2	0,3	2,3	2,6	1,9	0,1	2,0	77,0
в том числе транспорт НКПС	5,2	0,2	1,9	2,1	—	—	—	—
Обобществленное сельское хозяйство	10,9	0,5	8,6	9,1	1,8	—	1,8	20,0
в том числе совхозы и колхозы	4,9	0,2	8,0	8,2	—	—	—	—
Б. Средний технический и агрономический персонал. Все народное хозяйство	49,8	2,2	32,5	34,7	10,3	5,7	16,0	46,2
Промышленность цензовая	20,9	0,9	9,3	0,2	—	—	—	—
в том числе планирование ВСНХ	18,6	0,8	8,3	9,1	—	—	—	—

Таблица 15 (Окончание)

Отрасли народного хозяйства	Наличие к началу 1929/30 г.	Потребность в дополнительных кадрах в 1929/30 г.			Покрытие потребности			Удовлетворение потребности, в %
		для покрытия естественной убыли	для развития производства	всего	нормальная сеть	за счет экстренных мер	всего	
Строительство	2,3	0,1	1,5	1,6	—	—	—	—
Коммунальное хозяйство, торговля и преподавательский персонал	6,2	0,3	1,3	1,6	—	—	—	—
Итого	29,4	1,3	12,1	13,4	51,2	2,0	7,2	54,0
Транспорт	8,5	0,4	5,9	6,3	2,8	1,7	4,5	72,0
в том числе транспорт НКПС	7,0	0,3	4,8	5,1	—	—	—	—
Обобществленное сельское хозяйство	11,9	0,5	14,5	15,0	2,3	2,0	4,3	31,0
в том числе совхозы и колхозы	5,5	0,2	13,8	14,0	—	—	—	—

* „Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1929/30 год", стр. 251.

всего 2,2 тыс. безработных высшего технического персонала и 3 тыс. безработных среднего технического персонала [93].

Вопрос о подготовке новых специалистов становился все более острым. Масштабы и темпы формирования народной интеллигенции отставали от потребностей народного хозяйства и становились тормозом в выполнении первого пятилетнего плана.

В связи с этим ноябрьский (1929 г.) Пленум ЦК ВКП(б) специально обсудил вопрос «О кадрах народного хозяйства» [94]. Он подчеркнул, что намеченные июльским (1928 г.) Пленумом меры по подготовке новых специалистов не всегда после оперативно проводились в жизнь. Пленум приня[illegible] усилении подготовки специалистов для всех отрас[illegible] хозяйства и в первую очередь для промышленности. Он на необходимость увеличения строительства новых втузов и техникумов и принял решение о расширении сети втузов нового ти[illegible] с узкой специализацией, с сокращением срока обучения до 3—4 лет. Пленум наметил меры по дальнейшему улучшению социального состава студенчества, поставив задачу довести в ближайшие годы процент рабочих среди поступающих во втузы до 70%, а в сельскохозяйственные вузы процент рабочих, батраков, бедноты и колхозников — до 75%. Пленум рекомендовал продолжать практику посылки в вузы «тысячников» и обязал ЦК ВЛКСМ ежегодно готовить и направлять во втузы и техникумы не менее 5 тыс. человек. Политическому управлению Красной Армии предлагалось ежегодно направлять во втузы, сельхозвузы и техникумы не менее 3 тыс. демобилизованных красноармейцев. «Партия,— подчеркивалось в решениях Пленума,— должна сосредоточить все свои усилия на разрешении проблемы кадров, важнейшей для социалистического строительства» [95].

Эта точка зрения была закреплена в решениях XVI съезда ВКП(б), указавшего, что «только при решительном сдвиге в этой области может быть обеспечено дальнейшее проведение большевистских темпов социалистической индустриализации страны» [96].

Выполняя решения партии, ВСНХ и наркоматы провели большую работу по расширению сети вузов и контингента учащихся в них. Напряженная работа по подготовке специалистов дала свои результаты. В 1929/30 г. было открыто 48 новых высших учебных заведений, численность студентов вузов возросла почти на 30 тыс. человек. Так же быстро увеличивалась и сеть специальных средних учебных заведений. В 1929/30 г. число техникумов возросло на 64, а численность учащихся в них — более чем на 30 тыс. человек [97]. Таким образом, 60 тыс. человек пошли учить-

[93] «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1929/30 г.», 1930, стр. 251.
[94] «КПСС в резолюциях и решениях...», т. IV, стр. 334—345.
[95] Там же, стр. 336.
[96] Там же, стр. 411.
[97] «Культурное строительство СССР», 1956, стр. 201.

ся в высшие и средние учебные заведения. Их жизненный путь был определен. Им уже не надо было становиться на учет бирж труда — после учебы их ждала работа на фабриках и заводах, шахтах и рудниках, в больницах и школах.

В 1930/31 учебном году прием в высшие и средние специальные учебные заведения был увеличен как никогда ранее. Осенью 1930 г. в вузы было принято на 88 тыс. человек, а в техникумы — на 274 тыс. человек больше, чем в 1929 г.[98] Даже по самым минимальным подсчетам, в 1928/29 — 1930/31 гг. в вузы и техникумы пришло около 0,5 млн. человек.

Грандиозных планов социалистической реконструкции промышленности и сельского хозяйства потребовало огромного количества специалистов, значительно большего, чем это начиналось по первому пятилетнему плану. По плану пятилетки контингент студентов вузов 1932/33 г. должен был составить 196 тыс. человек, а техникумов — 327 тыс.[99] Эти показатели были достигнуты уже в конце 1930 г. Перевыполнение плановых заданий по подготовке специалистов через высшие и средние учебные заведения явилось одним из мощных каналов рассасывания и полной ликвидации безработицы в СССР.

Особенно большое внимание партия и правительство уделяли подготовке специалистов для промышленности и строительства. В январе 1930 г. ЦИК и СНК СССР приняли постановление «О подготовке технических кадров для народного хозяйства Союза ССР», которым предусматривалось увеличение сети индустриально-технических учебных заведений. Ввиду нехватки специалистов было принято решение о сокращении срока обучения в таких втузах до 3 лет. Предельный срок обучения во всех индустриально-технических вузах устанавливался в четыре года[100].

Для подготовки рабочих во втузы организовывались специальные курсы. Такие курсы были открыты в Москве при Институте инженеров транспорта, Текстильном институте и др. В Ленинграде втузы организовывали курсы непосредственно на фабриках и заводах, что создавало для рабочих особенно благоприятные условия для учебы.

В 1930 г. были открыты первые заводы-втузы. Решением ВСНХ в марте 1930 г. три крупнейших завода страны — Московский инструментальный, Ленинградский металлический и Харьковский электромеханический — преобразовались в предприятия-втузы. В дальнейшем заводы-втузы открылись во многих городах страны.

На пролетаризацию высшей школы большое влияние оказывало пополнение кадров студентов за счет «парттысячников» и «профтысячников». В 1928 г. в составе «парттысячников» было

---

[98] Там же, стр. 203.
[99] «Итоги выполнения первого пятилетнего плана...», стр. 275.
[100] СУ СССР, 1930 г., № 6, ст. 65.

66,9% рабочих, а в 1929 г.— 78,6%. В 1930 г. во втузы впервые пришли «профтысячники», среди которых было 98,3% рабочих [101]. В высшие и средние учебные заведения поступало много комсомольцев. Осенью 1930 г. ЦК ВЛКСМ направил во втузы и техникумы свыше 23 тыс. человек, а на рабфаки — свыше 13 тыс. комсомольцев [102].

Пролетаризация вузов и техникумов сыграла заметную роль в ликвидации безработицы среди рабочего класса. Тысячи рабочих пошли учиться в высшие и средние специальные учебные заведения. Это имело своим последствием то, что на фабриках и заводах освободилось немало рабочих мест. Они заполнялись людьми, присланными биржами труда.

14 июля 1930 г. на заседании Междуведомственного совета при НКТ СССР специально подчеркивалось, что вовлечение рабочих в вузы и втузы значительно увеличило потребность в рабочей силе [103].

Втузы и техникумы были главными, но не единственными формами подготовки кадров технической интеллигенции. Производственно-техническая интеллигенция пополнялась также за счет выдвиженцев с фабрик и заводов, людей, получивших знания на практической работе. Выдвиженчество значительно усилилось после XVI съезда партии, который, учитывая огромный размах промышленного строительства, предъявившего небывалый ранее спрос на руководящие хозяйственные кадры, признал необходимым более решительно выдвигать на административно-хозяйственную работу передовых рабочих. В решениях съезда подчеркивалось, что выдвижение рабочих должно проходить систематически и сопровождаться серьезной подготовкой выдвиженцев. Осуществляя указания партии, партийные и профсоюзные организации на местах обратили особое внимание на развитие сети различных курсов по подготовке руководящих кадров. Такие курсы организовывались с отрывом и без отрыва от производства, сроком обучения до 1 года. Основную массу слушателей на курсах составляли выдвиженцы.

Выдвиженчество, ставшее одной из форм пополнения рядов советской интеллигенции из рабочего класса, принявшее на рубеже 20—30-х годов значительные размеры, сыграло немаловажную роль в решении проблемы безработицы. Десятки тысяч рабочих, выдвинутых на административно-хозяйственную, советскую и профсоюзную работу, освободили места для тех, кто нуждался в работе на производстве. Выдвигая рабочих на высшие и средние административно-хозяйственные должности, предприятия в то же время посылали заявки биржам труда на рабочую

[101] *А. И. Лутченко.* Борьба Коммунистической партии и Советского государства за создание производственно-технической интеллигенции в первой пятилетке.— «Ученые записки АОН при ЦК КПСС», вып. 18. М., 1954, стр. 179—180.

[102] Архив ЦК ВЛКСМ. Материалы ЦК ВЛКСМ к отчету IX съезда ВЛКСМ, л. 8.

[103] ЦГАОР, СССР, ф. 5515, оп. 1, д. 201, л. 234.

силу. Заявки росли, а резервы иссякали. Проблема безработицы перерастала в проблему нехватки рабочей силы [104].

В годы первой пятилетки партия и правительство сделали многое для подготовки специалистов сельского хозяйства. В постановлениях июльского (1928 г.) и ноябрьского (1929 г.) пленумов ЦК ВКП(б) были определены основные пути и методы подготовки высококвалифицированных кадров для сельского хозяйства. При сельскохозяйственных вузах были созданы отделения, готовившие специалистов для крупных социалистических хозяйств. В 1929/30 г. Наркомпрос РСФСР открыл при сельхозвузах 8 факультетов и 6 отделений коллективизации. На них было принято 1200 студентов. В 1930 г. в стране уже имелся 21 «совхозный» и «колхозный» факультет [105].

В 1930 г. по примеру промышленности были созданы учебные заведения непосредственно на производстве в нескольких крупных зерносовхозах. Эти учебные заведения готовили инженеров-механизаторов и техников-механиков главным образом из рабочих, посланных в деревню для проведения коллективизации.

Осуществляя решения партии и правительства, наркомпросы и наркомземы СССР и союзных республик значительно расширили в первые годы пятилетки сеть высших и средних сельскохозяйственных учебных заведений (см. табл. 16).

Таблица 16

Количество сельскохозяйственных учебных заведений и студентов, обучающихся в них (на 1 января каждого года)*

Год	Вузы		Техникумы	
	Число уч. заведений	Число студентов, в тыс.	Число уч. заведений	Число студентов, в тыс.
1928	30	25,0	204	29,9
1929	31	26,9	207	32,1
1930	38	34,0	226	38,1
1931	105	44,7	651	114,5

* Ю. С. *Борисов*. Указ. соч., стр. 188.

Из таблицы видно, что число вузов и техникумов особенно возросло в начале 30-х годов. На втором году пятилетки было открыто или реорганизовано 67 вузов и 425 техникумов. За два года пятилетки численность студентов сельскохозяйственных учеб-

[104] О том, что выдвиженчество рабочих на административно-хозяйственную работу сыграло большую роль в увеличении потребности в рабочей силе, говорилось на заседании Междуведомственного совета при НКТ СССР 14 июля 1930 г. См. ЦГАОР СССР, ф. 5515, оп. 1, д. 201, л. 234.

[105] *Ю. С. Борисов*. Подготовка производственных кадров сельского хозяйства СССР в реконструктивный период. М., 1960, стр. 179.

ных заведений возросла более чем на 100 тыс. человек. А это означало, что еще один крупный отряд советской молодежи, да и не только молодежи, активно включился в народнохозяйственное строительство. Рост сельскохозяйственных вузов стал одним из важных источников сокращения безработицы.

В годы первой пятилетки подготовка квалифицированных кадров проходила также на различных курсах по повышению квалификации и переподготовки специалистов сельского хозяйства. В 1930 г. в Москве был открыт Центральный институт усовершенствования агрономов, зоотехников, ветеринаров и др. Такие же институты и курсы создавались на местах. В них обучались (очно и заочно) тысячи специалистов сельского хозяйства. Эти курсы представляли собой важный канал формирования кадров сельскохозяйственной интеллигенции. Они также сыграли немалую роль в рассасывании и полном уничтожении безработицы в СССР.

В годы пятилетки значительно возросла сеть педагогических и медицинских высших и средних учебных заведений. В 1927/28 г. в стране было 27 педагогических вузов с 15 886 студентами, а в 1930/31 г. их стало 88 с 41 432 студентами (рост примерно в 3 раза). Та же картина наблюдалась и в медицинских вузах: соответственные показатели были 9 и 9977, 38 и 26 807.

Столь же быстро развивались средние специальные учебные заведения. Накануне пятилетки в СССР было 383 педагогических техникума с 62 500 студентами, а в 1930/31 г. число их возросло до 618 с 129 402 студентами. Число медицинских средних специальных школ за этот же период возросло с 97 (18,9 тыс. учащихся) до 218 (43,7 тыс. учащихся) [106].

Таким образом, в связи с размахом социалистического строительства (проведением индустриализации, коллективизации и развертыванием культурного строительства) росла потребность в кадрах интеллигенции. Страна приступила к массовой подготовке специалистов для всех отраслей народного хозяйства. Уже в первые годы пятилетки стали студентами сотни тысяч молодых людей. Это в значительной степени помогло решить проблему ликвидации безработицы среди молодежи. Кроме того, быстрый рост студенчества оказывал непосредственное влияние и на решение в целом этой социально-экономической проблемы. Рост сети высших и средних учебных заведений увеличивал потребность в строительных и промышленных рабочих, непосредственно принимавших участие в строительстве новых вузов и техникумов, и, кроме того, на рабочие места выдвиженцев и «парттысячников» приходили люди с бирж труда.

Формирование народной интеллигенции, принявшее невиданные ранее масштабы, явилось одним из важных каналов ликвидации безработицы в СССР.

---

[106] «Народное хозяйство СССР», 1932, стр. 514, 515.

Глава восьмая

ЛИКВИДАЦИЯ БЕЗРАБОТИЦЫ В СССР

Состояние безработицы в первом году пятилетки

Советский Союз вступил в первую пятилетку, имея значительную для тех лет городскую резервную армию труда — около 1,5 млн. человек. Примерно каждый десятый рабочий и служащий накануне пятилетки не имел работы.

Пятилетний план на основе проведения социалистической индустриализации, коллективизации сельского хозяйства и культурного строительства наметил постепенное свертывание безработицы. Для первого года пятилетки планировалось ее относительное сокращение (снижение темпа роста безработицы по сравнению с предыдущим годом). В абсолютных же цифрах численность безработных по проектировкам Госплана даже возрастала на 230 тыс. человек — на 11,7% против 1927/28 г. (в течение 1927/28 г. безработица увеличилась на 31%) [1].

Жизнь внесла свои коррективы в плановые наметки. Форсированные темпы индустриализации, начало сплошной коллективизации сельского хозяйства и быстрое развертывание культурного строительства создали благоприятные условия для сокращения и полной ликвидации безработицы в более короткие сроки.

Уже в самом начале пятилетки выявилась тенденция к относительному сокращению армии безработных. По данным Наркомтруда СССР, численность лиц, зарегистрированных на биржах труда, в течение октября—декабря 1928 г., т. е. во время наибольшего сезонного роста безработицы, увеличилась на 23,6% против 34,2% соответствующего периода 1927 г., причем индустриальная группа безработных дала сравнительно небольшой прирост — 11,9% (за тот же период 1927 г. эта группа выросла на 22,9%). В первом квартале первого года пятилетки наибольший рост безработицы был среди строителей ввиду окончания строительного сезона — на 102,9%. Значительно увеличилась безработица среди водников в связи с окончанием навигации, а также среди медицинских работников и работников общественного питания из-за закрытия летних домов отдыха, парков, пионерских лагерей и пр.

В то же время по группе безработных служащих в течение октября—декабря 1928 г. произошло снижение числа лиц, зареги-

[1] «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1928/29 г.» М., 1929, стр. 160; «Труд в СССР. 1926—1930». Статистический справочник. М., 1930, стр. 36 (подсчитано автором).

стрированных биржами труда,— на 1,4% (за тот же период 1927 г. отмечался рост на 28,9%) [2].

Суммируя эти сведения, Наркомтруд СССР пришел к следующему выводу: «В общем надо сказать, что в отношении безработицы мы имеем сезонный рост, но *меньше обычного* (подчеркнуто мной.— *Л. Р.*), что дает основание думать, что мы превзойдем намеченный темп роста, т. е. в результате года будем иметь более пониженный темп, чем в прошлом году» [3]. Таким образом, анализ изменений, происшедших в численности безработных в течение октября—декабря 1928 г., позволил Наркомтруду выявить тенденцию, пока еще только наметившуюся, к сокращению городской безработицы.

Наркомат труда СССР отмечал три основные причины, вызывавшие это явление, среди которых развитие промышленности и введение 7-часового рабочего дня занимали первостепенное место.

На абсолютный же рост безработицы в течение октября—декабря 1928 г. повлияло, помимо общих причин, то, что в первом квартале 1928 г. проводилось в жизнь постановление ВЦСПС о необходимости обязательной регистрации на биржах труда всех безработных членов профсоюза, а также значительное сокращение служащих в связи с 20-процентным снижением управленческих расходов.

Относительное сокращение безработицы продолжалось во втором квартале 1928/29 г. В течение января—марта 1929 г. численность безработных возросла примерно на 130 тыс. человек, а всего за октябрь 1928 г.— апрель 1929 г. количество безработных, ранее работавших по найму, увеличилось на 32,3%, в то время как за соответствующий период 1927/28 г. рост безработицы составил 57,1% к предшествовавшему году [4].

Подводя общие итоги развития безработицы в первом полугодии 1928/29 г., Наркомат труда СССР отмечал, что рост безработицы проходил «несколько ниже плановых предположений в этой области» [5]. Снижение темпов роста безработицы уже в самом начале первой пятилетки было отмечено также ВСНХ и Госпланом СССР. В обзоре ВСНХ «Конъюнктура промышленности за 1928/29 г.» подчеркивалось: «Темп роста безработицы в 1-ом полугодии 1928/29 г. был значительно ниже в сравнении с тем же периодом предшествующего года» [6]. Далее ВСНХ приводил цифры, которые хотя несколько и отличались от цифр НКТ СССР [7], однако в целом подтверждали этот вывод. Госплан СССР писал о значи-

---

[2] ЦГАОР СССР, ф. 5515, оп. 15, д. 146, л. 25 («Конъюнктурный обзор НКТ СССР за первый квартал 1928/29 г.»).
[3] Там же.
[4] Там же, д. 148, л. 61.
[5] Там же.
[6] Там же, д. 142, л. 93.
[7] За первое полугодие 1928/29 г. число безработных выросло на 31,5%, а в первом полугодии 1927/28 г.— на 57,1%.

тельном сокращении темпов роста безработицы в первом полугодии 1928/29 г. по сравнению с 1927/28 г. в своем обзоре «Конъюнктура народного хозяйства за 9 месяцев 1928/29 г.»[8].

Таким образом, основываясь на выводах этих центральных учреждений, ведавших вопросами труда, а также анализируя и сопоставляя данные официальной статистики[9], можно прийти к совершенно точному заключению — смягчение безработицы, несмотря на ее абсолютный рост в первом полугодии 1928/29 г., началось с самого начала первой пятилетки. Уже в октябре—декабре 1928 г. выявилась тенденция к сокращению безработицы.

В исторической и экономической литературе до сих пор не определены четкие хронологические рамки решающего этапа ликвидации безработицы в СССР. А. С. Сычева, пытаясь дать периодизацию истории борьбы с безработицей, разделила период 1926—1931 гг.[10] на два этапа: этап борьбы за создание предпосылок искоренения безработицы — 1926—1929 гг. и этап ее непосредственной ликвидации — 1929—1931 гг.[11] Неясно, к какому этапу автор относила 1929 год. Правда, в последней своей статье[12] А. С. Сычева отнесла указанный год к периоду непосредственной ликвидации безработицы. Такая периодизация, на наш взгляд, более верна, но еще не совсем точна. Как показывают вышеприведенные материалы Наркомтруда СССР, ВСНХ и Госплана СССР, решающий этап ликвидации безработицы СССР следует датировать с самого начала первой пятилетки, т. е. с октября 1928 г.

Во втором полугодии 1928/29 г., точнее, с апреля 1929 г., безработица, как и в прошлые годы, пошла на убыль. Это было связано с началом строительного и ремонтного сезона, открытием навигации и другими весенне-летними работами. Следует особо подчеркнуть, что абсолютное снижение численности безработных во втором полугодии 1928/29 г. происходило значительно *интенсивнее*, чем в 1927/28 г. (36,4% по сравнению с 29,4% соответствующего периода 1927/28 г.[13]). Причем столь резкое падение безработицы началось сразу же, с третьего квартала 1928/29 г. Тенденция к сокращению численности лиц, состоявших на учете бирж труда, едва улавливаемая в начале первого года пятилетки, явственно определилась к середине 1929 г.

По этому поводу Наркомтруд СССР писал: «Отмеченная нами в предыдущих обзорах (имеются в виду конъюнктурные обзоры по труду за первый и второй кварталы 1928/29 г.— *Л. Р.*) тенденция понижения динамики роста безработицы в этом году по

---

[8] ЦГАОР СССР, ф. 5515, оп. 15, д. 141, л. 5.
[9] «Труд в СССР. 1926—1930», стр. 36.
[10] О конечной дате ликвидации безработицы будет сказано ниже.
[11] *А. С. Сычева.* Из истории борьбы советского народа за ликвидацию безработицы в СССР. 1926—1931 гг. (Автореферат канд. дисс.). М., 1965, стр. 7.
[12] *А. С. Сычева.* Как была ликвидирована безработица в СССР.— «Вопросы истории», 1967, № 1, стр. 32.
[13] ЦГАОР СССР, ф. 5515, оп. 15, д. 142, л. 93.

сравнению с предшествующими годами продолжалась и в третьем квартале» [14]. Важно отметить, что ВСНХ, анализируя это явление, впервые среди причин, повлиявших на состояние безработицы, указал на коллективизацию сельского хозяйства, увеличившую спрос на квалифицированную рабочую силу, особенно на трактористов и механиков [15]. Распространение техники в деревне в связи с начинавшейся коллективизацией привело, как мы видели, к зарождению нового процесса — появлению встречного потока рабочей силы из города в село.

Итак, в первом году пятилетки, как и в предыдущие годы, наблюдались сезонные колебания безработицы. Однако уже тогда выявились специфические особенности: рост безработицы в первом полугодии 1928/29 г. происходил гораздо более медленными темпами, чем в предыдущем году, а ее сокращение в весенне-летний период шло значительно быстрее, чем в 1927/28 г.

Рассмотрев в общих чертах развитие безработицы в первом году пятилетки, перейдем к детальному анализу ее отдельных составных частей. Обратимся к табл. 17.

Вывод, который следует сделать из приведенной таблицы, заключается в том, что в течение 1928/29 г. произошло сокращение безработицы. Если на 1 октября 1928 г. на биржах труда числилось 1364,6 тыс. безработных, то через год, к октябрю 1929 г., их было 1241,0 тыс. Причем до апреля 1929 г. число лиц, состоявших на учете бирж труда, нарастало, достигнув своей кульминационной точки — 1741 тыс. Этот рост был вызван, как и в предшествовавшие годы, конъюнктурными условиями сезонного характера. Однако уже в тот период, как отмечалось выше, происходило относительное снижение темпа роста безработицы. С апреля по октябрь 1929 г. численность лиц, зарегистрированных на биржах труда, сократилась на полмиллиона человек. Таких темпов снижения безработицы не было в предыдущие годы. 1929 год стал переломным годом в истории борьбы с безработицей.

При изучении динамики безработицы среди «собственно безработных» (т. е. лиц, работавших ранее по найму) и людей, впервые предлагавших свой труд, становится заметным, что первая группа дала за год (с октября 1928 г. до октября 1929 г.) снижение на 16,3% (в 1927/28 г. за тот же период произошел рост безработицы на 25,1%). Что касается второй группы (людей, не работавших ранее по найму), то здесь на протяжении всего 1928/29 г. наблюдался непрерывный рост безработицы. За период с октября 1928 г. по октябрь 1929 г. он равнялся 22,6%. Таким образом, второй вывод, вытекающий из вышеприведенной табли-

[14] «Вопросы труда», 1929, № 10, стр. 76.

[15] В обзоре ВСНХ «Конъюнктура промышленности за 1928/29 г.» сказано, что безработица сокращалась в результате увеличения спроса на квалифицированную рабочую силу со стороны сельского хозяйства в связи с коллективизацией (спрос на кадры механизаторов). ЦГАОР СССР, ф. 5515, оп. 15, д. 142, л. 93.

Таблица 17

Динамика безработицы в 1927—1929 гг. по данным 281 биржи труда, в тыс. человек*

Категории безработных	1927 г.			1928 г.			1929 г.		
	1 янв.	1 апр.	1 окт.	1 янв.	1 апр.	1 окт.	1 янв.	1 апр.	1 окт.
Всего безработных	1310,0	1477,9	1041,2	1352,0	1576,4	1364,6	1616,0	1741,1	1241,6
в том числе									
работавших ранее по найму	Нет св.	1055,8	811,4	Нет св.	1274,4	1015,3	Нет св.	1335,3	825,2
не работавших ранее по найму	Нет св.	422,1	229,8	Нет св.	302,0	349,3	Нет св.	405,8	416,4
Из общего количества:									
Индустриальная группа (без неквалифицированных)	Нет св.	239,0	164,5	Нет св.	226,2	206,5	Нет св.	264,1	205,6
Строители (с неквалифицированными)	Нет св.	125,8	62,5	Нет св.	208,0	89,3	Нет св.	208,1	46,8
Группа интеллектуального труда	Нет св.	283,8	261,7	Нет св.	352,1	317,8	Нет св.	317,3	212,0
Группа неквалифицированного труда	Нет св.	758,1	508,4	Нет св.	742,6	696,1	Нет св.	849,0	831,2

* Таблица составлена по данным статистических справочников: „Труд в СССР. 1926—1930", стр. 36 и „Народное хозяйство СССР". Статистический справочник. 1932 г. М.—Л., 1932, стр. XXII—XXIII, а также „Конъюнктурного обзора по труду за 1928/29 г." (ЦГАОР СССР, ф. 5515, оп. 1, д. 169, лл. 113—114). Из-за неполноты данных за эти годы, содержащихся в источниках, цифры по некоторым группам не сходятся с итоговыми.

цы, заключается в том, что ряды безработных в Советской стране росли за счет лиц, впервые предлагавших свой труд. Группа же «собственно безработных» уменьшалась все более быстрыми темпами.

Данные таблицы показывают также, что по своему составу безработица, как и в предшествующие годы, носила неиндустриальный характер. Среди безработных, состоявших на учете на 1 октября 1929 г., индустриальных рабочих было лишь 16%. Однако в течение первого года пятилетки уменьшить эту группу безработных не удалось. Зато существенные изменения произошли в группе строителей. С октября 1928 г. по октябрь 1929 г. численность этой группы сократилась в 2 раза, причем с апреля по октябрь 1929 г.— в 4 раза. Менее 47 тыс. безработных строителей состояло на учете биржи труда в октябре 1929 г. Огромный размах строительных работ первой пятилетки существенным образом повлиял на состояние безработицы этой группы рабочих.

В течение первого года пятилетки заметно уменьшилась группа лиц интеллектуального труда. Безработных служащих, особенно врачей и учителей, становилось все меньше. Их удельный вес в общей массе безработных составлял в октябре 1928 г. 23%, а в октябре 1929 г.— 17%. Сказывались высокие темпы культурного строительства первой пятилетки. В составе безработных, зареги-

стрированных на биржах труда к началу второго года пятилетки, явно преобладала неквалифицированная группа. Неквалифицированные работники составляли две трети всех безработных. Причем численность этой группы росла в течение почти всего 1928/29 г. (с октября 1928 г. по октябрь 1929 г. она выросла на 135 тыс. человек).

Анализ состава безработных подводит нас к третьему важному выводу: уже в первом году пятилетки биржи труда начали испытывать трудности при удовлетворении заявок предприятий на строительных рабочих и специалистов. Безработица среди этих групп резко сокращалась, более того, стала определяться новая тенденция — проблема безработицы среди строителей и специалистов стала перерастать в проблему дефицита этих кадров. И не только этих. По данным Наркомтруда СССР, уже в 1928/29 г. в промышленности не хватало фрезеровщиков, токарей, слесарей, инструментальщиков, сварщиков и др. Дефицит токарей и фрезеровщиков был настолько велик, что хозяйственные организации вынуждены были прибегать к сверхурочным работам [16].

Выше отмечалось, что доля индустриальной группы в общем составе безработных составляла 16%. Это в среднем. По отдельным же профессиям и специальностям колебания были весьма существенными. К сожалению, мы пока не обнаружили материалов, полностью раскрывающих это явление. Рассмотрим табл. 18, которая в какой-то степени показывает структуру безработицы среди индустриальной группы.

Материалы таблицы показывают, что удельный вес металлистов, деревообделочников и пищевиков среди безработных был намного ниже, чем в целом по индустриальной группе. Он был значительно меньшим, даже чем у строителей. Немалую часть (16%) среди безработных индустриальной группы составляли текстильщики. Это объяснялось тем, что если в 1927/28 г. многие текстильные предприятия перешли на 7-часовой рабочий день, что привело к увеличению рабочей силы и сокращению безработицы среди текстильщиков, то в 1928/29 г. на укороченный рабочий день перешли многие другие отрасли, что привело к резкому сокращению числа безработных различных профессий, в то время как численность безработных текстильщиков осталась в этом году почти стабильной.

Много людей, не имевших работы, сохранилось и в группе печатников: на учете бирж труда на 1 октября 1929 года состояло 1354 наборщика и 829 печатников. Однако наряду с этим биржи труда не могли удовлетворить спрос на линотипистов, цинкографов, рабочих ротационных машин [16а].

По данным ВСНХ, значительные трудности с рабочей силой испытывала каменноугольная промышленность. Биржи труда систематически не выполняли заявки на забойщиков.

---

[16] ЦГАОР СССР, ф. 5515, оп. 1, д. 169, л. 113.
[16а] Там же, л. 114.

Таблица 18

Удельный вес безработных по категориям и группам профессий по данным 281 биржи труда СССР, в тыс. человек*

Категории безработных	Количество безработных на 1/VII 29 г.	% к общему итогу	% к итогу собственно безработных	Среднемесячное количество безработных в 1928/29 г.	% к общему итогу	% к итогу собственно безработных
Всего безработных	1472,8	100,0	—	1543,6	100,0	—
в том числе						
работавших ранее по найму	1032,5	70,1	100	1138,2	73,7	100
Из них						
Индустриальная группа (без неквалифицированных)	238,9	16,2	23,1	239,2	15,5	21,0
Из общего количества						
металлисты	75,3	5,1	7,3	73,5	4,8	6,5
деревообделочники	18,1	1,2	1,2	19,4	1,3	1,7
пищевики	35,8	2,4	3,4	35,6	2,3	3,1
Строители (с неквалифицированными)	119,8	8,1	11,6	140,6	9,1	12,3
Группа интеллектуального труда	239,2	16,2	23,2	289,4	18,4	25,4

*** Таблица взята из „Конъюнктурного обзора по труду НКТ СССР за 9 месяцев 1928/29 г." (ЦГАОР СССР, ф. 5515, оп. 15, д. 146, л. 72). Из-за неполноты содержащихся в источнике данных некоторые цифры по группам не сходятся с итоговыми.**

Итак, среди зарегистрированных на биржах труда безработных индустриальной группы больше всего было текстильщиков и печатников. **Металлисты и горняки составляли незначительную часть промышленной резервной армии. Более того, многие профессии этой группы были весьма дефицитными. Мало безработных было** среди деревообделочников и пищевиков.

Анализ состава безработных был бы неполным, если бы мы не рассмотрели их состав по полу и возрасту (в тыс. человек) [17]:

Категории безработных	1927 г. 1 октября	1928 г. 1 апреля	1928 г. 1 октября	1929 г. 1 апреля	1929 г. 1 октября
Всего безработных	1041,2	1576,4	1364,6	1741,1	1241,6
из них:					
женщин	486,9	622,0	642,3	758,4	730,3
подростков обоего пола	168,6	197,4	240,3	257,9	291,0

Данный материал свидетельствует о том, что число безработных женщин выросло с 1 октября 1928 г. по 1 октября 1929 г. на 88 тыс. Даже в период резкого падения безработицы с апреля

[17] См. «Труд в СССР. 1926—1930 гг.», стр. 36.

по октябрь 1929 г. количество безработных женщин сократилось всего на 28 тыс. (а в целом количество безработных уменьшилось на полмиллиона). К концу первого года пятилетки доля женщин в общем составе безработных составляла 59%. Женская безработица имела наиболее застойный характер, так как работа в первую очередь предоставлялась мужчинам.

Тяжелым бременем ложилась безработица на молодежь. Молодые люди, впервые вступавшие на трудовой путь, не могли сразу найти работу. Среди безработных доля подростков (молодежь до 18 лет) на 1 октября 1929 г. составляла примерно 25%. Динамика этой группы безработных в первом году пятилетки была такой же, как у женщин: увеличение безработицы на 50 тыс. человек в течение всего года, незначительное сокращение ее во втором полугодии 1928/29 г. Следует отметить, что безработица в основном затрагивала девушек. Доля юношей среди безработных подростков составляла не более 29% [18].

Анализ численности и состава безработных показывает, что уже в первом году пятилетки в ней произошли существенные изменения. Этот факт, имеющий исключительно важное значение, был зафиксирован многими советскими официальными учреждениями. Наркомат труда СССР, оценивая общие итоги первого года пятилетки, писал: «В 1928/29 г. конъюнктура рынка труда в сравнении с предыдущим годом резко изменилась в сторону снижения темпа роста безработицы» [19]. В другом документе НКТ СССР подчеркивалось, что первый год пятилетки стал *переломным* годом как по размерам безработицы, так и по ее характеру. Это явление было отмечено и Госпланом СССР. «Истекший 1928/29 г.,— писал он,— характеризуется заметным переломом в развитии безработицы» [20]. В обзоре ВСНХ также отмечалось, что безработица рассасывалась значительно быстрее, чем это намечалось пятилетним планом [21].

Итак, нет сомнения в том, что уже в первом году пятилетки произошло относительное и абсолютное сокращение безработицы. Численность лиц, состоявших на учете бирж труда, с октября 1928 г. по октябрь 1929 г. уменьшилась на 9,1% [22].

---

[18] ЦГАОР СССР, ф. 5515, оп. 15, д. 142, л. 94.

[19] Там же, оп. 1, д. 169, л. 113.

[20] «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1929/30 г.» М., 1930, стр. 239.

[21] ЦГАОР СССР, ф. 5515, оп. 15, д. 142, л. 93.

[22] Мы берем сравнительные данные по безработным, зарегистрированным биржами труда на 1 октября 1928 г. и 1 октября 1929 г. Если же взять среднегодовое число безработных за 1928/29 г., то оно на 10% больше, чем в 1927/28 г. (напомним, что по пятилетнему плану предполагался рост безработицы на 11,6%). См. «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1929/30 г.», стр. 240.

Эти дополнительные данные приводятся для большей четкости и точности в освещении вопроса о численности безработных. В источниках мы не находим такого дифференцированного подхода к динамике безработицы, поэтому в ли-

Это произошло, как мы видели, в силу целого ряда причин: форсированные темпы индустриализации вызвали значительный рост численности рабочего класса, начали сказываться первые результаты перевода промышленности на 7-часовой рабочий день; переход к массовой коллективизации увеличил спрос на квалифицированную рабочую силу со стороны сельского хозяйства; развертывание культурного строительства вело к сокращению интеллектуальной группы среди безработных. Лед тронулся — безработица пошла на убыль. И самое важное заключалось в том, что это было вызвано не случайными, конъюнктурными причинами, а вытекало из глубоких социально-экономических преобразований, которые начались в тот период в Советской стране.

По своему составу лица, зарегистрированные на биржах труда, являлись неквалифицированными или малоквалифицированными работниками. Треть всех безработных впервые предлагала свой труд. Что же касалось квалифицированных кадров, особенно специалистов высокого класса, то их уже в этот период не хватало. Биржи труда не в состоянии были удовлетворить требования народного хозяйства и особенно промышленности в квалифицированной рабочей силе.

Динамика безработицы и ее состав определяли политику партии и правительства в борьбе с безработицей. В первом году пятилетки, несмотря на напряженность бюджета, связанную с форсированием промышленного строительства, Советская страна выделила большие для тех лет средства на оказание помощи безработным. Общая сумма денежных ассигнований в 1928/29 г. составила 142,3 млн. руб. против 113,5 млн. в 1927/28 г.[23] (рост более чем на 25%). Причем большая часть средств поступала по социальному страхованию (около 120 млн. руб.). Остальная сумма была выделена по государственному и местным бюджетам. Кроме того, профсоюзы дополнительно ассигновали средства на оказание помощи безработным в 1928/29 г. до 30 млн. руб., против 22,5 в 1927/28 г.[24] Увеличение ассигнований позволило расширить круг лиц, получавших пособия по безработице, размеры пособий, трудовую помощь и масштабы переобучения безработных.

21 августа 1929 г. на коллегии Наркомтруда СССР был рассмотрен вопрос о пособиях по безработице[25]. Осуществляя указания партии и правительства о максимальном обеспечении рабочих, временно оставшихся без работы, Наркомтруд вновь уточнил категории лиц, которым выдавались пособия по безработице. Это были, прежде всего, члены профсоюза с одногодичным стажем работы (нечлены профсоюза должны были иметь двухлетний стаж

тературе как экономической, так и исторической приводятся разные, нередко противоречивые, данные о динамике безработицы вообще и в первые годы пятилетки в особенности.

[23] «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1929/30 г.», стр. 492.

[24] «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1928/29 г.», стр. 160.

[25] ЦГАОР СССР, ф. 5515, оп. 1, д. 214, лл. 103 об.— 104.

работы). Особая забота была проявлена к демобилизованным красноармейцам — они получали пособия независимо от стажа работы. Льготами пользовалась также и молодежь — подросткам до 18 лет пособия выдавались без учета стажа работы, а юношам и девушкам до 20 лет — при наличии 6-месячного стажа. Наркомтруд принял решение не выдавать пособия тем безработным, в семьях которых были высокооплачиваемые люди (зарплата 150—180 руб.).

В феврале 1929 г. Союзный Совет социального страхования при Наркомтруде СССР принял решение о продлении срока обеспечения по безработице для квалифицированных рабочих полиграфической промышленности. Поскольку, как мы видели, у этой категории рабочих безработица приняла застойный характер, было решено до 1 января 1930 г. выдачу пособий продлить до 36 месяцев (пособия, как правило, выдавались не более 27 месяцев) [26]. Это был гуманный акт Советского правительства, показавший настоящую заботу о людях, временно оставшихся без работы.

В результате принятых мер в течение 1928/29 г. значительно выросло среднегодовое число безработных, получавших пособие — с 658 тыс. до 854 тыс. человек (почти на 30%) [27]. Размер пособия, достигнув к началу первой пятилетки 14,5 руб. в месяц, сохранялся таким же и в 1928/29 г.

В первом году пятилетки партия и правительство уделяли большое внимание трудовой помощи безработным. Как и прежде, наибольшую поддержку получали производственные коллективы безработных, т. е. всякого рода мастерские и небольшие самостоятельные предприятия, в которых имелось несложное оборудование. Причем за 6 лет своего существования многие из них настолько окрепли в хозяйственном отношении, что можно было ставить вопрос о переводе их на хозрасчет и передаче соответствующим хозяйственным ведомствам.

20 октября 1928 г. Наркомтруд РСФСР, ВСНХ РСФСР и Всекопромсоюз приняли решение о передаче хозяйственно окрепших коллективов безработных в ведение хозяйственных органов и промкооперации и предписали органам труда автономных республик, краев и областей ускорить этот процесс [28]. За 9 месяцев 1928/29 г. было передано хозорганам примерно 120 производственных коллективов [29]. Однако еще многие мастерские, которые можно было превратить в самостоятельные, оставались на дотациях Наркомтруда. Кроме того, в таких окрепших организациях сменяемость занятых безработных почти не проводилась (в большинстве случаев это вызывалось родом производства, характером профессий и другими объективными причинами). Учитывая все это, Нар-

---

[26] «Известия Наркомтруда СССР», 1929, № 18-19, стр. 184—185.
[27] «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1929/30 г.», стр. 491.
[28] «Известия Наркомтруда СССР», 1928, № 49, стр. 762—763.
[29] ЦГАОР СССР, ф. 5515, оп. 1, д. 169, л. 115.

комтруд СССР и Всекопромсоюз предписали 19 июня 1929 г. всем органам труда республик и центрам промысловой кооперации в трехмесячный срок передать промкооперации все окрепшие предприятия безработных [30].

Вместо передаваемых производственных предприятий создавались новые. В 1928/29 г. число производственных коллективов безработных выросло почти на 14% (значительно больше, чем в предшествующие годы), а численность занятых в них лиц достигла 75,8 тыс. человек против 66,5 тыс. в 1927/28 г. [31]

Менее интенсивно развивались трудовые коллективы — рост всего на 7,1% (с 44,3 тыс. в 1927/28 г. до 47,5 тыс. в 1928/29 г.) [32].

Количество торговых коллективов (торговля с лотков) увеличилось на 5,3%. Число занятых в них безработных было доведено до 14,7 тыс. человек против 14 тыс. в 1927/28 г. Здесь план в основном был выполнен. Однако, надо отметить, что этот вид трудовой помощи безработным особенно не привился. Квалифицированные рабочие отказывались от такой работы, а среди неквалифицированных было много неграмотных, которым нельзя было поручать это дело.

Всего в первом году пятилетки количество занятых в коллективах безработных увеличилось на 15,5 тыс. человек (на 11,6%). В 1928/29 г. работой через эти коллективы было обеспечено 138 тыс. человек [33]. Состав этой категории безработных по полу и возрасту в целом отражал общую тенденцию — обеспечить работой прежде всего мужчин, кормильцев семьи. Удельный вес женщин по всем видам коллективов безработных составлял 36,8%. Подростков же было всего 2,5%.

Партия и правительство считали обучение и переобучение людей основным средством борьбы с безработицей, особенно среди женщин и молодежи. Необходимо было дать безработному такую профессию и специальность, в которой нуждалось народное хозяйство. Иначе создавалось ненормальное положение — с одной стороны, более миллиона безработных, а с другой — огромный дефицит рабочей силы определенного профиля. Вопрос о переквалификации безработных широко обсуждался на VII Всесоюзном совещании по регулированию рынка труда, проходившем в ноябре 1928 г. На совещании был заслушан доклад «Итоги и перспективы обучения и переобучения безработных», в котором было показано огромное значение этой работы для ликвидации безработицы. Во-первых, переквалификация застойных групп безработных ослабляла ее напряженность, во-вторых, позволяла удовлетворять промышленность квалифицированными кадрами, которыми

---

[30] «Известия Наркомтруда СССР», 1929, № 32-33, стр. 514.
[31] По плану предполагалось 73 тыс. человек. См. ЦГАОР СССР, ф. 5515, оп. 1, д. 169, л. 115.
[32] По плану предполагалось довести это число до 52 тыс. человек. См. там же.
[33] Там же.

раньше она не располагала. В выступлениях многих местных работников труда подчеркивалась необходимость усилить работу по переквалификации безработных. Эта мысль специально подчеркивалась в резолюциях совещания[34]. В декабре 1928 г. на VIII съезде профсоюзов задача переквалификации безработных была выдвинута как одно из важнейших средств сокращения безработицы. Заместитель наркома труда СССР И. А. Толстопятов, выступая с отчетом о деятельности НКТ СССР, сказал: «Переобучение... должно составлять одну из центральных задач борьбы с безработицей»[35]. Его поддержали представители Ленинграда, Украины и других крупнейших промышленных центров страны. В своих решениях съезд отметил, что в ближайшее время должен быть совершен решительный сдвиг в переподготовке застойных групп безработных.

В 1928/29 г. переподготовка безработных проходила на учебных базах акционерного общества «Установка», курсах Центрального института труда и в коллективах безработных.

В октябре 1928 г. «Установка» располагала 10 отделениями с оборудованными цехами (из них 3 — в Москве, а также по одному в Киеве, Минске, Харькове и других городах). В течение первого года пятилетки было открыто еще 12 отделений, в том числе в Тбилиси, Баку, Ташкенте и Алма-Ате, т. е. в целом ряде союзных республик, для подготовки местных кадров. Одно отделение «Установки» было создано в Свердловске (ранее на Урале такого отделения не было). Однако план по переквалификации безработных общество «Установка» не выполнило. Вместо 19 тыс. человек оно подготовило 17 тыс. Тем не менее и это было достижением, тем более что 14,5 тыс. человек получили профессии квалифицированных строителей, в которых ощущалась острая нужда. Пополнилась и группа металлистов — было подготовлено 1650 квалифицированных рабочих. План был не выполнен в основном за счет обучения текстильщиков. В начале года было решено подготовить свыше 2 тыс. рабочих этого профиля, а потом оказалось, что биржи труда сами располагали этими кадрами, и необходимость подготовки людей по этой специальности отпала[36].

Больше всего людей получили специальность в коллективах безработных — 50 тыс. человек. Учитывая этот положительный опыт, Наркомтруд СССР обратил особое внимание на обучение безработных непосредственно на предприятиях. В октябре 1929 г. он дал указание наркоматам труда союзных республик усилить эту работу через биржи труда, которые должны были по согласованию с предприятиями посылать к ним на переквалификацию безработных по требуемым специальностям. Во время учебы бир-

[34] См. материалы совещания. ЦГАОР СССР, ф. 5515, оп. 24, д. 265, лл. 1—68.

[35] «Восьмой съезд профессиональных союзов СССР (10—24 декабря 1928 г.)». Полный стенографический отчет. М., 1929, стр. 324.

[36] Подробнее о работе общества «Установка» см. в его отчете за октябрь 1928—октябрь 1929 г. ЦГАОР СССР, ф. 5515, оп. 17, д. 78, лл. 14—29.

жи труда выплачивали ученикам пособия (из сумм, ассигнованных на трудовую помощь), а по окончании обучения предприятия брали этих учеников в свой штат или зачисляли в запасные рабочие [37].

Всего за 1928/29 г. было обучено и переобучено 83 тыс. безработных [38], причем переквалификацию проходили в основном безработные, имевшие профессии, на которые не было спроса. Еще в мае 1929 г. Наркомтруд СССР дал твердую директиву биржам труда направлять на курсы и отделения «Установки» чернорабочих, печатников, совторгслужащих и людей других специальностей, не имевших спроса [39]. Большое внимание уделялось обучению и переобучению женщин и подростков. В инструкции НКТ СССР о порядке комплектования безработными курсов и учебных баз, организуемых акционерным обществом «Установка», Центральным институтом труда и биржами труда, указывалось, что удельный вес женщин и подростков должен составлять не меньше их доли, зарегистрированной на биржах труда. В дальнейшем это требование подтверждалось и другими решениями Наркомата труда СССР.

Переквалификация безработных, являвшаяся одним из важнейших средств сокращения городской резервной армии труда, уже начала играть определенную роль в решении другой острой проблемы — обеспечения народного хозяйства необходимой рабочей силой, спрос на которую рос буквально с каждым днем. По данным Наркомтруда СССР, в 1928/29 г. на 100 предложений труда приходилось 142 места, т. е. биржи труда не могли удовлетворить почти треть всех заявок предприятий, строек и учреждений [40]. Это был тревожный симптом. Вся деятельность бирж труда в 1928/29 г. была направлена к тому, чтобы выйти из этого тупика.

В начале 1929 г. в помощь биржам труда была создана дополнительная сеть корреспондентских пунктов, главным образом для работы с отходниками. 6 февраля 1929 г. Наркомтруд РСФСР принял «Положение о корреспондентских пунктах НКТ по регулированию отхода сезонных рабочих на промыслы» [41]. На этих пунктах отходники получали информацию о местах работы. Их направляли прежде всего на важнейшие стройки, а также на лесоразработки. С созданием корреспондентских пунктов отходничество стало приобретать организованный характер. Поскольку наиболее тяжелое положение с кадрами сложилось в строительстве, Наркомтруд СССР принял ряд мер для решения этого вопроса. Летом 1929 г. в основные районы отходничества были командированы представители Наркомтруда и бирж труда для выявления

[37] «Известия Наркомтруда СССР», 1929, № 45-46, стр. 707—708.
[38] «Пути индустриализации», 1930, № 11-12, стр. 74.
[39] «Известия Наркомтруда СССР», 1929, № 24, стр. 370.
[40] «Труд в СССР. 1926—1930», стр. 36.
[41] «Известия Наркомтруда СССР», 1929, № 11, стр. 170—173.

квалифицированных строительных рабочих и направления их на важнейшие стройки страны. Отходникам предоставлялись дополнительные льготы. Кроме того, биржам труда было дано указание о принятии мер к обеспечению строительства неквалифицированной рабочей силой из числа безработных, состоявших на их учете. 18 июля 1929 г. Наркомтруд СССР, ВСНХ СССР, НКПС, Комиссия по строительству при СТО и ЦК профсоюза строительных рабочих приняли циркуляр о срочных мероприятиях по обеспечению строительства рабочей силой [42]. Особое внимание в этом циркуляре отводилось усилению работы корреспондентских пунктов.

Для упорядочения вопроса найма и увольнения всем предприятиям и учреждениям было предложено направлять на биржи труда, в случае отказа в приеме на работу посланных безработных, «листки исполнения» с указанием причин этого отказа (кто отказался, предприятие или сам безработный) [43]. Рабочая сила становилась дефицитной, поэтому было особенно необходимо учесть все имеющиеся резервы, правильно и бережно их использовать. От четкой работы бирж труда зависело многое. Надо было искоренить бюрократизм, протекционизм, взяточничество при решении вопросов найма и увольнения рабочей силы. Здесь немаловажную роль могли сыграть сами безработные, в первую очередь заинтересованные в четком и справедливом распределении заявок предприятий. 23 мая 1929 г. Наркомтруд СССР принял решение об участии безработных в работе бирж труда [44]. От каждой секции безработных на общих собраниях избиралось от 3 до 7 человек, которые затем отбирали 1—2 представителей в состав Комитета биржи труда. Члены Комитета имели право наблюдать за регистрацией и посылкой людей на работу, участвовать в обследованиях материального положения безработных, разбирать жалобы и т. д. Участие безработных в работе бирж труда усилило контроль общественности за распределением рабочей силы.

Не менее важное значение имело и другое мероприятие Наркомата труда — решение о проверке состава безработных. Выборочные обследования показывали, что на биржах труда числилось много фиктивных лиц. Приведем данные по Иваново-Вознесенской бирже, обследование которой закончилось к 1 июля 1929 г. На учете биржи труда находилось 13 283 человека, обследовалось 7614 человек, из них выехали в неизвестном направлении 1558 человек, не проживали по указанному адресу 3101 человек, выбыли в деревню или в другие города — 867 человек, находились в рядах Красной Армии 37 человек, инвалидов — 28, умерли — 16, отбывали наказания в тюрьме 25 человек. Итого

---

[42] «Известия Наркомтруда СССР», 1929, № 30, стр. 471—473.
[43] Там же, № 3, стр. 36.
[44] Там же, № 24, стр. 372—373.

5748 человек (75,5% всех обследованных) оказались фиктивными безработными [45]. Вполне понятно, что, имея такой состав зарегистрированных, Иваново-Вознесенская биржа не могла удовлетворять заявок предприятий.

Может быть, такое положение было характерно только для этого города? А как обстояли дела в других районах?

13 июля 1929 г. Наркомтруд СССР принял решение о проверке всего состава безработных [46]. При биржах труда были созданы комиссии, которые должны были определить действительные размеры безработицы, выяснить, все ли лица, зарегистрированные биржами труда, нуждаются в работе и почему многие из них отказываются от предлагаемых мест. В состав комиссий входили представители местного органа Наркомтруда, страховой кассы, РКИ, Горсовета, Отдела работниц и ВЛКСМ, рабочие с предприятий и представители безработных. Такой демократический характер комиссий обеспечивал всестороннее и объективное обследование. В решении Наркомтруда СССР о создании комиссий специально подчеркивалось, что проверка состава безработных должна проводиться при активном участии широких масс. Особо обращалось внимание на освещение в печати хода и итогов работы комиссий.

Проверка состава безработных проходила с июля по октябрь 1929 г. Были обследованы биржи труда Москвы, Ленинграда, Баку, Харькова, Тбилиси, Днепропетровска, Брянска и др. При обследовании выяснилось, что на биржах труда было зарегистрировано много фиктивных безработных. На проверку в Ленинграде не явилось 10% лиц, состоявших на учете, в Баку и Тбилиси — 30% и т. д. [47] Кроме того, обнаружилось, что многие безработные в работе не нуждались. На учете состояли люди, у которых семьи получали 300 руб. в месяц, т. е. их бюджет был значительно больше, чем бюджет среднеоплачиваемого рабочего. Такие семьи безработных, как выяснилось, выезжали на курорт (например, в Баку), или на дачу (как это было в Ленинграде). Были и такие безработные, которые получали весьма значительные доходы от собственного дома (сдавали комнаты в аренду) или жили в деревне, имея приусадебный участок. Такие люди лишь аккуратно являлись за пособием по безработице. Что же касалось работы, то они от нее под любыми предлогами отказывались или даже придумывали такой способ: устраивались на работу на несколько дней, а потом бросали ее и вновь вставали на учет биржи труда. Обследование бирж труда показало также, что среди безработных было немало деклассированных элементов (пьяниц, тунеядцев,

---

[45] ЦГАОР СССР, ф. 5515, оп. 15, д. 143, л. 57.

[46] «Известия Наркомтруда СССР», 1929, № 30, стр. 467—469.

[47] Материалы по обследованию взяты нами из информационной сводки НКТ СССР о проверке состава безработных (ЦГАОР СССР, ф. 5515, оп. 1, д. 170, лл. 67—69).

бывших уголовников и др.), которые регистрировались лишь для того, чтобы получать пособие. Работали они плохо или вообще отказывались от предлагаемых им мест. Приведем лишь одну иллюстрацию. Из Зарайска сообщали: «На обувную фабрику... биржа посылала на работу чуждые элементы. В результате упала производительность, участились кражи, прогулы. Выполнению производственной программы грозил срыв» [48]. Проверка показала также, что в Ленинграде из 10 тыс. опрошенных лиц действительно нуждались в работе 2910 человек, в Баку из 31 тыс.— лишь 11 тыс. и т. д. Нетрудно понять, что в этом, в частности, крылась одна из причин невыполнения биржами труда заявок предприятий. А заявки не удовлетворялись почти везде: в Иркутске и Самаре, Ростове-на-Дону и Сталинграде. Затруднения с рабочей силой начали испытывать даже Москва и Ленинград, давнишние центры безработицы.

По результатам обследования бирж труда были сделаны два вывода: во-первых, необходимо освободиться от фиктивных безработных и, во-вторых, несколько изменить правила выплаты пособий по безработице. Так и было сделано. С учета биржи труда были сняты явные лжебезработные.

28 сентября 1929 г. ЦК ВКП(б) принял постановление «О социальном страховании», в котором отмечалось, что право на получение пособия по безработице зависит прежде всего от трудового стажа, пособие выдается людям, которые действительно в нем нуждаются [49]. Чтобы прекратить необоснованные отказы от работы, предлагалось не выплачивать пособия безработным, которые систематически отказывались от работы. 19 октября 1929 г. Союзный Совет социального страхования при Наркомтруде СССР принял постановление «Об изменении и дополнении правил о назначении и выдаче пособий по безработице в порядке социального страхования». Трудовой стаж для получения пособия был увеличен с одного года до двух лет для членов профсоюза и с 2 до 3 лет — для не состоящих в профсоюзе. Минимум зарплаты семьи безработного, при котором пособия не выдавались, был снижен с 150—180 до 120—150 руб. при трех иждивенцах. Права на пособие лишались люди, проживавшие в сельской местности и имевшие свое хозяйство [50].

Организационные меры Коммунистической партии и Советского правительства сыграли немаловажную роль в сокращении размеров безработицы. Однако главным при решении этой проблемы были объективные условия — общее состояние и развитие народного хозяйства СССР.

Оценивая первые результаты борьбы с безработицей в период пятилетки и намечая перспективы ее ликвидации, партия и пра-

---

[48] ЦГАОР СССР, ф. 5515, оп. 1, д. 170, лл. 67—69.
[49] «Справочник партийного работника», вып. 7, ч. 2. М.— Л., 1930, стр. 190—191.
[50] «Известия Наркомтруда СССР», 1929, № 47, стр. 745—746.

вительство исходили из того, что 1928/29 г. был первым годом *серьезного перелома* в динамике безработицы. Определяя перспективы второго года пятилетки, Госплан СССР пришел к выводу, что в 1929/30 г. произойдет значительное снижение безработицы.

Перспективы развития безработицы были рассмотрены на ноябрьском Пленуме ЦК ВКП(б) (1929 г.). Председатель Госплана Г. М. Кржижановский, докладывая о заданиях второго года пятилетки, говорил, что безработица будет, начиная с 1929/30 г., иметь место только для лиц, впервые ищущих приложения труда, тогда как в квалифицированном труде Советская страна уже будет испытывать недостаток. О нехватке рабочей силы и значительном сокращении безработицы говорил на Пленуме Г. И. Петровский, председатель ЦИК Украины, и другие делегаты. В решениях ноябрьского Пленума подчеркивалось, что в связи с вовлечением в промышленное производство и культурное строительство дополнительной рабочей силы рост безработицы не только остановится, но и абсолютно уменьшатся ее размеры [51].

Итоги первого года пятилетки подтвердили правильность выбранного партией пути. Безработица поддалась лечению. Ее участь была предрешена.

Исчезновение безработицы в 1930 г.

5 декабря 1929 г. ЦК ВКП(б) принял постановление «О росте кадров рабочего класса, состоянии безработицы и мероприятиях к ее ослаблению» [52]. В постановлении было тщательно проанализировано состояние безработицы в СССР и намечены пути ее резкого сокращения. Центральный Комитет особо подчеркивал, что в отличие от стран капитала, где резервная армия труда образуется и растет в основном за счет рационализации производства, в Советском Союзе безработица является результатом общего роста трудоспособного населения страны и аграрного перенаселения. Цифры, приведенные в постановлении ЦК ВКП(б), убедительно подтверждали это положение — к началу второго года пятилетки 60% всех безработных представляли группу чернорабочих, причем 33% впервые предлагали свой труд. Индустриальные рабочие составляли лишь 16,3% всего состава безработных, столь же малочисленной (18,2%) была группа интеллектуального труда. Рассмотрев динамику безработицы в первом году пятилетки, Центральный Комитет партии пришел к выводу: «За последний год темп роста числа безработных значительно ниже темпов роста их в предшествовавшие годы» [53]. Некоторое увеличение числа без-

---

[51] См. «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», т. IV. М., 1970, стр. 329.
[52] «Правда», 9 декабря 1929 г.
[53] Там же.

работных в 1928/29 г. (имелся в виду среднегодовой рост) происходило одновременно с увеличением общей численности рабочих и служащих.

В постановлении ЦК подчеркивалось, что во втором году пятилетки произойдет сокращение размеров безработицы в результате роста всего народного хозяйства: форсирования индустриального строительства, перехода на 7-часовой рабочий день, социалистического преобразования сельского хозяйства. Центральный Комитет партии наметил конкретную программу борьбы с безработицей на ближайший период. Исходя из того, что народное хозяйство все острее нуждалось в рабочих определенных специальностей и профессий, Коммунистическая партия предложила форсировать дело подготовки и переподготовки кадров. Переобучение и переквалификация безработных выдвигались как главное средство борьбы с безработицей. Учитывая, что безработица поразила в основном женщин и молодежь, Центральный Комитет потребовал принять особые меры по ослаблению безработицы среди этих групп. В частности, он предложил увеличить бронь ЦК ВЛКСМ для молодежи, детей рабочих и служащих, а также создать специальные коллективы безработных из молодежи и женщин.

Центральный Комитет наметил также целый ряд организационных мероприятий по ослаблению безработицы. Так как во время проверки состава безработных было обнаружено, что многие зарегистрированные на биржах труда в работе не нуждались и под любыми предлогами отказывались от предлагаемых мест, было предложено регистрировать на биржах труда лишь тех, кто действительно нуждался в работе и не смотрел на пособие по безработице лишь как на дополнительную дотацию к основному заработку семьи.

В целях большего согласования работы по подготовке и распределению рабочей силы было предложено создать при Наркомтруде СССР и НКТ союзных республик советы по рынку труда, в которые должны были войти представители хозорганов, профсоюзов и другие компетентные лица.

Большие задачи были возложены на биржи труда. Им было поручено усилить контакт с хозяйственными органами (предприятиями и учреждениями), максимально удовлетворять их заявки. Более четкой и целенаправленной должна была стать работа комитетов бирж труда, которые преобразовались в советы по регулированию рынка труда. Центральный Комитет предложил шире вовлекать безработных в этот вид деятельности бирж труда.

Таким образом, постановление ЦК ВКП(б) от 5 декабря 1929 г. стало программой борьбы с безработицей в условиях развернутого наступления социализма по всему фронту.

В декабре 1929 г. Наркомтруд СССР провел расширенное совещание работников отделов рынка труда, которое выработало конкретные мероприятия по упорядочению деятельности бирж

труда[54]. В структуре бирж труда выделялся особый сектор подготовки рабочих кадров, в обязанности которого входили наблюдение и регулирование работы по подготовке кадров на местах. Особое внимание обращалось на переобучение безработных на предприятиях. Базам общества «Установка», курсам бирж труда, школам массовых профессий и другим профсоюзным учебным заведениям давалось задание принять меры к массовому переобучению безработных. Коллективы безработных (производственные и трудовые) должны были стать школами производственного обучения и переобучения. В связи с изменением характера безработицы и острой потребностью народного хозяйства в квалифицированной рабочей силе Наркомтруд СССР, осуществляя директивы ЦК ВКП(б), предложил резко изменить виды трудовой помощи безработным: ликвидировать общественные работы, передать все окрепшие трудовые, производственные и торговые коллективы в ведение хозяйственных органов, а в оставшихся коллективах наладить работу по переквалификации безработных.

Итак, второй год пятилетки начался с существенного изменения задач и форм борьбы с безработицей в СССР. Паллиативная помощь, которая в конечном счете не решала проблему ликвидации безработицы, уходила в прошлое. На смену полумерам, приносившим лишь временное облегчение, пришла настоящая действенная помощь. В условиях развернутого индустриального строительства и социалистической реконструкции сельского хозяйства основным средством борьбы с безработицей стало обучение и переквалификация безработных, причем если раньше обучение безработных включалось в общую систему трудовой помощи, то теперь (после создания на биржах труда специальных секторов по подготовке рабочей силы) подготовка квалифицированных кадров не только выделилась в самостоятельную отрасль работы органов труда, но и по своим размерам и значению приняла характер крупного народнохозяйственного и социально-экономического мероприятия.

3 марта 1930 г. Наркомтруд СССР принял циркуляр о реорганизации работы органов труда в области оказания трудовой помощи безработным, которым предписывалось всем наркоматам труда союзных республик уделять максимум внимания обучению и переобучению безработных. В отношении других видов помощи было сказано следующее: «За последние годы предприятия и коллективы безработных и общественные работы сыграли большую и положительную роль в деле смягчения безработицы и оказания временной трудовой помощи основным массам безработных. Однако в современных условиях, при чрезвычайно возросшей по-

[54] ЦГАОР СССР, ф. 5515, оп. 248, л. 4. На необходимость «радикальной перестройки работы органов НКТ и более активного участия в его работе профсоюзов» указал в своих решениях ноябрьский (1929 г.) пленум ВЦСПС.— См. «Вопросы труда», 1930, № 1, стр. 12.

требности в квалифицированных рабочих, в связи с быстрой реконструкцией народного хозяйства эти формы помощи в общем утрачивают свое первоначальное значение»[55]. Исходя из этого, Наркомтруд СССР предложил все, за небольшим исключением[56], коллективы безработных реорганизовать в учебные базы и школы-фабрики по обучению и переобучению безработных квалифицированным дефицитным профессиям. Работа по реорганизации производственных коллективов должна была закончиться к 15 мая 1930 г., а по трудовым и торговым — 15 июня 1930 г. Коллективы безработных, которые по роду своей деятельности и характеру работы не могли быть реорганизованы в учебные заведения, передавались в ведение местной промышленности или промысловой кооперации. Кроме того, циркуляром предписывалось направить на государственные предприятия всех безработных дефицитных профессий.

Таким образом, в 1930 г. основным видом трудовой помощи безработным, а постепенно — и единственным, стало обучение и переобучение людей. Это нашло яркое отражение в увеличении размеров ассигнований на эти цели. Если в 1929 г. на переобучение было затрачено 20 млн. руб. (14% всех средств, ассигнованных на борьбу с безработицей), то в 1930 г.— 80 млн. руб. (60% всех ассигнований) — в 16 раз больше, чем в 1927/28 г., и в 4 раза больше, чем в первом году пятилетки[57].

В 1929/30 г. было обучено и переобучено 360 тыс. человек против 83 тыс. в первом году пятилетки и 49 тыс. в 1927/28 г.[58] В течение 1930 г. новые дефицитные специальности получила почти половина всех безработных. Эти люди без затруднений были распределены по фабрикам, заводам и стройкам. Из 360 тыс. человек 200 тыс. стали квалифицированными строителями. Однако для периода бурного промышленного строительства такие темпы были все еще недостаточными. Но и эти меры сыграли значительную роль в решении проблемы ликвидации безработицы среди лиц, не имевших специальности или обладавших профессиями, на которые не было спроса.

В 1930 г. партия и правительство уделяли большое внимание борьбе с безработицей среди молодежи. Здесь главная роль отводилась расширенным наборам в школы ФЗУ и школы массовых профессий. Значение «первого набора индустриализации» (так назывался дополнительный набор в ФЗУ, проведенный в январе-феврале 1930 г.) в сокращении безработицы среди юношей и девушек раскрывается данными, показывающими подготовительную

[55] «Известия Наркомтруда СССР», 1930, № 10, стр. 210.

[56] Это касалось главным образом коллективов, состоявших из молодежи и женщин.

[57] В 1927/28 г. на обучение и переобучение было затрачено примерно 5 млн. руб. См. «Обзор деятельности НКТ СССР за 1927—1928 гг.» — «Отчет к VIII Всесоюзному съезду профсоюзов». М., 1928, стр. 56; «Вопросы труда», 1930, № 7-8, стр. 55.

[58] «Пути индустриализации», 1930, № 11-12, стр. 74.

работу к этому набору, проведенную Московской биржей труда. За октябрь — декабрь 1928/29 г. ею было направлено в профтехнические школы примерно 2200 человек, а за те же три месяца 1929/30 г.— 10 тыс. человек, причем в декабре 1929 г. в эти школы было направлено почти в 12 раз больше подростков, чем в декабре 1928 г.[59] Всего в стране по дополнительному набору в школы ФЗУ пошло 70 тыс. человек.

Еще бо́льшие перспективы перед подростками открыл осенний набор в ФЗУ 1930 г.— «второй набор индустриализации». Он полностью решал проблему ликвидации безработицы среди молодежи (по промышленности ВСНХ в школы ФЗУ направлялось 345 тыс. человек). НКТ СССР, для того чтобы направить в школы ФЗУ всех зарегистрированных безработных юношей и девушек, принял решение о повышении возрастного ценза с 16 до 18 лет. Кроме того, поскольку на учете бирж труда имелось немало молодежи, не имевшей 4-классного образования, необходимого для поступления в школы ФЗУ, было решено организовать общеобразовательные курсы для подготовки подростков к поступлению в школы профессионально-технического обучения. Эти меры дали возможность всей молодежи, стоявшей на учете бирж труда, осенью 1930 г. пойти учиться в школы ФЗУ.

Большое внимание уделяли партия и правительство проблемам ликвидации безработицы среди женщин, которая имела наиболее стабильный и длительный характер. Еще 2 февраля 1929 г. Наркомтруд СССР направил всем наркоматам труда союзных республик циркулярное письмо, в котором предлагалось максимально увеличить обучение и переобучение женщин-безработных, усилить борьбу с необоснованным отказом предприятий от приема женщин на работу, расширить трудовую помощь женщинам, состоявшим на учете бирж труда[60]. Необходимость усиления борьбы с женской безработицей специально подчеркивалась в постановлении ЦК ВКП(б) от 5 декабря 1929 г. В течение 1930 г. Наркомтруд СССР провел целый ряд мероприятий по борьбе с женской безработицей: были даны указания биржам труда посылать на работу женщин в соответствии с их удельным весом среди всех безработных, увеличить приемы девушек в школы профтехнического обучения, создать специальные трудовые женские коллективы (ателье по пошиву одежды, изготовлению шляп и т. д.). Особенно большое внимание проблемам женского труда и ликвидации женской безработицы было уделено при составлении контрольных цифр по труду на 1930/31 г. 6 июня 1930 г. коллегия Наркомтруда СССР разработала следующие директивы: довести рост женского труда в промышленности до 23% против 10% в 1929/30 г. (в результате выполнения этого пункта удельный вес

---

[59] ЦГАОР СССР, ф. 5515, оп. 15, д. 231, л. 14.
[60] «Известия Наркомтруда СССР», 1929, № 4, стр. 49—51.

работниц в промышленности возрастал до 29,6% — в 1928/29 г. он составлял 27%, в 1929/30 г.— 28,1%); увеличить удельный вес девушек в школах массового профобразования (ФЗУ, краткосрочных курсах и пр.) промышленности до 40%, строительства — до 35%, торговли — до 50%, по общеобразовательным курсам бирж труда — до 50% [61]. Реализация этих мероприятий полностью решала проблему женской безработицы.

Бурное развитие народного хозяйства СССР, мероприятия партии и правительства по свертыванию безработицы, выявившаяся нехватка рабочей силы в промышленности и особенно на строительствах показали, что один Наркомат труда не в силах поднять и решить все проблемы труда, в том числе такую важную, как полная ликвидация безработицы в СССР. 21 апреля 1930 г. СНК СССР принял постановление об утверждении Междуведомственного Совета по рынку труда. Он создавался «в целях обеспечения за хозяйственными органами и профессиональными союзами необходимого влияния в деле снабжения рабочей силой различных отраслей народного хозяйства... в целях общего улучшения организации рынка труда при НКТ СССР» [62]. В его состав входили представители различных ведомств и организаций: НКТ СССР, ВСНХ СССР, Союзстроя, НКПС, Наркомзема, Колхозцентра, Наркомфина, ВЦСПС, ЦК союзов строителей, ВЛКСМ и крупнейших заводов. Общее руководство возлагалось на Наркомат труда СССР. Междуведомственный Совет рассматривал и утверждал оперативные планы по труду, подготавливал важнейшие постановления в области трудового законодательства, принимал участие в составлении конъюнктурных обзоров по труду, осуществлял контроль за ходом выполнения планов и постановлений [63].

28 мая 1930 г. Междуведомственный Совет рассмотрел вопрос о состоянии безработицы и снабжении народного хозяйства рабочей силой. Все явственнее ощущалась тревожная обстановка того времени — наличие безработицы, с одной стороны, и недостаток рабочих, особенно квалифицированных — с другой. Для того чтобы в какой-то степени облегчить решение этой сложной проблемы, было принято решение поручить Наркомату труда совместно с ВСНХ СССР и ВЦСПС проработать вопрос об организации при крупных предприятиях резервных бригад из безработных. Таким образом, можно было, не расширяя штатного расписания, регулярно использовать труд безработных, готовя из них постоянные кадры для этих предприятий [64]. 27 июля 1930 г. Наркомтруд принял постановление о порядке организации при

---

[61] ЦГАОР СССР, ф. 5515, оп. 15, д. 295, лл. 11—12.
[62] СУ СССР, отд. 1, 1930, № 25, ст. 275.
[63] Протоколы заседаний Междуведомственного Совета хранятся в ЦГАОР СССР, ф. 5515, оп. 15, д. 264.
[64] Там же, оп. 1, д. 201, лл. 244, 273—274.

предприятиях резервных бригад из безработных, в котором говорилось: «Биржи труда по соглашению с крупными предприятиями могут выделить из безработных резервные бригады, которые прикрепляются к этим предприятиям для замены работников, не вышедших на работу, и для выполнения краткосрочных экстренных работ» [65].

14 июня 1930 г. Междуведомственный Совет вновь обсуждал вопрос о снабжении народного хозяйства рабочей силой и состоянии безработицы. В его решениях отмечалось: «Совет констатирует, что снабжение промышленности рабочей силой протекает в условиях крайней напряженности. Эта напряженность происходит, с одной стороны, в связи *с иссяканием резервных безработных на биржах труда* (курсив мой.— *Л. Р.*), а с другой, в связи со значительно возросшей потребностью народного хозяйства в новых кадрах рабочей силы, вследствие резкого расширения программы строительства и значительного вовлечения рабочих в вузы, втузы, выдвижения в аппарат, переброски на колхозное строительство и т. д. Такое увеличение потребности промышленности в рабочей силе было недоучтено хозяйственными органами в текущем году» [66]. Эта выдержка из решения Совета имеет важное принципиальное значение для изучения проблемы ликвидации безработицы в СССР. Во-первых, она показывает, что многие ведомства и организации, а не только Наркомат труда знали о тяжелом положении с рабочей силой. Во-вторых, в этом постановлении совершенно определенно говорится о причинах этого явления, причем, пожалуй, только в этом документе наряду с расширением строительной программы и колхозным строительством названы и такие дополнительные источники поглощения людских резервов, как значительное вовлечение рабочих в высшие учебные заведения и выдвижение их в государственный, хозяйственный и профсоюзный аппараты. Наконец, в постановлении Совета от 14 июня 1930 г. прямо говорилось о постепенном исчезновении безработицы в городах. Все эти три положения очень важны, так как они подкрепляют нашу концепцию о путях и сроках ликвидации безработицы в СССР.

Во втором году пятилетки безработица резко пошла на убыль. Уже итоги первого месяца 1929/30 хозяйственного года показали, что динамика городской безработицы претерпела существенные изменения — были нарушены традиционные колебания в ее развитии. Как мы уже писали, осенне-зимний период был самым тяжелым для безработных. Именно в то время в силу целого ряда объективных и субъективных причин безработица росла наиболее интенсивно. В октябре 1929 г. впервые за многие годы несезонная группа безработных осталась стабильной, даже немного уменьшилась (на 0,6%). Группа же сезонников хотя и увеличи-

[65] «Известия Наркомтруда СССР», 1930, № 25, стр. 548—549.
[66] ЦГАОР СССР, ф. 5515, оп. 1, д. 201, л. 234.

лась, но в меньших размерах, чем в октябре 1928 г.[67] С октября 1929 г. по февраль 1930 г. число безработных уменьшилось на 0,5% — с 1241,6 тыс. до 1235,6 тыс. В первом году пятилетки в тот же период наблюдался рост числа лиц, состоявших на учете бирж труда, примерно на 300 тыс. человек, или на 22,1%. Как мы видели, уже в 1928/29 г. безработица росла более медленными темпами, чем в предшествовавшие годы. Эта едва уловимая тенденция для первого года пятилетки более явственно ощущалась в 1929/30 г. Сопоставление средних цифр по безработице этого года с 1928/29 г. показывает резкое ее снижение (на 17,5%). Суммируя полученные данные, Наркомтруд СССР писал в конъюнктурном обзоре по труду за октябрь 1929 г.— январь 1930 г.: «Своеобразная динамика безработицы в текущем году заключается в том, что, если в 1928/29 г. наблюдалось лишь *снижение темпа безработицы*, то 1929/30 г. является *переломным в смысле абсолютного снижения самой безработицы*» (курсив мой.— *Л. Р.*)[68].

Таким образом, процесс абсолютного сокращения численности безработных, начавшийся в октябре 1929 г., значительно усилился в последующие месяцы, причем снижение размеров безработицы происходило по всем группам и категориям, за исключением сезонной группы безработных. В целом сокращение численности лиц, состоявших на учете бирж труда, произошло в основном за счет лиц интеллектуального труда (число безработных этой группы сократилось на 65,9 тыс.) и индустриальных рабочих (сокращение на 32,6 тыс.). В результате по данным Наркомтруда СССР удельный вес индустриальной группы в общем составе безработных упал с 16 до 14%[69]. Многие биржи труда, даже такие насыщенные промышленными кадрами, как Московская, Ленинградская и Уральская, не удовлетворяли заявок предприятий по целому ряду профессий. Все сильнее ощущался дефицит в рабочих-металлистах в Москве, Ленинграде. Уральские стройки задыхались от недостатка строительных рабочих.

Анализируя динамику безработицы в течение первых четырех месяцев 1929/30 г., Наркомтруд пришел к выводу, что имеются все основания предполагать, что запланированное снижение безработицы на 10% для второго года пятилетки будет выполнено значительно раньше срока. Наркомтруд СССР писал: «Такого рода динамика безработицы (имеется в виду ее падение.— *Л. Р.*) в текущем году была обусловлена рядом факторов как экономического, так и организационного порядка. Доминирующее значение принадлежит фактору бурного развития хозяйства в текущем году (стремительный рост фабрично-заводской промышленности и т. д.) и быстрых темпов коллективизации сельского хо-

[67] ЦГАОР СССР, ф. 5515, оп. 15, д. 147, л. 47 об. («Конъюнктурный обзор ЦСУ СССР за октябрь 1929 г.»).
[68] ЦГАОР СССР, ф. 5515, оп. 15, д. 188, л. 10.
[69] Там же.

зяйства. Из мероприятий организационного порядка на снижении безработицы сказалось прикрепление сезонников к предприятиям и отчасти проверка состава безработных» [70]. Следовательно, Наркомтруд СССР считал, что главные причины свертывания безработицы коренились в хозяйственно-экономических преобразованиях, бурно проходивших в нашей стране в конце 1920-х годов. Что же касается организационных, административных мер (ограничение в регистрации людей, искавших работу, чистка бирж труда и пр.), то они имели второстепенное значение. По данным Наркомата труда РСФСР, за 1929/30 г. с учета бирж труда в результате проверки безработных было снято всего 2,7% всех проверявшихся, а по индустриальной группе — меньше 1% [71].

К 1 июня 1930 г. число безработных снизилось до 936,6 тыс. человек, т. е. более чем на 25% по сравнению с началом хозяйственного года. Таким образом, плановые проектировки (уменьшение резервной армии труда на 10%) были значительно превзойдены еще до конца года. Кривая безработицы стремительно падала вниз. В январе 1930 г. насчитывалось 1316 тыс. безработных, в феврале — 1235,6 тыс., в апреле — 1079,1 тыс., в мае — 1025,6 тыс., в июне — 936,6 тыс. человек [72]. Причем темпы падения безработицы возрастали из месяца в месяц. Последний квартал 1929/30 г. сулил дальнейшее резкое сокращение численности лиц, зарегистрированных биржами труда. Это подтверждалось практикой прошлых лет (сезонные колебания в динамике безработицы). Кроме этой традиционной причины имелись и другие, гораздо более важные. Именно во второй половине 1930 г. страна приступила к развернутому строительству Магнитогорского и Кузнецкого металлургических комбинатов, строительству новых шахт в Донбассе и Подмосковном угольном бассейне, в строй действующих вступили Днепрогэс, Сталинградский тракторный завод и другие предприятия. Потребность в рабочей силе непрерывно росла, безработица доживала свои последние дни.

Сокращение численности безработных во втором году пятилетки сопровождалось изменениями в их составе. Обратимся к табл. 19 (см. стр. 270).

Данные таблицы показывают, что безработица в СССР имела, как и в прежние годы, неиндустриальный характер. На 1 июня 1930 г. менее 140 тыс. промышленных рабочих (примерно 14% общего состава безработных) не имели работу. При этом уменьшение численности этой группы проходило значительно быстрее, чем в остальных категориях безработных — индустриальная группа за 8 месяцев 1929/30 г. сократилась на 35%, в то время как размеры всей безработицы уменьшились на 25%.

---

[70] Там же.
[71] *М. М. Романов.* О ликвидации безработицы в СССР. М., 1930, стр. 8.
[72] «Народное хозяйство в СССР», 1932, стр. XXIII; ЦГАОР СССР, ф. 5515, оп. 15, д. 188, лл. 10, 23.

Таблица 19

Численность и состав безработных, состоявших на учете бирж труда, в тыс. человек*

Показатели \ Периоды	Год	1 мая	1 июня	Средние за 8 месяцев	% к началу хоз. года
Всего безработных	1928/29	1772,6	1593,6	1611,1	116,8
	1929/30	1025,6	936,6	1176,6	75,4
В том числе членов профсоюза	1928/29	1110,3	949,5	1014,0	114,1
	1929/30	516,3	446,0	615,2	66,5
Из общего числа безработных «собственно безработных» (работавших ранее по найму) всего	1928/29	1350,6	1171,9	1226,1	115,4
	1929/30	714,1	639,5	800,5	77,5
в том числе:					
Индустр. группа	1928/29	277,6	252,3	243,8	122,2
(без неквалифицированных)	1929/30	137,9	133,9	176,6	65,1
из них:					
металлистов	1928/29	87,0	78,6	65,1	128,9
	1929/30	35,9	33,0	46,3	58,8
деревообделочников	1928/29	27,4	22,0	22,2	153,1
	1929/30	10,3	10,4	11,6	100,0
текстильщиков	1928/29	42,2	41,7	33,7	145,8
	1929/30	27,7	34,0	37,0	78,3
пищевиков	1928/29	41,7	37,2	36,2	115,9
	1929/30	26,4	20,8	26,9	68,6
Строители (включая неквалифицированных)	1928/29	217,1	165,7	166,7	185,6
	1929/30	105,0	77,4	91,4	165,4
Интеллектуальный труд	1928/29	310,4	282,0	316,2	88,7
	1929/30	145,4	131,6	173,9	62,1
из них:					
совторгслужащих	1928/29	210,1	191,7	213,0	89,5
	1929/30	98,1	89,6	109,4	69,5
Неквалифицированный труд всего	1928/29	489,6	420,3	443,6	121,2
	1929/30	241,0	194,8	306,6	61,9
Неработавшие ранее по найму	1928/29	421,9	421,7	385,0	120,7
	1929/30	311,5	297,1	376,1	71,3

* Эта уникальная таблица обнаружена нами в делах планового управления Наркомтруда СССР как приложение к конъюнктурному обзору по труду за первые 8 месяцев 1929/30 г. К сожалению, разыскать сам обзор пока не удалось (ЦГАОР СССР, ф. 5515, оп. 15, д. 188, л. 23). Приведенные в таблице данные по отдельным группам не сходятся с итоговыми.

Свертывание безработицы происходило по всем специальностям и профессиям. Даже среди текстильщиков, у которых численность безработных в первом году пятилетки увеличилась до 50%, безработица упала за 8 месяцев 1929/30 г. на 22%. Осо-

бенно бурно уменьшалась резервная армия металлистов — за тот же период более чем на 41%. К июню 1930 г. на биржах труда было зарегистрировано всего 33 тыс. металлистов. В условиях развернутого промышленного строительства, пуска новых металлургических и машиностроительных заводов, перехода на 7-часовой рабочий день такой незначительный резерв металлистов свидетельствовал о том, что по существу безработица среди этой группы индустриальных рабочих была ликвидирована.

Завершался процесс ликвидации безработицы среди других категорий промышленных кадров. На биржах труда к середине 1930 г. числилось всего 10 тыс. деревообделочников, 20 тыс. пищевиков, 34 тыс. текстильщиков. Новые предприятия, вступившие в строй, требовали гораздо большего числа рабочих. Проблема ликвидации безработицы среди индустриальных рабочих была в основном решена.

Данные таблицы показывают, что биржи труда не располагали также и кадрами строителей. На 1 июня 1930 г. на биржах было зарегистрировано всего 77 тыс. строителей (включая и неквалифицированных). Только в течение мая 1930 г. численность этой группы безработных уменьшилась на 30 тыс. человек. Даже при тех же темпах спроса на строителей резерва хватило бы только на 2 месяца. А размеры строительных работ возрастали, уже практически решался вопрос об увеличении продолжительности строительного сезона. Где было взять людей?

Такое же положение складывалось с кадрами высокой квалификации, людьми умственного труда. Так называемая группа интеллектуального труда, по данным вышеприведенной таблицы, уменьшилась за 8 месяцев 1929/30 г. на 38%, т. е. значительно больше, чем в среднем по всей безработице, и даже больше, чем по индустриальной группе. На 1 июня 1930 г. в каталогах бирж по группе интеллектуального труда числилось всего 132 тыс. человек, причем особую часть ее составляли совторгслужащие (90 тыс.). Оставшиеся 42 тыс. представляли все другие профессии: работников здравоохранения, просвещения, искусств и др. Практически уже к этому периоду безработных инженеров, врачей и учителей не было. Наоборот, страна в связи с размахом культурного строительства остро нуждалась в этих кадрах. Здесь снова вставал все тот же вопрос — где взять нужные кадры?

Дальнейший анализ табл. 19 показывает, что самой многочисленной группой среди «собственно безработных» были люди, не имевшие квалификации,— почти 200 тыс. человек на 1 июня 1930 г. Но и эта группа сокращалась невиданно быстрыми темпами: в течение октября 1929 г.— мая 1930 г. она уменьшилась на 38%, в то время как за тот же период первого года пятилетки она возросла на 21%. Только за май 1930 г. численность зарегистрированных на биржах труда неквалифицированных рабочих уменьшилась почти на 50 тыс. человек. Столь резкое сокращение этой группы безработных легко поддается объяснению.

В условиях резкого дефицита квалифицированных кадров предприятия охотно брали с бирж труда людей без квалификации и обучали их непосредственно у станка. Таким образом, перспективы полной ликвидации безработицы и по этой группе были не за горами. Если судить по майским темпам, то требовалось 3—4 месяца для того, чтобы окончательно решить этот вопрос.

Хуже обстояли дела с безработицей среди людей, не работавших ранее на предприятиях и в учреждениях. Во-первых, их было сравнительно много (300 тыс. на 1 июня 1930 г.), во-вторых, эта группа безработных убывала далеко не такими темпами, как другие группы (за май, например, она уменьшилась всего на 14 тыс.) и, наконец, именно эта категория лиц представляла собой основной резерв безработицы. Общий рост народонаселения, желание огромного большинства трудоспособных людей включиться в производственную жизнь страны, а также постоянный отлив крестьянства из деревни в город в результате аграрного перенаселения — таковы основные и притом трудно ликвидируемые источники этой группы безработных. Правда, в связи с массовой коллективизацией, как мы видели, отходничество сравнительно сократилось, тем не менее оно все еще было достаточно велико. Как бороться с безработицей среди этой группы безработных? Каковы эффективные меры ее полной ликвидации? Вот вопросы, которые волновали в ту пору партию и правительство.

Заканчивая анализ состава безработных, приведенного в табл. 19, следует сделать следующие общие выводы: к середине 1930 г. безработица фактически была ликвидирована среди индустриальных рабочих, строителей и людей умственного труда (кроме совторгслужащих). Кроме того, сообщения Наркомата труда показывают, что к середине 1930 г. были исчерпаны полностью кадры безработных-пищевиков. В связи с этим Наркомтруд СССР 9 июня 1930 г. принял специальное постановление о вовлечении женщин-рабочих и актива домохозяек на работу в предприятия общественного питания [73]. Процесс ликвидации безработицы среди неквалифицированных рабочих завершался. Что же касалось лиц, впервые предлагавших свой труд и зарегистрированных на биржах труда, то с ними дело обстояло сложнее. Анализ численности и состава этой группы безработных показывал, что здесь надо было применить какие-то решительные и кардинальные меры. Это было особенно необходимо в условиях конца 20-х годов, когда в народном хозяйстве страны образовались ножницы: с одной стороны, колоссальная нехватка рабочей силы, а с другой — наличие безработицы (на биржах труда числился почти 1 млн. людей).

4 июня 1930 г. в Наркомтруде обсуждались исходные данные к составлению контрольных цифр по труду на 1930/31 г. [74] Всех

[73] ЦГАОР СССР, ф. 5515, оп. 1, д. 201, л. 229.
[74] Там же, оп. 15, д. 295, л. 1.

волновал вопрос, как сбалансировать труд на третий, решающий год пятилетки при стремительном падении безработицы и резком возрастании спроса на рабочую силу (в 1930/31 г. в строй действующих должно было войти более 500 промышленных предприятий, среди них такие крупные, как Керченский металлургический завод, Ростовский сельмаш, Челябинский завод ферросплавов, Красноуральский медеплавильный, коксохимический завод Магнитогорского комбината и др.). Огромный размах приобретала строительная программа. Численность строительных рабочих должна была возрасти на 43%. Значительно увеличивалась торговая сеть: аппарат кооперативной и государственной торговли предполагалось увеличить на 20%.

Между тем трудовые резервы, сосредоточенные на биржах труда, убывали, полностью исчезли многие группы квалифицированных профессий. На июньском совещании были вновь отмечены три основные причины резкого сокращения безработицы: увеличение темпов роста рабочего класса в связи с индустриализацией, оседание избыточного населения в деревнях в период организации новых колхозов, сокращение численности подрастающего поколения (сказывалось падение рождаемости в годы империалистической войны). К этому надо добавить уход огромной массы молодежи в ФЗУ, а также в высшие и средние учебные заведения. В то же время на совещании отмечалось, что комплектование школ ФЗУ и школ ученичества массовым профессиям (ШУМП) было затруднено, так как «на биржах труда нет в достаточной степени подростков, отвечающих нужным требованиям»[75]. На совещании вновь стоял вопрос о переквалификации безработных, особенно женщин.

В принятом на совещании решении по контрольным цифрам труда на 1930/31 г. подчеркивалось, что безработица во втором году пятилетки сокращалась значительно быстрее плановых заданий и на рынке труда исчезли целые группы безработных. В то же время растущее индустриальное строительство предъявило в третьем году пятилетки спрос на рабочую силу до 1 млн. человек, в том числе промышленность — на 300 тыс., строительство — свыше 300 тыс., железнодорожный транспорт — на 100 тыс.[76], автотранспорт — на 80 тыс. и т. д. Для колхозного строительства также требовался 1 млн. человек, среди них 400 тыс. трактористов[77].

Итак, по оценке Наркомтруда СССР, народному хозяйству страны (не считая деревни) не хватало 1 млн. человек, а по более поздним подсчетам Госплана, в 1930/31 г. для народного хозяйства надо было подготовить 2 млн. постоянных рабочих (только промышленность предъявила спрос на 700 тыс. человек).

[75] Там же, л. 2.

[76] Следует отметить, что такая потребность в рабочей силе появилась на железных дорогах лишь в годы пятилетки. Впервые потребовали людей и предприятия связи.

[77] ЦГАОР СССР, ф. 5515, оп. 1, д. 237, л. 134.

Кроме постоянных рабочих требовалось еще 3 млн. сезонников, итого 5 млн. человек[78].

При такой ситуации планировать сохранение безработицы в 1930/31 г. было глубочайшей ошибкой. А между тем, Наркомат труда СССР в разработанных контрольных цифрах по труду на третий год пятилетки запроектировал 500 тыс. безработных[79]. Таким образом, ножницы между спросом и предложением рабочей силы, которые возникли еще в первой половине 1930 г., не только не ликвидировались, но и узаконивались.

Такое странное «планирование» можно объяснить в определенной степени позицией наркома труда Н. А. Угланова. Суровая критика на пленумах ЦК ВКП(б) в 1928—1929 гг. не изменила его правооппортунистических взглядов. Он продолжал поддерживать лидеров правой оппозиции, настаивавших на снижении темпов развития индустрии и задержке мероприятий партии в области социалистического преобразования сельского хозяйства. Пасуя перед трудностями, правые пугали партию тем, что в условиях аграрного перенаселения взятый темп индустриализации и коллективизации приведет к прогрессирующему росту безработицы.

Первые итоги развития народного хозяйства показывали другое. Безработица, несмотря на все пророчества правых, сокращалась, притом темпы ее падения увеличивались из месяца в месяц. Об этом хорошо знали в Наркомтруде (приведенная выше таблица о численности и составе безработных взята из его материалов), но руководство НКТ СССР продолжало следовать своей оппортунистической линии. «Безработица была, есть и будет»,— заявляли правые. «Мы не можем до известной степени избежать безработицы,— писал один из теоретиков правого оппортунизма Б. Спектор,— вследствие проводимой рационализации и машинизации»[80]. А в это время численность лиц, зарегистрированных на биржах труда, резко сокращалась. Тем не менее Н. А. Угланов продолжал свою линию. Его поддерживали такие ответственные работники Наркомата труда, как И. А. Толстопятов (зам. наркома), Я. И. Гиндин (член коллегии), Л. Е. Минц (руководитель группы планирования), в ВЦСПС — М. Томский и Л. Гинзбург. Под их руководством и были составлены контрольные цифры по труду на 1930/31 г., в которых планировались почти полмиллиона безработных. Линия правых наносила вред народному хозяйству, усиливала диспропорцию в промышленности, строительстве и на транспорте. Она действительно могла привести к росту безработицы.

Коммунистическая партия резко выступила против плана правых. Она доказала полную несостоятельность их теоретических воззрений и практических установок. Выступая на XVI съезде

---

[78] ЦГАОР СССР, ф. 5515, оп. 1, д. 165, л. 3.
[79] Там же, л. 9.
[80] «Экономическое обозрение», 1929, № 9, стр. 93—94.

ВКП(б) в июне 1930 г. с политическим отчетом Центрального Комитета, И. В. Сталин говорил по вопросу о безработице: «Нужно сказать, что в этой области существует большая неразбериха как у Наркомтруда, так и у ВЦСПС. С одной стороны, по данным этих учреждений, выходит, что мы имеем безработных около миллиона человек... С другой стороны, по тем же данным, мы переживаем ужасающий голод в квалифицированной рабочей силе, биржи труда не удовлетворяют спроса наших предприятий на рабочую силу процентов на 80... Попробуйте-ка разобраться в этой неразберихе» [81]. Коммунистическая партия предложила принять срочные меры к ликвидации ножниц между спросом и предложением рабочей силы. Поскольку руководство Наркомтруда было не в состоянии это сделать, решили произвести замену ряда ответственных работников. Было принято решение об освобождении Н. А. Угланова от обязанностей наркома труда и назначении на эту должность А. М. Цихона. Антон Михайлович Цихон — рабочий-металлист, член партии с 1906 г., имел за плечами большой опыт партийной и профсоюзной работы. Он принимал активное участие в октябрьских боях 1917 г. в Москве; с 1917 г. по 1920 г. был председателем Бауманского совета, затем долгие годы работал секретарем Замоскворецкого райкома партии; с 1928 г. по 1930 г. он возглавлял ЦК Союза строителей. С этого места послала его партия в Наркомат труда. Вместе с А. М. Цихоном в Наркомат труда пришли передовые рабочие с производства. В результате рабочая прослойка в Наркомате значительно увеличилась, вырос удельный вес коммунистов среди наркоматовских работников. В коллегию НКТ СССР были введены И. П. Флеровский, И. А. Алексеев, В. П. Петров, Т. В. Васильева, М. П. Гнилякевич, Л. И. Данилов, Н. А. Иванов [82]. Заместителем наркома был назначен Иван Адамович Краваль — опытный экономист, крупный специалист в области экономики труда. Он был одним из ближайших соратников Ф. Э. Дзержинского и В. В. Куйбышева, возглавляя в ВСНХ сектор труда, рационализации и себестоимости [83]. Начальником Управления подготовки и снабжения рабочей силы (так стал называться Отдел рынка труда) был назначен И. А. Алексеев, он же стал председателем Междуведомственного Совета по труду. В сентябре 1930 г. от работы в Наркомате труда был освобожден ряд ответственных работников.

Возглавив Наркомат труда СССР, А. М. Цихон прежде всего решил подробно ознакомиться с состоянием безработицы в то время. В июле 1930 г. на учете бирж труда числилось 633 тыс. человек. Из них около 140 тыс. находились на обучении и пере-

---

[81] *И. В. Сталин.* Соч., т. 12, стр. 292—293.
[82] ЦГАОР СССР, ф. 5515, оп. 1, д. 200, л. 21.
[83] Подробнее о И. А. Кравале см. монографию А. Ф. Хавина «У руля индустрии». М., 1968, стр. 38.

обучении, 180 тыс. подростков осенью 1930 г. подлежали размещению в школы ФЗУ и школы массовых профессий и примерно 15% всего числа безработных составляли так называемые «мертвые души» (примерно 50 тыс. человек). Таким образом, численность безработных, действительно нуждавшихся в работе, составляла примерно 260 тыс. человек. Проанализировав эти данные, новый нарком труда писал в докладе о снабжении социалистического строительства кадрами: «Число безработных составляет примерно 260 тыс. человек. Если же учесть, что у нас работающих по найму имеется около 14 млн. человек и среди них большая текучесть, то будет ясно, что подавляющее большинство т. н. безработных представляет собою переходящие кадры»[84]. Суммируя эти данные, А. М. Цихон писал: «Безработицы, как таковой, у нас уже нет». В подтверждение этого вывода он привел такие сведения: если в 1927/28 г. на 100 безработных приходилось 94 заявки с предложением работы, то в 1928/29 г.— 128 и в 1929/30 г.— 160[85].

Опираясь на эти данные, А. М. Цихон и его ближайшие помощники решили пересмотреть проектировки Наркомтруда по безработице на ближайшее время. 23 августа 1930 г. на коллегии НКТ СССР стоял вопрос: «О контрольных цифрах по вопросу о перспективах безработицы на 1930/31 год». После тщательного обсуждения вопроса, изучения материалов, представленных биржами труда, было принято следующее постановление: «Безработные в количестве 633 тыс. человек, числящиеся к 1 августа 1930 г. на учете бирж труда, являются следствием неправильной работы бирж труда и непосылки указанных безработных на работу и переквалификацию. Коллегия констатирует абсолютное отсутствие безработицы, в силу чего считает необходимым работу органов труда перестроить в сторону их непосредственного участия в организации труда в производстве и подготовке кадров квалифицированной рабочей силы для обеспечения важнейших отраслей народного хозяйства. Для чего работу бирж труда реорганизовать. Запроектированные в контрольных цифрах на 1930/31 год 408 тыс. человек безработных и 30 млн. руб. на выдачу пособий этим безработным считать неправильными, а потому отменить»[86]. Коллегия решила перенести центр тяжести работы Наркомата на решение проблемы обеспечения рабочей силой народного хозяйства.

Кардинальные меры нового руководства Наркомата труда, направленные на решение сложнейшей проблемы времени — устранение ножниц между спросом и предложением рабочей силы, были единственно правильными в тот период. Выплачивать пособия по безработице, непроизводительно тратить миллионы рублей, держать в резерве десятки, даже сотни тысяч людей в то время,

---

[84] ЦГАОР СССР, ф. 5515, оп. 15, д. 279, л. 152.
[85] Там же.
[86] Там же, оп. 1, д. 211, л. 66.

когда имелись реальные возможности производительно использовать их труд, было бессмысленно.

Тысячи заводов, фабрик, рудников, строек требовали все новых и новых людей. Хозяйственный год приближался к концу, а многие предприятия все еще были далеки от выполнения значительно увеличенных в 1930 г. плановых заданий (как известно, по целому ряду важнейших производств плановые задания на 1929/30 г. были существенно повышены по сравнению с проектировками пятилетки). Спрос на рабочих возрастал, биржи труда практически уже не имели трудовых резервов, предприятия переходили к самостоятельному набору рабочей силы.

Резервная армия труда убывала с каждым месяцем, с каждым днем. Посмотрим, какова же была динамика безработицы в последнем квартале второго года пятилетки. Начнем с июля 1930 г., т. е. с первого месяца хозяйственного года четвертого квартала. На 1 июля 1930 г. было зарегистрировано 725 тыс. безработных, а затем кривая безработицы стала быстро падать: в августе было 633 тыс. безработных, в сентябре — 525,5 тыс., в октябре — 334,6 тыс. человек [87]. Таким образом, с июля по октябрь численность всех безработных, зарегистрированных 281 биржей труда страны, уменьшилась почти в 2,5 раза. Итак, на 1 октября 1930 г. на биржах труда числилось примерно 335 тыс. безработных. В эту цифру входила и молодежь до 18 лет, подлежавшая осеннему набору в школы ФЗУ. Без подростков численность безработных снижалась до 226 тыс. человек. О составе лиц, все еще состоявших на учете бирж труда, дает представление табл. 20 (см. стр. 278).

Как свидетельствуют приведенные в таблице данные, размеры безработицы среди взрослых в течение второго полугодия 1929/30 г. сократились почти в 3,5 раза. При этом численность молодежи, зарегистрированной на биржах труда, уменьшилась лишь в 2 раза. Таким образом, первый вывод, который можно сделать, заключается в том, что армия безработных сокращалась в первую очередь за счет взрослых. И это было особенно важно, так как проблема безработицы среди молодежи полностью решалась осенним набором 1930 г. в школы ФЗУ (более того, биржи труда не могли целиком удовлетворить потребностей школ ФЗУ).

Из табл. 20 видно, что группа «собственно безработных», т. е. работавших ранее на предприятиях и стройках, составляла в октябре 1930 г. среди взрослых безработных 81,5%, а среди молодежи незначительное меньшинство — 3,1%. Причем в течение второго года пятилетки удельный вес «собственно безработных» упал с 84,9 до 81,5%. Эти данные также весьма показательны.

---

[87] Эти данные получены и проверены нами по разным источникам — см. «Конъюнктурный обзор по труду Наркомтруда СССР за 1929/30 г.» (ЦГАОР СССР, ф. 5515, оп. 1, д. 246, л. 137), материалы коллегии НКТ СССР (там же, д. 211, л. 66), данные Наркомата труда РСФСР (*М. М. Романов.* Указ. соч., стр. 3).

Таблица 20

Численность и состав безработных (по профессиям и возрасту), состоявших на учете 281 биржи труда в 1929—1930 гг., в тыс. человек*

Периоды	Число взрослых безработных												Число безработных подростков (до 18 лет)		
	всего	работавших ранее по найму	из них: членов профсоюза	индустриальная группа (без неквалифицированных)	из них: металлисты	текстильщики	пищевики	строители (с неквалифицированными)	группа интеллектуального труда	из них: совторгслужащие	группа неквалифицированного труда	не работавших по найму	всего	работавших ранее по найму	не работавших по найму
1929 г. 1 апреля	1483,2	1310,9	1112,6	261,1	79,8	36,7	40,8	204,6	315,6	215,4	642,9	172,3	257,9	24,4	233,5
1 июля	1167,6	1007,8	823,1	231,1	71,6	41,5	33,0	117,0	242,7	161,1	527,0	159,8	280,5	21,1	259,4
1 сентября	**970,5**	**825,5**	**678,3**	**211,4**	**61,0**	**42,8**	**30,4**	**49,4**	**215,8**	**139,5**	**444,4**	**145,0**	**293,6**	**19,5**	**274,1**
1 октября	950,4	807,2	670,7	203,1	55,4	43,0	30,2	45,6	210,6	127,6	442,3	143,2	291,2	18,0	273,2
1930 г. 1 апреля	850,0	719,9	548,5	143,5	38,4	28,6	24,4	115,1	150,4	98,9	407,0	130,1	229,1	17,7	211,4
1 июля	**579,0**	**485,2**	**361,1**	**119,9**	**26,3**	**34,9**	**20,7**	**53,7**	**116,2**	**70,2**	**255,5**	**83,8**	**199,3**	**14,0**	**185,3**
1 сентября	376,1	286,7	203,0	75,0	17,0	24,6	9,8	10,0	74,7	44,0	145,2	89,4	149,4	3,2	140,2
1 октября	226,0	184,2	139,8	47,1	12,7	15,0	5,3	4,5	60,4	29,0	69,7	41,8	108,6	7,0	101,6

* Таблица составлена на основе конъюнктурного обзора по труду за 1929/30 г. См. ЦГАОР СССР, ф. 5515, оп. 1, д. 246, л. 137.
В общее число безработных, состоявших на учете, были включены находившиеся на переобучении, направление которых на работу могло производиться до окончания обучения. В источнике некоторые данные по группам не сходятся с итоговыми.

Они свидетельствуют об абсолютном и относительном сокращении численности «собственно безработных».

Бурными темпами уменьшалась индустриальная группа безработных. В октябре 1930 г. на биржах труда осталось лишь 47 тыс. индустриальных рабочих, против 203 тыс. в октябре 1929 г. С июля по октябрь 1930 г. резервы индустриальной группы сократились почти в 2,5 раза, в то время как за тот же период 1929 г.— всего на 10—15%. Лишь 12,7 тыс. металлистов, 15 тыс. текстильщиков и 5 тыс. пищевиков числилось на биржах труда к 1 октября 1930 г. Менее чем за год число безработных металлистов и пищевиков уменьшилось в 4,5 раза, текстильщиков — в 6 раз. Резервы индустриальной группы были полностью исчерпаны. Здесь, несмотря на некоторое количество людей, еще зарегистрированных на биржах труда, процесс ликвидации безработицы фактически был завершен.

Такой же вывод можно сделать и по отношению к строителям. На 1 октября 1930 г. всего 4,5 тыс. рабочих-строителей было зарегистрировано биржами труда. Это в то время, когда только Магнитострой и Кузнецкстрой требовали десятки тысяч людей. За второе полугодие 1930 г., как свидетельствуют вышеприведенные данные, численность безработных строителей упала почти в 30 раз!

По существу процесс ликвидации безработицы был завершен и по группе интеллектуального труда. Здесь, как мы видели раньше, дела обстояли неблагоприятно лишь у совторгслужащих. За второе полугодие 1929/30 г. численность этой группы безработных сократилась более чем в 3 раза, причем всего за один месяц — с сентября по октябрь — число зарегистрированных биржами труда совторгслужащих уменьшилось на 15 тыс. На 1 октября 1930 г. их числилось лишь 29 тыс., следовательно оставалось 1—2 месяца, и здесь также полностью решалась проблема безработицы.

Темпы падения безработицы среди группы неквалифицированного труда показывали, что и тут безработица приходила к концу. В течение второго полугодия 1929/30 г. численность неквалифицированных рабочих, состоявших на учете бирж труда, уменьшилась почти в 7 раз. Меры, принятые партией и правительством по обучению и переобучению безработных, дали свои результаты. Только за сентябрь число неквалифицированных безработных сократилось на 75 тыс. человек. Итак, еще один месяц таких темпов (на учете бирж труда к 1 октября 1930 г. состояло примерно 70 тыс. неквалифицированных рабочих), и тут проблема безработицы решалась окончательно.

Данные табл. 20 показывают, что весьма многочисленной группой лиц, зарегистрированных биржами труда, были люди, не работавшие ранее на фабриках, заводах, стройках, люди, впервые искавшие работу. Таких было сравнительно много — примерно 145 тыс.: 41,8 тыс. взрослых и 101,6 тыс. подростков (до 18 лет).

Удельный вес этой группы достигал 43% всего состава безработных. Вопрос о полной ликвидации безработицы среди этой группы решался прежде всего осенним набором школ ФЗУ. Все безработные подростки полностью обеспечивались местами в школах профессионально-технических училищ. Кроме того, для тех, кто имел неполное и полное среднее образование, широко распахнулись двери техникумов и вузов. Как мы видели, именно осенью 1930 г. были самые значительные приемы в высшие и средние учебные заведения.

Что же касалось 42 тыс. взрослых безработных (главным образом женщин), то здесь следовало применить испытанный метод — обучение их в системе бирж труда или на самих предприятиях. Так оно и делалось. Бо́льшая часть этих безработных, если не все, к 1 октября были охвачены различными формами учебы. Получив в недалеком будущем специальность, они могли спокойно идти на предприятия, где их ждала работа.

Итак, анализ данных, приведенных в табл. 20, убедительно свидетельствует о том, что к октябрю 1930 г., т. е. к концу второго года пятилетки, армия безработных по всем ее группам полностью исчезает. Небольшие резервы, которыми располагала в какой-то степени биржа труда, были на исходе. По существу, на биржах труда уже не было безработных: молодежь ожидала осеннего набора в школы ФЗУ, большинство взрослых безработных находилось на обучении и переобучении. По данным Наркомата труда СССР, из 226 тыс. взрослых безработных 85 тыс. обучались на курсах бирж труда или на самих предприятиях [88]. После того как были исчерпаны запасы бирж труда, потребности народного хозяйства в рабочей силе достигли гигантских для того времени размеров — страна нуждалась в сотнях тысяч, миллионах новых рабочих и специалистов.

Приведем еще некоторые данные НКТ СССР, свидетельствующие о резком падении размеров безработицы в 1930 г. и ее окончательной ликвидации к концу второго года пятилетки. Если на 1 октября 1929 г. в стране насчитывалось 932 тыс. безработных (не считая молодежь до 18 лет и лиц, учившихся на курсах обучения специальности и переобучения), то на 1 января 1930 г. их число достигло 952 тыс. (103,2% по сравнению с 1 октября 1929 г.), а затем начало резко сокращаться. На 1 апреля 1930 г. их оставалось 765 тыс. (80,3% к 1 января 1930 г.), на 1 июля — 494 тыс. (64,6% к 1 апреля), на 1 октября 1930 г.— 140 тыс. человек (28,3% к 1 июля) [89]. Эти данные показывают, что в течение второго года пятилетки размеры безработицы (без подростков и находившихся на переобучении) уменьшились в 7 раз, причем темпы ее падения увеличивались из квартала в квартал, из месяца в месяц. С июля по октябрь 1930 г. числен-

[88] ЦГАОР СССР, ф. 5515, оп. 1, д. 246, лл. 102, 137. Подсчитано автором.
[89] Там же, л. 103.

ность лиц, состоявших на учете бирж труда, сократилась в 3,5 раза, в то время как за предыдущий квартал — в 1,5 раза. Итак, к концу 1929/30 г. на учете 281 биржи труда СССР состояло всего 140 тыс. человек, из них женщины, преимущественно неквалифицированные, составляли 60%. Таким образом, мужчин состояло на учете примерно 60 тыс. человек. «Этот контингент лиц,— писал Наркомтруд СССР,— получается преимущественно в результате оборота рабочей силы, составляя от 1 до 2% к числу занятой рабочей силы»[90]. Следовательно, и эти данные Наркомтруда СССР еще раз свидетельствовали, что практически в СССР уже не было безработицы. Более того, на 1 сентября 1930 г. биржи труда не удовлетворили 1 млн. 67 тыс. заявок предприятий[91].

Факт ликвидации безработицы в СССР в конце второго года пятилетки был отмечен Наркоматом труда. В своем конъюнктурном обзоре по труду за 1929/30 г. НКТ СССР трижды писал о ликвидации безработицы в Советском Союзе. В первом разделе «Некоторые итоги общехозяйственной конъюнктуры» отмечался факт ликвидации безработицы, затем в главе, посвященной обороту и текучести рабочей силы, указывалось на резкое снижение безработицы с начала года и ее ликвидацию в конце года. И, наконец, в материалах, касавшихся бирж труда, было записано: «Второй год пятилетки в связи с бурным развитием промышленности и быстрым ростом коллективизации исчерпал безработицу»[92].

20 октября 1930 г. ЦК ВКП(б) принял постановление «О мероприятиях по плановому обеспечению народного хозяйства рабочей силой и борьбе с текучестью». Оно начиналось так: «Огромный успех социалистической индустриализации страны и быстрый темп колхозного и совхозного строительства привели к полной ликвидации безработицы в Советском Союзе»[93]. Это был первый опубликованный документ, в котором говорилось о ликвидации безработицы в СССР. 7 ноября 1930 г., в день 13-й годовщины Великого Октября, в «Правде» большими буквами было набрано: «Пролетарии СССР в союзе с трудящимся крестьянством под руководством ВКП(б), разбивая классовых врагов и их подголосков, в ожесточенной борьбе за социализм добились полной ликвидации безработицы в СССР». В передовой статье того же номера «Правда» писала об окончательной ликвидации проклятого наследия капитализма — безработицы.

В середине ноября 1930 г. состоялось Всесоюзное совещание работников органов труда. Во многих докладах и выступлениях говорилось о ликвидации безработицы в СССР. В своей резолюции совещание записало: «Одной из важнейших побед рабочего

[90] Там же.
[91] Там же, д. 165, л. 1.
[92] Там же, д. 246, л. 102.
[93] «Правда», 22 октября 1930 г.

класса является полная ликвидация безработицы в нашей стране» [94]. При составлении контрольных цифр по труду на 1931 г. Наркомтруд снова подчеркнул, что в СССР безработица ликвидирована полностью [95].

Факт ликвидации безработицы в СССР в 1930 г. был зафиксирован партийными и государственными документами. Об этом говорилось в решениях декабрьского (1930 г.) объединенного Пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) [96] и январской (1931 г.) III сессии ЦИК СССР [97]. Подводя общие итоги выполнения первого пятилетнего плана, Госплан СССР подчеркивал, что «уже в 1930 г. в СССР безработица исчезла» [98].

В 60-е годы среди историков возникла дискуссия о времени завершения решающего этапа борьбы с безработицей в СССР. Некоторые исследователи утверждали, что безработица в нашей стране была уничтожена не в 1930 г., а в конце пятилетки [99], другие доказывали, что практически безработица исчезла к концу второго года пятилетки [100]. Наиболее категорично первая точка зрения была высказана А. С. Сычевой в ее статье «О проведении органами труда организационных мер по ликвидации безработицы в СССР (1929—1931 гг.)», в которой она писала: «Конкретная обстановка конца 1930 и первой половины 1931 года показала, что безработица после 20 октября 1930 года еще существовала и требовала определенного внимания к себе. От форсированного курса (? — *Л. Р.*) вскоре пришлось отказаться» [101]. В других своих работах она также пыталась доказать, что безработица была ликвидирована лишь к концу 1931 г. Встает вопрос, какие материалы привели А. С. Сычеву к такому выводу? Обратимся к ее источникам. Из опубликованных официальных источников лишь в одном

---

[94] ЦГАОР СССР, ф. 5515, оп. 1, д. 559, л. 16.

[95] См. материалы заседания коллегии НКТ СССР от 10 ноября 1930 г. (ЦГАОР СССР, ф. 5515, оп. 1, д. 246, лл. 8, 11, 119) и объяснительную записку НКТ СССР к контрольным цифрам по труду, направленную в Госплан (ЦГАНХ СССР, ф. 4372, оп. 28, д. 86, л. 32).

[96] «КПСС в резолюциях и решениях...», т. IV. М., 1970, стр. 492.

[97] «3-я сессия Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР 5 созыва». Стенографический отчет. Бюллетень № 20. М., 1931, стр. 28—32.

[98] «Итоги выполнения первого пятилетнего плана развития народного хозяйства Союза ССР». М., 1933, стр. 31.

[99] *В. З. Дробижев.* Советский рабочий класс в период социалистической реконструкции народного хозяйства. М., 1961, стр. 35. Он писал: «К концу первой пятилетки в СССР была фактически ликвидирована безработица. Если на 1 октября 1926 г. было 1 млн. 71 тыс. безработных, то на 1 августа 1931 г.— 18 тыс.».

[100] *К. И. Суворов.* Ликвидация безработицы в СССР — великое завоевание партии и народа.— «Вопросы истории КПСС», 1966, № 12; *Л. С. Рогачевская.* Конъюнктурные обзоры по труду как источник для изучения безработицы и ее ликвидации в СССР.— «Археографический ежегодник за 1966 г.» М., 1968; *она же.* Решающий этап ликвидации безработицы в СССР.— «История СССР», 1968, № 3.

[101] «Ученые записки Московского областного пединститута», т. CXXXV. История СССР, вып. 8, 1964, стр. 209.

(«Труд в СССР». Экономико-статистический справочник. М.— Л., 1932, стр. 9) отмечалось, что на 1 января 1931 г. было 236 тыс. безработных, а на 1 августа 1931 г.— 18 тыс. Однако эти цифры приводились составителями сборника условно, в примечаниях они писали о крайней условности данных статистики безработных, подчеркивая в то же время, что «к концу 1930 г. безработица в СССР была ликвидирована» [102]. В данном случае речь шла не о безработных в буквальном смысле слова, т. е. состоявших на пособии и не имевших работу в течение некоторого, иногда весьма значительного времени, а о людях, желавших трудоустроиться через реорганизованные в конце 1930 г. биржи труда, к тому же имевшие в то время уже другое название и выполнявшие другие функции. Во всех других статистических справочниках было зафиксировано, что на 1 января 1931 г. в нашей стране безработных не было [103]. Так обстоят дела с опубликованными источниками. Что же касается неопубликованных, архивных материалов, извлеченных А. С. Сычевой из фондов Наркомата труда, то при их критическом анализе, успешно проведенном К. И. Суворовым [104], обнаруживается, что и здесь речь шла не о безработных, а о лицах, состоявших на учете управлений кадров органов труда. Причем в этих же материалах [105] прямо было сказано о полной ликвидации безработицы еще в 1930 г. Аналогичные документы с теми же выводами имеются в делах НКТ СССР за 1930—1931 гг.

Конечно, окончательный спор о сроках ликвидации безработицы может быть решен лишь при анализе численности и состава городской безработицы, изучении общей конъюнктуры труда и состояния всего народного хозяйства. Исследование всех этих факторов привело нас к совершенно определенному выводу, что в нашей стране с безработицей было покончено уже в конце 1930 г. Для обоснования этого вывода огромную роль сыграли обнаруженные нами конъюнктурные обзоры по труду за 1930 г., с которыми не была знакома А. С. Сычева.

Все вышеизложенное позволяет нам утверждать, что нет никакой необходимости пересматривать выводы Наркомтруда СССР, Госплана СССР, партийных и государственных органов о ликвидации безработицы в 1930 г.

К концу второго года пятилетки в Советском Союзе не только не было безработицы, но и ощущался огромный дефицит в рабочей силе. Людям, желавшим трудоустроиться, работа предоставлялась в течение 3—5 дней. Ввиду недостатка людей на фабриках, заводах, шахтах и особенно на строительствах, Наркомат труда должен был проявить максимум усилий для обеспечения народ-

---

[102] «Труд в СССР». М.— Л., 1932, стр. 9.

[103] См., например, «Народное хозяйство СССР». М., 1932, стр. XXII—XXIII; «Труд в СССР». М., 1968, стр. 23 и др.

[104] См. *К. И. Суворов.* Исторический опыт КПСС по ликвидации безработицы. 1917—1930. М., 1968, стр. 226—227.

[105] ЦГАОР СССР, ф. 5515, оп. 15, дд. 168, 721.

ного хозяйства необходимой рабочей силой. Дальнейшие успехи социалистического строительства в значительной степени зависели от правильного решения проблемы кадров.

Организационные меры Коммунистической партии и Советского правительства по обеспечению народного хозяйства рабочей силой

Ликвидация безработицы поставила перед партией и правительством новые серьезные задачи. Снабжение народного хозяйства рабочей силой стало важнейшей хозяйственно-политической задачей страны.

9 октября 1930 г. Наркомат труда СССР принял постановление «О немедленной посылке безработных на работу и о прекращении выплаты пособий по безработице». «Ввиду огромного недостатка в рабочей силе во всех отраслях народного хозяйства,— подчеркивалось в нем,— страховым кассам предлагается прекратить выплату пособий по безработице» [106]. Далее в постановлении отмечалось, что бюджетом социального страхования на четвертый квартал 1930 г. ассигнования на выплату пособий по безработице не предусматривается. Пособия могли получать лишь те из состоявших на учете бирж труда, которые имели больничные листы. Наркомтруд предписал органам труда принять все меры к немедленному направлению безработных на предприятия и в учреждения и развернуть работу по обучению и переобучению людей.

Это постановление явилось важной мерой по ликвидации возникших в Советской стране ножниц между спросом и предложением рабочей силы. Ненормальное явление, когда, с одной стороны, на биржах труда еще числилось 200—300 тыс. «безработных», а с другой — имелась нехватка миллионов рабочих, ликвидировалось. Теперь все силы Наркомата труда направлялись на разрешение основных проблем подготовки рабочей силы.

Постановление НКТ СССР соответствовало постановлению ЦК ВКП(б) от 20 октября 1930 г. «О мероприятиях по плановому обеспечению народного хозяйства рабочей силой и борьбе с текучестью», в котором подчеркивалось: «Недостаток рабочей силы в промышленности и других секторах народного хозяйства уже в этом году превратился в «узкое место», тормозящее осуществление быстрых темпов социалистического строительства. Разрешение этого вопроса является важной хозяйственно-политической задачей, вставшей во всей ее остроте в первую очередь перед органами Наркомтруда» [107]. Центральный Комитет партии предложил ряд конкретных мер по обеспечению народного хозяйства рабочей силой. Прежде всего он обязал ВСНХ, НКПС и Наркомат труда СССР удовлетворить заявки предприятий на рабочую силу (в первую очередь металлической, горной и химической промышленности,

[106] «Известия Наркомтруда СССР», 1930, № 28, стр. 610.
[107] «Правда», 22 октября 1930 г.

а также строительства и транспорта), для чего расширить приёмы в ФЗУ, ШУМП (школы ученичества массовым профессиям), на курсы ЦИТ (Центрального института труда) по этому профилю. Профессиональные технические учебные заведения должны были обеспечить народное хозяйство квалифицированной рабочей силой, потребность в которой исчислялась огромной цифрой — 1300 тыс. человек. Учитывая, что все отрасли народного хозяйства, особенно строительство, нуждались также в неквалифицированных и малоквалифицированных кадрах, ЦК рекомендовал изыскать и рационально использовать трудовые ресурсы города и деревни. Для этого он предложил расширить контингент лиц, имевших право на регистрацию в органах труда. Фактически такое право предоставлялось всем желавшим получить работу: домохозяйкам, подросткам и переросткам, батракам, крестьянам-беднякам и колхозникам, причем регистрация в органах труда преследовала единственную цель — получить работу. Никаких льгот (пособия, бесплатный проезд, снижение квартирной платы и пр.) регистрация не предоставляла. В связи с этим резко менялись функции бирж труда, которые из органов борьбы с безработицей превращались в учреждения по плановому распределению рабочей силы. Центральный Комитет партии предложил так впредь и именовать биржи труда, соответственно реорганизовав их деятельность. Большое внимание в постановлении ЦК было уделено борьбе с текучестью рабочей силы. Этот вопрос в связи с исчезновением безработицы и острой нехваткой рабочих, особенно квалифицированных, становился чрезвычайно тревожным. Текучесть на многих предприятиях достигала значительных размеров. Это лихорадило промышленность, срывало выполнение плановых заданий. Центральный Комитет предложил Наркомату труда обратить особое внимание на столь неблагоприятное положение — выявлять трудовых дезертиров, летунов, лишать их права на получение работы в течение шести месяцев. Кроме того, ЦК ВКП(б) разработал ряд конкретных мер по борьбе с текучестью на самих предприятиях.

3 ноября 1930 г. на заседании коллегии Наркомтруда СССР слушался вопрос о практическом выполнении постановления ЦК ВКП(б) от 20 октября 1930 г. С докладом выступила Т. В. Васильева — новый заместитель начальника Управления подготовки и снабжения рабочей силы (бывший Отдел рынка труда) [108]. Эта энергичная, волевая женщина, пришедшая в Наркомат труда осенью 1930 г. как выдвиженка-производственница, стала верной помощницей А. М. Цихона и И. А. Алексеева в разработке и проведении мер по реорганизации Наркомтруда, бирж труда и ликвидации безработицы. Коллегия Наркомтруда приняла решение немедленно приступить к реализации постановления ЦК ВКП(б) от 20 октября 1930 г., установив для этого непосредственный контакт с ВСНХ СССР.

[108] ЦГАОР СССР, ф. 5515, оп. 1, д. 194, л. 131.

Через два дня после заседания коллегии А. М. Цихон выступил перед работниками органов труда с докладом «О снабжении рабочей силой народного хозяйства, работе органов труда и борьбе с текучестью» [109]. Он доложил о мерах, разработанных Наркоматом по плановой подготовке рабочей силы: для обеспечения народного хозяйства квалифицированными кадрами планировалось значительно увеличить прием в ФЗУ, организовать курсы непосредственно на предприятиях. В первую очередь квалифицированные кадры получали крупные заводы-новостройки, строительство которых заканчивалось в ближайшее время.

Наркомтруд поставил большие задачи перед биржами труда. Если раньше они занимались регистрацией безработных и направлением их на предприятия, т. е. являлись, по сути дела, посредническими инстанциями, то теперь они становились центрами по распределению рабочих кадров. Биржи труда преобразовывались в управления кадров, работа которых должна была стать столь четкой и оперативной, чтобы обеспечить каждому обратившемуся в управление кадров работу в кратчайший срок, и в первую очередь, демобилизованным красноармейцам. Это еще раз свидетельствовало о том, что в СССР безработица была ликвидирована. «В СССР сейчас изжита безработица,— заявил А. М. Цихон,— и то, что говорили некоторые, что у нас безработица никогда не ликвидируется, мы опровергли теперь, на втором году пятилетки» [110]. Новый народный комиссар труда доложил о реорганизации Наркомата, обновлении его руководства, вовлечении рабочих в аппарат. Он выразил полную уверенность, что Наркомат сумеет выполнить возложенные на него задачи.

Работники органов труда одобрили деятельность нового руководства Наркомтруда, в том числе его решение прекратить выплату пособий по безработице. В решении совещания подчеркивалось, что в условиях острого дефицита рабочей силы числить на биржах труда безработных и выплачивать им пособие являлось разбазариванием народных средств. Совещание рекомендовало Наркомату труда сосредоточить свою деятельность на решении четырех основных задач: обеспечение промышленности, строительства и транспорта нужными кадрами; исчислении потребности в рабочей силе и разработке плана удовлетворения этой потребности; правильной организации труда и распределении имеющейся в наличии рабочей силы и технического персонала и, наконец, борьбе с текучестью рабочей силы.

10 ноября 1930 г. состоялась коллегия Наркомтруда. На повестке дня стоял вопрос: «Контрольные цифры по труду на 1931 год и план подготовки рабочей силы» [111]. С докладом высту-

---

[109] ЦГАОР СССР, ф. 5515, оп. 1, д. 165, лл. 54—74.
[110] Там же, л. 10.
[111] Там же, д. 246, л. 8.

пил новый заместитель наркома И. А. Краваль. Он вновь говорил о полной ликвидации безработицы в СССР, об огромных трудностях, испытываемых народным хозяйством в связи с нехваткой рабочей силы. Для 1931 г. дополнительная потребность в постоянных рабочих исчислялась в 2 млн. человек, кроме того, требовалось еще 3 млн. сезонников. На коллегии был утвержден новый вариант контрольных цифр по труду на 1931 г. и принято решение составить подробную объяснительную записку к этому плану.

Записка была составлена и направлена в Госплан СССР. «Полная ликвидация безработицы,— подчеркивалось в ней,— и колоссальный недостаток рабочей силы, значительно превышающий всякие предыдущие плановые предположения, заставляют изыскать, пересмотреть и перераспределить использование труда в народном хозяйстве СССР» [112]. В связи с этим предлагались следующие меры: расширенная подготовка рабочей силы в школах ФЗУ и других профессионально-технических заведениях, борьба с текучестью на самих предприятиях, передвижка рабочей силы с малопроизводительных занятий в более производительные и, наконец, организованная переброска людей из деревни в город. Последний вопрос имел особо важное значение. До этого времени Наркомтруд и другие ведомства принимали всевозможные меры к сокращению отходничества крестьянского населения, ибо такой отход, естественно, увеличивал размеры городской безработицы. Теперь в результате ее исчезновения положение резко изменилось. В городах не хватало рабочей силы, а в сельском хозяйстве имелись трудовые резервы, исчисляемые в миллионах человек. Настало время для перераспределения трудовых ресурсов и их рационального использования. Особенно остро вопрос о необходимости организованного привлечения рабочей силы из деревни стоял в сезонных отраслях (строительстве, лесозаготовках и пр.). В объяснительной записке к контрольным цифрам по труду в сезонных отраслях на 1931 г. подчеркивалось, что городские кадры были полностью использованы. Пополнить рабочие кадры можно было только за счет сельского населения. «Коллективизированная деревня, дающая огромный рост производительности труда, может дать эти кадры»,— отмечалось в записке [113]. Наркомтруд вплотную подошел к проблеме организованного набора рабочей силы из деревни. Это становилось все более необходимым, так как по мере возрастания индустриального строительства сезонные отрасли труда постепенно превращались в постоянные. Наркомтруд планировал закрепить к началу 1931 г. всех сезонных рабочих, занятых на лесозаготовках и строительстве. Таким образом, строительство получало 1170 тыс. постоянных рабочих, а лесозаготовки — 1,8 млн. человек [114].

---

[112] Там же, лл. 11—12.
[113] Там же, л. 200.
[114] ЦГАНХ СССР ф. 4372, оп. 28, д. 80, лл. 33—34.

Контрольные цифры по труду на 1931 г. были рассмотрены и одобрены Всесоюзным совещанием органов труда, состоявшимся 14—18 ноября 1930 г.[115] В резолюциях совещания отмечалось, что выполнение плановых заданий по труду в третьем году пятилетки являлось одним из решающих факторов осуществления пятилетнего плана в четыре года.

Действительно, в условиях ликвидации безработицы вопрос обеспечения народного хозяйства рабочей силой приобретал первостепенное значение. По уточненным данным А. М. Цихона, в 1931 г. всему народному хозяйству, включая его сезонные отрасли, требовалось 6—7 млн. человек[116]. Это была огромная цифра! Таких темпов роста численности рабочего класса не знала ни одна страна, в том числе и Советский Союз даже в первые годы пятилетки. И снова обсуждался вопрос, откуда взять эти кадры. Отметив, что основными источниками рабочей силы для промышленности являлись члены семей рабочих (жены и дети), а также батраки, бедняки и колхозники, совещание поручило органам труда решительно проводить работу по выявлению резервов рабочей силы, вербовке и вовлечению ее в промышленность[117].

Совещание обратило особое внимание на увеличивавшиеся возможности деревни в этой области в связи с коллективизацией. Социалистическое преобразование сельского хозяйства при правильной организации труда в колхозах и усилении механизации высвобождало рабочую силу, которая могла быть с успехом использована в промышленности, строительстве и на транспорте. Совещание поручило органам труда учесть рабочую силу в колхозах, которая может быть выделена, и вовлечь ее в промышленное производство в планово-организованном порядке. Оно рекомендовало НКТ СССР совместно с ВСНХ, Наркомземом и Колхозцентром разработать мероприятия по поощрению колхозов и предоставлению им льгот (снабжение сельскохозяйственными машинами, промтоварами и т. д. в первую очередь) за своевременное выполнение обязательств по предоставлению рабочей силы для промышленных предприятий.

Политика партии в области обеспечения народного хозяйства рабочей силой, конкретные меры, предпринятые Наркоматом труда в ноябре-декабре 1930 г., еще раз свидетельствовали о том, что в СССР к концу 1930 г. безработица была ликвидирована. Советскому правительству и органам труда приходилось в то время думать не об использовании безработных, которых практически не было, а об обеспечении народного хозяйства рабочей силой, потребности которого возрастали с каждым месяцем, с каждым днем.

---

[115] Резолюции этого совещания опубликованы в журнале «Вопросы труда», 1930, № 10-11.

[116] «Вопросы труда», 1930, № 10-11, стр. 7. По первоначальным наметкам предполагалось вовлечь в народное хозяйство 5 млн. человек.

[117] Там же, стр. 138.

Выполнить пятилетку в четыре года можно было, лишь имея необходимые трудовые ресурсы. С исчезновением безработицы надо было коренным образом пересмотреть всю существующую систему привлечения и использования рабочей силы. Ликвидация безработицы поставила перед органами труда сложные задачи: выявление всех трудовых резервов, в том числе и скрытых, для использования их в народном хозяйстве и подготовка квалифицированных кадров для промышленности, строительства и транспорта.

В течение ноября-декабря 1930 г. органы труда провели большую работу по размещению по предприятиям, стройкам, учреждениям всех числившихся на биржах труда людей. Всем безработным было предложено в самое ближайшее время явиться на биржи труда для получения направлений на работу. Уже в первые дни выяснилась весьма любопытная картина. Значительная часть безработных была абсолютно не заинтересована в получении работы. Наоборот, многие из вызванных под разными предлогами отказывались от предлагаемых мест. Проверка состава лиц, состоявших на учете бирж труда, показала, что есть полная возможность обеспечить работой всех лиц, зарегистрированных биржами труда, в кратчайший срок. Нарком труда РСФСР М. М. Романов в начале ноября 1930 г. писал на основании данных по Москве и Ленинграду: «Есть все основания полагать, что почти всех безработных, ищущих применения своему труду, удастся в ближайшие дни разместить на работу»[118]. Эта же проверка показала, что в конце 1930 г. на биржах труда уже не было безработных. Тот незначительный контингент лиц, который еще числился в ее каталогах, представлял собой людей, в основном переходивших с предприятия на предприятие. Эти люди, не имевшие работу самое непродолжительное время, уже не могли быть отнесены к категории безработных в том смысле, как это понималось на Западе и в Советской стране еще совсем недавно.

Действительно, кто такой безработный? Это человек, который ищет работу и не может ее получить. Государство и профсоюзы, чтобы помочь таким людям, выделяли специальные средства на пособия по безработице. Нередко безработица принимала хронический, затяжной характер. Подчас люди не имели работу до двух и более лет. Таких безработных в СССР уже не было. Люди, состоявшие на учете бирж труда в конце 1930 г., могли получить работу в течение 3—5 дней, и потому они и не являлись безработными в буквальном смысле этого слова. М. М. Романов в цитированной выше работе писал: «Уже в настоящее время мы можем говорить о безработице в СССР лишь в условном «техническом» смысле. В этом же смысле содержание слов «безработица», «безработный» значительно отличается как от общепринятых понятий безработицы, так и от того содержания, которое можно было

[118] *М. М. Романов.* О ликвидации безработицы в СССР, стр. 28.

вложить в эти понятия относительно безработицы в СССР некоторое время тому назад» [119].

Таким образом, числившиеся на биржах труда люди (на 1 января 1931 г. их было 236 тыс., на 1 апреля — 206 тыс., на 1 августа — 18 тыс.) [120] не являлись безработными. Это были люди, желавшие трудоустроиться через биржи труда, реорганизованные на рубеже 1930—1931 гг. в управления кадров.

В конце 1930 г. органы труда уделяли особое внимание вопросу подготовки новых квалифицированных кадров из молодежи и переквалификации и обучения безработных. При этом они исходили из того, что основной формой подготовки квалифицированных рабочих из подростков должны стать школы ФЗУ, а также — рекомендаций съезда о широком развитии в ближайшие годы краткосрочных форм подготовки и переподготовки рабочей силы (курсы и учебно-установочные базы ЦИТа, бригадное ученичество, курсы по повышению квалификации и переквалификации безработных и т. д.). Перед органами труда была поставлена задача подготовить через краткосрочные курсы в течение октября-ноября 1930 г. 200 тыс. человек (150 тыс. строителей, 35 тыс. промышленных рабочих и 15 тыс. работников для автотранспорта) [121].

Особое внимание уделялось подготовке строителей. Численность обучавшихся на курсах все время увеличивалась. На 1 декабря 1930 г. на курсах строителей обучалось 56 тыс. бывших безработных, на 10 декабря — 80 тыс., 20 декабря — 100 тыс., на 1 января 1931 г.— 138 тыс. человек, причем такие курсы были открыты во всех республиках и промышленных центрах. Из 719 учебных баз, имевшихся в стране, в РСФСР было 489, на Украине — 150, в Белоруссии — 43, в республиках Закавказья — 21, в Туркмении — 2, в Таджикистане — 1 [122].

Подготовка рабочих строительных профессий проходила успешно, плановые проектировки значительно перевыполнялись. Это подтверждается соответствующими данными на октябрь-ноябрь 1930 г. по отдельным районам страны (в тыс. человек) [123]:

	Предполагалось обучить по плану	Обучено к 1 января 1931 г.
Западная Сибирь	11,0	17,5
Северный Кавказ	3,5	13,0
Центрально-Черноземная область	3,9	4,7
Западная область	4,1	5,0
ЗСФСР	5,0	6,6

[119] *М. М. Романов.* Указ. соч., стр. 29.
[120] «Труд в СССР», 1932, стр. 9; ЦГАОР СССР, ф. 5515, оп. 15, д. 721, лл. 203—204.
[121] ЦГАОР СССР, ф. 5515, оп. 17, д. 78, л. 144.
[122] Там же.
[123] Там же.

Эти данные говорят о том, что плановые наметки по Северному Кавказу были превышены более чем в 3,5 раза, по Западной Сибири — в 1,5 раза и т. д.

Обучение и переобучение безработных для промышленности в октябре-ноябре 1930 г. проходило на базах акционерного общества «Установка», курсах бирж труда и ЦИТа, а также в учебно-производственных предприятиях, созданных из бывших трудколлективов безработных. На 1 января 1931 г. в этих учебно-производственных заведениях обучалось примерно 20—22 тыс. человек [124]. Особое внимание обращалось на подготовку рабочих остродефицитных профессий: токарей, слесарей, лекальщиков, модельщиков, фрезеровщиков и т. д. Свыше 50 учебных баз готовили квалифицированных рабочих-металлистов. За полгода (с 1 октября 1930 г. по 1 апреля 1931 г.) было обучено более 33 тыс. металлистов, в том числе по РСФСР — 27,5 тыс., по УССР — 4,6 тыс., по БССР — 413, по ЗСФСР — 62, по УзССР — 480 человек [125].

В соответствии с решением XVI съезда партии органы труда провели большую работу по расширению приема молодежи в школы ФЗУ. Во время «второго набора индустриализации», проведенного осенью-зимой 1930/31 г., в ФЗУ и ШУМП поступили 345 тыс. человек. В третьем году пятилетки задания по расширению сети школ профтехнического обучения еще более увеличились. Всего в 1931 г. органы труда должны были обеспечить прием в школы ФЗУ и ШУМП свыше 600 тыс. учеников [126]. Таких огромных приемов ранее никогда не было. Чтобы не сорвать столь обширный план, следовало уже осенью 1930 г. начать подготовительную работу. В октябре-ноябре того года органы труда направили десятки тысяч юношей и девушек на курсы по подготовке подростков в школы ФЗУ. Такие курсы были открыты во всех крупных промышленных центрах страны. В Московской области предварительные курсы закончили 9 тыс. человек, в Ленинградской — 9,3 тыс., Иваново-Вознесенской — 4 тыс., в Нижегородском крае — 2 тыс. [127] Большой размах приняла подготовительная работа в растущих промышленных районах Сибири и Урала. Приведем некоторые данные по Сибири: осенью 1930 г. предварительные курсы окончили в Новосибирске — 600 человек, в Томске — 500, в Омске — 360, в Красноярске — 300, в Кузнецке — 250, в Барнауле — 200 человек [128].

Серьезное внимание обращалось на подготовку квалифицированных рабочих в национальных республиках. Здесь курсы по подготовке в школы ФЗУ открывались даже в небольших городах. В Белоруссии, к примеру, такие курсы функционировали в Мо-

---

[124] Там же, л. 145.
[125] Там же, оп. 15, д. 721, л. 237.
[126] «Вопросы труда», 1930, № 10-11, стр. 144.
[127] ЦГАОР СССР, ф. 382, оп. 10, д. 18, л. 1.
[128] Там же, д. 9, л. 76.

зыре, Бобруйске, Полоцке, Оршанке и др. На Украине на подготовительных курсах обучалось 75 тыс. человек [129]. Подготовительные курсы открывались и в республиках Средней Азии. Здесь ввиду низкого общеобразовательного уровня населения подготовительные курсы были особенно необходимы. Благодаря большой предварительной работе органов труда в школы ФЗУ в 1931 г. пришло немало туркмен, таджиков, узбеков, казахов.

При организации подготовительных курсов органы труда столкнулись с немалыми трудностями: не хватало школьных помещений, общежитий, оборудования. Приходилось думать буквально обо всем, вплоть до питания и одежды учеников. Бывали случаи, когда молодежь приезжала на курсы полуодетая и полуобутая. С Северного Кавказа, например, сообщали, что на подготовительные курсы прибыли горцы буквально босиком [130].

Работа органов труда по подготовке учащихся в школы профессионально-технического обучения дала хорошие результаты. Она помогла окончательно ликвидировать безработицу среди юношей и девушек, а также обеспечила в значительной степени выполнение плана по подготовке квалифицированной рабочей силы для промышленности, строительства и транспорта в третьем году пятилетки. Укреплялось планово-организационное начало в подготовке рабочей силы.

Исчезновение армии безработных резко изменило характер работы Наркомата труда. Теперь на коллегиях НКТ СССР слушались вопросы, связанные с острой недостаточностью рабочей силы. Только в ноябре 1930 г. Наркомтруд трижды обсуждал проблемы обеспечения рабочей силой каменноугольной промышленности, дроволесозаготовок и важнейших строительств. В постановлении НКТ СССР подчеркивалось: «Отмечая катастрофическое положение с обеспечением дроволесозаготовок рабочей и гужевой силой, что ставит под угрозу срыва выполнение плана заготовок и вывозок на особый квартал, объявить работу органов труда в этой области ударной и обязать НКТ союзных республик принять немедленные меры к полному обеспечению потребности дроволесозаготовок в рабочей и гужевой силе, для чего командировать в течение 2—3 дней во все основные районы вербовки своих представителей» [131]. Столь же напряженное положение сложилось в каменноугольной промышленности. Наркомтруд СССР констатировал, что задания правительства по вербовке 30 тыс. квалифицированных рабочих-угольщиков не выполнены (удалось набрать лишь 5 тыс. человек). НКТ СССР обязал республиканские наркоматы труда усилить вербовку рабочей силы для Подмосковного угольного бассейна, Донбасса и Востокугля. НКТ РСФСР, УССР и БССР получили конкретные задания к 15 декабря 1930 г. выполнить наряды НКТ СССР на переброску 1100 забойщиков и кре-

[129] ЦГАОР, СССР, ф. 5515, оп. 15, д. 379, л. 68.
[130] ЦГАНХ СССР, ф. 3429, оп. 4, д. 29, л. 10.
[131] ЦГАОР СССР, ф. 5515, оп. 1, д. 226, л. 1 об.

пильщиков в Донбасс [132]. Особенно тревожные сигналы поступали с новостроек. Здесь чрезвычайно важно было наладить плановое снабжение рабочей силой, иначе под угрозой оказывались общие планы строительства, нарушались темпы и сроки ввода в эксплуатацию крупнейших строек первой пятилетки. Рассмотрев этот вопрос, Наркомтруд СССР обязал НКТ РСФСР полностью удовлетворить заявки на рабочую силу для Магнитостроя — на 10 тыс. человек, Кузнецкстроя — на 4,5 тыс. человек, Березникихимстроя — на 3,3 тыс. человек. Украинский Наркомат труда получил задание перебросить на строительство Днепровского комбината 5 тыс. строителей [133]. Учитывая, что снабжение новостроек рабочей силой станет одним из главных вопросов для третьего года пятилетки, коллегия Наркомата труда СССР 19 ноября 1930 г. поручила ряду ответственных работников Наркомата — И. А. Кравалю, М. М. Романову и др.— разработать подробный план и порядок обеспечения строительств в 1931 г. рабочей силой [134].

Вопросы планового обеспечения народного хозяйства рабочей силой самою жизнью выдвигались на передний план. Нет резервной армии труда, нет безработицы, следовательно, стихийность в распределении рабочих кадров исчезает, ее заменяют планово-организационные мероприятия государства и органов труда.

В конце 1930 г. Советское правительство и Коммунистическая партия готовили постановление о мероприятиях по плановому обеспечению народного хозяйства рабочей силой и борьбе с текучестью на предприятиях. Первоначальный проект был подготовлен Наркоматом труда СССР и передан затем на рассмотрение в Совнарком и Центральный Комитет партии [135]. Партия и правительство одобрили представленный вариант. Началась детальная разработка постановления. В ноябре проект постановления был рассмотрен представителями национальных республик (Украины, Закавказья, Узбекистана и Туркмении) и передан на окончательное утверждение в Совет Народных Комиссаров. 15 декабря 1930 г. ЦИК и СНК СССР приняли постановление «О порядке найма и распределения рабочей силы и борьбе с текучестью рабочей силы», которое начиналось следующими словами: «Огромные успехи социалистической индустриализации страны и быстрый темп колхозного и совхозного строительства привели к *полной ликвидации безработицы в СССР* (курсив мой.— *Л. Р.*). В связи с этим стало необходимым наряду с подготовкой новых рабочих кадров наиболее полное и плановое использование наличной рабочей силы во всех отраслях народного хозяйства» [136].

Этим постановлением на органы труда возлагалась обязанность обеспечить плановое распределение рабочей силы в соответствии

[132] Там же, лл. 1—3.
[133] Там же, л. 2.
[134] Там же.
[135] Там же, д. 194, л. 45.
[136] СУ СССР, 1930, № 60, ст. 651.

с производственными планами. При этом главное внимание ЦИК и СНК обратили на обеспечение кадрами важнейших отраслей народного хозяйства (черной металлургии, каменноугольной и химической промышленности, машиностроения и электротехники). Наркомату труда было предоставлено право перевода из старых промышленных центров квалифицированных рабочих и специалистов в эти отрасли промышленности. Советское правительство обязало Наркомтруд СССР разработать постановление о регистрации и посылке на предприятия лиц, искавших работу, а также закончить в самое ближайшее время реорганизацию органов труда, ведавших учетом и распределением рабочей силы.

В постановлении ЦИК и СНК СССР от 15 декабря 1930 г. был предложен целый ряд мер по борьбе с текучестью. Прежде всего устанавливались льготы для тех, кто проработал продолжительное время на одном предприятии: им в первую очередь улучшались жилищные условия, выдавались путевки в дома отдыха и санатории, их дети принимались в высшие и средние учебные заведения без конкурса. Кроме того, всем рабочим, проработавшим на одном месте более 3 лет (начиная с 1 ноября 1930 г.), предоставлялся дополнительный трехдневный отпуск. Советское правительство, поощряя кадровых рабочих, в то же время приняло меры по борьбе со злостными дезорганизаторами производства, самовольно без уважительных причин покидавшими предприятия. Наркомату труда предоставлялось право не направлять таких людей на работу в течение шести месяцев, а также снимать с учета органов труда (сроком до полугода) лиц, отказавшихся работать по специальности. Декабрьское постановление Совнаркома и ЦИК было проникнуто стремлением наладить точный учет и правильное распределение рабочих кадров по заводам, стройкам, шахтам, учреждениям.

В соответствии с декретом Советского правительства от 15 декабря 1930 г. Наркомат труда СССР принял 23 декабря 1930 г. постановление «О регистрации и посылке на работу лиц, ищущих труда» [137]. Практически право регистрации получили все, желавшие трудоустроиться: дети рабочих и служащих, их жены, бывшие военнослужащие и члены их семей, инвалиды труда и войны, сельские жители-батраки, бедняки-единоличники, колхозники и их дети. При этом регистрация в управлении кадров не давала никаких льгот, кроме одной — быстро устроиться на работу по специальности или получить направление на профтехнические курсы для приобретения профессии.

Право на труд, завоеванное рабочим классом и крестьянством в результате победы Октябрьской социалистической революции, было реально обеспечено. В постановлении Наркомата труда подчеркивалось, что все зарегистрированные биржами труда лица обеспечиваются работой не позже, чем в трехдневный срок, а демо-

[137] «Известия Наркомтруда СССР», 1931, № 1-2, стр. 7—9.

билизованные красноармейцы и командиры РКК — в течение одного дня. Это фактически полностью исключало безработицу даже среди лиц, переходивших с предприятия на предприятие.

В конце 1930 г. было принято еще одно решение, по существу закончившее разработку организационных мер по ликвидации безработицы и обеспечению народного хозяйства рабочей силой. В декабре 1930 г. по поручению правительства Наркомтруд начал работу по подготовке положения об органах, ведающих учетом и распределением рабочей силы, а также предложил республиканским наркоматам труда провести реорганизацию бирж труда согласно положению, подготовленному НКТ СССР [138]. Это положение о реорганизации бирж труда и создании на их основе управлений кадрами разрабатывалось в Наркомате в течение сентября — декабря 1930 г. [139] 28 декабря 1930 г. Наркомтруд СССР принял положение об управлении кадров. «Резко возросшая потребность народного хозяйства в рабочей силе в условиях реконструктивного периода и *при ликвидации безработицы* (курсив мой.— *Л. Р.*),— отмечалось в положении,— выдвигает необходимость перехода органов труда от посредничества по найму к активной работе по плановому снабжению народного хозяйства рабочей силой и по планированию и контролю всех видов подготовки кадров» [140]. Итак, биржи труда от индивидуального обслуживания безработных переходили к организационно-плановой работе по обеспечению растущих нужд народного хозяйства в рабочей силе. При этом, как подчеркивалось в положении, органы труда должны были перейти от узковедомственной замкнутости к широкому привлечению рабочей общественности к своей работе, созданию добровольных бригад из лучших производственников и членов фабрично-заводских комитетов в помощь управлениям кадров.

На управления кадров возлагались две основные задачи: плановое снабжение народного хозяйства рабочей силой (выявление и учет трудовых ресурсов, плановое распределение кадров по всем отраслям народного хозяйства, контроль за правильным использованием рабочей силы на предприятиях, переброска людей в наиболее важные отрасли народного хозяйства), планирование и контроль за подготовкой квалифицированных кадров (подбор и комплектование школ ФЗУ, школ массовых профессий, курсов и пр.). Таким образом, работа управлений кадров как по содержанию, так и по объему резко отличалась от работы бирж труда.

8 января 1931 г. народный комиссар труда А. М. Цихон докладывал III сессии ЦИК СССР вопрос о проблемах труда в первые годы пятилетки, а также о мероприятиях по обеспечению народного хозяйства рабочей силой и подготовке квалифицированных

[138] ЦГАОР СССР, ф. 5515, оп. 1, д. 195, л. 36.
[139] Там же, лл. 32—35.
[140] «Известия Наркомтруда СССР», 1931, № 1-2, стр. 4—7. Различные варианты этого положения, а также другие подготовительные материалы хранятся в ЦГАОР СССР, ф. 5515, оп. 1, д. 194.

рабочих кадров [141]. В связи с ликвидацией безработицы, заявил нарком, перед биржами труда, реорганизованными в управления кадрами, встали совершенно новые задачи: плановое распределение кадров и изыскание новых источников рабочей силы в городе и деревне. Приведенные в докладе А. М. Цихона данные показывали, что Наркомат труда наметил целый ряд серьезных мер по плановому обеспечению народного хозяйства рабочей силой, а также по подготовке квалифицированных рабочих. НКТ СССР взял решительный курс на форсированное развитие школ ФЗУ и других форм профессионально-технического обучения. Свое выступление нарком труда закончил выражением уверенности в том, что при активном участии общественности, и особенно профсоюзов, Наркомтруд выполнит возложенные на него задачи по организации труда, подготовке и плановому распределению рабочей силы. Участники III сессии ЦИК СССР с большим удовлетворением приняли сообщение о ликвидации безработицы в СССР и о разработке организационных мер по плановому обеспечению промышленности, транспорта и строительства рабочей силой. Многие из выступавших предлагали охарактеризовать в решениях сессии факт ликвидации безработицы в СССР как величайшее достижение советского рабочего класса, огромный успех всего социалистического строительства. 10 января 1931 г. ЦИК СССР в резолюции по докладу А. М. Цихона записал: «В истекшем году безработица — это наиболее тяжелое наследие капитализма — ликвидирована. Ликвидация безработицы, сопровождающаяся общим повышением культурного уровня и улучшением материального положения трудящихся, является крупнейшей победой рабочего класса» [142].

Первая в мире республика труда на практике доказала, что можно победить даже такой страшный недуг современного общества, как безработица. Социализм на деле доказал свое преимущество перед капитализмом. Советский народ покончил с безработицей, последовательно проводя в жизнь социалистическую индустриализацию страны, сплошную коллективизацию сельского хозяйства и культурную революцию. Ликвидация безработицы — это результат социалистического строительства, осуществления великого ленинского плана построения социализма.

---

[141] «3-я сессия ЦИК Союза ССР 5 созыва». Бюллетень № 16. М., 1931, стр. 2—20.
[142] «3-я сессия ЦИК Союза ССР 5 созыва». Бюллетень № 20, стр. 28.

Часть III

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ЛИКВИДАЦИИ БЕЗРАБОТИЦЫ В СССР

Глава девятая

ВЛИЯНИЕ ИСЧЕЗНОВЕНИЯ БЕЗРАБОТНЫХ НА РАЗВИТИЕ СОВЕТСКОГО РАБОЧЕГО КЛАССА

Улучшение материального положения и рост культурно-технического уровня рабочих

Уничтожение безработицы означало реальное завоевание трудящимися права на труд. Примерно 1,5 млн. безработных [1] получили работу и, таким образом, были избавлены от всех бедствий, связанных с безработицей.

В 20-е годы, несмотря на меры, предпринимавшиеся партией и правительством по облегчению участи тех, кто временно не имел работы, жизнь безработных была весьма тяжелой. Даже к 1930 г. размер пособия по безработице составлял примерно 14—20 руб. против 68 руб. среднемесячной заработной платы промышленного рабочего [2]. Пособия едва хватало на полмесяца. Остальные средства безработному приходилось добывать различными путями: временной работой (но ее трудно было найти), продажей вещей, если они еще имелись, бесконечными долгами, помощью родных и пр. В еще более тяжелом положении находились безработные, не получавшие пособий. Нередко им приходилось переходить в ночлежные дома, питаться в общественных бесплатных столовых один раз в день и т. д. Безработные в 20-е годы являлись наиболее обездоленной социальной группой населения СССР.

Ликвидация безработицы означала исчезновение этой социальной группы, серьезное, коренное улучшение материального положения значительных слоев трудящихся (безработные составляли в среднем 10—12% от всего состава рабочих и служащих) [3].

Ликвидация безработицы оказала огромное влияние на улучшение положения всего советского народа. Как известно, безработица оказывала свое воздействие не только на тех, кто не имел работы. От нее страдали и занятые в народном хозяйстве рабо-

---

[1] К началу пятилетки на биржах труда состояло на учете 1365 тыс. человек. «Труд в СССР». Справочник. 1926—1930 гг. М., 1930, стр. 36.

[2] Там же, стр. 38.

[3] В 1926/27 г. безработные к общему числу работающих составляли 12,7%, а по отношению к индустриальным рабочим — 7% (*В. В. Шмидт*. Положение рабочего класса. М.— Л., 1928, стр. 46—47). В последующие годы в связи с ростом численности рабочих и служащих при почти неизменном среднегодовом числе безработных их доля в общем составе работающих снизилась до 12% в 1928/29 г. и 10% в 1929/30 г. («Народное хозяйство СССР». Статистический справочник. М., 1932, стр. XXII—XXIII).

чие и служащие, ибо наличие большого резерва рабочей силы создавало для них неустойчивое положение на производстве, неуверенность в завтрашнем дне. Ликвидация безработицы укрепила позиции всех трудящихся. Отныне и навсегда советский человек получил реальное право на труд и, следовательно, право на гарантированную заработную плату. Январский (1933 г.) объединенный Пленум ЦК и ЦКК ВКП(б), подводя итоги выполнения заданий первой пятилетки, в своих решениях отметил, что «уничтожение безработицы и ликвидация неуверенности в завтрашнем дне среди рабочих» является одним из основных фактов, коренным образом улучшившим материальное положение трудящихся [4]. М. И. Калинин, выступая перед молодежью в 1937 г., говорил: «Одним из самых важных улучшений жизни я считаю то, что сегодня над рабочим не висит вечный Дамоклов меч,— рабочий не боится, что завтра он останется безработным. Молодое, да и среднее поколение наших рабочих сейчас не может даже мысленно воспроизвести то ощущение от потери работы, которое переживал пролетарий в прошлом. Даже высшие категории рабочих, которые были сравнительно более обеспечены не только размером своего заработка, но и его постоянством, даже эти рабочие никогда не избавлялись от мысли о возможности каждую минуту потерять свой заработок» [5].

С исчезновением армии безработных ушел в прошлое этот неизменный спутник капитализма. Великое право на труд стало реальностью для каждого гражданина СССР.

Ликвидация безработицы оказала прямое воздействие на повышение материального уровня советских людей. С исчезновением безработицы доходы семей значительно возросли. В семьях не стало безработных, каждый член семьи мог получить работу и, следовательно, заработную плату. По данным Госплана СССР, число работающих в семье промышленного рабочего СССР с 1,2 к концу 1928 г. возросло до 1,5 к концу 1932 г. [6] Это, естественно, оказало прямое влияние на улучшение благосостояния советских семей. К тому же за годы пятилетки значительно возросла заработная плата рабочих и служащих. Рассмотрим следующие данные о росте среднегодовой заработной платы в 1928—1932 гг. (в руб.) [7]:

---

[4] См. «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», т. V. М., 1971, стр. 70.

[5] *М. И. Калинин.* Избранные произведения в 4-х томах, т. 3. М., 1962, стр. 269—270.

[6] «Итоги выполнения первого пятилетнего плана развития народного хозяйства Союза ССР». М., 1933, стр. 181. Такие же сведения давала и профсоюзная статистика. В начале пятилетки на одну рабочую семью приходилось 1,26 работающих на производстве, а к концу пятилетки — 1,56. (*Н. Шверник.* Профсоюзы СССР накануне второй пятилетки. М., 1932, стр. 50).

[7] «Итоги выполнения первого пятилетнего плана», стр. 178; «Народное хозяйство СССР», 1932, стр. 414—415.

	1928 г.	1929 г.	1930 г.	1931 г.	1932 г.	1932 г. в % к 1928 г.
Фабрично-заводская промышленность	870	958	1035	1167	1478,4	169,7
Строительство	996	1063	1102	1280	1544,9	155,1

Приведенные цифры показывают, что заработная плата рабочих и служащих особенно интенсивно росла в последние годы пятилетки, т. е. в период отсутствия безработицы. В 1931 г. она выросла в промышленности на 13%, в 1932 г.— на 29% (против 8% и 10% в предшествовавшие годы). В строительстве соответствующие показатели были 16 и 20% против 4 и 6%. Острая нужда в строителях, о чем подробно говорилось выше, отражалась и на политике заработной платы.

Рост заработной платы при увеличении работающих членов семьи значительно поднимал ее благосостояние. По подсчетам Госплана СССР, средняя заработная плата на одного члена рабочей семьи за годы пятилетки возросла на 130% (при росте заработной платы главы семьи на 94%) [8]. Бюджет семьи приобрел устойчивый и равномерный характер. Доходы определялись заработком всех членов семьи. Расходы на каждого члена семьи в результате уменьшения иждивенцев вследствие исчезновения безработицы [9] росли из года в год. Это было также одним из следствий ликвидации безработицы в СССР.

В годы существования безработицы значительная часть расходов государства уходила на обеспечение безработных. Несмотря на острые финансовые затруднения, несмотря на то, что приходилось экономить буквально на всем, партия и правительство тратили сотни миллионов рублей на поддержание безработных. В первом году пятилетки на обеспечение безработных было израсходовано 136,4 млн. руб., или около 11% всего бюджета соцстраха [10]. Дополнительно к этому несколько десятков миллионов рублей было отпущено по государственному и местному бюджетам, а также профсоюзами. Ежегодно Советское государство добавляло к заработной плате рабочего так называемую социализированную заработную плату (дополнительные расходы по социальному страхованию, просвещению, медпомощи, культурному обслуживанию и пр.) в размере примерно 100 руб., из которых 10 руб. уходило на пособия по безработице [11].

[8] «Итоги выполнения первого пятилетнего плана», стр. 181—182.

[9] По подсчетам Б. Л. Маркуса, число иждивенцев в каждой семье значительно снизилось: если в 1930 г. на одного работающего приходилось 2,05 иждивенца, то в 1934 г.— 1,66. *Б. Л. Маркус.* Труд в социалистическом обществе. М., 1939, стр. 190.

[10] «Итоги выполнения первого пятилетнего плана», стр. 184; «Народное хозяйство СССР», 1932, стр. 604.

[11] В 1927/28 г. социализированная заработная плата равнялась 102 руб. 78 коп., в 1928/29 г.— 113 руб. 27 коп., в 1929/30 г.— 125 руб. 31 коп., а без пособий по

Таблица 21

Бюджет социального страхования в 1925/26—1932/33 гг., в % к фонду зарплаты застрахованных*

Статьи расхода	Отчетные данные		По предварит. подсчетам		1932/33 г. (план)	
	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.	отправной	оптимальный
Пособия по временной нетрудоспособности	3,20	3,38	3,29	3,19	3,19	3,19
Пособия по дополнительным видам обеспечения	1,58	1,27	0,95	0,74	0,68	0,65
Обеспечение по инвалидности	2,07	2,45	2,76	3,08	3,67	3,72
Безработица	0,90	1,08	1,58	1,56	1,55	1,53
Пособия по старости	—	—	—	0,05	0,44	0,40
Дома отдыха и санатории	0,60	0,64	0,48	0,44	0,43	0,48
Дотационные отчисления на медпомощь и др.	3,68	3,78	3,25	3,04	2,96	2,96
Прочие расходы	0,64	0,52	0,42	0,35	0,27	0,25
Резерв	—	—	0,01	0,60	0,15	0,18
Отчисления в фонд рабочего жилищного строительства	0,43	0,52	0,17	0,45	0,43	0,45
Итого:	13,60	13,59	13,12	13,50	13,76	13,76

* «Пятилетний план народнохозяйственного строительства», т. 2, ч. 2, изд. 2-е. М., 1929, стр. 198.

Резкое сокращение безработицы во втором году пятилетки и ее полное уничтожение к концу 1930 г. уменьшило ассигнования на пособия безработным в 1930 г. до 50 млн. руб.[12] Оставшиеся средства были направлены на обучение и переквалификацию безработных. Окончательная ликвидация безработицы в СССР освободила сотни миллионов рублей из средств социального страхования, государственного и местных бюджетов, а также ассигнований профсоюзов, уходивших в фонд помощи безработным. Данные Госплана о структуре бюджета социального страхования позволяют судить об удельном весе ассигнований по безработице (см. табл. 21).

безработице — соответственно 92 руб. 93 коп., 103 руб. 31 коп. и 120 руб. 99 коп. «Народное хозяйство СССР», 1932, стр. 418.

[12] Там же, стр. 604.

Как показывает таблица, безработица в бюджете соцстрахования составляла более 1,5% к фонду зарплаты застрахованных, а на дома отдыха и санатории уходило менее 0,5%. Столь же незначительными были отчисления на рабочее жилищное строительство (0,45%). Безработица поглощала почти половину средств отпускаемых по соцстраху на пособия по временной нетрудоспособности, причем по плану первой пятилетки эта статья расхода не уменьшалась, несмотря на сокращение числа безработных.

Ликвидировав безработицу, Советское правительство направило средства, ранее ассигнованные на содержание безработных, на повышение уровня жизни рабочего класса. Госплан, подводя итоги выполнения первого пятилетнего плана, подчеркивал: «Ликвидация безработицы в СССР дала возможность полностью вычеркнуть эту статью (на обеспечение безработных.— *Л. Р.*) расходов из бюджета соцстраха, направить значительную часть его средств на разные мероприятия профилактического характера и на улучшение быта рабочих» [13]. По данным Госплана СССР, на мероприятия профилактически-бытового порядка (здравоохранение, санаторно-курортное обслуживание, жилищное и коммунальное хозяйство) в 1928 г. было израсходовано 139 млн. руб. (13,2% страхового бюджета), а в 1932 г.— около 2 млрд. (45,6% всего бюджета ЦУстраха), т. е. в 13,5 раза больше, чем в начале пятилетки [14]. Столь резкий сдвиг произошел в первую очередь благодаря значительному увеличению ассигнований ЦУстраха. В то же время это было одним из косвенных следствий ликвидации безработицы.

В результате роста ассигнований на здравоохранение значительно выросло медицинское обслуживание населения. За годы пятилетки число больничных коек возросло почти в 2 раза, количество здравпунктов на предприятиях — более чем в 3,5 раза. Существенно улучшилось санаторно-курортное обслуживание. Если в 1928 г. в домах отдыха и санаториях отдыхало 500 тыс. человек, то в 1932 г.— свыше 1 млн. человек [15].

Заметно увеличился за эти годы жилой фонд городов — с 162 млн. м² до 185 млн. м² [16]. В Москве, Ленинграде, Харькове, Горьком, Донбассе и других промышленных центрах началось строительство жилых домов с водопроводом и канализацией. Хотя это ни в коей мере не решило до конца жилищную проблему, но в то же время это было большим достижением (напомним, что только на Украине до революции 40% рабочих жили в землянках). Благоустраивались города: асфальтировались улицы, вводилось троллейбусное и автобусное движение.

В годы пятилетки произошли значительные сдвиги в области охраны труда на предприятиях. В этом также сказались послед-

---

[13] «Итоги выполнения первого пятилетнего плана», стр. 184—185.
[14] Там же, стр. 185.
[15] Там же.
[16] Там же, стр. 186.

ствия ликвидации безработицы. Из года в год росли ассигнования на проведение специальных мероприятий по оздоровлению условий труда и по технике безопасности в промышленности и на транспорте. В первый год пятилетки на эти цели было израсходовано 65 млн. руб. (без учета затрат на технику безопасности вновь построенных заводов), на следующий год — 95 млн. руб., в 1931 г. — 123 млн., в 1932 г. — 170 млн. руб. Таким образом, за 4 года ассигнования на охрану труда составили 453 млн. руб. против 333 млн., предусмотренных планом первой пятилетки (выполнение на 36%). Причем это перевыполнение произошло в основном в последние годы пятилетки, после ликвидации безработицы. Осуществление мер по технике безопасности привело к снижению травматизма. В 1932 г. профессиональные увечья значительно снизились, составив по сравнению с 1929 г.: в угольной промышленности — 43,6%, в металлургии — 37,5, в добыче нефти — 32,9, в химической индустрии — 28,9%. Оздоровление условий труда значительно понизило общую заболеваемость рабочих: за годы пятилетки число заболеваний уменьшилось на 16%, а число дней заболеваний — на 22% [17].

Конечно, нельзя все эти достижения связывать непосредственно только с ликвидацией безработицы. Однако не подлежит сомнению, что исчезновение армии безработных сыграло немалую роль в увеличении ассигнований на мероприятия по охране труда, здравоохранение, санаторно-курортное обслуживание, жилищное строительство и пр. Это неоднократно подчеркивалось в официальных документах. Средства, которые раньше непроизводительно затрачивались на содержание безработных, в новых условиях направлялись на улучшение материального и бытового положения советского народа.

Одним из важнейших социально-экономических последствий ликвидации безработицы было сокращение рабочего времени рабочих и служащих. Еще классики марксизма-ленинизма доказывали, что исчезновение резервной армии труда в социалистическом обществе произойдет на основе разумного ограничения труда до рациональных размеров. В СССР на рубеже 20—30-х годов был совершен по решению юбилейной (1927 г.) сессии ЦИК СССР переход на 7-часовой рабочий день. Переход на укороченный рабочий день был завершен к июлю 1932 г., причем наиболее интенсивно он проходил в последние годы пятилетки, т. е. в условиях отсутствия безработицы.

К 1 января 1931 г. на 7-часовой рабочий день перешли 58,2% всех рабочих и служащих, к 1 июля 1931 г. этот процент увеличился до 71,3, а через год сокращенный рабочий день получили все рабочие и служащие [18]. Таким образом, за полтора года рабочий день был сокращен для 42% всего рабочего класса СССР

[17] «Итоги выполнения первого пятилетнего плана», стр. 183.
[18] «Народное хозяйство СССР», 1932, стр. 448.

(в предшествовавшие три года эту льготу уже получили 58%). В результате осуществленных мер продолжительность рабочего дня сократилась в среднем с 7,8 часа в 1928 г. до 7 часов в 1932 г. и 6,7 часа в 1934 г.[19] Кроме того, в годы первой пятилетки был осуществлен перевод трудящихся на 5- и 6-дневную рабочую неделю, что значительно увеличило число дней отдыха. К этому следует добавить рост числа рабочих дней, приходившихся на отпуск (в 1932 г.— 15,1 рабочих дня). Безусловно, ликвидация безработицы сыграла немалую роль в получении советским народом средства льгот.

Повышение свободного времени у трудящихся обеспечивало реальную возможность для повышения уровня их культуры и технической грамотности. Именно в годы первой пятилетки произошел решительный сдвиг в решении такой важной проблемы, как подъем культурно-технического уровня советского народа и, прежде всего, рабочего класса.

С начала первой пятилетки развернулась огромная работа по ликвидации неграмотности и малограмотности. Ассигнования на решение этой проблемы росли из года в год. Если в 1927/28 г. на просвещение по всем статьям было израсходовано 1063 млн. руб., то в 1932 г.— 6411 млн., в 6 раз больше. Задания пятилетнего плана по этой статье были превзойдены в 2 раза[20]. Причем наиболее значительные средства отпускались в последние два года пятилетки, уже в условиях отсутствия безработицы. Ликвидация безработицы и здесь сыграла свою опосредствованную роль, освободив значительные средства для решения насущных проблем.

Однако в решении задач подъема культурного уровня народа влияние исчезновения армии безработных было значительно шире. Главное здесь состояло в том, как уже отмечалось выше, что трудящиеся получили дополнительное свободное время, которое могли использовать для учебы. За годы пятилетки в школах ликбеза обучалось 42,7 млн. человек, причем более половины этого числа приходилось на 1931—1932 гг.[21] В результате к концу 1932 г. ликвидация неграмотности среди взрослого населения большинства краев и областей в основном была завершена. По официальным данным, грамотность в СССР поднялась с 67% в 1930 г. до 90% в 1932 г.[22]

Дополнительное свободное время позволило советским людям значительно поднять свой культурно-технический уровень. Миллионы человек посещали школы взрослых: одногодичные, двухгодичные и трехгодичные. В начале 30-х годов в стране началось массовое движение рабочего класса за овладение техническими знаниями. На многих предприятиях был установлен день техни-

[19] «Итоги выполнения первого пятилетнего плана», стр. 180; *Б. Л. Маркус.* Труд в социалистическом обществе, стр. 190.
[20] «Итоги выполнения первого пятилетнего плана», стр. 274.
[21] *М. П. Ким.* 40 лет советской культуры. М., 1957, стр. 124.
[22] «Итоги выполнения первого пятилетнего плана», стр. 222.

ческой учебы. К середине 1931 г. на фабриках, заводах, стройках различными формами техучебы было охвачено 80—90% рабочих. Учились буквально все: одни в школах ликбеза, другие на технических курсах, третьи в производственных кружках и курсах.

В годы пятилетки, особенно в 1931—1932 гг., многие пошли учиться в высшие учебные заведения, немало обучалось без отрыва от производства. Если в 1927/28 г. в вузах учились 160 тыс. человек, то в 1932 г. численность студентов достигла 500 тыс., причем этот рост произошел в основном в последние два года пятилетки (в 1929/30 г. в вузах обучалось 190 тыс. человек). Такую же картину мы видим и в системе среднего специального образования. В техникумах число учащихся за соответствующие годы было 188 тыс., 254 тыс., 949 тыс. Еще более быстрыми темпами росли рабфаки, готовившие трудящихся, и в первую очередь рабочих, к поступлению в высшие учебные заведения. Здесь соответствующие показатели были 49 тыс., 68 тыс., 444 тыс.[23] Задания первого пятилетнего плана по росту числа учащихся были намного перевыполнены: по вузам — в 2,5 раза, по техникумам — почти в 3 раза, по рабфакам — более чем в 6 раз.

Значительные сдвиги в подъеме культурно-технического уровня советских трудящихся в годы первой пятилетки произошло вследствие многих причин, но бесспорно, определенную роль в этом сыграл фактор ликвидации безработицы в СССР. В данном случае его воздействие было косвенным, опосредствованным. Трудящиеся СССР в ходе ликвидации безработицы переходили на укороченный рабочий день, увеличивалось свободное время и вместе с этим росли реальные возможности повышения культурно-технического уровня советского народа.

Сбросив путы безработицы, трудящиеся СССР освободились от страха за завтрашний день, от неуверенности в своем будущем, более прочно обеспечили свое материальное благосостояние. Уверенность советских трудящихся в том, что они никогда не станут безработными, придавала им огромные силы, делала активными и творческими участниками социалистического строительства.

Изменения в формах, методах и источниках пополнения рабочего класса

Безработица была ликвидирована в то время, когда страна приступала к форсированному промышленному строительству. В 1931 г., третьем году пятилетки, предстояло ввести в строй 518 новых крупных промышленных предприятий. Развертывалось строительство таких гигантов, как Днепровская ГЭС, Магнитогорский и Кузнецкий металлургические комбинаты, Челябинский и Харьковский

[23] «Итоги выполнения первого пятилетнего плана», стр. 275; «Народное хозяйство СССР», 1932, стр. 512—513.

тракторные заводы, московские первенцы индустриализации — «Шарикоподшипник», «Фрезер», «Калибр», Горьковский автомобильный завод, Уралмаш, Березниковский химический комбинат, и многих других.

Столь широкий размах строительства новых промышленных предприятий требовал большого количества рабочих. По подсчетам Наркомата труда, народное хозяйство страны дополнительно требовало в 1931 г. примерно 5 млн. рабочих. В дальнейшем эта цифра была увеличена до 6—7 млн.[24] Такого бурного роста рабочих кадров не знало ни одно государство. Такого не было и в Советской стране даже в начальный период ее индустриального развития.

В условиях отсутствия безработицы и широкого размаха промышленного строительства следовало изыскать новые пути, методы и источники комплектования рабочих кадров. К решению этой задачи по указанию Советского правительства Наркомат труда приступил еще в ходе ликвидации безработицы. В конце 1930 г. были намечены и проведены в жизнь некоторые конкретные меры по обеспечению народного хозяйства рабочей силой. Суть их сводилась к тому, чтобы ввести плановое начало в организацию труда.

Еще с первых лет Советской власти элементы планирования начали проникать в такую сложную область экономических и человеческих отношений, как трудовая деятельность. Наркоматы труда, губернские и городские отделы труда, наконец, биржи труда и корреспондентские пункты, учитывавшие спрос и предложения на работу, могли в какой-то степени регулировать вопросы организации труда. Однако в условиях безработицы эти вопросы практически решались стихийно, самотеком. Естественно, что в период перехода от капитализма к социализму в СССР еще сохранялось наследие капиталистического строя, сохранялся и так называемый «рынок труда».

С ликвидацией безработицы в СССР такие понятия, как безработные, резервная армия труда, рынок труда и другие, канули в прошлое. Вместо них приходили новые: организованный набор рабочей силы, планирование подготовки квалифицированных рабочих кадров и т. д. Ликвидация безработицы остро поставила вопрос о необходимости укрепления плановости в организации труда. В этих новых изменившихся условиях вопросы учета и распределения рабочей силы подлежали планированию, как и другие сферы социалистического народного хозяйства. Наркомат труда СССР писал: «... в 1931 г. организующее плановое начало проникает в те части народного хозяйства, которые до сих пор развивались под его слабым воздействием, либо независимо от него:

---

[24] См. доклады наркома труда А. М. Цихона и его заместителя И. А. Кравали. ЦГАОР СССР, ф. 5515, оп. 1, д. 246, л. 8; «Вопросы труда», 1930, № 10-11, стр. 7.

сельскохозяйственное производство и организация труда в народном хозяйстве» [25].

Действительно, в связи с полной ликвидацией безработицы и огромными потребностями в рабочей силе в Советской стране в начале 30-х годов был совершен переход от самотека в наборе рабочей силы к его планированию и организации. Это вело к расширению социалистического строительства и улучшению планирования всего народного хозяйства, что являлось новой победой на фронте борьбы за социализм, важным социально-экономическим и политическим последствием ликвидации безработицы.

В условиях ликвидации безработицы при повышенном спросе на рабочую силу началось активное перераспределение трудовых ресурсов страны. 3-я сессия ЦИК СССР, проходившая в январе 1931 г., в своих решениях записала, что в условиях, когда безработица ликвидирована, выдвигается задача первостепенной важности — обеспечить народное хозяйство необходимой рабочей силой и в особенности квалифицированной. В 1931 г., отмечал ЦИК СССР, от плановых органов и органов труда потребуется напряженная работа. «Народный комиссариат труда Союза ССР должен стать основным организующим, регулирующим и планирующим центром по всем вопросам, касающимся труда и использования рабочей силы» [26],— подчеркивалось в постановлении ЦИК СССР. 3-я сессия ЦИК СССР уделила большое внимание вопросу комплектования рабочих кадров. В решении сессии перечислялись основные источники пополнения рабочей силы: члены семей рабочих и служащих, батраки, лица, занятые в кустарно-промысловой кооперации, колхозники, бедняки и середняки из индивидуального сектора сельского хозяйства. Таким образом, три из пяти источников пополнения рабочей силы давало сельское население. Если учесть, что рабочий класс пополнялся за счет кустарей весьма незначительно, то можно заключить, что самым многочисленным источником пополнения рабочей силы и после ликвидации безработицы оставалось крестьянство.

Обладало ли сельское хозяйство необходимыми трудовыми резервами? Могло ли оно выделить для промышленности миллионы людей? Не отразится ли отлив сельского населения в города на коллективизации сельского хозяйства? Эти и многие другие вопросы пытались разрешить на рубеже 20—30-х годов работники Госплана, ВСНХ, Наркомтруда, Колхозцентра и других ведомств и организаций. По заданию партии и правительства в 1930—1931 гг. проводилось глубокое изучение трудовых сельских ресурсов.

Для выявления трудовых резервов колхозов Аграрный институт Комакадемии и Научно-исследовательский колхозный институт

---

[25] ЦГАОР СССР, ф. 5515, оп. 15, д. 368, л. 10. Этот вывод содержится в объяснительной записке НКТ СССР «К плану подготовки рабочей силы в 1931 г.».

[26] «3-я сессия ЦИК Союза ССР 5 созыва». Стенографический отчет. Бюллетень № 20. М., 1931, стр. 28—29.

совместно с Колхозцентром обследовали в конце 1930 г.— начале 1931 г. примерно 400 колхозов. Материалы этих обследований показали, что использование трудоспособных колхозников в среднем за год составляет: мужчин — до 45%, женщин — 25—27%, а за сельскохозяйственный год: мужчин — 55 — 60%, женщин — 30 — 35%. По тем же данным, даже в период наиболее интенсивных летних и осенних работ трудовые ресурсы в колхозах использовались от 50 до 80% [27]. Интересные данные о загруженности колхозников Украины были приведены на 3-й сессии ЦИК СССР. За год мужской труд в колхозах использовался в размере 53,9%, женский — 26,2%, а в напряженный период весенне-летних работ соответственно — 73,4% и 46,7% [28]. Накануне XVI съезда партии руководители колхозов представили в Госплан сведения, показавшие, что в стране имелось значительное число колхозов, в которых использование рабочей силы не превышало 50%: по СССР таких колхозов было 22,7%, по РСФСР — 19,5, по УССР — 31,5, по ЗСФСР — 28,8, по Центрально-Черноземной области — 31,1, по Северному Кавказу — 22,8, по Нижне-Волжскому краю — 16,5, по Нижегородскому краю — 22,4% и т. д. [29]

Все вышеприведенные данные позволяли сделать совершенно определенный вывод: советская деревня располагала весьма значительными трудовыми резервами, которые увеличивались по мере расширения механизации сельского хозяйства в связи с коллективизацией. «Излишняя» рабочая сила могла без ущерба для сельского хозяйства и коллективизации быть передана в другие отрасли народного хозяйства — промышленность, строительство, лесозаготовки, торфоразработки и пр. Учитывая все это, Советское правительство в условиях отсутствия безработицы и огромного спроса на рабочую силу предприняло ряд мер по развитию отходничества. Еще в 1930 г. были приняты постановления, стимулировавшие отходничество и осуждавшие попытки председателей колхозов сдержать традиционный отход крестьян в город [30].

С начала 1931 г. Наркомат труда вновь поставил перед Советским правительством вопрос о необходимости расширения отходничества и вовлечения колхозов в работу по вербовке рабочей силы для проведения индустриализации. Подготовленные им сводки о потребностях народного хозяйства в рабочих кадрах показали, что в условиях отсутствия безработицы решить эту про-

---

[27] *А. М. Панфилова.* Формирование рабочего класса СССР в годы первой пятилетки. М., 1964, стр. 23.

[28] Эти данные были получены Украинским институтом марксизма-ленинизма, проверявшим организацию труда в колхозах Украины. «3-я сессия ЦИК Союза ССР 5 созыва». Стенографический отчет. Бюллетень № 8, стр. 5.

[29] «Колхозы СССР в 1930 г. Итоги рапортов колхозов XVI съезду ВКП(б)». М.— Л., 1931, стр. 170—181.

[30] См., например, постановление СНК СССР «Об устранении препятствий к свободному отходу крестьян на отхожие промыслы и сезонные работы» от 16 марта 1930 г.— СУ СССР, 1930, № 18, ст. 206.

Таблица 22

Численность рабочей силы, подлежавшей привлечению из колхозов для сезонных производств в 1931 г. (плановые наметки, в тыс. чел.)*

Отрасли производства	I кв.	II кв.	III кв.	IV кв.	Всего
Строительство	239,4	229,2	37,8	30,2	536,6
Лесозаготовки	514,2	0,4	Нет св.	398,9	913,5
Сплав	17,8	294,6	1,9	Нет св.	314,3
Госрыба	17,7	48,0	Нет св.	7,9	73,6
Погруз.-разгруз. работы	53,5	50,3	Нет св	Нет св.	103,8
Совхозы	167,8	338,1	641,3	Нет св.	1147,2
Торф	15,3	89,3	Нет св.	Нет св.	104,6
Прочие	72,8	68,3	38,9	21,3	201,3
Итого	1098,5	1118,2	719,9	458,3	3394,9

* ЦГАОР СССР, ф. 5515, оп. 1, д. 237, л. 41.

блему можно только путем рационального перераспределения трудовых ресурсов. Приведем всего одну сводку (см. табл. 22).

Данные таблицы показывают, что для сезонных производств в 1931 г. требовалось почти 3,5 млн. человек.

Советское правительство, учитывая новую обстановку (полное отсутствие безработных), приступило к разработке конкретных мер по увеличению набора рабочих из деревни. 17 марта 1931 г. VI съезд Советов Союза ССР вменил в обязанность всем колхозам «не только не препятствовать отходничеству рабочих в промышленность, но и содействовать отходничеству» [31]. Однако в новых условиях простое расширение крестьянского отхода было недостаточно.

Ликвидация безработицы в СССР при огромном спросе на рабочую силу, поставив во всей остроте вопрос о новой системе распределения общественного труда, ускорила решение вопроса об организованном наборе рабочей силы. Оргнабор в отдельных случаях применялся еще в 1930 г. Промышленные предприятия заключали с колхозами договора социалистической взаимопомощи, которые обязывали колхозное руководство направлять определенное количество людей на заводы. Однако это были отдельные, единичные случаи. Первый опыт организованного набора рабочей силы для промышленности был широко обсужден на совещании ответственных хозяйственных работников с участием членов Политбюро ЦК ВКП(б), состоявшемся 22—23 июня 1931 г. Представители Урала рассказали об опыте уральских организаций по организованному

[31] «Съезды Советов Союза Советских Социалистических Республик». Сборник документов. 1922—1936 гг., т. III. М., 1960, стр. 191.

привлечению рабочей силы из колхозов [32]. Инициатива уральцев, как и опыт других районов, были одобрены на совещании, ибо в них была намечена перспектива решения вопроса с рабочей силой. На этом совещании Г. К. Орджоникидзе говорил: «С рабочей силой стало у нас прямо невозможно... Во всей лесной промышленности в этом году работала почти половина того количества рабочих, которое работало в прошлом году. Мужик не идет» [33]. Тяжелое положение с рабочей силой отмечалось в основном докладе совещания, с которым выступил председатель Госплана СССР В. В. Куйбышев [34]. И. В. Сталин, подытоживая результаты совещания хозяйственников, говорил по поводу новой обстановки и новых задач хозяйственного строительства: «Из этого вытекает, во-первых, то, что нельзя больше рассчитывать на самотек рабочей силы. Значит, от «политики» самотека надо перейти к политике *организованного* набора рабочих для промышленности... Затруднения с рабочей силой не могут исчезнуть сами. Они могут исчезнуть лишь в результате наших собственных усилий» [35]. Совещание приняло решение считать одной из важнейших задач в области организации труда проведение оргнабора.

30 июня 1931 г. ЦИК и СНК СССР приняли декрет «Об отходничестве», категорически запрещавший задержку отходников в колхозах и положительно оценивший опыт по привлечению рабочей силы из колхозов на основе договоров социалистической взаимопомощи [36]. Советское правительство законодательно закрепило принцип материальной заинтересованности колхозников и единоличников, а также колхозов в деле выделения резервов рабочей силы для социалистической промышленности.

Проведение в жизнь июньского декрета способствовало дальнейшему развитию организованного набора. В результате на предприятиях существенно возрос удельный вес рабочих, принятых по оргнабору. По данным НКТ СССР, доля завербованных рабочих по 23 крупным машиностроительным предприятиям увеличилась с 7% во II квартале 1931 г. до 15% — в III и 32% — в IV, по 17 крупнейшим текстильным фабрикам соответственно: 7%, 28%, 29% [37]. Оргнабор постепенно становился массовой формой пополнения рабочего класса СССР. Он помогал Советскому правительству в условиях отсутствия безработицы обеспечивать рабочей силой индустриальные отрасли народного хозяйства в плановом порядке, способствовал увеличению численности рабочих.

Ликвидация безработицы остро поставила вопрос об усилении подготовки кадров квалифицированных рабочих, которые были пол-

---

[32] ЦПА ИМЛ, ф. 85, оп. 28, д. 7, лл. 104—105.
[33] Там же, л. 24.
[34] ЦПА ИМЛ, ф. 79, оп. 1, д. 543, лл. 3—17.
[35] *И. В. Сталин.* Соч., т. 13, стр. 53—54.
[36] СУ СССР, отд. I, 1931, № 42, ст. 286.
[37] «Труд в СССР. Материалы к отчету НКТ СССР на IX Всесоюзном съезде профсоюзов». М.— Л., 1932, стр. 15—16.

ностью исчерпаны к началу 30-х годов. В объяснительной записке к плану подготовки рабочей силы в 1931 г. Наркомат труда указал, что подготовка рабочей силы до сих пор опиралась на наличие значительных людских ресурсов на биржах труда. Отсутствие безработицы вызывает необходимость изыскать другие ресурсы [38]. 11 января 1931 г. на коллегии Наркомата труда специально стоял вопрос о подготовке квалифицированных рабочих. Коллегия приняла решение расширить и усилить кампанию по комплектованию школ ФЗУ [39]. Наркомтруд запланировал в 1931 г. набрать в фабрично-заводские училища 965 тыс. подростков, в том числе для промышленности — 400 тыс., строительства — 125 тыс., транспорта — 160 тыс. и других ведомств (торговли, коммунального хозяйства и пр.) — 280 тыс. [40] Этот план должен был быть осуществлен двумя наборами учащихся — февральским (323 тыс. человек) и осенним (642 тыс. человек). Ввиду отсутствия безработицы НКТ СССР предложил принимать в ФЗУ молодежь, минуя биржи труда. Причем в первую очередь принимались дети рабочих и инженерно-технических работников, а также воспитанники детских домов, затем дети служащих, батраки и бедняки-крестьяне и уже в последнюю очередь принимали детей кустарей и др. Миллионный план набора в школы ФЗУ был выполнен. В 1932 г. в школах ФЗУ обучалось 1117,3 тыс. человек, против 178 тыс. накануне первой пятилетки [41]. Школы ФЗУ стали массовой формой подготовки квалифицированных рабочих кадров.

Ликвидация безработицы в СССР оказала существенное влияние на характер и структуру источников пополнения советского рабочего класса. Прежде всего исчез такой постоянный массовый источник, как городская резервная армия труда, что существенно повлияло на источники комплектования рабочего класса по всем признакам: по роду занятий людей, по социальному составу, полу и возрасту.

Посмотрим, какие изменения произошли в источниках пополнения рабочего класса по роду занятий людей. По материалам профсоюзных переписей 1929 и 1930 гг., более половины рабочих до поступления на предприятия не имели определенных занятий (это были безработные, иждивенцы, пенсионеры и пр.). На некоторых производствах удельный вес этого источника пополнения рабочей силы доходил до 70—80% [42]. После ликвидации безработицы картина существенным образом изменилась. По данным профсоюзной переписи 1932—1933 гг., лишь в черной металлургии и хлопчатобумажной промышленности сохранился сравнительно вы-

---

[38] ЦГАОР СССР, ф. 5515, оп. 15, д. 368, л. 11.
[39] Там же, оп. 1, д. 229, л. 39.
[40] «План подготовки рабочих кадров в 1931 г. и распределение контингента по отраслям народного хозяйства». Там же, оп. 15, д. 368, л. 26.
[41] «Итоги выполнения первого пятилетнего плана», стр. 218.
[42] «Труд в СССР», 1932, стр. 82—85.

сокий удельный вес лиц, не имевших до поступления на производство определенных занятий (17,5% — в черной металлургии, 29,6% — в хлопчатобумажной промышленности), в других отраслях этот процент колебался от 2 до 6[43]. Безусловно, столь резкое сокращение доли этого источника пополнения рабочего класса произошло в первую очередь в результате полной ликвидации безработицы в СССР. Рабочий класс пополнялся в основном за счет самодеятельного населения, ранее занятого в других отраслях народного хозяйства: крестьян, учащихся, демобилизованных военнослужащих, кустарей и пр. В стране происходило перераспределение трудовых ресурсов.

Ликвидация безработицы привела к изменениям в источниках пополнения рабочего класса также по их социальному составу и классовому происхождению. Полное использование избыточной рабочей силы в городе при форсированном промышленном строительстве неуклонно вело к тому, что на фабрики и заводы, шахты и рудники, стройки и железные дороги стекались огромные массы людей из деревни. Уже в конце 1930 г. Народный комиссариат труда принял меры по расширению круга лиц, подлежавших регистрации на биржах труда. В 1931 г. преобразованные из бирж управления кадров практически регистрировали всех желавших получить работу, в том числе и жителей сельских местностей. Роль крестьянства как источника пополнения рабочего класса возрастала из года в год. По данным Госплана СССР, удельный вес сельских жителей в комплектовании городской рабочей силы в 1927—1930 гг. составлял 40%, а в 1931—1932 гг.— 65%[44]. Всего за 1928—1932 гг. численность рабочих и служащих возросла на 12,5 млн. человек, из них 8,5 млн. дало крестьянство — бедняки, середняки, колхозники[45]. Таким образом, в годы первой пятилетки рабочий класс получил значительное пополнение из деревни, примерно 68% всего прироста. Причем, как уже было отмечено выше, после ликвидации безработицы и в связи с размахом индустриальных работ роль деревни в комплектовании рабочих кадров, в частности в увеличении городских жителей, значительно возросла. Если в 1929—1930 гг. в городах осело примерно 4 млн. человек, то в 1931—1932 гг.— почти 7 млн. человек, т. е. в 1,8 раза больше, чем в предыдущие два года[46].

Этот вывод подкрепляется данными профсоюзной переписи, проведенной зимой 1932—1933 г. Обратимся к табл. 23 (см. стр. 314).

Таблица показывает, что вплоть до 1930 г. включительно пополнение рабочих кадров происходило более чем наполовину за счет собственных ресурсов. Лишь с 1931 г., т. е. с первого года, когда в стране исчезла армия безработных, крестьянство стало

---

[43] «Профсоюзная перепись 1932—1933 гг.» М., 1934, стр. 32.
[44] ЦГАНХ СССР, ф. 4372, оп. 30, д. 122, л. 88.
[45] «Итоги выполнения первого пятилетнего плана», стр. 174.
[46] «Труд в СССР». Статистический справочник. М., 1936, стр. 7.

Таблица 23

Процент выходцев из крестьян среди рабочих отдельных отраслей промышленности*

Годы поступления на работу	Черная металлургия	Транспортное машиностроение	Сельскохозяйственное машиностроение	Авиа-автотракторная промышленность	Электротехническая промышленность	Цементно-керамическая промышленность	Бумажная промышленность	Хлопкоперерабатывающая промышленность	Мукомольно-хлебо-комбинатская промышленность
До 1917 г.	30,5	34,2	32,3	36,5	40,0	47,1	40,0	38,6	47,7
1918—1921	32,8	31,6	34,0	35,3	36,9	50,6	40,9	34,2	46,1
1922—1925	40,7	35,4	37,9	36,9	39,8	55,9	46,3	32,5	48,6
1926—1927	45,2	39,3	41,4	41,1	42,8	60,6	52,3	36,5	52,2
1928—1929	46,6	37,5	41,2	41,6	39,7	61,0	47,1	31,9	57,4
1930	50,3	38,3	42,0	47,2	39,9	63,9	54,4	39,1	63,3
1931	62,2	53,7	56,8	58,1	55,3	70,0	61,8	54,4	71,3
1932	62,1	54,3	57,5	67,2	55,0	70,3	59,2	54,4	72,4

* «Профессиональная перепись 1932—1933 гг.» М., 1934, стр. 26, 114, 138.

основным, самым массовым источником комплектования рабочего класса. Оно давало от 54 до 72% прироста рабочих по отдельным отраслям промышленности. Это явилось результатом форсирования темпов индустриального развития страны, приводившего к небывалому росту рабочего класса, и вместе с тем следствием того, что старые ресурсы рабочей силы, имевшиеся в городах, к тому времени были уже в основном исчерпаны. Таким образом, отсутствие безработицы в условиях форсированного промышленного строительства привело к перераспределению трудовых ресурсов страны. Основным, самым массовым источником пополнения рабочего класса стало сельское население — единоличники и колхозники.

В то же время численность рабочего класса продолжала расти и за счет городских жителей, однако ликвидация безработицы существенным образом сказалась и здесь. Исчерпав наличные трудовые резервы города, рабочий класс стал интенсивнее пополняться за счет молодого поколения, а также женщин, бывших домашних хозяек. Третья сессия ЦИК СССР отметила в своих решениях, что члены семей рабочих и служащих являются одним из основных источников комплектования рабочей силы для народного хозяйства [47]. Из 4 млн. городских жителей, влившихся в ряды рабочих и служащих за годы первой пятилетки, 1,7 млн. человек представляли молодое подрастающее поколение города, около

[47] См. «3-я сессия ЦИК Союза ССР 5 созыва». Стенографический отчет. Бюллетень № 20, стр. 31.

0,5 млн.— окончивших вузы и техникумы, около 1,4 млн.— ранее не работавших на производстве женщин, примерно 400 тыс.— прочих (кустари и др.) [48].

Ликвидация безработицы существенным образом сказалась на источниках пополнения рабочего класса по полу. Раньше, в условиях безработицы, работой в первую очередь обеспечивались мужчины — основные кормильцы семей. Женщинам, особенно не имевшим квалификации, получить работу было весьма затруднительно. Исчерпание готовых трудовых резервов при огромном спросе на рабочую силу вызвало прилив женских кадров в промышленность. За годы первой пятилетки число женщин, занятых в индустрии, увеличилось более чем в 2 раза, а их удельный вес среди всех рабочих и служащих вырос с 26,1 до 32,3% [49]. Причем наиболее интенсивно росли кадры женщин-работниц. Обратимся к данным Госплана СССР [50]:

Годы	В тысячах	В % к числу работников обоего пола
1929	939	27,9
1930	1236	29,0
1931	1440	29,3
1932	2043	32,2

Эти данные убедительно показывают, что рост женских кадров в промышленности, увеличение их удельного веса среди всех индустриальных рабочих начался с 1930 г. и особенно бурно проходил в 1931—1932 гг., т. е. в условиях отсутствия безработицы. За этот период доля женщин-работниц возросла с 29,0% до 32,2%, в то время как в годы безработицы (1928—1929) удельный вес женщин-работниц оставался почти стабильным. Еще более разительные темпы роста женских кадров в промышленности выявляются при сопоставлении их численности. Если в 1930 г. в промышленности было занято немногим более 1,2 млн. женщин, то в 1932 г.— более 2 млн. (рост более чем на 65%).

Вывод об интенсивном росте женских кадров в промышленности в последние годы пятилетки, т. е. в условиях полной ликвидации безработицы в СССР, подтверждается также данными профсоюзной переписи 1932—1933 гг. По этим данным, среди всех рабочих, пришедших на производство в 1931—1932 гг., женщины составляли более половины. Даже в таких «мужских» отраслях труда, как черная металлургия, транспортное машиностроение, авиационная и автотракторная промышленность, удельный вес женщин среди новых пополнений рабочего класса достиг 40% и более против 7—11% в 20-е годы [51]. Всего за годы первой пяти-

[48] «Итоги выполнения первого пятилетнего плана», стр. 174.
[49] Там же, стр. 175.
[50] «Труд в СССР», 1936, стр. 25.
[51] «Профсоюзная перепись 1932—1933 г.», стр. 20.

летки в народном хозяйстве страны начали свою трудовую деятельность 3,5 млн. женщин, из них 1,4 млн. горожанок и 2 млн. жительниц сельской местности [52].

В условиях развертывания индустриализации полная ликвидация безработицы вела к увеличению использования труда молодежи. Раньше биржи труда посылали на производство главным образом взрослых безработных. Юношам и девушкам работа предоставлялась во вторую очередь. Именно среди молодежи, не имевшей квалификации, безработица принимала наиболее затяжной и застойный характер. По мере ликвидации безработицы спрос на молодые кадры, даже не имевших специальности, возрастал. Если за период пятилетки численность рабочих удвоилась, то количество учеников-подростков в возрасте до 18 лет выросло более чем в 4 раза: с 155 тыс. в 1928 г. до 655 тыс. в 1932 г. [53] В результате удельный вес учеников в составе промышленно-производственного персонала за годы пятилетки вырос с 4 до 7% [54]. И это произошло уже после исчезновения безработицы, которая искусственно сдерживала приток молодых кадров на производство. Приведем некоторые данные: в 1929 г. доля подростков в возрасте до 18 лет в составе рабочих крупной промышленности равнялась 4,2%, в 1930 г.— 4,1%, в 1931 г.— 7,8%, в 1932 г.— 8,5% [55]. Таким образом, всего за два последних года пятилетки удельный вес юношей и девушек в составе промышленных рабочих более чем удвоился, тогда как в предшествовавшие годы он оставался стабильным.

Таким образом, с 1931 г., т. е. с первого года отсутствия безработицы в СССР, начался коренной сдвиг в возрастной структуре рабочего класса. К концу пятилетки удельный вес молодежи в возрасте 16—23 лет достиг 36—37% [56]. По переписи же 1929 г., молодые люди в возрасте до 23 лет в составе промышленных рабочих, охваченных переписью, составляли 23—24% [57]. Только в каменноугольной промышленности Донбасса, хлопчатобумажной промышленности Ленинграда и электропромышленности Москвы и Ленинграда этот процент был выше. Интенсивное втягивание в производство молодежи значительно омолодило весь состав рабочих кадров.

Ликвидация безработицы сыграла существенную роль в развитии советского рабочего класса, оказала коренное влияние на изменение форм, методов и источников комплектования рабочих кадров. С полным исчерпанием наличных трудовых резервов в городе

---

[52] «Итоги выполнения первого пятилетнего плана», стр. 174—175.
[53] «Труд в СССР». Статистический сборник. М., 1968, стр. 81.
[54] «Промышленность СССР». М., 1964, стр. 84.
[55] ЦГАНХ СССР, ф. 4372, оп. 30, д. 116, л. 10.
[56] «Труд в СССР», 1936, стр. 95.
[57] *А. Г. Рашин.* Состав фабрично-заводского пролетариата СССР. Предварительные итоги переписи металлистов, горнорабочих и текстильщиков в 1929 г. М., 1930, стр. 47.

возникла необходимость усилить плановое начало в организации труда, перераспределить трудовые ресурсы страны, перейти к новой системе распределения общественного труда. Ликвидация безработицы сыграла значительную роль в переходе от самотека в наборе рабочей силы для промышленности к ее организованному привлечению из сельского хозяйства, к строго запланированной подготовке рабочих кадров. Исчезновение безработицы значительно повлияло на источники пополнения рабочего класса по полу, возрасту и социально-классовой структуре. Изменение в формах, методах и источниках комплектования советских рабочих было важнейшим социально-экономическим последствием ликвидации безработицы.

Рост численности рабочего класса.
Подъем его творческой трудовой активности.
Формирование новых черт в облике советского человека

В условиях реконструкции народного хозяйства рост численности рабочего класса происходил невиданными ранее темпами. Уже во втором году пятилетки, когда интенсивно протекал процесс искоренения безработицы, ежегодный прирост рабочих поднялся до 26,7%, обгоняя все плановые наметки пятилетки. В следующем году (1931) уже в условиях полной ликвидации безработицы этот процент стал еще выше — 28,6. Эти темпы более чем втрое превышали темпы предшествовавших лет. В 1932 г. прирост рабочих за год составил 18,2% [58]. В тот год количество рабочих крупной промышленности достигло огромной цифры — 6,8 млн. человек, что в 1,5 раза превышало плановые задания пятилетнего плана и в 2 раза — численность рабочих в 1928 г. [59]

Гигантский размах строительства новых предприятий вызвал бурный рост числа строительных рабочих. Приведем несколько цифр, достаточно наглядно характеризующих темпы этого роста. Если в 1929 г. количество лиц, занятых на стройках СССР, достигало почти 1 млн. человек (918 тыс.), то в 1930 г. их стало 1,6 млн., в 1931 г.— 2,5 млн., в 1932 г.— 3 млн. человек, т. е. почти в 4,5 раза больше, чем в 1928 г. Плановые задания пятилетки были превышены на 66% [60].

Бурное развитие транспорта и связи привело к увеличению численности рабочих в этих отраслях народного хозяйства — с 1,5 млн. человек в 1930 г. до 2,4 млн. в 1932 г. Всего же за 4 года и 3 месяца этот рост составил 75%, что было больше плановых заданий на 54% [61].

---

[58] «Труд в СССР», 1936, стр. 12—13.
[59] «Итоги выполнения первого пятилетнего плана», стр. 268.
[60] Там же.
[61] Там же; «Труд в СССР», 1936, стр. 10.

В 1932 г. общая численность рабочих и служащих достигла 22,8 млн. человек [62], против 15,8 млн., намечавшихся первым пятилетним планом, т. е. плановые задания были превышены на 7 млн. человек. По данным Госплана СССР, в 1928—1932 гг. работу в различных отраслях народного хозяйства получили 12,5 млн. рабочих и служащих (в эту цифру включено 1,3 млн. человек, заместивших выбывших: умерших, инвалидов и ушедших на учебу) [63]. Среднегодовой прирост числа рабочих и служащих в годы первой пятилетки составил 3 млн. человек, или 20,6% к каждому предшествовавшему году. В последующий период темпы роста рабочего класса продолжали оставаться высокими: в годы второй и третьей пятилеток среднегодовой прирост численности рабочих и служащих в народном хозяйстве составлял более 1,3 млн. человек [64]. Высокие темпы роста рабочего класса были верной гарантией того, что с безработицей в СССР было покончено навсегда. Колоссальный количественный рост рабочего класса, главным образом за счет крестьянства, имел большие социально-экономические последствия для развития всей страны.

За годы первой пятилетки, как никогда ранее, выросло городское население. При общем росте всего населения СССР с 154,2 млн. человек на 1 января 1929 г. до 165,7 млн. на 1 января 1933 г. население городов увеличилось с 27,6 млн. до 38,7 млн., т. е. на 40,2%, а численность сельского населения осталась почти стабильной (126,6 млн. в 1928 г. и 127 млн. в 1932 г.). В результате удельный вес городского населения во всем населении страны возрос с 17,9% в начале пятилетки до 23,3% в конце 1932 г. [65] Таким образом, в годы первой пятилетки города поглотили весь естественный прирост населения, составивший 11,5 млн. человек.

Интенсивный рост городов в тот период был прогрессивным явлением. Приобщение многомиллионных крестьянских масс к экономике и культуре города означало укрепление и расширение всего социалистического строительства. В городах, индустриальных отраслях народного хозяйства производительность труда была выше и росла быстрее, чем в сельском хозяйстве. Следовательно, рост городского населения повлиял на повышение производительности труда всего советского общества — ускорилось создание материально-технической базы социализма. Миграция в город, где был более высокий культурный и материальный уровень жизни, помогала решить и другую важную проблему социалистического

[62] Эта цифра с небольшими отклонениями (например, 22,9 млн.— см. «Труд в СССР», 1936, стр. 11) вошла во все статистические справочники 30—50-х годов. В более поздних изданиях (см. «Труд в СССР», 1968, стр. 22) появилась другая цифра — 24,2 млн. Это объясняется тем, что в последнее время ЦСУ СССР причислило к рабочим и служащим членов артелей и промысловой кооперации. За вычетом этой группы (1,6 млн.) получается цифра, близкая к данным статистики 30—50-х годов — 22,6 млн. человек.

[63] «Итоги выполнения первого пятилетнего плана», стр. 174.

[64] «Труд в СССР», 1968, стр. 23.

[65] «Итоги выполнения первого пятилетнего плана», стр. 176.

строительства — улучшение материального положения трудящихся. Рост городов, новое соотношение между городским и сельским населением — все это отражало прогрессивный процесс приобщения многомиллионных крестьянских масс к передовой культуре и технике.

За годы первой пятилетки значительно выросло население крупных городов, старых промышленных и культурных центров: Москвы, Ленинграда, Харькова, Киева, Ростова-на-Дону, Одессы, Ташкента, Тифлиса (Тбилиси) и др. В результате удельный вес населения крупных городов значительно увеличился. По переписи 1926 г. в СССР был 31 город с населением в 100 тыс. и более человек, а в 1931 г. таких городов было уже 46 и их удельный вес по отношению ко всему городскому населению поднялся с 36,2 до 46,2% [66]. Вместе с тем создавались и росли новые города — культурные и промышленные очаги в Сибири, на Урале, на Севере. Магнитогорск, Новокузнецк, Кемерово, Прокопьевск, Березники, Хибиногорск (Кировск) насчитывали к концу пятилетки десятки тысяч жителей.

Итак, нет сомнения в том, что в годы первой пятилетки произошли значительные сдвиги в социальной структуре советского общества, в чем немаловажную роль сыграл фактор ликвидации безработицы в СССР. Материалы переписей, а также статистические данные Госплана и ЦУНХУ СССР показывают, что городское население росло главным образом за счет увеличения численности рабочего класса. По данным переписи, в декабре 1926 г. удельный вес рабочего класса в городском населении составлял 68,5%, по данным городского учета в апреле 1931 г.— 85,4%, а на 1 января 1933 г. по подсчетам Госплана СССР — около 88% [67]. Почти за тот же период (с 1926 г. по 1932 г.) поднялся и удельный вес кооперированных производителей (кустарей и пр.) — с 2,1 до 6,2%. В то же время резко снизился удельный вес нетрудовых элементов (буржуазии, духовенства, деклассированных элементов) в составе городского населения — с 5,1% в 1926 г. до 1,0% в 1931 г. Полностью исчезла армия безработных, наиболее обездоленная социальная группа населения. Все эти изменения свидетельствовали о прогрессивном развитии социальной структуры городов, и особенно важным был невиданный ранее по темпам и размерам рост численности рабочего класса. Бурный рост рабочих кадров в условиях отсутствия безработицы свидетельствовал об укреплении силы рабочего класса, возрастании его социально-политического удельного веса. По данным Госплана СССР, удельный вес рабочего населения в общем составе жителей СССР возрос с 19,9% в 1928 г. до 31,1% в 1932 г. [68] Ширилась и укреплялась база диктатуры пролетариата.

---

[66] Там же.
[67] Там же.
[68] Там же; «Труд в СССР», 1936, стр. 95.

Ликвидация безработицы сыграла огромную прогрессивную роль в формировании новых черт советского рабочего класса. Развитие рабочего класса СССР в условиях отсутствия промышленной резервной армии происходило совсем иным путем, чем при наличии безработицы. Уверенность в завтрашнем дне, исчезновение страха перед будущим порождало у рабочих чувство глубокого удовлетворения новым социальным строем, обеспечивавшим такую жизнь. Укреплялось возникшее еще в первые годы Советской власти желание трудиться по-новому, уходил в прошлое взгляд на труд только как на источник существования. Все сильнее проявлялись тенденции к превращению труда из тяжелого бремени в первую жизненную потребность.

Нарком труда СССР А. М. Цихон говорил на Всесоюзном совещании органов труда, состоявшемся в ноябре 1930 г.: «Переживаемый нами в настоящее время период социализма и все предыдущие этапы социалистического строительства, разрушившие капиталистические производственные отношения, обусловили не только количественные (ликвидация безработицы и недостаток рабочей силы), но и существенные качественные изменения в области труда и произвели переворот во взглядах людей на труд»[69]. Это, по выражению В. И. Ленина, величайшая в истории смена труда подневольного трудом на себя не происходит мгновенно. Она требует долгого времени, зависит от многих факторов. Ликвидация безработицы была одним из серьезных факторов, сыгравших существенную роль в формировании коммунистического отношения к труду.

Возникновение и широкое распространение ударных бригад на рубеже 20—30-х годов знаменовало важный этап в развитии нового отношения к труду. Ударники и ударные бригады ставили перед собой ответственные и трудные задачи: поднять производительность труда, улучшить качество продукции и снизить ее себестоимость, укрепить трудовую дисциплину, усилить борьбу с лодырями, прогульщиками, пьяницами и другими дезорганизаторами производства, личным примером доказать всем рабочим целесообразность тех или иных практических мероприятий по рационализации производства. Эти задачи с успехом выполнялись. Приведем всего две иллюстрации о делах ударников Ленинграда. На электростанции «Красный Октябрь» ударная бригада менее чем за полгода подняла производительность труда на 45%, провела добровольное снижение расценок на 13%, не имела ни одного часа прогулов. Не меньших успехов добились ударники на Металлическом заводе. Ударная бригада чугунолитейного цеха увеличила выпуск продукции в 1,5 раза, полностью ликвидировала брак, доходивший ранее до 10% всей продукции, добровольно снизила расценки[70]. Аналогичных результатов ударники добивались повсе-

[69] «Вопросы труда», 1930, № 10-11, стр. 5.

[70] «Политический и трудовой подъем рабочего класса (1928—1929 гг.)». Сборник документов и материалов. М., 1956, стр. 333.

местно. Вот почему В. В. Куйбышев, выступая на Первом съезде ударных бригад в декабре 1929 г., обращаясь к ударникам, говорил: «Вы представители наиболее сознательного отряда рабочего класса, вступившего на путь создания коммунистического труда, коммунистической дисциплины, коммунистического отношения к фабрике и заводу» [71].

В год ликвидации безработицы и особенно в последующее время ударничество превратилось в массовое движение рабочего класса. По данным Госплана СССР на 1 ноября 1930 г. в промышленности было 48,9% ударников (ко всему составу рабочих), на 1 января 1931 г.— 57,8%, а на 1 июня 1931 г.— 65,4%, т. е. за 7 месяцев движение ударников выросло почти в 1,5 раза, охватив две трети всех рабочих [72]. Наиболее быстрыми темпами оно развивалось в ведущих отраслях производства. В тяжелой индустрии впереди были металлисты, энергетики, нефтяники. В легкой промышленности передовиками стали текстильщики, полиграфисты, швейники. В начале 30-х годов не было ни одной отрасли промышленности, где бы не работали ударные бригады.

В условиях отсутствия безработицы поднялась производственная и политическая активность рабочего класса. Родились новые формы социалистического соревнования и взаимопомощи, возможные лишь в обществе, где не действуют звериные законы конкуренции, порождаемые безработицей. Небывалых размеров достигло социалистическое соревнование: к ноябрю 1930 г. оно охватывало более 58% всех рабочих, примерно через год процент рабочих, участвовавших во всех видах соревнования, достиг 67,5 на 1 января 1933 г.— 70,6, на 1 января 1934 г.— 73,4 [73].

Столь высокие темпы развития социалистического соревнования подтверждали ленинское положение о том, что «социализм не только не угашает соревнования, а, напротив, впервые создает возможность применить его действительно *широко,* действительно в *массовом* размере, втянуть действительно большинство трудящихся на арену такой работы, где они могут проявить себя, развернуть свои способности, обнаружить таланты, которых в народе — непочатой родник и которые капитализм мял, давил, душил тысячами и миллионами» [74].

Количественный рост соревнующихся на рубеже 20—30-х годов сопровождался возникновением и развитием новых форм социалистического соревнования. В 1930 г. на предприятиях (в цехах, на участках, в бригадах) стали разрабатывать встречные планы, значительно превышавшие официальные государственные пятилетние задания. В начале 1931 г. в стране появились первые хоз-

[71] «Первый Всесоюзный съезд ударных бригад (К тридцатилетию съезда)». Сборник документов и материалов. М., 1959, стр. 42.
[72] «Народное хозяйство СССР», 1932, стр. 452.
[73] «Социалистическое соревнование в СССР. 1918—1964. Документы и материалы профсоюзов». М., 1965, стр. 63.
[74] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 35, стр. 195.

расчетные бригады, задачей которых являлось снижение накладных расходов. Всего через год с начала движения в хозрасчетных бригадах состояла уже примерно треть всех промышленных и строительных рабочих, а к началу 1933 г. этот процент достиг почти 37 [75].

Ликвидация безработицы существенным образом отразилась на расширении товарищеской взаимопомощи — важного принципа социалистического соревнования. В 1930 г. инициативой масс была рождена такая форма оказания помощи передовых коллективов отстававшим, как «общественный буксир». По данным ВЦСПС, число общественных буксиров с июля 1931 г. по январь 1933 г. возросло с 413 до 1019. За это же время численность рабочих, входивших в буксирные бригады, увеличилась с 10,5 тыс. до 26 тыс. В январе 1933 г. «общественные буксиры» были созданы на каждом восьмом — девятом предприятии страны (для сравнения укажем, что в 1931 г. они имелись лишь на 6% предприятий) [76].

В начале 30-х годов появилось изотовское движение, названное так по фамилии донбасского шахтера из Горловки Н. А. Изотова, решившего помочь молодым горнякам овладеть техникой шахтерского искусства. Изотовское движение свидетельствовало о дальнейшем развитии процесса становления нового отношения к труду и товарищам по работе. Оно наносило удар по индивидуализму и секретничеству, столь распространенным в капиталистическом мире — мире эксплуатации и безработицы. Действительно, с точки зрения подневольного человека, раскрытие производственных секретов, которые обеспечивают работу и личное благополучие, равноценно безумию. Значение изотовского движения, кроме больших практических результатов, заключалось и в том, что оно перевоспитывало людей, укрепляло социалистические производственные отношения. Взаимопомощь и товарищество в труде становились нормой, полностью вытесняя капиталистическую конкуренцию. Безусловно, в этом важнейшую роль сыграл фактор ликвидации безработицы в СССР. Только в условиях отсутствия конкуренции, порождаемой наличием огромной резервной армии труда, человек может без страха и сомнения выдавать свои производственные тайны и секреты. Бескорыстная помощь товарищам по труду в овладении ими наиболее рациональных приемов работы возможна лишь в условиях отсутствия безработицы [77].

---

[75] «Социалистическое соревнование в СССР», стр. 106.

[76] Там же, стр. 107.

[77] Подробнее об ударничестве и развитии социалистического соревнования в конце 20 — начале 30-х годов см.: *Е. Микулина.* Соревнование масс. М.— Л., 1929; «Социалистическое соревнование в промышленности СССР». М., 1930; *А. В. Стоклицкий.* Поступью миллионов. Первый год социалистического соревнования. М.— Л., 1931; *А. И. Капустин.* Три года социалистического соревнования масс. М.— Л., 1932; *Н. П. Нефедов.* Четыре года соцсоревнования. М., 1933; *он же.* Пять лет социалистического соревнования. М., 1934; «Изотовцы Донбасса». Л., 1932; *Г. Н. Евстафьев.* Социалистическое соревнование — зако-

Исчезновение армии безработных сыграло огромную роль в развитии советского рабочего класса как класса социалистического общества. С ликвидацией безработицы прекратилось деление трудящихся на занятую (активную) и незанятую (резервную) армии труда. Эта черта присуща только социалистическому рабочему классу.

Уничтожение безработицы оказало существенное влияние на формирование социалистической личности. В 30-ые годы еще более интенсивно продолжался процесс формирования нового человека — свободного, творчески мыслящего, избавившегося от страха за свое будущее. Рождение и развитие этого человека — длительный процесс, который происходит в определенных условиях. Одним из таких важнейших условий являлось отсутствие безработицы, гарантированное право на труд. В годы ликвидации безработицы, особенно после ее полного исчезновения, появился и вырос новый тип рабочего-новатора. В газетах тех лет печаталось немало статей,

---

номерность и движущая сила экономического развития советского общества. М., 1952; *А. П. Финаров.* Социалистическое соревнование на предприятиях в начале первой пятилетки.— «Вопросы истории», 1953, № 6; *Р. П. Дадыкин.* Начало массового социалистического соревнования в промышленности СССР. М., 1954; «Политический и трудовой подъем рабочего класса СССР (1928—1929 гг.)». Сборник документов. М., 1956; *Е. П. Подвигина.* Партия — организатор трудового подъема в борьбе за развитие тяжелой индустрии (в довоенные пятилетки). М., 1957; *И. И. Чангли.* Социалистическое соревнование и новые формы коммунистического труда. М., 1959; *Л. А. Бейлин, Л. Б. Бородкин.* Как родилось социалистическое соревнование. М., 1960; *М. И. Дубров.* Первая ударная (фабрика «Равенство», июль 1928 г.). Л., 1960; «Коммунистическая партия — вдохновитель и организатор социалистического соревнования в СССР». М., 1961; *Ю. А. Кулышев, Л. С. Рогачевская.* Первые ударные. М., 1961; «Социалистическое соревнование на предприятиях Ленинграда в годы первой пятилетки (1928—1932)». Сборник документов и материалов. Л., 1961; *О. И. Шкаратан.* Основные этапы социалистического соревнования в промышленности СССР.— «История СССР», 1961, № 5; *В. И. Кузьмин.* Партия — организатор трудового подъема рабочего класса.— «Вопросы истории КПСС», 1962, № 3; «Поколения ударников». Сборник документов и материалов о социалистическом соревновании на предприятиях Ленинграда в 1928—1961 гг. Л., 1963; *В. З. Дробижев.* О некоторых недостатках методики изучения политической и трудовой деятельности рабочего класса СССР в годы борьбы за построение социализма.— «Вестник Московского ун-та». История. 1964, № 5; «Марш ударных бригад. Молодежь в годы восстановления народного хозяйства и социалистического строительства. 1921—1941 гг.». Сборник документов. М., 1965; «Социалистическое соревнование в СССР. 1918—1964 гг.». Сборник документов и материалов профсоюзов. М., 1965; *Н. Б. Лебедева, О. И. Шкаратан.* Очерки истории социалистического соревнования. Л., 1966; «Документы трудовой славы москвичей. 1919—1965 гг. Из истории борьбы за развитие коммунистических форм труда». Сборник документов и материалов. М., 1967; *В. Г. Черемных.* Зарождение и развитие массового социалистического соревнования в промышленности Урала (1927—1929 гг.).— «От Октября к строительству коммунизма». М., 1967; *Л. Я. Скобцов.* Партийная организация Донбасса во главе массового социалистического соревнования рабочих промышленности в годы первой пятилетки.— «Материалы научной конференции кафедры истории КПСС Донецкого ун-та». Донецк, 1969; «Трудовая активность рабочего класса».— «Социалистическая индустриализация СССР. Указатель советской литературы, изданной в 1926—1970 гг.». М., 1972, и др.

освещающих этот процесс: «Рождается новый человек», «Растет новый рабочий», «Куется новое общество» и т. д.

Типичной биографией такого рабочего является биография Никиты Алексеевича Изотова, знатного шахтера, ударника, стахановца, зачинателя движения школ передового опыта. Он родился в 1902 г. в небольшой деревушке Орловской губернии. С ранних лет Изотов познал все ужасы безработицы. Его отец часто не имел работы. «Безработный и безземельный отец,— вспоминал Н. А. Изотов,— беспробудно пил и все, что добывалось случайной работой, неизменно пропивал. Мы питались лебедой и семечками»[78]. Жена и дети зарабатывали на жизнь собственными силами. В 10 лет Никите пришлось пойти работать к кулаку за полтинник и пару валенок.

В 1914 г. семья переехала в Горловку. Большие надежды возлагал Изотов-старший на этот шахтерский город. Но и здесь работы не было. Умные люди посоветовали Изотову поехать в деревню и исправить документы сына — дописать ему 2 года. С новой метрикой о рождении, в которой Никите было не 12, а 14 лет, отец привел его на брикетную фабрику, изготовлявшую топливо для военных кораблей. О работе на фабрике Никита писал: «Работа на брикетке была мучительна. Смола въедалась в тело и разъедала его, как известь. На солнце нельзя было показаться: согретое тело покрывалось глубокими трещинами и глаза заплывали в слезах. Мы задыхались в смольном чаду. А работали по 12 часов»[79]. Безработный отец, тяжелый, мучительный труд, вечная борьба за кусок хлеба — вот какие воспоминания сохранились у Никиты от его детства.

Восторженно встретил Изотов Октябрьскую революцию. Несмотря на свою молодость (ему было всего 15 лет), он сразу же записался в отряд красногвардейцев, а затем принимал участие в гражданской войне.

На шахту Изотов поступил в 1922 г. Вскоре он стал одним из лучших забойщиков, и заработки его были больше всех.

В 1929 г. судьба Никиты изменилась: его выбрали в райисполком, а потом направили в деревню проводить коллективизацию.

На шахту Изотов вернулся в 1931 г. «Пятилетке не хватало угля,— вспоминал он,— надо идти в шахту». Снова самая высокая выработка, самая высокая зарплата, однако шахта по-прежнему оставалась в глубоком прорыве — систематически не справлялась с программой. На шахту приезжали бакинцы, выполнившие пятилетку в 2,5 года, о необходимости улучшить работу писали ленинградские и тульские производственники. А шахтеры-ударники соседней шахты прислали знамя из рогожи. «Стыдно было перед товарищами, соседней шахтой, перед всей страной»,— вспоминал впоследствии Н. Изотов. В те дни он подал заявление с прось-

[78] *Никита Изотов.* Моя жизнь, моя работа. М., 1934, стр. 16.
[79] Там же, стр. 28.

бой принять его в ряды Коммунистической партии. «Хочу вместе с кадровыми рабочими-большевиками,— писал он,— проводить настоящую борьбу за снятие с шахты рогожного знамени». На партийном собрании, принимавшем Изотова в партию, он сказал, что берет на себя обязательство учить отстающих работать по-ударному [80].

На участке, где работал Изотов, были организованы школы передового опыта, названные его именем. Десятки людей обучил новатор мастерству забойщика, без утайки показывая наиболее совершенные приемы работы. Вскоре изотовские школы появились и на других участках шахты. Постепенно шахта стала выходить из прорыва; план первого квартала был выполнен досрочно, а в мае программа была превзойдена на 75%. С того времени шахта не знала прорывов, она стала ударной.

Успехи окрыляли, и Изотов решил поделиться опытом своей работы с широкими массами. По всей стране развернулось движение по передаче передового опыта. Народ назвал его изотовским движением. Это была высшая награда за труд, труд творческий, любимый, одухотворенный, труд, отданный людям, всему обществу, великому делу строительства социализма. Народным богатством назвал А. М. Горький Никиту Изотова. И таким сделал его труд — труд свободного человека социалистического общества, не знающего эксплуатации, безработицы, тревоги за завтрашний день.

Именно такой труд породил новых героев — новаторов 30-х годов — славное племя стахановцев. И среди них Иван Гудов — фрезеровщик Московского станкостроительного завода имени Серго Орджоникидзе. В Москву Гудов приехал, когда с безработицей было покончено. Наоборот, рабочей силы не хватало — везде требовались люди. «Шел 1934 год,— рассказывал И. И. Гудов,— на столбах, на заборах висели объявления, записки, дощечки: «Требуются рабочие... производится набор»» [81].

Куда пойти, что выбрать? Гудову посоветовали обратиться в управление кадрами — так назывались преобразованные биржи труда. Там ему сказали, что нужда в рабочих большая, особенно требуются токари и фрезеровщики. Гудов решил пойти на станкозавод им. Орджоникидзе и начал работать во втором цеху чернорабочим. Вскоре он стал ударником, поступил на шестимесячные производственно-технические курсы, овладел сложной профессией фрезеровщика.

13 сентября 1935 г. вслед за Алексеем Стахановым Иван Гудов пошел на рекорд, выполнил сменное задание на 400% с лишним и стал первым стахановцем на заводе. Вскоре о нем заговорила вся страна. Рекорды Гудова росли: 500, 700, 800, 900, 1000, 1430% сменного задания. Он много и упорно учился, пока овладел тех-

[80] Там же, стр. 61.
[81] *И. Гудов.* Судьба рабочего. М., 1970, стр. 4.

никой своего мастерства. При переходе на новую технологию в рабочих расчетах ему помогали инженеры, ученые. Но не только знаниями и техникой ставил рекорды передовой рабочий. Еще когда он учился на фрезеровщика, он понял, «что мало овладеть профессией фрезеровщика. Советский рабочий должен овладеть еще чем-то, он трудится не только ради заработка» [82].

Гудов по примеру Н. Изотова организовал школы передового опыта, учил мастерству отстававших и молодых рабочих. Его девизом были слова Серго Орджоникидзе: «Вот вы сумели... Научите же других!» Смысл своей работы И. И. Гудов видел не в своих личных рекордах, а в обобщении передового опыта, чтобы сделать его достоянием всех. Труд на благо всего общества возможен только в социалистическом обществе, в условиях полного отсутствия безработицы, когда реально гарантировано право на труд. Пример этому — жизнь Гудова. И. И. Гудов стал знатным рабочим. Труд прославил его на всю страну; он был награжден орденом Ленина, избран депутатом Верховного Совета СССР, был делегатом XVIII съезда Коммунистической партии.

И. И. Гудов писал: «В. И. Ленину принадлежат вещие слова о тысячах и миллионах, которых капитализм «мял, давил, душил». Я был бы, конечно, среди этих «тысяч» и «миллионов», но я избежал этой «судьбы», потому что живу в социалистическом обществе, которое открыло все возможности человеку расти, идти вверх и узаконило единственное средство для достижения этого: *труд*. И тут я вправе во весь голос сказать: нет и не может быть более высокого удовлетворения, чем то, которое приходит, когда убеждаешься, что ты своим трудом достиг чего-то нового, неизвестного ранее» [83].

Американский ученый Крис Арджирис опубликовал в журнале «Америка», распространяемом в СССР, статью «Можно ли сделать труд увлекательным?» Все доводы, приведенные в статье, дают отрицательный ответ. Вероятно, это совершенно справедливо для капиталистического общества.

При социализме дело обстоит иначе. Ударники и стахановцы всегда заявляли, что их труд становится увлекательным, когда они видят высокие цели своего труда. Советский человек трудится ради того, писал И. И. Гудов,— «чтобы его народ стал могущественнее, богаче, чтобы советскому человеку лучше жилось. А ради чего стал бы также трудиться рабочий капиталистического предприятия? Чтобы увеличить прибыли хозяев, чтобы еще тысячи и десятки тысяч его братьев были выброшены на улицу?!» [84]

Действительно, безработица, отсутствие гарантированной работы всегда обрекало и обрекает трудящихся стран капитала на чрезмерный и изнурительный труд, на любую работу исключительно ради хлеба насущного.

---

[82] *И. Гудов.* Судьба рабочего. М., 1970, стр. 17.
[83] Там же, стр. 433—434.
[84] Там же, стр. 434.

Глава десятая

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ЛИКВИДАЦИИ БЕЗРАБОТИЦЫ В СССР

Рост безработицы в капиталистических странах в годы мирового экономического кризиса. Ликвидация безработицы в СССР — свидетельство преимуществ социалистического строя, его системы хозяйства

Ликвидация безработицы в СССР совпала по времени с небывалым по масштабам, формам и глубине мировым экономическим кризисом, разразившимся в странах капитала в конце 20-х годов. Начавшись в 1929 г., он вскоре стал всеобщим, охватив все капиталистические страны и все без исключения отрасли промышленности. Кризис распространился на сельское хозяйство, финансовую и кредитную системы.

В то время как в Советской стране производство росло из месяца в месяц, и 1929—1930 гг. стали переломными в развитии промышленности и всего народного хозяйства (в течение 1929 г. промышленное производство выросло на 24,3%, в 1930 г. оно увеличилось на 25,8%) [1], в капиталистических странах эти годы были началом катастрофы. В 1930 г. по сравнению с 1929 г. промышленное производство в США сократилось почти на 20%, в Германии — на 14%, Англии — на 11% [2].

Мировой экономический кризис конца 20-х — начала 30-х годов был не только самым глубоким, но и самым продолжительным в истории капитализма. Четыре года истязал он сотни миллионов человек. У. Фостер писал, что кризис 1929—1933 гг. «наиболее глубокий, наиболее продолжительный, самый разрушительный в мировой истории экономический кризис» [3]. Промышленное производство падало из года в год. Особенно пострадало производство средств производства: добыча угля и нефти, выплавка чугуна и стали, химическая промышленность и т. д. По данным Конъюнктурного экономического института, индекс мирового промышленного производства средств производства упал в 1932 г. до 62% (по сравнению с 1928 г.), т. е. почти на 40% [4]. Продолжало сокращаться и производство средств потребления. Особенно сильно пострадали слаборазвитые страны, экспортировавшие продовольственные товары и сырье. По сравнению с уровнем 1925—1928 гг.

[1] «Народное хозяйство СССР». Статистический справочник. М., 1932, стр. 609.
[2] Там же; см. также *П. Фигурнов.* Кризисы.— БСЭ, т. 35. М., 1937, стб. 115—116.
[3] *У. Фостер.* Очерки мирового профсоюзного движения. М., 1956, стр. 379.
[4] *Е. С. Варга.* Современный капитализм и экономические кризисы.— Избранные труды. М., 1962, стр. 132.

цены на сахар на мировом рынке упали на 74%, на шелк — на 75%, на джут — на 62%, на каучук — на 93% [5]. За неимением спроса были уничтожены миллионы тонн кофе и какао.

В целом промышленное производство капиталистического мира было отброшено на уровень первого десятилетия XX в., а в некоторых странах (Германия и Англия) — к уровню 1896—1897 гг.

Капиталистический мир никогда не испытывал подобного кризиса. Ранее падение производства на 10—15% считалось чрезвычайно глубоким, а в 1929—1933 гг. была парализована половина, а иногда и две трети производственных мощностей ведущих отраслей промышленности [6]. Огромные кладбища машин, мертвые фабрики и заводы, потухшие домны, затопленные рудники — таковы были результаты мирового экономического кризиса. По подсчетам специалистов, материальный ущерб, нанесенный кризисом, не уступал потерям от мировой войны 1914—1918 гг.[7]

Наиболее сильно экономический кризис поразил Соединенные Штаты Америки. В 1932 г. по сравнению с 1929 г. добыча угля снизилась на 41%, выплавка чугуна — на 79,4%, стали — на 76%, производство автомобилей — на 80%. Из имевшихся в США 279 доменных печей действовали лишь 44. В целом объем промышленной продукции за эти годы уменьшился на 46%, в том числе производство средств производства — на 72% [8]. В тяжелом состоянии находились также легкая промышленность и сельское хозяйство. В результате кризиса национальный доход страны упал к 1933 г. до 40,2 млрд. долларов против 87,8 млрд. в 1929 г.

Экономический кризис, стремительно распространявшийся в США, этой главной цитадели капиталистического мира, производившей более половины всей мировой промышленной продукции, тяжело отразился на других странах капитала. Особенно острый, глубокий и затяжной характер он принял в Германии. Кризис охватил всю экономику страны. В 1932 г. уровень промышленного производства Германии сократился на 40,2% по сравнению с 1929 г.[9] Выплавка стали уменьшилась в 2,5 раза, чугуна — в 3 раза, резко упала добыча угля и др.[10] Всего обанкротилось 68 тыс. предприятий. Даже такие мощные монополистические объединения, как «И. Г. Фарбениндустри», концерн Круппа, «Дейче банк», почувствовали удары кризиса [11]. В тяжелом состоянии находилось сельское хозяйство. С каждым днем росло число проданных за долги крестьянских дворов и их земельных участков.

---

[5] «Всемирная история», т. IX. М., 1962, стр. 176.
[6] Там же, стр. 174.
[7] Там же, стр. 177.
[8] Там же, стр. 178. См. также: *В. Лан.* США от первой до второй мировой войны. М., 1947, стр. 291.
[9] «История международного рабочего и национально-освободительного движения», ч. II. М., 1962, стр. 55.
[10] *П. Фигурнов.* Указ. статья, стб. 117—118.
[11] «Всемирная история», т. IX, стр. 188; *В. Д. Кульбакин.* Очерки новейшей истории Германии. М., 1962, стр. 283.

В Англии кризис поразил всю экономику. Особенно сильно пострадали старые, основные отрасли промышленности. Резко сократилась добыча угля, в 2 раза уменьшилась выплавка чугуна, катастрофически упало судостроение (в 1929 г. было построено торговых судов общим тоннажем в 1522 тыс. т, в 1933 г.— 133 тыс. т), текстильная промышленность была недогружена на 33—40% [12]. Крупнейшие индустриальные районы: Уэльс — центр угольной промышленности, Ланкашир — текстильной, Клайд — судостроительной превратились в «районы депрессий». Здесь большинство предприятий бездействовало. Резко сократился объем сельского хозяйства, которое переживало и до 1929 г. длительный, хронический кризис. Цены на сельскохозяйственные продукты за 1930—1932 гг. снизились на 34% [13].

Во Франции кризис хотя и начался позднее, проходил также тяжело, как и в других капиталистических странах. В 1931—1935 гг. объем промышленной продукции и национальный доход сократились примерно на одну треть [14]. За эти годы выплавка чугуна и стали уменьшилась наполовину, продукция машиностроения сократилась до 69,5% [15], резко снизилось производство автомобилей, выплавка цветных металлов, алюминия, цинка. В тяжелом кризисе находилась текстильная промышленность и сельское хозяйство. Не выдерживая конкуренции Англии, США и Германии, Франция уступала свои позиции на внешнем рынке. За годы кризиса ее внешняя торговля уменьшилась более чем в 2 раза.

Мировой экономический кризис сильно повлиял на экономику Японии. Резко снизилось производство в угольной, металлургической, хлопчатобумажной промышленности, судостроении. Особенно пострадало японское шелководство, в котором было занято около половины всех крестьянских хозяйств. В результате падения цен на шелк и другие сельскохозяйственные продукты стоимость продукции сельскохозяйственного производства упала на 40% — с 4,3 млрд. иен в 1929 г. до 2,6 млрд. иен в 1931 г. За эти же годы стоимость промышленной продукции сократилась на 32,5% — с 7,4 млрд. иен до 5 млрд. иен [16].

С такой же разрушительной силой мировой экономический кризис обрушился и на другие страны капиталистического мира. Промышленное и сельскохозяйственное производство Италии, Испании, Польши, Болгарии, Венгрии, Австрии и других стран Европы, Азии, Америки упало на 20—30% [17].

---

[12] *В. Г. Трухановский.* Новейшая история Англии. М., 1958, стр. 175; «Всемирная история», т. IX, стр. 199.

[13] *В. Г. Трухановский.* Указ. соч., стр. 175.

[14] «Очерки рабочего движения во Франции (1917—1967)». М., 1968, стр. 94.

[15] «Всемирная история», т. IX, стр. 202.

[16] «Очерки новейшей истории Японии». М., 1957, стр. 117.

[17] Конкретный материал о кризисе в этих странах см.: «Всемирная история», т. IX; *П. Фигурнов.* Указ. статья; «Мировые экономические кризисы. 1848—1935»; «История международного рабочего и национально-освободительного движения», и др.

Мировой экономический кризис, ударив прежде всего по метрополиям, тяжело отразился и на колониальных странах. В Индии он поразил все отрасли экономики, особенно пострадало сельское хозяйство. Во Вьетнаме перестали работать почти все цементные и стекольные заводы, резко пало производство во всех странах Латинской Америки.

Экономический кризис всей своей тяжестью обрушился на трудящиеся массы города и деревни. В результате сокращения промышленного и сельскохозяйственного производства начался рост безработицы. Еще в последний предкризисный (1928) год резервная армия труда достигла довольно значительных размеров: в США — 3 млн., Германии — 1,3 млн., Англии — 1,25 млн., Италии — 324 тыс., Польше — 126 тыс. человек [18]. Мировой экономический кризис привел к еще более бурному росту безработицы. Всего за полгода кризиса армия безработных увеличилась в 2 раза, а в некоторых странах еще больше.

«1930 год,— подчеркивалось в материалах Профинтерна,— начался для рабочих масс всех капиталистических стран под знаком стремительного роста безработицы. Каждый день телеграф приносит сообщения из той или иной страны о новых «рекордах» безработицы» [19]. По данным социально-экономического отдела Профинтерна, в январе 1930 г. число безработных в США достигло 5 млн. человек, в Германии — около 3,5 млн., в Англии — 2 млн., в Южной Америке и Японии — по 1 млн., в Италии — 800 тыс., в Польше, Чехословакии и Австрии — по 400 тыс. человек и т. д. Всего, по самой минимальной оценке, в капиталистическом мире насчитывалось 16 850 тыс. безработных [20], не считая Китая, Индии, Индонезии и ряда других колоний и полуколониальных стран. В одном лишь Китае, по данным социально-экономического отдела Профинтерна, миллионы людей лишились работы, целые провинции вымирали от голода. Оценивая в целом общее состояние безработицы в капиталистическом мире зимой 1929/30 г., социально-экономический отдел Профинтерна отмечал: «Не менее 20 миллионов человек лишены работы и заработка. Если принять во внимание их семьи, не менее 70 миллионов обречены на нищету, зачастую на подлинное полуголодание и вымирание» [21].

Рассмотрим положение в отдельных капиталистических странах.

---

[18] *П. Фигурнов.* Указ. статья, стр. 103.

[19] ЦГАОР СССР, ф. 5462, оп. 12, д. 216, л. 27.

[20] Социально-экономический отдел Профинтерна сообщил, что приведенные им данные основаны на материалах правительственной и профсоюзной статистики, не учитывающей неорганизованные слои пролетариата, которые охватывались безработицей значительно сильнее, чем члены профсоюзов. Кроме того, почти во всех странах не принимались во внимание безработные сельскохозяйственные рабочие. См. сводку № 1 социально-экономического отдела Профинтерна «О мировой безработице и движении безработных» (ЦГАОР СССР, ф. 5462, оп. 12, д. 216, л. 27).

[21] Там же, л. 28.

В США, по сведениям Лиги безработных, число лиц, полностью не имевших работу на апрель 1930 г., достигло 6,6 млн. человек, а по данным, полученным в результате выборочной переписи, их численность составляла 7 млн. человек [22]. Таким образом, в течение трех первых месяцев 1930 г. число безработных увеличилось на 2 млн. человек. По данным Американской федерации труда (АФТ), доля безработных среди членов профсоюзов, примыкавших к АФТ, равнялась 19—20% (в январе 1929 г.—13%), а в некоторых профсоюзах процент безработных доходил до 38 (строители, железнодорожники). В конце февраля 1930 г. 22% всех рабочих, примыкавших к АФТ, не имели работу. Среди них было 40% строителей — членов профсоюза (в январе 38%), 18% металлургов (в январе — 15%) [23]. Но и эти весьма высокие показатели были преуменьшены. Заведующий агентством по найму рабочей силы в Нью-Йорке прямо заявил, что названная цифра о числе безработных в этом городе (250 тыс. человек) «до смешного низка». По его словам, «ему лично известно, что в Нью-Йорке не имели работу 250 тыс. только членов профсоюзов» [24]. Это заявление имело под собой реальную почву, так как в действительности, по данным конференции безработных, в марте 1930 г. в Нью-Йорке не имели работы 500 тыс. человек, у строителей удельный вес безработных составлял 30%, у швейников — 75% и т. д.[25] Американские газеты летом 1930 г. писали о 7—9 млн. безработных в США. Даже губернатор штата Нью-Йорк Рузвельт называл цифру в 7,8 млн. человек [26]. Таково было положение в самой богатой капиталистической стране. Не лучше обстояли дела и в других государствах.

По данным английских бирж труда, значительно заниженных, в конце марта 1930 г. в стране было зарегистрировано 1,7 млн. безработных. 27 января 1930 г. на учете бирж труда состояло 1534 тыс. безработных, 24 февраля —1582 тыс., 17 марта —1622 тыс., 31 марта — 1731 тыс. человек. Таким образом, с конца января по начало апреля число зарегистрированных безработных увеличилось на 200 тыс. человек, в то время как за тот же период 1929 г. оно уменьшилось на 300 тыс. 14 апреля 1930 г. в Англии было официально зарегистрировано на 507 тыс. безработных больше, чем на то же число 1929 г.[27] Для сравнения укажем, что в СССР за это время (с апреля 1929 по апрель 1930 г.) произошло сокращение числа безработных более чем на 700 тыс. человек [28].

---

[22] Там же, л. 89.
[23] ЦГАОР СССР, ф. 5462, оп. 12, д. 216, лл. 50, 58.
[24] *Б. Дэнн.* Экономический кризис в США и задачи Лиги профсоюзного единства после V конгресса Профинтерна.— «Красный Интернационал профсоюзов», 1930, № 9-10, стр. 23.
[25] ЦГАОР СССР, ф. 5462, оп. 12, д. 216, л. 13.
[26] «Красный Интернационал профсоюзов», 1930, № 9-10, стр. 22—23.
[27] ЦГАОР СССР, ф. 5462, оп. 12, д. 216, лл. 80—81.
[28] «Труд в СССР. 1926—1930». Справочник. М., 1930, стр. 36; ЦГАОР СССР, ф. 5515, оп. 15, д. 188, лл. 10, 23.

В Германии, по официальным данным, армия безработных увеличивалась ежедневно (данные за январь 1930 г.) в среднем на 20 тыс. человек. Даже буржуазная газета «Форвартс» вынуждена была признать, что безработица приняла необычайные размеры. Безработица охватила четвертую часть пролетариата Германии, в некоторых городах закрылись почти все предприятия. В течение всего одного месяца (февраль 1930 г.) число лиц, зарегистрированных биржами труда, увеличилось почти на 240 тыс. (с 3128 тыс. до 3366 тыс.). Среди членов профсоюзов процент безработных возрос в феврале 1930 г. до 23,7%, против 11% в октябре 1929 г.[29] По официальным данным, среднее число искавших работу и зарегистрированных на биржах труда (на 100 свободных мест) было: в сентябре 1929 г.—357, в октябре — 422, в ноябре — 615, в декабре — 890 человек[30]. В это время в СССР спрос на труд стал превышать его предложения.

Сведения о растущих масштабах безработицы поступали и из других стран капиталистического мира. В сводках социально-экономического отдела Профинтерна имеются данные по Австрии, Венгрии, Чехословакии, Польше, Италии, Японии, странам Азии, Латинской Америки и др. И везде огромный рост безработицы. Вот, к примеру, сообщение сводки от 25 марта 1930 г.: «Кризис в Китае быстро расширяется не только в промышленных и торговых центрах, но и в деревне... 30 млн., преимущественно в северо-западных и северных провинциях, лишены всяких средств существования»[31]. Массовая безработица распространилась и в странах Латинской Америки. Только на банановых плантациях Южной и Центральной Америки в течение 1929 г. работы лишились 1,5 млн. человек[32]. Аналогичные сведения поступали со всех континентов, из всех стран мира. Таковы были социальные последствия мирового экономического кризиса уже в самом его начале.

Во второй половине 1930 г., когда в СССР бурно проходил процесс сокращения безработицы, в странах капитала резервная армия труда продолжала расти невиданными темпами. К концу 1930 г. в капиталистическом мире насчитывалось 25—30 млн. безработных. По данным социально-экономического отдела Профинтерна, на октябрь 1930 г. в США было 9 млн. безработных, в Германии — 4,5 млн., в Англии — 4 млн., в Италии — 1 млн. и т. д.[33]

В последующие годы кризиса резервная армия труда достигла невиданных ранее размеров. По неполным данным Международного бюро труда при Лиге Наций, количество безработных в капиталистических странах (без Китая, Индии, Индонезии, Кореи и других восточных стран) в 1932 г. превысило 30 млн. человек.

---

[29] ЦГАОР СССР, ф. 5462, оп. 12, д. 216, лл. 35, 78.
[30] Там же, л. 33.
[31] Там же, л. 58.
[32] Там же, л. 75.
[33] «Правда», 7 ноября 1930 г.

К концу 1932 г. в США, по официальным данным (данные Американской федерации труда), число безработных достигло 12 млн. человек. Официальная статистика Англии зафиксировала в 1932 г. 2,8 млн., Германии — 5,5 млн. безработных [34]. Свыше 1 млн. безработных было в Италии, до 0,5 млн. человек не имели работы в таких небольших странах, как Чехословакия и Австрия, сотни тысяч безработных насчитывались в других капиталистических странах. В США толпы безработных бродили по улицам в поисках работы. К концу 1932 г. вместе с членами семей безработные и полубезработные составили половину всего населения США. К началу 1933 г. число полностью безработных исчислялось в США в 15—17 млн.[35]

В Англии в 1932 г. каждый четвертый рабочий оказался безработным [36]. В ряде районов, так называемых «районах депрессии», число безработных было в 2—3 раза больше, чем в среднем по всей Англии. В районах депрессии проходил процесс «обезлюдения». Здесь массовая безработица, достигшая огромных размеров и принявшая хронический характер, гнала трудовое население в другие районы Англии или обрекала на эмиграцию за границу. В официальных докладах, опубликованных государственными органами Англии о положении в «районах депрессии», отмечалось, что «целые города, расположенные в этих районах, практически обезлюдели» [37].

Огромные социальные последствия вызвал мировой экономический кризис в Германии. К концу 1932 г. число безработных достигло 7 млн. человек (по официальным данным 5,5 млн.), процент рабочих, занятых на производстве полную рабочую неделю, упал до 64 [38].

Во Франции, где кризис, как уже отмечалось, начался несколько позднее, число работающих в 1931—1935 гг. сократилось на одну треть. По данным официальной статистики, учитывающей лишь безработных, получавших пособие, в декабре 1932 г. в стране было 277 109 безработных, а к ноябрю 1934 г.—369 435 человек [39]. Фактически же число лиц, лишившихся работы в результате кризиса, достигло в 1934 г. 1,5 млн. человек [40]. Однако следует учесть, что во Франции была необычайно распространена скрытая безработица — миллионы людей были лишь частично заняты на предприя-

---

[34] Эти данные взяты нами из материалов январского (1933 г.) Пленума ЦК ВКП(б). См. «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», т. V. М., 1971, стр. 71.

[35] *В. Пик.* Отчет о деятельности Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала. М., 1935, стр. 21; *У. Фостер.* Очерки мирового профсоюзного движения. М., 1956, стр. 381.

[36] *Е. Варга.* Между VI и VII конгрессами Коминтерна. М., 1935, стр. 92.

[37] *В. Г. Трухановский.* Указ. соч., стр. 176—177.

[38] *В. Д. Кульбакин.* Очерки новейшей истории Германии. М., 1962, стр. 286.

[39] «Очерки рабочего движения во Франции (1917—1967)». М., 1968, стр. 94.

[40] *М. Торез.* Современная Франция и народный фронт. М., 1937, стр. 8—9.

Таблица 24

Полностью безработные в промышленности капиталистических стран в 1929—1933 гг. (официальные данные), в %*

Страна	1929 г.	1930 г.	1931 г.	1932 г.	1933 г.
Германия (безработные среди членов профсоюзов)	13,2	22,2	34,3	43,8	44,7
Австрия (безработные, получившие пособия)	12,8	16,2	20,2	27,2	31,3
Бельгия	1,3	3,6	10,9	19,0	17,0
Дания	15,5	13,7	17,9	31,7	28,8
Канада	5,7	11,1	16,8	22,0	22,3
США (безработные среди членов профсоюзов)	12,0	21,0	26,0	32,0	31,0
Норвегия	15,4	16,4	22,3	30,8	33,4
Голландия (безработные среди застрахованных рабочих)	7,5	9,7	18,7	29,9	31,4
Англия (только длительные безработные)	8,2	11,8	16,7	17,6	16,4
Англия (включая временно безработных)	11,8	16,8	23,1	25,5	23,2

* *Е. Варга.* Между VI и VII конгрессами Коминтерна, стр. 92.

тиях. В 1933 г. не полностью занятые на производстве составляли примерно 62% всех работающих [41].

Миллионы безработных были во всех крупнейших империалистических монополиях. Даже официальная статистика не могла скрыть того факта, что с каждым годом кризиса армия безработных росла небывалыми ранее темпами. Обратимся к материалам табл. 24.

Из таблицы видно, что с 1929 по 1933 г. происходил интенсивный рост безработицы. Если в 1929 г. работу не имел в среднем каждый 10-й рабочий, то в 1930 г.— каждый 8-й, 1931 г.— каждый 5-й, в 1932 г.— 4-й, в 1933 г.— 3—4-й рабочий. Лишь в 1934 г. наметилась тенденция к падению безработицы, хотя в таких странах, как Бельгия, Норвегия и другие, она еще продолжала возрастать. Так, в Бельгии количество полностью безработных за первые 6 месяцев 1934 г. возросло до 19% (в 1933 г. их было 17%), в Норвегии — до 37,3% (в 1933 г.—33,4%) [42].

Даже эти приведенные в таблице значительно заниженные цифры официальной статистики рисуют тяжелую картину капиталистического мира на рубеже 20—30-х годов. Однако на самом деле число безработных было намного больше. Кроме того, данные табл. 24 показывают лишь динамику полной безработицы. В годы же экономического кризиса миллионы людей были частично без-

[41] «Очерки рабочего движения во Франции», стр. 94.
[42] *Е. Варга.* Указ. соч., стр. 92.

работными. Можно без преувеличения сказать, что в 1929—1933 гг. весь рабочий класс стран капитала почувствовал тяжелейшие удары безработицы — в каждой семье были безработные или полубезработные.

Катастрофическими были последствия кризиса в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Их зависимость от крупнейших империалистических монополий, стремившихся все тяготы кризиса переложить на плечи своих младших партнеров, привела к резкому ухудшению положения трудящихся этих стран. В Польше аграрный кризис, подорвавший всю экономику, породил даже по официальным данным миллионы «лишних рук». В Чехословакии в результате закрытия тысяч предприятий лишились работы более миллиона человек. В Венгрии около 60% промышленных и сельскохозяйственных рабочих не имели работы [43]. Столь же тяжелы были последствия кризиса в Румынии, Болгарии и Югославии.

В еще худшем положении оказались колониальные и зависимые страны Азии, Африки и Латинской Америки. Даже в такой крупной капиталистической стране, как Япония, безработица приняла невиданные размеры. Японские буржуазные авторы, признавая исключительные размеры этой безработицы, опровергали данные официальной статистики. Один из них писал: «Количество безработных, по данным социального бюро министерства внутренних дел, на январь 1931 г. поднялось до 370 тыс., однако экономические журналы считают действительное число безработных от 1320 тыс. до 2 млн. человек, и некоторые журналы насчитывают до 2500 тыс. человек» [44]. На самом деле численность безработных достигла 3 млн. человек [45]. В Индии число безработных за годы кризиса превысило 400 тыс. человек. Это по данным официальной статистики. На самом деле в городах и деревнях Индии было в то время 40 млн. полностью и частично безработных [46]. Миллионы безработных имелись в Китае и Индонезии. В странах Латинской Америки, где в основном хозяйничали монополисты США, промышленность была почти полностью парализована, огромные массивы плодородной земли не обрабатывались. В годы кризиса число безработных в промышленности и сельском хозяйстве составило 5—7 млн. человек. Особенно тяжелое положение сложилось в Бразилии, где насчитывалось более 2 млн. безработных [47].

В годы мирового экономического кризиса безработица, этот страшный бич народа, поразила все континенты, все страны, все слои трудящихся. На рубеже 20—30-х годов не было в капиталистическом мире ни одной трудовой семьи, не познавшей тягот безработицы.

---

[43] «Всемирная история», т. IX, стр. 211—215.
[44] «Очерки новейшей истории Японии», стр. 118.
[45] Там же, стр. 118.
[46] «Всемирная история», т. IX, стр. 255; «История международного рабочего и национально-освободительного движения», ч. II, стр. 476.
[47] «Всемирная история», т IX, стр. 271—272.

Именно в это время Советский Союз, первая страна диктатуры пролетариата, объявил о полной ликвидации безработицы в СССР. Это известие вызвало целую бурю страстей в капиталистическом мире. Нарком труда СССР А. М. Цихон, выступая на 3-й сессии ЦИК СССР 8 января 1931 г., сказал: «Когда стало известно, что успехи социалистического строительства привели к ликвидации безработицы в Советском Союзе, буржуазная печать положительно завыла, выдумывая небылицы о Советском Союзе»[48].

Буржуазные идеологи пытались доказать, что в СССР безработица осталась в скрытом виде, а заявление Советского правительства о ее ликвидации является лишь пропагандистским маневром. Однако, не имея возможности скрыть факт огромного роста рабочей силы в СССР, они начали писать о принудительном труде в СССР. Недостаток рабочих рук якобы привел Советское правительство к необходимости ввести принудительный труд на фабриках, заводах, стройках, рудниках. Ложь буржуазных журналистов не знала предела: они писали о 12-часовом рабочем дне на советских предприятиях, о негласном законе, обязывавшем всех без исключения людей, в том числе стариков, женщин и детей, трудиться в обязательном порядке. Даже самоотверженный героический труд ударников они объявили принудительным трудом.

Буржуазная пропаганда иногда достигала цели. За рубежом многие, в том числе и честные люди, поверили, что в СССР существует принудительный труд. Однажды в Ленинградском порту произошел такой случай. В порт прибыл американский пароход, доставивший в Советский Союз импортное оборудование для Горьковского автостроя. Советские грузчики буквально не щадили себя, разгружая пароход. Американские моряки были поражены рекордными сроками разгрузки. Они заговорили о принудительном труде в СССР. Каково же было их удивление, когда они узнали, что пароход разгружали не грузчики, а моряки с легендарного крейсера «Аврора» и рабочие «Красного путиловца»! «У нас принудительного труда нет,— заявили они.— Мы пришли помочь товарищам»[49].

Особенно большое значение в разоблачении клеветы буржуазной печати имели наблюдения и выводы иностранных рабочих делегаций, посетивших Советский Союз в начале 30-х годов. В то время в СССР побывали, несмотря на многочисленные препятствия, тысячи представителей всех континентов мира: рабочие, писатели, журналисты, то, что они затем писали и говорили о Советской стране, было чрезвычайно важно и для СССР и для международного пролетариата. Иностранные делегации, и в первую очередь делегации трудящихся, приезжали в СССР для того, чтобы воочию увидеть достижения первой страны пролетариата.

---

[48] «3-я сессия ЦИК СССР 5 созыва». Стенографический отчет. М., 1931. Бюллетень № 16, стр. 2.

[49] «Горьковский автомобильный. Очерк истории завода». М., 1964, стр. 41.

То, что они видели в Советском Союзе, увеличивало их силы в борьбе с капиталом, являлось мощным революционизирующим фактором. Иностранные делегации особенно интересовались решением проблемы безработицы в СССР. Во всех официальных беседах, а также при посещениях фабрик и заводов они непременно задавали вопрос о состоянии безработицы в Советском Союзе [50].

В ЦГАОР СССР сохранилась стенограмма беседы А. М. Цихона и других руководящих работников Наркомата труда с иностранными делегациями, состоявшейся 5 ноября 1931 г. Отвечая на вопрос «Есть ли в СССР безработные?», нарком привел такие данные: в 1929 г. в Советском Союзе было 12 млн. рабочих и служащих, в 1930 г.— свыше 14 млн., в 1931 г.— почти 18 млн. «За последние годы происходит рост рабочего класса и в связи с этим мы имеем совершенно абсолютную ликвидацию безработицы». И далее: «В 1931 г. во всех отраслях промышленности не хватает рабочих. Мы сейчас принимаем все меры к тому, чтобы вовлечь рабочих из сельских местностей, из деревни в промышленность» [51]. А. М. Цихон сообщил иностранным рабочим, что в 1931 г. вступили в строй или готовились к открытию 518 крупных промышленных предприятий, в том числе такие гиганты, как Сталинградский тракторный завод, Харьковский тракторный, новостройки черной металлургии — Магнитогорский и Кузнецкий комбинаты и многие другие. «У нас, товарищи, безработицы нет,— так закончил свое выступление А. М. Цихон.— У нас не только ликвидирована безработица, но у нас даже есть недостаток в рабочей силе... Вы будете свидетелями того, что у нас нет безработицы» [52]. Иностранные рабочие, побывав на советских фабриках, заводах и стройках, воочию убеждались, что в СССР нет безработицы.

В многочисленных декларациях, выступлениях, письмах рабочих делегаций и отдельных членов этих делегаций всегда подчеркивалась контрастность положения в СССР и в капиталистическом мире: в СССР нет безработицы, в буржуазных странах — миллионы безработных. Американские рабочие, посетившие СССР в ноябре 1931 г., писали: «Приехав из капиталистической Америки, где имеется 12 миллионов безработных и где отсутствует социальное страхование, а также страхование по безработице, мы увидели, что здесь нет безработицы, а наоборот, всюду ощущается нехватка рабочей силы» [53]. Рабочая делегация Франции, приехавшая в Советский Союз на празднование XIV годовщины Ок-

---

[50] См., например, материал о беседе А. М. Цихона с иностранной делегацией от 5 мая 1931 г. Во время беседы А. М. Цихон заявил: «У нас ликвидирована безработица в 1930 г. Мы сейчас ставим задачу максимально вовлечь новых рабочих в производство» (ЦГАОР СССР, ф. 5515, оп. 1, д. 314, л. 100).

[51] Там же, д. 315, л. 1.

[52] Там же, л. 3.

[53] «Гости пролетариата СССР. Декларации, заявления, письма, отчеты иностранных рабочих делегаций, побывавших в СССР». М., 1932, стр. 121.

тября, в своей декларации заявила: «Мы констатировали полное исчезновение безработицы и в противовес этому нехватку рабочей силы». Далее члены делегации писали: «Во Франции имеется миллион зарегистрированных безработных, из которых пособиями — и какими! 8 франков в день на рабочего и 3 франка 50 сантимов на иждивенца! — пользуются только 8 процентов. 3,5 миллиона безработных совсем ничего не получают» [54]. То же отмечала и германская делегация: в СССР нет безработицы — в Германии миллионы людей не имеют работы. Даже состав делегации наглядно отражал то положение, которое создалось в Германии в итоге всеобщего экономического кризиса. Из 143 человек, представлявших рабочую Германию на юбилейных октябрьских торжествах в ноябре 1930 г., 109 человек были безработными. Гости из Германии были особенно поражены тем, что в СССР полностью решена проблема с женской безработицей. Все женщины, желающие трудиться, обеспечивались работой на предприятиях и в учреждениях. Отсутствие безработицы в СССР отмечали делегации Англии, Швеции, Польши, Австрии, Бельгии и других стран [55]. В решении проблемы безработицы в СССР они видели одно из коренных достижений Советской страны, вставшей на путь строительства социализма, огромное преимущество социалистической системы перед капиталистической.

В 1931 г. в Советский Союз на празднование XIV годовщины Октября прибыли рабочие делегации капиталистических стран. Побывав на многих фабриках и заводах страны, познакомившись с новостройками Урала, Донбасса, Азербайджана и Средней Азии, члены этой многочисленной делегации составили октябрьскую декларацию, в которой, в частности, писали: «С великой радостью мы можем констатировать полную ликвидацию безработицы в Советском Союзе. Один этот факт сам по себе есть ярчайшее доказательство превосходства планируемого социалистического народного хозяйства над капиталистической анархией» [56].

Том Муни, американский рабочий, незаконно приговоренный юстицией США к пожизненному тюремному заключению, писал советским рабочим: «Из капиталистической тюрьмы, где я заключен уже шестнадцатый год, шлю привет первомайской делегации в Советский Союз (1932 г.— *Л. Р.*). Какое вдохновляющее зрелище должны представлять собою миллионы счастливых рабочих Союза, демонстрирующих перед рабочими всего мира свои превосходные достижения в строительстве нового мира, в уничтожении безработицы, в поднятии жизненного и культурного уровня трудящихся масс» [57].

---

[54] «Гости пролетариата СССР», стр. 137.

[55] Декларации этих делегаций вместе с письмами отдельных делегатов опубликованы в книге «Гости пролетариата СССР».

[56] «Труд», 7 ноября 1931 г.

[57] «Гости пролетариата СССР», стр. 278.

Контрастность положения в СССР и странах капитала в начале 30-х годов отмечали такие выдающиеся писатели и общественные деятели, как Ромен Роллан, Бернхард Келлерман, Анри Барбюс, Бернард Шоу, Уильям Фостер и многие другие. Бернард Шоу писал в 1931 г.: «В России цивилизация шагнула так далеко вперед, что изумленная Европа осталась далеко позади»[58]. О преимуществе социалистического строя, ярко проявившемся в годы всеобщего экономического кризиса, У. Фостер говорил: «Во время глубокого экономического кризиса 1929—1933 годов СССР непрерывно шел вперед, а капиталистический мир, включая Соединенные Штаты, лежал обессиливший в экономическом отношении»[59].

7 ноября 1931 г., в день годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, в первый год отсутствия в СССР безработицы, в «Правде» большими буквами было напечатано:

«Пролетарии! Трудящиеся всех стран! Сегодня на площадях, собраниях, демонстрациях и митингах Вы будете подводить итоги двух систем хозяйствования — капитализма и социализма. Запомните:

В странах капитала	*В стране строящегося социализма*
Десятки миллионов безработных. Углубляющийся мировой кризис. Тысячи банкротств, десятки тысяч закрытых заводов. Растущая нищета, голод, разорение колоний. Подготовка к новым империалистическим бойням.	Мощный рост индустрии. Отсутствие безработицы. Создание крупного механизированного производства на базе совхозов и колхозов. Улучшение материального положения трудящихся. Сплочение трудящихся вокруг большевистской партии и ее ленинского ЦК.

За день до этого Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала в воззвании к рабочим и работницам всех стран подчеркивал: «Советский Союз — единственная страна, в которой нет безработицы. За последние 3 года втянуто в промышленность 5 млн. рабочих — столько, сколько безработных в одной Германии»[60].

Решение проблемы ликвидации безработицы в СССР в то время, когда капиталистический мир был охвачен небывалой до того времени безработицей, было настолько разительно и контрастно, что некоторые иностранцы, видя собственными глазами, что в СССР нет безработных, все же с трудом верили, что такое положение может сохраниться надолго. Беседуя с советскими профсоюзными деятелями и руководящими работниками Наркомата

[58] *Б. Шоу.* Избранное. М., 1953, стр. XXV.
[59] «Международное значение Великой Октябрьской социалистической революции». М., 1957, стр. 126.
[60] «Правда», 6 ноября 1931 г.

труда, они обычно спрашивали: «Какие вырабатываются меры в случае безработицы?» Отвечая на этот вопрос, зам наркома труда И. А. Краваль говорил: «Мы думаем, что с этим делом покончили навсегда, безработица никогда не вернется, и поэтому никаких мер по обеспечению безработицы не разрабатываем, ибо перед нами стоит большая задача, как нам еще в будущем году (1932 г.— *Л. Р.*) выискать почти 3 млн. человек, которые необходимо вовлечь в производство, и нам нечего бояться безработицы»[61].

Да, в Советской стране с безработицей было покончено навсегда. Гарантией тому было успешное строительство социализма в СССР. Марксистско-ленинская теория научно доказала и обосновала возможность ликвидации безработицы в социалистическом обществе. Социалистическое строительство в СССР на практике подтвердило правильность этого гениального вывода Маркса и Ленина. Ликвидация безработицы в Советской стране вновь показала огромные преимущества социализма перед капитализмом. Этот факт невозможно было игнорировать, и люди всей планеты, восхищаясь достижениями первой страны социализма, все более и более убеждались в огромных преимуществах социалистического строя перед капиталистическим. Опыт первого государства трудящихся в решении проблемы полной и окончательной ликвидации безработицы стал достоянием пролетариата всего мира. В этом его огромное международное значение.

Резкое ухудшение положения пролетариата капиталистических стран. Влияние ликвидации безработицы в СССР на рост международного рабочего движения

Мировой экономический кризис и связанная с ним массовая безработица привели к резкому падению жизненного уровня пролетариата. Положение безработных было буквально катастрофическим. Многие не имели работы по три-четыре года, а пособия по безработице выдавались далеко не во всех странах и лишь незначительному кругу людей. Предприниматели, профсоюзы и государственные власти любыми средствами стремились снять с себя заботу о безработных. В годы кризиса во многих странах были значительно урезаны пособия по безработице. В Германии, например, в 1929 г. был принят закон о социальном страховании, снизивший для рабочих пособия на 75% и уменьшивший расходы буржуазии на социальное страхование в сумме 100 млн. марок. В следующем году эта антирабочая политика продолжалась: германское правительство утвердило новый закон о страховании, по которому дотация предпринимателей уменьшалась по сравнению с 1929 г. на 107 млн. марок, государственная дотация — с 556 до 410 млн. марок[62].

[61] ЦГАОР СССР, ф. 5515, оп. 1, д. 315, л. 24.
[62] *В. Д. Кульбакин.* Указ. соч., стр. 286.

В Англии новый закон о страховании, принятый в августе 1931 г., являлся ярким свидетельством стремления правительства перенести удары мирового экономического кризиса на плечи рабочего. Несмотря на заявление министра финансов Сноудена, сделанное им на заседании палаты общин в начале 1931 г., о том, что из-за тяжелого финансового положения в стране для сбалансирования бюджета потребуются неприятные жертвы со стороны всех слоев населения, новый закон ударил прежде всего по безработным. Он предусматривал лишение пособий по безработице замужних женщин, сезонных рабочих, рабочих, занятых неполный день, людей, работающих с перерывами, а также некоторых других категорий безработных. Проведение этого закона в жизнь, по расчетам правительства, давало экономию на пособия безработным в 5 млн. фунтов стерлингов [63]. В результате пособия сократились до такой степени, что жить на них было почти невозможно. Медицинская ассоциация Англии вынуждена была признать, что пособия по безработице и помощь попечительств о бедных совершенно недостаточны, чтобы гарантировать безработных от голодной смерти. Во время судебного расследования в Лондоне всех обстоятельств, приведших к смерти от голода жены безработного Вивинга, было установлено, что вся его семья, состоявшая из 9 человек, существовала на 2 фунта 8 шилл. пособия в неделю. Выступивший в ходе расследования майор Уайт Хаус заявил: «Я бы назвал питание 9 человек на 2 ф. 8 шилл. в неделю при условии оплаты из этой суммы квартиры медленным умиранием от голода» [64].

Безработные были буквально на грани смерти и полнейшего отчаяния. Вот что писал 26 октября 1932 г. английский безработный Э. Арскот советским рабочим: «Мне 53 года. У меня семья: старшему сыну 29 лет, младшему 14. Сейчас мы живем втроем: я, жена и младший сын. Я был всю жизнь горнорабочим, по крайней мере до забастовки горняков, вспыхнувшей в 1921 г. Я был секретарем местной организации горнорабочих. После этой забастовки я уже не мог найти нигде работы... После 1921 г. я лишь от времени до времени получал случайную работу в различных местах, а с 1926 г. я окончательно превратился в безработного. Сын поехал искать счастья в Австралии, где он все время ведет голодную жизнь... В прошлом году меня сняли на бирже труда с пособия, и с тех пор я вынужден обращаться за помощью в попечительство о бедных...» [65]

Ежегодное снижение пособий по безработице можно проследить на примере Германии. Здесь пенсии по безработице составляли: в 1928 г.—78,5 марок, в 1930 г.—75 марок, в 1931 г.—58, в 1932 г.—49 марок. Пособия по безработице выдавались

---

[63] *В. Г. Трухановский.* Указ. соч., стр. 187.
[64] *А. Хатт.* Положение рабочего класса в Англии. М., 1934, стр. 139.
[65] «Правда», 7 ноября 1932 г.

всего лишь в течение 20 недель, а потом людям, не имевшим работы, выплачивались «кризисные» суммы в следующих размерах: в 1928 г.— 59 марок, в 1930 г.— 56, в 1931 г.— 44, в 1932 г.— 35,7 марки. «Кризисное» пособие выдавалось в течение 30 недель. Итак, безработные получали дотации менее одного года, а ведь многие из них не могли устроиться на работу во время всего кризисного периода. Кроме того, далеко не все безработные получали пенсии. В Германии, например, из 6 млн. безработных, официально зарегистрированных в 1932 г., пособия по безработице выплачивались лишь 1778 тыс., сокращенные «кризисные» суммы получали 1547 тыс. человек, а 1629 тыс. выдавались грошевые пособия по бедности. Даже по этим официальным данным получалось, что около 1,5 млн. немецких безработных ничего не получали [66].

Корреспондент «Правды», побывавший на квартире берлинского безработного Вальтера П., оставшегося без работы еще в 1929 г., рассказывал, что последний получал от попечительства о бедных на себя и на свою семью, состоящую из 7 человек (5 детей в возрасте от 2 до 13 лет), лишь 50 марок в месяц. В 1932 г. пособие было сокращено до 42,5 марок, из них 26 марок уходило на оплату квартиры, отопления, газа и пр. На жизнь оставалось всего 16,5 марок, т. е. около 8 пфеннигов (4 коп.) на человека в день. Жена рабочего, которой было около 30 лет (а выглядела она на все 50), обливаясь слезами, рассказывала советскому журналисту: «За это время я потеряла 35 фунтов, мой муж — около 15. Голод и забота о детях нас буквально убивают. Дети не видят ни капли молока, и мы рады, когда бывает хлеб. Живем одним картофелем и лишь в редких случаях можем себе позволить немного конины... Дети одеты в лохмотья, а когда эти лохмотья сгниют, они будут совсем голые» [67].

Голод, нищета, болезни, преждевременная смерть сопутствовали кризису и массовой безработице. Даже в буржуазных газетах непрерывно печатались сообщения об участившихся случаях самоубийств, безработные выбрасывались из окон небоскребов, бросались под поезда, вешались, травились газом.

Нищенствование, бродяжничество стали нормой любого города капиталистического мира. В бедных кварталах на тротуарах валялась жалкая мебель и вещи семей, выброшенные из квартир за неуплату. Сотни тысяч людей, лишившись жилищ, ютились в жалких хижинах на окраинах промышленных центров, а нередко ночевали прямо на улицах и в парках. В США на окраинах городов возникли целые лагеря из лачуг, получившие название «гуверовских городков» («гувервилс») [68]. В США положение безработных

---

[66] «Красный Интернационал профсоюзов», 1932, № 10, стр. 13—14.
[67] «Правда», 6 ноября 1932 г.
[68] «Гувер-вилламн» они назывались по имени президента Гувера, при котором начался мировой экономический кризис.

было особенно тяжелым. При отсутствии закона о социальном страховании безработные были лишены всяких средств к существованию. Очевидцы описывали страшные картины жизни города Нью-Йорка, где число безработных перевалило за 1,5 млн.: «По улицам Нью-Йорка каждые 10—20 шагов попадались небритые, оборванные фигуры, которые с жалким видом протягивали руки и шептали: «Я голоден... Десять центов на хлеб»»[69]. Положение безработных было столь угрожающим, что даже журналист консервативной нью-йоркской газеты вынужден был констатировать: «Вдоль доков и железнодорожных станций, на окраинах и у ворот домов густо населенных районов без дела шатающиеся люди ворчат и проклинают мир, который отказывает им в возможности тяжело работать за кусок хлеба. Все чаще и чаще на тротуарах прохожие задерживаются молодыми людьми, нередко здоровыми и с ясными глазами, просящими подаяние. Агенты по найму рабочей силы окружены толпой людей столь многочисленной, что полиция должна вмешиваться для сохранения порядка. Это обычная картина, которую в эту зиму (1932 г.— *Л. Р.*) можно наблюдать в любом городе США»[70]. В тяжелейшем положении оказались рабочие-негры. Их в первую очередь увольняли с промышленных предприятий, никаких пособий они не получали. В стране усилилась расовая дискриминация, акты открытого террора, линчевания стали нередким явлением.

Проблема массовой безработицы, нищенское существование на грани голодной смерти миллионов человек стала коренной проблемой капиталистического мира. Английский либерал Харрис писал в начале 30-х годов: «Безработица заслонила все другие проблемы... Она становится настоящим кошмаром для каждого рабочего»[71].

Рост безработицы сопровождался резким ухудшением положения всего пролетариата. Стремясь переложить все тяжести мирового экономического кризиса на плечи трудящихся, капитал чрезвычайно усилил эксплуатацию рабочего класса. Наступление на жизненный уровень шло со всех сторон: массовые увольнения, падение заработной платы, ухудшение условий труда, повышение платы за квартиру, увеличение цен на промышленные и продовольственные товары и т. д.

Годы мирового экономического кризиса еще раз подтвердили правильность вывода теоретиков марксизма о влиянии безработицы на заработную плату. В работе «Анти-Дюринг» Ф. Энгельс писал о промышленной резервной армии: «Эта армия, постоянно висящая свинцовой гирей на ногах рабочего класса в борьбе за существование между ним и капиталом, служит регулятором заработной платы, удерживая ее на низком уровне, соответственно

---

[69] Из сообщений нью-йорских газет. См. «Правда», 7 ноября 1932 г.
[70] *В. Лан.* Указ. соч., стр. 294.
[71] *В. Г. Трухановский.* Указ. соч., стр. 184.

потребности капитала»[72]. В Англии заработная плата шерстянникам была понижена на 15—18% еще в 1929 г. Весной 1931 г. предприниматели объявили о сокращении зарплаты машиностроителям, сельскохозяйственным рабочим, красильщикам, гончарам и др. В два раза была снижена заработная плата докерам[73]. В Германии только за первые три года кризиса реальная заработная плата упала более чем на одну треть, номинальная же зарплата сократилась в 2 раза: в 1929 г. немецкий рабочий в среднем получал 42 марки в неделю, в 1932 г.— 21 марку, тогда как ориентировочный прожиточный минимум составлял 38 марок. В США рост безработицы позволил предпринимателям снизить заработную плату в среднем почти вдвое[74]. В Италии в годы кризиса заработная плата рабочих тяжелой промышленности уменьшилась на 50%. Кроме того, увеличились различные штрафы и другие поборы. Во Франции общая сумма заработной платы рабочих добывающей промышленности сократилась на 38%. В Чехословакии на 30% уменьшились заработки шахтеров[75]. В Японии в основных отраслях промышленности заработная плата сократилась на 25—45%. Даже по официальным данным индекс средней заработной платы уже в начале кризиса упал ниже кризисного 1921 г. и оставался на этом уровне (с незначительными колебаниями) в течение последующих лет[76]. Столь же значительно уменьшилась заработная плата и в других капиталистических странах, и в еще больших размерах — в колониях и зависимых государствах.

Используя массовую безработицу, предприниматели в годы экономического кризиса стремились усилить интенсификацию труда. Так, в Англии летом 1930 г. владельцы ткацких предприятий заявили о переходе ткачей на обслуживание 8 станков вместо 4[77]. Поскольку в ткацком производстве никаких технических усовершенствований не проводилось, это означало рост интенсификации труда в два раза. К подобным же маневрам прибегли шахтовладельцы в Германии, монополисты США и др. Особенно усилилась интенсификация труда в колониях. Те, кто оставался на предприятиях, готовы были буквально за кусок хлеба работать с неимоверным напряжением по 10—14 часов в сутки.

Среди различных способов ограбления рабочих в годы мирового экономического кризиса большое распространение получило сокращение сумм на социальное страхование по всем статьям. В Германии, например, правительство, широко используя 48 статью Конституции, разрешавшую президенту в ряде случаев изда-

---

[72] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 285.
[73] *В. Г. Трухановский*. Указ. соч., стр. 182.
[74] *У. Фостер*. Указ. соч., стр. 381; «Проблемы безработицы в период общего кризиса капитализма». М., 1963, стр. 329; «Всемирная история», т. IX, стр. 178.
[75] «Всемирная история», т. IX, стр. 203, 207, 214.
[76] Там же, стр. 182; «Очерки новейшей истории Японии», стр. 117.
[77] *В. Г. Трухановский*. Указ. соч., стр. 183.

вать чрезвычайные декреты, резко сократило не только пособия по безработице, но и пенсии престарелым, инвалидам труда и войны[78]. Во Франции буржуазное правительство, пытаясь выйти из экономического кризиса, резко уменьшило фонды на социальное страхование, пособия и пенсии, значительно повысило налоги.

Используя все новые и новые методы выкачивания народных средств, буржуазные правительства проводили через муниципалитеты законы о повышении цен за коммунальные услуги. В Германии уже в начале кризиса были увеличены цены на воду (на 33,3%), электроэнергию (на 25%), газ (на 12,5%), была повышена плата за проезд на городском транспорте на 25% и т. д.[79] Повышение тарифов на транспорт, жилье, газ, воду, электричество проводилось во всех капиталистических странах. Если к этому добавить, что в годы экономического кризиса значительно повысились цены на промышленные и продовольственные товары, то картина бедственного положения мирового пролетариата в 1929—1933 гг. станет еще более рельефной. О чрезвычайно тяжелом положении рабочего класса в те годы писали многие. Американский писатель Теодор Драйзер, посетивший горняцкие районы в 1931 г., отмечал, что он «увидел там невообразимую нищету»[80].

Ужасающие картины народного бедствия, вызванные мировым экономическим кризисом и связанной с ним массовой безработицей, производили потрясающее впечатление. Советские люди, привыкшие к трудностям и лишениям (империалистическая и гражданская война дорого стоили нашему народу), были поражены тем, что им довелось увидеть на капиталистическом Западе. Впервые советские рабочие увидели своими глазами последствия мирового экономического кризиса во время путешествия вокруг Европы, совершенного лучшими ударниками страны на теплоходе «Абхазия» в ноябре 1930 г. По прибытии в Германию, проходя через Кильский канал в Гамбург, они обратили внимание на безлюдность порта. Большинство мощных, первоклассных кранов этого крупнейшего торгового и промышленного центра Европы не работало. Необычайная пустота царила повсюду: в рабочих кварталах, магазинах, мелких лавочках. Зато по улицам Гамбурга скитались толпы голодных, измученных людей. Тяжело переживал экономический кризис и Неаполь, куда после Гамбурга приехали ударники. Порт пустовал, в магазинах не было покупателей, остановились фабрики и заводы. На Неаполитанской мануфактуре, которую посетили ударники, вместо 10 тыс. человек работали лишь 5 тыс., остальные были уволены в результате экономического кризиса. В недалеком будущем ожидалось новое сокращение рабочих, так как склады были завалены готовым товаром, не находившим сбыта. С жуткими картинами безработицы столкнулись наши ударни-

[78] «Всемирная история», т. IX, стр. 189.
[79] *В. Д. Кульбакин.* Указ. соч., стр. 286.
[80] «Всемирная история», т. IX, стр. 180.

ки в Турции. На одной из улиц Стамбула они увидели такую сцену: на коленях стоял человек и на разложенной перед ним на земле дерюжке что-то сортировал. Оказалось, что этот безработный-грузчик только что перенес три ящика кур и за работу ему заплатили двумя совками мусора, который он и разбирал. Особенно острое впечатление оставило посещение рабочих кварталов. Рабочий московского завода АМО А. П. Салов рассказывал: «Сначала мы верить не хотели, что здесь живут рабочие. Дома дряхлые, вот-вот развалятся. Страшная вонь, перемешанная с запахом карболки. Солнце в эти ущелья не проникает никогда»[81]. Это в Гамбурге. А вот впечатления старой работницы из Иваново-Вознесенска о рабочих кварталах Неаполя: «Я убедилась в трущобах Неаполя, какую нужду переносят рабочие в капиталистических странах»[82]. В Турции дела обстояли еще хуже. Тысячи бездомных людей ночевали прямо на улицах. Оборванные, грязные мужчины, женщины и дети спали вповалку на тротуарах, лестницах, под заборами[83].

Вопрос о массовой безработице и резком ухудшении положения пролетариата в связи с мировым экономическим кризисом широко обсуждался на V Международном конгрессе Профинтерна, проходившем 15—30 августа 1930 г. Многие делегаты рассказывали о последствиях мирового экономического кризиса в своих странах. Выяснилось, что в 66 государствах из 77, представленных на конгрессе, не было социального страхования по безработице (в числе этих стран находились США и Япония). По этому поводу конгресс в резолюции «О социальном страховании» записал: «В настоящий момент, когда безработица во всех странах приняла громадные размеры, когда капитал ведет усиленное наступление на жизненный уровень рабочего класса, в том числе и на социальное страхование, пролетариат особенно сильно ощущает свою необеспеченность в случае безработицы, болезни, инвалидности»[84]. Каждое из выступлений делегатов конгресса дополняло друг друга, рисуя огромное полотно бедственного положения пролетариата. Уже в самом начале кризиса, даже по официальным данным, за 6 месяцев 1930 г. реальные доходы рабочего класса Германии снизились на 12%, Англии — на 19% (в угольной промышленности), США — на 18%, Италии — на 10%, Японии — на 20—40%[85].

На фоне этих выступлений особенно контрастно прозвучал доклад Н. М. Шверника «Роль профсоюзов СССР в социалистическом

---

[81] «Корабль ударников. Сборник очерков участников 1-й заграничной экскурсии рабочих-ударников на теплоходе «Абхазия». Л., 1931, стр. 63.

[82] *Ю. Кулышев, Л. Рогачевская.* Первые ударные. М., 1961, стр. 121.

[83] Подробнее о впечатлениях ударников см.: «Первый рейс. Из дневников участников 1-й заграничной экскурсии премированных ударников СССР». М., 1931, и «Корабль ударников».

[84] «Пятый конгресс Профинтерна. 15—30 августа 1930 г.». Стенографический отчет. Резолюции и постановления. М., 1930, стр. 705.

[85] Там же, стр. 622.

строительстве». Председатель ВЦСПС подробно познакомил делегатов с положением рабочего класса в Советском Союзе. Он привел цифры о росте благосостояния советских рабочих: реальная заработная плата выросла за годы Советской власти на 167%, более 75% рабочих было переведено на 7-часовой рабочий день (в ближайшие два года переход на сокращенный рабочий день должен был быть завершен), бюджет социального страхования вырос с 980 млн. руб. в 1927 г. до 1400 млн. руб. в 1929/30 г. На пособия по временной нетрудоспособности за последние два года было израсходовано 647 млн. руб., а в 1930/31 г. ассигнуется 440 млн. руб.[86] Особенно внимательно слушали делегаты сообщение о борьбе с безработицей в Советской стране. Н. М. Шверник подробно изложил данные Наркомата труда СССР, свидетельствующие о том, что в Советском Союзе вплотную подошли к полной ликвидации безработицы[87]. Это заявление председателя советских профсоюзов вызвало бурю аплодисментов и нашло отражение в резолюции конгресса: «СССР вступил в полосу быстрейшей ликвидации безработицы,— подчеркивалось в резолюции,— представляя собою единственную страну в мире, где ощущается недостаток квалифицированных рабочих и где поэтому главной заботой является подготовка рабочей силы для бурно развивающегося строительства. *Здесь контраст между страной строящегося социализма и миром капитализма выступает ярче всего»* (курсив мой.— *Л. Р.*)[88].

На конгрессе делегаты еще раз убедились в преимуществах социалистического бескризисного хозяйства перед капиталистической системой. Сравнивая свое положение с положением рабочего класса СССР, пролетариат всего мира на практике осознавал правоту марксистско-ленинской теории о невозможности ликвидировать безработицу в капиталистическом обществе. Разительные результаты борьбы с безработицей в СССР, о которых говорилось на Пятом международном конгрессе Профинтерна, усиливали авторитет Советского государства, укрепляли солидарность пролетариата всего мира, способствовали росту международного рабочего движения.

В годы мирового экономического кризиса значительно возросло число стачек и забастовок. В США в 1930 г. бастовали 157 тыс. рабочих, в 1931 г.— 337 тыс., в 1933 г.— более 1 млн.[89] Особенно организованно прошла забастовка горняков в штатах Пенсильвания, Огайо и Западная Виргиния, состоявшаяся в середине 1931 г. под лозунгом: «Бастуй против голодной смерти!» Шахтовладельцы при помощи правительства жестоко расправились с забастовщиками: сотни рабочих были ранены и убиты, тысячи арестованы и пострадали от газов при столкновении с полицией.

[86] Там же, стр. 530—532.
[87] Там же, стр. 529.
[88] Там же, стр. 659.
[89] «Всемирная история», т. IX, стр. 180.

Всего за 1929—1934 гг. общее число участников стачек в США превысило 3,5 млн. человек [90].

Большого накала достигла классовая борьба в Англии. По официальным данным, в 1929 г. бастовало в пять раз больше рабочих, чем в 1927 г. Только за четыре месяца 1930 г. в забастовках участвовало больше рабочих, чем за 1927 и 1928 гг. Во время экономического кризиса каждый год бастовало примерно 0,5 млн. рабочих: в 1929 г.— 533 тыс. чел., в 1930 г.— 308 тыс. и в 1931 г.— 401 тыс. [91] Наиболее крупной стачкой того времени была стачка ланкаширских ткачей в 1931 г. В ней приняли участие 230 тыс. человек [92]. Благодаря сплоченности и организованности рабочие победили. Предпринимателям пришлось отказаться от попытки увеличить интенсификацию труда. В годы экономического кризиса в ответ на наступление капитала на жизненный уровень трудящихся в Англии развернулось движение под лозунгом «Ни пенни за счет рабочих!» Всего с 1930 по 1933 г. произошло 1430 забастовок, в которых участвовали 1260 тыс. человек [93].

Ожесточенные классовые бои велись в Германии, приближавшейся в то время к фашистской диктатуре. В годы экономического кризиса произошло более 2 тыс. забастовок [94]. Уже в первый год кризиса рабочие решительно протестовали против массовых увольнений и снижения заработной платы. Крупнейшими выступлениями 1930 г. были стачки мансфельдских горняков и металлистов Рейнско-Вестфальской области и Берлина. Горнякам удалось добиться некоторых, хотя и незначительных уступок. Снижение зарплаты было произведено на 12,5%, вместо 15%, как объявили ранее хозяева предприятий [95]. Забастовка берлинских металлистов не дала конкретных результатов — зарплата была снижена. Однако ее влияние на дальнейшее развитие революционной борьбы рабочих было огромным, поскольку в этой забастовке, проходившей под руководством Коммунистической партии и революционных профсоюзов, экономические требования переплетались с политическими. Нередко стачки сопровождались баррикадными боями. Так было, например, в Гамбурге, где 1 февраля 1930 г. начался грандиозный голодный поход рабочих, сопровождавшийся однодневной забастовкой, в которой участвовало 60% всех рабочих города. Полиция вступила в уличные бои с демонстрантами [96]. «После 1923 г.,— писала «Правда» по поводу классовых боев пролетариата в первый год кризиса,— еще не было в

[90] «История международного рабочего и национально-освободительного движения», ч. II, стр. 131.
[91] *В. Г. Трухановский.* Указ. соч., стр. 183.
[92] «История международного рабочего и национально-освободительного движения», ч. II, стр. 112.
[93] «Всемирная история», т. IX, стр. 199.
[94] «История международного рабочего и национально-освободительного движения», ч. II, стр. 112.
[95] «Всемирная история», т. IX, стр. 190.
[96] *В. Д. Кульбакин.* Указ. соч., стр. 297.

Германии столь глубокого недовольства, негодования, классовой ненависти к эксплуататорам, которая охватила не только широчайшие слои рабочих, но и городскую мелкую буржуазию и значительные слои трудящихся деревни»[97]. В 1930 г. состоялись крупные выступления сельскохозяйственных рабочих в Восточной Пруссии, Померании и Мекленбурге. В тот год в Германии прошло 366 стачек с участием 244 900 рабочих[98]. В 1931 г. было проведено 500 стачек, из которых самой крупной была январская забастовка горняков Рура, проходившая под руководством Коммунистической партии (в ней приняли участие 350 тыс. человек)[99]. Несмотря на упорное сопротивление шахтеров, угольным магнатам все же удалось сократить заработную плату рабочим. В том же году состоялось около 200 стачек сельскохозяйственных рабочих, которые протестовали против повышения налогов, описей имущества за долги и принудительных распродаж[100].

Во Франции в 1930—1931 гг. в забастовках участвовало более 1,2 млн. человек[101]. Рабочие выступали против снижения заработной платы, повышения косвенных налогов, повышения цен на транспорт, воду, газ, электричество. Наиболее крупными выступлениями были забастовки шахтеров и текстильщиков. Весной 1931 г. в ответ на решение шахтовладельцев снизить зарплату на 10% забастовало 30 тыс. шахтеров Па-де-Кале, Луары и других районов[102]. Рабочие упорно отстаивали свои права: стачечные пикеты не пропускали в шахты штрейкбрехеров, но на помощь шахтовладельцам пришло правительство, в дело была пущена полиция и жандармерия. В результате стачка сорвалась, рабочим не удалось добиться отмены снижения зарплаты. Текстильщики же сумели добиться некоторых результатов. Их стачка, проходившая летом 1931 г. и сопровождавшаяся уличными боями с полицией, благодаря помощи парижских рабочих, развернувших кампанию по сбору средств в фонд бастующих, заставила хозяев предприятий частично отказаться от объявленного уменьшения заработной платы: она была снижена лишь на 2% вместо 10%[103]. С 1932 г., когда Франция испытывала наибольшие потрясения мирового экономического кризиса, забастовочное движение проходило особенно бурно. Оно началось забастовкой рабочих Вьенна, которые вместе со своими женами и детьми вышли на улицы с требованием «Хлеб детям!» Крупная стачка состоялась затем в Париже, на заводах Ситроена. Она началась из-за решения кампании снизить заработную плату рабочим на 30%. Благодаря упорному со-

[97] «Правда», 6 февраля 1930 г.
[98] «Всемирная история», т. IX, стр. 190.
[99] Там же; «История международного рабочего и национально-освободительного движения», ч. II, стр. 56.
[100] «Всемирная история», т. IX, стр. 190.
[101] «История международного рабочего и национально-освободительного движения», ч. II, стр. 81.
[102] «Всемирная история», т. IX, стр. 203.
[103] «Очерки рабочего движения во Франции (1917—1967)», стр. 102.

противлению рабочих автомобильному королю удалось уменьшить зарплату лишь на 3—4% [104]. Мужественно отстаивали свои права докеры Гавра, строители Страсбурга и др. Забастовщики выдвигали не только экономические, но и политические требования: роспуск реакционных организаций, осуждение антисоветской политики правительства Франции и др.

Экономический кризис, массовая безработица и резкое падение уровня жизни трудящихся вызвали обострение классовой борьбы в Японии. Активное сопротивление предпринимателям оказывали в первую очередь металлисты — наиболее организованный отряд японского пролетариата. Однако наступление капитала на права рабочих было столь велико, что в стачечную борьбу включались и наименее организованные рабочие. Около двух месяцев (с 9 апреля по 3 июня 1930 г.) продолжалась забастовка прядильщиц кампании Канэгафути, объединявшей 36 фабрик [105]. Забастовка началась в ответ на решение предпринимателей сократить заработную плату на 40%. Несмотря на то что забастовка не привела к полному успеху (зарплата была все же понижена, хотя и не столь значительно, как предполагалось), она имела крупное значение, была новым явлением в истории рабочего движения Японии, свидетельствовавшем о росте классового самосознания всех слоев пролетариата.

Ожесточенные классовые бои развернулись в годы экономического кризиса во всех странах капиталистического мира: в крупных и небольших, в метрополиях и колониях. В Польше, например, бастовали против снижения заработной платы и увольнений в 1930 г. 50 329 рабочих, в 1931 г.— 106 985 рабочих, в 1932 г.— 313 934 человека и в 1933 г.— 458 399 рабочих [106]. Значительные забастовки состоялись на предприятиях Индии, Индонезии, Латинской Америки.

В годы мирового экономического кризиса особой силы достигли выступления безработных. В странах, где существовало государственное страхование по безработице (Германии, Чехословакии, Англии, Польше, Австрии), велась борьба против ухудшения системы страхования, сокращения размеров и сроков выдачи пособий, перевода людей с пособия по безработице на «кризисные» дотации. В США, где не было государственной системы страхования по безработице, развернулась кампания за введение такого страхования.

Во всех странах организовывались демонстрации, митинги, походы безработных, которые, как правило, поддерживались и занятыми на предприятиях рабочими. Как отмечал Вильгельм Пик на VII Всемирном конгрессе Коминтерна, борьба безработных была

---

[104] «Очерки рабочего движения во Франции (1917—1967)», стр. 103.
[105] «Очерки новейшей истории Японии», стр. 121.
[106] *В. Пик.* Отчет о деятельности Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала. М., 1935, стр. 25.

очень тяжелой. Нередко дело доходило до острых столкновений с полицией, но иногда удавалось «кое-что вырвать для безработных у буржуазного государства и его органов» [107].

Большое влияние на усиление борьбы трудящихся капиталистических стран за свои права оказывал факт ликвидации безработицы в Советском Союзе. Полное уничтожение безработицы в СССР в 1930 г. укрепило надежды мирового пролетариата в борьбе за новый мир, в котором возможно было решение самых жгучих вопросов, даже таких острых, как ликвидация безработицы.

Член американской рабочей делегации, прибывшей на празднование XIV годовщины Октября, рассказывал, что в Америке «повсюду рабочие толкуют об СССР: на углах улиц, в дешевых харчевнях, в семейном кругу. И это не удивительно. У вас ликвидирована безработица, у нас — миллионы безработных». И далее он рассказал корреспонденту «Правды», в каком тяжелейшем положении находятся те, кого уволили с предприятий в результате кризиса [108]. Уильям Фостер, один из руководителей американской Коммунистической партии, член ИККИ и член Исполбюро Профинтерна, писал: «Десятки миллионов рабочих и трудящихся крестьян во всем мире в эти годы тяжких испытаний (годы мирового экономического кризиса.— *Л. Р.*) с особой ясностью поняли превосходство социализма над капитализмом, и это укрепило их надежды в борьбе за новый мир, достойный цивилизованного человечества» [109].

Решение проблемы занятости всего населения в СССР в годы мирового экономического кризиса, когда армия безработных в капиталистических странах превышала 50 млн. человек, помогало коммунистам мобилизовывать широкие массы рабочего класса вокруг политических лозунгов коммунистических партий, способствовало превращению стихийных выступлений безработных в движение, подводившее рабочий класс к задачам борьбы за власть в мире капитала. По решению Коминтерна и Профинтерна первый Международный день борьбы против безработицы (6 марта 1930 г.) проходил под лозунгами «Долой капиталистическую систему, порождающую безработицу!», «Да здравствует диктатура пролетариата!» [110]

Во многих странах Европы, Азии и Америки проходили мощные демонстрации безработных, выступавших против сокращения пособий по безработице, за предоставление им работы. В США 6 марта 1930 г. в демонстрациях безработных, организованных Коммунистической партией во многих городах, приняли участие до 1,25 млн. человек [111]. В Нью-Йорке демонстрацией руководил

---

[107] Там же, стр. 23.
[108] «Правда», 6 ноября 1931 г.
[109] *У. Фостер.* Указ. соч., стр. 382.
[110] «Красный Интернационал профсоюзов», 1930, № 3, стр. 171.
[111] «Историяя международного рабочего и национально-освободительного движения», ч. II, стр. 131.

выдающийся деятель американского рабочего движения У. Фостер. Однако полиция не дала возможности безработным предъявить свои требования мэру города. Руководители демонстрации во главе с У. Фостером были арестованы.

В Англии во время проведения Международного дня борьбы против безработицы на митингах выступили руководители Коммунистической партии — Гарри Поллит, Уильям Галлахер и др. Они подчеркивали, что основной задачей в создавшихся условиях является развертывание более организованной, решительной борьбы против капитала, создание единого рабочего фронта [112].

Вопрос о необходимости направления выступлений безработных в русло международной борьбы всего пролетариата против капиталистического строя широко обсуждался на 12-м пленуме ИККИ в августе 1932 г. В резолюции пленума «Уроки экономических стачек и борьбы безработных» подчеркивалось, что коммунисты должны организовывать безработных на борьбу за их требования, разъясняя в то же время, что только диктатура пролетариата может полностью избавить их от безработицы [113].

Опыт борьбы Коммунистической партии и Советского правительства с безработицей, увенчавшийся ее полной и окончательной ликвидацией и подтвердивший теоретическое положение марксизма-ленинизма о возможности решения проблемы всеобщей занятости только в условиях социалистического строя, дал в руки мирового пролетариата новое оружие в борьбе против гнета капитала, эксплуатации и безработицы. Пример СССР вдохновлял самые широкие массы трудящихся на революционную борьбу против капиталистического строя.

О революционизирующем влиянии опыта Советского Союза в решении проблемы ликвидации безработицы на широкие массы трудящихся, о том, что сопоставление положения рабочих в СССР и капиталистических странах толкало международный пролетариат «на путь революционного выхода из кризиса, нищеты и наемного рабства», говорилось на VIII сессии Центрального Совета Профинтерна, проходившей в ноябре 1931 г. [114] В материалах сессии снова подчеркивалось, что «преимущества планового социалистического советского хозяйства перед анархическим, загнивающим, беспланового капиталистическим хозяйством никогда еще так резко не бросались в глаза: в странах капитала ежедневно закрываются все новые и новые предприятия, в СССР лишь за один 1931 г. пускаются в ход сотни крупных предприятий. В капиталистических странах огромная недогрузка производственного аппарата, в СССР непрерывная работа всего производственного аппа-

[112] «Всемирная история», т. IX, стр. 200.

[113] См. «Коммунистический Интернационал в документах. Решения, тезисы и воззвания конгрессов Коминтерна и пленумов ИККИ. 1919—1932». М., 1933, стр. 984.

[114] «Профинтерн в борьбе за массы. Тезисы, утвержденные VIII сессией Центрального Совета Профинтерна». М., 1932, стр. 6—8.

рата, всех заводов и фабрик... Рабочий класс СССР доказывает рабочему классу всего мира на практике преимущества советского социалистического хозяйства перед капиталистической системой» [115].

Коммунисты всех стран мира вместе с красными профсоюзами широко использовали факт ликвидации безработицы в СССР. Подготавливая второй Международный день борьбы против безработицы, они широко пропагандировали успехи первой страны социализма, особенно решение коренной проблемы того времени. «Помните, что только одна страна не знает теперь безработицы,— подчеркивалось в обращении Тихоокеанского секретариата профсоюзов ко всем безработным и рабочим стран Тихого океана от 19 января 1931 г.— Это СССР, страна пролетарской диктатуры, вступившая в третий, решающий год осуществления пятилетнего плана социалистической стройки, ликвидировавшая безработицу — это кошмарное наследие капитализма» [116]. Такого рода обращений и призывов принималось немало в те годы. Группа американцев, работавших на строительстве автозавода в Нижнем Новгороде (ныне г. Горький), писала безработным США по случаю проведения второго Международного дня борьбы с безработицей: «25 февраля, в день борьбы с капиталистическим голодом и нищетой, мы приветствуем рабочих, борющихся в городах капиталистической Америки против враждебной кампании, ведущейся империалистами против Союза Советских Социалистических Республик — единственной страны, где рабочие свободны и где нет безработицы» [117].

25 февраля 1931 г. сотни тысяч безработных вышли на улицы, пикетировали заводские ворота, требуя оказания немедленной помощи тем, кто лишился работы. Люди несли плакаты, лозунги, на которых было написано: «Требуйте единовременного пособия от правительства!», «Усиливайте борьбу за страхование по безработице!», «Создавайте советы безработных!» В Нью-Йорке на Юнион-сквер, где отмечался День безработных, пришли 40 тыс. человек, 30 тыс. безработных демонстрировали в Бостоне, 35 тыс.— в Филадельфии. Во Франции колонны демонстрантов вступили в бои с полицией. Демонстранты-безработные пели «Интернационал», скандировали: «Да здравствует Коммунистическая партия!», «Работы или хлеба!» В Чехословакии в демонстрациях 25 февраля 1931 г. участвовали 210 тыс. безработных, во многих местах в них участвовали и занятые рабочие [118].

Второй Международный день борьбы с безработицей прошел организованно во многих странах мира и объединил многомиллионные массы трудящихся. В этом была заслуга не только коммунистических и рабочих партий и профсоюзов капиталистиче-

[115] Там же, стр. 6.
[116] «Международная пролетарская солидарность в борьбе с наступлением фашизма (1928—1932)». М., 1960, стр. 198.
[117] Там же, стр. 213.
[118] Там же, стр. 210—212.

ских стран, но и советского народа, и в первую очередь советского рабочего класса.

Ликвидация безработицы в СССР — одно из величайших достижений советского рабочего класса — оказала заметное влияние на рост международного рабочего движения, укрепление интернациональной солидарности трудящихся. Знакомясь с достижениями Советского Союза, отмечая факт ликвидации безработицы в СССР, иностранные рабочие на практике убеждались, что уничтожить безработицу, сеющую голод, нищету, бесправие, можно только при социалистической системе, в государстве нового типа, где у власти стоит трудовой народ. Не подлежит никакому сомнению огромное революционизирующее воздействие фактора ликвидации безработицы в СССР на революционную борьбу мирового пролетариата против гнета и эксплуатации капитала.

Шведская рабочая делегация, покидая Советский Союз, 11 ноября 1931 г. писала в обращении к рабочим и колхозникам СССР: «По возвращении в Швецию мы будем организовывать ударные бригады по примеру рабочих СССР. Но, конечно, не для того, чтобы повышать производительность труда на капиталистических предприятиях, а для того, чтобы широко развернуть работу по защите Советского Союза, для того, чтобы повести активную борьбу за свержение капитализма... Усилением классовой борьбы, массовыми выступлениями на предприятиях, борьбой за сокращение рабочего дня, за требования безработных мы покажем буржуазии нашу волю создать тесный союз с пролетариатом СССР, уничтожившим капитализм и теперь победоносно строящим социализм» [119].

Австрийский рабочий Иосиф Блажний, побывавший в СССР в майские дни 1932 г., составил индивидуальное обязательство, в котором, в частности, говорилось: «Обязуюсь завербовать тридцать человек в ряды Общества друзей Советского Союза, двадцать — в ряды компартии, десять — в ряды рабочей самообороны, кроме того, основать местную группу Межрабпома и МОПР, выступать на всех собраниях во всякое время в защиту Советского Союза... Что касается лично меня, я обязуюсь также ожесточенно, как и прежде, бороться в рядах революционного пролетариата... бороться до того момента, когда наступит последний решительный бой, и активно участвовать в последнем» [120].

Ликвидация безработицы в СССР — это памятник победившего рабочего класса России и в то же время путеводная звезда всего мирового пролетариата. Решение проблемы полного исчезновения армии безработных показало всему миру громадные преимущества социализма перед капитализмом, открыло всему человечеству путь к дальнейшему прогрессу и цивилизации.

---

[119] «Гости пролетариата СССР», стр. 265.
[120] Там же, стр. 218.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В 1931 г. известный датский писатель Мартин Андерсен Нексе, поздравляя советский народ с XIV годовщиной Великой Октябрьской социалистической революции, писал: «В молодой Советской стране ничего нет невозможного... Советский Союз уже оставил позади себя трудные препятствия» [1]. Одной из этих преодоленных трудностей было решение коренной проблемы человечества — обеспечение каждому реального права на труд.

Ликвидация безработицы в Советской стране — важный фактор мирового исторического прогресса. Много подвигов совершил советский народ, и среди них история ликвидации безработицы будет всегда волновать человечество, потому что эта проблема решалась впервые и пути ее разрешения были открыты впервые. Реальной основой ликвидации безработицы в СССР явилось осуществление ленинского плана построения социализма, программы индустриализации страны, коллективизации сельского хозяйства, проведение культурной революции, успешное выполнение первого пятилетнего плана.

Более 40 лет развивается Советский Союз в условиях полного отсутствия безработицы. Труд при социализме перестал быть предметом купли и продажи, а занятость работника — зависеть от спроса на рабочую силу со стороны предпринимателей. На смену этой зависимости трудового народа от капиталистов пришло реальное право на труд, которое гарантируется социалистической организацией народного хозяйства и законами Советской страны. Это великое право обеспечивается в нашей стране неуклонным ростом социалистического производства, отсутствием кризисов и ликвидацией безработицы. Реализуя право на труд, советские трудящиеся получают работу в зависимости от своих способностей, специальности и квалификации.

В СССР нет и не может быть безработицы. Об ее отсутствии в СССР пишут многие представители западного мира. Мартин Андерсен Нексе в конце 40-х годов писал: «В Советском Союзе... безработица ликвидирована на самом деле,— это потому, что страна идет в ногу с прогрессом» [2]. Жорж Коньо, видный общественный деятель Франции, коммунист, отмечал: «В СССР победа социализма навсегда покончила с таким бичом трудящихся, как безработица. Неразрешимая для капитализма социальная проблема

[1] «Правда», 7 ноября 1931 г.
[2] «Глазами друзей». Сборник. Л., 1959, стр. 203.

занятости населения, постоянная безработица в городах и массовое разорение крестьянства в деревне не имеют места в социалистическом обществе» [3]. Джордж Моррис, американский журналист, делясь своими впечатлениями от поездки по СССР, заявил: «В Советском Союзе я не видел и признаков безработицы. Я встречал пожилых рабочих, которые всю жизнь не знали безработицы» [4]. Французские журналисты Луиза Мамиак и Андре Вюрмсер закончили свою книгу, посвященную поездке по СССР в 1959 г., разделом «Чего мы ни разу не видели» и в нем на первое место поставили — «безработного» [5].

Ныне факт отсутствия безработицы в СССР признается во всем мире. В сравнительной энциклопедии США — СССР, подготовленной во Франции [6], написано: «Полная занятость представляет собой характерную черту нынешней экономики СССР, испытывающей крайний недостаток в рабочей силе, и в особенности в квалифицированных рабочих. В настоящее время каждому человеку гарантирована возможность не только найти себе работу, но даже и выбирать ее» [7].

Это признание крупного современного издательства весьма характерно. Уже нельзя игнорировать тот факт, что экономика СССР развивалась и развивается стремительными темпами и что на этой основе небывало быстро увеличивается численность занятого в народном хозяйстве населения. С 1931 г. (первого года отсутствия в Советской стране безработицы) по 1940 г. включительно численность рабочих и служащих возросла в 1,5 раза — с 20 до 34 млн. человек [8]. Еще более бурные темпы наблюдались в послевоенный период. С 1945 по 1958 г. число рабочих и служащих увеличилось в 2 раза — с 28,6 млн. до 56 млн. человек. За годы семилетки (1959—1965 гг.) численность рабочих и служащих возросла с 58 до 77 млн. человек [9]. Столь же стремительный рост числа рабочих и служащих происходил и в последующую пятилетку, завершившуюся в 1970 г. Ныне численность рабочих и служащих, занятых в народном хозяйстве — примерно 100 млн. человек [10]. Ежегодно начиная с 1959 г. в народное хозяйство СССР вливалось в среднем до 3 млн. человек [11]. Все это происходит одновременно с комплексной механизацией и автоматизацией производства. Научно-технический прогресс не угрожает советским людям безработицей.

---

[3] *Ж. Коньо.* Знакомство с Советским Союзом. М., 1959, стр. 139.
[4] *Д. Моррис.* Глазами американца. М., 1960, стр. 38.
[5] *Л. Мамиак* и *А. Вюрмсер.* СССР открытым сердцем. М., 1961, стр. 279.
[6] Подробнее об этом издании см. во введении.
[7] «Le Grand dèfi». Encyclopédie comparée USA—URSS. Paris, 1967—1968, p. 174.
[8] «Труд в СССР». Статистический сборник. М., 1968, стр. 22. Здесь приведены среднегодовые цифры. На 1 января 1931 г. в стране числилось 18,1 млн. рабочих и служащих. См. «Народное хозяйство СССР». Статистический справочник. М., 1932, стр. XXII—XXIII.
[9] «Труд в СССР», стр. 22.
[10] «Правда», 25 января 1970 г. (Сообщение ЦСУ СССР).
[11] «Труд в СССР», стр. 23.

Народное хозяйство вообще и промышленное производство в особенности развиваются такими темпами, что до сих пор в нашей стране ощущается нехватка рабочей силы.

Иностранцев, приезжающих в Советский Союз, обычно всегда интересует проблема, как сочетаются в нашей стране автоматизация и рост рабочего класса. Жан Клод Пулен в своей книге «Что говорят и что я видел» посвятил этой проблеме целый раздел, назвав его «Безработица и переквалификация». В нем он рассказал о своих впечатлениях и беседах с директорами крупных заводов — ЗИЛ, ГПЗ-1 и других, которые убедили его в том, что для трудящихся СССР полностью исключена угроза остаться без работы в результате технической реконструкции предприятий. Заводы настолько расширяются, что работы хватает всем желающим ее получить. Вот к какому заключению приходит автор: «21 день в стране социализма, в стране, твердой поступью идущей к коммунизму. За это время я пришел к следующим выводам: да, действительно, социализм имеет бесспорные преимущества перед капитализмом. Он предоставляет неоспоримые преимущества рабочему классу и всему народу» [12].

Именно с таким выводом не хотят мириться частные предприниматели и буржуазные идеологи. Не находя безработицы в советской действительности, они начинают заниматься «предсказаниями». Безработица в СССР обязательно возникнет в 1960—1980 гг., утверждают авторы книги «СССР и будущее. Анализ новой программы КПСС» [13]. Призрак безработицы в Советском Союзе усмотрел в середине 60-х годов Т. Шабад — московский корреспондент «Нью-Йорк таймс». Он увидел его в связи с появлением в советской печати статей о рациональном использовании трудовых ресурсов [14]. Гаданием на кофейной гуще буржуазные авторы занимаются давно. «Еще 20 лет назад,— писали в начале 60-х годов Л. Мамиак и А. Вюрмсер,— скептики предсказывали: «Когда СССР достигнет уровня индустриальных стран, то он разделит их судьбу и столкнется с безработицей, кризисами и всем прочим»» [15]. Однако прошли годы, а в Советском Союзе, как и прежде, нет безработицы.

За годы советской власти в СССР произошло перераспределение трудовых ресурсов. В 1928 г. в сельском хозяйстве было занято 80% работающего населения, а в конце 60-х годов — менее 30% [16]. Это позволило ликвидировать аграрное перенаселение, доставшееся Советской стране в наследие от царской России. Кроме того, такое перераспределение обеспечило растущие потребности в рабочей силе в городах. Рациональное и планомерное ис-

[12] *Ж. К. Пулен.* Что говорят и что я видел. М., 1960, стр. 44.
[13] «The URSS and the Future. An Analysis of the New Programm of the CPSU». New York—London, 1963.
[14] Аргументированную критику статьи Т. Шабада дал советский экономист В. Немченко. См. «Вопросы экономики», 1965, № 9, стр. 54—57.
[15] *Л. Мамиак* и *А. Вюрмсер.* Указ. соч., стр. 90.
[16] «Труд в СССР», стр. 20 (данные на 1967 г.).

пользование трудовых ресурсов является прогрессивным явлением. Это вынуждены признать буржуазные экономисты. Фриц Бааде, директор Кильского института экономики (ФРГ), в книге «Соревнование к 2000 году», отмечая бурный рост экономики СССР, в разделе «Рабочая сила в сельском хозяйстве и промышленности» писал, что в СССР удалось произвести перераспределение рабочей силы: передвинуть в промышленность сельское население, изыскать возможности для мобилизации неиспользованной рабочей силы в деревнях [17]. Ф. Бааде считает это прогрессивным процессом.

То, что было совершено в Советской стране, не может произойти в капиталистическом обществе, где господствуют частная собственность на средства производства, эксплуатация человека человеком, конкурентная борьба, где действует стихия «свободного» рынка труда. Безработица — это нормальное явление даже для самых богатых капиталистических стран. «Что может быть позорнее фразы,— писали Л. Мамиак и А. Вюрмсер,— которую сейчас можно прочитать почти повсюду: в Соединенных Штатах Америки насчитывается четыре миллиона постоянных безработных — цифра, считающаяся совершенно нормальной в условиях режима свободного предпринимательства» [18]. В 50—60-е годы численность безработных в США в среднем составляла 6—7% к занятому населению, средняя продолжительность безработицы — примерно 14 недель [19]. В странах капиталистического мира (даже в периоды, когда нет кризисов и депрессий) процент безработных ко всем трудящимся колеблется от 3 до 10.

Буржуазная экономическая мысль пыталась и пытается найти решение проблемы полной занятости населения. Английский экономист Джон Кейнс в книге «Общая теория занятости, процента и денег», опубликованной в Лондоне в 1936 г., попытался наметить некоторые конструктивные меры для решения этой проблемы [20]. Отметив, что капиталистическая экономика не способна обеспечить полной занятости населения без планомерного вмешательства государства, Кейнс предложил в качестве одной из мер выхода из создавшегося положения регулирование доходов населения с целью стимулирования потребления. Теория Кейнса вызвала оживленную дискуссию, которая продолжается до наших дней. На V Международном конгрессе экономической истории, проходившем 10—14 августа 1970 г. в Ленинграде, идеи Кейнса нашли поддержку со стороны английских ученых Т. В. Хатчинсона и Д. Уинча, а также американца Гарольда Ф. Уильямсона [21]. Ссылаясь на тру-

---

[17] *F. Baade.* Der Wattlauf zum Jahre 2000. Oldenburg, 1960.

[18] *Л. Мамиак, А. Вюрмсер.* Указ. соч., стр. 87.

[19] «Проблемы безработицы в период общего кризиса капитализма». М., 1963, стр. 107.

[20] *J. M. Koenes.* The General Theory of Employment, Interest and Money. London, 1936. Книга была переведена на русский язык в 1948 г.

[21] См. тезисы выступлений: *Т. В. Хатчинсон.* Экономическая мысль и экономическая политика; *Д. Уинч.* Экономика и политика: влияние времени и места;

ды своих коллег[22], Г. Ф. Уильямсон пытался доказать, что решение проблемы полной занятости должно стать одной из главных целей внутренней политики правительства. Он утверждал, будто бы экономисты, работавшие в кабинете президента Джона Кеннеди, считали важнейшей социально-экономической задачей США стремление добиться полной занятости населения. Далее Г. Ф. Уильямсон выразил уверенность в том, что экономисты способны якобы разработать такие мероприятия, которые обеспечат экономический рост США и полную занятость населения.

Однако опыт развития современной капиталистической экономики вновь подтверждает вывод классиков марксизма-ленинизма о невозможности решения проблемы безработицы в мире капитала.

В последние годы в странах капитала вновь начался рост безработицы. В США, даже по официальной статистике (данные министерства труда), среднегодовая численность безработных увеличилась с 2875 тыс. в 1966 г. до 4150 тыс. в 1970 г.[23] В дальнейшем безработица продолжала увеличиваться, охватив к весне 1971 г. 5,5 млн. человек, или 6,2% всего трудоспособного населения[24]. В Англии за это время безработица выросла в 2 раза: с 390 тыс. человек до 793 тыс.[25] К началу 1972 г. в стране уже было более 1 млн. безработных. В ФРГ число безработных увеличилось со 155 тыс. человек в 1966 г. до 286 тыс. в 1971 г., во Франции — со 150 до 300 тыс. человек, в Японии — с 440 до 600 тыс. человек. По неполным данным Организации Объединенных Наций и Международной организации труда, в развитых капиталистических странах армия безработных возросла за последние 5 лет почти на 2 млн. человек — с 6,2 млн. в 1966 г. до 8,04 млн. человек в 1970 г.[26]

Итак, по-прежнему во всех капиталистических странах существует значительная резервная армия труда. Слова простого манчестерского рабочего Т. Грэма, сказанные в 1970 г.: «Безработица — это преступление. Покончить с ней можно, только уничтожив капиталистическую систему»[27] — это мнение подавляющей части трудящихся стран капитала, приговор последнему эксплуататорскому строю, приговор тех людей, которым принадлежит будущее.

При решении проблемы полной занятости населения и ликвидации безработицы в соревновании социализма с капитализмом выиграла социалистическая система. Опыт и практика Советского Союза, весь ход социалистического и коммунистического строительства неопровержимо доказали правильность пути, указанного

Г. Ф. Уильямсон. Экономика, экономисты и экономическая политика США после первой мировой войны. М., 1970.

[22] *H. Stein.* The Fiscal Fevolution in America. Chicago, 1969; *A. M. Okun.* The Political Economy of Prosperity. New York, 1970, и др.

[23] «Мировая экономика и международные отношения», 1971, № 5, стр. 151, 154.

[24] «Правда», 11 марта и 6 июня 1971 г.

[25] «Мировая экономика и международные отношения», 1971, № 5, стр. 153—154.

[26] Там же, стр. 154.

[27] «Правда», 21 августа 1970 г.

вождем трудящихся В. И. Лениным и осуществленного советским народом под руководством Коммунистической партии.

Подводя итоги великих побед социализма в докладе на торжественном заседании, посвященном 50-летию Октябрьской социалистической революции, Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев говорил: «Социализм дал нашему народу то, чего нет у трудящихся самых богатых капиталистических стран: освобождение от гнета капиталистов, чувство уверенности в завтрашнем дне. Советские люди не знают, что такое эксплуатация, что такое безработица, и не будут знать этого никогда»[28].

Драгоценный опыт СССР был широко использован странами социалистического лагеря, трудящиеся которых несли тяжелое бремя безработицы в годы, предшествующие второй мировой войне. В Польше, Болгарии, Венгрии, Чехословакии, Румынии и других государствах, вступивших на путь социалистического развития, в период капитализма сотни тысяч людей не имели работы. В Польше, например, в 1931 г. было 681,4 тыс. безработных — каждый четвертый рабочий не мог трудоустроиться[29]. Народное Венгерское правительство получило в наследство от старой Венгрии 126-тысячную армию безработных (по данным переписи 1949 г.)[30].

Ликвидация безработицы являлась одной из первостепенных задач всех стран народной демократии. При решении этой проблемы страны социалистического лагеря опирались на опыт Советской страны. В подавляющем большинстве социалистических стран, так же как и в СССР, безработица была полностью и навсегда уничтожена в результате перехода власти в руки народа, национализации средств производства, проведения индустриализации, социалистического преобразования сельского хозяйства и осуществления культурной революции.

Огромное значение опыта первой страны социализма неоднократно подчеркивали руководители стран социалистического лагеря. Клемент Готвальд, президент Чехословацкой республики, еще в самом начале социалистического строительства в ЧССР говорил: «Все более широкое и глубокое использование советского опыта и все большее приближение к советскому примеру — вот один из главных законов развития народно-демократических стран. Поэтому каждое наше все более тесное приближение к советскому примеру, к обществу, которое уже построило социализм... является нашим успехом, значительным прогрессом на пути к социализму»[31]. Руководитель Народной Республики Болгарии, выдающийся деятель международного рабочего движения

---

[28] *Л. И. Брежнев.* Ленинским курсом. Речи и статьи, т. 2. М., 1970, стр. 96.
[29] «Очерки истории Народной Польши в трех томах». Дополнительный том. М., 1965, стр. 229.
[30] *Л. Н. Нежинский.* Очерк истории Народной Венгрии. М., 1969, стр. 40.
[31] *К. Готвальд.* Избранные произведения, т. II, стр. 471.

Георгий Димитров говорил на V съезде Болгарской коммунистической партии в декабре 1948 г., что опыт Советского Союза «*является единственным, лучшим образцом для строительства социализма в нашей стране, как и в других странах народной демократии*» [32].

Решение проблемы занятости населения, предоставление каждому реального права на труд в странах социалистического лагеря еще раз показали огромное преимущество социалистической плановой экономики перед экономикой капиталистической.

В странах так называемого третьего мира, освободившихся от колониального рабства и вступивших на путь независимого развития, проблема ликвидации безработицы — одного из наследий прошлого — стоит чрезвычайно остро. В Индии, например, около 30% трудоспособного населения заняты неполную рабочую неделю. Еще большие размеры имеет скрытая безработица в деревнях — 35—40 млн. человек [33]. Столь же тяжелое положение сохраняется ныне в ряде стран Азии, в африканских странах и государствах Латинской Америки. Им еще предстоит выбрать путь решения многих проблем, и опыт СССР и других стран социалистического лагеря безусловно поможет им пойти наиболее верной дорогой.

Практика социалистического строительства подтверждает предвидение В. И. Ленина о том, что коммунистическое хозяйственное строительство в Советской стране «станет образцом для грядущей социалистической Европы и Азии» [34].

Решение проблемы ликвидации безработицы — это величайшее достижение победившего пролетариата, строящего под руководством Коммунистической партии самое справедливое общество на земле.

---

[32] *Г. Димитров.* Избранные произведения, т. II (1941—1949 годы). М., 1957, стр. 671.

[33] *А. А. Гордон.* Из истории рабочего класса Индии. Положение бомбейского пролетариата в новейшее время. М., 1961, стр. 194—196.

[34] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 42, стр. 161.

БИБЛИОГРАФИЯ

Произведения классиков марксизма-ленинизма

Маркс К. и *Энгельс Ф.* Манифест Коммунистической партии.— Сочинения, т. 4.

Маркс К. Капитал, т. I (гл. VIII, XXIII). М., 1969.

Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии.— Сочинения, т. 2.

Энгельс Ф. Анти-Дюринг.— Сочинения, т. 20.

Ленин. В. И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? (*Ответ на статьи «Русского богатства» против марксистов*).— Полн. собр. соч., т. 1.

Ленин В. И. Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве (Отражение марксизма в буржуазной литературе). *По поводу книги П. Струве: «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России».* СПб., 1894 г.— Полн. собр. соч., т. 1.

Ленин В. И. Проект и объяснение программы социал-демократической партии.— Полн. собр. соч., т. 2.

Ленин В. И. К характеристике экономического романтизма. *Сисмонди и наши отечественные сисмондисты.*— Полн. собр. соч., т. 2.

Ленин В. И. Новый фабричный закон.— Полн. собр. соч., т. 2.

Ленин В. И. Задачи русских социал-демократов.— Полн. собр. соч., т. 2.

Ленин В. И. Развитие капитализма в России. *Процесс образования внутреннего рынка для крупной промышленности.*— Полн. собр. соч., т. 3.

Ленин В. И. Рецензия. *А. Богданов. Краткий курс экономической науки.* Москва, 1897.— Полн. собр. соч., т. 4.

Ленин В. И. Еще к вопросу о теории реализации.— Полн. собр. соч., т. 4.

Ленин В. И. Проект программы нашей партии.— Полн. собр. соч., т. 4.

Ленин В. И. О стачках.—Полн. собр. соч., т. 4.

Ленин В. И. Новое побоище.— Полн. собр. соч., т. 5.

Ленин В. И. Уроки кризиса.— Полн. собр. соч., т. 5.

Ленин В. И. Крепостники за работой.— Полн. собр. соч., т. 5.

Ленин В. И. Внутреннее обозрение.— Полн. собр. соч., т. 5.

Ленин В. И. Что делать? *Наболевшие вопросы нашего движения.*— Полн. собр. соч., т. 6.

Ленин В. И. Материалы к выработке программы РСДРП. Замечания на первый проект программы Плеханова; Проект программы Российской социал-демократической рабочей партии; Отзыв о втором проекте программы Плеханова.— Полн. собр. соч., т. 6.

Ленин В. И. К деревенской бедноте. *Объяснение для крестьян, чего хотят социал-демократы.*— Полн. собр. соч., т. 7.

Ленин В. И. Чего мы добиваемся? (*К партии*).— Полн. собр. соч., т. 9.

Ленин В. И. К партии.— Полн. собр. соч., т. 9.

Ленин В. И. Резолюция Петербургской организации РСДРП о тактике бойкота.— Полн. собр. соч., т. 12.

Ленин В. И. Тактическая платформа к Объединительному съезду РСДРП. *Проект резолюции к Объединительному съезду РСДРП.*— Полн. собр. соч., т. 12.

Ленин В. И. Доклад об Объединительном съезде РСДРП (*Письмо к петербургским рабочим*).— Полн. собр. соч., т. 13.

Ленин В. И. Новый подъем.— Полн. собр. соч., т. 13.

Ленин В. И. Проект обращения к избирателям.— Полн. собр. соч., т. 14.

Ленин В. И. Проекты резолюций к

пятому съезду РСДРП.— Полн. собр. соч., т. 15.
Ленин В. И. По поводу декларации Столыпина. *Проект воззвания.*— Полн. собр. соч., т. 15.
Ленин В. И. Марксизм и ревизионизм.— Полн. собр. соч., т. 17.
Ленин В. И. V общероссийская конференция РСДРП. *21—27 декабря 1908 г. (3—9 января 1909 г.)* — Полн. собр. соч., т. 17.
Ленин В. И. Капиталистический строй современного земледелия.— Полн. собр. соч., т. 19.
Ленин В. И. VI (Пражская) Всероссийская конференция РСДРП. *5—17 (18—30) января 1912 г.*— Полн. собр. соч., т. 21.
Ленин В. И. Об одном открытии.— Полн. собр. соч., т. 22.
Ленин В. И Одна из великих побед техники.— Полн. собр. соч., т. 23.
Ленин В. И. Одна из «модных» отраслей промышленности.— Полн. собр. соч., т. 23.
Ленин В. И. 4000 рублей в год и 6-часовой рабочий день.— Полн. собр. соч., т. 24.
Ленин В. И. Система Тейлора — порабощение человека машиной.— Полн. собр. соч., т. 24.
Ленин В. И. О формах рабочего движения (*Локаут и марксистская тактика*).— Полн. собр. соч., т. 25.
Ленин В. И. Рабочий класс и рабочая печать.— Полн. собр. соч., т. 25.
Ленин В. И. Карл Маркс (*Краткий биографический очерк с изложением марксизма*).— Полн. собр. соч., т. 26.
Ленин В. И. Проект резолюции левых социал-демократов к первой международной социалистической конференции.— Полн. собр. соч., т. 26.
Ленин В. И. Исчезло ли двоевластие? — Полн. собр. соч., т. 32.
Ленин В. И. Материалы по пересмотру партийной программы.— Полн. собр. соч., т. 32.
Ленин В. И. Издевательство капиталистов над народом.— Полн. собр. соч., т. 32.
Ленин В. И. Слухи о заговоре.— Полн. собр. соч., т. 34.
Ленин В. И. Из дневника публициста. *Ошибки нашей партии.*— Полн. собр. соч., т. 34.
Ленин В. И. Проект резолюции о современном политическом моменте.— Полн. собр. соч., т. 34.
Ленин В. И. Грозящая катастрофа и как с ней бороться.— Полн. собр. соч., т. 34.
Ленин В. И. Вопросы экономической политики.— Полн. собр. соч., т. 35.
Ленин В. И. Проект декрета о потребительских коммунах.— Полн. собр. соч., т. 35.
Ленин В. И. Как организовать соревнование? — Полн. собр. соч., т. 35.
Ленин В. И. Первоначальный вариант статьи «Очередные задачи Советской власти».— Полн. собр. соч., т. 36.
Ленин В. И. Очередные задачи Советской власти.— Полн. собр. соч., т. 36.
Ленин В. И. Речь в Московском Совете рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов *23* апреля *1918* г.— Полн. собр. соч., т. 36.
Ленин В. И. Заседание ВЦИК *29 апреля 1918 г.* 1. Доклад об очередных задачах Советской власти. 2. Заключительное слово по докладу об очередных задачах Советской власти.— Полн. собр. соч., т. 36.
Ленин В. И. О голоде (*Письмо к питерским рабочим*).— Полн. собр. соч., т. 36.
Ленин В. И. Речь на II Всероссийском съезде комиссаров труда 22 мая 1918 г.— Полн. собр. соч., т. 36.
Ленин В. И. V Всероссийский съезд Советов рабочих, крестьянских, солдатских и красноармейских депутатов *4—10 июля 1918 г.* I. Доклад Совета Народных Комиссаров 5 июля. Заключительное слово по докладу 5 июля. Краткий газетный отчет.— Полн. собр. соч., т. 36.
Ленин В. И. О характере наших газет.— Полн. собр. соч., т. 37.
Ленин В. И. Речь на рабочей конференции Пресненского района 14 декабря *1918 г.*— Полн. собр. соч., т. 37.
Ленин В. И. Проект программы РКП(б).— Полн. собр. соч., т. 38.
Ленин В. И. I Всероссийский съезд по внешкольному образованию *6—19 мая 1919 г.* 2. Речь об обмане народа лозунгами свободы и равенства 19 мая.— Полн. собр. соч., т. 38.
Ленин В. И. Великий почин (*О героизме рабочих в тылу. По поводу «коммунистических субботников»*).— Полн. собр. соч., т. 39.
Ленин В. И. Экономика и политика в

эпоху диктатуры пролетариата.— Полн. собр. соч., т. 39.

Ленин В. И. VIII Всероссийская конференция РКП(б) *2—4 декабря 1919 г.* 2. Политический доклад Центрального Комитета 2 декабря.— Полн. собр. соч., т. 39.

Ленин В. И. VII Всероссийский съезд Советов *5—9 декабря 1919 г.* 1. Доклад ВЦИК и Совнаркома 5 декабря.— Полн. собр. соч., т. 39.

Ленин В. И. Письмо к организациям РКП о подготовке к партийному съезду.— Полн. собр. соч., т. 40.

Ленин В. И. Доклад о работе ВЦИК и Совнаркома на первой сессии ВЦИК VII созыва 2 февраля 1920 г.— Полн. собр. соч., т. 40.

Ленин В. И. IX съезд РКП(б). 29 марта — 5 апреля 1920 г. Речь при закрытии съезда 5 апреля.— Полн. собр. соч., т. 40.

Ленин В. И. Две речи, записанные на граммофонных пластинках. 2. «О трудовой дисциплине».— Полн. собр. соч., т. 40.

Ленин В. И. От разрушения векового уклада к творчеству нового.— Полн. собр. соч., т. 40.

Ленин В. И. Речь на III Всероссийском съезде рабочих текстильной промышленности *19* апреля *1920 г.*— Полн. собр. соч., т. 40.

Ленин В. И. От первого субботника на Московско-Казанской железной дороге ко Всероссийскому субботнику-маевке.— Полн. собр. соч., т. 41.

Ленин В. И. IX Всероссийская конференция РКП(б) 22—25 сентября 1920 г. Политический отчет ЦК РКП(б) *22* сентября. *Газетный отчет.*— Полн. собр. соч., т. 41.

Ленин В. И. VIII Всероссийский съезд Советов *22—29 декабря 1920 г.* Доклад Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров о внешней и внутренней политике 22 декабря.— Полн. собр. соч., т. 42.

Ленин В. И. Заметки об электрификации.— Полн. собр. соч., т. 42.

Ленин В. И. Речь на IV Всероссийском съезде рабочих швейной промышленности *6* февраля *1921 г.*— Полн. собр. соч., т. 42.

Ленин В. И. Об едином хозяйственном плане.— Полн. собр. соч., т. 42.

Ленин В. И. X съезд РКП(б) *8—16 марта 1921 г.* 2. Отчет о политической деятельности ЦК РКП(б) 8 марта. 3. Заключительное слово по отчету ЦК РКП(б) 9 марта. 5. Доклад о замене разверстки натуральным налогом 15 марта.— Полн. собр. соч., т. 43.

Ленин В. И. О продовольственном налоге. (*Значение новой политики и ее условия.*) — Полн. собр. соч., т. 43.

Ленин В. И. Тов. Кржижановскому в Президиум Госплана.— Полн. собр. соч., т. 43.

Ленин В. И. X Всероссийская конференция РКП(б) *26—28 мая 1921 г.* 3. Доклад о продовольственном налоге *26* мая.— Полн. собр. соч., т. 43.

Ленин В. И. Обращение к международному пролетариату.— Полн. собр. соч., т. 44.

Ленин В. И. IX Всероссийский съезд Советов *23—28 декабря 1921 г.* 1. О внутренней и внешней политике республики. *Отчет ВЦИК и СНК 23 декабря.*— Полн. собр. соч., т. 44.

Ленин В. И. О международном и внутреннем положении Советской республики. *Речь на заседании коммунистической фракции Всероссийского съезда металлистов 6 марта 1922 г.*— Полн. собр. соч., т. 45.

Ленин В. И. XI съезд РКП(б) *27 марта — 2 апреля 1922 г.* 2. Политический отчет Центрального Комитета РКП(б) *27 марта.* Заключительное слово по политическому отчету ЦК РКП(б) *28 марта.*— Полн. собр. соч., т. 45.

Ленин В. И. IV конгресс Коммунистического Интернационала *5 ноября — 5 декабря 1922 г.* 2. Пять лет российской революции и перспективы мировой революции. *Доклад на IV конгрессе Коминтерна 13 ноября.*— Полн. собр. соч., т. 45.

Ленин В. И. Речь на пленуме Московского Совета *20* ноября *1922 г.*— Полн. собр. соч., т. 45.

Ленин В. И. Странички из дневника.— Полн. собр. соч., т. 45.

Ленин В. И. О кооперации.— Полн. собр. соч., т. 45.

Ленин В. И. О нашей революции (*По поводу записок Н. Суханова*).— Полн. собр. соч., т. 45.

Ленин В. И. Как нам реорганизовать Рабкрин (*Предложение XII съезду партии*).— Полн. собр. соч., т. 45.

Ленин В. И. Лучше меньше, да лучше.— Полн. собр. соч., т. 45.

Документы и материалы Коммунистической партии и Советского правительства

«КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», т. I—V. М., 1970—1971.

«Программа Коммунистической партии Советского Союза». (Принята XXII съездом КПСС.) М., 1961.

«50 лет Великой Октябрьской социалистической революции». Постановление Пленума ЦК КПСС. Тезисы ЦК КПСС. М., 1967.

«К 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина. Тезисы ЦК КПСС». М., 1969.

«XXIV съезд КПСС. 30 марта — 9 апреля 1971 года». Стенографический отчет. М., 1971.

«О подготовке к 50-летию образования Союза Советских Социалистических Республик». Постановление ЦК КПСС от 21 февраля 1972 г. М., 1972.

«ВКП(б) о социальном страховании». М., 1940.

«XII съезд РКП(б). 17—25 апреля 1923 г.» Стенографический отчет. М., 1968.

«Декреты Советской власти», т. 1. 25 октября 1917 г.— 16 марта 1918 г. М., 1957.

«X съезд РКП(б). Март 1921 года». Стенографический отчет. М., 1963.

«Директивы ВКП(б) и постановления Советского правительства о народном образовании. Сборник документов за 1917—1947 гг.», вып. I—II. М., 1947.

«Директивы XXIII съезда КПСС по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1966—1970 годы». М., 1966.

«Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. 1917—1957 гг.» Сборник документов, т. 1. 1917—1928 годы, т. 2. 1929—1945 годы. М., 1957.

«Кодекс законов о труде 1922 года». М., 1922.

«Конституция (основной закон) Союза Советских Социалистических Республик». М., 1971.

«К XV съезду ВКП(б). I. За два года (к организационному отчету ЦК ВКП(б). II. Отчеты отделов ЦК ВКП(б)». М.— Л., 1927.

«К XVI съезду ВКП(б). Материалы к организационному отчету ЦК», вып. 1—3. М.— Л., 1930.

«XI съезд РКП(б). Март — апрель 1922 года». Стенографический отчет. М., 1961.

«От XIII к XIV съезду РКП(б)». М.—Л., 1925.

«XV конференция ВКП(б). 26 октября — 3 ноября 1926 г.» Стенографический отчет. М.— Л., 1927.

«XV съезд ВКП(б). Декабрь 1927 года». Стенографический отчет. М., 1961.

«V съезд Советов СССР. 20—28 мая 1929 г.». Стенографический отчет. М., 1929.

«Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам», т. 1, 1917—1928; т. 2. 1928—1940. М., 1967.

«XVII конференция ВКП(б). 30 января — 7 февраля 1932 г.». Стенографический отчет. М., 1932.

«Собрание узаконений (законов) и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства СССР», отд. 1. М., 1925—1932 гг.

«Справочник партийного работника», вып. 1—7. М.— Л., 1921—1930.

«СССР. Год работы правительства. (Материалы к отчету за 1924/25 бюджетный год)». М., 1926.

«СССР. Год работы правительства. (Материалы к отчету за 1925/26 бюджетный год)». М., 1927.

«СССР. Год работы правительства. (Материалы к отчету за 1926/27 бюджетный год)». М., 1928.

«СССР. Год работы правительства. (Материалы к отчету за 1927/28 бюджетный год)». М., 1929.

«СССР. Год работы правительства. (Материалы к отчету за 1928/29 бюджетный год)». М., 1930.

«III съезд Советов СССР. 13—20 мая 1925». Стенографический отчет. М., 1925.

«III сессия ЦИК СССР пятого созыва». Стенографический отчет. М., 1931.

«XIII съезд РКП(б). Май 1924 года». Стенографический отчет. М., 1962.

«XIV конференция РКП(б). 27—29 апреля 1925 г.». Стенографический отчет. М.— Л., 1925.

«IV съезд Советов СССР. 18—26 апреля 1927 г.» Стенографический отчет. М., 1927.

«XIV съезд ВКП(б). 18—31 декабря 1925 г.» Стенографический отчет. М.— Л., 1926.
«XVI конференция ВКП(б). Апрель 1929 года». Стенографический отчет. М., 1962.
«XVI съезд ВКП(б). 26 июня — 13 июля 1930 г.» Стенографический отчет. М.— Л., 1930.
«VI съезд Советов СССР. 8—17 марта 1931». Стенографический отчет. М., 1931.

Доклады, речи и статьи руководящих деятелей Коммунистической партии и Советского правительства

Брежнев Л. И. Ленинским курсом. Речи и статьи. В 2-х томах. М., 1970.
Брежнев Л. И. Решения XXIV съезда КПСС — боевая программа деятельности советских профсоюзов. Речь на XV съезде профсоюзов СССР 20 марта 1972 г. М., 1972.
Дзержинский Ф. Э. Избранные произведения в 2-х томах, изд. 2-е дополн., т. 2. 1924 — июль 1926 г. М., 1967.
Дзержинский Ф. Э. О хозяйственном строительстве СССР. Доклад на XXIII Чрезвычайной Ленинградской губернской конференции ВКП(б). М.— Л., 1926.
Дзержинский Ф. Э. Промышленность СССР, ее достижения и задачи. М.— Л., 1925.
Калинин М. И. Избранные произведения в 4-х томах, т. 1—3. М., 1960—1962.
Калинин М. И. Международное и внутреннее положение СССР. Доклад на Всесоюзном съезде работниц и крестьянок. М.— Л., 1927.
Киров С. М. Выполним великую программу третьего года пятилетки. Речь на III областном съезде Советов. Л., 1931.
Киров С. М. Избранные статьи и речи (1912—1934). М., 1957.
Киров С. М. Одержана великая историческая победа. Доклад об итогах январского объединенного Пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) на собрании партактива Ленинградской организации 17 января 1933 г. М.— Л., 1933.
Кржижановский Г. М. Избранное. М., 1957.
Куйбышев В. В. Избранные произведения. М., 1958.
Куйбышев В. В. Индустриализация страны и режим экономии. Доклад на Пленуме ЦКК 4 апреля 1926. М.— Л., 1926.
Куйбышев В. В. Контрольные цифры промышленности в 1929/30 г. и снабжение рабочих. М., 1930.
Куйбышев В. В. Контрольные цифры пятилетнего плана промышленности на 1928/29—1932/33 гг. Доклад на VIII Всесоюзном съезде профессиональных союзов. М., 1929.
Куйбышев В. В. Народнохозяйственный план третьего года пятилетки. Доклад на III сессии ЦИК СССР V созыва 5 января 1931 г. М.— Л., 1931.
Орджоникидзе Г. К. Статьи и речи; в 2-х томах, т. 2. 1926—1937. М., 1957.
Сталин И. В. Сочинения, т. 10—13. М., 1949—1951.
Суслов М. А. Карл Маркс — гениальный учитель и вождь рабочего класса. Доклад на торжественном заседании в Москве, посвященном 150-летию со дня рождения Карла Маркса. М., 1968.
Шверник Н. М. О дальнейшем улучшении работы профсоюзов. Доклад на V пленуме ВЦСПС. М., 1931.
Шверник Н. М. Профсоюзы СССР накануне второй пятилетки. Доклад и заключительное слово на IX Всесоюзном съезде профсоюзов. М., 1932.
Шверник Н. М. Советские профсоюзы в борьбе за социализм. Доклад на VIII сессии Центрального Совета Профинтерна. М., 1932.
Шверник Н. М. Социализм и право на труд. М., 1937.

Работы руководящих деятелей международного коммунистического и рабочего движения.

Готвальд Клемент. Избранные произведения, т. I—II. М., 1957.
Димитров Георгий. Избранные произведения, т. II. М., 1957.
Пик Вильгельм. Отчет о деятельности Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала. М., 1935.
Поллит Гарри. Избранные статьи и речи (1919—1939). М., 1955.
Торез Морис. Избранные статьи и речи. М., 1966.

Ульбрихт Вальтер. Избранные статьи и речи. М., 1961.
Ульбрихт Вальтер. Развитие германского народно-демократического государства. 1945—1958. М., 1961.
Фостер Уильям. История трех Интернационалов. Международное социалистическое и коммунистическое движение с 1848 года до нашего времени. М., 1959.
Фостер Уильям. Очерки мирового профсоюзного движения. М., 1956.

Сборники документов и материалов. Статистические справочники и сборники

«VIII съезд ВЛКСМ. 5—16 мая 1928 г.» Стенографический отчет. М., 1928.
«VIII съезд профсоюзов СССР. 10—24 декабря 1928 г.» Стенографический отчет. М., 1928.
«Гости пролетариата СССР. Декларации, заявления, письма, отчеты иностранных рабочих делегаций, побывавших в СССР». М., 1932.
«IX Всесоюзный съезд профсоюзов. 20—29 апреля 1932 г.» Стенографический отчет. М., 1933.
«IX съезд ВЛКСМ. 16—26 января 1931 г.» Стенографический отчет. М., 1931.
«Железнодорожный транспорт в годы индустриализации СССР (1926—1941)». Сборник документов и материалов. М., 1970.
«Завершение восстановления промышленности и начало индустриализации Северо-Западного района (1925—1928 гг.)». Сборник документов и материалов. Л., 1964.
«Индустриализация Северо-Западного района в годы первой пятилетки (1929—1932 гг.)». Сборник документов и материалов. Л., 1967.
«Индустриализация Северо-Западного района в годы второй и третьей пятилеток (1933—1941 гг.)» Сборник документов и материалов. Л., 1969.
«Индустриализация СССР. 1926—1928 гг.». Документы и материалы. М., 1969.
«Индустриализация СССР. 1929—1932 гг.». Документы и материалы. М., 1970.
«Индустриализация СССР. 1933—1937 гг.». Документы и материалы. М., 1971.
«Индустриализация Татарской АССР. 1926—1941 гг.». Сборник документов и материалов. Казань, 1968.
«Индустриальное развитие Центрального промышленного района. 1926—1932». Сборник документов и материалов. М., 1969.
«История индустриализации Западной Сибири. (1926—1941 гг.)». Сборник документов и материалов. Новосибирск, 1967.
«История индустриализации Казахской ССР (1926—1941 гг.)». Сборник документов и материалов, в 2-томах. Алма-Ата, 1967.
«История индустриализации Нижегородского — Горьковского края (1926—1941 гг.)». Сборник документов и материалов. Горький, 1968.
«История индустриализации Северного Кавказа. 1926—1932». Документы и материалы. М., 1971.
«История индустриализации Северного края (1926—1941 гг.)». Сборник документов и материалов. Архангельск, 1970.
«История индустриализации Урала (1926—1932 гг.)». Сборник документов и материалов. Свердловск, 1967.
«История индустриализации Центрально-Черноземного района (1926—1932 гг.)». Сборник документов и материалов, т. 1. Воронеж, 1970.
«Коллективизация сельского хозяйства в Среднем Поволжье. 1927—1937 гг.» Сборник документов и материалов. Куйбышев, 1970.
«Коллективизация сельского хозяйства Татарской АССР. 1927—1937 гг.». Сборник документов и материалов. Казань, 1968.
«Колхозы в 1929 году. Итоги сплошного обследования колхозов». М., 1931.
«Коммунистический Интернационал в документах. Решения, тезисы и воззвания конгрессов Коминтерна и пленумов ИККИ. 1919—1932». М., 1933.
«Комсомол на фабриках и заводах к VIII съезду ВЛКСМ». По материалам выборочного обследования фабрично-заводских и транспортных ячеек ВЛКСМ на 1 октября 1927 г. М., 1928.
«Массовое просвещение в СССР к 15-летию Октября», ч. I. М.— Л., 1932; ч. II, 1933.

«Международная пролетарская солидарность в борьбе с наступлением фашизма. 1928—1932 гг.» Документы и материалы. М., 1960.
«Международная солидарность трудящихся в борьбе с наступлением реакции и военной опасностью. 1925—1927 гг.» Документы и материалы. М., 1959.
«Национализация промышленности в СССР». Сборник документов и материалов. 1917—1920 гг. М., 1954.
«Обзор деятельности НКТ СССР за 1927—1928 гг.» Отчет к VIII Всесоюзному съезду профсоюзов. М., 1928.
«Отход сельского населения на заработки в СССР в 1926/27г.» М., 1929.
«Первые шаги индустриализации СССР. 1926—1927». Сборник документов. М., 1959.
«Первый Всероссийский съезд профессиональных союзов. 7—14 января 1918 г.» Полный стенографический отчет. М., 1918.
«Первый Всесоюзный съезд ударных бригад (К тридцатилетию съезда). Сборник документов и материалов. М., 1959.
«Политический и трудовой подъем рабочего класса СССР (1928—1929 гг.)». Сборник документов. М., 1956.
«Пролетарская солидарность трудящихся в борьбе за мир. 1917—1924 гг.» Документы и материалы. М., 1958.
«Промышленность и рабочий класс Украинской ССР в период построения фундамента социалистической экономики (1926—1932 гг.)». Сборник документов и материалов. Киев, 1966.
«Профессиональные союзы СССР. 1924—1926 гг. Отчет ВЦСПС к VII съезду профсоюзов». М., 1926.
«Профессиональные союзы СССР. 1926—1928 гг. Отчет ВЦСПС к VIII съезду профсоюзов». М., 1928.
«Профинтерн в резолюциях». М., 1928.
«Профинтерн в борьбе за массы». Резолюция VIII сессии Центрального Совета Профинтерна. М., 1932.
«Профсоюзы СССР. Документы и материалы», т. I—II. М., 1963.
«V Всесоюзная конференция ВЛКСМ. 24—30 марта 1927 г.» Стенографический отчет. М., 1927.
«Пятый конгресс Профинтерна». Стенографический отчет. М., 1930.
«Рабочий класс Советской России в первый год диктатуры пролетариата». Сборник документов и материалов. М., 1964.
«VII съезд ВЛКСМ. 11—22 марта 1926 г.» Стенографический отчет. М.— Л., 1926.
«VII съезд профсоюзов СССР. 6—18 декабря 1926 г.» Полный стенографический отчет. М., 1927.
«Социалистическая индустриализация Азербайджана». Сборник документов и материалов. Баку, 1957.
«Социалистическая индустриализация и развитие рабочего класса Советской Молдавии (1926—1958 гг.)». Сборник документов и материалов. Кишинев, 1970.
«Социалистическое соревнование в СССР. 1918—1964 гг.» Сборник документов и материалов профсоюзов. М., 1965.
«VI Всесоюзная конференция ВЛКСМ. 17—24 июня 1929 г.» Стенографический отчет. М., 1929.
«VI съезд ВЛКСМ. 12—18 июня 1924 г.» Стенографический отчет. М.— Л., 1924.
«Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции». Документы и материалы, ч. 2—3. М.— Л., 1957.

•

«Всесоюзная перепись населения 1926 г.», т. 52 (Безработные). М., 1931.
«Итоги выполнения первого пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР». М., 1933.
«Итоги десятилетия Советской власти в цифрах. 1917—1927». М., 1927.
«Капиталистические страны в 1913, 1920—1936 гг.» Статистический сборник, т. 1. М., 1937.
«Контрольные цифры народного хозяйства на 1928/29 г.» М., 1929.
«Контрольные цифры народного хозяйства на 1929/30 г.» М., 1930.
«Культурное строительство СССР». Статистический сборник. М.— Л., 1940.
«Культурное строительство СССР». Статистический сборник. М., 1956.
«Массовое просвещение в СССР к 15-летию Октября», ч. 1. М.—Л., 1932.

«Народное хозяйство СССР». Статистический справочник. 1932. М.— Л., 1932.
«Народное хозяйство СССР». Статистический сборник. М., 1956.
«Народное хозяйство СССР». Статистические ежегодники за 1956—1970 гг. М., 1957—1971.
«Народнохозяйственный план СССР на 1931 год». М.— Л., 1931.
«Перепись рабочих и служащих в 1929 г.», т. 1. Металлисты СССР. М., 1930.
«Промышленность за 10 лет (1917—1927 гг.)». М., 1927.
«Промышленность СССР». [Справочник]. М., 1936.
«Промышленность СССР». Статистический сборник. М., 1957.
«Промышленность СССР». Статистический сборник. М., 1964.
«Профсоюзная перепись 1932—1933 гг.». М., 1934.
«Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР», т. 1—3, изд. 1-е. М., 1929; изд. 2-е, М., 1930.
«Сдвиги в сельском хозяйстве СССР между XV и XVI партийными съездами. Статистические сведения о сельском хозяйстве за 1927—1930 гг.» Для членов XVI съезда ВКП(б). М., 1930.
«Советская печать в цифрах. 1917—1947». М., 1948.
«Социальное страхование в 1926—1928 гг.» Краткий отчет Цусстраха. М., 1928.
«СССР в цифрах». Статистический сборник. М., 1958.
«Статистические материалы по труду и социальному страхованию», вып. 1—4. М., 1927—1928.
«Страна Советов за 50 лет». Сборник статистических материалов. М., 1967.
«Труд в СССР». Статистико-экономический обзор. М., 1924.
«Труд в СССР. 1924—1926 гг.» Диаграммы. М., 1926.
«Труд в СССР. 1926—1928 гг.» Диаграммы. М., 1928.
«Труд в СССР. 1926—1930». Справочник. М., 1930.
«Труд в СССР». Экономическо-статистический справочник. М.— Л., 1932.
«Труд в СССР». Статистический справочник. М., 1936.
«Труд в СССР». Статистический сборник. М., 1968.

Периодическая печать

Газеты

«Правда» (1917—1934 гг.; 1967—1972 гг.).
«Известия» (1917—1934 гг.; 1967—1972 гг.).
«Рабочая газета» (1926—1931 гг.).
«Труд» (1926—1934 гг.).
«Торгово-промышленная газета» (1926—1931 гг.).
«Комсомольская правда» (1926—1934 гг.).
«Рабочая Москва» (1926—1933 гг.).
«Ленинградская правда» (1926—1933 гг.).
«Уральский рабочий» (1926—1933 гг.).

Журналы

«Большевик» (1926—1933 гг.).
«Коммунист» (1967—1972 гг.).
«Известия ЦК РКП(б)» (1921—1925 гг.).
«Известия ЦК ВКП(б)» (1926—1931 гг.).
«Партийное строительство» (1926—1931 гг.).
«Бюллетень Народного комиссариата труда» (1918—1920 гг.).
«Вестник Народного комиссариата труда» (1918 г.).
«Вестник труда» (1925—1928 гг.).
«Вопросы страхования» (1926—1931 гг.).
«Вопросы труда» (1923—1933 гг.).
«Известия Народного комиссариата труда» (1922—1933 гг.).
«Красный Интернационал профсоюзов» (1930—1933 гг.).
«Мировая экономика и международные отношения» (1967—1972 гг.).
«На аграрном фронте» (1929—1932 гг.)
«На трудовом фронте» (1930—1933 гг.).
«Наши достижения» (1929 г.).
«Плановое хозяйство» (1926—1931 гг.).
«Пути индустриализации» (1928—1931 гг.).
«Статистика труда» (1926—1929 гг.).
«Статистическое обозрение» (1926—1931 гг.).
«Экономическое обозрение» (1926—1931 гг.).

Монографии, сборники статей и брошюры

Адибеков Г. М. Красный Интернационал профсоюзов. (Очерки истории Профинтерна). М., 1971.

Аминова Р. Х. Аграрная политика Советской власти в Узбекистане (1917—1920 гг.). Ташкент, 1963.

Алфутов В. Почему трудно в городе найти заработок. М., 1926.

Аникст А. М. Обзор деятельности Наркомтруда за 1921 год. М., 1921.

Аникст А. М. Организация распределения рабочей силы. Статьи и доклады за 1918—1920 гг. М., 1920.

Аникст А. М. Организация рынка труда за два года Советской власти. (Краткий очерк). М., 1920.

Астапович З. А. Первые мероприятия Советской власти в области труда (1917—1918 гг.). М., 1958.

Баевский Д. А. Очерки по истории хозяйственного строительства периода гражданской войны. М., 1957.

Байшин А. А. Исторические этапы формирования рабочего класса в Советском Казахстане. Алма-Ата, 1958.

Бахутов А. М. Безработица и борьба с нею. М.— Л., 1928.

Бахутов А. М. Безработица и меры борьбы с нею. М.— Л., 1928.

Бахутов А. М. Безработица и пути ее изжития. М.— Л., 1930.

Богденко М. Л. Строительство зерновых совхозов в 1928—1932 гг. М., 1958.

Борисов Ю. С. Подготовка производственных кадров сельского хозяйства СССР в реконструктивный период. М., 1960.

Быстрицкий М. Г., Серебренников Г. Н. Новая броня подростков. М., 1929.

Варга Е. С. Между VI и VII конгрессами Коминтерна. Экономика и политика. 1928—1934. М., 1935.

Варга Е. С. Современный капитализм и экономические кризисы. Избранные труды. М., 1962.

«Великий Октябрь и мировой революционный процесс. (Пятьдесят лет борьбы рабочего класса во главе революционных сил современной эпохи)». М., 1967.

Венедиктов А. В. Организация государственной промышленности в СССР, т. 1. 1917—1920 гг. Л., 1957.

Волобуев П. В. Пролетариат и буржуазия России в 1917 году. М., 1964.

Волобуев П. В. Экономическая политика Временного правительства. М., 1962.

«Вопросы безработицы». (Сборник статей). М., 1918.

«Вопросы историографии и источниковедения истории рабочего класса СССР». Сборник статей. Л., 1962.

«Вопросы историографии рабочего класса СССР». М., 1970.

Воскресенский Ю. В. Переход Коммунистической партии к осуществлению политики социалистической индустриализации СССР (1925—1927). М., 1969.

«Всемирная история в десяти томах», т. IX. М., 1962.

Гапоненко Л. С. Рабочий класс России в 1917 году. М., 1970.

Гинзбург Л. И. Как бороться с безработицей. М.— Л., 1927.

Гиндин Я. И. Безработица в СССР. М., 1925.

Гиндин Я. И. Безработица и борьба с нею. Л., 1927.

Гиндин Я. И. Борьба с безработицей и наем рабочей силы. М., 1927.

Гиндин Я. И. Новые формы работы бирж труда. Л., 1924.

Гиндин Я. И. Профессиональные союзы и безработица (1917—1927 гг.). М., 1927.

Гиндин Я. И. Регулирование рынка труда и борьба с безработицей. М., 1926.

Гладков И. А. От плана ГОЭЛРО к плану шестой пятилетки. М., 1956.

Гладков И. А. Очерки советской экономики. 1917—1920 гг. М., 1956.

Гордон А. А. Из истории рабочего класса Индии. Положение бомбейского пролетариата в новейшее время. М., 1961.

Городецкий Е. Н. Рождение Советского государства. 1917—1918 гг. М., 1965.

«Горьковский автомобильный. Очерк истории завода». М., 1964.

Гудов И. И. Судьба рабочего. М., 1970.

Дадыкин Р. П. Начало массового социалистического соревнования в промышленности СССР. М., 1954.

Данилов В. П. Создание материально-технических предпосылок коллективизации сельского хозяйства в СССР. М., 1957.

Данский Б. Г. Социальное страхование раньше и теперь. М., 1926.
Дацук Г. И. Вопросы труда в плане народного хозяйства 1929/30 г. М., 1930.
Дементьев Е. М. Фабрика, что она дает населению и что она у него берет. М., 1893.
Диденко Г. Д. Рабочий класс Украины в годы восстановления народного хозяйства. 1921—1925. Киев, 1962.
Дробижев В. З. Главный штаб социалистической промышленности. (Очерки истории ВСНХ. 1917—1932 гг.). М., 1966.
Дробижев В. З. Советский рабочий класс в период социалистической реконструкции народного хозяйства. М., 1961.
Евдокимов А. М. Об отходничестве из колхозов. М.— Л., 1931.
Евстафьев Г. Н. Социалистическое соревнование — закономерность и движущая сила экономического развития советского общества. М., 1952.
Егорова А. Г. Профсоюзы и фабзавкомы в борьбе за победу Октября (март — октябрь 1917 г.). М., 1960.
Ермолаев С. И. Броня подростков. М., 1929.
Зак Л. М., Лельчук В. С., Погудин В. И. Строительство социализма в СССР. Историографический очерк. М., 1971.
Завалеев Н. Е. Рабочий класс Белоруссии в борьбе за социализм. 1917—1932 гг. Минск, 1967.
Зеленин И. Е. Зерновые совхозы СССР (1933—1941 гг.). М., 1966.
«Из истории рабочего класса в Кузбассе (1917—1965)». Сборник статей, вып. 1—3. Кемерово, 1965—1968.
«Из истории рабочего класса Урала». Сборник статей. Пермь, 1961.
«Из истории рабочего класса СССР». Сборник статей. Л., 1962.
«Из истории советской интеллигенции». Сборник статей. М., 1966.
«Изменения в численности и составе советского рабочего класса». Сборник статей. М., 1961.
Изотов Н. А. Моя жизнь. Моя работа. Харьков, 1934.
«Изотовцы Донбасса». Л., 1934.
Исаев А. Н. Безработица в СССР и борьба с нею (За период 1917—1924 гг.). М., 1924.
Исаев А. Н. Происхождение и характер безработицы в СССР. М., 1926.
«История Болгарии, в 2-х томах», т. II. М., 1955.
«История завода «Динамо», в 3-х книгах, кн. 1, 2. М., 1961, 1964.
«История Кировского завода. 1917—1945». М., 1966.
«История Коммунистической партии Советского Союза», в 6 томах, т. I—IV. М., 1967—1971.
«История Коммунистической партии Советского Союза». М., 1970.
«История Ленинградской государственной ордена Ленина и ордена Трудового Красного Знамени обувной фабрики «Скороход» им. Я. Калинина». Л., 1969.
«История международного рабочего и национально-освободительного движения», ч. II. 1917—1939 годы. М., 1962.
«История Московского автозавода имени И. А. Лихачева». М., 1966.
«История рабочего класса Киргизстана». Фрунзе, 1966.
«История рабочего класса Советского Туркменистана (1917—1965 гг.)». Ашхабад, 1969.
«История рабочего класса Узбекистана», т. I. Ташкент, 1964.
«История Румынии. 1918—1970 гг.» М., 1971.
«История СССР с древнейших времен до наших дней», т. VII—VIII. М., 1967.
«История СССР. Эпоха социализма (1917—1961 гг.)». Учебник. М., 1964.
Карпов Г. Г. Ленин о культурной революции. Л., 1970.
Касьяненко В. И. Как была завоевана технико-экономическая самостоятельность СССР. М., 1964.
Касьяненко В. И. Завоевание экономической независимости СССР (1917—1940 гг.). М., 1972.
Катунцева Н. М. Роль рабочих факультетов в формировании кадров народной интеллигенции СССР. М., 1966.
Ким М. П. Великий Октябрь и культурная революция в СССР. М., 1967.
Ким М. П. Коммунистическая партия — организатор культурной революции в СССР. М., 1955.
Ким. М. П. 40 лет советской культуры. М., 1957.
Клейнборт Л. М. История безработи-

цы в России. 1857—1919 гг. М., 1925.
Капустин А. И. Три года социалистического соревнования масс. М.— Л., 1932.
Кольцов А. В. Культурное строительство в РСФСР в годы первой пятилетки (1928—1932). М., 1960.
«Краткая история советского рабочего класса. 1917—1967». М., 1968.
Кузьмин В. И. Исторический опыт советской индустриализации. М., 1969.
Кульбакин В. Д. Очерки новейшей истории Германии. М., 1962.
«Коммунистическая партия — вдохновитель и организатор социалистического соревнования в СССР». М., 1961.
«Культурная революция в СССР. 1917—1965 гг.» М., 1967.
Куманев В. А. Социализм и всенародная грамотность. Ликвидация массовой неграмотности в СССР. М., 1967.
Лан В. США от первой до второй мировой войны. М., 1947.
Лебедева Н. Б., Шкаратан О. И. Очерки истории социалистического соревнования. Л., 1966.
Лельчук В. С. Создание химической промышленности СССР. Из истории социалистической индустриализации. М., 1964.
«Ленинский кооперативный план и борьба партии за его осуществление». М., 1969.
«Ленинский кооперативный план и его осуществление в союзных республиках». М., 1963.
«Ленинский план социалистической индустриализации и его осуществление». М., 1969.
Лосев В. О безработице. М.— Л., 1926.
Лященко П. И. История народного хозяйства СССР, т. 2—3. М., 1952, 1956.
Маркус Б. Л. Вопросы труда на новом этапе. Сборник статей. М.— Л., 1931.
Маркус Б. Л. Основные вопросы труда в пятилетке. М.— Л., 1929.
Маркус Б. Л. Труд в социалистическом обществе. М., 1939.
«Материалы об экономическом положении и профессиональной организации петербургских рабочих по металлу». СПб., 1909.
Матюгин А. А. Рабочий класс СССР в годы восстановления народного хозяйства (1921—1925 гг.). М., 1962.
Микулина Е. Соревнование масс. М.— Л., 1929.
Мильчаков А. Первое десятилетие. Записки ветерана комсомола, изд. 2-е, дополненное и переработанное. М., 1965.
Минц Л. Е. Как живет безработный (бюджеты безработных). М., 1927.
Минц Л. Е. Рынок труда в России. М., 1923.
Минц Л. Е. Труд и безработица в России (1921—1924 гг.). М., 1924.
Митупов Б. М. Развитие промышленности и формирование рабочего класса в Бурятской АССР. 1923—1937. Улан-Удэ, 1958.
Московский А. С. Формирование и развитие рабочего класса Сибири в период строительства социализма. Новосибирск, 1968.
Нежинский Л. Н. Очерк истории Народной Венгрии. М., 1969.
Некрасова И. М. Ленинский план электрификации страны и его осуществление в 1921—1931 гг. М., 1960.
Нефедьев Н. П. Четыре года соцсоревнования. М., 1933.
Нусупбеков А. Н. Формирование и развитие советского рабочего класса в Казахстане (1917—1940 гг.). Алма-Ата, 1966.
Олегина И. Н. Индустриализация СССР в английской и американской историографии. Л., 1971.
«Очерк истории Харьковского электромеханического завода», ч. 1. 1888—1917; ч. 2. 1918—1964. Харьков, 1963, 1965.
«Очерки истории КПСС». Учебное пособие для школ основ марксизма-ленинизма. М., 1971.
«Очерки истории Народной Польши, в трех томах». Дополнительный том. М., 1965.
«Очерки истории советского рабочего класса (1917—1965 гг.)». М., 1966.
«Очерки новейшей истории Японии». М., 1957.
«Очерки по историографии советского общества». Сборник статей. М., 1967.
«Очерки рабочего движения во Франции. (1917—1967)». М., 1968.
«Очерки развития народного хозяйства Украинской ССР». М., 1954.

Панфилова А. М. Формирование рабочего класса СССР в годы первой пятилетки (1928—1932). М., 1964.
Поляков Ю. А. Переход к нэпу и советское крестьянство. М., 1967.
Подвигина Е. П. Партия — организатор трудового подъема в борьбе за развитие тяжелой индустрии (в довоенные пятилетки). М., 1957.
«Построение фундамента социалистической экономики в СССР. 1926—1932 гг.» М., 1960.
«Проблемы безработицы в период общего кризиса капитализма». М., 1963.
«Рабочий класс в управлении государством (1926—1937 гг.)». М., 1968.
«Рабочий класс и рабочее движение в России в 1917 г.». Материалы научной сессии, состоявшейся 3—5 июля 1962 г. в Киеве. М., 1964.
Рашин А. Г. Состав фабрично-заводского пролетариата СССР. М., 1930.
Рашин А. Г. Формирование промышленного пролетариата в России. М., 1940.
Резник Я. Б., Розенблат. Порядок найма рабочей силы и борьба с безработицей. Одесса, 1927.
Рогачевская Л. С. Из истории рабочего класса СССР в первые годы индустриализации. 1926—1927 гг. М., 1959.
«Родина Советская. 1917—1967». М., 1967.
«Роль рабочего класса в социалистическом преобразовании деревни в СССР». Сборник статей. М., 1968.
Романов М. М. О ликвидации безработицы в СССР. М., 1930.
Романов М. М. Организация отходничества на новом этапе. М.— Л., 1931.
Романов М. М. Труд в СССР и в капиталистических странах. М.— Л., 1931.
Романов Ф. А. Рабочее и профессиональное движение в годы первой мировой войны и второй русской революции (1914 — февраль 1917 года). М., 1949.
Салов А. П. Рождение цеха. М., 1930.
Самойлова К. Н. Современная безработица и борьба с ней. Пг., 1918.
Селунская В. М. Борьба Коммунистической партии Советского Союза за социалистическое преобразование сельского хозяйства (октябрь 1917 г.— 1934 г.). М., 1961.
Селунская В. М. Рабочий класс и Октябрь в деревне. Рабочий класс во главе Октябрьской социалистической революции в деревне. Октябрь 1917—1918 гг. М., 1968.
Симин М. А. Чехословацкая социалистическая республика (Переходный период и завершение строительства социализма. 1945—1961 гг.). М., 1963.
Слуцкий А. Б. Рабочий класс Украины в борьбе за создание фундамента социалистической экономики (1926—1932 гг.). Киев, 1963.
«Снабжение народного хозяйства рабочей силой и помощь безработным». Сборник статей. М., 1928.
«Советская интеллигенция (История формирования и роста. 1917—1965)». М., 1968.
«Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС». Сборник статей. М., 1962—1963.
«Советское крестьянство. Краткий очерк истории (1917—1969)». М., 1970.
«Социалистическое соревнование в промышленности СССР». М., 1930.
«СССР в период восстановления народного хозяйства (1921—1925 гг.)». Исторические очерки. М., 1955.
Стаханов А. Г. Рассказ о моей жизни. М., 1938.
Степанов Д. А. Увеличивает ли рационализация безработицу? М.— Л., 1929.
Стоклицкий А. В. Поступью миллионов. Первый год социалистического соревнования. М.— Л., 1931.
Струмилин С. Г. Избранные произведения в 5-ти томах, т. 2—3. М., 1963, 1964.
Струмилин С. Г. На плановом фронте. 1920—1930 гг. М., 1958.
Струмилин С. Г. Социальные проблемы пятилетки. 1928/29—1932/33. М.— Л., 1929.
Суворов К. И. Великое завоевание советского народа в области труда (о ликвидации безработицы в СССР). М., 1965.
Суворов К. И. Исторический опыт КПСС по ликвидации безработицы. (1917—1930). М., 1968.
Тарновский К. Н. Формирование государственно - монополистического капитализма в России в годы первой мировой войны. (На примере

металлургической промышленности). М., 1958.
Тимофеев Т. Т. Великая Октябрьская социалистическая революция и международное рабочее движение. М., 1967.
Тимофеев Т. Т. Пролетариат против монополий. Очерки по проблемам классовой борьбы и общедемократических движений в США. М., 1967.
Толстопятов И. А. Перспективы труда в свете развития народного хозяйства СССР. М., 1929.
Трапезников С. П. Аграрный вопрос и ленинские аграрные программы в трех русских революциях. М., 1963.
Трапезников С. П. Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос, в 2-х томах. М., 1967.
Трукан Г. А. Октябрь в Центральной России. М., 1967.
Трухановский В. Г. Новейшая история Англии. М., 1958.
«Формирование и развитие советского рабочего класса (1917—1961 гг.)». Сборник статей. М., 1964.
Хавин А. Ф. Краткий очерк истории индустриализации СССР. М., 1962.
Хавин А. Ф. У руля индустрии. М., 1968.
Ходоровский И. И. Рынок труда в России в 1918 г. М., 1919.
Чангли И. И. Социалистическое соревнование и новые формы коммунистического труда. М., 1959.
«Четверть века Народной Болгарии». М., 1969.
Шарапов Г. В. Разрешение аграрного вопроса в России после победы Октябрьской революции (1917—1920 гг.). М., 1961.
Шарова П. Н. Коллективизация сельского хозяйства в Центрально-Черноземной области (1928—1932 гг.). М., 1963.
Шатан Е. О. Проблема безработицы на Украине. Харьков, 1929.
Шварцман Д. Как Советская власть и профсоюзы борются с безработицей. М.— Л., 1927.
Шмидт В. В. На путях проведения 7-часового рабочего дня. М., 1929.
Шмидт В. В. Положение рабочего класса в СССР. М.— Л., 1928.
Шмидт В. В. Регулирование труда сезонных рабочих в Союзе ССР. М., 1926.
Яковлев А. Ф. Экономические кризисы в России. М., 1955.
«Глазами друзей». Сборник. Л., 1959.
«Глазами иностранцев. 1917—1932». М., 1932.
Кейнс Дж. Общая теория занятости, процента и денег (пер. с англ.). М., 1948.
Коньо Ж. Знакомство с Советским Союзом (пер. с франц.). М., 1959.
Мамиак Л. и *Вюрсмер А.* СССР открытым сердцем. М., 1961.
Морис Дж. Глазами американца (сокр. пер. с англ.). М., 1960.
Пулен Ж.-К. Что говорят и что я видел (пер. с франц.). М., 1960.
Роллан Р. Избранные сочинения, т. 13. М., 1958.
Уильямсон Гарольд Ф. Экономика, экономисты и экономическая политика США после первой мировой войны. Тезисы выступления на V Международном конгрессе экономической истории. М., 1970.
Уинч Д. Экономика и политика: влияние времени и места. Тезисы выступления на V Международном конгрессе экономической истории. М., 1970.
Шоу Б. Избранное. М., 1953.
Хатт А. Положение рабочего класса в Англии. М., 1934.
Хатчинсон Г. В. Экономическая мысль и экономическая политика: обобщение и двусмысленность. Тезисы выступления на V Международном конгрессе экономической истории. М., 1970.
Aragon L. Histoire parallélé. Histoire de l'URSS de 1917 à 1960, tome I. Paris, 1962.
Baade F. Der Wettlauf zum Jahre 2000. Unsere Zukunft: ein Paradies oder die Selbstvernichtung der Menschheit. Oldenburg, 1960.
Ball M. Nationalism and Communism in East Asia. Melbourne, 1952.
Carr E. H. Socialism in Onecountry, v. II. London, 1959.
Cliff T. Stalinist Russia (A Marxist Analysis). London, 1955.
«Conditions de travail en URSS». Paris, 1961.
Erlich A. The Soviet Industrialization debate. Harvard Macc, 1960.
Groot P. de De Dertiger Jaren 1930—1935. Amsterdam, 1965.
Harper S. The Russia I Believe in. The Memoirs (1902—1941). Chicago, 1945.

Hofmann W. Wohin steuert die Sowjetwirtschaft? Berlin, 1955.
«Industrial workers in the USSR». London, 1967.
«Le Grand défi». Encyclopédie comparée USA — URSS. Paris, 1967—1968.
Mehnert K. Der Sowietmensch. Versuch eines Porträts nach zwell Reisen in die Sowjetunion. 1929—1957. Stuttgart, 1958.
Meyer A. Leninism. Cambridge, Massachusetts, 1957.
Moch J. URSS des yeux ouverts. Paris, 1956.
Price Ph. Russia Forty Years on. London, 1961.
Schapiro L. The Communist Party of the Soviet Union. New York, 1960.
Scharndorff W. Die Geschichte der KPdSU. München, 1961.
Schuman F. Russia since 1917. Four Decades of Soviet Politics. New York, 1957.
«The USSR and the Future. An Analysis of the New Programm of the CPSU». New York — London, 1963.
«The Soviet worker. Labor and Gawerment in Soviet Society». New York, 1966.
«Soviet economic growth. A comparison with the United States». Washington, 1957.
Strong A. L. The Stalin era. New York, 1956.

Ім. [illegible] ЧЕНКА
г. Вітебск

УКАЗАТЕЛЬ ИСПОЛЬЗОВАННЫХ АРХИВНЫХ ФОНДОВ

Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ЦПА ИМЛ)

ф. 17 — Центральный Комитет КПСС
ф. 67 — Личный фонд Ф. Э. Дзержинского
ф. 71 — Фонд воспоминаний старых большевиков
ф. 78 — Личный фонд М. И. Калинина
ф. 79 — Личный фонд В. В. Куйбышева
ф. 85 — Личный фонд Г. К. Орджоникидзе
ф. 94 — Фракция ВКП(б) ВЦИК и съездов Советов
ф. 95 — Фракция ВКП(б) ВЦСПС
ф. 355 — Личный фонд Г. М. Кржижановского
ф. 482 — Личный фонд Г. И. Петровского

Центральный государственный архив Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР (ЦГАОР СССР)

ф. 374 — Народный комиссариат рабоче-крестьянской инспекции СССР
ф. 382 — Народный комиссариат труда РСФСР
ф. 5451 — Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов (ВЦСПС)
ф. 5457 — ЦК профсоюза текстильщиков
ф. 5459 — ЦК профсоюза горнорабочих
ф. 5462 — ЦК профсоюза работников просвещения
ф. 5465 — ЦК профсоюза работников здравоохранения
ф. 5466 — ЦК профсоюза сельскохозяйственных и лесных рабочих
ф. 5469 — ЦК профсоюза рабочих-металлистов
ф. 5475 — ЦК профсоюза железнодорожников
ф. 5508 — ЦК профсоюза работников искусств
ф. 5515 — Народный комиссариат труда СССР

Центральный государственный архив народного хозяйства СССР (ЦГАНХ СССР)

ф. 3429 — Высший Совет Народного Хозяйства СССР (ВСНХ)
ф. 4372 — Государственная плановая комиссия СССР
ф. 7446 — Колхозцентр
ф. 7733 — Народный комиссариат финансов СССР

Архив ЦК ВЛКСМ

ф. 1 — Бюро и Секретариат ЦК ВЛКСМ. Стенограммы пленумов, конференций и съездов ВЛКСМ, Отдел рабочей молодежи
Отдел агитации и пропаганды
Материалы экономической комиссии ЦК ВЛКСМ
Отчеты комсомольских организаций республик, краев и областей

Архив Института истории партии МК и МГК КПСС (МПА)

ф. 3 — Московский областной комитет КПСС
ф. 4 — Московский городской комитет КПСС

Ленинградский партийный архив Института истории партии Ленинградского обкома КПСС (ЛПА)

ф. 16 — Ленинградский губернский комитет ВКП(б)
ф. 24 — Ленинградский областной комитет КПСС

ф. 25 — Ленинградский городской комитет КПСС
ф. 598 — Ленинградский губернский комитет ВЛКСМ

Партийный архив Новосибирского областного комитета КПСС (ПАНО)

ф. 2 — Сибирский краевой комитет ВКП(б)
ф. 3 — Западно-Сибирский краевой комитет ВКП(б)
ф. 18 — Новосибирский губернский комитет ВКП(б)
ф. 188 — Сибирский краевой комитет ВЛКСМ

Партийный архив Новосибирского областного комитета КПСС (ПАСО)

ф. 4 — Свердловский областной комитет КПСС
ф. 61 — Свердловский областной комитет ВЛКСМ

Государственный архив Московской области (ГАМО)

ф. 146 — Московский губернский отдел труда исполкома Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов
ф. 180 — Московский губернский совет профессиональных союзов
ф. 302 — Московский губернский отдел профсоюза работников «Медсантруд»
ф. 700 — Московский губернский отдел профсоюза работников просвещения
ф. 751 — Московский губернский отдел профсоюза работников искусств
ф. 765 — Московский областной комитет профсоюза работников искусств
ф. 2159 — Московский городской совет профессиональных союзов (МГСПС)
ф. 2180 — Московский областной совет профессиональных союзов (МОСПС)
ф. 4056 — Московский областной комитет профсоюза работников просвещения
ф. 4816 — Московский областной комитет профсоюза работников здравоохранения

Ленинградский государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства (ЛГАОРСС)

ф. 3299 — Ленинградский городской отдел труда исполкома Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов
ф. 4370 — Ленинградский областной отдел труда исполкома Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов
ф. 6047 — Ленинградский областной комитет профсоюза работников искусств
ф. 6262 — Ленинградский областной комитет профсоюза работников здравоохранения
ф. 6276 — Ленинградский областной совет профессиональных союзов (ЛОСПС)

Государственный архив Новосибирской области (ГАНО)

ф. 532 — Отдел труда при Западно-Сибирском краевом исполкоме
ф. 627 — Западно-Сибирский краевой совет профессиональных союзов

Государственный архив Свердловской области (ГАСО)

ф. 272 — Уральский областной совет профессиональных союзов
ф. 277 — Уральский областной отдел труда исполкома Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Абрамов В. А. 196
Авдеев П. Н. 91
Акапов Р. Я. 16
Александров И. Г. 111
Алексеев И. А. 275, 285
Аминова Р. Х. 64
Андреев А. А. 93
Аникст А. М. 10, 67—69, 80, 94
Анкудинова Л. Е. 64
Арагон Л. 27, 28
Арджирис К. 326
Арскот Э. 341
Артюхина А. В. 93, 124
Арутюнян Ю. В. 23, 207
Архангородская Н. С. 43
Астапович З. А. 14, 15, 64, 67, 71

Бааде Ф. 358
Баевский Д. А. 63
Базаров 180
Бакулев Г. Д. 52
Барбюс А. 339
Бахутов А. М. 11,19, 20, 80, 83, 94, 95, 141
Бейлин Л. А. 323
Блажний И. 354
Богденко М. Л. 194, 196, 197
Борисов Ю. С. 210, 243
Бородкин Л. Б. 323
Бочков Н. В. 64
Брежнев Л. И. 360
Быстрицкий М. Г. 135, 136

Вальтер П. 342
Варга Е. С. 327, 333, 334
Васильева Т. В. 94, 275, 285
Васильченко В. Е. 230
Венедиктов А. В. 63
Вивинг 341
Волобуев П. В. 52, 54, 56
Вольфсон Ф. О. 42, 98
Воскресенский Ю. В. 16, 43
Вюрмсер А. 28, 356—358

Галлахер У. 352
Гапоненко Л. С. 43, 53—57
Гастев А. К. 140
Генкина Э. Б. 43
Гиммельфарб С. 12, 21, 22
Гиндин Я. И. 11—13, 17, 19, 51, 74 81, 84, 88, 89, 94, 95, 101, 102, 147 159, 187, 200, 201, 274
Гинзбург Л. И. 11, 158, 274
Гладков И. А. 39, 111
Гинлякевич М. П. 275
Голиков В. А. 196
Гордок А. А. 361
Городецкий Е. Н. 62
Горький А. М. 325
Готвальд К. 360
Гофман В. 25, 26
Графтио Г. О. 111
Грэм Т. 359
Гувер 342
Гудов И. И. 43, 325, 326
Гутина Е. Я 42, 43, 94

Дадыкин Р. П. 323
Данилов В. П. 194, 196
Данилов Л. И. 275
Данский Б. Г. 19
Дацук Г. И. 20
Деев-Хомяковский Г. 225
Дементьев Е. М. 48
Дзержинский Ф. Э. 37, 75, 186, 275
Диденко Г. Д. 16, 19
Димитров Г. 27, 361
Довженко М. П. 14
Догадов А. И. 93, 124, 158
Драйзер Т. 345
Дробижев В. З. 16, 62, 282, 323
Дубров М. И. 323
Дэнн Б. 331

Евдокимов А. 22
Евстафьев Г. Н. 322
Егорова А. Г. 57, 63
Елин С. 13, 155, 156

Жимерин Д. Г. 111

Завалеев Н. Е. 16, 19
Заводовский П. И. 94
Зак Л. М. 194
Заромский И. 12, 20—22
Звездин З. К. 43
Зеленин И. Е. 194, 196
Землячка Р. С. 93

Зенькович В. 12, 20—22
Зимина М. И. 14, 67
Зиновьев 116, 118

Иванов И. 12, 20
Иванов Н. А. 275
Иванова А. М. 217
Игнатенко Т. А. 64
Изотов А. 322, 324
Изотов Н. А. 43, 322, 324—326
Исаев А. Н. 11, 12, 17, 19, 51, 58, 68, 70, 72, 75—77, 101, 105, 107
Иткин М. Л. 64

Кабаков И. Д. 204
Каган Г. 12
Казанцев Б. Н. 43
Калинин М. И. 93, 124, 300
Калинников 180
Каменев 116
Капустин А. И. 322
Карр Э. Х. 24
Катуницева Н. М. 237
Кейкс Д. 358
Келлерман Б. 339
Кеннеди Д. 359
Керенский 59
Ким М. П. 214, 215, 218, 222, 234, 235, 305
Киров С. М. 138
Клейнборт Л. М. 12, 47, 49, 50, 56, 58, 70
Кливанский С. 22
Клифф Т. 26
Колосанидзе В. 11
Кольцов А. В. 215, 218, 223
Кондратьев 13, 155
Коньо Ж. 355, 356
Косарев А. 138
Косиор С. В. 124
Кочетковская Е. Н. 64
Краваль И. А. 275, 287, 293, 307, 340
Кржижановский Г. М. 37, 86, 111, 158, 160, 186, 199, 261
Кроткова Е. И. 43
Крупская Н. К. 93
Кузнецов С. П. 104
Кузьмин В. И. 323
Куйбышев В. В. 37, 92, 93, 160, 275, 311, 321
Кулышев Ю. А. 97, 323, 346
Кульбакин В. Д. 328, 333, 340, 345, 348
Куманев В. А. 213, 214
Кутюрье П. В. 27

Лан В. 328, 343
Лебедева Н. Б. 323
Левина Н. Н. 42, 98
Ледяев Д. И. 51, 70, 102, 103, 109
Лежава А. М. 80
Лейберов И. П. 54
Лельчук В. С. 16, 194
Ленин В. И. 4—8, 30, 47—50, 52, 55—57, 59—62, 65, 66, 75, 86, 93, 110—114, 149, 158, 320, 321, 326, 340, 360, 361
Либкинд А. 22
Лифшиц А. 11
Ловецкий И. Н. 42, 139
Лосев В. 11
Лубих-Герцык Л. И. 84
Луначарский А. В. 93
Лутченко А. И. 242
Лященко П. И. 49, 53, 54, 122

Мамиак Л. 28, 356—358
Марголин 11
Маркс К. 3—7, 340, 344
Маркус Б. Л. 12, 13, 20—24, 34, 94, 144, 145, 147, 155, 184, 200, 207, 301, 305
Маслов П. П. 113, 114
Матюгин А. А. 16, 19, 39, 43, 74, 75, 79, 83, 88, 105
Менжинский В. Р. 80
Микоян А. И. 93
Микулина Е. 322
Мильчаков А. 138
Минц Л. Е. 11—13, 17, 18, 51, 74, 77—82, 86, 88
Митрофанова А. В. 43, 94, 101, 274, 275
Мозжухин С. Г. 125
Мок Ж. 30
Моррис Д. 356
Мохов З. 24
Муни Т. 338
Мышалов С. 11

Нежинский Л. Н. 360
Некрасова И. М. 111
Нексе М. А. 27, 355
Немченко В. 357
Немченко Л. П. 94, 102, 125, 165
Неру Д. 26
Нефедов М. А. 94
Нефедов Н. П. 322
Николай II Романов 56, 59
Нусупбеков А. Н. 16

Огановский Н. 84
Окун А. М. 359
Орджоникидзе Г. К. 311, 326
Остапенко И. П. 43

Панфилова А. М. 16, 23, 204, 207, 309
Пережогин М. А. 63
Першин Л. Н. 64
Петров В. П. 275
Петровская Г. П. 194
Петровский Г. И. 37, 134, 141, 261

Пик В. 27, 333, 350
Погудин В. И. 194
Подвигина Е. П. 322
Полежаева В. И. 43
Полетаев В. Е. 43
Поллит Г. 352
Поляков Ю. А. 15, 43, 64
Прокопенко Н. И. 196
Пудовкин В. 234
Пулен Ж. К. 357
Пятаков 13, 154

Рамсей В. 7
Рашин А. Г. 32, 316
Резник Я. Б. 11
Резников И. 22, 199, 206
Рогачевская Л. С. 16, 21, 37, 97, 282, 323, 346
Родзянко М. В. 56
Розенблит М. Э. 11
Роллан Р. 26, 27, 339
Романов М. М. 12, 20—22, 24, 91, 94, 141, 147, 269, 277, 289, 293
Романов Ф. А. 55
Рубач М. А. 64
Рудзутак Я. Э. 93
Рузвельт 331

Салов А. П. 42, 97, 98, 346
Самойлова К. 10, 57, 67, 69
Сапорта М. 28
Сапронов 13, 154
Сегал П. 138
Селицкий В. И. 64
Селунская В. М. 64, 196
Семашко Н. А. 93, 124
Сенявский С. Л. 43
Серебренников Г. Н. 135, 136
Серина Е. С. 94
Скобелев М. И. 57
Скобцов Л. Я. 323
Слуцкий А. Б. 16, 19
Снегирев М. А. 64
Сноуден 341
Соколова Т. 98
Сорна Ж. 28
Спектор Б. 13, 157, 158, 274
Сталин И. В. 93, 275, 311
Стаханов А. 325
Стейн 359
Стеклов В. Ю. 111
Степанов Д. А. 143
Стохницкий А. В. 322
Струмилин С. Г. 11, 13, 18, 55, 80, 155, 156, 158, 198
Суворов К. И. 15, 17, 19—23, 37, 51, 57, 73, 74, 80, 88, 97, 100, 101, 123, 124, 147, 282, 283
Сухомлинов 118
Сычева А. С. 15, 17, 20—22, 37, 147, 247, 282, 283

Тарновский К. Н.
Тельман Э. 27
Тимофеев Т. Т. 43
Толстопятов И. А. 94, 131, 147, 159, 160, 180, 256, 274
Томский М. П. 158, 274
Торез М. 27, 333
Трапезников С. П. 64, 193, 195—197, 209
Трукан Г. А. 54—56
Трухановский В. Г. 14, 15, 329, 333, 341, 343, 344, 348
Тырьяних В. П. 42, 43, 98, 104

Угланов Н. А. 158, 274, 275
Уильямсон Г. Ф. 358, 359
Уинч Д. 358

Фигурнов П. 327—330
Финаров А. П. 22, 186, 187, 323
Флеровский И. П. 275
Фостер У. 26, 327, 333, 339, 344, 351, 352
Фридман Ж. 25

Хавин А. Ф. 275
Харпер С. 29
Харрис 343
Хатт А. 341
Хатчинсон Т. В. 358
Хаус У. 341
Ходоровский И. И. 10, 69, 71

Цихон А. М. 24, 275, 276, 285, 286, 288, 296, 297, 307, 320, 336, 337

Чангли И. И. 323
Чаплин Н. 138, 140
Черемных В. Г. 323
Черномаз И. Ш. 63, 64

Шабад Т. 357
Шапиро Л. 24
Шарапов В. Ф. 64
Шарапов Г. В. 64
Шарндорф В. 24
Шарова П. Н. 196
Шатан Е. О. 11
Шацкий Л. 138
Шварцман Д. 11, 19
Шверник Н. М. 93, 300, 346, 347
Шкаратан О. И. 54, 323
Шляпников А. Г. 13, 65, 154
Шмидт В. В. 11, 42, 43, 65, 73, 79, 85, 89, 93—95, 100, 105, 109, 124, 143, 147, 158, 299
Шмидт Л. А. 42, 43
Шоу Б. 26, 339
Шуман Ф. 24, 25

Энгельс Ф. 4, 343, 344
Эрлих А. 26

Яковлев А. Ф. 47, 49

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 3

Значение темы и предмет исследования 3
Историография 10
Источники 30

Часть I. БОРЬБА С БЕЗРАБОТИЦЕЙ В ПЕРВОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ 45

Глава первая. Великая Октябрьская социалистическая революция и создание предпосылок для ликвидации безработицы в Советской стране 47

Тяжелое наследство 47
Первые мероприятия Коммунистической партии и Советской власти по борьбе с безработицей. Численность и состав безработных в первые годы Советской власти 59

Глава вторая. Безработица в годы восстановления народного хозяйства 74

Численность, источники, состав и характер безработицы в 1921—1925 гг. 74
Борьба с безработицей в восстановительный период 92
Ленинский план социалистического строительства — путь полной ликвидации безработицы в СССР 110

Глава третья. Борьба с безработицей в первые годы реконструкции народного хозяйства 116

Курс на социалистическую индустриализацию и его первые результаты 116
Материальная и трудовая помощь безработным 123
Борьба с безработицей среди молодежи 131
Численность и состав безработных в 1926—1928 гг. 141

Часть II. РЕШАЮЩИЙ ЭТАП ЛИКВИДАЦИИ БЕЗРАБОТИЦЫ В СССР 151

Глава четвертая. Первый пятилетний план развития народного хозяйства и задачи ликвидации безработицы 153

Разработка и принятие первой пятилетки. Борьба партии с оппозицией по вопросам безработицы 153
Проблема борьбы с безработицей в пятилетнем плане 161

Глава пятая. Социалистическая индустриализация — основа ликвидации безработицы в СССР 169

Развитие промышленности, строительства и транспорта в первые годы пятилетки 169
Рост численности рабочего класса. Нехватка рабочей силы в 1929—1930 гг. 173

Переход на 7-часовой рабочий день. Подготовка квалифицированных рабочих кадров 186

Глава шестая. Влияние сплошной коллективизации сельского хозяйства на ликвидацию безработицы в СССР 192

Колхозное и совхозное строительство в первые годы пятилетки. Рост занятости населения страны в связи с социалистическим преобразованием сельского хозяйства. Начало планомерной подготовки квалифицированных кадров колхозов, совхозов и МТС . 192 198

Глава седьмая. Значение культурной революции в решении проблемы ликвидации безработицы 213

Борьба за ликвидацию неграмотности, за введение всеобщего начального образования и ее роль в исчезновении безработицы среди работников просвещения 213
Подъем народного здравоохранения. Развитие массовой культурно-просветительной работы. Ликвидация безработицы среди работников медицины, культуры и искусства 224
Подготовка кадров народной интеллигенции 235

Глава восьмая. Ликвидация безработицы в СССР 245

Состояние безработицы в первом году пятилетки 245
Исчезновение безработицы в 1930 г. 261
Организационные меры Коммунистической партии и Советского правительства по обеспечению народного хозяйства рабочей силой 284

Часть III. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ЛИКВИДАЦИИ БЕЗРАБОТИЦЫ В СССР . 297

Глава девятая. Влияние исчезновения безработных на развитие советского рабочего класса 299

Улучшение материального положения и рост культурно-технического уровня рабочих 299
Изменения в формах, методах и источниках пополнения рабочего класса 306
Рост численности рабочего класса. Подъем его творческой трудовой активности. Формирование новых черт в облике советского человека 317

Глава десятая. Международное значение ликвидации безработицы в СССР 327

Рост безработицы в капиталистических странах в годы мирового экономического кризиса. Ликвидация безработицы в СССР — свидетельство преимуществ социалистического строя, его системы хозяйства 327
Резкое ухудшение положения пролетариата капиталистических стран. Влияние ликвидации безработицы в СССР на рост международного рабочего движения 340

Заключение 355

Библиография 362

Указатель использованных архивных фондов 376

Указатель имен 378

Людмила Соломоновна Рогачевская

Ликвидация безработицы в СССР
(1917—1930 гг.)

Утверждено к печати
Институтом истории СССР
Академии наук СССР

Редактор издательства *А. С. Якубовский*
Художник *А. А. Кущенко*
Художественный редактор *В. Н. Тихонов*
Технические редакторы: *Ф. М. Хенох, Т. Н. Амурова*

Сдано в набор 27/IX 1972 г. Подписано к печати 5/I 1973 г.
Формат 60 × 90¹/₁₆.
Усл. печ. л. 24. Уч.-изд. л. 27,1. Тираж 2000
Тип. зак. 1198. Бумага № 2
Т-01205. Цена *1 р. 84 к.*
Издательство «Наука», 103717 ГСП,
Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва Г-99, Шубинский пер., 10

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
187	22 св.	руппа	Группа
222	2 св.	1927/29	1927/28
306	21 св.	произошло	произошли
377	лев. кол. 15 св.	Новосибирского	Свердловского
380	прав. кол. 1 св.	Тарновский К. Н.	Тарновский К. Н. 52
380	прав. кол. 26 сн.	296, 297	295, 296